Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»

На правах рукописи

Миннуллин Бахтияр Кимович

ЯЗЫК ТАТАРСКОЙ ГАЗЕТЫ НАЧАЛА XX В.: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук,
профессор
Гарифуллин Васил Загитович

Казань – 2021

Оглавление

Введение.....3
Глава I. Язык татарской газеты как функциональная разновидность национального языка..... 18
1.1. Литературный язык и его функциональная дифференциация.....18
1.2. Соотношение понятий «публицистический стиль» и «язык газеты». Функции языка газеты.....40
1.3. Роль периодической печати начала XX века в развитии татарского литературного языка.....55
Выводы по главе I.....69
Глава II. Жанрово-стилистические и лексические особенности текстов татарских газет начала XX века.....72
2.1. Специфика жанровой дифференциации газетных текстов.....73
2.2. Структурно-композиционная и лексико-стилистическая характеристика текстов информационных жанров.....89
2.3. Структурные особенности и лексико-стилистическая ткань текстов аналитической группы.....140
2.4. Особенности структурного и речевого оформления художественно-публицистических текстов.....201
Выводы по главе II.....240
Глава III. Морфологическая характеристика текстов татарских газет начала XX века.....245
3.1.Специфика именных частей речи.....248
3.2. Особенности функционирования неличных глагольных форм.....281
3.3. Функционирование личных глагольных форм.....374
Выводы по главе III.....482
Заключение.....491
Список литературы.....507
Приложение.....540

Введение

Актуальность темы исследования. Непрерывное совершенствование, которым характеризуется общественно-политическая и культурная жизнь страны в XXI веке, ставит перед социумом, в том числе и перед научными коллективами, работающими в разных фундаментальных направлениях, новые актуальные задачи. Одной из таких задач, как в рамках современной тюркологии, так и татарского языкознания, является выявление и научное изучение материалов письменных памятников, в частности, созданных на старотатарском письменном литературном языке начала XX века. Данный хронологический отрезок в жизни татарского народа характеризуется своей особой насыщенностью, которая повлияла и на лексико-грамматическое строение татароязычных текстов, созданных в рассматриваемый период.

Татарская периодическая печать формируется в период наивысшего развития литературного языка татарского народа. В начале прошлого столетия, в период активного роста национального самосознания у татар, именно периодическая печать определяется в качестве незаменимого средства донесения информации до народных масс и в качестве орудия формирования общественного мнения. При этом, процессы, возникающие в общественно-политической жизни страны, в определенной степени формируются и регулируются именно посредством органов периодической печати и, в результате, влияют на процессы формирования языковых норм.

В таких условиях, наряду с языком художественных произведений, язык газеты становится платформой, наиболее точно отражающей ситуацию, сложившуюся на лингвистическом уровне. Так, тексты татароязычных арабографических органов периодической печати, созданные в межреволюционный период 1905 – 1917 гг., все еще характеризуются наличием определенного количества традиционных общетюркских лексико-грамматических языковых элементов, осложняются огузским компонентом, вошедшим в употребление через османско-турецкое посредство, характеризуются наличием арабо-персидской лексики, но уже активно

пополняются формами татарского народно-разговорного языка и русскоязычной лексикой.

Между тем, помимо изучения языковых особенностей текстов татарской периодической печати, существует необходимость и в исследовании их жанровой системы, что способствует воссозданию наиболее полной картины функционирования татарской периодической печати рассматриваемого периода. Через анализ системы жанров того или иного периодического издания, возникает возможность исследовать его тексты с точки зрения структурно-композиционного и лексико-стилистического строения.

При исследовании жанровой системы периодического издания, а также лингвистического, структурно-композиционного и лексико-стилистического построения его текстов, необходимо учитывать и роль различных экстралингвистических факторов. Наиболее значимыми из них являются такие факторы, как тип периодического издания, географическое расположение населенного пункта, где публиковалось периодическое издание, его хронологический период издания, издатели и редакторский состав, их идеологические взгляды, цели и задачи, тема публикуемых текстов и т.д.

Таким образом, комплексное междисциплинарное исследование газетных текстов с позиции современных достижений языкознания и журналистики, является актуальным и эффективным для системного представления принципов построения и дальнейшего развития таких текстов. Изучение функционирования жанровой системы татароязычной арабографической периодической печати начала XX века, в частности, газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», издававшихся в межреволюционный период 1905 – 1917 гг., а также структурно-композиционных, лексико-стилистических и грамматических характеристик их текстов на фоне системы экстралингвистических факторов, позволит воссоздать жанровую и

лингвистическую картину функционирования татарской газеты на начальном этапе ее формирования.

Актуальность выдвинутой проблемы также обусловлена необходимостью сравнительного исследования принципов жанрового, структурного, стилистического и лексико-грамматического построения текстов органов периодической печати, издававшихся в разных точках проживания татарского народа. Такое сравнение даст возможность определить значение места проживания представителей одного народа на формирование ими как лексико-грамматических норм, так и жанровых, стилистических и композиционных принципов построения текстов газет.

Степень разработанности темы. Комплексное научное исследование жанровой системы татарской периодической печати начала XX века, а также структурно-композиционного, лексико-стилистического и грамматического построения ее текстов в татарском языкознании проводится впервые. В целом, научные труды, затрагивающие область тематики нашего исследования, как правило, проводились по нескольким направлениям. Часть трудов нацелено на определение места языка газеты в функционировании литературных языков. Особое внимание при научной разработке текстов периодической печати уделяется исследованию лексико-грамматической и, в меньшей степени, композиционной и стилистической систем газетных текстов. Отдельное направление сформировали научные труды, нацеленные на структуризацию жанровой системы периодической печати.

Среди первых научных разработок по изучению языка периодической печати в функционально-стилистическом направлении можно назвать научные идеи Г.О. Винокура [Винокур, 1929], который был сторонником восприятия газетного языка как самостоятельного объекта изучения. Позже появились работы В.Г. Костомарова [Костомаров, 1971], Д.Н. Шмелева [Шмелев, 1977], Г.Я. Солганика [Солганик, 1981], А.В. Швец [Швец, 1971, 1984], А.Н. Васильевой [Васильева, 1982], Э.А. Лазаревой [Лазарева, 1993], Н.И. Клушиной [Клушина, 1995] и др., посвященные функционированию

языка в рамках текстов периодической печати. При этом, на рубеже 70-80-х годов выходит в свет целый ряд научных работ, посвященных изучению языка периодической печати. Хотя в работах И.Р. Гальперина [Гальперин, 1981], М.П. Брандеса [Брандес, 1971], М.Н. Кожиной [Кожина, 1977], В.В. Одинцова [Одинцов, 1980] и др. рассматриваются общие вопросы лингвистики текста, газетные тексты в них также используются в качестве объекта исследования.

В тюркологии следует выделить работы А. Ахабаева [Ахабаев, 1971], Дж.А. Мамедова [Мамедов, 1973], С.В. Исаева [Исаев, 1974], В.П. Семенова [Семенов, 1982], Б.А. Абилхасимова [Абилхасимов, 1983], Ю.Д. Каражаева [Каражаев, 1984], Г. Артыкова [Артыков, 1986], М.К. Айымбетова [Айымбетов, 1991], О. Токгёза [Tokgöz, 2000], Р. Бюльбюля [Bülbül, 2001], А. Гиргина [Girgin, 2003] и др.

В рамках татарского языкознания, еще во второй четверти XX века в своем труде Г.Х. Алпаров [Алпаров, 1931] высказывает мнение о необходимости рассмотрения газетных текстов в качестве самостоятельной сферы функционирования языка. Однако в полном смысле функционально-стилистический подход входит в научное употребление в татарской филологии лишь во второй половине прошлого столетия в работах А.Г. Ишмуратова [Ишмуратов, 1956], В.Х. Хакова [Хаков, 1961, 1961, 1963, 1965, 1972, 1979, 1985, 1993] и И.М. Низамова [Низамов, 1981, 1995, 1996]. В перечисленных трудах В.Х. Хакову удается провести глубокий научный анализ публицистического стиля татарского литературного языка, в результате которого ученый приходит к мнению о важности газетных текстов в становлении и развитии татарского литературного языка. Кроме того, вопросы, касающиеся лексического и грамматического строя текстов татарской периодической печати были исследованы в работах С.М. Ибрагимова [Ибрагимов, 1964, 1971], В.Н. Хангильдина [Хангилдин, 1976], Р.С. Абдуллиной [Абдуллина, 1997]. Также следует выделить научные труды В.З. Гарифуллина [Гарифуллин, 1989, 1998], где особенности

функционирования татарского языка исследуются исходя из своеобразия организации текста в зависимости от газетного жанра. Из последних научных трудов, посвященных изучению языковых особенностей татарской периодической печати начала XX века можно отметить работы Л.И. Гимадеевой [Гыймадиева, 2000], М.А. Аскарова [Аскаров, 2004], Ф.М. Мухаметшина [Мухаметшин, 2007], Р.М. Хуснетдинова [Хуснетдинов, 2011], Б.К. Миннуллина [Миннуллин, 2012, 2019] и др.

Среди наиболее авторитетных в плане научной разработки проблем жанрообразования считаются труды М.С. Черепахова [Черепахов, 1973], В.Д. Пельта [Пельт, 1980], В.В. Ученовой [Ученова, 1983], А.А. Тертычного [Тертычный, 2000], С.М. Гуревича [Гуревич, 2004], А.К. Бобкова [Бобков, 2005] и др. В начале 90-х годов прошлого столетия в своем труде Е.И. Пронин [Пронин, 1990] предлагает своеобразный подход в вопросе жанрового разделения газетных текстов. По его мнению, жанры следует сопоставлять по двум основным параметрам – это предметный подход к отображению реального процесса социальной практики (контакты, реалии, решения, позиции, абсурды, шедевры, мнения, эффекты) и уровень осмысления предмета отображения (ориентирование, символизация, оповещение, коррекция).

А.А. Тертычный [Тертычный, 2000] разделяет публицистические жанры на три основные группы: информационные, аналитические и художественно-публицистические. В группу информационных жанров ученый включает такие виды, как заметка, репортаж, интервью, вопрос-ответ, анонс и т.д., которые характеризуются точностью и краткостью подачи информации и сообщают общественности о наиболее значимых событиях той или иной сферы человеческой жизнедеятельнсоти. В группе аналитических жанров автором концепции выделены аналитическая корреспонденция, аналитическое интервью, комментарий, рецензия, обозрение, статья и т.д., задачей которых является анализ тех или иных ситуаций или явлений. К художественно-публицистическим жанрам А.А.

Тертычный относит такие жанры, как очерк, фельетон, памфлет, пародия, сатирический комментарий, эпитафия и шутка, которые являются результатом образного отражения действительности.

А.К. Бобков [Бобков, 2005], говоря о жанрах современной газетной публицистики, также разделяет их на три группы. В первую группу информационных жанров он относит оперативные жанры, сообщающие новость или событие и относит в данную группу заметку, отчет, интервью и репортаж. К аналитическим жанрам автор относит такие жанры, как факт и комментарий, корреспонденция, статья, обзор печати и СМИ, обозрение, письмо, журналистское расследование. По мнению А.К. Бобкова, газетные тексты, относящиеся к аналитическим жанрам, изучают какую-либо важную проблему и дают подробный анализ той или иной ситуации развития общества. В аналитических жанрах факты являются основанием, фундаментом для будущего материала газетной публицистики. При этом каждый жанр имеет свои особенности, свою специфику, свои отличительные черты. К художественно-публицистическим жанрам исследователь относит зарисовку, очерк, фельетон, памфлет, пародию, эпиграмму и эссе.

С.М. Гуревич [Гуревич, 2004] разделяет семь жанровых групп. В группу жанров новостной информации он относит заметку, отчет и репортаж; в группу диалогических жанров включает интервью, диалог и беседу; к ситуативно-аналитическим жанрам относит комментарий, корреспонденцию, статью, обзор СМИ и обозрение; эпистолярные жанры обусловлены наличием жанра письмо; к художественно-публицистическим жанрам автор относит зарисовку и очерк; к сатирическим жанрам – фельетон, памфлет, пародию, эпиграмму и эссе. Кроме того, С.М. Гуревич выделяет еще одну большую жанровую группу газетных текстов – жанровые формы публикаций других типов, куда он относит разного рода документальные и официальные материалы, статистические данные, литературно-художественные материалы, развлекательные публикации, справочные материалы, рекламные публикации и частные объявления.

Особое внимание следует обратить концепции жанровой дифференциации публицистических текстов, предложенной Г.В. Лазутиной и С.С. Распоповой [Лазутина, Распопова, 2011]. При классификации жанров, исследователи за основу берут два критерия – предмет отображения и потребности общества, а понятие «жанр» соотносят не с текстом, а с целостным представлением о творческой деятельности. В результате, авторы разделяют следующие жанровые группы: новостная журналистика (новостная заметка, критическая заметка, репортаж), проблемно-аналитическая журналистика (обозрение, комментарий, корреспонденция, статья), очерковая журналистика (житейская история, зарисовка), смеховая журналистика (фельетон, сатирическая заметка, шутка, байка, розыгрыш), культурно-просветительская журналистика (рецензия, научно-популярная статья) и интерактивная журналистика (обзор писем, вопрос-ответ, интервью, беседа, круглый стол, ток-шоу).

Один из ведущих специалистов в области изучения истории и теории татарской журналистики, а также лингвостилистической системы татарского газетного текста В.З. Гарифуллин [Гарифуллин, 2014], рассматривая вопрос дифференциации жанров периодической печати, в своей научной работе также является сторонником разделения текстов на три основные группы. Он выделяет информационные, аналитические и художественно-публицистические группы жанров. В то же время, в татарской журналистике существуют и иные мнения. К примеру, И.М. Низамов [Низамов, 1996] в своем труде разделяет тексты периодической печати только на две жанровые группы: информационного и описательного характера.

Целью настоящего диссертационного исследования является научная разработка текстов старотатарской арабографической периодической печати начала XX века на примере текстов газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», направленная на определение жанровой системы татарской газеты рассматриваемого периода, а также структурно-композиционного, лексико-стилистического и грамматического построения ее текстов.

Поставленная цель предопределяет решение ряда частных **задач**:

– определить условия функционирования литературного языка, в частности, татарского литературного языка и его функциональных стилей, основываясь на научные труды отечественных языковедов и представителей татарского языкознания;

– изучить проблему соотношения понятий «публицистический стиль» и «язык газеты»;

– описать общественно-политическую и культурную ситуацию среди татар в начале XX века и установить причины, приведшие к началу процесса формирования татарской периодической печати;

– определить роль татарской периодической печати начала XX века в развитии татарского литературного языка;

– выявить специфику жанровой дифференциации газетных текстов и на примере текстов газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» определить жанровую систему татарской газеты начала XX века;

– изучить особенности структурно-композиционного и лексико-стилистического построения текстов газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», относящихся к информационным, аналитическим и художественно-публицистическим жанрам;

– изучить функционирование имени существительного, неличных и личных глагольных форм в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш».

Объектом диссертационного исследования являются тексты газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш». Из многочисленных татарских газет, издававшихся в межреволюционный период 1905 – 1917 гг., мы решили остановить свой выбор на указанных органах периодической печати по ряду объективных причин. В первую очередь, используемые в данной исследовательской работе материалы органов периодической печати прежде не должны были являться предметом специальных лингвистических исследований. Также важным условием при выборе газет стал

хронологический аспект – орган периодической печати должен был издаваться не менее пяти лет в период с 1905 по 1917 гг. Кроме того, указанные газеты издавались в разных точках России, а именно, соответственно, в Астрахани, Оренбурге и Казани, что не могло не повлиять на идеологический, политический, а также лингвистический характер их содержания.

Предметом исследования является жанровая, структурно-композиционная, лексико-стилистическая и грамматическая системы текстов газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш».

Материалом исследования послужили около 250 номеров газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», издававшиеся в межреволюционный период 1905 – 1917 гг., соответственно, в Астрахани, Оренбурге и Казани.

Научная новизна настоящего диссертационного исследования заключается в том, что впервые в татарском языкознании язык газеты исследуется в качестве самостоятельного сложного функционально-стилевого единства. Кроме того, работа представляет собой первый опыт монографического, системно-комплексного исследования жанрового, структурно-композиционного, лексико-стилистического и грамматического построения текстов татарской периодической печати начала XX века. В ней системно введен в научный оборот и комплексно исследован новый фактический материал, основанный на текстах неизученных прежде газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш».

Теоретической основой при разработке методологии настоящего исследования в рамках вопроса изучения функционирования литературного языка и его функциональных стилей были использованы работы советских и российских языковедов Ю.С. Сорокина [Сорокин, 1954], В.В. Виноградова [Виноградов, 1955, 1963, 1978, 1982], Л.В. Щербы [Щерба, 1957], И.Р. Гальперина [Гальперин, 1958, 1981], Г.Н. Поспелова [Поспелов, 1961], А.Н. Васильевой [Васильева, 1976], М.Н. Кожиной [Кожина, 1977, 2008], Д.Н. Шмелева [Шмелев, 1977], В.Д. Бондалетова [Бондалетов, 1982], Колтуновой

[Колтунова, 2000] и др., а также труды представителей татарского языкознания Х.Р. Курбатова [Курбатов, 1971], В.Х. Хакова [Хаков, 1972, 1999, 2003], С.М. Ибрагимова [Ибраһимов, 1989], И.Б. Башировой [Бәширова, 1999, 2005] и др.

В рамках изучения проблемы соотношения понятий «публицистический стиль» и «язык газеты», а также при осуществлении научного анализа жанровой дифференциации газетных текстов, теоретической основой послужили научные труды Д.Э. Розенталя [Розенталь, 1980], И.М. Низамова [Низамов, 1981, 1995, 1996], А.Н. Васильевой [Васильева, 1982], И.Р. Гальперина [Гальперин, 1982], В.Д. Бондалетова [Бондалетов, 1982], В.Д. Пельта [Пельт, 1984], В.З. Гарифуллина [Гарифуллин, 1998, 2007, 2014], А.А. Тертычного [Тертычный, 2000, 2017], Д.В. Туманова [Туманов, 2002], С.М. Гуревича [Гуревич, 2004], А.К. Бобкова [Бобков, 2005], В.В. Одинцова [Одинцов, 2007], М.Н. Кожиной [Кожина, 2008], Т.Г. Добросклонской [Добросклонская, 2008], О.Н. Григорьевой [Григорьева, 2008], Г.В. Лазутиной и С.С. Распоповой [Лазутина, 2011], М.Ю. Казак [Казак, 2012], Г.Я. Солганика [Язык СМИ…, 2012, с. 12] и др.

В качестве теоретической основы при научной разработке морфологической системы текстов газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» были использованы такие академические труды, как «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология» [Исслед. по срав. грам., 1956], «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология» [Сравнит.-истор. грам., 1988], «Татарская грамматика» [Тат. грам., 1997, с. 41], «Татар грамматикасы» [Татар грамматикасы, 2016], «Татар лексикологиясе» [Татар лексикологиясе, 2016], «Татар әдәби теле тарихы (XIII – XX йөз башы)» [Татар әдәби теле..., 2017], «Сопоставительная грамматика русского и татарского языков. Морфология» [Сопоставительная грамматика…, 2017], а также труды таких ученых-языковедов, как А.Н. Кононов [Кононов, 1941, 1956], А.М. Щербак [Щербак, 1961], Н.З. Гаджиева [Гаджиева, 1963, 1975], Э.А. Грунина [Грунина, 1963, 1966, 1991], Б.А.

Серебренников [Серебренников, 1963], В.Н. Насилов [Насилов, 1963], Э.Н. Наджип [Наджип, 1965], М.М. Негматуллов [Негматуллов, 1983], Ф.Ю. Юсупов [Юсупов, 1986, 2004], И.Б. Баширова [Бәширова, 1999, 2008], Э.Р. Тенишев [Тенишев, 2006, 2006, 2011] и др.

Методология и методы исследования настоящей диссертационной работы подразумевают обращение к достижениям советского, российского, в частности, татарского языкознания в области синхронического и диахронического метода исследования языков. При этом, отличительной стороной работы в плане использования принципов той или иной методологии, является необходимость комплексного употребления различных приемов и методов исследования.

При детальном и системном изучении научных трудов теоретического характера, направленных на исследование условий функционирования литературного языка, в частности, татарского литературного языка и его функциональных стилей, на изучение проблем соотношения понятий «публицистический стиль» и «язык газеты», а также при описании общественно-политической и культурной ситуации среди татар в начале XX века, был использован описательно-аналитический метод.

Изучение вопросов функционирования жанровой системы газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», научное исследование структурно-композиционного и лексико-стилистического построения текстов газет, относящихся к разным жанровым группам, было основано на методах и приемах статистического анализа и лингвистического описания, также был использован метод сплошной выборки языкового материала.

При научной разработке морфологической системы текстов газет мы обратились к методам лингвистического описания, генетического отождествления установленных фактов, а также к методам сравнительно-исторического, сравнительно-сопоставительного и статистического анализа. Кроме того, в ходе работы с фактическим материалом мы брали во внимание наличие многочисленных экстралингвистических факторов формирования

газетных текстов, учитывали имеющуюся связь между становлением и развитием языка и его носителей, а также социально ориентированный характер языка газеты.

Теоретическая значимость исследования. Результаты настоящего диссертационного исследования вносят значительный вклад в изучение истории татарского литературного языка. Автором выработана и предложена методика комплексного исследвания жанровой, структурно-композиционной, лексико-стилистической и грамматической систем арабографической татароязычной периодической печати начала XX века. В научный оборот вводится новый языковой материал на основе около 250 номеров газет, каждый из которых состоит из целого ряда текстов ранее не изученных органов татарской периодической печати рассматриваемого периода. Также результаты данной научной работы имеют важное значение в вопросе определения места языка татарской периодической печати начала XX века в процессах формирования современного татарского национального литературного языка.

Практическая значимость. Исследовательский инструмент, выработанный в рамках диссертации, может быть использован в дальнейшем при научном анализе жанрового, структурно-композиционного, лексико-стилистического и грамматического построения текстов периодической печати. Положения и выводы диссертационной работы могут быть использованы в научных трудах по истории татарского литературного языка, исторической грамматике. Кроме того, результаты настоящего исследования могут быть использованы в вузовской преподавательской практике в ходе изучения истории татарского литературного языка, либо истории формирования и развития языка татарской периодической печати и ее жанровой системы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Язык газеты является самостоятельным функционально-стилевым единством, находящимся под постоянным влиянием социокультурных

условий. Реагируя на любые изменения в общественно-политической жизни, язык газеты характеризуется тематической универсальностью и стилистической многофункциональностю, в результате чего в нем функционируют как элементы письменного, так и народно-разговорного языка.

2. Общественно-политические и экономические изменения, имевшие место во внутренней политике российского государства в начале XX века, приводят к росту национального самосознания у народов, проживающих на территории Российской империи, в том числе и у татар. Рост национального самосознания становится причиной формирования у татар и национальной периодической печати. При этом, в плане развития старотатарского письменного литературного языка и его дальнейшего преобразования в татарский национальный литературный язык рассматриваемый период определяется в качестве одной из наиболее ключевых временных точек.

3. В первое десятилетие XX века татарский национальный литературный язык формируется, наряду с текстами литературных произведений, в том числе и на страницах татарской периодической печати. Язык газеты выполняет функцию усредненного языка нации, посредством и на основе которого у адресата формируется как восприятие политики, идеологии, искусства, литературы, и т.д., так и языковые нормы.

4. Тексты газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» являются показателем функционирования татароязычной арабографической периодической печати начала XX века в рамках сформировавшейся единой жанровой системы, состоящей из информационных, аналитических и художественно-публицистических жанров. Несмотря на наличие сформировавшейся к концу первого десятилетия XX века единой жанровой системы татарской периодической печати, система жанров газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» характеризуется наличием ряда индивидуальных характерных особенностей.

5. В зависимости от жанра, функционального назначения и тематической принадлежности, исследованные нами тексты характеризуются наличием структурно-композиционной и лексико-стилистической вариативности. При этом, тексты газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», относящиеся к одному и тому же жанру, как правило, не противопоставляются друг другу в плане реализации структурно-композиционной и лексико-стилистической составляющих.

6. В грамматическом плане тексты газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» отражают состояние морфологической системы старотатарского письменного литературного языка, функционирующего в рассматриваемый период. Наличием морфологической структуры, наиболее близкой к современному состоянию татарского литературного языка, характеризуются тексты газеты «Кояш». Часть текстов, опубликованных в газетах, оформлена на огузированном варианте старотатарского письменного литературного языка начала XX века. Такие тексты характеризуются наличием в своем составе определенной доли языковых элементов, присущих огузским языкам. Грамматические показатели огузского типа наиболее активны в текстах газеты «Борхане таракки».

7. В составе именных частей речи элементы, характерные для огузских языков, наиболее активно обнаруживаются в грамматической системе имен существительных. Наиболее отчетливо присутствие в текстах исследованных нами газет огузских грамматических элементов иллюстрирует функционирование неличных и личных глагольных форм.

Апробация работы. Основные положения и результаты настоящего диссертационного исследования отражены в 2 монографиях (31,55 п.л.) и 47 научных статьях (15 п.л.), 16 из которых опубликованы в научных рецензируемых журналах, включенных в Перечень изданий, рекомендуемых ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Отдельные проблемы, затрагиваемые в диссертационном исследовании, были неоднократно изложены на международных и

всероссийских научно-практических конференциях: «Язык и литература в поликультурном пространстве» (Бирск, 18-19 февраля 2009 г.); «Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы» (Казань, 18-20 июня 2009 г.); «Язык, культура, общество» (Москва, 24-27 сентября 2009 г.); «Uluslararası Tatar Türkçesi araştırmaları bilgi şöleni» (Турция, Эскишехир, 12-14 октября 2009 г.); «"Урал-батыр" и духовное наследие народов мира» (Уфа, 30 ноября 2010 г.); «Словообразование в тюркских языках: исследования и проблемы» (Казань, 20-21 сентября 2010 г.); «Наука XXI века. Проблемы филологии и искусствоведения» (Казань, 2011, 2012, 2013, 2014 гг.); «В.В. Радлов и духовная культура тюркских народов» (Казань, 21 марта 2012 г.); «Образование и наука XXI века» (Болгария, София, 17-25 октября 2012 г.); «Түркі дүниесі: рухани мұра және бүгінгі мәдениет» (Казахстан, Астана, 30 октября 2014 г.); «Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы» (Казань, 2016, 2017 гг.); «Традиционная культура тюркских народов в изменяющемся мире» (12-15 апреля 2017 г.); «Восток – Запад: литература и художественная культура» (Казань, 2016, 2017, 2020 гг.) и др.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. При подаче фактического материала, в целях недопущения увеличения объема исследования, мы решили отказаться от включения в текст диссертации оригинального текста на арабской графике и передать его транслитерацию посредством общепринятой в тюркологии международной системы графических знаков на основе латинского алфавита, с которой можно ознакомиться в приложении.

Глава I. Язык татарской газеты как функциональная разновидность национального языка

1.1. Литературный язык и его функциональная дифференциация

Зарождение и становление литературного языка является сложным процессом, протекающим на протяжении длительного отрезка времени. На начальных этапах формирования собственного литературного языка, их носители могли прибегать к использованию языка чужих народов. Например, иранские и тюркские народы использовали классический арабский язык, японцы и корейцы – классический китайский, германские и западнославянские народы – латинский, в Прибалтике и Чехии в употреблении был немецкий язык [Будагов, 1973, с. 521]. Русский народ до XVIII века использовал церковнославянский, развивавшийся на основе старославянского языка.

Истоки старотатарского литературного языка относятся к VII – XIII вв. и подразумевают условное разделение на древнетюркский и среднетюркский пеириоды. Древнетюркский период (VII – XI вв.) включает в себя рунический литературный и древнеуйгурский литературный язык, а среднетюркский (XI – XVIII вв.) – караханидоско-уйгурский, золотоордынский, чагатайский и малые формы литературных языков – сельджукский, кыпчакский, булгарский [Тенишев, 2006, кн. 1, с. 281].

Татарский литературный язык, на пути своего становления, в зависимости от общественно-политической ситуации, в частности, по причине потери независимой государственности, подвергался сильному влиянию чагатайского, староосманского и русского языков. В результате, в разное время татарский, а ранее старотатарский литературный язык был перенасыщен арабскими, персидскими, османско-турецкими, и русскими грамматическими и лексическими формами.

Следует отметить, что литературный язык формируется у того или иного народа вслед за возникновением у него письменности. На

определенных этапах развития общества термин «литературный язык» использовался при обозначении непорседственно языка письменной литературы. Следовательно, литературный язык в донациональный период воспринимался больше как книжный язык, т.е. в качестве противовеса разговорной речи и диалектам [Хаков, 1972, с. 5]. Со временем, термин «литературный язык» начинает больше применяться в качестве обозначения единой языковой нормы. Так, Э.Р. Тенишев под литературным языком понимает одну из форм существования языка, которая противопоставляется городским койне и территориальным диалектам. При этом, литературный язык является наивысшей и наиболее престижной формой развития языка, а ее основные признаки – это обработанность, наддиалектность и наличие языковых традиций [Тенишев, 2006, кн. 2, с. 266].

В разное время проблемы научной разработки литературного языка были описаны в трудах Р.А. Будагова [Будагов, 1967], В.В. Виноградова [Виноградов, 1978], Н.А. Мещерского [Мещерский, 1981], А.И. Горшкова [Горшков, 1983], Е.Г. Ковалевской [Ковалевская, 1992], Л. Ферм [Ферм, 1994], Ю.А. Бельчикова [Бельчиков, 2003], В.Г. Костомарова [Костомаров, 2005] и т.д. В татарском языкознании вопросы образования и развития татарского литературного языка освещены в трудах В.Х. Хакова [Хаков, 1972], Ф.С. Фасеева [Фасеев, 1982], Ф.М. Хисамовой [Хисамова, 1999], И.Б. Башировой [Бәширова, 1999, 2008, 2010], Ф.Ш. Нуриевой [Нуриева, 1999, 2004], Х.Х. Кузьминой [Кузьмина, 2001], Э.Х. Кадировой [Кадирова, 2001], Р.Ф. Мирхаева [Мирхаев, 2003], Э.Р. Тенишева [Тенишев, 2006], А.Ш. Юсуповой [Юсупова, 2008] и др.

Сегодня среди лингвистов существуют некоторые расхождения в восприятии литературного языка. Часть исследователей представляет литературный язык не как комплекс унифицированных норм для пользователей данным языком, а рассматривает, разделяя его, например, на письменно-литературный язык, разговорно-литературный язык, язык художественной литературы и т.д. При всех имеющихся различиях в

понимании этого явления, литературный язык – это языковая реальность, которую не подвергает сомнению ни один ученый. Литературный язык является средством развития общественной жизни, материального и духовного прогресса того или иного народа, средством воспитания народа и приобщения его к достижениям национальной культуры, науки и техники.

В «Словаре социолингвистических терминов» говорится, что литературный язык – это основная наддиалектная форма существования языка, характеризующаяся большей или меньшей обработанностью, полифункциональностью, стилистической дифференциацией и тенденцией к регламентации [Словарь…, 2006, с. 108]. По мнению известного литературоведа и лингвиста В.В. Виноградова, «литературный язык – это общий язык письменности того или иного народа, а иногда нескольких народов – язык официально-деловых документов, школьного обучения, письменно-бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме, чаще письменной, но иногда и в устной» [Виноградов, 1978, с. 288]. Исходя из указанных особенностей литературный язык разделяют на письменно-книжную и устно-разговорную формы. К примеру, говоря о татарском письменном литературном языке в сравнении с его разговорной формой, приходится подчеркивать наличие в нем большого количества арабо-персидских и общетюркских лексических форм, а также графо-фонетических особенностей их написания. Однако и письменная и разговорная формы языка играют одинаково важную роль в развитии и обогащении литературного языка в целом. Так, в разговорной форме татарского литературного языка преобладают кыпчакские и булгарские языковые элементы, а в письменной форме – общетюркские, огузские и чагатайские языковые формы.

Одним из основных условий функционирования литературного языка, наряду с наличием письменности и нормированности языка, является его стилистическое многообразие. По мнению В.Х. Хакова, наличие

функциональных стилей, является едва ли не самым основным фактором развития и процесса нормирования того или иного языка [Хаков, 1972, с. 110].

Функциональные стили языка, или функционально-стилистическая дифференциация языка – это разновидности языка, обусловленные его использованием в разных сферах жизнедеятельности человека и ставящие перед собой коммуникативные цели, соответствующие выбранной сфере [Словарь…, 2006, с. 238]. В языкознании наиболее общепринятыми являются формулировки понятия «стиль», базирующиеся на определении В.В. Виноградова. По его мнению, функциональный стиль – это «общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов, 1955, с. 73]. Исходя из мысли о первичности содержания, функциональная стилистика рассматривает стиль как содержательную форму. Стили формируются в языке с учетом специфики содержательной стороны каждой сферы общения, связанной с определенным видом деятельности, и разрабатываются на практике те комплексы форм и функций, которые служат для выражения наиболее полного в данной сфере содержания.

Издавна люди признавали наличие в языке нескольких вариантов речевой передачи информации. На начальном этапе развития учений о стилях языка, ученые больше делали упор на философский, часто общий и приблизительный характер анализа и выводов, а сама дисциплина (стилистика) носила учебный характер, т.е. человек обучался тому, как и посредством каких стилистических средств следует строить речь в той или иной ситуации. Причем слово «стиль» тогда обозначало манеру говорить или писать. Изначально разделяли только поэтический и бытовой язык. Далее, по

одной из теорий, язык имел деление на два типа речи: письменную и устную. Устный тип речи в свою очередь подразделялся на три стиля: низкий – для поучений и наставлений, средний – для разговоров и высокий – для оказания воздействия на слушателя [Античные теории, 1936, с. 10-12].

Однако уже к XVIII-XIX вв. учеными-лингвистами была проделана большая работа в плане разработки стилистических возможностей языковых элементов и классификации стилистических приемов. Особенно большое значение имела Ломоносовская теория трех языковых стилей. В «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1758 г.) он сформулировал три проблемы, определяющие состояние русского языка в тот период: проблему сосуществования в литературном языке церковнославянских «обветшалых» слов и оборотов и элементов книжной культуры и просторечия, проблему разграничения литературных стилей, проблему классификации литературных жанров.

По мнению М.Ю. Ломоносова, слова, использующиеся в русском литературном языке, можно разделить на три группы: слова, которые одинаково употребляются и у древних славян и у русских того времени; слова, которые понятны грамотным людям, но употребляются редко; слова, которых нет в церковных книгах и употребляются только в живом разговорном языке. Исходя из разделения лексики русского литературного языка того времени, М.Ю. Ломоносов излагает теорию трёх стилей и выделяет следующие стили: высокий (язык оды или героической поэмы), посредственный (средний) (язык театрального сочинения, элегии, сатиры, стихотворения, дружеского письма, описания исторических событий, и язык научных сочинений) и низкий (язык эпиграммы, дружеского послания, описания обыкновенных дел и язык комедии) [Кожина, 1977, с. 20].

Несмотря на то, что важность научной разработки стилистики становится очевидным еще в начале XX века, как научная дисциплина она берет свое начало лишь в конце первой четверти прошлого столетия. В России над данным лингвистическим направлением, работают И.А. Бодуэн

де Куртенэ, Е.Д. Поливанов, М.М. Бахтин, Л.П. Якубинский и т.д. Однако изучение языка с точки зрения его функционально-стилистических особенностей было начато лишь в середине 50-х годов прошлого века. Научные изыскания и дискуссии в области стилистики языка позволили наиболее четко определить значение функциональной стилистики, как «лингвистической науки, изучающей закономерности функционирования языка в различных разновидностях речи, соответствующих тем или иным сферам человеческой деятельности и общения, а также речевую системность складывающихся при этом функциональных стилей, и иных функционально-стилевых разновидностей, нормы отбора и сочетания в них языковых средств» [Кожина и др., 2008, 39].

В 50-60 гг. XX века на смену традиционной стилистике, развивавшейся в двух направлениях: нормативном (практическая стилистика, культура речи) и литературном (изучение языка художественной литературы), приходит стилистика функциональная, основу которой составляют стилистические исследования А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова. Дальнейшее развитие функциональная стилистика получила в работах М.Н. Кожиной, А.Н. Васильевой, О.Б. Сиротининой, М.Н. Шмелева, Т.Г. Винокур и др. На передний план выдвигается задача объективного исследования естественного функционирования речи, различных ее типов и разновидностей. Опираясь на фонологию, орфоэпию, лексикологию и грамматику, стилистика определяет, насколько средства языка, соответствующие его нормам, отвечают целям и сфере общения. Речевые нормы устанавливаются при этом дифференцированно для каждого стиля и определяются на базе изучения речевого материала, реализующего именно этот стиль.

Так, в середине XX века была сформулирована классификация, которая подразумевала функционирование в языке шести стилей [Виноградов, 1963, с. 5-93]. В зависимости от выполняемых функций, были выделены следующие стили: обиходно-бытовой, обиходно-деловой, официально-

документальный, научный, газетно-публицистический и художественный. Следует отметить, что данная классификация считается наиболее четко отражающей все функционально-стилистическое многообразие языка, однако принимается за эталон далеко не всеми учеными. Одни предлагают исключить из классификации функциональных стилей языка художественный стиль. Другие являются сторонниками исключения из списка публицистического стиля, подчеркивая его чрезмерную многогранность и размышляя над тем, к какому стилю отнести тексты газет и журналов, которые часто несут в себе признаки и остальных функциональных стилей. Некоторые ученые-языковеды являются сторонниками более подробного разделения функциональных стилей, дробя каждый стиль на подстили. Ощущается назревшая необходимость обсуждения нерешенных и спорных вопросов в стилистике. Выходом из ситуации могла послужить дискуссия на страницах журнала «Вопросы языкознания», инициированная Ю.С. Сорокиным и длившаяся в течение всего 1954 года. В 1955 году В.В. Виноградов в своей статье «Итоги обсуждения вопросов стилистики» подвел итог данной научной дискуссии, впрочем, лишь подчеркнув, что дискуссия не решила все обсуждаемые проблемы, однако поставила много вопросов [Виноградов, 1955, с. 87].

В вышеупомянутой научной дискуссии приняли участие все ведущие ученые-лингвисты того времени, среди которых, кроме В.В. Виноградова и Ю.С. Сорокина, можно назвать имена Г.В. Степанова, Р.А. Будагова, И.Р. Гальперина, В.Д. Левина и др. Как видно, такое обсуждение проблем стилистики имело большое значение для ее развития в качестве самостоятельного направления в лингвистике. Так, В.В. Виноградов дал определение термину «стиль», были поставлены проблемы историзма стиля, многообразия и взаимодействия стилей, а также дискуссия заставила заговорить о новых направлениях в стилистике, в том числе о функциональной стилистике.

Некоторые ученые, пытаясь еще более четко разграничить функционально-стилистическое деление языка, нежели это удалось В.В. Виноградову, предлагают иные варианты классификации. Например, И.Р. Гальперин, говоря о функциональных стилях, рассматривает публицистический стиль, разделив его на две группы – газетный и публицистический [Гальперин, 1958, с. 383]. Причем, в газетном стиле он выделяет газетную статью (передовые статьи, критические статьи, фельетоны, обзоры) и газетное сообщение. В публицистическом стиле И.Р. Гальперин выделяет язык журнальных статей, эссе и стиль ораторской речи. В данном случае его классификация выглядит более полной и подробной, однако автор скорее ведет речь не о газетно-публицистическом стиле в целом, а разделяет его на подстили, основываясь на жанры, т.е. его классификация имеет ярко выраженный жанровый принцип.

В данном случае приходится говорить о том, что ни одна из предложенных классификаций не отличается своей неоспоримостью. С одной стороны эти классификации могут отличаться друг от друга кардинально разными подходами, разделением на подстили, с другой, сложно в принципе провести между некоторыми конкретными классификациями какую-то грань, так как иногда работы авторов включают в себя несколько точек зрений на стиль и его разделение. Стоит отметить, что постоянный взаимообмен языковыми средствами приводит к формированию разрозненности и разнообразию некоторых типов текстов. Бесспорно одно, основным фактором в разграничении текстов в стилевом формате, является наличие их характерных особенностей. Далее рассмотрим наиболее объективные подходы деления на стили, известные в языкознании.

По мнению В.Д. Бондалетова, функциональный стиль – явление двустороннего порядка. Он порожден общественной практикой, особыми задачами и целями коммуникации в конкретной сфере жизнедеятельности человека, однако его сущность – лингвистическая [Бондалетов и др., 1982, с. 22]. Таким образом, в силу двойственной природы, классификация

функциональных стилей обычно имеет два основания – экстралингвистическое и лингвистическое. Часть ученых-лингвистов при классификации функциональных стилей, в первую очередь обращают внимание на сферу общения, типовые особенности содержания общения, форму общественного сознания, тип мышления и т.д. Другая часть также не отрицает важность экстралингвистических факторов, все же исходят из лингвистических показателей: набор стилистически окрашенных средств, типичные стилевые черты и т.д.

Часть языковедов определяет стиль как систему норм. Например, по мнению В.В. Виноградова, литературный стиль – это система присущих общественной группе или отдельной литературной личности норм словесного выражения и норм литературного вкуса [Виноградов 1982, с. 12-13]. Д.Н. Шмелев придерживался мнения, что наше представление о стиле существует как представление об определенной системе норм, от которых, как от всех норм, владея ими, можно отступать [Шмелев 1977, с. 46].

Сторонники соотношения стиля со стилистическими средствами считают, что любой стилистический элемент должен считаться характерной особенностью того или иного стиля. Например, Л.В. Щерба (1957) в противовес художественному стилю ставит стиль деловой, а А.Н. Гвоздев (1965) объединяет в одну группу деловой и научный стили.

В целом, в русском языкознании признается наличие от трех до семи функциональных стилей [Андреев, 1967, с. 128; Рахманин, 1997, с. 10]. Имеющиеся классификации включают в себя стили, которые часто имеют и разные названия, в зависимости от определения авторами характерных признаков и функциональных областей применения тех или иных стилей.

Как было отмечено нами выше, функционально-стилистическая классификация языка, предложенная В.В. Виноградовым, подразумевает наличие в литературном языке шести стилей. Однако обиходно-деловой и официально-документальный стили, рассматриваемые Виноградовым как независимые друг от друга, на сегодняшний день принято объединять в

единую стилистическую группу – официально-деловой стиль [Гальперин, 1981; Кожина, 1987]. Таким образом, сегодня система функциональных стилей большинства развитых языков, в том числе русского и татарского языков, состоит из пяти стилистичеких групп [Гальперин, 1981; Кожина 1981; Ризель, 1987]. В то же время, в русском языкознании кроме перечисленных пяти функциональных стилей, уместно говорить и о шестом стиле – церковно-религиозном [Кожина и др., 2008, с. 285]. Похожий функциональный стиль, обозначенный как «религиозно-дидактический», характерен и для татарского литературного языка [Баширова, 2005, с. 20-25].

Остановимся на характеристике основных функциональных стилей. *Разговорный стиль* или как его еще называют, *разговорно-обиходный стиль*, обслуживает обиходную деятельность человека. В нем преобладает функция общения, т.е. автор делится с окружающими своими мыслями или чувствами, обменивается информацией по бытовым вопросам в неофициальной обстановке. В нем часто используется разговорная и просторечная лексика. Разговорный стиль чаще всего реализуется при помощи диалога, в котором отсутствует предварительный отбор языкового материала, в то же время допускается существование рассматриваемого стиля и в форме устного монолога. Наиболее распространенными средствами разговорного стиля являются эмоциональность, выразительность разговорной лексики, слова с суффиксами субъективной оценки; употребление неполных предложений, вводных слов, слов-обращений, междометия, модальные частицы, повторы и т.д. Разговорная речь обычно функционирует в таких жанрах, как диалог, личные письма, личные записки, телефонный разговор.

По мнению М.Н. Кожиной, одним из основных вопросов изучения разговорной речи как типа употребления литературного языка, является вопрос о ее отношении к понятию «текст». Среди ученых-лингвистов до сих пор нет единого мнения по поводу того, следует ли относить продукты речевой деятельности в обиходно-бытовой сфере к текстам. С одной стороны существуют факты присутствия данных продуктов в письменной форме,

например, в текстах частных писем или записок. В то же время, по мнению некоторых ученых-лингвистов, разговорный диалог представляет собой неписьменный текст, отличающийся от книжных текстов, создаваемых в более высокоразвитых сферах культурного общения, чем бытовая сфера [Кожина и др., 2008, с. 439, 445].

Научный стиль представляет научную сферу речевой деятельности, связанную с реализацией науки как формы общественного сознания. Тексты научных текстов подразделяются на несколько групп. Наиболее распространенными типами научного стиля являются тексты специальные, рассчитанные на профессиональную научную публику, и научно-популярные, рассчитанные на массового читателя. Целью стиля можно назвать описание законов, выявление закономерностей, описание открытий, обучение и т.д. Научный стиль существует преимущественно в письменной монологической речи. Его наиболее востребованные жанры – это научная статья, учебная литература, монография, школьное сочинение и т.д. Стилевыми чертами научного стиля являются подчёркнутая логичность, доказательность, точность.

Официально-деловой стиль применяется в политических, дипломатических, коммерческих, юридических и т.д. документах. Ему характерны императивность (долженствующий характер), точность, не допускающая двух толкований, стандартизированность (строгая композиция текста, точный отбор фактов и способов их подачи), отсутствие эмоциональности. Главной функцией официально-делового стиля является функция сообщения. В языковом плане для официально-делового стиля характерно наличие речевых клише, общепринятой формы изложения, стандартного изложения материала, широкое использование терминологии и номенклатурных наименований, наличие сложных несокращенных слов, аббревиатур, отглагольных существительных, преобладание прямого порядка слов. Основная форма функционирования официально-делового стиля – письменная, что связано с необходимостью документировать информацию.

Некоторые ученые оспаривают возможность отнесения устной деловой речи к официально-деловому стилю. Так, по мнению М.В. Колтуновой, в большей степени различаются устная и письменная деловая речь: обе формы речи представляют системно различающиеся разновидности русского литературного языка. Если деловая письменная речь представляет официально-деловой стиль речи, то устная деловая речь – различные формы гибридных стилевых образований [Колтунова, 2000, с. 4]. Однако Л.Р. Дускаева в работе «Стилистика русского языка» высказывает мнение, что устному деловому общению все же свойственны стилевые черты официально-делового стиля, а разница лишь в том, что в устной речи они реализуются другими способами и средствами [Кожина и др., 2008, с. 335].

Публицистический стиль отличается наличием в текстах функции информирования и воздействия. Тексты публицистического характера содержат различную информацию, которая передается через каналы массовой коммуникации в письменной или устной формах, посредством телевидения, радио, интернета, газеты, журналов, и направлены на воздействие на общество, на обработку мнения народных масс, а также на их информирование. Тексты публицистического характера оформляются в жанрах статьи, очерка, репортажа, фельетона, интервью, ораторской речи и отличаются наличием общественно-политической лексики, логичностью, эмоциональностью. Публицистический стиль является наиболее сложным функционально-стилистическим явлением по причине неоднородности задач и условий общения. Более подробно на вопросах функционирования данного стиля мы остановимся в следующем параграфе.

Художественный стиль характерен для всех жанров художественной литературы. Он воздействует на воображение и чувства читателя, передает мысли и чувства автора, использует все богатство лексики, возможности разных стилей, характеризуется образностью, эмоциональностью речи. Художественный стиль отличается от других функциональных стилей тем, что последние характеризуются какой-либо общей стилевой окраской, а в

художественном стиле наблюдается многообразная гамма стилевых окрасок используемых языковых средств, которая, однако, не имеет ничего общего с явлением «смешение стилей». Каждое средство в художественном произведении мотивировано стилистически и содержанием, и все они объединяются единой эстетической функцией. В художественной речи можно также обнаружить элементы, характерные для диалектизмов, жаргонизмов и элементы просторечия, которые также используются в эстетической функции.

Некоторые исследователи, например, Л.Ю. Максимов, Н.М. Шанский, Д.Н. Шмелев подчеркивают наличие в художественном стиле элементов всех остальных функциональных стилей и считают невозможным его выделение как самостоятельного стиля. Данное явление, которое определяется как «язык художественной литературы», рассматривается в составе литературного языка независимо от его функционального разделения. Однако другая часть исследователей (В.В. Виноградов, А.И. Ефимова, Р.А. Будагов) признает язык художественной литературы самостоятельным стилем, но более высоким – эстетико-коммуникативным [Васильева, 1976, с. 25].

Следует понимать, что то или иное высказывание или текст не всегда представляет один какой-либо функциональный стиль. Помимо основных функциональных стилей в любом литературном языке существуют также и переходные явления, которые меняют общепризнанную картину функциональных стилей, что в результате может привести к сложной функционально-стилевой дифференциации. Например, к ярко выраженным переходным стилевым явлениям можно отнести художественно-публицистический очерк, либо первые постановления Советской власти, которые в стилевом плане являются результатом смешения деловой и публицистической речи. Несмотря на наличие в каждом стиле тех или иных языковых средств, с однотипной стилистической и функционально-стилевой окраской, они не являются замкнутыми системами. По этой причине мы

имеем возможность говорить о возможном взаимопроникновении тех или иных стилистических характерных особенностей одного стиля в другие. Традиционно, менее проницаемым считается официально-деловой стиль, а наиболее проницаемым – стиль публицистический [Бондалетов и др., 1982, с. 185].

Между тем, основываясь на стилистические характеристики письменных памятников, имеющихся в распоряжении ученых-языковедов и оформленных на старотатарском письменном литературном языке, существует основание говорить о наличии функционально-стилистической дифференциации татарского литературного языка, начиная с периода Волжской Булгарии. Принято считать, что художественный стиль, наряду с публицистическим стилем, имели большое влияние на формирование татарского литературного языка начала XX века. Как известно, в художественном стиле находит свое отражение язык литературных произведений. В художественном стиле широко применяются внутренние языковые резервы, т.е. художественно-выразительные средства, которые придают тексту яркость, красочность, лексическую и эмоциональную выразительность. В результате умелого использования выразительных средств старотатарского языка, в рамках художественного стиля формируются новые типы литературного поветсвования. Если на начальном этапе развития старотатарского литературного языка в рамках художественного стиля в большей степени функционировала только поэзия, то начиная с XIV века, происходит становление прозы, а позже и драматургии. Основоположниками татарской прозы принято считать Исмагила Бикмухамметова и Татджетдина Ялчыгула [Хаков, 1999, с. 224]. В независимости от типа повествования, во все времена литературное произведение отличалось своей художественностью. Именно данная характерная особенность послужила основанием для формирования самостоятельного функционального стиля. Художественный стиль занимал особое место в истории развития языка тюркских народов. Истории

литературы известны древнетюркские письменные памятники, относящиеся к VI–IX вв. и формирующие основу художественного стиля. Между тем, важное место в процессах становления норм татарского литературного языка имеют традиционные языковые формы, характерные для тюркских письменных памятников, относящихся к XIII–XIV вв. и являющиеся составляющей художественного стиля.

Публицистический стиль также занимает особую роль в истории татарского литературного языка. На протяжении всего своего существования данный стиль функционирует на фоне общественно-политической ситуации, что отражается на его форме и содержании. В зависимости от конкретного периода развития татарского народа, активнее функционировали определенные жанры публицистического стиля. В целом, первые тексты, относящиеся к публицистическому стилю старотатарского литературного языка, относятся к периоду XV–XVI вв. и ранее [Хаков, 2003, с. 12]. В этот временной отрезок у народов, имеющих собственную государственность, на фоне различных общественно-политических процессов, возникают зачатки публицистического стиля, на начальных этапах оформленного в виде выступлений, дипломатических документов и т.д. Данный факт характерен как для государства Волжской Булгарии, так и для Золотой Орды и Казанского ханства. Окончательно в виде самостоятельного функционального стиля такого рода тексты утверждаются в ближе к XIX веку. В начале XX века, когда общественно-политическая ситуация в стране приводит к повышению национального самосознания, публицистический стиль, являясь основой формирующейся в данный период татарской журналистики, становится основным проводником идеологических и социально-политических идей до народных масс. В этот же период окончательно сформировываются и жанры татарской периодической печати.

Зарождение научного стиля татарского литературного языка своими корнями уходит в период Волжской Булгарии. Так, в XII веке историк Якуб ибн Нугман аль-Булгари создает свое произведение под названием «Болгар

тарихы» («История Болгар»). Произведения, оформленные в научном стиле, также продолжают создаваться в период Золотой Орды, Казанского ханства и в последующие периоды. Следует отметить, что характерной особенностью научного стиля старотатарского языка до начала XX века является обильное использование персидских и арабских и традиционных языковых форм. На рубеже XIX–XX вв. тексты, оформленные в публицистическом стиле, как правило, основаны на разговорный вариант языка. Так, в период формирования татарского национального языка, в научном стиле наблюдаются две основные тенденции. Согласно данным тенденциям, язык части произведений отражает характерные особенности традиционного письменно-книжного языка и высокого стиля, а другая часть научных текстов написана на разговорном варианте старотатарского литературного языка.

Официально-деловой стиль татарского литературного языка развивается в зависимости от коммуникативных потребностей в конкретный период развития татарского народа. С течением времени данный функциональный стиль также меняется, стремится сблизиться с разговорным вариантом старотатарского литературного языка. Между тем, примеры официально-делового стиля можно обнаружить еще в текстах, относящихся к периоду Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. К таким текстам рассматриваемого периода принято относить государственные приказы, письменные указы и прочие официальные документы, связанные с функционированием государства. Как известно, на рубеже XIX–XX вв. небывалый прогресс у татар наблюдается в области промышленности и торговли. Данный факт также поспособствовал новому толчку в развитии официально-делового стиля старотатарского литературного языка.

Впервые проблемы стилистики в татарском языкознании подвергаются научному изучению в середине XIX века. Так, в труде под названием «Татарская хрестоматия» (1842) М. Иванов рассматривает татарский язык, разделяя его на две стилистические группы – разговорный и письменный

[Бәширова, 1999, б. 5]. В данной работе представлены две главы, в одной из которых приведены рассказы, сказки, поговорки, тексты песен и т.д., отражающие татарский разговорный язык. Во второй главе опубликованы поэтические произведения, отрывки из писем и образцы древнетюркской литературы, в которых имеют место общетюркские и арабо-персидские грамматические и лексические элементы.

В работе «Диване хикаяте татар» (1859) Салихджана Кукляшева речь уже идет, помимо разделения языка на устную и письменную формы, о трех группах татарского письменного литературного языка – простой язык, язык рабочий и научный язык. По мнению автора, простой язык, по своей сущности был близок к разговорному языку и был абсолютно понятен для всех слоев населения. Рабочий язык, как отмечает С. Кукляшев, являлся переходной ступенью от разговорного к научному языку и был представлен определенным небольшим количеством арабо-персидской лексики. К научному языку он относит письменные тексты, оформленные с преобладающим количеством арабо-персидских лексических элементов [Бәширова, 1999, б. 6]. Стоит отметить, что автор в данной работе для обозначения понятия «стиль» использует термин «язык».

В конце XIX века, опираясь на теорию трех языковых стилей, предложенную М.В. Ломоносовым, Н.Ф. Катанов выделяет три стилевые группы татарского литературного языка: высокий стиль, средний стиль и народный стиль [Катанов, 1898, с. 6]. К высокому стилю, который в работе также называется «современный литературный», Н.Ф. Катанов относит книжный язык. В качестве примера высокого стиля он включает в свою работу отрывки текстов из произведений К. Насыйри, таких, как «Рассказ о разбойниках» (Казань, 1884), «Рассказ об одном царе и его слуге» (Казань, 1884), «Закон о продавцах» (Казань, 1875), «Рассказ о празднике джиене» (Казань, 1881), а также произведения других авторов. Тексты этих произведений, отнесенных Н.Ф. Катановым к высокому стилю

характеризуются наличием арабо-персидской лексики, а также общеупотребительных татарских слов.

К среднему стилю Н.Ф. Катанов относит тексты произведений с наименьшим количеством употребленных арабо-персидских лексических и грамматических элементов. В текстах, отнесенных Н.Ф. Катановым к народному стилю арабо-персидские слова отсутствуют, а в качестве образцов приведены рассказы, поговорки, загадки, песни, получившие широкое распространение в народе, т.е. за основу народного стиля был взят татарский разговорный язык. При стилевом разделении татарского языка, Н.Ф. Катанов больше основывался на два принципа: жанровый принцип и принцип лингвистический, используя при этом лексико-семантический критерий.

Между тем, татарский ученый-этнограф и литератор К. Насыйри также известен своим вкладом в развитие татарского языкознания. В стилевом плане он разделял язык на книжный и разговорный [Бәширова, 1999, б. 7]. Будучи сторонником использования народного (разговорного) языка в качестве литературных норм, в «Краткой татарской грамматике» К. Насыйри отмечает отдаление письменного (книжного) языка от народных масс и подчеркивает сложность восприятия письменного языка простым народом из-за большого количества заимствованной лексики.

В XX веке в татарском языкознании, как и в русской лингвистики, при научной разработке проблем языка особое внимание уделяется вопросам стилистики. В 30-е годы XX века известный литературный критик и языковед Латиф Заляй в своих трудах активно начинает употреблять термины «стиль» и «стилистика», постепенно используя их как объекты лингвистических исследований. По его мнению, стилистика являлась некой научной областью, граничащей между литературой и теорией языка, имея при этом иные, индивидуальные цели и задачи [Баширова, 2005, с. 10].

Позже весомый вклад в развитие татарской стилистики внесли ученые-языковеды Х.Р. Курбатов, В.Х. Хаков, Ф.С. Сафиуллина, С.М. Ибрагимов, М.З. Закиев, И.Б. Баширова и др. По мнению Х.Р. Курбатова, говоря о

стилях, нужно разграничивать понятия «язык» и «речь». В своей работе под названием «Стилистическая система современного татарского литературного языка» он подчеркивает, что говорить следует не о стилях языка, а о стилевых признаках речи, которые отражаются в конкретном языке. По его мнению, теории, не основанные на разграничении языка и речи, ведут к возникновению споров и недопонимания в вопросах стилистики. [Курбатов, 1971, с. 10]. Между тем, в русской стилистике мнения такого характера начали появляться еще в середине прошлого столетия. Так, Ю.С. Сорокин отмечает, что стилей языка не существует, а существуют стили речи, отражающие разные литературные жанры [Сорокин, 1954, с. 74]. Затем Г.Н. Поспелов утверждает, что стиль является особенностью речи и если допустить его отношение к языку, то его категорически невозможно было бы переложить на любой другой язык [Поспелов, 1961, с. 61].

Х.Р. Курбатов, рассматривая речь как процесс и предварительно разделяя его на письменную и устную, говорит о существовании трех речевых групп: функциональная речь, экспрессивная речь и художественная речь [Курбатов, 1971, с. 10]. К функциональной речи Х.Р. Курбатов относит разговорный стиль, официально-деловой стиль, стиль научный и публицистический стиль. К экспрессивной речи он относит высокий (торжественный) стиль, сниженный (фамильярный) стиль, изящный стиль, интимно-ласковый стиль, официальный стиль, шутливый (иронический) стиль и стиль насмешливый (сатирический). Следует отметить, что в речи, по мению Курбатова две эти группы стилей постоянно переплетаются. Так, официально-деловому стилю характерна экспрессивная официозность, а в публицистическом стиле, в зависимости от содержания и идеи текста, могут выражаться почти все экспрессивные признаки, такие как сатира, юмор, торжественность, официальность, ирония и т.д.

Художественная речь, по теории Х.Р. Курбатова, отличается тем, что отталкиваясь от той или иной идейно-эстетической цели, концентрирует в

себе характерные особенности стилей функциональной и экспрессивной речи.

В.Х. Хаков в своих трудах по стилистике основывается на стилистическую теорию В.В. Виноградова. По его мнению, в татарском литературном языке существуют следующие функциональные стили: общественно-публицистический стиль, научный или научно-популярный стиль, официально-деловой стиль и эпистолярный стиль [Хаков, 1999, с. 10]. В отличие от общепринятого подхода, в системе функциональных стилей, предложенной В.Х. Хаковым, в качестве самостоятельного стиля отсутствует разговорный стиль, в то время как язык писем, т.е. эпистолярный стиль выделен В.Х. Хаковым как самостоятельный. С одной стороны, он подчеркивает условную долю схожести эпистолярного стиля с официально-деловым, но по причине наличия ярко выраженной функции общественной коммуникации, выделяет его как самостоятельный. Несомненно, на протяжении длительного периода времени, с момента возникновения письменности, послания и письма служили единственным путем сообщения между государствами, народами, отдельными представителями той или иной страны. В.Х. Хаков, опираясь на жанровый принцип, внутри эпистолярного стиля рассматривает письма официальные и частные. Частные письма он разделяет на переписку между знаменитыми людьми, письма в сфере жизнедеятельности человека и сфере торговли, родственные письма, дружеские письма и любовные письма.

Особое значение В.Х. Хаков придает языку художественной литературы. Он не выделяет язык литературы как самостоятельный функциональный стиль, однако воспринимает и анализирует его как более широкое явление, требующее более подробного изучения, так как язык художественной литературы, по мнению В.Х. Хакова изначально включает в себя характерные особенности других функциональных стилей.

Известный татарский языковед С.М. Ибрагимов в своей работе «Синтаксическая стилистика» также обращается к функциональным стилям.

Однако делает он это через призму синтаксических категорий, уделяя особое внимание их стилистическому употреблению. По мнению ученого, каждому стилю характерны свои законы, это касается и художественного стиля, который автором рассматривается как отдельный, независимый стиль. Как подчеркивает С.М. Ибрагимов, сам факт восприятия художественного стиля как нечто обобщенное, включающее в себя стилевые особенности публицистики, разговорной речи, эпистолярного и научно-популярного жанров, приводит к причинению невосполнимого урона языку литературного произведения [Ибрahимов, 1989, с. 51].

Таким образом, вплоть до 90-х годов XX века в российской стилистике, в том числе и стилистике татарского языка, существовало несколько принципиально отличающихся друг от друга подхода. Кроме того, разными учеными по-разному определялся и объект стилистических исследований (стили языка / стили речи). Данный факт, в частности, подчеркивается авторами монографии «Стилистика и культура речи» [Хисамова, Яковлева, 1995]. В работе «Общее языкознание» говорится что термин «стилистика» не имеет четкого определения, а область науки, изучающая стили языка и речи следует называть термином «стилология» [Березин, Головин, 1979, с. 237-238].

Начиная с 90-х годов прошлого столетия особый теоретический вклад в изучение стилевой дифференциации татарского языка внесли такие ученые-языковеды, как И.М. Низамов, И.Б. Баширова, Р.С. Абдуллина, В.З. Гарифуллин и др. Так, И.Б. Баширова, говоря о функциональных стилях татарского языка, в своих трудах опирается на систему В.В. Виноградова. Однако в функционально-стилистической системе татарского языка она не выделяет разговорный стиль как стилеобразующую единицу, выводя в качестве самостоятельных, в дополнение к официально-деловому, публицистическому, художественному и научному стилям еще и эпистолярный, религиозно-дидактический и повседневно-профессиональный стили [Баширова, 2005, с. 20-25]. По мнению И.Б. Башировой, наличие в

татарском языке ярко выраженного эпистолярного стиля может считаться его характерной особенностью. Есть немало доказательств существования данного стиля, которые проявляются в наличии многочисленных письменных образцов, а самое главное – были подготовлены специальные инструкции на татарском языке, повествующие о принципах правильного оформления текста эпистолярного характера [Баширова, 2005, с. 22].

Учитывая историю татарского народа, его международные, межгосударственные и межрелигиозные связи, выделение И.Б. Башировой религиозно-дидактического стиля в качестве самостоятельного, на наш взгляд, является актуальным и обоснованным. Как известно, в своем большинстве татарский народ традиционно является приверженцем мусульманской религии – ислама, который играл важную роль в формировании самосознания татар и татарской культуры. По этому поводу известный востоковед М.И. Махмутов подчеркивает тот факт, что национальная культура татарского народа формировалась на основе своих этнических истоков, восходящих к арабо-персидской цивилизации, куда следует относить мусульманскую религию и религиозную философию, искусство книги и образование, а также богатую восточную литературу. По его мнению, исламская религия и этническая культура сплелись воедино и находят свое отражение в каждодневных ритуалах, обычаях и нравах, а также в языке, формируя основу национальной идентичности [Махмутов, 1992, с. 45].

Также в системе функциональных стилей татарского языка И.Б. Баширова выделяет повседневно-профессиональный стиль. По ее мнению, в отличие от религиозно-дидактического стиля, который отражает внутренний мир и духовное состояние человека, повседневно-профессиональный стиль является показателем каждодневной реальности. Его основная функция – опираясь на имеющийся опыт, передать разного рода умения и навыки, необходимые для ведения человеком нормальной повседневной жизнедеятельности.

Таким образом, говоря о языке газеты, вобравшем в себя характерные особенности всех функциональных стилей литературного языка, следует понимать, что его основой является литературный язык и его функциональные стили. Поэтому мы сочли необходимым затронуть в данном параграфе вопросы изучения литературного языка и его функционально-стилистической дифференциации. На сегодняшний день принято считать, что система функциональных стилей развитых языков, в том числе и татарского литературного языка, состоит из пяти основных функциональных стилей: разговорный, научный, официально-деловой, публицистический и художественный стили. Между тем, часть ученых-языковедов в своих трудах подчеркивают наличие большего количества функциональных стилей, признавая, например, функционирование в русском литературном языке церковно-религиозного стиля, а в татарском литературном – религиозно-дидактического, эпистолярного и повседневно-профессионального стилей.

1.2. Соотношение понятий «публицистический стиль» и «язык газеты». Функции языка газеты

Как известно, публицистический стиль – это особая функциональная разновидность литературного языка, которая находит свое отражение в языке средств массовой информации: в газетах и журналах, на радио и телевидении, в интернете, а также в какой-то степени и на публичных выступлениях. Современный мир невозможно представить без средств массовой информации, которые помимо имеющейся функции информирования, стали ключевым средством государственной и мировой пропаганды. Учитывая динамику прогресса современного мира, средствам массовой информации, в том числе в рамках языка газеты, который является частью языка массмедиа, приходится в полной мере реагировать на внешние факторы, дифференцируя и развивая средства языковой выразительности.

Исследование лингвистических особенностей органов периодической печати является одной из основных направлений в лингвистике, в том числе

и в татарском языкознании. При этом следует выделить два основных направления: нормативно-стилистическое, которое в дальнейшем рассматривается в рамках практической стилистики, и функционально-стилистическое, наиболее активно развивающееся в настоящее время. Первой попыткой исследования языка татарской периодической печати в рамках нормативно-стилистического направления можно считать реализованный на страницах журнала «Шура» («Совет», Оренбург) в 1909-1910 гг. дискутивно-полемический языковой проект – языковое состязание («Кәлям мөсабәкасы»). Тогда национальная интеллигенция посредством периодической печати получила возможность высказывать свое мнение как о языке татарской прессы начала XX века, так и о проблемах татарского литературного языка того времени в целом. Далее в 50-е годы XX века Ш. Рамазанов вносит свой вклад в развитие нормативно-стилистического направления. В его работе под названием «Очерки по татарскому языку» (1954) раскрыты недостатки языка татарских газет на лексическом уровне и приведены варианты их исправления. В дальнейшем вопросы, касающиеся лексических и грамматических недостатков языка татарской периодической печати были исследованы в работах С.М. Ибрагимова [Ибраһимов, 1964, 1971], В.Н. Хангильдина [Хангилдин, 1976], Р.С. Абдуллиной [Абдуллин, 1997]. Функционально-стилистическому направлению изучения языка периодической печати дали толчок научные идеи Г.О. Винокура [Винокур, 1929], который был сторонником восприятия газетного языка как самостоятельного объекта изучения. Позже появились работы В.Г. Костомарова [Костомаров, 1971], Д.Н. Шмелева [Шмелев, 1977], Г.Я. Солганика [Солганик, 1981], А.В. Швец [Швец, 1971, 1984], А.Н. Васильевой [Васильева, 1982], Э.А. Лазаревой [Лазарева, 1993], Н.И. Клушиной [Клушина, 1995] и т.д., посвященные функционированию языка в рамках периодической печати. В тюркологии следует выделить работы А. Ахабаева [Ахабаев, 1971], Дж.А. Мамедова [Мамедов, 1973], С.В. Исаева [Исаев, 1974], В.П. Семенова [Семенов, 1982], Б.А. Абилхасимова [Абилхасимов,

1983], Ю.Д. Каражаева [Каражаев, 1984], Г. Артыкова [Артыков, 1986], М.К. Айымбетова [Айымбетов, 1991], О. Токгёза [Tokgöz, 2000], Р. Бюльбюля [Bülbül, 2001], А. Гиргина [Girgin, 2003] и т.д. Что касается татарского языкознания, то еще во второй четверти XX века Г.Х. Алпаров высказывает мнение о необходимости рассмотрения газетных текстов в качестве самостоятельной сферы функционирования языка [Алпаров, 1931]. Однако в полном смысле функционально-стилистический подход входит в научное употребление в татарской филологии лишь во второй половине прошлого столетия в работах А.Г. Ишмуратова [Ишмуратов, 1956], В.Х. Хакова [Хаков, 1961, 1961, 1963, 1965, 1972, 1979, 1985, 1993] и И.М. Низамова [Низамов, 1981, 1995, 1996]. В перечисленных трудах В.Х. Хакову удается провести глубокий научный анализ публицистического стиля татарского литературного языка, в результате которого ученый приходит к мнению о важности рассматриваемого стиля в становлении и развитии татарского литературного языка.

На рубеже 70-80-х годов выходит в свет целый ряд научных работ, посвященных изучению языка периодической печати. Хотя в работах И.Р. Гальперина [Гальперин, 1981], М.П. Брандеса [Брандес, 1971], М.Н. Кожиной [Кожина, 1977], В.В. Одинцова [Одинцов, 1980] и др. и рассматриваются общие вопросы лингвистики текста, публицистический стиль в них все же используется в качестве объекта исследования. В татарском языкознании, в работах М.З. Закиева [Закиев, 1985], В.Х. Хакова [Хаков, 1979], И.М. Низамова [Низамов, 1981] обнаруживаются примеры из газетных текстов, которые используются авторами для подтверждения теоретических положений, относящихся к сфере лингвистики текста. Также следует выделить научные труды В.З. Гарифуллина [Гарифуллин, 1989, 1998], где особенности функционирования татарского языка исследуются исходя из своеобразия организации текста в зависимости от газетного жанра. Из последних научных трудов, посвященных изучению татарской периодической печати начала XX века в целом, также можно отметить

работы Л.И. Гимадеевой [Гыймадиева, 2000], М.А. Аскарова [Аскаров, 2004], Ф.М. Мухаметшина [Мухаметшин, 2007], Р.М. Хуснетдинова [Хуснетдинов, 2011], Б.К. Миннуллина [Миннуллин, 2012, 2019] и т.д.

Таким образом, публицистический стиль литературного языка для ученых-лингвистов является важной областью исследования. На сегодняшний день существует несколько вариантов обозначения публицистического стиля. В разных работах можно обнаружить синонимичные между собой обозначения «публицистический стиль», «газетно-публицистический стиль», «газетный стиль», «газетно-журнальный стиль», «информационный стиль» и даже «общественно-политический стиль». Так, в работе «Стилистика русского языка» для обозначения одного из стилей литературного языка используется термин «публицистический стиль», а термин «газетно-публицистический» используется для обозначения его подстиля [Бондалетов и др., 1982, с. 188]. Еще вплоть до середины 90-х годов XX века при научной разработке лингвистических проблем языков постсоветского пространства на основе материалов письменного характера, параллельно термину «публицистический стиль» было вполне разумно использовать термины «информационный стиль» или «газетный стиль», так как чаще всего человек получал письменную информацию именно из текстов периодической печати. Однако позже, после активного внедрения глобальной компьютерной сети в общественную коммуникативную систему, когда помимо печатных органов массовой информации все большую распространенность начали получать и электронные информационные ресурсы, в связи с чем начали зарождаться новые жанры передачи новостной информации, такие, как авторский блог, онлайн конференция, онлайн-репортаж, твиттер-репортаж, онлайн-дневник и т.д. [Сафина, 2013], термины «газетно-публицистический стиль», «газетный стиль», «газетно-журнальный стиль» перестали в полной степени раскрывать сущность публицистического стиля.

В работе «Стилистика русского языка» говорится, что рассмотрение публицистического стиля в качестве самостоятельного в ряду других функциональных стилей обусловлено существованием политики как формы общественного сознания и соответствующей ей сферой деятельности и общения. Исходя из этого, логичнее было бы именовать рассматриваемый стиль «политическим» или «политико-идеологическим» [Кожина и др., 2008, с. 342]. Однако оставаясь верной традиции употребления, М.Н. Кожина все же использует термин «публицистический».

М.Ю. Казак считает, что наиболее распространенным обозначением рассматриваемого нами стиля литературного языка, является газетно-публицистический. Данное обозначение указывает на наличие в составе двух подстилей – публицистического и газетно-информационного. Термины «газетный» и «газетно-журнальный стиль» выделяют сферу применения – периодическую печать. Обозначение «политический стиль» подчеркивает первостепенность политического аспекта при освещении той или иной информации [Казак, 2012, с. 11].

На наш взгляд, применение терминов «газетный» или «газетно-публицистический» касательно одного из наиболее широко распространенных стилей литературного языка является не в полной мере обоснованным, так как искусственно сужает фактические рамки распространения и функционирования рассматриваемого стиля. В данной работе нами осознанно с целью подчеркивания широкой сферы функционирования (периодическая печать, радио, телевидение, интернет, язык выступлений на собраниях, митингах и т.д.) рассматриваемого стиля, будет использоваться обозначение «публицистический стиль».

Как известно, на начальном этапе речевые особенности рассматриваемого стиля формировались именно в рамках периодических печатных изданий, в частности в текстах газет. Данный факт свидетельствует о том, что именно в газетных текстах сложились и прошли апробацию особые приемы употребления языка в массовой коммуникации. Значит, есть

основание считать, что язык газеты в рамках языка средств массовой информации является главенствующим компонентом [Васильева, 1982, с. 25]. Поэтому использование на ранних этапах названия «газетный стиль» в качестве синонима понятию «публицистический стиль» воспринимается безболезненно и объясняется историей становления данного стиля.

Однако, как нами было отмечено выше, на сегодняшний день рассматриваемый стиль функционирует не только в печатных, но и в электронных средствах массовой информации, а также на телевидении и радио. Следовательно, требуется некий термин, по возможности обобщающий все сферы его применения. Для обозначения рассматриваемого нами функционального стиля можно было бы использовать термин «общественно-политический стиль», который встречается в некоторых работах по стилистике и подчеркивает тесную связь стиля с общественной и политической жизнью. Однако в данном случае выпадают неполитические сферы его функционирования (культура, спорт, деятельность общественных организаций), которые также обслуживает рассматриваемый стиль. Следовательно, оптимальным обозначением является термин «публицистический стиль».

Н.И. Клушина, говоря о публицистическом стиле, отмечает, что он представляет собой сложную иерархическую структуру, в которой совмещаются два плана выражения лингвистических стратегий и тактик убеждения: эксплицитный – открытое убеждение, влияющее на разум читателя, и имплицитный, подтекстный, оказывающий непосредственное влияние на подсознание адресата [Клушина, 2008, с. 45].

Следует понимать, что газета, как и любой другой вид средств массовой информации, по возможности создается в сжатые сроки, что не всегда позволяет в полной степени обработать языковой материал. Кроме того, газета создается коллективом авторов, довольно часто работающих на расстоянии друг от друга и каждый из которых является индивидуальностью. Все это приводит к тому, что язык газеты, сформированный на основе

совокупности опубликованных в периодическом издании текстов, становится той областью, где свободно взаимодействуют характерные особенности нескольких функциональных стилей литературного языка. Здесь следует подчеркнуть, что на наш взгляд, говорить о публицистическом стиле уместно в том случае, если речь идет об одном конкретном тексте, опубликованном в газете. Когда же речь идет о совокупности опубликованных в конкретном периодическом издании текстов, правильно говорить о языке газеты. Это объясняется тем, что среди текстов, опубликованных на страницах газеты, часто встречаются тексты художественных произведений, официальных отчетов или документов, в которых характерные особенности публицистического стиля, если они и имеются, однозначно не являются главенствующими.

Между тем, в работе «Стилистика текста», автор выделяет три типа текстов, которые, по его мнению «подрывают основы функциональной стилистики, разрушают ее логическую стройность и убедительность» [Одинцов, 2007, с. 71]. Среди таких текстов наряду с научно-популярной литературой и судебным красноречием В.В. Одинцов называет также и художественные жанры публицистики (очерк, эссе, сатира и т.д.).

Итак, часть ученых, занимаясь непосредственно лингвистическим анализом текстов периодической печати, в частности, в татарской филологии, говорят не о публицистическом стиле, а о языке газеты, языке газетных текстов, языке прессы или о газетном дискурсе. При этом, возникает вполне уместный вопрос о разграничении понятий «публицистический стиль» и «язык газеты», так как возникают ситуации, когда, к примеру, мы автоматически относим все тексты, опубликованные в газете, к публицистическому стилю, а затем среди них обнаруживаем тексты официальных отчетов или отрывки из литературных произведений, которые сложно относить к публицистике.

На наш взгляд, все же правильнее было бы не отождествлять термин «язык газеты» с понятием «публицистический стиль» или же воспринимать в

качестве одного из подстилей публицистического стиля. Так же, некорректно было бы воспринимать язык газеты в качестве самостоятельного стиля литературного языка. В языке газеты помимо особенностей публицистики, отражаются и характерные черты других функциональных стилей литературного языка, которые требуют от исследователя единого восприятия. То есть, язык газеты (в рамках явления язык средств массовой информации) – нечто сравнительно большее, чем просто публицистический стиль или функционально-стилистическое разделение литературного языка в целом, но нечто меньшее, чем литературный язык. Поэтому будет целесообразно рассматривать данное явление в рамках языка средств массовой информации, но в системе общенародного или же общенационального языка, а не только литературного.

Похожее мнение можно найти и в работе Ю.Н. Караулова, где автор говорит уже не конкретно о языке газеты, а о языке средств массовой информации в целом. По его мнению, язык средств массовой информации на сегодняшний день обрел господствующее положение среди всех функциональных разновидностей литературного языка, вобрав в себя, поглотив, ассимилировав в себе ресурсы всех функциональных стилей, и представляет собой некую обобщенную модель, совокупный образ национального языка [Караулов, 2001, с. 16].

М.Ю. Казак в своей работе также подчеркивает несколько иную форму существования термина «язык газеты», чем просто в рамках публицистического стиля литературного языка. По мнению автора, язык газеты, основываясь на публицистическом стиле и опираясь на книжно-письменную речь, одновременно оказывается уже и в то же время шире классического понимания публицистического стиля. С одной стороны, публицистический стиль, помимо массовой газеты, имеет и другие области приложения, например, ораторские жанры или формы устной речи, пограничные с бытовой сферой. С другой стороны, современная газета все активнее включает в свои тексты различные знаки из специальной,

терминологической или разговорной, разговорно-сниженной речи. Следовательно, в ведении языка газеты оказывается весь общенациональный язык [Казак, 2012, с. 7].

В.П. Москвин считает, что если рассматривать термины «публицистический стиль» и «язык газеты» лишь в качестве лексических единиц, являющихся названием конкретных понятий в языкознании, то они не будут тождественны друг другу. Однако в нестрогом значении эти два понятия свободно могут заменять друг друга, так как язык газеты «является ядром публицистического стиля» [Москвин, 2006, с. 611].

В целом, на сегодняшний день в проблеме соотношения публицистического стиля и языка газеты (или языка средств массовой информации в целом) существует три основных подхода [Казак, 2012, с. 17]. Первая точка зрения заключается в полной тождественности языка газеты и публицистического стиля литературного языка. Как известно, публицистический стиль – это один из функциональных стилей, обслуживающий сферу общественных отношений: политических, экономических, культурных, спортивных и др. Публицистический стиль используется в политической литературе, его характерные особенности можно обнаружить в языке средств массовой информации. Его тематический диапазон неограничен: политика, идеология, философия, экономика, культура, спорт, повседневный быт, текущие события, рассматриваемые сквозь призму определенных политико-идеологических установок [Жеребило, 2010, с. 292]. Публицистический стиль находит применение в общественно-политической литературе, периодической печати (газетах, журналах), политических выступлениях, речах на собраниях и т.д. и затрагивает вопросы широкой тематики – любые актуальные вопросы современности, представляющие интерес для общества: политические, экономические, моральные, философские, вопросы культуры, воспитания, повседневного быта [Розенталь, 1985, с. 341]. Согласно взглядам таких ученых, как Н.И. Клушина, М.Н. Кожина, И.П. Лысакова, Г.Я. Солганик и

др., публицистический стиль, сохраняя свою целостность, развивается, дифференцируется. Преобладающим большинством языковедов признается, что публицистический стиль имеет две формы существования. Это – письменная форма (газета, журнал, интернет) и устная форма (радио, телевидение, кино). Таким образом, согласно первой точке зрения, между языком средств массовой информации и публицистическим стилем подразумевается тождественность. Несмотря на представленный выше широкий диапазон функционирования, все языки массовой коммуникации ограничиваются строго рамками публицистического стиля литературного языка.

Другая точка зрения гласит, что публицистический стиль – это речевая основа языка средств массовой информации, но тождественным ему не является. По мнению О.Н. Григорьевой, сегодня язык средств массовой информации захватывает все новые функциональные разновидности русского языка, превращаясь в мощную систему [Григорьева, 2008, с. 364]. Учитывая постоянный коммуникативный прогресс человека, а следовательно и прогресс литературного языка, есть основание, например, для дробления и увеличения количества функциональных стилей, выделяя публицистический стиль (печатные периодические издания) как принадлежность к книжно-письменной речи, а язык, используемый в электронных средствах массовой информации (телеречь, язык радио, язык документального кино и т.д.) – как устную сферу книжной речи, при этом, объединяя их все в стили массовой коммуникации [Казак, 2012, с. 18].

Между тем, еще в 1971 г. В.Г. Костомаровым было отмечено становление некоего нового типа функционально-стилевого единства в языке. Однако только в 90-е годы прошлого столетия появляются исследования, утверждающие наличие в функционально-стилевой системе языка того самого нового единства – языка средств массовой информации. Таким образом, язык средств массовой информации выделяется в отдельное, самостоятельное функционально-стилистическое единство. Данное мнение

берется за основу третьего подхода в проблеме соотношения публицистического стиля и языка средств массовой информации. Теперь, по мнению ученых, язык средств массовой информации, в том числе и язык газеты, имеет тематическую универсальность, а также стилистическую многофункциональность, в нем одинаково проявляются как элементы письменной, так и устной речи.

Г.Я. Солганик отмечает, что язык средств массовой информации существует рядом и параллельно с функциональными стилями литературного языка, взаимодействуя с ними и не отрицая факта функционально-стилевого расслоения речи. Массовая коммуникация меняет отношение к функциональным стилям. Они рассматриваются не как замкнутые системы языковых средств, но как открытые источники для формирования особого языка – языка средств массовой коммуникации. Она производит на новой основе своеобразное перераспределение, синтез литературного языка (функциональных стилей) и нелитературных средств [Язык СМИ…, 2012, с. 12].

Д.Э. Розенталь считает, что следует разграничивать понятия «язык газеты» и «газетный язык». По его мнению, язык газеты вобрал в себя характерные особенности всех функциональных стилей литературного языка. В результате чего текст интервью, относящийся к языку газеты близок к разговорному стилю, фельетон является отражением черт, присущих художественному стилю, рассказ имеет особенности беллетристики, правительственные сообщения оформлены в официально-деловом стиле, экономический обзор оформляется основываясь на нормы научного стиля. А что касается понятия «газетный язык», то в данном случае речь идет скорее о форме подачи материала, т.е. «написано газетным языком» означает «написано емко, просто, деловито, используя клише и речевые стандарты» [Розенталь, 1980, с. 52].

В целом, попытки ученых заново форматировать функционально-стилевую систему языку, несомненно, обоснованны. Следует понимать, что

категория функциональных стилей является зависимой от социокультурных условий использования языка и стремительно реагирует на внешние и внутренние изменения.

Как известно, на сегодняшний день средства массовой информации в целом, и газета в частности, являются наиболее оптимальным и важнейшим средством в вопросе формирования общественного мнения по какой-либо социально-обусловленной проблеме. Они не просто передают отражение реальной действительности, но и могут интерпретировать обрабатываемую информацию, основываясь на свои идеологические мировоззрения. Данный факт подчеркивает силу влияния средств массовой информации на все социальные и политические процессы, имеющие место в обществе.

Основной функцией языка газеты, с момента возникновения периодической печати, является функция информационная. Стремление в кратчайшие сроки сообщить населению о той или иной новости находит свое отражение в характере коммуникативных задач, а также в речевом воплощении этих задач. Однако со временем газета начинает использоваться властями в качестве рычага воздействия на народные массы. На помощь информационной функции языка газеты пришла функция воздействия. Та или иная газета, любой орган периодической печати в доперестроичный период – это общественный, профсоюзный, партийный или государственный орган. Цель этих периодических изданий заключалась в убеждении, формировании требуемого мировоззрения у читателя, нежели на подаче сухой информации.

Кроме того, газета сообщает читателю о научных открытиях, о новинках техники, может затрагивать вопросы истории, экологии и т.д., т.е. выполняет также и популяризаторскую функцию. Таким образом, в языке газеты находят свое место, например, элементы научного стиля. Помимо этого, газета может выполнять аналитическую, воспитательную, организаторскую, развлекательную функции.

На сегодняшний день основной функцией, которая включает в себя все вышеперечисленные функции и непосредственно выражающейся в стиле речи, является воздействующе-информационная, с акцентом на аспекте воздействия [Кожина и др., 2008, с. 344].

Язык газеты – сложное явление, результат речетворческого процесса человека, обладающий логической целостностью и отраженный в форме газетного текста. Информационная функция, заложенная в основе языка газеты, подразумевает документальную точность, т.е. опубликованные в газете тексты, подпадающие под данную функцию, как правило, официальны, конкретны, объективны, выполнены в сдержанном стиле, в них изображены реальные факты и события. Объектом функции воздействия является читатель, т.е. общество, а ее задача – повлиять на формирование общественных взглядов. При этом газетные тексты, раскрывая ситуацию с тех или иных ракурсов, совершают попытку некоторой провокации общества – вызывают у читателя заранее запланированную, нужную реакцию. Следует отметить, что в языке газеты в рамках конкретного текста не может работать только одна из функций, так как любая полученная читателем информация заставляет его прийти к какому-либо логическому выводу, а значит, пусть и косвенно, наблюдается эффект воздействия. В то же время само воздействие исключено без получения информации [Гальперин, 1958, с. 97].

По мнению некоторых языковедов, кроме информационной и воздействующей функций, также следует выделять функцию образовательную, развлекательную, рекламную и идеологическую, которые имеют тесную связь между собой и находят свое отражение во всех видах средств массовой информации, в том числе и в языке газеты [Добросклонская, 1998, с. 35].

На сегодняшний день принято считать, что язык газеты функционирует вне рамок книжных стилей, и активно взаимодействует с деловой и разговорной речью, с рекламными и ораторскими текстами. Точно такая же ситуация складывалась и вокруг языка татарской газеты начала XX века. На

наш взгляд это было связано с тем, что в начале прошлого столетия национальный язык татарского народа формировался и проходил первичную огранку именно на страницах татарской периодической печати. Литературный язык свое бытие как целостное образование, помимо текстов художественных произведений, обнаруживает также и в языке средств массовой информации. Взаимодействуя со всеми функциональными стилями, усваивая и перерабатывая их единицы в соответствии с действующими здесь установками, язык средств массовой информации создает новую реальность, определяющую процессы, происходящие в том или ином литературном языке.

Язык газеты является своеобразным мостом между национальным и литературным языком. Для него характерно наличие лексики, отсносящейся к разным стилистическим группам, использование штампов и клише. В XIX и частично в XX веке литературный язык питали диалекты, городское просторечие, жаргоны. Посредником же этого взаимодействия, будучи на тот момент наиболее влиятельным функциональным стилем, выступал язык художественной литературы. Именно он олицетворял для языкового сознания литературный язык и осваивал, «олитературивал» единицы нелитературных пластов национального языка, а также средства других функциональных стилей – научно-технического, разговорного и др. [Язык СМИ…, 2012, с. 859].

Так или иначе, следует признать, что язык газеты, в параллель с языком радио, телевидения, интернета, на сегодняшний день считается самостоятельным языковым явлением в рамках языка средств массовой информации. Между тем, для нас показалось значимым мнение, согласно котрому язык средств массовой информации определяется как усредненный язык нации, модель национального языка, которая формирует литературные нормы, языковые вкусы, оказывает влияние на восприятие политики, идеологии, искусства, литературы [Язык СМИ…, 2012, с. 859]. В рамках настоящей исследовательской работы применение термина «усредненный

язык нации» по отношению к языку татарской газеты является особенно актуальным. Как известно, татарская нация начинает формироваться в середине XIX века. В начале XX века буржуазная революция 1905-1907 гг. в России спровоцировала бурный рост национального самосознания среди мусульманских народов России, что привело к национальному прогрессу. Именно начиная с 1905 года, берет свое начало татарская публицистика. Первым татароязычным периодическим изданием является газета «Нур» («Луч», Санкт-Петербург, 1905–1914), а первой газетой изданной в Казани принято считать «Казан мөхбире» («Казанский вестник», 1905-1911). Между тем, к началу XX века татарская нация и татарский национальный язык уже формируется в общих чертах, а концу первой четверти XX века наблюдается сближение литературного языка с народно-разговорным, далее разрабатывается терминологический аппарат сначала с опорой на собственно татарскую лексику, а с 1930-х – на русскую и интернациональную. По нашему мнению, татарская периодическая печать, послужившая определенной платформой для реализации языковых экспериментов, поспособствовала развитию татарского литературного языка. Наряду с художественными произведениями рассматриваемого периода, именно в языке татарской газеты начала XX века, можно обнаружить усредненный язык нации – первые проявления татарского национального литературного языка.

Итак, вопрос соотношения языка газеты с публицистическим стилем литературного языка, действительно, является актуальным. На сегодняшний день большинство ученых-языковедов склоняются к гипотезе, согласно которой язык средств массовой информации, а следовательно и язык газеты, рассматривается как языковое явление, не тождественное литературному языку. Однако свою целостную форму, не разделенную на функциональные стили, литературный язык находит именно в языке газеты, где в зависимости от жанра текстов, можно обнаружить характерные особенности всех имеющихся в литературном языке функциональных стилей.

1.3. Роль периодической печати начала XX века в развитии татарского литературного языка

Конец XIX – начало XX вв. является бурным периодом развития татарского народа. Начиная с середины XIX века в Поволжье начинается интенсивное развитие капиталистических отношений, постепенно смывается средневековая раздробленность, активизируется национальная жизнь и пробуждается национальное сознание татарского народа – формируется татарская нация [Тат. әдәб. тар., 1985, т. 2, б. 212].

Экономическое развитие России на рубеже XIX – XX вв. достигает небывалого ранее успеха. Наряду с ведущими развитыми странами мира, такими, как Англия, США, Германия и Япония, она входит в пятерку лучших по уровню экономического развития, что в свою очередь приводит и к прогрессу русской культуры. Между тем, остававшийся неизменным на протяжении длительного времени культурный и социально-экономический статус мусульманских народов, проживающих на территории России, также начинает меняться. Теперь мусульмане не просто получают образование в учебных заведениях России, но и начинают выезжать с целью обучения за пределы своей страны. Так, среди мусульман России появляются врачи, педагоги, инженеры, адвокаты и начинает формироваться светская интеллигенция, которая четко осознает, что единственным верным путем для дальнейшего развития является интеграция в европейскую культуру [Курмансеитова, 2008, с. 36].

Татарская периодическая печать формируется в период наивесшего развития литературного языка татарского народа. В свою очередь, возникновение татарских газет и журналов становится одним из наиболее значимых моментов в развитии татарского литературного языка и татарского народа в целом. Работа по получению разрешения на издание национальных органов периодической печати у татар ведется, начиная с XIX века. Так, в 1808 г. профессор казанского университета И.И. Запольский обращается к царю с просьбой разрешить выпуск татарско-русской газеты «Казанские

известия». Однако правительство не удовлетворяет прошение профессора. Только после смерти самого Запольского, в 1810 г. данная газета выходит в свет, да и то на русском языке.

Позже, в 1834 г., студент восточного отделения казанского университета М.Г. Никольский предпринимает очередную попытку получить разрешение на издание татароязычной газеты. Его целью было издание газеты «Бәхер әл-Әхбәр» («Океан новостей»). Начинание молодого студента было поддержано авторитетным профессором Казанского университета ученым-востоковедом А.К. Казембеком. По просьбе Никольского Казембек и еще несколько представителей Казанского университета обращаются в Министерство внутренних дел с прошением разрешить издание газеты на татарском языке, но безрезультатно.

В 1864 г. делается еще одна тщетная попытка по созданию татарской периодической печати. На этот раз коллежский асессор и переводчик Министерства внутренних дел П.И. Пашин ведет переговоры по созданию татарского журнала «Файда».

В 1864 г. отвергается и просьба переводчика Департамента Азии И. Нафаля разрешить выпускать газеты на татарском языке в Санкт-Петербурге. Та же участь постигла и судьбу газеты «Файда» в 1865 г.

Начиная с 60-х гг. XIX в. в борьбу за издание периодической печати на родном языке включаются и татары. В 1863 г. К. Насыйри и хозяин литотипографии М. Яхин обращаются к военному губернатору Казанской губернии П.Ф. Козлянинову с просьбой разрешить издание газеты на татарском языке «Таң йолдызы» («Утренняя звезда»). В данном письме говорится, что, несмотря на тот факт, что татары в России занимают второе место по численности после русских, они до сих пор не имеют своей периодической печати. Это, в свою очередь, приводит к тому, что татары несвоевременно знакомятся с новостями в сферах промышленности и торговли, которые прогрессируют с огромной скоростью. А запаздывание информации создает определенные трудности тем татарам, которые являются

успешными в данных областях. Кроме того, если даже учесть нежелание татар входить в контакт с представителями других народов, для них отнюдь не чуждо желание узнавать новости. Не все татары знают русский язык, а следовательно, не все могут читать газеты на русском языке. Возможность издания газеты на татарском языке помогла бы решить вышеперечисленные проблемы [Кәримуллин, 1979, с. 137].

К сожалению, и это письмо не изменило ситуацию, сложившуюся вокруг татарской периодической печати. После получения отказа К. Насыйри решает издавать настольный календарь в форме журнала.

Определенный вклад в работу по получению разрешения на издание татарской газеты внесли также учитель тюркских языков Санкт-Петербургского университета Х. Фаезханов, а также А. Котлыяров и Х. Бикбулатов, которые в 70-е гг. XIX в. попытались получить разрешение на издание газеты «Дәфтәр мөҗдәвәр» («Сборник новостей»), а позднее, в 1885 г., и крестьянин Спасского уезда Казанской губернии, С. Ахмаров. Однако результаты этих попыток также оказывались отрицательными. Царское правительство, стараясь препятствовать развитию нерусских народов, одновременно продолжает процесс их русификации. На протяжении многих лет роль периодической печати у татар выполняют различные настольные календари и рукописные газеты и журналы, созданные учащимися медресе. Одна из таких газет, под названием «Әль-Мәгариф» («Образование»), выпускается в Яицком городке. Ее автор – Камил Мотыйгый Тухватуллин. Именно в данной газете начал свою публицистическую деятельность великий татарский поэт Г. Тукай. Здесь публикуются статьи на тему образования, короткие рассказы, фельетоны и ведется обозрение новых книг [Яхин, 1992, с. 10].

По некоторым сведениям, в XIX столетии было написано более двадцати безрезультатных прошений о разрешении издавать периодическую печать на татарском языке. Несмотря на то, что татары были в определенной степени образованным народом, они проживали в разных уголках России, а

следовательно, издание газеты могло привести к росту их самосознания и объединению на почве национальных и религиозных интересов. А это, в свою очередь, противоречило политике царского правительства. Начиная с 1883 г. общепризнанный печатный орган тюркоязычного населения Российской империи, издававшийся крымско-татарским просветителем, издателем и политиком Исмаилом Гаспринским в Бахчисарае – газета «Тарджеман» (1883–1918), становится своеобразной площадкой, которая объединяет тюркские народы. Только после революции 1905 года у татар появляется реальный шанс на издание периодической печати на родном языке.

Стоит отметить, что среди татарского населения был достаточно высок уровень образованности, что стало причиной быстрого развития книгопечатания и типографического дела. Татарские газеты и журналы, издаваемые в межреволюционный период 1905-1917 гг., в свою очередь, способствовали формированию у населения широких политико-идеологических границ от реакционно-клерикальных до революционно-радикальных.

Татарскую периодическую печать рассматриваемого периода следует классифицировать по трем критериям: хронологическому, идеологическому и географическому. В хронологическом плане, зарождение татарской периодической печати начала XX века охватывает межреволюционный период 1905 – 1917 гг. Между тем, по разнообразию представленного материала и предложенных читателю мнений, газеты и журналы рассматриваемого периода превосходили татарскую прессу советской эпохи. Однако, большинство органов татарской периодической печати издавались на протяжении лишь короткого промежутка времени, а потом безвозвратно исчезали или возникали снова под другими названиями. Если в 1905 – 1908 гг. татарская периодика переживала сильный подъем, спустя несколько лет, государственная цензура привела к закрытию многих органов татарской периодической печати, особенно либерального и социал-демократического

направления. Например, из многочисленных татарских газет и журналов, выходивших после 1905 года и которые в той или иной степени можно было отнести к либеральным, к концу 1911 года сохранились лишь «Йолдыз» («Звезда», Казань), «Вакыт» («Время», Оренбург), «Шура» («Совет», Оренбург) и «Идел» («Волга», Астрахань).

В идеологическом плане татарскую периодическую печать начала XX века можно разделить на сторонников кадимизма и джадидизма. Сторонники кадимизма защищали патриархальные устои жизни, вели активную борьбу против религиозного реформаторства, придерживались схоластической системы в области образования и воспитания, тогда как джадидисты представляли либеральное культурно-реформаторское движение, придерживающееся прогрессивных, светских убеждений. В более широком смысле джадидизм был движением за распространение просвещения, развитие тюркских языков и литературы, изучение светских дисциплин, использование достижений науки, равноправие женщин. Наиболее консервативным журналом кадимистского толка можно назвать «Дин вә мәгыйшәт» («Религия и жизнь», Оренбург), издававшийся муллой Вали Хусаиновым и придерживавшийся откровенно клерикальных позиций. На противоположном идеологическом полюсе существовала еженедельная газета джадидистского толка «Әл-ислах» («Реформа», Казань), которая выходила под эгидой комитета шакирдов Казани и выступала за реформу мусульманской школы.

В географическом плане издание татароязычных газет и журналов наблюдается не только в Казани, но и в Оренбурге, Уфе, Петербурге и других городах России. Всего же в 1905 – 1917 гг. на территории России издается более 120 газет и журналов на татарском языке [Әмирханов, 1997, б. 266]. Такие газеты, как «Нур» («Луч» С.-Петербург), «Вакыт» («Время», Оренбург), «Йолдыз» («Звезда», Казань), «Кояш» («Солнце», Казань), «Ил» («Страна», С.-Петербург), за короткий период времени завоевывают огромную популярность среди населения.

Как известно, первым татароязычным периодическим изданием является газета «Нур» («Луч»), издававшаяся в 1905 – 1914 гг. в Санкт-Петербурге. Первой татарской газетой, изданной в Казани стала «Казан мөхбире» («Казанский вестник»). Данная либеральная газета начала выходить 29 октября 1905 года. Ее издателем был адвокат Саидгарей Алкин, один из основателей партии татарской буржуазии «Мөселман иттифагы» («Союз мусульман»). Несколько месяцев спустя начала издаваться вторая казанская газета «Йолдыз» («Звезда»), а 1 февраля 1906 года – газета «Азат» («Свободный»), в которой сотрудничали выдающиеся деятели татарской культуры Галиаскар Камал и Гафур Кулахметов. В Петербурге в 1906 году начала выходить газета «Өлфәт» («Единство») под редакцией Рашида Ибрагимова. В 1913 года в Петербурге начала издаваться третья татарская газета города – «Ил» («Страна»). В 1914 году эта газета переехала в Москву, где с 1915 года начала выходить ещё одна газета – «Сүз» («Слово»), позже переименованная в «Безнең юл» («Наш путь»). В Оренбурге с января 1908 года выходил литературный журнал «Шура» («Совет»), издателем которого был золотопромышленник и известный татарский поэт Закир Рамиев (Дэрдменд). Там же, в 1907 году, начала выходить социал-демократическая газета «Урал», издателем которой был большевик Хусаин Ямашев. Кроме того, следует назвать такие газеты и журналы, издававшиеся в рассматриваемый период в разных городах России, как «Фикер» («Мысль», Уральск), «Борһане тәрәкъкый» («Доказательство прогресса», Астрахань), «Дус» («Друг», Уфа), «Мәгариф» («Просвещение», Самара), «Акмулла» (Троицк) и т.д.

Между тем, нельзя недооценивать и роль органов татарской периодической печати в становлении и развитии татарского национального литературного языка. Татарская периодическая печать, послужившая определенной платформой для реализации языковых экспериментов, способствовала развитию татарского литературного языка. Начальные формы национального языка можно обнаружить именно в татарских газетах,

издававшихся на территории России в межреволюционный период 1905-1917 гг. Татарская периодическая печать стала средством внедрения той или иной формы татарского литературного языка, в зависимости от предпочтения издателей и редакторов конкретного периодического издания. Так, «Тарджеман» использует упрощенный вариант османско-турецкого языка с преобладанием персидкой и арабской лексики, газета «Нур» – смешанный татарско-турецкий вариант с огузскими языковыми формами, а казанская газета «Казан мөхбире» выходит на языке казанских татар, обогащенном словами и формами татарского разговорного языка. Это приводит к тому, что на страницах татарской периодической печати начала широко освещаться проблема татарского литературного языка. Особо широко языковая дискуссия, получившая название «Языковое состязание», развернулась на страницах газеты «Нур» и журнала «Шура». Вопрос, первоначально лежавший в плоскости взаимовлияния языка художественной литературы и языка периодической печати, в дальнейшем послужил основой для формирования более широкой проблемы, связанной с потенциалом развития живой разговорной речи, как основы для функционирования публицистического стиля и всей лексико-стилистической системы татарского языка в целом [Хуснетдинов, 2011, с. 4]. В ходе дискуссий на страницах периодической печати также были затронуты такие вопросы, как отражение татарского произношения на письме, на каком варианте старотатарского письменного литературного языка формировать газетные статьи, официальные документы, научные труды, художественную литературу, а также обсуждались вопросы самоназвания татарского народа и его национального языка. Это дает основание говорить о том, что поднимались вопросы по основным теоретическим и практическим аспектам существования татарского национального литературного языка и народа в целом.

Как известно, начиная с XIV века, язык татарского народа формируется и развивается в рамках народно-разговорного языка. В результате

присоединения Казанского ханства к Русскому государству происходит смешение казанцев (предков носителей среднего диалекта) и поволжских кыпчаков, что приводит к возникновению смешанных селений. В результате этих процессов у волжских татар, в отличие от других народов, ещё до появления капиталистических отношений складывается сельский общенародный разговорный язык, т.е. сельское койне, который вобрал в себя наиболее общие черты основных диалектов. В связи с развитием капиталистических отношений в промышленных центрах – в городах Казани, Уфе, Екатеринбурге, Перми, Оренбурге, Уральске, Троицке, Челябинске, куда стекались в качестве рабочих сельские жители – представители различных татарских диалектов, формируется и татарское городское койне. На основе сельского и городского койне к началу XX вв. образуется и волжско-татарский национальный литературный язык, который начинает оказывать влияние на народно-разговорный язык населения [Закиев, 1995, с. 264].

Первая четверть XX века, является в определенной степени непростым периодом в формировании татарского национального языка. В первую очередь это связано с тем, что татарский язык рассматриваемого периода функционировал в нескольких вариантах. К примеру, исходя из дискуссий, которые велись в то время на страницах таких газет и журналов, как «Нур», «Фикер», «Йолдыз», «Шура» и др., можно выделить следующие варианты старотатарского письменного литературного языка конца XIX – начала XX вв.:

1. Литературный язык – продолжение классического письменного старотатарского литературного языка, изобилующего арабской, персидской лексикой и соответствующими грамматическими формами этих языков;

2. Джадидо-османский – вариант, близкий к языку газеты «Тарджеман»;

3. Вариант языка, обогащенный словами и формами татарского разговорного языка [Бәширова, 1999, б. 12].

Таким образом, получение разрешения на издательскую деятельность, в свою очередь, поставило перед татарским народом дополнительные вопросы. Для того чтобы печатное издание воспринималось на языковом уровне, требовался понятный для всех слоев общества язык. Между тем, в рассматриваемый период бытовало мнение, согласно которому язык издаваемых в начале XX века на территории России татарских газет можно было называть «татарским» лишь с натяжкой. Язык этот либо был похож на турецкий с преобладанием арабо-персидской лексикой, либо представлял собой необработанный вариант татарского языка. Лишь язык немногих материалов отличался стройностью и ясностью языка [Вәлиди, 2007, б. 159].

Часть национальной интеллигенции предлагала в качестве единого языка газет и журналов использовать разговорный вариант татарского языка. Согласно их убеждениям, причиной языковой раздробленности среди татарского народа является тот факт, что татарская молодежь, стремясь получить качественное образование, уезжала на обучение в Османскую империю, что, несомненно, накладывало отпечаток и на их родной татарский язык, который в молодежных кругах все больше обрастал арабо-персидскими и огузскими лексическими, морфологическими и синтаксическими элементами. Кроме того, возвращаясь на родину, эти студенты занимались преподавательской деятельностью в новометодных школах, передавая свои идеологические и языковые взгляды подрастающему поколению. Между тем, османизированный татарский язык все больше проникал в науку и литературу, заставляя, по этой причине, отдаляться от них менее образованные социальные слои. Другая же часть населения настаивала на использовании языка на основе османско-турецкого, объясняя свое решение низким уровнем развития разговорного татарского языка и категорически неприемля его использование не только в качестве литературного языка татарского народа, но и в качестве языка татароязычной периодической печати в частности.

Если обратить внимание на два наиболее популярных и издававшихся на протяжении длительного временного отрезка (1906-1918) органа татарской периодической печати рассматриваемого периода, оренбуржскую «Вакыт» («Время») и казанскую «Йолдыз» («Звезда»), то становится ясно, что в определенной степени тексты данных газет отличались в лексическом и морфологическом плане. Основной причиной такого рода лексико-морфологической вариативности языка татарской периодической печати является не до конца устоявшиеся нормы татарского письменного литературного языка начала XX века.

Газета «Вакыт», так же как и ее близкий родственник – журнал «Шура» («Совет», Оренбург), были приверженцами использования форм османско-турецкого языка, отрицая разговорный язык, близкий широким слоям татарского народа. В то время как издатели газеты «Йолдыз», наоборот, отказываются от лексических и морфологических форм, характерных для османско-турецкого языка. Таким образом, наблюдается некое противостояние двух идеологических течений среди татарской интеллигенции того времени – тюркизма и татаризма. При этом, язык газеты «Йолдыз» принципиально отличался от языка многих других татарских газет рассматриваемого периода. Несмотря на то, что в газете «Йолдыз» все также использовались арабо-персидские языковые формы, они употреблялись не на фоне особенностей, харакетных для огузских языков, как это было в газете «Вакыт». Его язык представлял собой старотатарский письменный литературный язык с наличием арабских и персидских лексических элементов [Вәлиди, 2007, б. 160].

И «Йолдыз» и «Вакыт» в начале своего пути не являлись газетами ежедневными, а издавались два – три раза в неделю. По этой причине большая часть номера состояла из статей самих редакторов, а полученные статьи подвергались тщательному редактированию. Именно данным фактом, в первую очередь, и объясняется отличия в языковой системе этих двух органов татарской периодической печати. Так, в текстах газеты «Йолдыз»

ощущалась влияние Хади Максуди, а в газете «Вакыт» – Фатиха Карими. По мере становления вышеуказанных газет ежедневными, в них начинают публиковаться разные авторы, приверженцы разных вариантов татарского литературного языка рассматриваемого периода. В результате, их язык становится более универсальным, а позже и вовсе, подчиняясь веянию времени, под влиянием татаризма приобретает форму, более близкую к татарскому разговорному языку. Следует отметить, что языковой татаризм того времени не очень отличался от языкового тюркизма. Арабо-персидские заимствования, их общая беда, по-прежнему заметно осложняли восприятие языка. Причем порой язык газеты «Вакыт», близкий к османско-турецкому, был более прост в понимании, чем язык газеты «Йолдыз», отказавшийся от османско-турецкого влияния, но при этом перегруженный арабо-персидской лексикой.

В результате, татарскую интеллигенцию новой волны не мог устроить ни первый, ни второй вариант. В 1910 г., протестуя против тюркизма газеты «Вакыт» и татаризма газеты «Йолдыз», молодые представители татарской литературы Г. Тукай, Ф. Амирхан и Г. Ибрагимов переходят к решительным действиям. По их мнению, настоящий татарский литературный язык, на котором, в том числе должны были издаваться татарские периодические издания и художественные произведения – это татарский разговорный язык. Не смогли противостоять татаризму ни «Вакыт», ни «Шура», ни «Йолдыз», ни какой-либо другой орган татарской периодической печати того времени. Хотя, несомненно, до своего последнего номера, каждая из этих органов периодической печати была самодостаточной и имела отличительные черты, касающиеся как в жанровой, так и в языковой системы.

Изменение ориентации органов периодической печати и преобладающего числа писателей того времени привели к появлению как архаизмов, так и неологизмов. Такого рода процессы, связанные с формированием языка, характерны для всех языков мира. По большому счету, процессы, имевшие место в татарском языке на рубеже XIX – XX вв. и

позднее – это процессы естественного отбора. К примеру, один из тюркских языков, который в определенный период в начале XX столетия использовался частью татар в качестве основы для создания литературного языка – современный турецкий литературный язык, на пути своего формирования также прошел многочисленные ступени в процессе приближения к разговорному языку жителей современной Анатолии:

– самая ранняя эпоха в истории развития турецкого, а ранее – османско-турецкого языка, была обусловлена отсутствием характерных для него на сегодняшний день арабо-персидских заимствований, а также присутствием в языке многочисленных древнетюркских элементов, утраченных на последующих этапах;

– в период становления и развития Османского государства, наблюдается использование в языке огромного количества арабо-персидской лексики, под арабо-персидские правила подстраивается также и синтаксис языка. При этом речь идет о целенаправленном использовании арабизмов и персидских заимствований с целью внешнего украшения языка, в ущерб значению и качеству;

– во второй половине XIX в., будучи заинтересованной в техническом и научном прогрессе, Османская империя сильно поддается европейскому влиянию, в том числе и в языковом плане. На данном этапе языкового развития некоторые визуально пышные и красивые выражения, пришедшие из арабского и персидского языков, были заменены соответствующими выражениями из французского и других западноевропейских языков. В данном случае также ставка делалась скорее не на смысловые особенности, а на внешнее превосходство;

– в первые десятилетия XX в., турецкая интеллигенция, осознав необходимость простого и понятного для всех слоев населения языка, ступила на путь сохранения и туркизации родного им языка.

Таким образом, так же как и у представителей турецкого народа, рост национального самосознания привел к тому, что татарская интеллигенция

обратилась в вопросе создания литературного языка к истинно татарскому разговорному варианту языка казанских татар.

Значительное количество общетюркских, огузских и арабоперсидских языковых форм в татарском языке конца XIX – начала XX вв. нашли широкое применение в художественном и публицистическом творчестве рассматриваемого периода. В органическом сочетании с элементами живой народной речи они стали неотъемлемым компонентом определенных сатирических жанров. К примеру, можно выделить произведения Г. Тукая, Ф. Амирхана и других представителей литературы, в сатирических произведениях которых древние языковые формы часто используются в составе таких литературных приемов, как пародия и каламбур.

В период формирования татарского национального языка наблюдается противоборство между писателями-демократами, которые стремились сблизить литературный язык с живым общенародным языком, и консерваторами – представителями религиозного культа, которые защищали литературный язык, насыщенный арабо-персидскими и османско-турецкими лексическими и морфологическими элементами. Группу приверженцев консервативного течения в языке можно разделить на несколько направлений.

Сторонники османско-турецкой ориентации хотели взять за основу татарского литературного языка – турецкий. Главным идеологом данного течения был И. Гаспринский. Между тем, писатели-демократы, умело использовавшие и турецкие лексические элементы в целях создания сатирического произведения, так реагируют на попытку использования османско-турецкого языка в качестве основы татарского письменного литературного языка: «По-моему, газета «Тарджеман» никакого отношения к нам, татарам, не имеет, язык ее – язык крымский – чужд нашему», – утверждает Г. Тукай [Ист. тат. лит. яз., 2003, с. 23].

Сторонники арабо-персидской ориентации, традиционно, предлагали продолжить традиции старописьменного языка, защищая при этом обильное

употребление в татарском литературном языке непонятных народу заимствований.

Между тем, сторонники языкового пуризма полагали, что татарский язык в своем развитии должен опираться только на свои внутренние ресурсы. Как известно, в 1909-1910 гг. на страницах журнала «Шура» («Совет», Оренбург) был реализован дискутивно-полемический языковой проект под названием «Кәлям мөсабәкасы» («Языковое состязание»), где национальная интеллигенция посредством периодической печати могла высказывать свое мнение относительно проблем татарского языка того времени. В ходе него реакционные направления подверглись жесткой критике со стороны демократических представителей татарской литературы, таких как Г. Тукай, Ф. Амирхан, Г. Камал, Г. Ибрагимов и т.д. В результате, в ожесточенной борьбе за литературный язык победу одержало демократическое направление.

После того, как подавляющая часть татарской национальной интеллигенции приходит к единому мнению в вопросах литературного языка, общество окончательно осознает, что наиболее подходящим вариантом языка для ведения культурной жизни татарского народа является доступный всем слоям общества общенародно-разговорный язык, или как его еще называют, вариант казанских татар. Однако, несмотря на то, что вариант общетюркского литературного языка был в употреблении всего несколько десятилетий, а именно с 80-х гг. XIX столетия по первое десятилетие XX века, нельзя недооценивать его вклад как в дело развития языка, так и формирования общественно-политического, культурного, духовного и национального самосознания татарского народа. Именно посредством данного варианта старотатарского письменного литературного языка татарский народ строил отношения с другими родственными по языку и религии народами, получал и обрабатывал информацию извне и готовился начать работу по формированию собственного национального литературного языка.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что в начале XX века татарская публицистика стала незаменимым орудием в руках национального общества, осознавшего необходимость наличия литературного языка. Прослеживается тесная связь между функционированием языка татарской периодической печати начала XX века и формированием письменного литературного языка татарского народа рассматриваемого периода. Именно в текстах татарских газет прошел апробацию формировавшийся в начале прошлого столетия татарский национальный литературный язык.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Первая глава диссертационного исследования посвящена теоретическим проблемам изучения литературного языка и его функциональных стилей, проблемам соотношения понятий «публицистический стиль» и «язык газеты», а также выявлению роли периодической печати начала XX века в становлении и развитии современного татарского литературного языка. Говоря о таком явлении, как «язык газеты», вобравшем в себя характерные особенности всех функциональных стилей литературного языка, стоит понимать, что его основой является литературный язык и функциональные стили. Как известно, для нормального функционирования языка необходимо наличие в нем разных языковых форм, обслуживающих соответствующие области общественной жизни. В целом наличие в языке стилей признается еще в XVIII–XIX вв., когда М.Ю. Ломоносов излагает теорию трех стилей. При этом, российскую стилистку можно разделить на два периода – до изучения языка с точки зрения его функционально-стилистических особенностей и после. В первый период стилистика развивается в нормативном (культура речи) и литературном (язык художественной литературы) направлениях. С середины XX века отечественными учеными предлагаются разные классификации системы функциональных стилей, основу которых составляют труды А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, Г.О. Винокура, В.В.

Виноградова, Р.А. Будагова, И.Р. Гальперина, В.Г. Костомарова, М.Н. Кожиной, А.Н. Васильевой, М.Н. Шмелева, А.Н. Васильевой, Т.Г. Винокур и др. В татарском языкознании определенный вклад в развитие стилистики внесли труды Х.Р. Курбатова, В.Х. Хакова, Ф.С. Сафиуллиной, И.Б. Башировой, В.З. Гарифуллина и т.д. На сегодняшний день принято считать, что система функциональных стилей развитых языков, в том числе и татарского языка, состоит из пяти основных функциональных стилей: разговорный, научный, официально-деловой, публицистический и художественный стили. В то же время некоторые ученые-языковеды в своих трудах говорят и о большем количестве функциональных стилей, отстаивая точки зрения, согласно которым, например, признается наличие в русском литературном языке церковно-религиозного стиля, а в татарском литературном – религиозно-дидактического, эпистолярного и повседневно-профессионального стилей.

Вопрос соотношения языка газеты с публицистическим стилем литературного языка также является актуальным. Однако данная проблема включает в себя еще несколько моментов, среди которых особенно актуальным является вопрос определения места языка средств массовой информации в целом и языка газеты в частности, в системе национального языка. На сегодняшний день ученые-языковеды склоняются к мнению, когда язык средств массовой информации, а следовательно и язык газеты, рассматривается как языковое явление, не тождественное литературному языку, который воспринимается намного шире языка газеты. Однако свою целостную форму, не разделенную на функциональные стили, литературный язык находит именно в языке газеты, где в зависимости от жанра текстов, можно обнаружить характерные особенности всех имеющихся в литературном языке функциональных стилей. При этом, несомненно, функциональные стили сохраняются, но над ними и в тесном взаимодействии с ними, формируется новое функционально-стилевое образование – язык

газеты, который следует воспринимать как модель национального языка, где взаимодействуют его литературная основа и нелитературные сферы.

В начале XX века татарская публицистика явилась важнейшим орудием в руках национального общества, созревшего иметь налаженный инструмент коммуникативного характера – литературный язык – показатель развитости любой нации мира. Существует тесная связь между функционированием языка татарской периодической печати начала XX века и формированием письменного литературного языка татарского народа рассматриваемого периода. Именно татарская газета стала тем ситом, через которое прошли разные варианты татарского языка, потенциально готовые стать литературным языком. Начальные формы литературного языка можно обнаружить именно в татарских газетах, издававшихся на территории России в межреволюционный период 1905-1917 гг.

Глава II. Жанрово-стилистические особенности текстов татарских газет начала XX века

Сегодня в языкознании, в частности в татарском языкознании, научное исследование текстов, опубликованных в органах периодической печати, основанное на изучении их лексико-стилистических и структурно-композиционных особенностей является одновременно востребованной и сложной задачей. В проблеме стилеобразования и определении жанрового своеобразия структурная композиция конкретного текста, наряду с его лексико-стилистическими особенностями, также имеет немаловажное значение. Это обусловлено тем, что одни и те же лексико-стилистические и структурно-композиционные средства могут быть употреблены при формировании текстов, относящихся к разным газетным жанрам. При этом, порядок и частотность применения тех или иных языковых средств напрямую связано с темой конкретного текста, а также задачей, поставленной его автором. Между тем, примечательно мнение некоторых исследователей, согласно которым, количество специфических языковых средств ограничено не только рамками того или иного жанра, но и в целом, конкретного функционального стиля [Шмелев, 1977, с. 82; Одинцов, 2007, с. 47].

Кроме того, по мнению исследователей, реальной первичной ячейкой стиля, обладающей определенными конституирующими признаками, является текст, как жанровая форма речи [Стилистика русского…, 1987, с. 133]. Поэтому, в данной главе при анализе структурно-композиционных и лексико-стилистических особенностей татарской газеты начала XX века на примере газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» мы будем исходить из жанровой дифференциации их текстов. Это даст нам возможность более подробно изучить категории и элементы, принимающие активное участие в формировании конкретного газетного текста. Например, на формирование категории временной структуры текста наряду с грамматическими

средствами, могут иметь активное воздействие и использованные автором лексические и композиционные средства.

По мнению некоторых ученых, качественные типы прессы, которым свойственна надежность отражаемых фактов и мнений, аналитичность в подходе к событиям, взвешенность оценок, а также массовые типы газет, рассчитанные на широкую читательскую аудиторию, как правило, отличаются определенными коммуникативными стратегиями, наличием в текстах приемов усиления выразительности, отбором и комбинацией языковых средств [Казак, 2012, с. 92]. Исходя из содержания и задач текстов, к таким типам газет, несомненно, следует отнести и исследуемые нами органы периодической печати. В то же время, следует подчеркнуть, что установка автора текста на творческую работу со словом, языковая игра, апелляция к ресурсам общенационального языка, в конечном итоге, зависит от того, в каком жанре он планирует оформить конкретный текст.

2.1. Специфика жанровой дифференциации газетных текстов

В настоящее время внимание многих лингвистов, работающих в области формирования и функционирования литературного языка, привлечено к вопросам изучения публицистических текстов. Публицистические тексты, а в нашем случае – тексты татарских газет начала XX века, являются для исследователя особенно ценным материалом, так как кроме изучения жанрово-стилистического многообразия языка, они также позволяют изучить функционирование татарского письменно-литературного языка конкретного периода, являясь самостоятельной моделью в рамках его формирования.

Как известно, текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, созданное в виде письменного документа и литературно обработанное в соответствии с его типом. Текст состоит из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, логической и стилистической

связи, имеющее определенную направленность и прагматическую установку [Гальперин, 1981, с. 18].

Газетный текст представляет собой интерпретацию фрагментов общественной жизни: фактов, событий, явлений, личностей – мотивированную и целенаправленную версию фрагментов социальной жизни. Основными чертами газетного текста, неразрывно связанными с базовыми экстралингвистическими факторами, являются яркая оценочность, мягкая стандартизированность и общепонятность используемых в газете материалов [Кемова, 2012, с. 41].

Язык газеты в настоящем научном исследовании – это своего рода макротекст – совокупность газетных текстов, характеризующихся цельностью, наличием законченного смысла и определенной функции, и создающих целостное коммуникативное образование. Как мы отмечали выше, мы склонны считать, что отождествление понятий «язык газеты» и «публицистический стиль», или же восприятие первого в качестве одного из подстилей публицистического стиля является не совсем корректным. Язык газеты – это самостоятельное функционально-стилевое образование, где посредством функциональных стилей взаимодействуют литературная основа национального языка и его нелитературные сферы. Таким образом, в языке газеты, в зависимости от жанра конкретного газетного текста, отражаются характерные особенности всех функциональных стилей литературного языка, которые требуют от исследователя единого восприятия. Так, характерные черты публицистического стиля являются основой для всех жанровых групп газетных текстов, тогда как особенности разговорного стиля можно обнаружить в информационных жанрах (интервью, репортаж и т.д.), художественного стиля – в художественно-публицистических жанрах (фельетон, очерк и т.д.), официально-делового стиля – в информационных жанрах (отчет), научного стиля – в аналитических жанрах (статья, рецензия), выделяемый некоторыми учеными в качестве самостоятельного

функционального стиля эпистолярный стиль находит свое отражение в составе аналитических жанров (тексты писем).

В результате, заметка пишется предельно сжато и просто, в ней нет ничего лишнего, тогда как автор репортажа использует яркие эпитеты, красочные сравнения, детали и подробности, его рассказ динамичен и эмоционален. Для стиля статьи характерны деловитость, насыщенность размышлениями, опора на факты. Раскрывая свою мысль, автор стремится убедить читателя в своей правоте, приводя аргументы, подтверждающие его выводы. Приступая к написанию очерка, журналист обращает внимание на образность своего языка и стиля, его текст во многом сближается с художественным произведением. А для фельетона характерно активное использование сатирических средств – иронии и насмешки, гиперболы, сарказма [Гуревич, 2004]. В конечном итоге, все это влияет на лексическую, грамматическую и синтаксическую составляющие языка газеты.

Итак, под жанром газетного текста, и публицистического произведения в целом, понимают устойчивые особенности его содержательно-тематических характеристик, типа отображаемой действительности, композиции, стилистики [Гуревич, 2004]. Особенности жанра не зависят от воли автора, наоборот, выбрав какой-либо жанр для своей публикации, он вынужден считаться с его особенностями и возможностями. По мнению А.А. Тертычного, под журналистскими жанрами подразумеваются устойчивые типы публикаций, объединенных сходными содержательно-формальными признаками [Тертычный, 2000, с. 10].

Между тем, разделение на жанры, опубликованных на страницах периодической печати текстов, происходит на основе определенных принципов. У каждого конкретного жанра имеются харакетрные особенности, которые возникают непроизвольно в процессе подготовки материала автором. Единственным условием предопределяющим ход преобразования того или иного материала в готовую публикацию определенного жанра является цель автора, который еще до начала

подготовки текста имеет предварительную концепцию того что, как и с какой целью будет отображено на письме. Стоить отметить, что разделение на жанры существует лишь в теории, на практике же их границы нестабильны, что в конечном итоге приводит к процессу взаимопроникновения жанров [Сабирова, 2012].

На сегодняшний день при анализе проблем жанрообразования наиболее авторитетными считаются труды М.С. Черепахова [Черепахов, 1973], В.Д. Пельта [Пельт, 1980], В.В. Ученовой [Ученова, 1983], А.А. Тертычного [Тертычный, 2000], С.М. Гуревича [Гуревич, 2004], А.К. Бобкова [Бобков, 2005] и т.д.

В целом, в современной журналистике в разработке проблем понятия жанра и их дифференцирующих признаков наблюдается наличие нескольких подходов. Российские ученые воспринимают жанры в качестве устойчивых форм действительности, обладающих повторяющимися и структурными признаками. В рамках данного подхода жанры делятся:

– по характеру объекта, т.е. объектом большинства текстов выступали непосредственные факты событий реальной действительности, а объектами литературных или театральных жанров являлись факты отраженной действительности;

– по их конкретному назначению, т.е. ориентируясь на ту или иную творческую задачу, запланированную к решению в рамках текста;

– по масштабу охвата действительности. В данном случае учитывалась широта отражения действительности, масштабы обобщений и выводов;

– по характеру литературно-стилистических средств, т.е. по способу отражения реальной действительности [Жанры…, 1972, с. 7].

Данного подхода, в частности, придерживался В.Д. Пельт. На основе вышеуказанного подхода он выделяет четыре жанровые группы: информационные жанры (заметка, отчет, интервью, репортаж), аналитические жанры (статья, корреспонденция, рецензия, обозрение, комментарий, письмо, обозрение), художественно-публицистические жанры

(очерк, зарисовка) и сатирические жанры (памфлет, фельетон) [Пельт, 1980, с. 8].

Данная концепция была в употреблении журналистики до начала 90-х годов прошлого столетия. Именно в этот период Е.И. Пронин предлагает принципиально иной подход в разделении публицистических жанров, который сопоставляет жанры по двум основным параметрам – это предметный подход к отображению реального процесса социальной практики (контакты, реалии, решения, позиции, абсурды, шедевры, мнения, эффекты) и уровень осмысления предмета отображения (ориентирование, символизация, оповещение, коррекция) [Социальная практика…, 1990, с. 49-50].

А.А. Тертычный в своем труде разделяет публицистические жанры на три основные группы: информационные, аналитические и художественно-публицистические. В группу информационных жанров ученый включает такие виды, как заметка, репортаж, интервью, вопрос-ответ, анонс и т.д., которые характеризуются точностью и краткостью подачи информации и сообщают общественности о наиболее значимых событиях той или иной сферы человеческой жизнедеятельности. В группе аналитических жанров автором концепции выделены аналитическая корреспонденция, аналитическое интервью, комментарий, рецензия, обозрение, статья и т.д., задачей которых является анализ тех или иных ситуаций или явлений. К художественно-публицистическим жанрам А.А. Тертычный относит такие жанры, как очерк, фельетон, памфлет, пародия, сатирический комментарий, эпитафия и шутка, которые являются результатом образного отражения действительности [Тертычный, 2000, с. 43, 72, 182].

А.К. Бобков, говоря о жанрах современной газетной публицистике, также разделяет их на три группы [Бобков, 2005, с. 6]. В первую группу информационных жанров он относит оперативные жанры, сообщающие новость или событие и относит в данную группу заметку, отчет, интервью и репортаж. К аналитическим жанрам автор относит такие жанры, как факт и

комментарий, корреспонденция, статья, обзор печати и СМИ, обозрение, письмо, журналистское расследование. По мнению А.К. Бобкова, газетные тексты, относящиеся к аналитическим жанрам, изучают какую-либо важную проблему и дают подробный анализ той или иной ситуации развития общества. В аналитических жанрах факты являются основанием, фундаментом для будущего материала газетной публицистики. При этом каждый жанр имеет свои особенности, свою специфику, свои отличительные черты. К художественно-публицистическим жанрам исследователь относит зарисовку, очерк, фельетон, памфлет, пародию, эпиграмму и эссе.

По мнению С.М. Гуревича выбор той или иной жанровой формы при оформлении газетного текста диктуется несколькими наиболее важными особенностями каждого из жанров [Гуревич, 2004]. Важнейшее значение имеет функция жанра, далее идет объект и предмет отображения, а также стилистика жанра и наличие выразительных средств. Опираясь на данные жанровые особенности, С.М. Гуревич разделяет семь жанровых групп. В группу жанров новостной информации он относит заметку, отчет и репортаж; в группу диалогических жанров включает интервью, диалог и беседу; к ситуативно-аналитическим жанрам относит комментарий, корреспонденцию, статью, обзор СМИ и обозрение; эпистолярные жанры обусловлены наличием жанра письмо; к художественно-публицистическим жанрам автор относит зарисовку и очерк; к сатирическим жанрам – фельетон, памфлет, пародию, эпиграмму и эссе. Кроме того, С.М. Гуревич выделяет еще одну большую жанровую группу газетных текстов – жанровые формы публикаций других типов, куда он относит разного рода документальные и официальные материалы, статистические данные, литературно-художественные материалы, развлекательные публикации, справочные материалы, рекламные публикации и частные объявления.

Особое внимание следует обратить концепции жанровой дифференциации публицистических текстов, предложенной Г.В. Лазутиной и С.С. Распоповой. При классификации жанров, исследователи за основу берут

два критерия – предмет отображения и потребности общества, а понятие «жанр» соотносят не с текстом, а с целостным представлением о творческой деятельности [Лазутина, 2011, с. 12]. В результате, авторы разделяют следующие жанровые группы: новостная журналистика (новостная заметка, критическая заметка, репортаж), проблемно-аналитическая журналистика (обозрение, комментарий, корреспонденция, статья), очерковая журналистика (житейская история, зарисовка), смеховая журналистика (фельетон, сатирическая заметка, шутка, байка, розыгрыш), культурно-просветительская журналистика (рецензия, научно-популярная статья) и интерактивная журналистика (обзор писем, вопрос-ответ, интервью, беседа, круглый стол, ток-шоу).

Один из ведущих специалистов в области изучения истории и теории татарской журналистики В.З. Гарифуллин в вопросе дифференциации жанров периодической печати также является сторонником разделения текстов на три основные группы [Гарифуллин, 2014, с. 7]. Он выделяет информационные, аналитические и художественно-публицистические группы жанров. В то же время, в татарской журналистике существуют и иные мнения. К примеру, И.М. Низамов разделяет тексты периодической печати только на две жанровые группы: информационного характера и описательного характера [Низамов, 1996, с. 57].

Как можно наблюдать, несмотря на определенные различия в попытке ученых классифицировать жанровую систему периодической печати, наиболее традиционным выглядит выделение трех жанровых групп: информационные жанры, аналитические жанры и художественно-публицистические жанры. Информационным жанрам в большей степени характерна функция сообщения, они отличаются оперативностью, наличием в материалах событийного повода и рассмотрением того или иного конкретного факта или явления. Аналитическим и художественно-публицистическим жанрам присуща функция воздействия. Аналитические жанры имеют более широкие временные рамки, в них содержится изучение и

анализ системы фактов или ситуаций, а также обобщения и выводы. Художественно-публицистические жанры вобрали в себя образно-выразительные и понятийные средства, они обладают большой эмоциональной силой. Именно данный трехжанровый вариант классификации мы возьмем за основу в рамках анализа жанровой дифференциации публицистических текстов татарской газеты начала XX века.

Как мы отмечали выше, любой текст является результатом коммуникативной деятельности человека. По этой причине, например, художественные тексты сильно отличаются от научных текстов. Если в первом случае основной целью текста является образное отражение реальной действительности, то во втором случае реальная действительность изучается и объясняется. С точки зрения структурно-семантического разделения газетных текстов на сегодняшний день существуют разные варианты классификаций. Так, по мнению И.Р. Гальперина стоит разделять три типа информации: содержательно-фактуальные, содержательно-концептуальные и содержательно-подтекстовые [Гальперин, 1982, с. 27]. В свою очередь А.Н. Кожин выделяет два структурных типа: рационально логический и эмоционально-риторический [Кожин, 1982, с. 151]. Западные лингвисты в зависимости от коммуникативных задач выделяют три вида текстов: информирующие тексты, активизирующие тексты и разъясняющие тексты [Лингвистика текста и…, 1987, с. 8]. При этом, как это характерно для основных коммуникативных задач, виды текстов делятся на типы. Таким образом, информирующие тексты делятся на информирующие деловые и информирующие о переживаниях, активизирующие тексты разделяются на убеждающие, мобилизующие, заинтересовывающие, эмоционально-затрагивающие, нормирующие и т.д.

Следует понимать, что газетные тексты, так же, как и другие тексты, в коммуникативно-целевом плане имеют свою специфику. Тип газеты, индивидуальные особенности изложения текста конкретным публикуемым

автором, задачи, которые автор ставит в каждом конкретном тексте, играют важную роль в формировании газетного текста. По мнению В.З. Гарифуллина именно задача, которую ставит перед собой автор, в конечном итоге играет наиболее важную роль в процессе создания газетного текста. Так, ученый выделяет четыре вида задач: информирование о наиболее важных событиях и фактах, имеющих место в определенном временном отрезке, разъяснение сути этих событий и фактов, анализ наиболее значимых общественных проблем, описание событий и явлений реальной действительности, и наконец, решение всех перечисленных выше задач посредством интервьюирования авторитетного в конкретной области лица или очевидца событий [Гарифуллин, 1998, с. 38]. Отталкиваясь от этих задач, В.З. Гарифуллин приходит к выводу, что для татарской газеты характерно наличие четырех основных типов текста: фактологический, описательный, аргументирующий и диалогический.

Так, к фактологическим типам газетных текстов, имеющих место в языке газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», мы относим тексты заметок, отчетов, коммерческих и информационных объявлений, а также тексты статистических данных. Основой любого газетного текста является событие или явление объективной действительности, т.е. факт. При этом, в текстах, относящихся к информационным жанрам, понятие «факт» почти в полной мере приравнивается к понятию «тема». Это объясняется тем, что темой преобладающего большинства информационных газетных текстов является сообщение о конкретном факте реальной действительности.

В структурно-семантическом плане к описательным типам газетных текстов, опубликованным в исследуемых нами газетах, мы относим тексты репортажей и путевых очерков, а также часть опубликованных в газетах текстов художественных произведений, в зависимости от их содержания и задач автора. Преобладающее большинство ученых воспринимает описание в качестве констатирующей речи, утверждающей наличие или отсутствие каких-либо признаков описываемого предмета [Нечаева, 1974, с. 61].

Описательная структура, как правило, используется в таких текстах, опубликованных на страницах периодической печати, где отражается то или иное явление, либо событие, имеющее место в реальной действительности, а также в текстах, где требуется образное описание тех или иных явлений, или героев, причастных к какому-либо событию.

Аргументация играет важную роль при формировании не только газетного текста. Тексты с аргументирующей структурой можно обнаружить также в литературных, научных, политических и т.д. текстах, где во главу угла ставится выдвигаемый автором главный тезис текста и его аргументация. К данному типу текстов мы относим тексты статей, рецензий, обозрений, корреспонденций, открытых писем, фельетонов, комментарий, а также части художественных произведений, в зависимости от их содержания и авторских задач.

Посредством текстов с диалогической структурой возникает возможность донести до читателя авторитетную информацию касательно той или иной общественно-важной темы из первых уст. В основу газетных текстов с диалогической структурой заложен первичный устный диалог между журналистом и авторитетным в конкретной области интервьюируемым лицом, мнение которого будет интересно адресату. В структурно-семантическом плане к диалогическим типам газетных текстов, опубликованным в исследуемых нами газетах, мы относим тексты интервью. Учитывая, что изначально беседа журналиста и интервьюируемого лица строится на основе разговорной речи и только затем, при подготовке материала к публикации, оформляется в качестве письменного текста, влияние разговорного языка на текст интервью очевиден.

В целом, система жанров периодической печати находится в постоянном прогрессивном движении и является отражением социума в каждый конкретный момент его развития. На любом этапе своего развития перед периодической печатью стояло три основных задачи – в актуальные сроки проинформировать общество, произвести анализ и дать оценку тому

или иному общественному явлению или событию, а также при помощи эмоционально-экспрессивных средств повлиять на мнение читателя. Конечно, по понятным причинам современная газета намного более привлекательна, информативна, имеет более разнообразный набор жанров, а также иную, отвечающую сегодняшним требованиям, форму и формат, нежели газеты начала XX века. Хотя, следует отметить, что татарская газета начала прошлого столетия стремилась отвечать современным для той эпохи требованиям и не отставала от новомодных европейских и русских органов периодической печати, как по форме, так и по содержанию.

В настоящем научном исследовании предпринята попытка провести анализ жанровой системы татарских газетных текстов начала XX века, а также исследовать принципы их структурно-композиционного, лексико-стилистического и грамматического построения. Объектом нашего исследования являются тексты татарских газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш». Из многочисленных татарских газет начала XX века, издававшихся в межреволюционный период 1905-1917 гг., мы решили остановить свой выбор именно на вышеперечисленных органах периодической печати по ряду объективных причин. В первую очередь, используемые в данной исследовательской работе материалы органов периодической печати прежде не должны были являться предметом специальных лингвистических исследований. Также важным условием при выборе газет стал хронологический аспект, т.е. орган периодической печати должен был издаваться не менее пяти лет в период с 1905 по 1917 гг. Кроме того, исследуемые нами материалы относятся к газетам, издававшимся в разных точках России, что повлияло на идеологический и политический характер их содержания. В результате получился своего рода географический треугольник татарской периодики начала XX века. На наш взгляд, Казань, Оренбург и Астрахань начала XX века являлись ключевыми городами на карте России в плане национального прогресса, а также развития национальной периодической печати и издательской деятельности среди

татар. В этой связи, актульность и обоснованность выбора указанных газет в географическом плане подтверждается и термином «очаг культуры», который активно употребляется в Э.Р. Тенишевым в его трудах. По его мнению, явления культуры, в частности язык, предопределяются географическим фактором. При этом, существует набор признаков, дающий возможность районировать культурный ландшафт [Тенишев, 2006, кн. 1, с. 285].

Так, литературная и политическая тюркская мусульманская газета «Борхане таракки», выходившая два раза в неделю, издавалась в 1906-1911 гг. в Астрахани, ее издателями были Мустафа Лутфи Исмагилов-Ширванский и Закир Ходжаев. «Борхане таракки» является первым официальным органом татарской периодической печати в Астраханской губернии. Как известно, Астрахань рассматриваемого периода – это уникальная территория, где связи с туркестанскими мусульманами и представителями Турции были налажены лучше, чем в какой-либо другой точке России. При этом, просветительское движение мусульман Астраханской губернии была связана с издательской и педагогической деятельностью Исмаила Гаспринского, который, как известно, выпускал в Бахчисарае газету «Тарджеман» [Курмансеитова, 2008, с. 36]. Все эти факторы повлияли и на формирование особого грамматического и лексического стиля газеты «Борхане таракки».

Ежедневная политическая и литературная газета «Вакыт», издававшаяся в Оренбурге в период с 1906 по 1918 гг. братьями Мухаммедшкаиром и Мухаммедзакиром Рамиевыми, является первым официальным органом татарской периодической печати, издававшимся в этом городе, а также по праву считается одной из наиболее долговечных газет рассматриваемого периода. Редактором газеты был писатель, педагог-просветитель и журналист Фатих Карими. Между тем, в начале прошлого века Оренбургская губерния являлась одним из крупнейших очагов развития

татарской культуры: здесь действовали сотни мечетей и медресе, издавались национальные газеты, работал татарский театр.

Ежедневная прогрессивная татарская газета «Кояш», не следующая программе ни одной партии, издавалась в 1912-1918 гг. в Казани. Редактором и издателем газеты был Закария Садретдинов. В своей работе мы, несомненно, должны были обратиться к газете, издававшейся в Казани, так как Казань начала XX века – это духовный, национальный и религиозный центр не только для татарского народа, но и для тюрок-мусульман всего Российского государства рассматриваемого периода.

На наш взгляд, именно через сравнение языка трех вышеназванных органов периодической печати на фоне жанровой системы татарской газеты начала XX века можно проследить и выявить лингвистическую вариативность языка татарской газеты как модели татарского литературного языка рассматриваемого периода. При этом, следует учитывать, что в этот период татарский язык был на пути к становлению в качестве национального литературного языка, что в определенный момент привело к функционированию в языке одновременно нескольких языковых течений: арабо-персидского, османско-турецкого и собственно татарского.

Из всего современного жанрового многообразия, среди текстов газет, рассматриваемых в данной исследовательской работе, регулярно обнаруживаются лишь некоторые. Как известно, информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры являются теми ячейками, где реализуется публицистичсекий стиль литературного языка. Данные жанровые группы являются базовыми элементами жанровой системы периодической печати, в частности татароязычных арабографических газетных текстов начала XX века. Однако если воспринимать язык газеты как совокупность всех опубликованных в ней текстов, характеризующихся целостностью, наличием единого законченного смысла и определенной функции, и создающих единое коммуникативное явление, то следует понимать, что кроме перечисленных выше жанров, в

языке газеты функционируют и тексты иного характера. Обычно из информационных жанров чаще всего встречаются заметка и отчет; из аналитических жанров можно обнаружить статью, обозрение, обзор периодической печати, реже – письмо; из художественно-публицистических жанров – очерк. Также на страницах рассматриваемых нами газет встречаются тексты коммерческих и информационных объявлений, статистические данные, и тексты художественных произведений. Тексты статистической информации и тексты объявлений мы рассматриваем в рамках информационных жанров, а тексты художественных произведений – в рамках художественно-публицистических.

Для части текстов, опубликованных на страницах рассматриваемых нами газет характерна размытость жанровых границ. Порой трудно определить, к какому жанру публицистики относится текст. Нередко в нем сочетаются признаки заметки и обозрения или комментария и объявления или проблемной статьи и совета-рекомендации. Сегодня считается, что в творчестве начинающих журналистов – это недостаток, от них требуют точного выполнения задания, связанного с подготовкой текста в определенном жанре [Гуревич, 2004]. Однако в начале прошлого столетия, когда татарская публицистика только зарождалась, о профессиональных татарских журналистах не могло быть и речи. На страницах периодической печати публиковалась в основном национальная интеллигенция, а на форму и содержание публикаций влияли такие факторы, как политический взгляд, уровень образованности авторов статьи и редакторов конкретных газет, а также социально-политическая направленность органа периодической печати и потенциальная публика, т.е. адресаты. Немаловажную роль также играла техническая сторона книгопечатания и типографического дела в целом. В этом плане можно заметить наличие в текстах газет определенного количества грамматических и технических ошибок, варьирующихся по количеству и частоте. В целом, судя по обработанному нами материалу, данная ситуация для конкретного рассматриваемого нами периода, является

скорее нормой и связана с техническими сложностями в исправлении совершенных в процессе печатания ошибок. К тому же, судя по содержанию текстов, издатели во главу угла ставили, появившуюся в межреволюционный период, свободу слова, возрождение национального самосознания народа по средствам публикуемых теоретико-пропагандистских и проблемных статей, а также расширение информационного поля и общего кругозора населения, подавая свежие новости из разных регионов России и зарубежных стран, нежели ориентацию на журналистские постулаты и развитие национальной публицистики в целом. Хотя, следует отметить, что возникновение в начале XX века такого явления как татарская газета и есть точка отсчета в зарождении и развитии татарской профессиональной публицистики.

В данной работе мы выделяем три жанровые группы газетных текстов – информационные, аналитические, художественно-публицистические. Для того, чтобы представить количественное соотношение жанров, мы провели статистический анализ текстов, опубликованных в 50 номерах каждой из газет.

В результате оказалось, что в газете «Борхане таракки» в 50 номерах было опубликовано 1029 текстов, среди которых имеется 878 текстов, относящихся к информационным жанрам, 144 текста относящихся к аналитическим жанрам, и 7 текстов, относящихся к художественно-публицистическим жанрам. В газете «Вакыт», в общей сложности, было опубликовано 1365 текста, из которых 1208 текстов относится к информационным жанрам, 147 текстов – к аналитическим жанрам, и 10 – к художественно-публицистическим. На страницах газеты «Кояш» опубликовано 1041 текст, 889 из которых относятся к информационным жанрам, 144 – к аналитическим, и 8 – к художественно-публицистическим. Для более точного восприятия вышеуказанных статистических данных, приведем их в таблице:

Наименование газеты (использованы тексты 50 номеров каждой из газет)	Тексты, относящиеся к информацион-ным жанрам	Тексты, относящиеся к аналитичес-ким жанрам	Тексты, относящиеся к художественно-публицистичес-ким жанрам	Общее количество текстов
«Борхане таракки»	878	144	7	1029
«Вакыт»	1208	147	10	1365
«Кояш»	889	144	8	1041

Как видно из приведенных статистических данных, преобладающее большинство текстов, опубликованных на страницах рассматриваемых нами газет, относятся к информационным жанрам, тогда как тексты, относящиеся к художественно-публицистическим жанрам встречаются заметно реже. Стоит отметить, что наличие столь большого количества текстов, относящихся к информационным жанрам, помимо прочего, объясняется тем, что преобладающую их часть составляют тексты объявлений. Так, в 50 номерах газеты «Борхане таракки» опубликовано 269 текстов объявлений, в газете «Вакыт» – 609 текстов, в газете «Кояш» – 449.

Таким образом, мы приходим к выводу, что жанр газетного текста – это совокупность устойчивых особенностей его содержательно-тематических характеристик, типа отображаемой действительности, композиции и стилистики. При этом, разделение текстов на жанры происходит на основе определенных принципов. На сегодняшний день принято разделять информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры. В настоящем диссертационном исследовании мы основываемся именно на трехвидовую жанровую систему. Среди текстов исследуемых нами газет из информационных жанров наиболее регулярно обнаруживаются заметка и отчет, из аналитических жанров – статья, обозрение, обзор периодической печати, и письмо, а из художественно-публицистических жанров встречается очерк. Кроме того, нельзя не отметить наличие текстов коммерческих и информационных объявлений, статистических данных и текстов художественных произведений. Отталкиваясь от задач, ставящихся

перед ними, мы рассматриваем тексты объявлений и статистической информации в группе информационных жанров, а тексты литературных произведений – в группе художественно-публицистических жанров.

2.2. Структурно-композиционная и лексико-стилистическая характеристика текстов информационных жанров

Основной задачей информационных жанров является регулярное и своевременное информирование населения о тех или иных наиболее важных событиях, имеющих место в той или иной сфере человеческой жизнедеятельности. Для того, чтобы была возможность верного восприятия читателем предоставленной информации, автор текста, который мы относим к информационным жанрам, должен ответить в его содержании на шесть главных вопросов: что именно произошло, кто, где, когда, как и по какой причине совершил действие или оказался в той или иной ситуации. Целью обращения к аудитории с новостными материалами могут быть: оповещение о произошедшем или готовящемся факте, событии, явлении, ориентирование в социальной и политической обстановке, включение читателя в активную жизнь общества, побуждение его к коррекции своих мыслей и поступков [Туманов, 2002].

Одним из наиболее распространенных жанров новостной публицистики, встречающимся среди текстов газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» является *заметка*. Газетная заметка – наиболее оперативный жанр печати, призванный быстро и точно передавать наиболее важную информацию о событиях, происходящих в самых разных сферах общественной жизни. Цель автора заметки – возможно быстрее сообщить читателю актуальную новость – определяет основные особенности этого жанра газетных публикаций. Следовательно, в структурно-семантическом плане тексты заметок относят к фактологическому типу. Стремление обеспечить оперативность передачи читателю информации, содержащейся в заметке, ограничивает ее объем. На примере текстов, опубликованных в

исследуемых нами газетах, можно утверждать, что она оформляется минимум в одном, максимум в четырех-пяти предложениях и не превышает десяти-пятнадцати строк, а чаще всего ограничивается и вовсе одним-двумя предложениями. Ограниченными объемами объясняются и особенности стиля заметки: в ней избегают использование стилистических фигур, читателю предоставляется деловитая, сухая, но точная информация. Автор не дает подробных описаний и характеристик.

На сегодняшний день ученые выделяют несколько видов заметок [Бобков, 2005, с. 8]. Хроникальная заметка сжато, коротко сообщает о факте, событии. Часто дается в подборках, под общей рубрикой или заголовком. Можно выделить также короткую заметку, которая сообщает о факте, событии. При этом факт дается в более развернутом виде. Короткая заметка имеет заголовок. Публикуется в подборках или среди других материалов. На страницах газет также часто публикуются расширенные заметки, где факт, событие не только подробно рассматриваются, но и делается попытка раскрытия их составляющих [Бобков, 2005, с. 8]. Среди текстов, опубликованных в газетах «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», как правило, обнаруживаются хроникальная и расширенная заметки.

В газете «Борхане таракки» вне зависимости от вида, тексты заметок чаще всего подаются блоками в рамках разных рубрик, таких, как «Русия хәбәрләре» («Российские новости»), «Чит мәмләкәт хәбәрләре» («Новости зарубежных стран»), «Хаҗитархан хәбәрләре» («Астраханские новости») и т.д., а иногда имеют заголовок.

Рассмотрим текст хроникальной заметки из рубрики «Русия хәбәрләре», которая имеет место почти в каждом номере газете «Борхане таракки»: *Kijef törmäsendä ülem cazasyna xökem qylynğan političeskiny asarğa palač bulyb jallanğač arestant Puškofny palač bulğanlyğy öčen iptäš arestantlary qajčy berlän 16 cirdän cäräxätlägänlär* («Борхане таракки», далее – «Б.т.», 1906, № 30, «Палачны җәрәхәтләгәнләр») ‘После того, как арестанта Пушкова наняли в качестве палача для повешения политического

заключенного, приговоренного к смертной казне в киевской тюрьме, друзья-арестанты нанесли ему 16 ранений ножницами, за то, что он был палачем’[1].

Данная рубрика состоит из нескольких коротких информационных текстов – заметок, часть текстов имеет название. Как видно, текст передает краткую суть события, в связи с чем, ее содержание следует воспринимать как реальное отражение факта. Это, в свою очередь, приводит к возникновению ярковыраженной безоценочности и нейтральности текста. Рассматриваемый текст состоит из одного предложения, где коротко разъясняется что, где, когда и по какой причине произошло.

Следующий текст также относится к хроникальной заметке и опубликован в рубрике под названием «Чит мәмләкәт хәбәрләре»: *Sofija. Ministrlar bašlyğy Petkofny bašqa äxbab ministrlary berlän bäräbär šähär baqčasynda säjer itdege waqyt urynyndan tošerelgän činaunik revalverdan atyb ütergän* («Б.т.», 1907, № 80, «Чит мәмләкәт хәбәрләре») ‘София. Уволенный чиновник застрелил из револьвера премьер-министра Петкова во время прогулки по городскому парку в компании других министров’.

Серия заметок в данной рубрике подается под одним общим названием, а в начале каждой заметки указывается название страны или города, о котором идет речь в тексте. В приведенном примере также отчетливо прослеживается основная стилевая особенность рассматриваемого жанра – отсутствие каких-либо признаков наличия автора. На первый план выходит обезличенная подача фактов и протокольность повествования. Главным образом это объясняется стремлением автора создать максимально объективный текст, где он пытается размышлять как коллективное большинство, в связи с чем преобладающее количество текстов, относящихся к жанру заметка и опубликованные в рассматриваемых нами газетах, не имеют указанных под текстами авторов.

Среди жанрового многообразия, имеющего место в газете «Вакыт», частотностью употребления также выделяется заметка. Однако в отличие от

[1] Здесь и далее перевод автора.

газеты «Борхане таракки», где чаще встречаются хроникальные заметки, в газете «Вакыт» в больших количествах публиковались и расширенные заметки. Факт или событие в данном случае уже не просто рассматриваются подробно, но и делается попытка раскрытия их составляющих. Следовательно, заметно увеличивается и объем текста. Расширенные заметки в газете «Вакыт» подаются блоками в рамках разных рубрик, таких, как «Оренбург хәбәрләре» («Оренбургские Новости»), «Рәсәй хәбәрләре» («Российские новости»), «Әтраф хәбәрләре» («Новости окрестностей»), «Харижи хәбәрләр» («Иностранные новости»), «Дума тирәсендә» («Вокруг Думы»), «Рәсми хәбәрләр» («Официальные новости») и т.д., а также опубликованы как самостоятельные тексты. Вне зависимости от вида и формы подачи заметки могут иметь свое название. Далее рассмотрим отрывок из расширенной заметки: *Verxnij Ural öjäze “Axun” awylynda jäšlär kečkenä genä ber kitabxanä ačarğa qarar bireb ber cämğyjät jasağanlar, aqča cyjyšqanlar wä ustaf jasab, mämurlardan röxsät sorarğa bulğanlar. Läkin ber ničä mäxälä imamy cämgyjädä xalyqğa, jäšlärneŋ bu fikeren bik jamanlab, “kitabxanä aču xäräm. Kitabxanädä törle fäxeš ešlär ešlänäčäk” dib šäb notyq söjläde. Bajğuralar da buŋa qušyldy, šul säbäble eš pešmäde…* («Вакыт», далее – «В.», 1909, № 426, «Кыйраәтханә вә сыра мәҗлесләре») ‘В деревне Ахун Верхнеуральского уезда молодежь, решив организовать библиотеку, создала общество, начали собирать деньги и сформировав устав, попытались получить разрешение у чиновников. Однако имамы нескольких махалля на собрании перед народом очень плохо отзываясь о данной затее молодежи, выступили с пламенной речью, утверждая, что «открытие библиотеки – это харам. В ней будет процветать разврат». Состоятельная часть населения поддержала эту мысль и по этой причине дело застопорилось...’.

Данная заметка имеет свое название – «Кыйраәтханә вә сыра мәҗлесләре» («Читальный зал и пивные вечеринки»), хотя подается в рубрике под названием «Рәсми хәбәрләр» («Официальные новости»), которая включает в себя ряд заметок. Как известно, отличительной чертой как

хроникальной, так и расширенной заметки является достоверность и документальность изложенных фактов. В рассматриваемом отрывке расширенной заметки в форме цитаты приведены слова имамов нескольких махалля (…*“kitabxanä aču xäräm. Kitabxanädä törle fäxeš ešlär ešlänäčäk”* ***dib*** *šäb notyq* ***söjläde*** ‘…выступили с пламенной речью, утверждая, что «открытие библиотеки – это харам. В ней будет процветать разврат’). Именно посредством данной цитаты автор заметки добивается документальности, которая является своего рода гарантией достоверного изложения факта. Автор доносит требуемую информацию до читателей при помощи сообщения иных лиц, создавая при этом модальность засвидетельствования, которая графически выражается в предложении при помощи лексических единиц, используемых для обозначения различных процессов речевой деятельности человека – глаголов говорения (*dib söjläde* ‘рассказал’, *dib xäbär birgän* ‘сообщил’, *dijälärder* ‘говорят’ и т.д.).

Речевая деятельность в рамках жанра заметка основывается на использовании речевых стандартов, которые функционируют во всех разновидностях информирующей речи (констатация факта, информативное повествование, информационное описание) [Кахужева, 2012]. При этом, констатация факта является основным типом речевой деятельности, а в качестве ее стандартной речевой формы, как правило, используется простое повествовательное предложение: *25 nče oktäbrda möselman cämğyjäteneŋ ğomumi cyjylyšy buldy. Äğzalar jözdän artyq ide. Šähärneŋ čitlärendäge fäqyjr möselman balalary öčen jyldağyča irlär wä qyzlar mäktäbläre aču mäsäläse qaraldy. Cämğyjät bu mäktäblärne ačarğa röxsät sorab gubernatorğa möräcäğat itkän ide. Gubernator: “Mäğarif mämurlaryna möräcäğat iteŋez” dib qajtarğan…* («В.», 1909, № 536, «Мөселман җәмгыятенең җыелышы») ‘25 октября состоялось общее собрание мусульманского общества. Присутствовало более ста членов. Рассматривался вопрос об открытии ежегодных мужских и женских школ для малоимущих мусульманских детей с окраин города.

Общество обратилось к губернатору с просьбой разрешить открытие этих школ. Губернатор ответил: «Обращайтесь в Министерство образования»’.

Данная расширенная заметка, под названием «Собрание мусульманского общества» подается в рамках серии заметок под одним общим названием «Оренбург хәбәрләре» («Оренбургские новости»). Как видно из текста, констатация факта имеет место в первом предложении, а далее мы наблюдаем информативное повествование. В предложении *25 nče oktäbrda möselman cämğyjäteneŋ ğomumi cyjylyšy buldy* ‘25 октября состоялось общее собрание мусульманского общества’ мы не обнаруживаем языковые единицы, которые бы могли содержать признаки субъективной оценочности или наблюдаемого действия. Такого рода фактографические высказывания, как правило, констатируют наличие (бытие) в широком смысле [Кахужева, 2012]. В данном конкретном примере наличие факта отображается при помощи языковой единицы, которая указывает на ту или иную стадию процесса (*cyjylyš buldy* ‘было проведено совещание’).

В газете «Кояш» заметки также подаются в рубриках «Харижи хәбәрләр» («Зарубежные новости»), «Дахили хәбәрләр» («Внутренние новости»), «Әтраф хәбәрләре» («Новости окрестностей»), «Казан хәбәрләре» («Казанские новости») и т.д., а также в виде независимых текстов. Преобладающее большинство заметок имеют свои названия, причем регулярно можно обнаружить как хроникальную, так и расширенную заметку.

Рассмотрим текст хроникальной заметки: *Tula – Ber mäšhür kupes üzeneŋ ystudent uğlyn saldatdan qaldyryr öčen 305 sumğa beräüdän 2 nče razräd bilety satyb alğan ikän. Šul eš belengäč ul xäzerdä xökemgä birelä ikän. Andyj cinajät öčen xärbi xökem bulyr dib xisab itälär* («Кояш», далее – «К.», 1915, № 613, «Закондан тыш солдаттан калдырган өчен») ‘Тула – Один известный купец, для того, чтобы не отправлять своего сына-студента в армию, за 305 рублей приобрел у третьего лица билет 2-го разряда. Теперь, когда об этом

стало известно, он будет осужден. Предполагается, что за такого рода преступление ему грозит военный трибунал’.

Заметка, состоящая из трех предложений, опубликована в рубрике «Дахили хәбәрләр», которая в данном номере вобрала в себя 10 хроникальных заметок. Как видно, в тексте функционирует модальность знания, которую можно противопоставить модальности наблюдения, характерной для таких жанров, как репортаж или путевой очерк. Автор заметки передает не свою личную точку зрения, а скорее выражает имеющуюся логическую оценку. В данном конкретном примере для выражения модальности знания используется глагол в прошедшем времени на *-ğan* в сочетании с модальным словом *ikän* ‘оказывается, будто’, что в совокупности передает значение неочевидности, заглазности, а также составной глагол *xisab itü* ‘предполагать’ в значении неочевидности.

Как видно из примеров, преобладающая часть хроникальных заметок оформлена при помощи полных предложений, где имеются все синтаксические элементы, необходимые для полноты строения и значения. Данный факт объясняется тем, что заметка по своей сути старается описать событие посредством минимального количества предложений. Такого рода подход позволяет автору создать компактное изложение факта, которое, однако, может привести к возникновению стилистических погрешностей, проявляющихся, к примеру, в чрезмерном употреблении одних и тех же грамматических форм и лексических элементов: *Ütkän jyldağy šikelle awyl xalqy ysxodlarğa* ***cyjylyb*** *G. dumağa* ***priğovorlar*** *jebärüne bu jylda bulmasyn häm G. duma isemenä ber* ***cyjylyšyb priğovorlar*** *jasarğa irek birelmäsen* ***dib*** *daxilijä ministry barča ğubernatorlarğa häm zemskij načalniklarğa färman taratqan* («Б.т.», 1907, № 80, «Русия хәбәрләре») ‘Министр внутренних дел направил указ всем губернаторам и земским начальникам, с целью недопущения ситуации, когда сельские жители собравшись направляют в Г. думу приговоры, как это было в прошлом году, когда они, собравшись на сходах направили в Г. думу приговоры’. В тексте данной хроникальной заметки

наблюдается чрезмерное употребление формы деепричастия на *-yb*, а также двойное употребление слова *priğovor* ‘приговор’ в рамках одного предложения.

В следующем тексте хроникальной заметки также наблюдается повышенная частотность употребления деепричастия на *-yb*, а также слова *qantor* ‘кантора’ в рамках одного предложения, что в стилистическом плане воспринимается как погрешность: *Taškäntdä “Nadežda” **qantorynyŋ** “Uratübä”däge **qantoryndağy** ağenty “Urajef”ğa qorally ike adäm **hocum iteb** ajağyn **cäräxätläb** 4800 sum aqčasyn **talab** qačqanlar* («В.», 1908, № 333, «Дахили хәбәрләр») ‘В Ташкенте двое вооруженных людей сбежали, напав на агента канторы в Ура-Тюбе, относящейся к канторе «Надежда», Ураева, ранив в ногу и отняв 4800 рублей’.

Если обратить внимание на текст хроникальной заметки под названием «Юрьев дарелфөнүне Пермьга күчә», опубликованный в газете «Кояш», можно обнаружить, что основная тема уже раскрывается непосредственно в первом предложении, а в последующих предложениях наблюдается ее конкретизация: *Perm – Jurjef darelfönüne Permgä küčkän täqdirdä Meškof digän bajnyŋ darelfönün fajdasyna 500 meŋ sum biräse jazylğan ide. Ul baj xäzerdä Petrogradda bulyb, darelfönünne Permgä küčerügä mäğarif nazyjre graf Ignatjef razyj buldy, dib xäbär birgän. Darelfönünne bötenläj Permgä qaldyru xaqynda xäräkät itärgä xäzerlänälär* («К.», 1910, № 858, «Юрьев дарелфөнүне Пермьгә күчә») ‘Пермь – Ранее писалось, о передаче баем Мешковым в пользу Юрьевского университета 500 тысяч рублей на фоне переезда университета в Пермь. В настоящее время, этот бай, находясь в Петрограде, сообщил о получении разрешения от министра образования графа Игнатьева на переезд университета в Пермь. Идут подготовки к переговорам о переносе университета в Пермь на постоянную основу’.

Как видно из фактического материала, текст заметки состоит из трех предложений, которые являются составными частями одного синтаксического целого. Первое предложение повествует о факте

финансовой помощи на фоне переезда университета, тогда как в последующих предложениях уже раскрывается информация о деталях переезда и основных действующих лицах. В данном случае, с точки зрения коммуникации наиболее важным является первое предложение, а последующие предложения лишь дополняют первое, без которого становится проблематичным их смысловое восприятие. Однако в синтаксическом плане последние два предложения являются абсолютно самостоятельными. Как видно из примера, в рамках синтаксического целого все три предложения связаны при помощи цепной связи, где связующим элементом является лексическое повторение (*bajnyŋ* ‘бая’– *baj* ‘бай, богатей’; *darelfönünne* – *darelfönünne* ‘университет’).

Между тем, в текстах заметок, опубликованных в современных газетах, можно обнаружить ситуации, когда первое предложение текста отделяется от последующих при помощи абзаца. По мнению некоторых ученых, разделение текста заметки при помощи абзаца имеет важное значение в создании информационного текста [Гарифуллин, 1998, с. 46]. Разделяют два вида абзаца – простой и редуцирующий. Если в простом абзаце, примененном в тексте хроникальной заметки, границы синтаксического целого и абзаца совпадают, то редуцирующий абзац применяется с целью отделения первого предложения, где передается ключевая информация, от последующих предложений. В приведенном нами примере хроникальной заметки, как и в преобладающем большинстве текстов, несмотря на то, что в смысловом плане отчетливо можно разграничить основное (первое) предложение от дополняющих (второе и третье), применение редуцирующего абзаца не наблюдается, что является отличительной особенностью в формировании текста хроникальной заметки в исследуемых нами газетах.

Как было отмечено выше, в заметках, опубликованных на страницах рассматриваемых нами газет, публикуется сжатая, но оперативная и актуальная на момент издания информация о каком-либо общественно

значимом событии, основывающаяся на реальных фактах. Если воспринимать любой факт в первую очередь как единичное событие, совершенное или запланированное, то оно должно иметь конкретный временной отрезок, отображенный в тексте. Как показывают приведенные выше примеры, в заметке, в преобладающем большинстве случаев, используется упрощенная временная структура, которая реализуется в тексте посредством форм прошедшего категорического времени на *-dy* и прошедшего результативного времени на *-ğan*. При этом, в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» регулярно встречаются обе формы прошедшего времени. Тем временем, в текстах заметок опубликованных в татарских газетах конца XX века наблюдается преимущественное употребление единственной глагольной формы выражения времени – прошедшего категорического времени в парадигматическом значении [Гарифуллин, 1998, с. 48]. По мнению В.З. Гарифуллина употребление ограниченного количества морфологических форм для выражения времени объясняется несколькими причинами. В первую очередь, следует говорить об изложении в текстах заметок с одноплановой временной структурой одного законченно момента действия, для выражения которого, как правило, достаточно одной грамматической формы. Во-вторых, учитывая повышенную оперативность рассматриваемого жанра, требуется наличие в тексте объективного и конкретного изложения факта, чего можно добиться посредством использования в тексте временных грамматических форм в их парадигматических значениях [Гарифуллин, 1998, с. 48].

В текстах заметок, опубликованных на страницах рассматриваемых нами газет, время также может выражаться при помощи лексических и синтаксических средств. В таких случаях глагол-сказуемое отходит на второй план и является лишь дополнением, подчеркивающим временной отрезок, в котором имел, либо будет иметь место излагаемый факт: ***17 nče oktäbr*** *Sojuz partijasynyŋ Peterburqda sjezdlary bulačaq. Qaralačaq mäsälälärdän iŋ möhim ulany, jevrejlarnyŋ tiŋez pravaly ulmaqlary häm sajlau*

zakonyny üzgärtü xaqynda («Б.т.», 1907, № 89, «Русия хәбәрләре») ‘17 октября в Петербурге состоится съезд партии «Союз». Наиболее важной повесткой будет вопрос равноправия евреев и вопрос изменения закона о выборах’; ***9 nčy oktäbrdä*** *Nižnida berničä märtäbä qar tösde. Ideldä paroxod jörülär 5-7 könlärdän tuqtalačaq* («К.», 1910, № 818, «Беренче кар») ‘9 октября в Нижнем несколько раз прошел снег. Движение судов остановится через 5-7 дней’.

Иногда, при повествовании о факте, по мнению редакции, имеющего наиболее важную информационную составляющую, в текст заметки, кроме указания даты, также может быть включена и более конкретная временная точка: ***26 apreldä comğa kön kič säğat 7 dä*** *Gorodskoj duma zalynda Narodnyj universitet obšestvasynyŋ ğomumi kiŋäš cyjylyšy buldy* («В.», 1913, № 1189, «Уфа хәбәрләре») ‘В пятницу 26 апреля в 7 часов вечера в зале Городской думы прошло общее собрание общества «Народный университет»’.

Наряду с выражением времени важное место в тексте заметки занимает и выражение места описываемого события. В текстах исследуемых нами газет регулярно можно обнаружить слова, вынесенные в зачин текста и обозначающие место: ***Peterburg***. *Padša xäzrätläreneŋ oluğ färmany berlän Gosudarstvennyj dumağa wäkil sajlau 6 nčy fevralğa täğajen qylyndy* («Б.т.», 1906, № 51, «Русия хәбәрләре») ‘Петербург. На основании указа Его Высочества царя выборы в Государственную думу назначены на 6 февраля’; ***Toz tübä***. *8 nče ijüngä qaršy töndä öčenče mäxälä mäscideneŋ jozaqlaryn watyb 4-5 danä kijez uğrlağanlar. Kinder namazlyq astyndan qadaqlaryn suyryb alğanlar* («В.», 1909, № 480, «Әтраф хәбәрләре») ‘Туз-Тубе. В ночь на 8 июня, взломав замки мечети третьего махалля, украли 4-5 кошмы. Из под холщового коврика выдернули гвозди’; ***Vašington*** – *Xökümät, Qytaj cömhürijäten tasdyjq itärgä qarar birde* («К.», 1913, № 78, «Харижи хәбәрләр») ‘Вашингтон – Правительство приняло решение признать Китайскую республику’.

Как видно из примеров, вынесенные в зачин текста слова имеют важное значение не только для первого предложения, перед которым они

стоят, а для всего текста, так как информация о месте или времени свершения описываемого факта соотносится с повествованием на протяжении всего текста.

В зачин заметки также может быть вынесена основная мысль текста, которая может состоять из одного слова, словосочетания или целого предложения: ***Ğaskäri xedmätkä kübme keše alynğan*** *– Ütkän atnada Fransija milät mäclesenең äğzasy möttäfiq mämläkätlärdä xäzerge köndä ğaskäri xedmätdä bulğan irlärneң sanyn bäjan qyldy* («К.», 1917, № 1073, «Харижи хәбәрләр») ‘Сколько человек призвано на армейскую службу – на прошлой неделе член Национального собрания Франции объявил количество мужчин в союзных государствах, находящихся на армейской службе’; ***Sufražistkalar*** *– Ingiltärä kral wä kraličäse Edinburg šähärendä vokzaldan sarajğa barğanda sufražistkalar arbağa üzläreneң täläbläre jasalğan proklamatsijalaryn, risalälären häm käğyddan jasalğan ber šar yrğytdylar…* («В.», 1914, № 1524, «Харижи хәбәрләр») ‘Суфражистки – В Эдинбурге, во время перемещения английского короля и королевы из вокзала во дворец, суфражистки бросили в карету прокламации со своими условиями, трактаты и шарик, сделанный из бумаги’.

Между тем, особое значение в построении текста заметки имеет заголовок. Автор может использовать заголовок в качестве инструмента воздействия на читателя. Обычно заголовки могут содержать в себе несколько видов функций: назывная, оценочная, экспрессивная, рекламная и т.д. Заголовки с назывной функцией позволяют читателю заранее определить суть текста. В некоторых случаях, названия заметок могут в полном объеме передавать содержание их текстов: *Jaңa jyl öčen pravlenija sajlau* («В.», 1910, № 563, «Оренбург хәбәрләре») ‘Выборы правления на новый год’; *Jurjef darelfönüne Permğä küčä* («К.», 1910, № 858, «Дахили хәбәрләр») ‘Университет Юрьева переезжает в Пермь’ и т.д. Такого рода названия, используемые в текстах, относящихся к информационным жанрам, называют заголовками, выполняющими назывную функцию [Гарифуллин, 1998, с. 44].

В иных случаях, в заголовке может называться лишь объект информационного текста, тема при этом не раскрывается полностью: *Golovin cänablärenä Ystolypin uqazy* («Б.т.», 1907, № 89, «Русия хәбәрләре») ‘Указ Столыпина в адрес господина Головина’; *Tälğat bäkneŋ ačuwy* («В.», 1914, № 1539, «Төркия хәбәрләре») ‘Злоба Талгат бека’ и т.д.

Итак, жанр заметка в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» представляет адресату всесторонне раскрытый лаконичный материал, оформленный в небольшом объеме. Данные условия создания текста заметки влияют и на ее язык. В результате, в приведенных выше примерах мы крайне редко можем обнаружить экспрессивную лексику, эмоциональные выражения и обороты или средства языковой выразительности, которые используются при выражении личного мнения или переживаний автора. Как видно, на лексическом уровне, язык заметки, напротив, изобилует номинативными единицами, различными терминами и газетизмами, которые в тематическом плане, в преобладающем большинстве, относятся к общественно-политической сфере (*zemskij načalnik* ‘земский начальник’, *ministrlar bašlyğy* ‘премьер-министр’, *činovnik*, *mämur* ‘чиновник’, *cämğyjät* ‘общество’, *ustaf* ‘устав’, *ğomumi cyjylyš* ‘общее собрание’, *äğzalar* ‘члены’, *gubernator* ‘губернатор’ и т.д.), а также к сфере юриспруденции (*ülem cazasy* ‘смертный приговор’, *xökem qylynu* ‘быть приговоренным’, *političeskij* ‘политический заключенный’, *cinajät* ‘преступление’, *priğovor* ‘приговор’, *arestant* ‘арестант’, *palač* ‘палач’). Наличие большого количества общественно-политической лексики в словарном составе текстов исследуемых нами заметок объясняется их тематикой: как правило, заметка в газетах «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» сообщает о наиболее важном политическом или общественном событии.

Как видно, большая часть приведенных слов является заимствованной. Между тем, говоря о заимствованиях, функционирующих в татарском литературном языке, ученые, как правило, подчеркивают большое влияние

на формирование его лексического состава арабо-персидского лексического пласта и заимствований из русского и западноевропейских языков [Хаков, 2003, с. 116; Татар лексикологиясе, 2016, с. 70; 97]. Как видно, немалая часть слов в исследуемых нами текстах также заимствована из русского и европейских языков (*političeskij* ‘политический заключенный’, *arestant* ‘арестант’, *ministr* ‘министр’, *činovnik* ‘чиновник’, *gubernator* ‘губернатор’, *palač* ‘палач’ и т.д.). В данном случае стоит понимать, что заимствованиям данной группы характерна генетическая многогранность, так как часть слов вошла в татарский язык из европейских языков через русское посредство.

Кроме того, еще один большой пласт заимствований составляют слова арабо-персидского происхождения (*xökem* ‘приговор’, *kitabxanä* ‘библиотека’, *wäkil* ‘представитель’, *mäxälä* ‘приход’, *mäscid* ‘мечеть’ и т.д.). Также среди текстов заметок можно обнаружить слова, характерные для турецкого языка (*kral* ‘король’, *kraličä* ‘королева’, *Ingiltärä* ‘Англия’ и т.д.). Как видно из приведенных нами текстов заметок, в газете «Борхане тараккы» наблюдается регулярное употребление некоторых слов, заимствованных из русского языка (*universitet, činovnik, partija, prigovor*), тогда как для выражения этих же значений в газетах «Вакыт» и «Кояш», как правило, используются их арабо-персидские эквиваленты (*darelfönün* ‘университет’, *mämur* ‘чиновник’, *firqa* ‘партия’, *xökem* ‘партия’). Между тем, по мнению некоторых ученых, процент арабо-персидских заимствований, имеющих место в ряде текстов фактологического типа, опубликованных в татарских газетах начала XX века, к которым мы относим и тексты заметок, составляет 23,5%, заимствований из русских и европейских языков – 8,6% [Гарифуллин, 1998, с. 84].

Не характерно для рассмотренных нами текстов заметок и наличие категории оценки, за исключением тех случаев, когда требуется выражение категории оценки при помощи языковых средств в рамках передачи мнения третьих лиц: *Läkin ber ničä mäxälä imamy cämgyjädä xalyqğa, jäšlärneŋ bu fikeren bik jamanlab, “kitabxanä aču xäräm. Kitabxanädä törle* ***fäxeš*** *ešlär*

ešlänäčäk” dib šäb notyq söjläde… («В.», 1909, № 426, «Кыйраәтханә вә сыра мәҗлесләре») ‘Однако имамы нескольких махалля на собрании перед народом очень плохо отзываясь о данной затее молодежи, выступили с пламенной речью, утверждая, что «открытие библиотеки – это харам. В ней будет процветать разврат»...’. Однако стоит понимать, что в определенной степени элемент оценки в заметках уже присутствует на этапе отбора фактического материала.

Основная задача заметки, направленная на донесение до адресата лаконичной информации на лексическом уровне приводит к активному применению имен собственных, которые отвечают за раскрытие информации о том, кто и где совершил или планирует совершить раскрываемое в тексте действие. Как можно наблюдать в приведенных выше примерах, наиболее часто в текстах заметок можно обнаружить антропонимы (*Puškof* ‘Пушков’, *Petkof* ‘Петков’, *Urajev* ‘Ураев’, *Ignatief* ‘Игнатьев’, *Stolypin* ‘Столыпин’, *Golovin* ‘Головин’ и т.д.) и топонимы (*Kief* ‘Киев’, *Sofia* ‘София’, *Tula* ‘Тула’, *Taškänt* ‘Ташкент’, *Uratübä* ‘Ура-тюбе’, *Perm* ‘Пермь’, *Peterburg* ‘Петербург’, *Nižnij* ‘Нижний Новгород’, *Axun* ‘Ахун’, *Idel* ‘Волга’ и т.д.). Также в текстах заметок часто обнаруживаются эргонимы (*“Nadežda*” *qantory* ‘Кантора «Надежда»’, *“Provodnik” tovarešestvasy* ‘Товарещество «Проводник»’, *Jurjef darelfönüne* ‘Юрьевский университет’ и т.д.).

Заметка на страницах татарской периодической печати начала XX века является наиболее часто встречающимся жанром не только среди информационных жанров, но и во всей жанровой системе татарской газеты рассматриваемого периода. Так, основываясь на статистических данных, полученных в результате анализа 50 номеров каждой из рассматриваемых нами газет, мы можем констатировать, что в газете «Борхане таракки» заметка встречается 594 раза, в газете «Вакыт» – 570 раз, в газете «Кояш» – 417 раз.

Еще одним видом информационных жанров, встречающимся на страницах татарской газеты начала XX века, тексты которого относятся к

фактологическому типу, является *отчет*. Цель данного жанра – сообщить читателю о том или ином событии, или мероприятии. Следует отметить, что отчет уступает заметке в оперативности, но содержит в себе намного большую информационную составляющую. В данном случае объем текста заметно возрастает. В большинстве случаев события, отображающиеся в данном жанре имеют устную форму выражения содержания. Таким образом появляются отчеты о собрании, конференции, встрече и т.д. В отчете событие воспроизводится в полном соответствии с его ходом во времени. Авторская оценка же выражается лишь в отборе фактов, деталей и подробностей [Гуревич, 2004].

Учеными выделяется несколько видов отчета. Прямой отчет, где событие воспроизводится точно, со всеми подробностями, практически со стенографической точностью. Авторская позиция в прямом отчете практически отсутствует. Тематический отчет предполагает освещение какого-либо наиболее острого вопроса, темы в происходящем событии. Журналист, исходя из своих авторских позиций, ставит острые вопросы, проблемы, а также делает выводы, обобщения. Автор тематического отчета занимает ту или иную позицию. Он эмоционально комментирует происходящее событие [Бобков, 2005, с. 10]. Между тем, А.А. Тертычный выделяет аналитический отчет, который он рассматривает в рамках аналитических жанров. По его мнению, предметом аналитического отчета является отображение внутренней связи выступлений, докладов или речей [Тертычный, 2000, с. 72].

В исследуемых нами газетах, тексты отчетов встречаются реже и, как правило, это – тексты прямых (стенографических) отчетов. Данный факт объясняется тем, что начало XX века является периодом бурного роста национального самосознания народов России, что влекло за собой проведение многочисленных мероприятий направленных на обсуждение вопросов развития татарского народа и проблем тюрков-мусульман в целом. В этот период органы татарской периодической печати стремились в

подробностях донести до читателя ход наиболее важных из них в социально-политическом плане.

На страницах газеты «Борхане таракки» тексты, относящиеся к жанру отчет получили ограниченное распространение. При этом, их преобладающее большинство является прямыми отчетами. Присутствие в этих текстах авторского «Я» полностью исключено, они подаются читателю в сухом виде, слово в слово передавая речь выступающего. В то же время, бросается в глаза больший размер материала по сравнению с текстами других информационных жанров, что в первую очередь обусловлено максимально возможной детализацией сообщения. В качестве примера приведем отрывок из отчета под названием «Г. Думаның 26 февраль җыелышында Садри әфәнде Максудов нотыгы»: *Xalyq wäkilläre äfändelär!.. Xäzergäčä xökümät wäkilläre «möselmanlar iŋ sädaqatle ber millät» dijärgä jarata idelär bit! Bu süz – bik dörestder. Mämläkät cile tynyčlanğan ber čaqda möselmanlar kinät bašqa millätlärdän artyq ixtilalčyğa äjlänälärme soŋ? Hič! Xökümätneŋ bezgä mönäsäbäte alyšuynyŋ berničä säbäpläre bar. Iŋ möhime mämläkät säjäsätendäder ki. Kinät mämurlar wä xökümät möselmanlarnyŋ inorodes bulğanlyğyn iskä töšerdelär...* («Б.т.», 1911, № 139, «Г. Думаның 26 февраль җыелышында Садри әфәнде Максудов нотыгы») ‘Господа народные избранники!.. Ведь до настоящего времени представители власти любили повторять, что «мусульмане – самая дружелюбная нация»! Это очень правильные слова. Неужели в то время, когда внутренняя ситуация в стране успокоилась, мусульмане, вдруг, в отличие от представителей других национальностей, стали бунтарями? Конечно же нет! Есть несколько причин поменявшегося к нам отношения. Самая важная из них заключается в политике страны. Чиновники и правительство вдруг вспомнили, что мусульмане являются инородцами…’.

Данный текст знакомит читателей с выступлением Садри Максуди, прозвучавшим 26 февраля 1911 года на очередном заседании Государственной Думы. Как видно, текст лишен какого-либо авторского

присутствия и развивается в соответствии со сценарием самого мероприятия. Следовательно, автор не имеет влияния и на формирование языка публикуемого текста. В данном случае его основной задачей становится лишь создание логически выверенного текста, который бы сохранял порядок выступающих лиц и полностью передавал бы высказанные ими слова в соответствии с реальной действительностью. Кроме того, автор прямого отчета ответственен за недопущение грамматических и синтаксических погрешностей в тексте. Как результат минимального присутствия в тексте самого автора отчета, его имя не указано. Следовательно, на языковые особенности прямых отчетов, опубликованных в рассматриваемых нами газетах, имеют влияние непосредственно те лица, которые выступили с речью на конкретном описываемом мероприятии. Текст данного прямого отчета оформлен в виде прямой речи и ведется от первого лица, но не от имени автора, а от имени выступающего: *Bu xäräkätdä watan-däülät xilafyna hič bernärsä juqlyqny* ***däğwa itäm***, ***ispat da qyla alam*** («Б.т.», 1911, № 139, «Г. Думаның 26 февраль җыелышында Садри әфәнде Максудов нотыгы») ‘Я утверждаю, что в этом движении нет ничего, что противоречило бы родине, и могу это доказать’. На лексическом уровне в тексте наблюдается преобладание общественно-политической лексики, что обусловлено его тематикой (*xökümät wäkilläre* ‘народные избранники’, *mämurlar* ‘чиновники’, *inorodes* ‘инородец’, *säjäsi fiker* ‘политическая мысль’, *donos* ‘донос’, *tentü* ‘гонение’, *sojuz* ‘союз’, *watan* ‘родина’, *däülät* ‘государство’ и т.д.).

Так как рассматриваемый текст, по своей сути является стенограммой живой речи, в нем можно обнаружить примеры использования элементов разговорного стиля. Как известно, одним из основных показателей влияния разговорного стиля является наличие элементов диалога [Элатик, 2016]. Рассматриваемый нами в качестве примера текст прямого отчета является монологом Садри Максуди. Но несмотря на это, в нем обнаруживаются вопросно-ответные конструкции, которые относятся к диалогическим элементам: *Mämläkät cile tynyčlanğan ber čaqda möselmanlar kinät bašqa*

millätlärdän artyq ixtilalčyğa äjlänälärme soŋ? Hič! («Б.т.», 1911, № 139, «Г. Думаның 26 февраль җыелышында Садри әфәнде Максудов нотыгы») ‘Неужели в то время, когда внутренняя ситуация в стране успокоилась, мусульмане, вдруг, в отличие от представителей других национальностей, стали бунтарями? Конечно же нет!’. Диалогический характер монологического текста указывает на его ориентацию на разговорную форму языка.

Между тем, в рассматриваемом тексте в качестве особенностей, характерных для разговорной речи также выступают и другие виды диалогических элементов – обращения (*Xalyq wäkilläre äfändelär!* ‘Господа народные избранники!’) и побудительные предложения (*Sez xalyq wäkile syfatyjlä beznеŋ aramyzdağy xällärne belergä tiješle!* ‘Вы в качестве народных избранников должны знать наши взаимоотношения!’).

При помощи восклицательного предложения повествователь подчеркивает искренность своих эмоций, что увеличивает эмоционально-экспрессивную насыщенность текста, которая прежде всего характерна для разговорной речи. В рассматриваемом тексте экспрессия также передается при помощи лексических повторений на протяжении нескольких предложений: ***Bu*** *täräqyj* ***xäräkäte*** *aramyzda 30 jyl elek bašlandy wä saf mädäni jaqtyrtu qyjäfätene xaizdyr.* ***Bu xäräkätdä*** *watan-däülät xilafyna hič bernärsä juqlyqny däğwa itäm, ispat da qyla alam.* ***Bu xäräkät*** *mäktäblärgä icek urnyna ysuly säütijä kertüdän bašlandy* («Б.т.», 1911, № 139, «Г. Думаның 26 февраль җыелышында Садри әфәнде Максудов нотыгы») ‘Это движение за прогресс зародилось у нас 30 лет назад и включает в себя сугубо культурно-образовательную сферу. Я утверждаю, что в этом движении нет ничего, что противоречело бы родине, и могу это доказать. Это движение началось с внедрения в школы звукового метода вместо слогового’.

В газете «Вакыт», как правило, также публиковались прямые отчеты. По сравнению с газетой «Борхане таракки» здесь они обнаруживаются чаще. Далее рассмотрим отрывок из отчета, опубликованного в газете «Вакыт»:

Mäğarif ysmetasy bujynča 1908 nče jyl öčen ğyjlem julyna dijä xäzinädän täğajen 53 milion sum, beznең fikeremezgä kürä: watanymyznyң mäğarifkä ixtijacyny däfğy qylyrğa hič käfi tügelder. Mäğlümder ki: bezdä ğyjlem julyna xökümät daimän az saryf qyla ide. Xökümätneң ošbu ešeneң näticäseder ki: watanymyzdağy barča millätlär päk tübän däräcädä wä nadan qaldylar… («В.», 1908, № 333, «Мәгарифкә акча күбрәк кирәк») ‘53 миллиона рублей из казны на образовательную деятельность согласно смете на образование – по нашему мнению, отвергать потребность нашей страны в образовании совершенно недопустимо. Всем известно, правительство постоянно мало тратилось на образование. Результатом такой деятельности со стороны властей явилась повсеместная безграмотность представителей всех национальностей, проживающих в нашей стране…’.

Данный текст является отчетом выступления учителя, просветителя, депутата III и IV Государственной Думы от Казанской и Оренбургской губерний (1907-1917) Гайсы Еникеева на заседании Государственной Думы 9 июня 1908 года. Он прозвучал от имени мусульманской фракции во время рассмотрения сметы Управления образования. Рассматриваемый текст опубликован в виде прямой речи и не имеет какого-либо комментария со стороны редакции. Повествование в тексте ведется от первого лица во множественном числе в форме прямой речи, что грамматически отражается в тексте при помощи соотвествующих аффиксов: *Juğaryda **söjläb kildegemez** ruslašdyru maqsady…* ‘Цель русификации, о которой мы говорили выше…’; ***Beznең xökümätneң** möselmanlarnyң obrazovanijalary xaqyndağy xezmätläre…* ‘Исследования нашего правительства об образовании мусульман…’; *Dumanyң diqatene käleb iteb kitüne **wazyjfamyz dib belämez*** ‘Мы считаем своей обязанностью обратить внимание думы…’; *…iqrar idärgä **mäcbürmez*** ‘Мы вынуждены признать…’ и т.д.).

В тексте, как и в предыдущем примере отсутствует образ автора, однако по сравнению с текстом отчета, опубликованным в газете «Борхане таракки», перед основным текстом имеется небольшое пояснение к тексту от

имени редакции. В нем указано когда, кем и где был озвучен публикуемый текст: *Dumanyŋ 9 nčy ijünge cijylyšynda Mäğarif nazaraty ysmetasy qaralğan waqytda, möselman fraksijasy isemendän söjlänmešder* («В.», 1908, № 333, «Мәгарифкә акча күбрәк кирәк») ‘Было озвучено на заседании Думы от 4 июня, во время рассмотрения сметы министерства образования, от имени мусульманской фракции’. В данном случае, в плане композиции текста уместно говорить о наличии двух речевых планов – план повествования о событии (автор газетного отчета) и план повествования в рамках события (докладчик, выступающий на мероприятии, чей монолог является основой публикуемого отчета). Использование такой структурно-композиционной формы текста приводит к функционированию в тексте двух временных плоскостей, что отражается и на языковом уровне текста. Как видно из приведенных примеров, план повествования о событии характеризуется наличием глагольных форм прошедшего времени (*söjlänmešder* ‘был озвучен’), тогда как для плана повествования в рамках события характерно использование разных временных форм (*saryf qyla ide* ‘тратил’, *belämez* ‘знаем’, *kürenä* ‘виднеется’, *küz sala bašlady* ‘начал обращать внимание’, *mömkin bulačaqdyr* ‘станет возможным’) в зависимости от контекста и задач автора.

Кроме того, в отличие от предыдущего примера, где авторский монолог непрерывно тянется от начала до конца публикуемого текста, в рассматриваемом тексте отчета наблюдается наличие нескольких синтаксических целых, каждый из которых имеет свой заголовков (*Mäğarifkä aqča kübräk kiräk* ‘На образование требуется больше денег’; *Möselman bar jergä aqča az birelä* ‘На сферы, связанные с мусульманами выделяется мало денег’; *Möselman mädräsälärenä järdäm juq* ‘Отсутствует помощь мусульманским медресе’; *Misionerlyq mäsläge* ‘Профессия миссионера’ и т.д.)

В данном случае проблематично определить являются ли данные заголовки элементами речи выступающего, либо были включены в текст автором отчета для смыслового разделения текста. Однако учитывая, что

кавычки служат для графического определения границ прямой речи в тексте, и стоят они в начале и конце рассматриваемого текста, а заголовки включены в эти границы, следует предположить, что текст был разделен на несколько синтаксических целых самим выступающим.

Несмотря на то, что опубликованный текст также является стенограммным отчетом устного выступления, в отличие от предыдущего текста, в нем обнаруживается минимальное количество элементов разговорной речи. Так, нам удалось обнаружить в тексте цепочку риторических вопросов, которые относятся к фигурам диалогизма [Элатик, 2016]: *Qarab qaryjq: möselmanlarnyŋ bu xäräkätläre äsasly ideme? Tuğrysy, xökümät bu tuğryda nindäj jul tota ide?* («В.», 1908, № 333, «Мәгарифкә акча күбрәк кирәк») ‘Давайте посмотрим: было ли создание этого мусульманского движения обоснованным? Вернее, какого мнения придерживалось правительство в данном вопросе?’. В данном конкретном примере цепочка риторических вопросов приводится в конце одной из частей отчета. Автор обращается к приему диалогизма с целью заставить читателя задуматься над поднимаемым вопросом.

На лексическом уровне в рассмотренном тексте также преобладает лексика общественно-политического характера, что продиктовано его тематикой (*Mäğarif nazaraty* ‘Министерство образования’, *ysmeta* ‘смета’, *xäzinä* ‘казна’, *xökümät* ‘правительство’, *watanymyz* ‘наша родина’, *millätlär* ‘национальности’, *Duma* ‘Дума’, *xäräkät* ‘движение’ и т.д.). Учитывая, что оба рассмотренных текста, по своей сути являются стенограммой живой речи, а повествование в них ведется от лица выступающего, в результате чего авторское «Я» журналиста в тексте отсутствует, в них наблюдается активное применение языковых средств, выражающих категорию оценки, а именно имен прилагательных и наречий, имеющих семантику оценочности (*sädaqatle* ‘дружелюбный’, *dörest* ‘правильный’, *möhim* ‘важный’, *daimän* ‘постоянно’, *az* ‘мало’, *päk tübän* ‘очень низко’ и т.д.). Как правило, данная категория структурных единиц языка используется в тексте в тех случаях, когда

существует необходимость сформулировать личное отношение к факту, либо дать коллективную оценку. Как и в текстах заметок, в связи с преобладанием общественно-политической лексики, в текстах отчетов высок процент арабо-персидских заимствований (*хөкүмәт* ‘власть’, *вәкил* ‘представитель’, *сәдәқат* ‘дружба’, *мәмләкәт* ‘страна’, *дәүләт* ‘государство’, *тәрәққый* ‘прогресс’ и т.д.), а также слов из русского и европейских языков (*inorodes* ‘инородец’, *ysmeta* ‘смета’, *obrazovanija* ‘образование’, *Duma* ‘Дума’, *fraksija* ‘фракция’ и т.д.).

Как видно из примеров, тексты отчетов, опубликованных на страницах рассматриваемых нами газет, сообщают читателю информацию таким образом, чтобы у читателя могло сформироваться детализированное и хронологически последовательное представление об описываемом событии с элементами официальности. Между тем, в рассмотренных нами прямых отчетах роль автора в композиции текста и использовании языковых средств невелика. В данном случае он является нейтральным наблюдателем. На язык публикуемого отчета может иметь влияние только ораторское мастерство говорящего лица, со слов которого записывается текст отчета. При этом, для части текстов характерно разграничение речевых планов: возникают план повествования о событии (автор газетного отчета) и план повествования в рамках события (докладчик, выступающий на мероприятии). В целом, отчет встречается в газетах с разной периодичностью. Так, в 50 номерах газеты «Борхане таракки» опубликовано 9 отчетов, в газете «Вакыт» – 15 отчетов, а в 50 проанализированных номерах газеты «Кояш» отчетов обнаружено не было.

На страницах татарской газеты начала XX века также публиковались тексты, относящиеся к жанру *репортаж*. В структурно-семантическом плане тексты репортажей принято относить к описательному типу. Считается, что в истории развития данного жанра в рамках татарской газеты рассматриваемого периода важную роль занимают публикации Габдуллы Тукая, Хади Кильдебякова и Абруй Сайфи. На более поздних этапах можно

выделить публикации А. Кутуя, М. Джалиля, Ш. Мударриса, Г. Апсалямова, М. Максуда, Р. Ишмурата и др. [Гарифуллин, 2007, с. 33].

Рассматриваемый жанр не является системообразующим для газеты «Борхане таракки», чаще он встречается среди текстов, опубликованных в газетах «Вакыт» и «Кояш». Принято считать, что в репортаже воссоздается история того или иного события. Однако в сравнении с отчетом, в репортаже присутствует ярко выраженное авторское «Я», которое максимально сближает место события и течение самого события с читателем. Автор может и не упоминать о себе в тексте, несмотря на это, чувство присутствия не покидает читателя, что связано, главным образом, с умением автора репортажа описывать события в документально точных подробностях. В таких случаях у читателя не возникает сомнения в том, что хроника событий излагается непосредственным ее участником [Бобков, 2005, с. 15].

Исследователи разделяют три основных вида репортажей: событийный, тематический и проблемный [Гарифуллин, 2007, с. 34]. В рамках событийного репортажа в жесткой хронологической последовательности максимально оперативно раскрывается то или иное событие, имеющее высокую общественную значимость. Тематический репортаж отличается тем, что в его рамках речь идет не о событии, а о той или иной теме. Такого рода материалы не отличаются своей оперативностью. В проблемном репортаже на первый план выходит не само событие или конкретная тема, а их анализ, при помощи которого автор выражает свое личное мнение или мнение редакции, при необходимости переходя на критику.

Преобладающее большинство текстов репортажей, опубликованных на страницах рассматриваемых нами газет, являются репортажами событийными. Рассмотрим несколько примеров: *Deputat Syrtlanovny üterüče Syrtlanovnyŋ qajyn ağasy mirza Daud Šäjexğalijev idege tämam aŋlašyldy. Bašda Syrtlanovny atučy Daud da wä šul waqyjğany küreb toručy Tamara Šäjexğalijeva (Daudnyŋ xatyny), Räjsä Danijeva (Daudnyŋ äbise), Äminä Syrtlanova (Daudnyŋ seŋlese wä märxüm deputat Syrtlanovnyŋ xatyny) Syrtlanovny xatalyq belän atyldy,*

didelär. Läkin bu ešneŋ xatalyq belän genä bulmyj, Daud belän märxüm Syrtlanov arasynda bulğan šäxsi došmanlyq belän bulğanlyğy aŋlašyldy. Šahidlärneŋ söjläülärenä qarağanda bu došmanlyqğa säbäb bulğan närsä dä Daud belän märxüm Syrtlanof arasynda tabiğat wä tärbijä cähätendän ber bersenä bik xilaf bulğan ber bašqalyq idege aŋlašyldy… («В.», 1913, № 1216, «Депутат Сыртлановның үтерелүе хакында (Мәхкәмә залындан)») ‘Стало окончательно ясно, что убийцей депутата Сыртланова является его шурин мирза Даут Шейхалиев. По началу и сам Даут и свидетели происшествия Тамара Шейхалиева (жена Даута), Райса Даниева (бабушка Даута), Амина Сыртланова (младшая сестра Даута и жена покойного депутата Сыртланова) говорили, что Сыртланов был застрелен по неосторожности. Однако стало ясно, что это произошло не случайно, а в результате личных неприязненных отношений, имевших место между Даутом и покойным Сыртлановым. Судя по показаниям свидетелей, прояснилось, что причиной такой вражды стало нечто иное, возникшее на почве расхождения в характерах и воспитании…’.

Текст, из которого приведен фрагмент, называется «Об убийстве депутата Сыртланова (Из зала суда)». В нем раскрывается актуальная информация касательно убийства депутата Сыртланова Галискара Шахайдаровича Даутом Шейхалиевым – сыном генерал-майора, участника Кавказской, Крымской и Русско-турецкой (1877-1878) войн, общественного деятеля, мецената Шейхалиева Махмута Давлетовича, приводятся слова свидетелей, раскрываются факты, предшествующие трагическому событию. Автор данного репортажа неизвестен, однако ему удалось четко воспроизвести ход событий, передать атмосферу отношений между подсудимым и жертвой, основываясь на показания свидетелей, с которыми он лично ознакомился в зале суда.

Как видно из приведенного примера, в данном отрывке для выражения действия, произошедшего в недалеком прошлом, очевидцем которого являлся автор, используется форма прошедшего категорического времени на *-dy*, что актуализирует момент события. В этом случае момент речи и момент

действия почти совпадают. Между предложениями для создания единства текста используется цепная связь, которая реализуется при помощи союзов (*läkin* ‘но’), местоимений (*bu* ‘это, этот’), лексических повторов (*došmanlyq* ‘вражда’ – *došmanlyqğa* ‘вражде’), а также путем употребления разнокоренных слов для выражения одного и того же предмета или действия (*atylu* ‘застрелиться’ – *eš* ‘ситуация’, ряд антропонимов – *šahidlär* ‘свидетели’) и т.д.

В рассматриваемом тексте для выражения действия, очевидцем которого автор не являлся, но сам присутствовал в момент повествования об этом действии, используется форма прошедшего результативного времени на *-ğan*. Здесь автор, не используя форму прямой речи, пересказывает лично услышанные им на заседании показания свидетелей. Единство рассматриваемого текста также обеспечивается путем использования цепной связи, где роль связующих элементов выполняют местоимения (*bu* ‘этот’, *ul* ‘он’), союзы (*läkin* ‘однако’, *güjä* ‘будто’), лексические повторы (*atasy* ‘его отец’ – *atalary ‘ux omeų’*, *satqanlar* ‘продали’ – *satylyb* ‘продав’), лексическая синонимия (*imenija* ‘имение’ – *jer* ‘земля’) и т.д.: *Läkin üğyllarynyŋ bu ešene kürgäč dä, atalary aŋa dib bilgeläb qujğan imenijany čit kešegä satqanlar. Bu jer satylyb ikenče ber bik jaxšy imenijalary da deputat Syrtlanofdağy qardäše Äminä Syrtlanovağa biregläč Daud beläп Syrtlanof arasyndağy došmanlyq tağyn da artqan. Ul bunlarnyŋ barsyn dä Ğali äsğär beläп Äminä Syrtlanova eše dib qarağan. Güjä Äminä beläп Ğali äsğär mirza…* («В.», 1913, № 1216, «Депутат Сыртлановның үтерелүе хакында (Мәхкәмә залындан)») ‘Однако после того, как его отец узнал об этом, то продал постороннему человеку имение, предназначенное сыну. После того, как эта земля была продана, а еще одно очень хорошее имение было отдано сестре депутата Сыртланова – Амине Сыртлановой, вражда между Даутом и Сыртлановым еще больше усугубилась. Он воспринимал все это как проделки Амины и Галиаскара. Будто Амина и мирза Галиаскар…’.

В одном из фрагментов рассматриваемого текста наблюдается активное использование автором оценочной лексики при характеристике двух основных действующих лиц: *Syrtlanof* – ***šad küŋelle, ešlekle, mosaxäbäle, tirän mäğlümatly*** *bulğanğa,* ***eč pošyrğyč, jalqau, ešleksez*** *bulyb jäšdän ük ata anasy qulynda* ***šajaryb*** *üseb, zurajğač da šul julny quarğa öjrängän, gel genä keše östendän toruny jarata torğan Daudğa härwaqyt qaršy kilgän bulğan* («В.», 1913, № 1216, «Депутат Сыртлановның үтерелүе хакында (Мәхкәмә залындан)») ‘По той причине, что Сыртланов был радостным, деловитым, отзывчивым, имел широкий кругозор, он постоянно противоречил скучному, ленивому, неумелому, избалованному с детства родительским вниманием, и продолжившим так себя вести после того, как повзрослел, любящему лишь стоять над людьми Дауду’. Такое решение автора влияет на повышение общего эмоционально-экспрессивного уровня текста, а следовательно, повышает его воздействующую составляющую, в конечном итоге влияя на формирование личных симпатий адресатов к охарактеризованным в тексте лицам.

В тексте репортажа, опубликованного в газете «Кояш», где повествуется о вооруженном столкновении, произошедшем в начале июня 1918 года в Самаре в период восстания чехословаков против большевистского правительства, как правило, также используется форма прошедшего категорического времени на *-dy*: *Mondan ber ike atna elek Syzran šähären išğal itkän čex-yslovaklar Samar tarafyna kilä bašlab Ivaščinkov zavodyn alğanlar ide. 5 nče ijungä qaršy säğat 3 dä Sovet ğaskäreneŋ berenče tub tawyšy šähärne ajaqğa basdyrdy. Uram keše ilä tuldy. Sovet ğaskäre qulynda öč tub bulyb 5 endä kön bujynča tub atu däwam itde. Čexlar tub istiğmal itmädelär, fäqat myltyq wä pulemiot ilä sovet ğaskäreneŋ akoplaryna ut ačdylar…* («К.», 1918, № 1242, «Самара фронты») ‘Чехословаки, пару недель назад занявшие город Сызрань, продвигаясь в сторону Самары, захватили завод Иващинкова. В ночь на 5 июня в 3 часа первые пушечные залпы Советской Армии подняли на ноги город. Улицы наполнились людьми. В арсенале Советской Армии

имелось три пушки и пятого числа на протяжении всего дня продолжались пушечные залпы. Чехи не использовали пушки, они открыли огонь из ружей и пулеметов по окопам советских солдат…’.

Однако в следующем отрывке из того же текста наблюдается актуализация настоящего времени путем использования в повествовании глаголов в форме настоящего времени на *-а*. В данном случае мы можем вести речь о желании автора передать ситуацию, при которой момент речи и момент описываемого события совпадают: *Läkin mäcles anyŋ notyğyndan ešneŋ asyl säbäben aŋlamyj. Mäcles Sovet wäkileneŋ süzlärendän qänäğat xasil itmi, bik qaty tänqyjd iteb, ägär Sovet čexlarny uzdyrmasa üzläre Sovet ğaskäreneŋ artyna töšäčäkläreп, iğlan itälär. Sovet politikasyn tasdyjq qylu xaqynda mäzkür wäkillär tarafyndan rezoljutsija täqdim itelä* («К.», 1918, № 1242, «Самара фронты») ‘Однако собрание не понимает основной смысл его выступления. Собрание не выражает довольства от слов представителя страны Советов, очень сильно подвергнув критике, объявляют, что в случае, если страна Советов не пропустит чехов, то они сами дадут нагоняй Советской армии. Вышеупомянутыми советскими представителями предлагается резолюция об утверждении советской политики’. Как видно, в приведенном тексте при помощи цепной связи перечисляется цепочка событий, происходящих в конкретном отрезке времени в конкретном пространстве. При этом, использование в тексте глаголов в форме настоящего времени на *-а* подчеркивает сиюминутность описываемого события.

Если обратить внимание на текст приведенного выше репортажа «Самара фронты», опубликованного в газете «Кояш», то мы обнаруживаем функционирование в рамках одного текста двух временных точек. Данное свойство является характерной особенностью жанра репортаж.

Одна из временных точек, как правило, соответствует дню опубликования материала в газете и преподносится читателю в форме динамического описания, которое имеет определенное значение в передаче событий. В данном случае по причине употребления в тексте глаголов в

форме настоящего времени на *-a*, читатель воспринимает описание таким образом, словно автор в данный момент находится в непосредственном эпицентре событий и несомненно ведет свой репортаж из описываемого им места (*Läkin mäcles anyŋ notyğyndan ešneŋ asyl säbäben aŋlamyj. Mäcles Sovet wäkileneŋ süzlärendän qänäğat xasil itmi, bik qaty tänqyjd iteb, ägär Sovet čexlarny uzdyrmasa üzläre Sovet ğaskäreneŋ artyna töšäčäkläreп, iğlan itälär* ‘Однако собрание не понимает основной смысл его выступления. Собрание не выражает довольства от слов представителя страны Советов, очень сильно подвергнув критике, объявляют, что в случае, если страна Советов не пропустит чехов, то они сами дадут нагоняй Советской армии’).

В то же время, в рассматриваемом тексте обнаруживается вторая – основная временная точка, которая, непосредственно, указывает на время возникновения описываемой ситуации и выражается в предложении при помощи сочетания числительных *bišenče* ‘пятый’, *öč* ‘три’ и существительных *ijun* ‘июнь’, *säğat* ‘время’, а также формой прошедшего категорического времени на *-dy*: *5 nče ijungä qaršy säğat 3 dä sovet ğaskäreneŋ berenče tub tawyšy šähärne ajaqğa basdyrdy* ‘В ночь на 5 июня в 3 часа первые пушечные залпы Советской Армии подняли на ноги город’.

В некоторых случаях текст репортажа может начинаться непосредственно с описания. В данном случае, с целью усиления характерных особенностей репортажа и повышения уровня достоверности, автор моментально перемещает читателя на временную точку описываемого события. При этом, подчеркивание конкретного времени события не требуется, так как описывая пространство события, либо само событие, автор автоматически перемещает читателя на событийную точку [Гарифуллин, 1998, с. 291].

Кроме морфологических способов, для формирования временной структуры рассмотренных нами текстов, также используется лексический способ, который реализуется при помощи указательных местоимений (*menä* ‘вот’, *bu, šušy* ‘этот’, *monda* ‘здесь’ и т.д.) и лексических показателей

временных значений (*ul arada* ‘в этот момент’, *šušy waqytda* ‘в это время’, *bügen* ‘сегодня’ и т.д.).

Как видно, в приведенных примерах не наблюдается присутствие автора, как это характерно для современного репортажа, где регулярно обнаруживаются глаголы в первом лице и личные местоимения первого лица. Однако такой вариант формирования текста репортажа также не исключается, а создание эффекта присутствия зависит от умения автора использовать языковые средства [Бобков, 2005, с. 15]. Кроме того, в текстах репортажей, опубликованных в газетах «Вакыт» и «Кояш» не обнаруживается и авторское переживание или глубокий анализ.

Рассмотренные нами тексты не характеризуются наличием прямой речи, однако в них можно обнаружить примеры употребления косвенной речи: *Alar kontr revolutsionerlar ilä bergä ešlilär, xalyq xakimijäten beterergä telilär fäläп, dib sojli, eščelärneŋ järdämen soryj* («К.», 1918, № 1242, «Самара фронты») ‘Он говорит, что они работают совместно с контрреволюционерами, хотят развалить народное правительство и просит помощи рабочих’. Стоит отметить, что в стилистическом плане косвенная речь уступает прямой речи в передаче уровня достоверности, так как характеризуется нейтральным характером. В данном примере, по всей видимости, автор препочел изложить лишь общее содержание, не сохраняя оригинальной формы выражения мысли.

Стоить отметить, что на лексическом уровне в текстах репортажей использована лексика, относящаяся к более широкому тематическому диапазону, что связано с большим тематическим разнообразием самих текстов по сравнению с жанрами заметка и отчет. Так, в тексте, опубликованном в газете «Вакыт» активно обнаруживается лексика семейного родства (*qajyn ağa* ‘шурин’, *xatyn* ‘супруга’, *äbi* ‘бабушка’, *seŋel* ‘младшая сестра’, *ata ana* ‘родители’ и т.д.), юридическая лексика (*aqružnoj sud* ‘окружной суд’, *qatyrğa* ‘каторга’, *xökem itü* ‘судить’, *šahid* ‘свидетель’ и т.д.), абстрактная лексика (*došmanlyq* ‘вражда’, *bašqalyq* ‘отличие’, *waqyjğa*

‘случай’, *täfsyjlat* ‘подробность’ и т.д.), лексика, обозначающая литературу, публицистику, печать (*möxäbir* ‘корреспондент’, *gazeta* ‘газета’, *mäqalä* ‘статья’ и т.д.). В тексте репортажа «Самара фронты», опубликованного в газете «Кояш» в большом количестве использована военная лексика (*ğaskär* ‘армия’, *tub* ‘пушка’, *myltyq* ‘ружье’, *pulemiot* ‘пулемет’, *akop* ‘окоп’ и т.д.), что обусловлено тематикой текста. Также встречаются общеупотребительные слова (*šähär* ‘город’, *zavod* ‘завод’, *uram* ‘улица’, *kön* ‘день’, *keše* ‘человек’ и т.д.). Кроме этого, следует особо подчеркнуть, что для обоих рассмотренных текстов характерно активное употребление общественно-политической лексики (*deputatr* ‘депутат’, *wäkil* ‘представитель’, *mäcles* ‘собрание’, *notyq* ‘выступление’, *rezolutsija* ‘резолюция’, *kontr revolutsioner* ‘контрреволюционер’ и т.д.), которая, в целом, является важной частью лексического состава газетного текста.

Как это характерно для всех информационных жанров, в текстах репортажей также активно употребляются имена собственные, что объясняется основной задачей рассматриваемой группы жанров – в кратчайшие сроки донести свежий материал, включающий информацию о том, кто, где, когда, как и по какой причине совершил действие или оказался в той или иной ситуации до адресата. Так, в рассмотренных нами текстах репортажей в большом количестве можно обнаружить антропонимы (*Ğaliäsğar Syrtlanov* ‘Галиаскар Сыртланов’, *Daud Šäjexğalijev* ‘Даут Шейхалиев’, *Tamara Šäjexğalijeva* ‘Тамара Шейхалиева’, *Räjsä Danijeva* ‘Райса Даниева’, *Äminä Syrtlanova* ‘Амина Сыртланова’ и т.д.) и ойконимы (*Syzran* ‘Сызрань’, *Samar* ‘Самара’).

Большое количество общественно-политической, военной и юридической лексики приводит к тому, что в тексте заметно возрастает процент использования заимствований из русского и европейских языков (*aqružnoj sud* ‘окружной суд’, *qatyrğa* ‘каторга’, *pulemiot* ‘пулемет’, *akop* ‘окоп’, *deputatr* ‘депутат’, *rezolutsija* ‘резолюция’, *kontr revolutsioner* ‘контрреволюционер’ и т.д.). Кроме того, в текстах обнаруживается

определенной пласт слов арабо-персидского происхождения (*xökem itü* ‘судить’, *täfsyjlat* ‘подробность’, *waqyjğa* ‘событие’, *märxüm* ‘покойный’, *šahid* ‘свидетель’, *xilaf* ‘разногласие’, *istiğmal* ‘употребление’, *tasdyjq* ‘подтверждение’), что является нормой для языка татарской периодики начала XX века и татарского литературного языка рассматриваемого периода в целом.

Таким образом, события в текстах репортажей воспроизводятся в четкой хронологической последовательности, оперативно и документально. Автор репортажа старается описать характер и действия участников того или иного события в мельчайших подробностях, т.е. создать реальную картину происходящего события, свидетелем которого он являлся. Тексты репортажей в рассматриваемых нами газетах встречаются не часто. Так в 50 проанализированных номерах газеты «Вакыт» мы обнаружили 6 текстов репортажей, в газете «Кояш» чуть больше – 12. В газете «Борхане таракки» тектов, относящихся к жанру репортаж обнаружено не было.

Как известно, *интервью* – это составная часть жанровой системы журналистики, оформленная в форме диалога на актуальную тему между журналистом и одной или несколькими социально значимыми личностями. Интервью относится к диалогическому типу текстов. Ее основная задача заключается в передаче авторитетного мнения по конкретному общественно важному вопросу, поэтому главным действующим лицом в интервью, несомненно, является интервьюируемый человек. Однако это не означает, что успех материала зависит лишь от ответов на заданные вопросы. Напротив, журналист должен подготовить вопросы таким образом, чтобы они затрагивали наиболее востребованные области человеческой жизнедеятельности. Другими словами, вопросы должны быть такими, которые хотели бы задать сами читатели. По сравнению с другими жанрами интервью в большей степени естественный и гибкий жанр. Этот факт отражается и на его стилистике. Тексты интервью отличаются своей экспрессивностью, наличием в них большого количества сравнений и

свободной формой изложения мыслей, но не должны искажать мнения собеседника. Интервью, как это и присуще информационным жанрам, должно быть целеустремленным и злободневным.

По мнению ученых, интервью принято разделять на несколько видов: интервью-диалог, интервью-монолог, интервью-сообщение, интервью-зарисовка, интервью-мнение, коллективное интервью и анкета [Теория и практика…, 1980, с. 178].

Наиболее распространенный вид интервью – это интервью-диалог. Именно этот вид опубликован в одном из номеров газеты «Кояш». Интервью-диалог в своей сущности является беседой журналиста с собеседником. В ходе беседы журналист старается задавать интервьюируемому лицу наряду с основными вопросами также и те, которые позволяют выявить какие-либо дополнительные факты, что, в свою очередь позволяет создать более целостное и разностороннее интервью. Интервью-монолог представляет собой целостный текст, содержащий ответ интервьюируемого лица на заранее заданный вопрос журналиста. В интервью-сообщении слова, высказанные интервьюируемым лицом, пересказываются журналистом. В создании интервью-зарисовки роль журналиста в определенной степени увеличивается. Здесь журналист получает возможность высказать свое мнение по поводу обсуждаемой темы и давать комментария. Интревью-мнение – это выражение своей точки зрения касательно того или иного вопроса компетентным в конкретной сфере лицом. Коллективное интервью дает возможность ознакомиться с мнением группы лиц касательно того или иного вопроса. Анкета является проанализированной информацией, направленной на раскрытие какого-либо проблемного вопроса, полученной от неограниченного количества лиц и опубликованное в том или ином источнике [Бобков, 2005, с. 12].

Как отмечалось выше, для того, чтобы более точно представить соотношение жанров, функционировавших в начале XX века в татарской периодической печати, в общей сложности нами было проанализировано 150

номеров газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш». Судя по данному статистическому анализу, жанр интервью не является системообразующим элементом в жанровой системе татарской газеты начала XX века. Из 150 номеров трех наименований газет лишь в одном номере газеты «Кояш» мы обнаружили текст, относящийся к жанру интервью. В научных трудах других исследователей также можно обнаружить похожее мнение, где подчеркивается редкое использование журналистами диалогических структур в период зарождения татарской периодической печати, поскольку интервью как жанр складывается чуть позже на основе произведений Г. Камала, Г. Кулахметова, Ф. Амирхана и т.д. [Гарифуллин, 1998, с. 375].

Ограниченность жанровой системы татарской газеты начала XX века, учитывая, что этот период является периодом ее зарождения, выглядит нормальной ситуацией. Между тем, бытует мнение, что проблема разнообразия жанра татарской газеты наблюдалась и в середине прошлого столетия. Примечательно, что если до 1917 года среди текстов татарских газет и журналов еще можно было обнаружить тексты интервью, то в советский период рассматриваемый жанр обнаруживается крайне рекдо. Так, в 1961 году газета «Социалистик Татарстан» (ныне «Ватаным Татарстан») опубликовала одно-единственное интервью, и то в виде перевода из центральной московской газеты [Гарифуллин, Зайни, 2013].

Текст «Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу» («Беседа с членом Думы Ахтямовым»), опубликованный в газете «Кояш» относится к диалогическому виду интервью. Данный вид является результатом беседы двух лиц, однако, будучи газетным жанром, материализуется на странице периодической печати в результате работы одного лица – журналиста, от личностных качеств которого и зависят языковые и стилистические особенности оформления текста. Рассмотрим фрагмент из текста интервью, где собеседником журналиста является Ахтямов Ибниямин Абусугутович (1877–1941) – депутат IV Государственной думы Российской империи от Уфимской губернии (1912–1917): *Bu könlärdä šähärebezdä Duma členy*

Ibneämin äfände Äxtämov mosafir bulyb toradyr. Äxtämov cänäbläre Ufa mirzasynyŋ balasy häm Peterburg universitetynyŋ ike fakultetyn betergän ber zyjaly tatardyr… Äxtämov cänäbläreneŋ šähärebezdä buluyndan fajdalanyb, anyŋ berlän ultyryštyq. Söjläškän süz wä Äxtämovnyŋ fikerläre šundan ğyjbarätder:… («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу») ‘В эти дни в нашем городе гостит член Думы Ибниямин Ахтямов. Господин Ахтямов является сыном уфимского мирзы и образованным татарином, окончившим два факультета Петербургского университета... Воспользовавшись присутствием в городе господина Ахтямова, мы побеседовали с ним. Наша беседа и размышления Ахтямова выглядят следующим образом:…’. Как видно, данное интервью-диалог в своей структуре предусматривает наличие зачина, где в форме монолога подается краткая информация о собеседнике и обстоятельствах, по которым возникла возможность организовать беседу. Между тем, в конце рассматриваемого текста имеется заключительная часть, где автор интервью делает некоторые выводы по беседе.

После зачина следует диалогическая часть текста, которая является классической беседой между журналистом и интервьюируемым лицом: - *Bu Dumada möselman fraksijasyn täškil itü ciŋelräk bulğandyr inde, čönki ütkän Dumalar fraksijalarynyŋ xedmätläre sezgä misal wä ürnäk bulğandyr. Zatä, araŋyzda öčenče Duma deputatlaryndan da ber ike keše bar buğaj? - Juq, bilğakes, bu Dumada möselman fraksijasyn täškil itü bajtaq awyr buldy. Fraksija jasau mäsäläsenä küb xedmät häm waqyt saryf itärgä tuğry kilde. Iske deputatlardan Täfkilev kilmägän ide. Jaŋa deputatlar fraksija häm Duma ešlären belmilär ide…* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу») ‘- Наверное, в нынешней Думе было же проще сформировать мусульманскую фракцию, ведь опыт работы предыдущей Думы послужил для вас примером и образцом. В сущности, вроде бы среди вас имеются так же и несколько депутатов из третьей думы? - Нет, наоборот, формирование мусульманской фракции в нынешней Думе оказалось довольно сложным делом. Работа по ее формированию потребовала много сил и времени. Из числа предыдущих

депутатов не приехал Тевкилев. Новые депутаты не разбирались в делах фракции и Думы…’.

В приведенном отрезке содержится диалогическое единство – текстовый отрезок, который выражает завершенную мысль и состоит из двух частей, принадлежащих двум разным сторонам, между которыми происходит коммуникативный акт. Диалогическое единство, на первый взгляд, состоит из двух монологических частей. Однако отличительной особеностью приведенного диалогического единства является тот факт, что его обе части не являются самостоятельными по отношению друг к другу, как это бывает в случае с монологическими текстами. Так, в диалогической речи обычно стимулирующая (вопрос журналиста) и реагирующая часть (ответ интервьюируемого лица) связаны друг с другом по такому принципу, когда коррелят расположен в стимулирующей части, а коррелируемое слово – в реагирующей [Гарифуллин, 1998, с. 342]. В приведенном ниже примере слово *qafqazlylar* ‘кавказцы’ коррелируется с вопросительным местоимением *qajsy* ‘который’, которое, соотвественно, выполняет роль коррелята: - *Soŋ, xäzer Dumada barysy jede genä möselman deputat bit, šulardan qajsylary fraqsija jasauğa qaršy kildelär? - Äjje, bez jede genä deputat. Šularnyŋ ikese Qafqazdan, berse Samara gubernasyndan, berse Orenburgdan, öčese Ufadan. Bigräk Qafqazlylar xosusyj fraksija jasauğa qaršy kildelär* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу») ‘- Ну и что же, сейчас ведь в Думе всего лишь семь депутатов мусульман, которые из них были против создания фракции? - Да, нас всего лишь семь депутатов. Двое из них с Кавказа, один из Самарской губернии, один их Оренбурга, трое из Уфы. Особенно противились созданию частной фракции кавказцы’.

Рассматриваемый текст посвящен политической теме, а интревьюируемым лицом является член Государственной Думы, что влияет и на характер текста, где, как правило, наблюдается активное использование логически стройных повествований и рассуждений, а предложения интервьюируемого лица обычно полные и не имеют эмоциональной окраски.

В то же время, учитывая, что интервью – это все же записанная журналистом устная речь, хотя и редко, в тексте встречаются неполные предложения, предложения состоящие из модальных слов и экспрессивные конструкции, характерные для разговроной речи (*Juq, ujlamyjbyz* ‘Нет. Не думаем’; *Xäzergä eškä bašladyq* ‘На данный момент работу начали’; *soŋ* ‘ну и что же’; *Ämä bez nindi partijanyŋ wäkile, qayda beznеŋ programmabyz?* ‘Но мы представители какой партии, где наша программа?’ и т.д.).

В текстах интервью для того, чтобы разнообразить вопросно-ответную форму, авторы прибегают к использованию стимулирующих предложений, среди которых разделяют предложения, стимулирующие просьбу, предполагающие, моделирующие, а также предложения, выражающие точку зрения, заведомо не совпадающую с позицией автора, которую, в ходе ответа он и должен будет опровергать [Гарифуллин, 2007, с. 67]. Примеры использования таких предложений можно обнаружить и в рассматриваемом тексте: - *Bu Dumada möselman fraksijasyn täškil itü ciŋelräk* ***bulğandyr inde****, čönki ütkän Dumalar fraksijalarynyŋ xedmätläre sezgä misal wä ürnäk* ***bulğandyr****…* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу») ‘- Наверное, в нынешней Думе было же проще сформировать мусульманскую фракцию, ведь опыт работы предыдущей Думы послужил для вас примером и образцом…’. Как видно, данное стимулирующее предложение содержит предположение автора о реальном положении дел в обсуждаемой сфере. Для передачи значения предположения в рассматриваемом отрывке используется глагол в форме прошедшего результативного времени на *-ğan* в паре с аффиксом *-dyr*, который в данном случае выражает модальное значение неуверенности, сомнения говорящего в совершении действия, а также частица *inde* ‘же’.

В следующем отрывке журналист заранее выражает такую мысль, которая с большой долей вероятности будет опровергнута интервьюируемым лицом: - *Soŋ Dumada qaralačaq mäsälälär mondan ğyna ğyjbarät bulyrmy? - Älbätä bolar ğyna bulmas…* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә

ултырышу») ‘- Ну и что же, обсуждаемые в Думе вопросы будут состоять только из этих моментов? Конечно, будут не только эти вопросы…’.

С точки зрения построения текста интервью, в плане междиалогического типа связи, их принято разделять на несколько видов: тексты с плавным типом, тексты со ступенчатым типом и тексты со смешанным структурным типом [Гарифуллин, 2007, с. 51]. В текстах интервью с плавной структурой каждый последующий вопрос журналиста, кроме вводного вопроса, связан с предыдущим ответом интервьюируемого лица. В интервью со ступенчатым структурным типом не наблюдается жесткой привязанности между диалогами журналиста и интервьюируемого, т.е. каждый диалог может восприниматься читателем вне контекста. В структурном плане рассматриваемый нами текст имеет плавное строение междиалогической связи, о чем свидетельствуют задаваемые журналистом вопросы: *Bu Dumada möselman fraksijasyn täškil itü ciŋelräk bulğandyr inde, čönki ütkän Dumalar fraksijalarynyŋ xedmätläre sezgä misal wä ürnäk bulğandyr. Zatä, araŋyzda öčenče Duma deputatlaryndan da ber ike keše bar buğaj? Soŋ, xäzer Dumada barysy jede genä möselman deputat bit, šulardan qajsylary fraqsija jasauğa qaršy kildelär? Axyrynda niček itifaqğa kildeŋez, möselman fraksijasynyŋ kiräklegen ni berlä isbat itdeŋez? Soŋ Dumada qaralačaq mäsäläläг mondan ğyna ğyjbarät bulyrmy?* ‘Наверное, в нынешней Думе было же проще сформировать мусульманскую фракцию, ведь опыт работы предыдущей Думы послужил для вас примером и образцом. В сущности, вроде бы среди вас имеются так же и несколько депутатов из третьей думы? Ну и что же, сейчас ведь в Думе всего лишь семь депутатов мусульман, которые из них были против создания фракции? В итоге как вы пришли к единогласию, как обосновали необходимость мусульманской фракции? Ну и что же, обсуждаемые в Думе вопросы будут состоять только из этих моментов?’ Как видно из представленных выше стимулирующих текстовых частей, каждый последующий вопрос журналиста вытекает из предыдущего ответа

интервьюируемого лица, что определяет эмоциональную составляющую текста, подчеркивает его разговорный характер.

Как мы утверждали выше, интервью – это результат беседы двух и более лиц, оформленный журналистом в качестве письменного текста. Следовательно, одной из основных особенностей текстов интервью в языковом плане является наличие в нем элементов устной речи. Так, в следующем примере в стимулирующей части диалогического единства наблюдается традиционное для рассматриваемого жанра употребление вопросительного предложения, которое характерно для устной речи, а в реагирующей части наблюдается использование присоединительной конструкции: - *Soŋ, xäzer Dumada barysy jede genä möselman deputat bit, šulardan qajsylary fraqsija jasauğa qaršy kildelär**?*** *- Äjje, bez jede genä deputat. Šularnyŋ ikese Qafqazdan… Samaradan kilgän deputat Miŋle ğaliev oktäbristlardan sajlanyb kilgängä kürä, möselman fraksijasyna qušylasy kilmäde.* ***Sulraq tabty*** («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу») ‘- Ну и что же, сейчас ведь в Думе всего лишь семь депутатов мусульман, которые из них были против создания фракции? - Да, нас всего лишь семь депутатов. Двое из них с Кавказа… Депутат из Самары Миннегалиев, по причине избрания от октябристов, не пожелал вступать в мусульманскую фракцию. Воспринял ее левой’.

Стоит отметить, что использование элементов разговорной речи не является приоритетной задачей журналиста. Скорее это естественный результат, возникающий ввиду того, что интервью изначально имеет устную форму. Между тем, в зависимости от сферы, к которой относится беседа журналиста и интервьюируемого лица, текст интервью может быть насыщен лексико-грамматическими элементами, характерными для научного или официально-делового стиля, тогда как элементы разговорного языка в этих текстах достигают минимального порога. Например, к характерным особенностям, свойственным официально-деловому стилю и обнаруживающимся в тексте рассматриваемого нами интервью можно

отнести отсутствие в его морфологической структуре форм первого и второго лица единственного числа. Если журналист, задавая вопросы своему собеседнику использует глагольные формы второго лица множественного числа, то интервьюируемое лицо, как правило, отвечая от имени всей мусульманской фракции обращается к глагольным формам первого лица множественного числа: - *Soŋ menä kanikul waqytynda milätneŋ bajyraq häm aŋlyraq kešelären küreb* ***söjläšmädeŋezme****? -* ***Söjläškänebez juq****, bälki xat berläп* ***möräcäğat itärbez*** («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу») ‘- Ну и что же, вот на каникулах вы не поговорили с более богатыми и разумными представителями нации? - Не разговаривали, возможно обратимся через письмо’.

Как известно, диалогические тексты отличаются своей персонализованностью, к которой, в том числе, относится и прием употребления вводных слов и словосочетаний, отражающих отношение говорящего к происходящему. Так, в реагирующих частях диалогических единств рассматриваемого текста можно обнаружить вводные слова, выражающие оценку интервьюируемым лицом степени реальности сообщаемого (уверенность, неуверенность, возможность, предположение и т.д.): - ***Älbätä****, bez möselmanlar moŋar razyj bulmadyq…* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу») ‘- Конечно, мы, мусульмане, не согласились с этим...’.

Также в тексте наблюдается употребление вводных слов, указывающих на связь мыслей интервьюируемого лица и последовательность изложения: - ***Mäsälä****, progresistlar fraksijasy Duma mönbärendän Balkan mämläkätlärenä häjer xaqlyq iğlan itü tarafynda buldy* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу») ‘- Например, фракция прогрессистов с трибуны Думы была сторонником благосклонности к балканским государствам’; - *Juq ujlamyjbyz. Čönki,* ***äwälän****, bez möselmanlarğa nindi zakonlar kirәk ikänlegen ačyq belmibez* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу») ‘- Нет, не думаем. Потому что, во-первых, мы отчетливо не знаем какие законы

нужны мусульманам’; - *Juq, **bilğakes**, bu Dumada möselman fraksijasyn täškil itü bajtaq awyr buldy* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу») ‘- Нет, наоборот, формирование мусульманской фракции в нынешней Думе оказалось довольно сложным делом’.

В реагирующей части одного из диалогических единств использовано вводное словосочетание, выражающее экспрессивность высказывания: - ***Döresten äjtkändä**, Dumadağy bašqa fraksijalarnyŋ beznең möselman gruppasyn fraksija iteb sanaularyna ğacäblänergä häm räxmät uqyrğa tiješder* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу») ‘- По правде говоря, нужно удивляться и благодарить остальные думские фракции за то, что признают нашу мусульманскую группу фракцией’.

Как нами уже было отмечено, преобладание в каком-либо газетном тексте лексики, относящейся к той или иной тематической группе зависит от ее тематики. Так, в рассматриваемом тексте интервью, где интервьюируемым лицом является депутат Государственной думы, чаще всего обнаруживается общественно-политическая лексика (*Duma* ‘Дума’, *fraksija* ‘фракция’, *deputat* ‘депутат’, *partija* ‘партия’, *progresistlar* ‘прогрессисты, «Прогрессивная партия»’, *zakon* ‘закон’ и т.д.). Как видно из примеров, в текстах интервью, также, как и в предыдущих рассмотренных нами текстах, относящихся к другим информационным жанрам, активное использование общественно-политической лексики приводит к тому, что в словарном составе начинают преобладать слова, относящиеся к русскому и европейским языкам. Также встречаются слова, вошедшие из арабского и персидского языков (*itifaq* ‘согласие’, *äwälän* ‘во-первых’, *mosafir* ‘гость, путешественник’, *mämläkät* ‘страна’, *bilğaqäs* ‘наоборот’ и т.д.).

Кроме того, в реагирующей части диалогических единств рассмотренного интервью активно использованы антропонимы (*Äxtämov* ‘Ахтямов’, *Täfkilev* ‘Тафкилев’, *Miŋle ğaliev* ‘Миннегалиев’ и т.д.) и топонимы (*Ufa* ‘Уфа’, *Peterburg* ‘Петербург’, *Qafqaz* ‘Кавказ’, *Samara* ‘Самара’, *Orenburg* ‘Оренбург’, *Balkan* ‘Балканы’ и т.д.).

В газетах «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» регулярно обнаруживаются тексты *коммерческих и информационных объявлений*. Хотя данные тексты и не рассматриваются журналистикой в качестве жанров, с точки зрения языкознания, они наряду с остальными газетными жанрами, играют важную роль при формировании лексико-стилистического и грамматического строя того или иного органа периодической печати. Следовательно, они также являются незаменимой составной частью языка газеты. По всем формальным показателям в структурно-семантическом плане объявления следует относить к фактологическому типу.

Мы рассматриваем тексты объявлений в рамках языка газеты и в группе информационных жанров, разделяя их на две группы: информационные и коммерческие (рекламные) объявления. В жанре объявление, в зависимости от его вида, основная функция может изменяться. Например, функцией информационного объявления является информирование читателя. Но в то же время, в отличие от, например, жанра заметка, объявление не имеет в себе наличия совершенного факта и не отвечает на весь перечень вопросов, необходимых для раскрытия факта, таких, как что/кто, где, когда, как и по какой причине был или будет совершен факт. Коммерческие объявления, в свою очередь, помимо информирования населения несут в себе еще одну, более важную для себя, функцию воздействия на читателя с целью получения финансовой выгоды. Так, по мнению некоторых ученых, рекламный текст представляет собой сложный жанр волюнтативно-информационного вида, т.е. апеллятивно-репрезентативный жанр, в котором соединяются апеллятивно-эмоциональные (прагматически заинтересованное обращение к адресату), репрезентативные (представление определенной информации потребителю) и воздействующие (убеждение в достоверности информации и необходимости совершить требуемое действие – покупку, приобретение, вклад, обращение и т.д.) функции и свойства [Кафтанджиев, 2005, 15].

В работе М.Н. Кожиной говорится, что расширение функций литературного языка в конце XX века выразилось в распространении рекламы, что коснулось и публицистического стиля [Кожина и др., 2008, с. 387]. Как видно, коммерческая реклама на страницах органов татарской периодической печати активно используется уже в начале XX века, с момента появления татарских газет.

Сегодня вопрос статуса рекламных объявлений как жанра в функционально-стилистической системе языка считается дискуссионным. Часть языковедов, ссылаясь на наличие ярко выраженной социальной ориентированности и нацеленности рекламных объявлений на реализацию той или иной политики, относят данные тексты к публицистическим жанрам. Другая же часть подчеркивает наличие в текстах рекламных объявлений большого множества особенностей, присущих другим функциональным стилям и характеризуют их как многостильные. Между тем, бытует мнение, согласно которому в функционально-стилистической системе языка следует выделить еще одну разновидность – рекламный стиль [Кара-Мурза, 1997, с. 65]. По мнению Е.С. Кара-Мурзы, публицистические и рекламные тексты отличаются друг от друга тем, что в первом случае рассматривается то или иное социальное событие, а во втором – та или иная услуга, либо товар. Приоритетной функцией рекламного текста является скорее воздействие, нежели информирование населения. Этот факт и сближает рекламный текст с публицистическим стилем, так как именно функция воздействия в первую очередь свойственна публицистике.

Стоит отметить, что значение коммерческих объявлений обусловлено не только тем, что они являются источником информации для читателя, они также служат важнейшим источником финансового дохода для любой редакции. Возможно, именно по этой причине преобладающее количество опубликованных на страницах рассматриваемых нами газет объявлений являются коммерческими.

Среди трех рассматриваемых нами наименований газет, реже всего объявления встречаются в газете «Борхане таракки». При этом, большинство опубликованных объявлений являются информационными. В газете «Вакыт» коммерческие и информационные объявления получили гораздо более широкое распространение. Если в газете «Борхане таракки» объявления в преобладающем своем большинстве публикуются на последней странице, то в газете «Вакыт» можно обнаружить их как в начале, так и в конце каждого номера. В некоторых случаях в газете «Вакыт» под коммерческие объявления выделяется целая страница. Следует отметить, что большинство коммерческих объявлений, опубликованных на страницах газеты «Вакыт» сопровождаются иллюстрациями, что для газеты «Борхане таракки» является редким исключением. При этом, коммерческие объявления на страницах газеты «Вакыт» подаются без названия, в то время как в газете «Борхане таракки» и коммерческие и информационные объявления имеют заголовок «Игълан» (объявление). В газете «Кояш» коммерческие и информационные объявления также получили широкое распространение. Причем количество публикуемых объявлений встречается на порядок больше в более поздних номерах газеты. При этом наблюдается рост количества опубликованных коммерческих объявлений. В отличие от газет «Борхане таракки» и «Кояш», их преобладающее большинство имеет заголовок, оформленный на кириллической графике и характеризующий род рекламируемой деятельности. Например, «Пароходство Д.Д. Якимова Н-цы», «Пассажирское пароходство Торговаго дома “В.К. Сорокинъ и Бр. Тупицыны”», «Зубной врач П.А. Гельфанъ», «Новый папиросы “Фіалка”» и т.д.

Далее рассмотрим тексты рекламных объявлений, опубликованных на страницах исследуемых нами газет. Если учитывать, что задачей коммерческих объявлений является воздействие на читателя с целью реализации того или иного товара или услуги посредством информирования через периодическую печать, то их обязательной минимальной характерной особенностью в плане композиции текста является наличие общей

информации о продаваемом товаре или предлагаемой услуге: *2 nče martdan bašlab ačyq tatar telendä ajda ike märtäbä čyğa torğan räsemle wä kölkele «Tup» žurnaly alučy däftäre ačyqdyr. Bähäse počta xaqy ilän bäräbär: jyllyq 3 sum. Jarty jyllyğy 1 sum 50 tijen. Berämläb 15 tijen* («Б.т.», 1907, № 89, «Игълан») ‘Открыта запись для желающих подписаться на иллюстрационный и юмористический журнал «Туп», издающийся со 2 марта два раза в неделю на чистом татарском языке. Цена вместе с почтовыми расходами: годовая подписка 3 рубля. На пол года 1 рубль 50 копеек. Поштучно 15 копеек’; *Jaŋa basylyb čyqty! Qozğynlar ojasynda. Šaxtadağy möselman eščelär tormyšyna dair Šärif äfände Kamal qalämilä jazylmyš ğyjbrätle ber xikäjäder. Xaqy 12 tijen. Počta ilä 14 tijen* («В.», 1910, № 700) ‘Только опубликован! Гнездо ворона. Поучительный рассказ о жизни рабочих-мусульман на шахте, написанный господином Шарифом Камалом. Цена 12 копеек. По почте 14 копеек’.

Как видно из примеров, помимо общей информации здесь также приведены и цены на товар. В языковом плане тексты коммерческих объявлений с такого рода композиционной структурой, при описании товара или услуги, как правило, характеризуются наличием имен прилагательных, имеющих семантику оценочности (*räsemle* ‘иллюстрационный’, *kölkele* ‘юмористический’, *ğyjbrätle* ‘поучительный’ и т.д.), что в конечном итоге, воздействуя на читателя, регулирует объем продаж. Кроме того, информация о ценовой политике, введенная в текст, подразумевает оперирование цифрами, что в языковом плане отражается в активном применении имен числительных, оформленных в виде цифр в паре с именами существительными, обозначающими единицу измерения денежных средств (*3 sum* ‘3 рубля’, *1 sum 50 tijen* ‘1 рубль 50 копеек’, *12 tijen* ‘12 копеек’, *14 tijen* ‘14 копеек’ и т.д.). Второй текст содержит в своем составе восклицательное предложение (*Jaŋa basylyb čyqty!* ‘Только опубликован!’), которое выражает экспрессию и используется автором для повышения воздействующей силы текста и привлечение внимания к его последующему содержанию.

В иных текстах, помимо обязательного указания общей информации о товаре или услуге, может быть введена дополнительная информация, а также контактные данные. При этом, информация о ценовой политике может отсутствовать: *Mosafir "Saraj" xanäse Qazanda Pečän bazarynda. Telefon 5-38. Mosafirlar öčen paq, tämiz, jaqty, uŋajly nomerlar. Atlylar öčen at urynlary! Mihmanlar öčen jaxšy ašlar wä täğamlar* («К.», 1913, № 52) 'Гостевые номера «Сарай» на Сенном базаре. Телефон 5-38. Чистые, светлые, удобные номера для гостей. Места для лошадей. Вкусные блюда и еда для гостей'; *Doktor P.P. Krasin. Törle cäräxätlärne, qolaq, boron häm tamaq awyrularyny qaryj. Qabul itä 10 dan 11 gä qadär, kič 6 dan 7 gä qadär. Balšoj Ladskoj uram, Gvozdef jorty. Telefon 76-9* («К.», 1914, № 512, «Доктор медицины П.М. Красин») 'Доктор П.М. Красин. Лечит разного рода повреждения, болезни уха, носа и горла. Принимает с 10 до 11, вечером с 6 до 7. Улица Большая Лядская, дом Гвоздева. Телефон 76-9'.

В данном случае, кроме подачи общей информации, где активно применяются имена прилагательные с оценочной семантикой (*paq* 'свежий', *tämiz* 'чистый', *jaqty* 'светлый', *uŋajly* 'удобный', *jaxšy* 'хороший' и т.д.), в качестве дополнительной информации в структуру текста включен режим работы (*Qabul itä 10 dan 11 gä qadär, kič 6 dan 7 gä qadär* 'Принимает с 10 до 11, вечером с 6 до 7'), где в языковом плане наблюдается активное употребление имен числительных в виде цифр. Также в рассматриваемом тексте дается контактная информация, при оформлении которой, как правило, используются имена собственные (*"Saraj"* '«Сарай»', *Pečän bazary* 'Сенной базар', *Balšoj Ladskoj uram* 'Улица Большая Лядская'), а для обозначения телефонного номера – имена числительные в форме цифр (*5-38, 76-9*).

Как было отмечено выше, основной задачей информационных объявлений является информирование населения о каком-либо событии или случае. Информация доводится до адресата в наиболее оптимальной, по мнению редакции, форме. Поэтому, каких-либо критериев по организации

структуры текста объявления не существует: *Borhan Täräqi matbäğasyna ečmi torğan jaxüd xezmätendän qalmyj torğan xäref cyjučy kiräk* («Б.т.», 1907, № 81, «Игълан») ‘В типографию газеты «Борхане таракки» требуется непьющий или не пропускающий работу наборщик’; *Möxtäräm imamlarymyz diqatenä! Jäşlär qujylyr öčen metriqa däftärendän svedinija birergä formasy duxovnyj sobranija tarafyndan jazylyb tasdyjq idelgän metričeskij ysprafka häm semejnyj vypiska blankalary basylyb čyqdy* («В.», 1910, № 640) ‘Вниманию уважаемых имамов! Отпечатаны формы метрических справок и семейных выписок для указания сведений о возрастах из метрической книги, подготовленные и одобренные духовным собранием’.

Как видно, на лексическом уровне данные тексты характеризуются отсутствием эмоционально-окрашенных элементов. При этом во втором тексте активно употреблена заимствованная из русского языка лексика, характерная для официально-делового стиля (*svedinija* ‘сведение’, *forma* ‘форма’, *ysprafka* ‘справка’, *vypiska* ‘выписка’, *blank* ‘бланк’ и т.д.). Также в тексте наблюдается определенное стремление к точности и стандартизированности. Так, при выражении категории времени глагола во втором тексте автор использует форму, состоящую из деепричастия, оканчивающегося на *-p* с аффиксом страдательного залога и глагола *čyğu* ‘выходить’ с аффиксом прошедшего категорического времени (*basylyb čyqdy* ‘опубликован’). В данном случае использование страдательного залога также воспринимается как признак, усиливающий официальность изложения. Кроме того, один из текстов начинается с восклицательного предложения (*Möxtäräm imamlarymyz diqatenä!* ‘Вниманию уважаемых имамов!’), которое характеризуется повышенным эмоционально-экспрессивным фоном и используется автором для привлечения внимания.

Как видно из примеров, в плане композиции текста коммерческие объявления отличаются от информационных. Если в информационных объявлениях фактологическая часть подается кратко и точно, не раскрывая какой-либо дополнительной информации, причин, следствий, то в

коммерческих объявлениях после подачи основного факта, как правило, обнаруживается конкретизирующая часть, где автор вводит в текст дополнительную информацию, раскрывающую стоимость оказываемой услуги или предлагаемого товара, режим работы, адрес и т.д.

Таким образом, в газете «Вакыт» коммерческие объявления встречаются на порядок чаще, чем информационные. Похожая ситуация наблюдается и в газете «Кояш». Тем временем на страницах газеты «Борхане таракки» наблюдается кардинально обратная картина. В целом, по результатам выборочного статистического анализа, в ходе которого были рассмотрены по 50 номеров каждой из рассматриваемых нами газет, стало известно, что в газете «Вакыт» было опубликовано 609 текстов объявлений, в газете «Кояш» – 449, в газете «Борхане таракки» – 269. Данные цифры, на наш взгляд, характеризуют начавшиеся процессы коммерциализации в сфере периодической печати. Чем позже начал издаваться тот или иной орган периодической печати или чем позже выходил в свет тот или иной конкретный номер одной из трех газет, тем больше места отводилось на ее страницах под объявления коммерческого характера.

Еще одним жанром, встречающимся на страницах исследуемых нами газет являются *статистические данные*. В структурно-семантическом плане данные тексты также относятся к фактологическому типу. Сегодня в периодической печати тексты с наличием в содержании статистической информации встречаются регулярно. Обычно они готовятся специалистами той или иной профильной отрасли вне редакции, в редакциях же их обрабатывают и готовят к публикации. Как правило, статистические данные – это цифровые таблицы с соответствующими комментариями. Отражением факта реальной действительности в таких текстах является непосредственно сама цифра – результат определенного анализа совокупности ряда реальных фактов, обобщенных при помощи специальных методов исследования [Гуревич, 2004]. Статистические данные помогают читателю получить информацию на основе количественных данных, касающуюся какой-либо

конкретной области человеческой жизнедеятельности. Наиболее полную картину читатель получает при условии, что статистическая информация дополняется комментариями редакции.

В исследуемых нами газетах публикуемые статистические данные, как правило, касаются информации о ценообразовании на какие-либо товары в конкретный временной отрезок. Такого рода тексты можно обнаружить во всех трех исследуемых нами периодических изданиях. В плане композиционной структуры такие тексты состоят из двух компонентов – предмета и его количественного признака. Данный фактологический материал чаще всего подается кратко, какие-либо комментария в тексте отсутствуют: *Frukt (jemeš): äl boxara persidskij pod 6 sum 40 tijen, alyča 4 sum 50 tijen, višnä qubanskij 3 sum 50 tijen, üzüm berenče sort 5 sum…* («Б.т.», 1907, № 116, «Сату бәhалары») ‘Фрукты: альбухара персидский за пуд 6 рублей 40 копеек, алыча 4 рубля 50 копеек, вишня кубанская 3 рубля 50 копеек, изюм первый сорт 5 рублей…’; *Syjyr tirese poty 7 sum, taj tirese 2 sum – 3, ire saryq tirese 1 sum 30 tijen, käcä tirese 1 sum 40 tijen, tijen tirese 25, soly poty 55, boraj carmasy poty 1 sum 30 tijen…* («К.», 1913, № 259, «Казанда базар бәhалары. 1913 сәнә 7 нче ноябрь») ‘Шкура коровы за пуд 7 рублей, шкура жеребенка 2 рубля – 3, шкура крупной овцы 1 рубль 30 копеек, шкура козы 1 рубль 40 копеек, беличья шкура 25, пуд овса 55, пуд крупы полбы 1 рубль 30 копеек…’.

Такая структура текста характеризуется активным применением имен числительных, оформленных в виде цифр в паре с именами существительными, обозначающими единицу измерения денежных средств (*4 sum 50 tijen* ‘4 рубля 50 копеек’, *6 sum 40 tijen* ‘6 рублей 40 копеек’, *3 sum 50 tijen* ‘3 рубля 50 копеек’ и т.д.), а также имен существительных, обозначающих предмет, о котром идет речь в тексте (*alyča* ‘алыча’, *višnä* ‘вишня’, *boraj carmasy* ‘крупа’, *tijen tirese* ‘беличья шкура’ и т.д.). На синтаксическом уровне приведенные примеры характеризуются активным

применением односоставных именных предложений, что отличает их от текстов, относящихся к другим жанрам.

В плане композиции текста часть статистических данных, опубликованных в газете «Вакыт» могут отличаться от текстов имеющихся в газетах «Борхане таракки» и «Кояш». Так, здесь к фактологическому материалу автор прилагает конкретизирующую часть, где подается дополнительная информация: *Bazarğa ašlyqlar jaxšy kilä. Ike öč meŋ jök bulğalağan könlär bula. Čitdän kilgän alučylar bar. Häm čitkä jebäreb toralar. Quban boğdajy 1 sum 30 tijen – 1 sum 40 tijen, waq boğdaj 95 tijen – 1 sum, tary 78 tijen – 80 tijen, soly 55 tijen – 60 tijen, aryš 60 tijen – 65 tijen…* («В.», 1909, № 433, «Оренбургта ашлык базары. 17 нче февральдә») ‘Поток зерна на базар хороший. Бывают дни, когда привозят по 2-3 тысячи. Есть приезжие покупатели. Бывает, вывозят на продажу. Кубанская пшеница 1 рубль 30 копеек – 1 рубль 40 копеек, мелкая пшеница 95 копеек – 1 рубль, просо 78 копеек – 80 копеек, овес 55 копеек – 60 копеек, рожь 60 копеек – 65 копеек…’. Как видно, в плане структуры данный текст можно разделить на две части – дополнительная информация и, непосредственно, статистическая информация.

Если в рассмотренном выше примере фактологическому материалу предшествовала конкретизирующая часть, то в следующем примере после конкретизирующей части и фактологического материала автор вводит короткий комментарий: *Ästerxanda 5 nče učaskada Kriuš mäscideneŋ binasyna iğanä idän kemsälär: Josyf Ğabdelğaziz uğly 40 sum, Šäräfäldin Ğabdelğaziz 5 sum, Fäxräldin Fäjzulla uğly 3 sum, Ğabdelraxman Tahirof 1 sum… buken 77 sum 69 tijen. bez Kriuš camiğyny iğanä idän kemsälärä berdän tešekür idämez* («Б.т.», 1907, № 79, «Криуш мәсҗеденә иганә») ‘Лица, давшие пожертвования для строительства мечети Криуша в пятом участке Астрахани: Юсуф Габдельгазизович 40 рублей, Шарафутдин Габдельгазиз 5 рублей, Фахрутдин Файзуллович 3 рубля, Габдрахман Тагиров 1 рубль... На сегодняшний день 77 рублей 69 копеек. Мы благодарим всех, кто пожертвовал средства для

мечети Криуша’. Как видно, данные тексты передают информацию, связанную с пожертвованиями населения для строительства мечети в мусульманском районе Астрахани под названием Криуша. В языковом плане, использованная структура построения текста подразумевает активное употребление имен собственных: встречаются топонимы (*Ästerxan* ‘Астрахань’, *Kriuš* ‘Криуша’) и антропонимы (*Josyf Ğabdelğaziz uğly* ‘Юсуф Габдельгазизович’, *Šäräfäldin Ğabdelğaziz* ‘Шарафутдин Габдельгазиз’, *Fäxräldin Fäjzulla uğly* ‘Фахрутдин Файзуллович’ и т.д.). Также наблюдается активное использование имен числительных, оформленных в виде цифр в паре с именами существительными, обозначающими единицу измерения денежных средств (*40 sum* ‘40 рублей’, *5 sum* ‘5 рублей’, *77 sum 69 tijen* ‘77 рублей 69 копеек’ и т.д.). Кроме того, в тексте наблюдается использование синонимов (*mäscid, camiğ* ‘мечеть’), что придает речи определенную эмоционально-экспрессивную и стилистическую окраску.

Как мы подчеркивали выше, в газетах «Борхане тараккы», «Вакыт» и «Кояш» публикуемые статистические данные, как правило, касаются цен на товары. Следовательно, наиболее часто здесь встречается лексика, связанная с продуктами питания и другими товарами (*alyča* ‘алыча’, *višnä* ‘вишня’, *üzüm* ‘изюм’, *syjyr tirese* ‘коровья шкура’, *tijen tirese* ‘беличья шкура’, *soly* ‘овес’, *quban boğdaj* ‘кубанская пшеница’, *tary* ‘просо’ и т.д.). Между тем, доминирование данной тематической группы, в определенной степени влияет и на лексический состав текстов в плане заимствованной лексики. Так, рассмотренные тексты статистических данных характеризуются активным употреблением русских и западноевропейских заимствований (*frukt* ‘фрукт’, *višnä* ‘вишня’, *alyča* ‘алыча’, *višnä qubanskij* ‘вишня кубанская’, *sort* ‘сорт’ и т.д.). В то же время, в небольшом количестве встречается арабо-персидская лексика (*mäscid* ‘мечеть’, *bina* ‘здание’, *iğanä* ‘пожертвование’, *bazar* ‘базар’, *camiğ* ‘мечеть’). Основной лексический фонд составляют слова тюрко-татарского происхождения (*syjyr* ‘корова’, *tire* ‘шкура’, *taj* ‘жеребенок’, *soly* ‘овес’, *saryq* ‘овца’, *käcä* ‘козел’, *ašlyq* ‘зерно’, *tary* ‘просо’ и т.д.). Факт

преобладания среди лексики статистических данных русской и западноевропейской и тюрко-татарской лексики объясняется стремлением авторов к упрощению языка, что влияет на его более легкое и быстрое восприятие со стороны адресата.

Таким образом, нами были проанализированы структурно-композиционные и лексико-стилистические особенности текстов таких информационных жанров, как заметка, отчет, репортаж, интервью, объявление и статистические данные. Как показал анализ, основная задача информационных жанров, заключающаяся в своевременном донесении до читателя информации о наиболее важных политических, социальных и культурных событиях, влечет за собой и определенные рамки в плане лексико-стилистического и структурно-композиционного построения текста. Как правило, информационным жанрам менее всего характерна экспрессия, эмоциональные выражения и обороты. При этом, если экспрессия и применение средств языковой выразительности менее всего характерна для текстов заметок, объявлений, статистических данных и в определенной степени для текстов отчетов, то тексты репортажей и интервью, в зависимости от поднятой в тексте тематики, могут характеризоваться наличием соотвествующих лексико-стилистических приемов.

2.3. Структурные особенности и лексико-стилистическая ткань текстов аналитической группы

Тексты аналитического характера – это чаще всего основная часть периодического издания, как современной журналистики, так и татарской периодической печати начала XX века. Предметом текстов аналитического характера обычно выступают актуальные для конкретного временного отрезка явления, процессы или события. В таких текстах уточняются причины и условия развития тех или иных событий, определяются скрытые мотивы и намерения действующих в той или иной ситуации лиц, оцениваются правильность выбора средств и путей развития ситуации,

обоснованность точек зрения и идей. Следует понимать, что в текстах информационного характера основная идея заключается в наличии факта, а в аналитических текстах – в наличии мысли, порожденной фактами, наложенной на эмоции автора. По этой причине, в плане объема, аналитические тексты всегда больше информационных. Автор аналитического текста старается сориентировать читателя в общественной жизни, для чего он предпринимает попытку показать события с точки зрения той роли, которую они могут сыграть в жизни человека [Туманов, 2002]. Чаще всего на страницах рассматриваемых нами газет можно обнаружить такие виды аналитических жанров, как статья, обзор периодической печати и открытое письмо.

Наиболее востребованным аналитическим жанром, функционирующим в жанровой системе газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», является *статья*. В структурно-семантическом плане тексты статей принято относить к аргументирующему типу. Предметом анализа статьи становится крупномасштабная ситуация, возникшая в политике, экономике или любой другой области общественной жизни. Обычно такая ситуация связана с возникновением и постановкой актуальной проблемы, затрагивающей интересы многих людей. Заметим, однако, что и в статье, подготовка которой всегда ограничена небольшим временем, публицистический анализ может вскрыть лишь некоторые причины и связи, приведшие к возникновению исследуемой ситуации и связанной с нею проблемы. Это связано с тем, что работать как ученый, исследующий явление или ситуацию в течении продолжительного периода времени, автор газетного текста не в состоянии, он вынужден закончить подготовку статьи в соответствии с планом ее публикации в определенном номере газеты [Гуревич, 2004].

Статье присуще масштабность авторского взгляда, глубина обобщений, выводов. Особенностью статьи является развитие одной, строго определенной мысли, а также логическая последовательность, целеустремленность рассуждений и доказательств, конкретность выводов и

предложений. Постепенно, при помощи тезисов, автор подводит читателя к проблеме. Затем, развертывая логико-событийную цепочку доказательств, автор пытается убедить читателя в правильности своей позиции [Бобков, 2005, с. 21].

В вопросе разделения текстов статей на виды, ученые придерживаются разных мнений. Одни разделяют их на четыре вида: пропагандистская, проблемная, публицистическая и информационная статья [Пельт, 1984, с. 17]. Другие выделяют информационную, проблемно-аналитическую, теоретическую и публицистическую статью [Бобков, 2005, с. 22]. Практик и теоретик журналистики И.М. Низамов выделяет статью-обозрение, статью-рецензию, статью-рейд и научеую статью [Низамов 1996, с. 87]. Также статьи можно определить как общеисследовательскую, тактико-аналитическую и полемическую [Тертычный, 2000, с. 115]. В общеисследовательской статье, как правило, анализируются какие-либо важные общезначимые вопросы, будь то направление экономического или политического развития страны, либо взаимоотношение стран на международном политическом уровне и т.д. Такие тексты отличаются глобальностью и высоким уровнем обобщения. Основная цель общеисследовательской статьи заключается в выявлении и исследовании тех или иных закономерностей, характерных для сегодняшнего общества. Тактико-аналитическая статья направлена на анализирование какой-либо одной конкретной области жизнедеятельности человека. Это может быть область сельского хозяйства, образования и науки, бизнеса или финансов и т.д. Автор такого рода статьи ставит перед собой задачу проанализировать вопросы, имеющиеся в одной из вышеуказанных сфер и представить читателю практические советы и рекомендации по решению вопросов или улучшению имеющейся ситуации. Полемическая статья является ответом журналиста на какую-либо возникшую в обществе спорную ситуацию. Одним из причин возникновения такого рода статьи является появление в средствах массовой информации точки зрения лица, с которым автор статьи кардинально не согласен. В своей статье автор должен

обосновать корректность именно своей теории и некорректность теории своего оппонента. Основным условием полемической статьи является ее непротиворечивость, т.е. автор должен подбирать факты и доказательства своей правоты таким образом, чтобы у читателя не оставалось никаких сомнений в правоте автора статьи.

Принято считать, что наибольший вклад в развитие рассматриваемого жанра привнес классик татарской литературы и журналистики Фатих Амирхан [Гарифуллин, 2007, с. 87]. Именно под влиянием его глубоких по своему содержанию статей, посвященных вопросам общественно-политической жизни татар, национальная журналистика обрела основание для дальнейшего развития.

Наиболее объемными и имеющими актуальную постановку вопроса и глубокий анализ ситуации, являются такие статьи, опубликованные в газете «Борхане таракки», как «Гадәләтме? Я золымлыкмы?» (1906, № 56), «Мәгыйшәт мөхарәбәсе яхуд инсанларың яшәмәсе» (1907, № 116), «Шәкерд галәме» (1907, № 116), «Ислах хакында» (1906, № 31), «Дәрел әдәбдә сөйләнгән нотык» (1906, № 33) и т.д. Они в полной мере раскрывают общественно-политическую ситуацию в стране, затрагивают национальные вопросы татарского народа, вопросы религиозного характера. К сожалению, в подавляющем большинстве случаев авторы этих статей не указаны, и даже если тексты подписаны, они подписаны либо при помощи псевдонимов, либо указаны инициалы.

Рассмотрим статью под названием «Кавказ вакыйгалары», опубликованную в газете «Борхане таракки». Автор данной общеисследовательской статьи неизвестен, однако под ней стоит подпись «Таң» («طاڭ»). Учитывая, что одноименные органы периодической печати, а именно журнал «Таң» («Заря», Касимов, 1918, издано всего 3 номера) и газета «Таң» («Заря», Симбирск, 1919-1922) начали издаваться лишь спустя 12-13 лет с момента публикации рассматриваемой нами статьи, соответственно, текст не может быть перепечаткой из вышеупомянутых

органов периодической печати и, скорее всего, подпись «Таң» является псевдонимом автора.

Как известно, тезис и его аргументация является одним из важнейших элементов преобладающего большинства завершенных журналистских текстов. Они позволяют читателю воспринять основную мысль автора. Основная мысль журналистского произведения и является тезисом логической аргументирующей структуры. Остальные элементы данной структуры, в том числе и вспомогательные тезисы, служат аргументации этой мысли [Гарифуллин, 1998, с. 157]. Главный тезис может быть расположен не только в самом начале текста, но и в середине или в конце. В рассматриваемой статье на протяжении всего текста автор предлагает читателю ряд тезисов: *Kafkaz telegramlaryna qarağanda ärmän berlän tatarlar arasyndağy qan tügelüläre haman betmi* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында») ‘Согласно кавказским телеграммам, кровопролития между армянами и татарами до сих пор не прекращаются’. Далее он последовательно подкрепляет тезис при помощи аргумента: *Äle anda äle monda ärmänlär tatarlarğa tatarlar ärmänlärgä höcüm iteb ällä ni qadär qanlar tügälär ällä ni qadär balalarny jätim qaldyryb ällä ni qadär analarny balasyz qaldyralar…* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында») ‘То тут то там армяне, нападая на татар, татары, нападая на армян, проливают много крови, делая сиротами множество детей, лишают матерей своих детей…’.

Далее автор приводит тезис, согласно которому, несмотря ни на что, напрасное кровопролитие не останавливается: *Qan tügelä dä tügelä, qajčanğa betäčäge, bu qurqynyčly awyrudan ärmän tatarlarnyŋ qajčan qotylačaqlary haman belenmi* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында») ‘Кровь продолжает проливаться, когда это закончится, когда татары и армяне избавятся от этого страшного недуга неизвестно’. После чего читателю в доказательство вышесказанного предлагается аргументация тезиса: *Köndän kön tügelgän qanlar kübäjä bara, köndän kön jätim balalarnyŋ küz jäšläre arta bara. Köndän kön baqča kebek Kafkaz fäqyjrlänä jarlylana bara, köndän kön*

bolarnyŋ ikeseneŋ došmany biurokratija bolarnyŋ gönahsyz qanlarynda üzeneŋ köjmäsenä utyryb jözeb jöri, bolarnyŋ küz jäšläre berlän üzeneŋ qanly qullaryn jua... («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында») ‘День за днем проливается все больше крови, день за днем все больше проливается слез сирот. День за днем Кавказ похожий на цветочный сад, беднеет, день за днем их общий враг, бюрократия, плавает на своей лодке в их невинной крови, моет свои кровавые руки в их слезах...’.

Как видно, для подчеркивания серьезности сложившейся ситуации, автор прибегает к разного рода средствам языковой выразительности. Так, он сравнивает Кавказ с цветочным садом (*baqča kebek Kafkaz* ‘Кавказ словно сад’), чтобы подчеркнуть разницу между состоянием Кавказа в доконфликтное время и нынешним Кавказом, в результате чего читателю представляется возможность осознать реальное положение дел. Кроме того, в данном отрывке обнаруживается использование автором расширенной метафоры (*biurokratija bolarnyŋ gönahsyz qanlarynda üzeneŋ köjmäsenä utyryb jözeb jöri* ‘бюрократия плавает на своей лодке в их невинной крови’) и метафорического эпитета (*küz jäšläre berlän üzeneŋ qanly qullaryn jua* ‘(бюрократия) моет свои кровавые руки в их слезах’), с целью достижения художественной выразительности речи, при помощи которого выражается экспрессия автора. Его мысль в данном предложении приобретает яркость и убедительность.

Далее автор подводит читателя к основной идее данной статьи, подчеркивая мысль о необходимости немедленного прекращения кровопролития: *Här ğaqly bar ärmän, här vöcdany bar tatar bu kiräksez qanlarny tügüne tuqtatyr öčen böten köčen saryf qylyrğa tiješder* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында») ‘Каждый разумный армянин, каждый совестливый татарин должен приложить все свои силы, чтобы остановить это ненужное кровопролитие’. Данный тезис также имеет под собой основательную аргументацию: *Ujlaŋyz tuğanlar! Ujlar waqyt citde. Juqğa qanlar äräm itä torğan, juqğa canlarny fida qyla torğan waqyt ütde. Ujlaŋyz*

tuğanlar! Ujlaŋyz! Gönahsyz qanlarğa qullaryŋyzny jumaŋyz!.. («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында») ‘Думайте, родственники! Настало время думать. Прошло время, когда зря проливалась кровь, приносились в жертву души. Думайте, родственники! Думайте! Не мойте руки в невинной крови!..’.

В аргументирующей части наблюдается попытка автора повлиять на мнение читателей, а также участников описываемых в тексте событий, посредством высокой эмоциональности повествования, что на письме приобретает форму побудительных и восклицательных предложений. Кроме того, в отрывке ***Ujlaŋyz*** *tuğanlar!* ***Ujlaŋyz!*** *Gönahsyz qanlarğa qullaryŋyznu jumaŋyz!..* ‘Думайте, родственники! Думайте! Не мойте руки в невинной крови!..’ можно обнаружить такой элемент, как лексический повтор, который придает тексту мощный эмоциональный заряд, усиливая эмоциональное воздействие текста. С такой же целью в данном отрывке использовано и фонетическое средство языковой выразительности – рифма: *Ujlaŋyz tuğanlar!* ***Ujlaŋyz!*** *Gönahsyz qanlarğa qullaryŋyznu* ***jumaŋyz!..*** ‘Думайте, родственники! Думайте! Не мойте руки в невинной крови!...’

В конце текста автор повторно обращается к участникам конфликта, в эмоциональном стиле требуя прекратить кровопролитие, используя при этом разные доводы. Данный отрывок текста также насыщен побудительными и восклицательными предложениями, наблюдается использование средств языковой выразительности, а именно метафоры (*qanly jäšlär* ‘кровавые слезы’): *Böten Rosijanyŋ pravalary öčen tartyšqan möqadäs könlärdä kiräksez qanlaryŋyz berlän bujamağyz! Üzeŋeznең waq töjäk došmanlyqlaryŋyz öčen ällä ni qadär kešelärne qanly jäšlär jylatmaŋyz! Tuqtaŋyz! Tuqtarğa waqyt!* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында») ‘Не пачкайте своей необоснованной кровью в священные дни, когда вся Россия борется за свои права. Не заставляйте плакать кровавыми слезами толпы людей из-за своей пустяковой вражды! Остановитесь! Время остановиться!’.

Как видно из примеров, в начале текста подается вводная информация по описываемой проблеме, далее мы наблюдаем обоснование автором ее

актуальности, после чего автор, широко применяя средства языковой выразительности, и тем самым воздействуя на читателя, в том числе и в психологическом плане, аргументирует главный тезис текста.

В газете «Вакыт» жанр статья также является наиболее часто встречающимся аналитическим жанром. Как и в газете «Борхане таракки», чаще всего обнаруживается ее общеисследовательский вид. В то же время, если обратиться к статье «Мәктәбләр вә мөгаллимләремез» («Школы и наши преподаватели»), опубликованного в № 433 рассматриваемой газеты, в отличие от предыдущего текста, мы обнаруживаем некоторые отличия в структурно-композиционном строении текста, а также в его эмоционально-экспрессивном характере.

Так, текст предыдущей статьи начинается непосредственно с выдвижения автором тезиса с его последующей аргументацией, тогда как в рассматриваемой статье предварительно подается вводная информация: *Bögelmä öjäze Miŋlebaj wä Čupaj awyllaryna ürädnik kileb ukazsyz kešelär jäki šähadätnamäse bulmağan möğalimlär bala uqytmasynlar dijä xökümät ämerelä imza aldyğy "Waqyt" nyŋ 431 nče nomerynda Širjazdan isemle möğalimneŋ xatynda bäjan ulynmyš ide* («В.», 1909, № 433, «Мәктәбләр вә мөгаллимләремез») 'В письме преподавателя по имени Ширяздан, опубликованном в № 431 газеты «Вакыт» уже говорилось о том, что в деревнях Миннибаево и Чупаево Бугульминского уезда урядник по приказу правительства собирал подписи о недопустимости обучения детей людьми без указа и преподавателями без удостоверения'.

Затем автор представляет тезис: *Törkestan taraflaryndağy mäktäblär wä möğälimlärgä dä xökümät diqat itä* («В.», 1909, № 433, «Мәктәбләр вә мөгаллимләремез») 'В Туркестане правительство также обращает внимание и на школы и преподавателей'. Далее автор аргументирует выдвинутый тезис: *Graf Palin mämurlary bağzy mäktäblärgä kereb möğalimlärneŋ kemnär uldyğyny, šähadätnamäläre mävcud ulyb ulmadyğyny, uqytyla torğan kitablarnyŋ nilärdän ğyjbarät idegene sorašdyrğalağanlar…* («В.», 1909, № 433, «Мәктәбләр вә

мөгаллимләремез») ‘Чиновники графа Палина, посетив несколько школ, интересовались личностями преподавателей, имеются ли у них удостоверения и содержанием учебников...’.

Далее автор выдвигает главный тезис статьи, который содержит основную проблему, анализируемую в аргументации: *Mäktäb wä möğalim mäsäläläre möselmanlarnyŋ üzläre öčen dä, xökümät nazärendän dä bik möhimder. Läkin ähämijäte nisbätendä buŋa iğtibar idelmider* («В.», 1909, № 433, «Мәктәбләр вә мөгаллимләремез») ‘Вопросы школы и подготовки преподавателей очень важны для самих мусульман, и с точки зрения правительства. Однако несмотря на важность, на него не обращается внимание’.

Преобладающую часть данного текста занимает аргументация приведенного выше главного тезиса. В заключительной части статьи автор выдвигает некоторые выводы по проблеме, затронутой в главном тезисе: *Duxovnyj sobranijada imtixan ulyb imam wä möğalimlek šähadätnamäse almaq möğalimlekdän tuqtatylmau öčen xäzergä jarab torsa da, bu äsasly ber čara tügelder. Buŋa ber tädbir dib genä qararğa tiješ* («В.», 1909, № 433, «Мәктәбләр вә мөгаллимләремез») ‘Несмотря на то, что сдача экзаменов в Духовном собрании и получение удостоверения преподавателя и имама на данный момент является способом обойти отстранение от преподавательства, это не фундаментальный способ. Его нужно воспринимать лишь как некую предусмотрительность’.

Как видно из примера, в заключительной части текста не отражены конкретные предложения автора, которые бы могли повлиять на решение затронутой в статье проблемы. Вместо этого, автор разбирает один из вариантов развития событий и приходит к выводу, что данный вариант не является самым оптимальным. Таким образом он оставляет читателю площадку для дальнейшего развертывания размышлений, что продиктовано стремлением автора воздействовать на читателя, сподвигнуть его к размышлению. В целом, рассматриваемая статья, не считая заключительной

части, по сравнению с предыдущим текстом, опубликованным в газете «Борхане таракки», лишена эмоционально-экспрессивных и образных средств выражения, а воздействие на читателя в ней строится на логически выверенном анализе фактов действительности с их дальнейшей аргументацией.

Тексты, относящиеся к жанру статья являются системообразующими и для жанровой системы газеты «Кояш». К примеру, текст статьи под названием «Нимес хатынлары» («Немецкие женщины»), также построен по принципу тезис – аргумент. Стоит заметить, что в отличие от предыдущей статьи, где в зачине подается общая вводная информация, в рассматриваемой статье непосредственно в самом начале подается главный тезис: *Bu oluğ suğyš böten Jaurupada ber inqyjlab fikere tuğdyrğan šikelle, kiläse tormyšqa da üzeneŋ ezlären bik nyq qaldyryr šikelle kürenä* («К.», 1910, № 613, «Нимес хатынлары») ‘Эта великая война, кажется так же, как порадила революционную мысль во всей Европе, оставит свой неизгладимый след и на предстоящей жизни’.

Далее автор распределяет вспомогательные тезисы и аргументы к ним. В заключении статьи, автор, после определенного анализа ситуации, согласно которой часть женщин-активисток предложили привлекать женское население Германии к воинской службе, проецирует службу в армии немецких женщин на Османское государство. Он приходит к выводу, что если Османская империя, копирует Германию в области военного дела, то вслед за ней также обяжет своих женщин служить в армии, а это послужит толчком для уже назревших перемен в части роли турецкой женщины в развитии страны: *Nimes xatynlaryna bu eš nindi näticälär birer ansy beznеŋ öčen möhim tügel, gaskärilekdä nimeslärgä täqlid itüne ğadät iteb alğan töreklär ägär nimeslärneŋ bu ešlärenä dä täqlid itsälär, monyŋ törek xatynlary öčen zur ber ähämijäte bulačağy šöbhäsezder. Törek xatynlary nindi jul belän bulsa da xäjatqa qatyša bašlarğa soŋ däräcädä moxtaclar…* («К.», 1910, № 613, «Нимес хатынлары») ‘Какие результаты даст это дело для немецких женщин – это не

наше дело. Если турки, принявшие за привычку подражать немцам в военной сфере, будут подражать и этому, то, несомненно, для турецких женщин будет польза. Турецкие женщины, любыми путями, в крайней степени нуждаются в участии в жизни страны’.

По сравнению с первыми двумя текстами, рассматриваемый текст статьи лишен наличия эмоционально-экспрессивных и образных средств языкового выражения: мы не обнаруживаем в данном тексте инверсионных, восклицательных и вопросительных предложений, предложений с обращением, расчлененных конструкций, пропусков или риторических вопросов, а также фразеологических оборотов, крылатых выражений и т.д. На протяжении всего текста наблюдается упор на логический анализ фактов и их аргументацию на фоне прозрачности синтаксических конструкций. Использованные предложения, как правило, малого и среднего объема, что делает текст более доступным для понимания.

В целом, рассматриваемый жанр считается той площадкой, где автор в полной мере может выразить свои мысли о той или иной проблеме, в результате чего некоторые тексты могут содержать высокий уровень оценочности и экспрессивности. Как видно из примеров, к таким текстам мы можем отнести лишь статью «Кавказ вакыйгалары хакында», опубликованную в газете «Борхане таракки». В свою очередь экспрессивность и оценочность влияют на лексический состав текста. Так, помимо образных средств, наличие которых мы подчеркивали выше, в данном тексте активно применяется эмоционально-окрашенная лексика (*qurqynyčly* ‘опасный’, *jätim* ‘осиротелый’, *gönahsyz* ‘невинный’, *qanly* ‘кровавый’, *kiräksez* ‘ненужный’, *möqadäs* ‘священный’, *oluğ* ‘великий’, *nyq* ‘крепкий’ и т.д.). В плане тематического разделения лексический уровень статей, опубликованных в рассматриваемых нами газетах, разнообразен и главным образом зависит от того, какой теме посвящен текст. Если в статье «Кавказ вакыйгалары хакында», как правило, обнаруживается повседневная (*baqča* ‘сад’, *šähär* ‘город’, *awyl* ‘деревня’, *čebeš* ‘цыпленок’, *keše* ‘человек’ и

т.д.) и общественно-политическая лексика (*bjurokratija* ‘бюрократия’, *revolutsija* ‘революция’, *idarä* ‘управление’, *došman* ‘враг’ и т.д.), то в статье «Мәктәбләр вә мөгаллимләремез», опубликованной в газете «Вакыт», на ряду с общественно-политической лексикой (*xökümät* ‘правительство’, *mämür* ‘чиновник’, *ürädnik* ‘урядник’, *ukaz* ‘указ’, *ämer* ‘приказ’ и т.д.) также преобладает и лексика, относящаяся к сфере науки и образования (*möğalim* ‘преподаватель’, *mäktäb* ‘школа’, *kitab* ‘книга’, *imtixan* ‘экзамен’, *röšdijä* ‘школа средней ступени’ и т.д.), что, непосредственно, обусловлено темой статьи. В тексте статьи «Нимес хатынлары», опубликованном в газете «Кояш», как и в предыдущих двух текстах, чаще всего встречается общественно-политическая лексика (*inqyjlab* ‘революция’, *mämläkät* ‘государство’, *ğaskär xezmäte* ‘воинская служба’, *xökümät* ‘правительство’, *mobilizatsija* ‘мобилизация’ и т.д.) и лексика, обозначающая человека (*ir* ‘мужчина’, *xatyn, xatyn qyz* ‘женщина’, *xanym* ‘дама’, *qyz* ‘девушка’, *bala* ‘ребенок’, *ana* ‘мать’ и т.д.). Факт активного использования лексики, обозначающей человека, а в частности различных синонимов для обозначения женского рода, также объясняется темой данной статьи.

Что касается лексического состава рассмотренных текстов статей в плане наличия в них заимствований, то здесь наблюдается регулярное употребление слов из русского и европейских языков (*telegram* ‘телеграмма’, *biurokratija* ‘бюрократия’, *prava* ‘права’, *duxovnyj sobranija* ‘духовное собрание’, *revolutsija* ‘революция’, *ürädnik* ‘урядник’, *ukaz* ‘указ’, *mobilizatsija* ‘мобилизация’ и т.д.), а также заимствований из арабского и персидского языков (*ğaql* ‘разум’, *saryf* ‘трата’, *gönah* ‘вина’, *möqadäs* ‘священный’, *fäqyjr* ‘бедный’, *vöcdan* ‘совесть’, *šähadätnamä* ‘свидетельство’, *möğalim* ‘преподаватель’, *tädbir* ‘предусмотрительность’, *inqyjlab* ‘переворот’ и т.д.). Данный факт частично объясняется тем, что русские и европейские заимствования преобладают среди общественно-политической лексики, а арабо-персидская лексика является традиционным лексическим пластом не только для языка татарской периодической печати начала XX века, но и для

татарского литературного языка рассматриваемого периода, а также тюркских языков в целом.

Кроме того, в проанализированных текстах наблюдается активное употребление имен собственных. Так, чаще всего можно обнаружить топонимы (*Jaurupa* ‘Европа’, *Törkestan* ‘Туркестан’, *Kafkaz* ‘Кавказ’, *Bögelmä* ‘Бугульма’, *Miŋlebaj* ‘Миннибаево’, *Čupaj* ‘Чупаево’ и т.д.). Реже встречаются антропонимы (*Širjazdan* ‘Ширяздан’, *Palin* ‘Палин’) и гемеронимы (*“Waqyt”* ‘«Вакыт»’).

Таким образом, статья является наиболее часто встречающимся видом аналитических жанров в каждой из рассматриваемых нами газет, и в целом, системообразующим жанром в жанровой системе татарской газеты начала XX века. Чаще всего на страницах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» можно обнаружить проблемную статью. В статистическом плане среди текстов, опубликованных в 50 номерах каждой из газет, тексты статей в газете «Борхане таракки» встречаются 126 раз, в газете «Вакыт» – 75 раз, в газете «Кояш» – 69 раз. На наш взгляд, данный факт косвенным образом говорит о наличии более разнообразной жанровой системы у газет «Вакыт» и «Кояш».

Следует отметить, что в газетах «Вакыт» и «Борхане таракки» обнаруживается рубрика «Фельетон», где публикуются объемные тексты, в том числе и аналитического характера. Как известно, сегодня принято выделять самостоятельный жанр под названием «фельетон», относящийся к художественно-публицистическим жанрам. Однако, судя по содержанию текстов, рубрика, встречающаяся в исследуемых нами газетах, не имеет отношения к жанру фельетон в современном его понимании. Фельетон – это малая художественно-публицистическая форма, характерная для периодической печати и отличающаяся злободневностью тематики, сатирической заостренностью или юмором. Газетные тексты, опубликованные в рубрике «Фельетон», хотя и выделяются на общем фоне пропагандой злободневной тематики и глубоким анализом, не

характеризуются наличием каких-либо сатирически и юмористически окрашенных элементов. Скорее тексты, опубликованные в рубрике «Фельетон» представляют собой европейское значение понятия «фельетон», характерное для Европы начала XX века, которое обозначает аналитическую статью. Поэтому данные тексты мы также относим к жанру статья. Кроме того, помимо аналитических текстов, в рубрике «Фельетон» также можно обнаружить и тексты художественных произведений. Следовательно, обозначение «фельетон» на страницах газет «Борхане таракки» и «Вакыт» не относится к одноименному жанру. Его следует воспринимать лишь как наименование рубрики, где могут быть опубликованы тексты разного типа.

Еще одним регулярно встречающимся на страницах рассматриваемых нами газет аналитическим жанром, в структурно-семантическом плане относящимся к аргументирующему типу текстов, является обозрение. По своей стилистической структуре жанр обозрение близок к статье. Однако в отличие от статьи, обозрение концентрируется не на логических связях, а на эффектных и наглядных примерах, деталях. Основной задачей обозрения является создание панорамы события, и только потом – выявление связывающих элементов. В обозрении автор работает с совокупностью фактов, событий, ситуаций, сторон общественной жизни. Факт, событие или явление в обозрении рассматривается не самостоятельно, а как элемент целого. В обозрении факт выступает как одно из слагаемых закономерности. Между тем, предмет обозрения и его темы ограничены. Отобранные факты и данные создают в обозрении осознанную картину действительности [Бобков, 2005, с. 24].

Сегодня учеными выделяется несколько видов обозрений. В общих обозрениях повествуется о наиболее громких и важных событиях за тот или иной конкретный отрезок времени в мире, государстве или регионе, в зависимости от уровня периодического издания. Тематическое обозрение, как это становится ясно из названия, раскрывает определенные стороны той или иной сферы человеческой жизни. Это может быть область культуры,

спорта, экономики, политики и т.д. Международное обозрение обычно имеет общий и тематический характер. Тематическое обозрение заключается в повествовании о той или иной конкретной сфере общественной жизни в том или ином регионе или точке мира. Общее международное обозрение, как правило, рассматривает наиболее важное событие, произошедшее в какой-либо точке мира.

На страницах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» вышеупомянутые виды обозрений обнаружены не были. Между тем, к особым подвидам обозрения принято относить обзор СМИ [Гарифуллин, 1998, с. 239; 242], который регулярно обнаруживается среди текстов рассматриваемых нами газет. По мнению В.Д. Пельта, обзор СМИ предполагает «анализ, рассмотрение, оценку под известным углом зрения освещения проблем в газетах и журналах за определенный период деятельности печатного органа в целом» [Теория и практика…, 1980, с. 221]. Таким образом, обзор СМИ – это рассмотрение, анализ периодических изданий с целью информирования, показа достижений или проблемы, как периодических изданий, так и в целом СМИ.

В свою очередь, обзор СМИ также имеет подвиды. Общий обзор используют для анализа деятельности периодического издания за определенный отрезок времени. В нем рассматриваются основные направления выступлений, тематика, идейно-политический и литературный уровень издания. Итогом является общая оценка деятельности редакции.

Тематический обзор применяется для изучения освещения актуальной проблемы какой-либо из сфер общественной жизни. Его целью является попытка осмыслить и обобщить опыт одной или нескольких газет за определенный период, вскрыть недостатки, наметить пути их исправления.

Информационный обзор служит для сообщения о содержании наиболее важных материалов одной или нескольких газет. Его цель – проинформировать аудиторию, другие издания о конкретной инициативе редакции в освещении той или иной ситуации.

Малые формы обзора печати знакомят читателя с наиболее интересными публикациями других изданий, не вдаваясь в журналистские основы подачи материала.

Говоря непосредственно о рассматриваемом жанре в рамках татарской периодической печати начала XX века, правильнее будет называть его термином «обзор периодической печати», так как в газетах «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» этот аналитический жанр раскрывает содержание исключительно газетных и журнальных изданий.

Чаще всего жанр *обзор периодической печати* встречается среди текстов газеты «Борхане таракки». Однако эти тексты, по сравнению с текстами обзоров периодической печати, опубликованных в газетах «Вакыт» и «Кояш» имеют минимальную долю анализа, а чаще всего являются перепечаткой текстов из других газет. Следовательно, они представляют собой особый вид обзора периодической печати – малые формы обзора. Тексты рассматриваемого жанра в газете «Борхане таракки», как правило, сгруппированы в рамках рубрики «Газеталардан». К примеру, структура данной рубрики в одном из номеров рассматриваемой газеты состоит из шести текстов небольшого объема, которые являются перепечаткой текстов, ранее опубликованных в газете «Вакыт». По всей видимости, данные тексты были отобраны редакцией газеты «Борхане таракки» как наиболее актуальные и по этой причине были включены в рубрику: *Bögelmä öjäze Maqtama baš adly awyldan xäbär bireldegenä kürä šul awylnyŋ Sadiq isemle ber möselman üzeneŋ möselman kijäüdän ajrylğan qyzyny Badraq adly čuaš awylyndağy ber čuašqa alty sum aqča alyb kijäügä birmešder. Xälbüki šul Badraq awylynyŋ bašqa bağzy ber čuašlary üzläre möselmanlyqğa čyqmyšlardyr* («Б.т.», 1906, № 28, «Газеталардан. Чуашка кыз бирү») ‘Согласно известиям, пришедшим из деревни Мактамабаш Бугульминского уезда, один из жителей этой деревни по имени Садыйк, мусульманин, за шесть рублей выдал свою дочь мусульманку, разведенную с мусульманином, за чуваша из деревни

Батрак. Между тем, некоторые другие чуваши деревни Батрак сами приняли мусульманство’.

Как видно, данный текст состоит из двух простых повествовательных предложений, в которых коротко, но емко подается нужная информация. Текст лишен экспрессивности, эмоциональных выражений и оборотов, а также средств языковой выразительности, использующихся для выражения личного мнения или переживаний автора. В тексте не наблюдается какого-либо комментария или анализа со стороны редакции газеты «Борхане таракки», следовательно, есть основание предполагать, что он опубликован в том виде, в котором появился на страницах газеты «Вакыт». Похожая компоновка обнаруживается и в оставшихся текстах рубрики, часть которых имеет свой заголовок, а под одним из текстов указаны инициалы автора.

В одном из номеров газеты «Борхане таракки» в рубрике «Газеталардан» представлен текст, ранее опубликованный в газете «Тарджеман», в связи с юбилеем муфтия Оренбургской губернии, о чем говорится в зачине текста: *Orenburg möftise Soltanov cänablärenең jubilesyna dair jazğan baš mäqaläsendä möxtäräm “Tärceman” gazetasy böjle dijäder:..* («Б.т.», 1911, № 139, «Газеталардан») ‘В заглавной статье, посвященной юбилею муфтия Оренбурга господина Султанова, уважаемая газета «Тарджеман» пишет следующее:..’. Далее полностью публикуется текст статьи из газеты «Тарджеман», в которой параллельно с упоминанием достижений Мухамедьяра Султанова в должности муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания, также описывается общая ситуация в мусульманском мире России начала XX века. При этом, как и в жанре статья, в рассматриваемом жанре структура текста строится на основе выдвинутых автором тезисов и приведенных к ним аргументов: *Möftineң 25 jyl itkän xezmätläre nidän ğyjbarätder? sualenä bireläčäk cawab mömkin bulğan ešlärder... Ärmäni patriklarynyң wä jäki rus mitropolitlarynyң itä ala torğan xezmätlären kötü mömkin tügelder. Bunyң waqyty jetkäne juq äle. Läkin ütkäne dä juq…* («Б.т.», 1911, № 139, «Газеталардан») ‘На вопрос чего же добился

муфтий за 25 лет своей работы, можно ответить, всего чего только мог… от него невозможно ожидать свершений как у армянских патриков и русских митрополитов. Это время еще не настало. Но и не прошло…’.

В данном отрывке мы наблюдаем наличие тезиса о том, что муфтий за период своей работы сделал все от него зависящее, после чего автор текста приводит аргумент к данному тезису. Такая же ситуация наблюдается и в следующем отрывке текста: *Möxämädjar mirza nišläde? Digän sualgä qaršy nišli alğan bulyr ide? dib soryjmyz. Milätemezneŋ küze bağly, fähme tuŋğan, ğolämamyz “tüntärelär”dän ğyjbarät bulğan,.. ber zamanda... “möfti” nišli alğan bulyr ide? Bezneŋ möftiläremez xökümät tarafyndan qujylalar, mağašlaryny xökümätdän alalar,.. awyru syrxau bulyb qalğanda xökümätneŋ märxämätenä moxtac bulynalar* («Б.т.», 1911, № 139, «Газеталардан») ‘На вопрос, чего добился Мухамедьяр мирза, мы вопрошаем: чего он мог добиться? Что мог сделать “муфтий” в период,... когда глаза нации завязаны, уголь остыл, ученые находятся в положении переворота? Наши муфтии назначаются государством, заработную плату получают от государства,.. нуждаются в милосердии государства, когда заболевают’. Как видно, в двух рассмотренных отрывках наблюдается активное использование вопросно-ответных конструкций, которые относятся к диалогическим элементам. Факт использования в тексте такого рода конструкций подчеркивает ориентацию на разговорную форму языка.

Далее в структуре текста следует главный тезис, заключающийся в восхвалении господина Султанова, к которому выдвигаются аргументы: *Möxämädjar mirzanyŋ xedmäte zurdyr. Qyl östendä qalğan idarä šärğyjäne wä täškilat dinijäne uldyqča sälämät bulğan xäldä bu zamanğa isän sau kitereb jetkerde. Monsy küz aldyndağy ber ešder…* («Б.т.», 1911, № 139, «Газеталардан») ‘Заслуга Мухамедьяра мирзы большая. (Он) по возможности в живом виде довел до сегодняшних дней повисшее на волоске Духовное управление...’.

В заключительной части текста автор приводит свои размышления, по поводу того, чего должен быть удостоен юбиляр за проделанную работу: *Tabiğyj, jubilej köne cänab möfti Soltanov xäzrätläre jözlärčä telegramlar, täbriklär, jädkärlär alačaqdyr. Fäqat milätneŋ iŋ zur xädijäse wä jädkäre möfti isemenä ber darelmöğalimin tasysyna mösäğadä alyb syrmajäsene xäzerlämäkder. Ğolämamyz, bajlarymyz wä cämäğat buŋa diqat itmäle. Xäzerendä milätemezneŋ iŋ zur ixtyjacy mahir möğalimlärgäder* («Б.т.», 1911, № 139, «Газеталардан») ‘Естественно, в день юбилея господин муфтий Султанов примет сотни телеграмм, поздравлений, сувениров. Однако самым большим подарком и сувениром от народа стало бы получение разрешения на основание мужской школы для подготовки учителей имени муфтия и сбор денег для нее. Научное сообщество, богачи и общество должны обратить на это внимание. В настоящий момент самая большая национальная потребность заключается в наличии мастеровитых преподавателей’.

Как видно из приведенных отрывков, данный текст отличается от первого наличием в зачине вводной части, принадлежащей непосредственно редакции газеты «Борхане таракки». Кроме того, рассматриваемый текст имеет больший объем и эмоционально-экспрессивную составляющую. В нем мы обнаруживаем как простые, так и сложные предложения. Как правило, предложения повествовательные, однако обнаруживаются и вопросно-ответные конструкции, содержащие вопросительные предложения, что подчеркивает наличие в тексте элементов разговорной речи. В то же время в рассматриваемом тексте встречается применение образных средств выразительности. К примеру, обнаруживается употребление метафоры (*Möfti Möxämädjar mirza jalŋyz bašyna* ***jyğlab****, ber jalŋyzy tyryšyb buŋa maniğ buldy* ‘Муфтий Мухамедьяр мирза в одиночку переживая, стараясь, воспрепятствовал этому’).

В первом тексте на лексическом уровне наиболее активно обнаруживается общеупотребительная лексика (*öjäz* ‘уезд’, *awyl* ‘село’, *qyz* ‘дочь’, *aqča* ‘деньги’ и т.д.). В плане заимствований, наблюдается

преобладание арабо-персидской лексики (*xälbuki* ‘тогда как’, *möselman* ‘мусульманин’, *xäbär* ‘известие’, *isem* ‘название’ и т.д.), хотя встречается и слово *öjäz* ‘уезд’, вошедшее в употребление из русского языка. Также в тексте употреблены имена собственные, а именно, топонимы (*Bögelmä* ‘Бугульма’, *Maqtama baš* ‘Мактамабаш’, *Badraq* ‘Батрак’) и антропоним *Sadiq* ‘Садыйк’.

В тексте, посвященном юбилею муфтия Оренбургской губернии Султанова, на лексическом уровне наиболее активно употребляется общественно-политическая (*milät* ‘нация’, *idarä* ‘управление’, *xökümät* ‘правительство’, *gubernator* ‘губернатор’, *ämer* ‘приказ’ и т.д.), религиозная (*möfti* ‘муфтий’, *patrik* ‘патрик’, *mitropolit* ‘митрополит’, *Ğäjd* ‘праздник Гает’, *qazyj* ‘казий, судья’, *inšallah* ‘дай Бог’ и т.д.) и повседневная лексика (*ğalim* ‘ученый’, *waqyt* ‘время’, *küz* ‘глаз’, *xezmät* ‘труд’ и т.д.). В плане заимствований чаще всего обнаруживаются арабо-персидские заимствования (*möfti* ‘муфтий’, *cänabläre* ‘господин’, *mäqalä* ‘статья’, *sual* ‘вопрос’, *cawab* ‘ответ’, *fähm* ‘сознание’, *ğöläma* ‘ученые’, *darelmöğalimin* ‘мужская школа для подготовки учителей’ и т.д.), реже заимствования из русского и европейских языков (*jubile* ‘юбилей’, *mitropolit* ‘митрополит’, *telegram* ‘телеграмма’ и т.д.). Кроме того, в данном тексте встречаются антропонимы (*Möxämädjar* ‘Мухамедьяр’, *Soltanov* ‘Султанов’) и гемероним *“Tärceman”* ‘«Тарджеман»’.

Как уже было отмечено выше, оба текста являются перепечаткой из других органов периодической печати. Так, текст под названием «Чуашка кыз бирү» («Выдача замуж за чуваша»), изначально опубликованное в газете «Вакыт», в исходном органе периодической печати относился к жанру заметка. Тогда как второй текст, посвященный юбилею муфтия Мухамедьяра Султанова, изначально опубликованный в газете «Тарджеман», относился к жанру статья. Однако оба текста, будучи опубликованными в исследуемой нами газете «Борхане таракки» в рамках рубрики «Газеталардан» («Из газет»), формируя жанр обзор периодической печати, являющимся одним из

видов жанра обозрение, становятся частью ее жанровой и лингво-стилистической системы.

Жанр обзор периодической печати регулярно встречается и среди текстов газеты «Вакыт», где обзоры также публикуются в отдельной рубрике под названием «Газеталардан» («Из газет»). В структурном плане, несмотря на небольшие объемы текста, он состоит из тезиса и аргументаций. Уже в зачине автором предлагается главный тезис рассматриваемого текста: *Bakuda čyğa torğan "Täräqyj" räfiqymyznyŋ feljeton qysmynda "Jazymyz dilemez, ikenče ilemez" ğyjnwany astynda bik cidi mäqalälär näšer iteläder* («В.», 1909, № 460, «Лисан мәсьәләсе») 'В разделе «Фельетон», издающегося в Баку дружественного нам издания «Таракки», под названием «Письменность, язык – наша вторая родина» публикуются очень серьезные статьи'. Далее мы обнаруживаем ряд аргументаций к указанному тезису: *Xäzergäčä Ğali bäk Xösäjenzadä, Faiq Noğmanzadä, Mäxmüd Bäkov, Ğafur Äfändelärneŋ mäqaläläre kürende. Mäsälädän bik äsasly suratdä bäxäs itälär. Imlany qağyjdägä jä söjläügä ijärtü xosusynda här ike tarafdan bik küb dälilär tezdelär* («В.», 1909, № 460, «Лисан мәсьәләсе») 'В настоящий момент были опубликованы статьи Алибека Гусейнзаде, Фаика Нугманзаде, Махмуда Бекова, господина Гафура. Очень основательно дискутируют на затронутую тему. Было предоставлено очень много аргументов как за подчинение письма к правилам, так и разговорной речи'.

Для того, чтобы заинтересовать читателя и воздействовать на него, автор данного обзора пытается всесторонне раскрыть актуальность серии статей, о которой идет речь в тексте. Для этого автор приводит очередной аргумент: *Möselman balalaryna rusčany täğlim ysul xosusynda da "Täräqyj" säxifälärendä ike ajdan birle mönazäğa baradyr. Tabiğyj ysul väja tärcemä ysulyny qabul nik artyq buluy tuğrysynda tädqyjq itälär. "Näcimi" imzasyjla "Mäktäbläremez" gyjnwany astynda jazylyb kilä torğan mäqalälär üz ählenä motaläğa šajandyr* («В.», 1909, № 460, «Лисан мәсьәләсе») 'На старницах «Таракки» на протяжении двух месяцев идут споры относительно способов

преподавания русского языка мусульманским детям. Здесь детально изучаются причины превосходства натурального и переводческого способов. Статьи, публикуемые под названием «Наши школы» и за подписью «Назими», также достойны прочтения’.

Как видно, данный текст, в отличие от текстов, опубликованных в газете «Борхане таракки», не является перепечаткой, заимствованной из того или иного органа периодической печати с добавлением краткого комментария от имени редакции. Рассматриваемый текст представляет собой оригинальный авторский материал, повествующий о серии статей, опубликованных в конкретном издании.

Как видно из приведенных примеров, текст характеризуется наличием повествовательных, двусоставных, простых предложений. При этом, по эмоциональной окраске предложения являются невосклицательными, что подчеркивает неэмоциональный характер текста и отдаляет его от разговорного стиля. Кроме того, и в лексическом плане в тексте не наблюдается использование каких-либо средств языковой выразительности. Чаще всего в тексте использована лексика, относящаяся к сфере науки и образования (*jazy*, *imla* ‘письменность’, *mäqalä* ‘статья’, *tağlim* ‘обучение’, *tärcemä* ‘перевод’ и т.д.), а также повседневная лексика (*dil* ‘язык’, *il* ‘страна’, *bala* ‘ребенок’ и т.д.). В тексте встречается большое количество арабо-персидских заимствований, что обусловлено его тематикой, где поднимаются вопросы образования (*räfiq* ‘товарищ’, *imla* ‘письмо, правописание’, *qağyjdä* ‘правило’, *monazäğa* ‘диспут’, *tağlim* ‘обучение’, *äsas* ‘принцип, основа’, *mäqalä* ‘статья’ и т.д.), при этом количество русских и европейских заимствований минимизировано. Отличительной чертой рассматриваемого текста является активное употребление имен собственных, таких, как антропонимы (*Ğali bäk Xösäjenzadä* ‘Али-бек Гусейнзаде’, *Faiq Noğmanzadä* ‘Фаик Нугманзаде’, *Mäxmüd Bäkov* ‘Махмуд Беков’, *Ğafur* ‘Гафур’, *Näcimi* ‘Назими’ и т.д.), топоним *Baku* ‘Баку’ и гемероним *“Täräqyj”* ‘«Таракки»’.

Говоря о жанре обзор периодической печати в связи с газетой «Вакыт», следует обратить внимание на текст обзора, под названием «Мөселман мәктәбендә музыка дәресләре» («Уроки музыки в мусульманской школе»), который был опубликован в рубрике «Газеталардан» («Из газет»). Также как и преобладающее большинство текстов, опубликованных в газете «Вакыт» и относящиеся к жанру обзор периодической печати, данный текст представляет собой материал аналитического характера с оригинальным текстом, который мы относим к тематическим обзорам.

В плане структурной организации данный текст отличается от приведенных ранее примеров. Так, уже в зачине обзора автором приводится главный тезис: *Bakuda, Xösäjen Kemalcan näzarätendäge "Itixad" isemle iran mäktäbendä, 1 nče wä 2 nče syjnyf šäkerdlärendän sajlanğan 23 šäkerddän ber muzyka arkestry täškil ulynačaq* («В.», 1909, № 488, «Мөселман мәктәбендә музыка дәресләре») 'В Баку в иранской школе «Иттихад», находящейся под контролем Хусаина Кемальджана, создается музыкальный оркестр из 23 человек, отобранный из учеников 1 и 2 классов'. Далее следует цепочка вспомогательных тезисов, развертывающих главный тезис: *Bu xäbärne Bakuda čyqmaqda ulan "Itifaq" gazetasy jazyb näšer itdegendän soŋ, "Itifaq" nyŋ ike nomerynda ike keše monyŋ öčen šadlyq ibraz itälär* («В.», 1909, № 488, «Мөселман мәктәбендә музыка дәресләре») 'После того, как эту новость опубликовала газета «Иттифак», издающаяся в Баку, в двух номерах данной газеты выразили радость два человека'.

Далее в тексте мы обнаруживаем аргументацию главного тезиса, нацеленную на то, чтобы повлиять на формирование у читателя нужного мнения относительно указанного в тезисе утверждения. С целью большего воздействия на читателя, автор обращается к мнению третьих лиц – читателей газеты «Иттифак», выразивших свои мнения по поводу затронутой в обозреваемой статье темы. При этом, автор обзора подает слова читателей в форме цитаты, что в психологическом плане усиливает аргументацию вышеприведенных тезисов и позволяет оценить их в качестве мнения

большинства, так как мнения, содержащие иные точки зрения в редакцию не поступали: *Bunlardan bere äjtä: (nomer 136) "Itixad" mäktäbendä, sentäbr ajyndan bašlab musiqy däresläre vireläčäge xäbärene kämal mämnünijät ilä uqydyq. Ğyjlme musiqy cömlä gyjlemlärneŋ anasy sanalyrğa jaryjdyr… Ničön bu kebi fajdaly ğyjlemlärne üğrätüdän mäxrüm wä ni waqyta qadär mäxrüm qalačaq idek?!..."* («В.», 1909, № 488, «Мөселман мәктәбендә музыка дәресләре») 'Один из них пишет: (номер 136) «Мы прочитали с полной удовлетворенностью новость о том, что с сентября месяца в школе «Иттихад» начнется преподавание уроков музыки. Музыкальная наука, может восприниматься матерью всех наук… Почему мы были лишены изучения такого рода полезных дисциплин и до каких пор мы были бы лишены?!»'.

В той же аргументирующей части в форме цитаты приводятся слова второго читателя: *Ikenčese jaza: (nomer 139) "Ğyjlme musiqy" särläüxäle mäqaläne uqyb bik šadlandyq. Bu šadlanuyma säbäb, muzyka ğyjlemeneŋ möselmanlar arasyna da aqryn aqryn kerä bašlawydyr… Muzykadan insanlar tügel, xajwanlar da läzät alalar…* («В.», 1909, № 488, «Мөселман мәктәбендә музыка дәресләре») 'Второй пишет: (номер 139) «Мы очень обрадовались, прочитав статью под названием «Музыкальная наука». Причина моей радости заключается в постепенном распространении музыкальной науки и среди татар… Музыкой наслаждаются не только люди, но и животные…»'.

Как видно из примеров, данная аргументирующая часть рассматриваемого обзора, состоящая из текстов двух писем, имеет в своей структуре элементы, характерные для жанра обзор писем, где для подтверждения того или иного тезиса, также используется мнение читателей в форме пересказа содержания полученных редакцией текстов писем, цитаты из них и т.д. По сравнению с приведенными тезисами, аргументирующая часть данного отрывка за счет содержания первого письма, отличается своим эмоциональным характером, что приводит к увеличению воздействующей силы аргумента. Как видно, эмоциональный окрас отрывок получает по

причине наличия в нем вопросительно-восклицательного предложения (*Ničön bu kebi fajdaly ğyjlemlärne üğrätüdän mäxrüm wä ni waqyta qadär mäxrüm qalačaq idek?!* ‘Почему мы были лишены изучения такого рода полезных дисциплин и до каких пор мы были бы лишены?!’). Это означает, что имеющийся вопрос перестал быть просто вопросом, а приобрел оттенок риторичности и соответствующую эмоциональную окраску (недоумение). Кроме того, в тексте наблюдается сравнение музыкальной дисциплины с матерью всех наук (*Ğyjlme musiqy cömlä gyjlemlärneŋ anasy sanalyrğa jaryjdyr* ‘Музыкальная наука, может восприниматься матерью всех наук’). Также в целях подчеркивания эмоциональности текста, в рассматриваемом отрывке-аргументе использована форма будущего-прошедшего времени на *-ačaq ide* (*mäxrüm qalačaq idek* ‘были бы лишены’), которое в данном случае выражает будущее категорическое действие, перенесенное в план прошлого.

Далее в аргументриующей части текста приводится мнение редакции газеты «Вакыт»: *Ğasyrymyzda “Sanaiğy näfisä” dijä täğbir idelgän närsälär cömläsendän ulan köj wä muzykağa iske islam xälifäläre zamanynda zijada ähämijät virelä ide… Fäqat Rusijä möselmanlary bu ğyjlemgä čyndan ähämijät virmilär wä aŋa artyq iltifat itmilär ide… Inde iranly qärdäšläremez arqyly bu ğyjlemneŋ Rusijä möselmanlary arasyna da kerä bašlawy wä mäktäblärdä däres iteb ügrätelüwe šadlanyrlyq ber ešder. “Itixad” mäktäbenä bu xosusda muafäqyjät wä täräqyj telimez* («В.», 1909, № 488, «Мөселман мәктәбендә музыка дәресләре») ‘Из числа явлений, которые в современную эпоху относятся к изящным искусствам, мелодии и музыке уделялось большое внимание еще в эпоху древних Исламских халифатов… Однако российские мусульмане не придавали особого значения и внимания этой науке… Тот факт, что через наших братьев-иранцев данная наука получает распространение среди российских мусульман и преподается в школах, не может не радовать. Пользуясь случаем, желаем школе «Иттихад» успехов и прогресса’. Как видно из примера, в отличие от предыдущего отрывка-аргумента, данная аргументирующая часть уже не характеризуется наличием эксперссивной

лексики, эмоциональных выражений и оборотов или средств языковой выразительности.

В целом, в тексте рассматриваемого обзора преобладает лексика, относящаяся к сфере науки и образования (*mäktäb* ‘школа’, *syjnyf* ‘класс’, *šäkerd* ‘ученик’, *däres* ‘урок’, *gyjlem* ‘наука’ и т.д.), что связано с затрагиваемой в тексте темой. В плане заимствований следует подчеркнуть преобладание арабо-персидской лексики (*näzarät* ‘управление’, *mämnunijät* ‘удовлетворенность’, *ğyjlem* ‘знание’, *däres* ‘урок’, *särläüxä* ‘заголовок’, *mäqalä* ‘статья’, *insan* ‘человек’, *xälifä* ‘халиф’ и т.д.). Кроме того в тексте обнаруживаются русские и европейские заимствования (*arkestr* ‘оркестр’, *nomer* ‘номер’, *sentäbr* ‘сентябрь’, *musiqy*, *muzyka* ‘музыка’ и т.д.), а также имена собственные: антропоним Xösäjen Kemalcan ‘Хусаин Кемальджан’, гемероним “Itifaq” ‘«Иттифак»’, эргоним “Itixad” ‘«Иттихад»’ и топоним Baku ‘Баку’.

В газете «Кояш» тексты, относящиеся к жанру обзор периодической печти, встречаются реже и также публикуются в рубрике «Газеталардан» («Из газет»). Своеобразностью композиции отличается текст обзора периодической печати под названием «Ловчен тавы вә матбугат» («Гора Ловчен и пресса»). В тексте подается обзор европейской и российской прессы касательно вопроса военных действий у горы Ловчен в Черногрии в период Первой мировой войны, когда Черногория была оккупирована австро-венгерскими войсками. Судя по содержанию, данный текст относится к тематическому обзору периодической печати. Текст состоит из двух частей, каждая из которых имеет свое название («Англия матбугаты» («Английская пресса»), «Русия матбугаты» («Российская пресса»). При этом, каждая из частей воспринимается как самостоятельный текст, так как характеризуется наличием главного тезиса и аргументирующей части.

Рассмотрим часть обзора под названием «Англия матбугаты». В зачине обзора расположен главный тезис: *London – Anglija gazetalary Lovčen tawynyŋ juğaluwyna jul qujğanlarny tänqyjd itälär* («К.», 1916, № 889, «Ловчен тавы вә

матбугат») ‘Лондон – газеты Англии критикуют тех, кто не сумел удержать гору Ловчен’. После чего следует аргументирующая часть текста: *“Taims” gazetasy Italija matbuğatynyŋ Dardanel suğyšlaryn tänqyjd itülären xätergä kitereb jaza: “Bez Dardanel suğyšlaryn tänqyjd itüneŋ mömkinlegen qabul itämez. Šunyŋ belän bergä, Italija tarafyndan bik küb säjäsi täsirlärneŋ mäüzüğy bulğan Lovčen tawy kük quwätle pozitsijany qotqaru öčen Italijanyŋ Qaratağlylarğa waqytynda küzgä kürenerlek järdäm birmičä köčle pozitsijaneŋ döšman qulyna töšüwenä jul qujuwyna täğaceb itärgä xaqymyz barlyğyn dustymyz Italija matbuğaty iqrar itär dib yšanamyz”... di* («К.», 1916, № 889, «Ловчен тавы вә матбугат») ‘Газета «Таймс», напоминая как итальянская пресса критиковала столкновения у Дарданеллы, пишет следующее: “Мы допускаем возможность критики боевых столкновений у Дарданеллы. Вместе с тем, мы верим, что наши друзья – итальянская пресса признает наше право на удивление тому, что Италия, не предоставила какой-либо видимой помощи Черногории в вопросе сохранения такой мощной позиции, как гора Ловчен, которая является источником многочисленных политических влияний, и поспособствовала передачи важной позиции в руки врага”...’. Как видно из отрывка, при создании панорамы военных действий у горы Ловчен, для большей убедительности, в аргументирующей части автор использует элемент цитирования. Источником в данном случае является статья из газеты «Таймс».

Похожую структуру имеет и вторая часть обзора под названием «Русия матбугаты». Уже в зачине текста автор располагает главный тезис: *“Qaratağ faciğasy” ğinwany belän “Ruski yslova” gazetasynda Mixajlofski jaza* («К.», 1916, № 889, «Ловчен тавы вә матбугат») ‘В газете «Русское слово» под названием «Черногорская трагедия» пишет Михайловский’. Далее автор размещает аргументирующую часть текста обзора, которая, как и предыдущая часть, является переводом текста статьи, опубликованной в ином органе периодической печати. С целью повышения уровня достоверности текст статьи автором приводится в виде цитаты: *“Jaŋa jyl*

qajğyly xäbär kiterde. Bu xäbär dä Avstrijanyŋ Qaratağ mämläkätenä höcümdän saqlyj torğan quwätle Lovčen tağy pozitsijaseneŋ Avstrijalylar tarafyndan alynuwydyr. Serbijälelärneŋ Albanijägä čigenüläre säbäble quly bušağan Avstrija ğaskäre, qyšnyŋ qaty suyqlyğyna baqmasdan Qaratağğa qaršy öč tarafdan ber july hocum itä bašlady…" («К.», 1916, № 889, «Ловчен тавы вә матбугат») '«Новый год принес печальную новость. Эта новость касается захвата Австрией величественной горы Ловчен – позиции, которая служила щитом для Черногории от нападения Австрии. По причине отступления сербов в сторону Албании, оставшаяся без нагрузки австрийская армия, несмотря на сильные зимние холода, начали одновременное трехстороннее наступление на Черногорию…»'.

Как видно из примеров, в рассматриваемом тексте обзора на лексическом уровне наблюдается более активное, по сравнению с предыдущими текстами, использование топонимов (*London* 'Лондан', *Anglija* 'Англия', *Italija* 'Италия', *Dardanel* 'Дарданеллы', *Serbija* 'Сербия', *Albanijä* 'Албания', *Qaratağ* 'Черногория', *Avstrija* 'Австрия', *Lovčen* 'Ловчен'). Также в тексте обнаруживаются гемеронимы (*"Tajms"* '«Таймс»', *"Ruski yslova"* '«Русское слово»') и антропоним *Mixajlofski* 'Михайловский'. Кроме того, что наличие большого количества имен собственных объясняется характерной особенностью публицистического стиля, где существует необходимость подачи информации, кроме прочих, о месте и лице совершившим / планирующим совершить действие, а также непосредственно темой текста, где затрагиваются проблемы геополитики.

В тексте также наблюдается умеренное использование имен прилагательных с оттенком оценочности (*quwätle* 'мощный', *köčle* 'сильный', *qajğyly* 'печальный', *qaty* 'крепкий' и т.д.), что передает отношение автора к описываемой ситуации. Кроме того в тексте обнаруживается фразеологический оборот, использованный в рамках словосочетания ***quly bušağan*** *avstrija ğaskäre* 'оставшаяся без нагрузки австрийская армия',

который также выражает эмоционально-оценивающее отношение автора текста.

Как видно из примеров, в тексте наблюдается активное употребление военной (*pazitsija* ‘позиция’, *došman* ‘враг’, *höcüm* ‘наступление’, *ğaskär* ‘армия’, *qory quwätläre* ‘сухопутные войска’, *diŋgez quwätläre* ‘военно-морской флот’, *generalnyj yštab* ‘генеральный штаб’, *general* ‘генерал’, *ofitser* ‘офицер’, *qoral* ‘оружие’, *čigenü* ‘отступление’ и т.д.) и общественно-политической лексики (*suğyš* ‘война’, *säjäsät* ‘политика’, *däülät* ‘государство’, *xökümät* ‘правительство’ и т.д.), что главным образом обусловлено темой обзора.

В плане заимствованной лексики, следует подчеркнуть наличие в тексте арабо-персидской лексики (*matbuğat* ‘пресса’, *tänqyjd* ‘критика’, *höcüm* ‘наступление’, *täsir* ‘воздействие’, *mäüzüğ* ‘тема’, *täğaceb* ‘удивление’, *xäbär* ‘известие’, *mämläkät* ‘страна’ и т.д.), а также заимствований из европейских языков через русское посредство (*gazeta* ‘пресса’, *pozitsija* ‘критика’, *general* ‘наступление’, *ofitser* ‘воздействие’ и т.д.), что является характерной особенностью языка татарской периодической печати начала XX века и татарского литературного языка рассматриваемого периода в целом.

Таким образом, среди текстов рассматриваемых нами газет, из разновидностей жанра обозрение наиболее активно встречается лишь обзор периодической печати. Так, в 50 номерах газеты «Борхане таракки» нами было обнаружено 15 текстов, в газете «Вакыт» и «Кояш» – по 6. Между тем, тексты, опубликованные в газете «Вакыт» и «Кояш» отличаются от текстов, размещенных в газете «Борхане таракки» в плане содержания материала. В первых двух случаях делается акцент на аналитическую составляющую и оригинальность текстов, тогда как в газете «Борхане таракки» чаще всего публикуются тексты, ранее размещенные на страницах иных органов периодической печати рассматриваемого периода. В целом, на наш взгляд, данный факт говорит о поступательном характере развития жанровой системы татарской периодики.

Среди текстов, опубликованных на страницах рассматриваемых нами газет также можно обнаружить тексты, относящиеся к жанру *корреспонденция*. Предметом текста корреспонденции, относящегося к аргументирующему типу текстов, является конкретная жизненная ситуация, которая имеет свои конкретные пространственные и временные рамки. При таких условиях задачей автора текста становится создание полной картины произошедшей ситуации и дальнейший логический анализ имеющихся фактов. В то же время роль автора в корреспонденции является неоднозначной. С одной стороны, автор является наиболее важным элементом при создании текста в том плане, что именно автор выезжает на место событий, собирает информацию, анализирует ее и непосредственно создает текст. Однако существуют и такие тексты корреспонденций, где повествование строится не от первого лица, а от третьего. Это обусловлено, в первую очередь, аналитико-информационным характером рассматриваемого жанра.

В отличие от статьи, где содержание текста двигается от общего к частному, тексты корреспонденции развертываются от частного к общему, т.е. тот или иной конкретный факт является основанием и уже на него накладывается дальнейший анализ. При этом, жанрообразующими чертами корреспонденции, как правило, являются конкретность темы, конкретные временно-пространственные рамки, оперативность и актуальность, конкретный адресат, четкое и убедительное изложение представленной темы, рекомендации по улучшению описываемой ситуации [Гуревич, 2004]. В то же время наличие в текстах корреспонденции пространственно-временных рамок является причиной отсутствия в ней каких-либо глобальных вопросов. Поэтому, в текстах корреспонденций, опубликованных в исследуемых нами газетах, обычно рассматривается локальная проблема.

Между тем, само слово «корреспонденция» переводится с латинского языка как «переписка». На начальном этапе своего формирования данный жанр обозначал широкий круг текстов, опубликованных на страницах

периодической печати, в который входили заметки, отчеты, письма и т.д. Причем данные тексты оформлялись их авторами на расстоянии и отсылались по почте в редакции органов периодической печати для последующей публикации. Принято считать, что корреспонденция является одним из наиболее ранних публицистических жанров. В российской журналистике понятие «корреспонденция» входит в употребление начиная с XVIII века. Однако в качестве наименования конкретного жанра она начинает использоваться лишь в конце XIX века, когда корреспонденцией перестали считаться просто разные по форме и содержанию тексты, пересылаемые по почте от корреспондентов в редакции [Тертычный, 2000, с. 77]. Следует отметить, что на сегодняшний день первоначальное значение понятия «корреспонденция» все же изменилось не полностью. Несмотря на то, что начиная с XX века человечество достигло определенного прогресса в вопросе развития всех вербальных и невербальных способов передачи информации, качественный текст, относящийся к жанру корреспонденция невозможен без активной работы журналистов непосредственно на местах.

Исследователями выделяется несколько видов корреспонденции. Так, В.Д. Пельт считает, что существует информационная и аналитическая корреспонденция. Тогда как по мнению Д.Г. Бекасова видов корреспонденции больше – информационная, описательная, аналитическая, критическая, постановочная корреспонденции [Бобков, 2005, с. 19]. На наш взгляд, корреспонденцию, опубликованную в органах татарской периодической печати начала XX века, более корректно будет рассматривать, разделяя на два вида – информационную и аналитическую. Если целью автора является сообщение о новой информации, он формирует информационную корреспонденцию. Следует отметить, что данный вид корреспонденции имеет схожие черты с жанром заметка, которая относится к информационным видам. Однако в отличие от заметки, в корреспонденции заложено более точное отражение реальности и оценка описываемых в тексте фактических элементов со стороны автора. Если же целью автора становится

не просто сообщение о той или иной жизненной ситуации и перед ним стоит задача проанализировать данную ситуацию и дать ей оценку, то в данном случае уместно говорить об аналитической корреспонденции. Иными словами, автор аналитической корреспонденции пытается привлечь внимание общественности и, прибегая к глубокому анализу, старается найти решения для описываемой проблемы. В данном случае возрастает степень присутствия автора в тексте. Теперь он должен не просто раскрыть информацию, основываясь на схеме «Что-где-когда», но и объяснить общественности причины возникновения описываемых событий, логически соединяя представленные им факты в единое звено. Это в свою очередь приводит к повышению степени убедительности текстов, относящихся к рассматриваемому жанру.

Среди текстов, опубликованных на страницах рассматриваемых нами газет, тексты, относящиеся к жанру корреспонденция, по сравнению с другими аналитическими жанрами, встречаются реже. Так, их наибольшее количество встречается в газете «Кояш», тогда как на страницах газеты «Борхане таракки» тексты, в полной мере подходящие под критерии рассматриваемого жанра обнаружены не были. Не смотря на то, что некоторые тексты в композиционном плане содержат характерные особенности, присущие жанру корреспонденция, все же более корректно рассматривать их в рамках таких информационных жанров, как заметка и отчет.

В целом, среди опубликованных текстов встречается как информационный, так и аналитический вид корреспонденций. Авторы текстов, как правило, не указываются, однако часть корреспонденций в газете «Кояш» подписаны как «мөхбир», т.е. «корреспондент». Исходя из данной информации, можно утверждать, что корреспонденция, как жанр, характерный для татарской периодической печати начала XX века, издававшейся на территории России, начинает формироваться непосредственно в годы зарождения национальной прессы, однако

фактическое присутствие рассматриваемого жанра среди текстов на ранних этапах является не большим.

Рассмотрим текст корреспонденции под названием «Минзәлә өязендән» («Из Мензелинского уезда»), опубликованный в газете «Кояш» и подписанный при помощи слова *möxbir* ‘корреспондент’. Рассматриваемый текст мы определяем как аналитическая корреспонденция. В нем описывается и анализируется актуальная на тот период времени ситуация, связанная с устоявшейся дождливой погодой в Мензелинском уезде, делаются предположения на ближайшее будущее в плане уровня ожидаемой урожайности. В структурном плане текст состоит из нескольких тезисов, которые подкреплены соответствующими аргументирующими частями. Как правило, при оформлении текста корреспонденции, в зачине текста принято размещать описательную часть, где автор дает некоторую информацию о месте события или размещается его пейзажная зарисовка [Гарифуллин, 2007, с. 82]. Так, в рассматриваемый текст начинается с краткого описания ситуации в конкретной местности: *Un biš köndän birle totaš hič ber jaŋğyrsyz kön bulğany juq. Bu tirädäge tatar awyllary, suğa baj bula, kübräge ujsu jerlärgä utyrğan bula. Šul awyllar šušyndyj jaŋğyr waqytlarda ajaq atlyj almaslyq sazlyqğa äjlänälär* («К.», 1913, № 148, «Минзәлә өязендән») ‘На протяжении пятнадцати дней подряд не было ни единого дня без дождя. Расположенные здесь татарские деревни отличаются достатком воды, большинство расположены в низинах. Эти деревни в период дождей превращаются в непролазное болото’. Как видно, при помощи имени числительного (***un biš*** *köndän birle* ‘на протяжении пятнадцати дней’) автор указывает в тексте конкретное количество дождливых дней. Такая конкретизация усиливает эффект присутствия автора в непосредственном месте события и создает эффект психологического воздействия – автор располагает читателя к себе, теперь у читателя не возникает сомнений в дальнейших словах автора. Также в рассмотренном отрывке наблюдается использование средств языковой выразительности, а именно фразеологического выражения ***ajaq atlyj almaslyq***

sazlyq ‘непролазное болото’, которое способствует подчеркиванию авторской эмоциональной оценки излагаемого факта.

Далее автором подается первый тезис: *Bu könlärdä xalyq qaty suqağa čyqğan ide, jer bik cüeš bulğanğa xäzergä tuqtalyb tora* («К.», 1913, № 148, «Минзәлә өязендән») ‘В эти дни народ вышел на паровую пахоту, из-за сырой земли пока не работают’. После чего следует аргументирующая часть: *Ešsezlekdän qaja baryrğa belmägän xalyq, awyl kibetlärenä wä požar lapaslaryna tağy da kübräk cyjylyb, uzğan barğannyŋ ğäjeb wä qyjyqlaryn tağy da nyqlabraq tikšerä bašladylar* («К.», 1913, № 148, «Минзәлә өязендән») ‘Народ, не знающий куда себя деть из-за отсутствия работы, еще больше собираясь у сельских магазинов и пожарных навесов, начали еще щепетильнее перемывать косточки прохожим’. Как видно из примера, автор текста конкретизирует факт приостановки полевых работ, подчеркивая отсутствие какой-либо занятости местных жителей (*uzğan barğannyŋ* ***ğäjeb wä qyjyqlaryn tikšerä bašladylar*** **‘**начали перемывать косточки прохожим’). При этом, использование данного фразеологического выражения, являясь элементом, больше характерным для разговорного языка, подчеркивает экспрессию автора при доведении своей мысли до читателя.

В дальнейшем автор переключается на основную мысль рассматриваемого текста и приводит главный тезис: *Könlär kirägendän artyq jaŋğyrly bulu säbäble, hawa salqyn bulğanlyqdan igenlär üsä almyj toralar* («К.», 1913, № 148, «Минзәлә өязендән») ‘По причине того, что дни чрезмерно дождливые, а погода прохладная, хлеба не могут расти’. При помощи конкретных фактов автор аргументирует главный тезис: *Cüešlek säbäble jer bik qatyb kitde. Aryš baš čyğara bašlağan köjenčä tora. Saban ašlyqğa suyq bigräk kilešmi. Syrt jerlärdäge saban ašlyq, tübän jerlärdägenä qarağanda jaxšyraq kürenä. Ğomumän igenlär bu jyl minzälä öjäzeneŋ qojaš bajyš jağynda ömedleräk kürenälär…* («К.», 1913, № 148, «Минзәлә өязендән») ‘Из-за влажности земля пересохла. Рожь как проросла, так и стоит. Яровым хлебам прохладная погода особенно не подходит. Яровые хлеба на возвышенностях выглядят

лучше, чем на низменностях. В целом в этом году хлеба в северной части Мензелинского уезда выглядят более перспективными...'.

После этого автор приводит вспомогательный тезис вводящий читателя в новую ситуацию: *Ijunneŋ altysyndan unysyna čaqly "Alan" wä "Qyryq Qajyn" cyjynlary bulyb ütde. Un öčendän un jedenäčä "Säjfulla" cyjyny bulasy* («К.», 1913, № 148, «Минзәлә өязендән») 'С шестого по десятое июня были проведены джиены «Алан» и «Кырык Каен». С тринадцатого по семнадцатое планируется проведение джиена «Сайфулла»'. Тут же автор приводит аргументирующую часть, в которой конкретизирует ситуацию вокруг проведения упомянутых во вспомогательном тезисе джиенов, связывая их проведение с основной темой текста – устоявшейся погодой: *Uzğan jyl bajlyq bulğanğa bu cäj xalyq kör wä tuq bulsa da, cüeš wä salqyn könlär mili bäjrämne xozur ütkärergä irek birmilär* («К.», 1913, № 148, «Минзәлә өязендән») 'Несмотря на то, что народ бодрый и сытый из-за богатого прошлого года, дождливые и холодные дни не дают возможности с размахом провести национальный праздник'.

Как видно из примеров, в рассмотренном тексте наблюдается употребление разных видов предложений, однако вопросительные и восклицательные предложения в тексте отсутствуют, что свидетельствует о неэмоциональном характере текста. На лексическом уровне чаще всего использована общеупотребительная (*awyl* 'деревня', *su* 'вода', *jer* 'земля', *kibet* 'магазин', *keše* 'человек' и т.д.) и сельскохозяйственная лексика (*qaty suqa* 'паровая пахота', *igen* 'хлеба', *aryš* 'рожь', *saban ašlyq* 'яровые хлеба', *agronom* 'агроном' и т.д.). Также в тексте наблюдается использование имен собственных: чаще всего встречаются геортонимы – названия национальных праздников (*Alan* 'Алан', *Qyryq Qajyn* 'Кырык Каен', *Säjfulla* 'Сайфулла') и топонимы (*Sarman* 'Сарманово', *Minzälä* 'Минзаля').

В плане заимствований, рассмотренный текст отличается минимальным присутствием арабо-персидских (*waqyt* 'время', *ğomumän* 'вообще', *ömed* 'надежда'), русских и западноевропейских заимствований

(*požar* ‘пожар’, *ijün* ‘июнь’). Преобладающее большинство слов, использованных в тексте являются общетюркскими (*un* ‘десять’, *biš* ‘пять’, *kön* ‘день’, *jaŋğyr* ‘дождь’, *jer* ‘земля’, *ajaq* ‘нога’, *xalyq* ‘народ’, *hawa* ‘небо’ и т.д.).

Для выражения времени параллельно с грамматическими средствами автор прибегает к использованию лексических средств, для чего в тексте применяются слова, обозначающие название месяцев, имена числительные и послелоги, выражающие границу времени совершения описываемого действия (*ijunneŋ altysyndan unysyna čaqly* ‘с шестого по десятое июня’, *un öčendän un jedenäčä* ‘с тринадцатого по семнадцатое’). При этом глагол-сказуемое в этих предложениях отходит на второй план и является лишь дополнением, подчеркивающим временной отрезок, в котором имел или будет иметь место излагаемый факт.

Тексты, относящиеся к жанру корреспонденция встречаются и в газете «Вакыт». Рассмотрим текст, под названием «Мәскәү киңәш мәҗлесендә» («На московском совещательном собрании»), которое сообщает читателю основные значимые моменты прошедшего в августе 1917 года в Москве правительственного собрания. Данный текст мы относим к информационной корреспонденции. В рассматриваемом тексте также присутствует анализ происходящих событий, но гораздо в меньшем количестве, чем в аналитической корреспонденции. Автор располагает главный тезис непосредственно в зачине рассматриваемого текста: *Xökümät kiŋäš mäclese 12 nče avgustda säğat 3 dä zur tantana berläп ačyldy* («В.», 1917, № 2271, «Мәскәү киңәш мәҗлесендә») ‘Правительственное совещательное собрание торжественно открылось 12 августа в 3 часа’. Далее автор аргументирует изложенный выше тезис: *1500 dän artyq wäkil bar. Möselmanlar 40-50 kešedän ğyjbarät ide. Bašda baš ministr Kerenskij ozyn ber notyq söjläde. Notyq köčle bulsa da mäğlüm ber napravlenijaly tügel, uŋğa da, sulğa da qağylyb kitüdän ğyjbarät buldy… Andan soŋ daxilija nazyjre bik qysqa häm ähämijätsez ber notyq söjläb, nindi planlar xäzerlängänlegen bäjan itde. Soŋra ticarät wä malija*

ministrlary notyqlar söjläb, mämläkätneŋ iqtisadi wä mali äxwale xaqynda mäğlümat birdelär («В.», 1917, № 2271, «Мәскәү киңәш мәҗлесендә») ‘Присутствовало более 1500 делегатов. Из них мусульмане составляли 40-50 человек. В начале с длинным докладом выступил председатель правительства Керенский. Хотя доклад и был сильным, он не имел какого-то определенного направления, он вилял и направо и налево... После этого министр внутренних дел выступив с не очень важным докладом, затронул информацию по готовящимся планам. После, министры торговли и финансов, выступив с докладами, дали информацию по экономическому и финансовому состоянию страны...’.

Именно данный тезис и его аргументация составляют основную часть рассматриваемого текста корреспонденции. Как видно, в тезисе, для выражения категории времени, наряду с грамматическим способом, где использована форма прошедшего категорического времени на *-dy* (*ačyldy* ‘открылось’), наблюдается употребление лексического способа при помощи ряда словосочетаний (*12 nče avgustda säğat 3 dä* ‘12 августа в 3 часа’). Так, в данном примере время события выражается при помощи словосочетаний, состоящих из имен существительных с именами числительными. При этом, данные словосочетания, выражающие временные рамки, являются значимыми не для отдельного предложения в рамках тезиса, а для всего текста. В аргументирующей части рассматриваемого отрывка наблюдается использование ряда имен числительных с целью конкретизации подаваемой информации (*1500 dän artyq* ‘более 1500’, *40-50 keše* ‘40-50 человек’). Такого рода конкретизация количества присутствующих на мероприятии делегатов подчеркивает работу автора на месте события, что является обязательным условием при создании текста корреспонденции. Использование имен существительных для передачи фактов в аргументирующей части, наряду с тем, что является логическим аргументом, в определенной степени может восприниматься и как психологический аргумент – читатель не может не доверять автору, который оперирует конкретными цифрами.

Далее автор текста подает ряд вспомогательных тезисов и аргументы к ним, которые нацелены на подчеркивание актуальности главного тезиса: *Cyjylyš aldynda böten mäjdan tuly xalyq ide, čyqğanda da šulaj uq küb buldy* («В.», 1917, № 2271, «Мәскәү киңәш мәҗлесендә») ‘Перед собранием на площади наблюдалось скопление народа, при выходе было так же много народа’. Данный вспомогательный тезис аргументируется при помощи связки из нескольких предложений: *Cyjylyš bulğan teatr tiräsen junkerlar saqlab tordylar. Cyjylyšdan čyqğan ber firqa xalyq Kerenskijny wä Avksentjevny täbrik itdelär. Ikenče ber qysym, bik küb xalyq Milukovny qulğa kütäreb uralar qyčqyryb nömaiš jasadylar* («В.», 1917, № 2271, «Мәскәү киңәш мәҗлесендә») ‘Окрестности театра, где проходило собрание, охраняли юнкера. Группа людей, вышедшая с собрания, поздравляла Керенского и Авксентьева. Другая многочисленная часть, подняв на руки Милюкова и крича «Урра!», организовали демонстрацию’. В данном отрывке, как и в предыдущем примере, аргументация строится на основании конкретных фактов. Однако, если в предыдущем примере автор делает упор на употребление логических аргументов (использование в тексте имен числительных), то в рассматриваемом отрывке наблюдается противопоставление фактов – описывается реакция двух групп лиц, что также способствует повышению уровня объективности содержания текста.

Затем в тексте расположен очередной вспомогательный тезис: *Möselmanlar 11 ndä kič cyjylyb berničä märtäbä utyryšdylar* («В.», 1917, № 2271, «Мәскәү киңәш мәҗлесендә») ‘Мусульманская фракция несколько раз заседала вечером 11 числа’. Данный тезис аргументируется следующим образом: *Böten möselmanlar isemendän ber närsä söjlärgä tiješlek fikerenä kilende. Šul xaqda ber läixa tözer öčen 5-6 kešelek ber komisija sajlandy* («В.», 1917, № 2271, «Мәскәү киңәш мәҗлесендә») ‘Пришли к мнению, что от имени всех мусульман должна прозвучать какая-то речь. Для того, чтобы составить проект выступления была избрана комиссия, состоящая из 5-6 человек’. Как видно из примера, в тезисе также наблюдается выражение

категории времени двумя способами: грамматическим – при помощи формы прошедшего категорического времени на *-dy* (*utyryšdylar* ‘заседали’) и лексическим – при помощи имени числительного (*11 ndä* ‘11 го’). В аргументирующей части наблюдается конкретизация тезиса, в том числе, при помощи употребления имени числительного (*5-6 kešelek* ‘состоящая из 5-6 человек’). Кроме того, аргументация основана на использовании глаголов в форме страдательного залога (*fikergä kilende* ‘было решено’, *komisija sajlandy* ‘комиссия была избрана’). В данном случае, учитывая, что речь идет о заседании группы лиц, устранение конкретного действующего лица выглядит вполне логичным и содействует объективизации изложения.

Как видно, в тексте данной корреспонденции, как правило, использованы повествовательные предложения, которым не характерна какая-либо эмоциональная окраска. Мы не наблюдаем использование в тексте модальных предложений, односоставных предложений, вводных слов, слов-обращений, междометий, модальных частиц, повторов и т.д., характерных для разговорной речи. Главным образом, такой характер текста объясняется ее темой. Как правило, тексты на тему политики имеют официальный характер, который подразумевает использование элементов разговорной речи в минимальном количестве. В них, как и в рассматриваемом тексте, превалирует общественно-политическая лексика (*xökümät* ‘правительство’, *kiŋäš mäclese* ‘совещательное собрание’, *wäkil* ‘делегат’, *baš ministr* ‘председатель правительства’, *daxilija nazyjre* ‘министр внутренних дел’, *ticarät ministry* ‘министр торговли’, *iqtisad* ‘экономика’, *firqa* ‘партия’ и т.д.). Кроме того, в рассмотренном тексте в грамматическом плане официальный характер выражается через использование формы страдательного залога глагола (*fikergä kilende* ‘было решено’, *komisija sajlandy* ‘комиссия была избрана’).

В отличие от предыдущего текста, здесь обнаруживается большое количество арабо-персидских (*mäcles* ‘собрание’, *xökümät* ‘правительство’, *wäkil* ‘представитель’, *daxilija nazyjre* ‘министр внутренних дел’, *notyq* ‘речь’,

ticarät ‘торговля’, *malija* ‘финансовый’, *iqtisad* ‘экономика’, *äxwal* ‘обстоятельства’ и т.д.), русских и западноевропейских заимствований (*avgust* ‘август’, *ministr* ‘министр’, *napravlenija* ‘направление’, *plan* ‘план’, *teatr* ‘театр’, *junker* ‘юнкер’ и т.д.), а также антропонимов (*Kerenskij* ‘Керенский’, *Avksentjev* ‘Авксентьев’, *Milukov* ‘Милюков’).

Как видно из приведенных примеров, языковые средства в корреспонденции главным образом нацелены на создание простого, легко воспринимаемого и логически выверенного текста. В них преобладает общеупотребительный пласт лексики, однако это не исключает наличие каких-либо специальных терминов, относящихся к рассматриваемой в тексте сфере. Тексты корреспонденции, встречающиеся на страницах газет «Вакыт» и «Кояш», как правило, лишены элементов речевой выразительности, что отражается на уровне их экспрессивности.

С точки зрения композиции текста и его языковых особенностей, между корреспонденцией, опубликованной в татарской газете начала XX века и корреспонденцией нынешней, имеются разительные отличия. В первую очередь это касается глобальности поднимаемых в тексте проблем. Следует признать, что рассмотренные нами тексты имеют схожие черты с жанрами, относящимися к информационным, а именно заметкой. Однако в отличие от заметок, опубликованных в исследуемых нами газетах, тексты корреспонденций раскрывают новостную информацию в более широком плане, в них наблюдается элемент анализа и оценочности. Часто выводы автора не формулируются открыто, но в любом случае, в тексте присутствует систематизация фактов. Самое главное, корреспонденция, опубликованная в татарской газете начала XX века – это всегда работа корреспондентов на местах, т.е. информация, отправляемая в редакцию непосредственно с описываемого места, из гущи событий. А языковая выразительность, не характерная для информационных жанров, как правило, появляется в корреспонденции при условии, что текст формируется от первого лица. В данном случае в тексте возрастает элемент личностного восприятия автора.

Среди рассмотренных нами 50 номеров каждой из газет тексты, относящиеся к жанру корреспонденция, встречаются в газете «Вакыт» – 12 раз, в газете «Кояш» – 39, тогда как для газеты «Борхане таракки» корреспонденция не является системообразующим жанром. Учитывая, что в хронологическом плане газета «Борхане таракки» издавалась в 1906 – 1911 гг., в газете «Вакыт», которая издавалась в 1906 – 1918 гг. тексты корреспонденций обнаруживаются в более поздних номерах, а газета «Кояш», где тексты коррепонденций обнаруживаются чаще всего и регулярно, издавалась в период с 1912 по 1918 гг., напрашивается вывод о поступательном развитии жанровой системы татарской газеты начала XX века.

На страницах газеты «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» среди аналитических жанров наблюдается активное использование такого жанра, как *открытое письмо*, тексты которого в структурно-семантическом плане также относятся к аргументирующему типу текстов. В газетной публицистике письмо как жанр появилось уже в XVIII веке. Его расцвет в России приходится на XIX век. Сложившись еще до возникновения печати в России жанр письмо, или как его часто называют – эпистолярная публицистика, постоянно развивается, приобретает под пером крупнейших публицистов новые черты [Бобков, 2005, с. 29]. Как показывают материалы исследуемых нами газет, в татарской публицистике жанр письмо присутствует с первых дней возникновения национальной периодической печати.

Следует отметить, что письмо в периодической печати является сравнительно простой формой публикации, одной из основных задач которой, наряду с ознакомлением читателя с мнением конкретного автора по тому или иному вопросу, является банальная попытка разнообразить имеющийся у редакции материал. Письма читателей могут быть адресованы конкретным личностям, группам или всему населению страны. Таким образом, с одной стороны появляются различные, независимые от редакции

мнения об определенных ситуациях, а с другой – у читателя возникает ощущение личного вклада в развитие того или иного издания.

По мнению Е.П. Прохорова, к общим признакам писем следует отнести форму повествования (о событиях, проблемах, поступках и т.д.), которое ведется, как непосредственное обращение автора к адресату. В качестве автора и адресата может выступать и отдельная личность, и социальная группа, и трудовой коллектив и т.д. Наличие ярко выраженного обращения автора письма к адресату имеет существенное значение не только для определения формы, но и содержания жанра [Теория и практика…, 1980, с. 258].

Следует отметить, что публикуемые на страницах той или иной газеты письма становятся достоянием общественности, что делает рамки данного жанра более узкими, ведь основным условием для текстов теперь является потенциальный интерес не только со стороны адресанта и адресата или группы лиц. Публикуемые письма должны удовлетворять интересам широкой массы читателей. Это самое первое и главное условие, которое было необходимо для становления письма, как самостоятельного газетного жанра.

Жанр открытое письмо становится незаменимой частью жанровой системы татарской периодической печати сразу же с момента начала издания газет и журналов на татарском языке. Так, наиболее удачными примерами использования рассматриваемого жанра в своем творчестве можно считать произведения Г. Тукая «Уральск имамнарына ачык хат» («Открытое письмо имамам Уральска»), «“Заманыбызның язучы һәм журналистлары турында” дигән мәкалә турында» («О статье “О писателях и журналистах нашего времени”»), а также произведения Ф. Амирхана «Мөтәгәссыйб Казан татарларына ачык хат» («Открытое письмо фанатичным казанским татарам»), «Яшьләр колагына бер суз» («Одно словечко вниманию молодежи»), произведение Г. Исхакый «Мөселман фракциясе» («Мусульманская фракция»), «Государственный думаның татар членнарына

ачык хат» («Открытое письмо татарским членам Государственной думы») и т.д. [Гарифуллин, 2007, с. 102].

Рассмотрим текст открытого письма под названием «Тайный циркуляр. Идарәгә мәктуб» («Тайный циркуляр. Письмо в редакцию»), опубликованного в газете «Борхане таракки». В данном письме говориться о частном случае, произошедшем в общественном месте, с правомерностью которого автор письма категорически не согласен. Следовательно, автор через периодическую печать пытается донести анализ случившейся ситуации до населения и предпринимает попытку воздействия на общественное мнение с целью предупреждения подобных конфликтных ситуаций в будущем. Таким образом, в данном тексте проявляются две основные функции газетных текстов, которые заключаются в информировании и воздействии.

Рассматриваемый текст начинается с просьбы автора письма, адресованного редактору органа периодической печати: *Möxtäräm möxärir äfände! Minem ošbu mäktübemne gazetaŋyzğa jazmyjča qaldyrmaŋyz!* («Б.т.», 1906, № 28, «Тайный циркуляр. Идарәгә мәктуб») ‘Уважаемый господин редактор! Прошу вас, не оставляйте неопубликованным данное мое письмо!’. Как видно, в обращении автор использует прилагательное *möxtäräm* ‘уважаемый’, которое подчеркивает его искренность и почтение к адресату.

В отличие от рассмотренных выше текстов, данный текст имеет отличительные особенности композиционного плана. Так, он построен по принципу обратной аргументации, когда главный тезис подается в самом конце текста. При этом, автор предварительно сообщает читателю ряд аргументов: *17 nče sentäbrdä jäkšänbä kön kič säğat 9 jarymda ibdäšem Konov berläп “Tatarskij most berläп Zemläпoj most arasyndan” uzyb bara idek bez šunda ber jortnyŋ qaršynda tuqtadyq* («Б.т.», 1906, № 28, «Тайный циркуляр. Идарәгә мәктуб») ‘В воскресенье 17 сентября в половину девятого вечера мы с моим приятелем Коновым проходили между Татарским и Земляным мостом, и остановились напротив одного дома’. Далее автором подается

следующий аргумент: *Šul zaman kinätdän bezgä qarawylčy berlän gorodovoj kileb, ber süz dä äjtmičä gorodovoj janyndan rivalveryn čyğardy da bezgä tözäleb äjtde: Bu erdän kiteŋez! Ägärdä biš minutdan kitmäsäŋez atarmyn dib, Bez atyŋyz… Ni qağyjdä bujynča atasyŋ? didek. Ul – "Tajnyj sirkular" bujynča dide* («Б.т.», 1906, № 28, «Тайный циркуляр. Идарәгә мәктуб») 'В этот момент, неожиданно к нам подошли охранник и городовой, который молча достал свой револьвер и направив на нас сказал: «Уходите отсюда! Если через пять минут не уйдете – буду стрелять». Мы сказали: «Стреляйте… На основании чего будете стрелять?». Он: «На основании "Тайного циркуляра"».

Как видно, в первом аргументе наряду с грамматическим способом, категория времени выражается также и при помощи лексических средств (*17 nče sentäbrdä jäkšänbä kön kič säğat 9 jarymda* 'В воскресенье 17 сентября в половину девятого вечера'). В данном случае сказуемое, использованное в предложении (*uzyb bara idek* 'проходили', *tuqtadyq* 'остановились'), отходит на второй план и становится дополнением, подчеркивающим временной отрезок, в котором имело место описываемое событие. Во втором аргументе наблюдается использование элемента разговорного стиля – прямой речи, что увеличивает уровень достоверности изложенных фактов (*...bezgä tözäleb äjtde: Bu erdän kiteŋez! Ägärdä biš minutdan kitmäsäŋez atarmyn dib, bez atyŋyz… Ni qağyjdä bujynča atasyŋ? didek. Ul – "Tajnyj sirkular" bujynča dide* '...направив на нас сказал: «Уходите отсюда! Если через пять минут не уйдете – буду стрелять». Мы сказали: «Стреляйте… На основании чего будете стрелять?». Он: «На основании "Тайного циркуляра"»'). Кроме того, в рассмотренном отрывке наблюдается использование глаголов в повелительном (*kiteŋez* 'уходите') и условном (*ägärdä kitmäsäŋez* 'если не уйдете') наклонениях, что увеличивает эмоционально-экспрессивную насыщенность текста, которая прежде всего характерна для разговорной речи. В синтаксическом плане рассматриваемый отрывок аргументирующей части текста также отличается высоким эмоционально-экспрессивным уровнем, о чем свидетельствует наличие восклицательных и вопросительных

предложений (*Bu jerdän kiteŋez!* ‘Уходите с этого места!’, *Ni qağyjdä bujynča atasyŋ?* ‘На основании чего будете стрелять?’).

Далее автор выдвигает очередной аргумент, позволяющий раскрыть главный тезис рассматриваемого текста: *Šundan soŋ bez gorodovojlarğa telägän kešelärne atarğa “Tajnyj sirkular” barmikänni dieb ğacäbseneb kitdek* («Б.т.», 1906, № 28, «Тайный циркуляр. Идарәгә мәктуб») ‘Затем мы удивившись тому, что неужели существует «Тайный циркуляр», позволяющий городовым стрелять всех, кого пожелаешь, ушли’. Как видно, в рассмотренной аргументирующей части автор письма использует косвенную речь для передачи своих мыслей. Между тем, хотя косвенная речь и обладает меньшей долей убедительности, чем прямая речь, ее наличие в тексте все же передает близость описываемой ситуации к реальной действительнсоти.

Как было отмечено выше, главный тезис рассматриваемого открытого письма автор расположил непосредственно в концовке текста. В главном тезисе отражается главная мысль, которую автор пытается донести до читателя: *Gorodovojlar äldä bulsa üzlärene xalyqnyŋ xedmätčeläre ikänleklären aŋlamağanlar ikän (žäl)* («Б.т.», 1906, № 28, «Тайный циркуляр. Идарәгә мәктуб») ‘Городовые до сих пор не поняли что являются слугами народа (жаль)’.

Как показывают проанализированные фактические материалы, в газете «Вакыт» жанр открытое письмо встречается чаще, чем в газете «Борхане таракки». Следует отметить, что обычно письма публикуются в рубрике под названием «Идарәгә мәктүб» («Письмо в редакцию»). Рассмотрим отрывок из письма, опубликованного в № 1216 газеты «Вакыт», где автор Шакир Сулейманов в эмоциональной форме обращается к лицам, ворующим выписываемые им газеты. Как видно из текста, при помощи открытого письма автор пытается привлечь общественное внимание к описываемой проблеме: адресатами письма, наряду с непосредственными виновниками, становятся должностные лица, работающие на почте, а также определенная

аудитория – население, бдительность которой может иметь влияние на решение описываемой проблемы.

В отличие от открытого письма, опубликованного в газете «Борхане таракки», рассматриваемый текст не имеет вступительной части, где автор обращается к редакции газеты с просьбой опубликовать его письмо. Рассматриваемый текст также построен по принципу обратной аргументации. В первой половине текста автор приводит ряд аргументов, раскрывающих главный тезис: *Počta awylymyzğa jyraq. Gazetalarny počtadan härwaqyt üzemez üz qulymyz ilä alyrğa mömkin bulmuj. Menä šundan istifadä iteb bağzy kešelär bušlaj gazeta uqu julyna kergänlär. Bašqalar isemenä kilgän gazetalarny alalar, räxätläneb uqyjlar, üzlärendä totalar. Ämа bez asyl aqča tülägän kešelär gazetalarymyzny uqudan mäxrüm bulyb, böten vöcdanymyz mäğzüb bulyb toramyz...* («В.», 1913, № 1216, «Газета каракларына») ‘Почта находится далеко от нашей деревни. У нас не всегда получается самим забирать газеты из почты. Воспользовавшись этим, некоторые люди вступили на путь бесплатного чтения газет. Получают чужие газеты, преспокойно читают, оставляют себе. Однако мы, лица, в действительности оплатившие газеты, лишаясь их чтения, чувствуем свою совесть обманутой…’.

Далее автор приводит главный тезис, который, как и в предыдущем примере, расположен в концовке текста: *Bunlarğa inde gazeta arqyly ber ike süz äjteb ütärgä mäcbürmez. Šujlä: Äj gazeta uğrlaučy äfändelär! Xodaj uğrylarnyŋ qullaryn kisärgä ämer itkän. Sez bit baryber šul uğrylardan sanalasyz. Šuŋa az ğyna aqčaŋyz juqmy? Vöcdanyŋyz mäğzüb bulmyjmy? Beznеŋ gazetalarny uğrlab uqyğanda qulyŋyzny jörägeŋezgä qujyb qaraŋyz. Alladan qurqyŋyz! Bez moŋar asla razyj tügelmez. Xäbäreŋez bulsyn!* («В.», 1913, № 1216, «Газета каракларына») ‘Мы вынуждены передать таким людям несколько слов через газету. Итак: Эй вы, господа, крадущие газеты! Всевышний велел отсекать руки ворам. Вы ведь все равно считаетесь ворами. Неужели у вас нет денег на газеты? Совесть не мучает? Попробуйте поставить руку на сердце, когда

читаете наши газеты. Побойтесь Всевышнего! Мы категорически не согласны с такой ситуацией. Имейте в виду!’.

Как видно из материалов, первая часть текста, которая представляет собой ряд аргументов, дающих возможность раскрыть ситуацию до обозначения автором главного тезиса, состоит из повествовательных предложений. В аргументирующей части, как правило, использованы простые двусоставные предложения. При этом она лишена каких-либо эмоционально-экспрессивных и образных средств выражения. Совсем иначе оформлен главный тезис рассматриваемого текста. Как видно из последнего приведенного отрывка, он отличается повышенным эмоционально-экспрессивным уровнем, который делает его ближе к разговорной речи. Так, главный тезис начинается с обращения автора к лицам, причастным к исчезновению газет (*äj gazeta uğrlaučy äfändelär!* ‘Эй вы, господа, крадущие газеты!’), при этом использовано междометие *äj* ‘эй’. Кроме того, в рассматриваемом отрывке активно используются вопросительные и восклицательные предложения (*Šuŋa az ğyna aqčaŋyz juqmy?* ‘Неужели у вас нет денег на газеты?’; *Vöcdanyŋyz mäğzüb bulmyjmy?* ‘Совесть не мучает?’; *Alladan qurqyŋyz!* ‘Побойтесь Всевышнего!’; *Xäbäreŋez bulsyn!* ‘Имейте в виду!’), что является одной из форм выражения в тексте характерных особенностей разговорного языка. Также в приведенных в качестве примера восклицательных предложениях автор использует глаголы в повелительном наклонении (*qurqyŋyz* ‘бойтесь’, *bulsyn* ‘пусть будет’), что также увеличивает эмоционально-экспрессивную насыщенность текста.

В газете «Кояш» жанр открытое письмо имеет активное применение. Как правило, письма здесь публикуются в рубрике под названием «Идарәгә мәктүбләр» («Письма в редакцию»). Далее рассмотрим текст открытого письма, которое не имеет заголовка, но в отличие от преобладающего большинства проанализированных нами текстов писем, в данном случае указан автор – это журналист, юрист, преподаватель, руководитель Казанского мусульманского комитета, участник Всероссийских

мусульманских съездов, представитель знаменитой династии Халфиных – Назип Халфин. В зачине мы обнаруживаем обращение автора к редакторам газеты «Кояш» с просьбой опубликовать письмо в одном из последующих номеров: *Möxtäräm "Qojaš" gazetasy idaräsenä. Gazetaŋyznyŋ kiläse nomeryna ošbu xatymny basuyŋyzny ütenämen* («К.», 1917, № 1170) 'Руководству уважаемой газеты «Кояш». Прошу вас опубликовать данное письмо в ближайшем номере вашей газеты'. Также, как и в одном из предыдущих примеров, в зачине текста присутствует эмоционально-оценочая лексика. Так, автор подчеркивает свое уважение к редакции газеты при помощи соответствующей лексики (*möxtäräm* 'уважаемый', *ütenämen* 'прошу').

Далее рассматриваемый текст также строится по принципу обратной аргументации, когда сначала автор подает читателю ряд аргументов, раскрывающих главный тезис текста, а тезис располагается в концовке. В одном из аргументов автор указывает исходящие данные публикации, относительно которой в главном тезисе будет высказано мнение автора: *"Qojaš"nyŋ 1166 nču nomerynda Qazan qoryltajynyŋ 16 äğzasy tarafyndan imza itelgän ber protokol basylğan* («К.», 1917, № 1170) 'В 1166 номере газеты «Кояш» опубликован протокол за подписью 16 членов казанского курултая'. Для конкретизации описываемого факта в данном предложении употребляется грамматическая связка имени числительного и имени существительного (*1166 nču nomer* '1166-ый номер', *16 äğza* '16 членов'). Далее подается следующий аргумент: *Šunda Qazan gubernasy möselmanlarynyŋ učreditelnyj sobranijägä dib bilgelägän kandidatlary yspiskyna ikenče urynda mine qujarğa qarar birelgäne jazylğan* («К.», 1917, № 1170) 'Там написано, что принято решение включить меня под вторым номером в список кандидатов в учредительное собрание от мусульман Казанской губернии'.

В концовке текста, после аргументирующей части, автор подает главный тезис: *Šunlyqdan Qazan qoryltajynyŋ protokolğa qul qujğan äğzalaryna mäğlüm itämen: minem mäzkür yspisykka kereb üzemne učreditelnyj sobranijägä*

kandidat iteb qujarğa rizalyq birgänem juq. Ešlär bu räwešdä barğanda rizalyq biräčäk dä tügelmen («К.», 1917, № 1170) ‘По этой причине я довожу до сведения членов казанского курултая, подписавшим протокол: я не давал разрешения включать себя в вышеуказанный список и становиться кандидатом в учредительное собрание. Если дела пойдут также, разрешения не будет’.

Как видно из материалов, в тексте активно использованы повествовательные, двусоставные предложения. Аргументирующая часть текста не характеризуется использованием каких-либо эмоционально-экспрессивных и образных средств выражения. В определенной степени эмоционально-оценочая лексика присутствует в зачине текста (*möxtäräm* ‘уважаемый’, *ütenämen* ‘прошу’). Следует обратить внимание, что в одном из предложений главного тезиса автор использует перифрастическую форму глагола *-ğan juq* (*rizalyq birgänem juq* ‘не давал разрешения’), которая несет в себе значение констатации очевидного действия, имевшего место в неопределенном прошлом. Данную форму можно воспринимать как синоним формы на *-dy*. Однако, по мнению некоторых языковедов, в эмоционально-экспрессивном плане перифрастическая форма глагола *-ğan bar/-ğan juq*, как правило, употребляется в качестве средства эмфазы [Тат. грам., 1997, с. 133]. Таким образом, в конкретном рассматриваемом предложении при помощи данной формы глагола автор достигает усиления наиболее важной в смысловом отношении части своего высказывания и, тем самым, обеспечивает экспрессивность, эмоциональную выразительность отрывка. Кроме того, в последнем предложении главного тезиса для выражения отрицательной формы действия, следующего за моментом речи и сопровождающимся значением категоричности вместо традиционной формы *-ma/-mä + -ačaq/-äčäk*, с целью придания максимальной категоричности отрицанию, использована форма будущего времени на *-ačaq* с частицей *tügel* (*rizalyq biräčäk tügelmen* ‘не дам разрешения’), что в очередной раз

подчеркивает более высокий эмоционально-экспрессивный уровень главного тезиса по сравнению с вводной и аргументирующей частями.

Открытые письма, опубликованные в газетах «Борхане таракки» и «Вакыт», оформлены в стиле, близком к разговорному, элементы которого активно обнаруживаются в текстах. Особенной эмоционально-экспрессивной составляющей отличаются главные тезисы рассмотренных текстов. На лексическом уровне тексты этих открытых писем характеризуются более активным использованием общеупотребительной лексики (*jort* ‘дом’, *kön* ‘день’, *keše* ‘человек’, *počta* ‘почта’, *awyl* ‘деревня’, *qul* ‘рука’, *jöräk* ‘сердце’ и т.д.) и арабо-персидских заимствований (*mäktüb* ‘школа’, *vöcdan* ‘совесть’, *mäğzüb* ‘подвергшийся опале’, *mäzkür* ‘вышесказанный’, *möxärir* ‘редактор’, *istifadä* ‘использование’ и т.д.), тогда как в тексте, опубликованном в газете «Кояш» преобладает общественно-политическая лексика (*gazeta* ‘газета’, *rivalver* ‘револьвер’, *gorodovoj* ‘городой’, *sirkular* ‘циркуляр’, *počta* ‘почта’, *nomer* ‘номер’, *protokol* ‘протокол’, *guberna* ‘губерна’, *sobranija* ‘собрание’ и т.д.) и заимствования из русского и западноевропейских языков (*qoryltaj* ‘съезд’, *protokol* ‘протокол’, *učreditelnyj sobranija* ‘учредительное собрание’, *kandidat* ‘кандидат’, *yspisky* ‘список’, *äğza* ‘член’ и т.д.). Имена собственные в рассмотренных текстах использованы мало: нами обнаружены топоним *Qazan* ‘Казан’, антропоним *Konov* ‘Конов’ и гемероним *“Qojaš”* ‘«Кояш»’. Как видно, факты употребления заимствований, относящихся к тем или иным языкам, а также употребление лексики, относящейся к той или иной тематической группе, прямым образом зависит от тематики текста.

В целом, на страницах исследуемых нами газет наблюдается регулярное употребление жанра открытое письмо. Так, среди 50 номеров газеты «Вакыт» письма встречаются 20 раз, тогда как в газетах «Борхане таракки» и «Кояш» их количество равно 10.

В газете «Вакыт», хотя и не часто, встречается жанр *рецензия*. Тексты рецензии в структурно-семантическом плане относятся к аргументирующему типу. По своему существу данный жанр является отзывом о том или ином

произведении, которое может относиться к области как художественной литературы или искусства, так и науки или же журналистики. Задачей автора рецензии является анализ конкретного произведения и передача своих мыслей касательно него адресату – читателю, который может и не являться специалистом в области, к которой относится рассматриваемое произведение. Текст рецензии, после прочтения которого непосвященный читатель оказывается в силах оценить то или иное конкретное произведение и начинает в какой-то степени разбираться в вопросах литературы, искусства или науки, можно считаться успешным.

Основным отличием рецензии от других аналитических жанров является тот факт, что в ней автор описывает не реальную действительность, а уже отображенные информационные явления, будь то книги, спектакли, телепередачи или научные тексты [Тертычный, 2000, с. 108]. В плане композиции текста главным тезисом рецензии является мысль автора, которая заключается в решении о достойности или недостойности рассматриваемого текста внимания читателей. При этом, главному тезису текста подчиняются две группы вспомогательных тезисов, которые, в свою очередь, содержат информацию о достоинствах и недостатках рецензируемого текста. В результате, из соотношения положительных и отрицательных сторон текста и формируется характер главного тезиса: произведение рекомендуется к ознакомлению, либо выражается мнение, согласно которому произведение не заслуживает внимания читателя.

Тексты рецензий, публикуемые в газете «Вакыт», размещаются в рубриках «Яңа әсәрләр» («Свежие издания») и «Матбугат» («Печатные материалы»). В этих текстах, как правило, анализируются книжные новинки. Так, в одном из номеров газеты опубликована рецензия на произведение под названием «Болгар хәрабәләре һәм борынгы болгарлар» («Развалины Болгар и древние болгары»), опубликованное в типографии «Сабах». Оригинал данного произведения – это текст на английском языке, автором которого является Эдвард Турнерелли, живший в период с 1837 по 1844 гг. в городе

Казани и работавший лектором английского языка в Казанском университете. Как указано в рецензии, текст на татарском языке является переводом с русского языка, который в свою очередь является одной из глав произведения Турнерелли под названием «Россия на границе с Азией».

Во вступительной части автор текста подает информацию о названии произведения, его объеме, авторе и т.д.: *Ošbu isemdäge ber äsär 44 bitdä Qazanda "Sabax" kitabxanäse tarafyndan näšer ulyndy. Risaläneŋ asly ber midät waqyt Qazan šähärendä tormyš Edwart isemle ingliz äsärendän alynyb rusča jazylmyš wä andan da törkičägä tärcemä idelmešder. Bezem bu jerdä xäbär virdekemez äsär ištä ošbu törkičä jazylmyš tärcemäder* («В.», 1908, № 333, «Болгар хәрабәләре һәм борынгы болгарлар») 'Произведение под этим названием было опубликовано на 44 страницах библиотекой «Сабах» в Казани. Текст данного трактата был взят из произведения англичанина по имени Эдвард, некоторое время назад жившего в Казани, оформлен на русском языке и переведен на татарский язык. Произведение, о котором идет речь и является переводом на татарский'. Далее следует вспомогательный тезис, в котором автор подает краткую информацию о содержании рецензируемого произведения: *Risaläneŋ nädän baxs itdege isemendän aŋlašyldyğyna kürä… Babalarymyz bolğarlar äxwalendän wä… "bolğar" šähärendän baxs itmäkdäder* 'О чем говориться в брошюре становится ясно из ее названия… говориться о наших предках болгарах… о городе Болгар' («В.», 1908, № 333, «Болгар хәрабәләре һәм борынгы болгарлар»).

Отличительной жанрообразующей особенностью рецензии является перечисление автором положительных и отрицательных сторон рецензируемого произведения. Однако, в рассматриваемом тексте положительная характеристика автором дается в краткой форме в рамках второго вспомогательного тезиса: *Bašyndan axyryna qadär bezem öčen ähämijätle xäbärlär wä mäğlümatdan gyjbarätder* («В.», 1908, № 333, «Болгар хәрабәләре һәм борынгы болгарлар») 'От начала до конца состоит из важных для нас новостей и информации'. После вспомогательного тезиса следует

главный тезис, в котором автор раскрывает свой вердикт по поводу анализируемого произведения: *Šunyŋ öčen härkem alyb ber märtäbä uqyrğa tiješder* («В.», 1908, № 333, «Болгар хәрабәләре һәм борынгы болгарлар») ‘Поэтому каждый должен один раз взять и прочесть’. Далее мы обнаруживаем аргументирующую часть, в которой автором усиливается ценность главного тезиса: *Iske tarixymyzğa ğaid ularaq rusča jazylmyš ni qadär äsär var isa cömläsenä tärcemä wä näšer itmäk lazemder. Bu julda ulan xedmätlär asla zäjğ ulmazlar* («В.», 1908, № 333, «Болгар хәрабәләре һәм борынгы болгарлар») ‘Каждое произведение о нашей истории, написанные на русском языке, должно быть переведено и опубликовано. Такого рода произведения ни в коем случае не будут утеряны’.

В несколько ином стиле скомпонован текст рецензии под названием «Шаһид Гавани әсәрләре» («Произведения Шахида Гавани»), опубликованный в одном из номеров газеты «Вакыт». Так, текст состоит из ряда вспомогательных тезисов и главного тезиса, где автор рекомендует описываемые издания к прочтению. При этом, в тексте отсутствует ярковыраженная аргументирующая часть. В зачине автор приводит вспомогательный тезис, содержащий информацию о новых изданиях и авторе: *Uqytuda küb täcribä kürmeš wä fajdaly sämärälär kürsätmeš möğalim Šahid äfände Ğawani ibtidai mäktäblär öčen Alfabä (Täğlim Älqyjraät) isemendä häm Alfabädän soŋğy (Čucyq) isemendä kitablar jazmyšdyr* («В.», 1909, № 428, «Шаһид Гавани әсәрләре») ‘Опытный педагог и автор полезных трудов Шахид эфенди Гавани издал две книги под названием «Алфавит» (Учение чтению Корана) и «После алфавита» (Для детей)’.

Далее, вместо того, чтобы высказать свое мнение о достоинствах и недостатках описываемых в тексте изданий, автор необоснованно большое внимание уделяет вопросу критики новых трудов: *Bu kitablarny tänqyjd itüne mötäcässislargä qaldyramyz. Zatä bezneŋ jaŋy kitablarnyŋ kübese däreslek kitablar tänqyjd süz ulğanlary juq. Ähel bulğan kešelär bu kitablardağy qosurlarny matbuğat mäjdanyna qujsalar böjek xezmät kürsätkän bulyrlar ide. Inde “ni bulsa*

da jaryj, bulsyn" zamanasy üteb, tänqyjdkä kerešergä waqytdyr («В.», 1909, № 428, «Шаһид Гавани әсәрләре») ‘Критику данных книг мы оставляем противникам. В сущности, большинство наших новых книг – учебники, которые не критикуются. Если бы люди публиковали недостатки, имеющиеся в этих книгах, в периодической печати, от этого была бы большая польза. Настало время отказаться от мнения «пусть будет как угодно» и перейти к критике’. После чего следует очередной вспомогательный тезис: *Čucyq, Täğlim älqyjraät här ikese Qazanda "Mäğarif" kitabxanäse tarafyndan näšer itelmešlär* («В.», 1909, № 428, «Шаһид Гавани әсәрләре») ‘И учебник для детей и издание, обучающее чтению Корана, опубликованы библиотекой «Магариф»’. В самом конце текста автор подает главный тезис, где советует книги для ознакомления: *Möğalimlärgä kürergä tävsijä itämez* («В.», 1909, № 428, «Шаһид Гавани әсәрләре») ‘Рекомендуем учителям к ознакомлению’.

В лексическом плане оба рассмотренных текста характеризуются наличием оценочной лексики, что обусловлено главной задачей жанра рецензия, которая заключается в характеристике конкретного произведения (*ähämijätle* ‘важный’, *jaŋy* ‘новый’, *iske* ‘старый’, *güzäl suratdä* ‘красиво’, *fajdaly* ‘полезный’, *bijek* ‘большой’, *jaxšy* ‘хороший’ и т.д.). Между тем, преобладающей тематической группой обоих текстов является лексика, связанная с наукой и образованием (*bit* ‘страница’, *kitabxanä* ‘библиотека’, *näšer ulynu* ‘публиковаться’, *tärcemä* ‘перевод’, *tarix* ‘история’, *xedmät, xezmät* ‘научный труд’, *uqytu* ‘преподавание’, *möğalim* ‘преподаватель’, *mäktäb* ‘школа’, *kitab* ‘книга’, *alfabä* ‘алфавит’, *däreslek* ‘учебник’ и т.д.). Данный факт объясняется тематикой текста. В плане заимствованной лексики, обнаруживается активное употребление арабо-персидских заимствований (*äsär* ‘произведение’, *risalä* ‘трактат’, *mäğlümat* ‘сведение’, *zäjğ* ‘исчезновение’, *sämärä* ‘результат’, *mötäcässis* ‘противник’, *tänqyjd* ‘критика’ и т.д.), тогда как русская и западноевропейская лексика для рассмотренных текстов не характерна. Также обоим текстам характерно употребление имен

собственных. Так, обнаруживаются ойконимы (*Qazan* ‘Казань’, *Bolğar* ‘Болгар’), гидронимы (*Idel, Volga* ‘Волга’), антропонимы (*Edwart* ‘Эдвард’, *Šahid Ğawani* ‘Шахид Гавани’) и эргонимы (*“Sabax”* ‘«Сабах»’, *Mäğarif* ‘«Магариф»’).

Как видно из приведенных примеров, тексты рецензий, встречающиеся на страницах газеты «Вакыт», в композиционном плане отличаются от жанра рецензия в ее современной форме. Выше нами было подчеркнуто, что основной задачей рецензии является соотношение положительных и отрицательных сторон текста, в результате которого формируется главный тезис. Посредством главного тезиса автор рекомендует произведение читателю, либо выражает мнение, согласно которому произведение не заслуживает внимания читателя. В рассмотренных текстах главный тезис имеется, но отсутствует его ярковыраженная аргументация, а также вспомогательные тезисы, в которых адресат мог бы найти четкую информацию о положительных и отрицательных особенностях рецензируемого произведения. Данный факт объясняется отсутствием окончательно устоявшихся жанровых свойств текстов рецензии и жанровой системы татарской периодической печати в целом. По этой же причине рецензия встречается на страницах газеты «Вакыт» не часто, а среди текстов газет «Борхане таракки» и «Кояш» тексты рецензий не обнаруживаются.

Среди текстов, опубликованных в рассматриваемых нами газетах, встречаются тексты, относящиеся к жанру *комментарий*, которые в структурно-семантическом плане являются частью аргументирующего типа текстов. В основе данного жанра, в современном понимании, лежит какой-либо конкретный факт и его аргументация, т.е. читателю предлагается анализ-разъяснение какого-либо важного события. По мнению А.К. Бобкова жанр комментарий появился в жанровой системе периодической печати в 60-е годы XIX века, получил широкое распространение в середине XX столетия, а затем неожиданно исчез на какой-то отрезок времени, вновь появившись лишь во второй половине 90-х годов [Бобков, 2005, с. 16]. По мнению же

других исследователей, комментарий, как самостоятельный жанр в России появился в конце XX века [Фомина, 2018]. Комментарий отличается от информационных жанров наличием анализа, а в отличие от других аналитических жанров комментарий анализирует уже известный обществу факт.

Основными целями комментария являются направление внимания читателей на какие-либо наиболее важные факты и их анализ, выявление связи между комментируемым фактом и другими событиями и выявление причин возникновения анализируемого факта, формулирование прогноза развития анализируемого факта, определение и обоснование путей решения выявленных вопросов [Тертычный, 2000, с. 91].

На сегодняшний день, в современных российских средствах массовой информации комментарий представлен в виде редакционных статей, в печатных и электронных изданиях – в виде авторских колонок, а на радио и телевидении – в виде авторских программ. По мнению А.В. Колесниченко, жанр комментарий дает журналисту возможность высказать свое личное мнение по тому или иному вопросу, расположив свои суждения в основе представляемого материала [Колесниченко, 2013, с. 188]. Между тем, стоит помнить, что создание качественного комментария требует от журналиста особых навыков, компетенций и ответственности. Именно по этой причине чаще всего авторами данных текстов становятся редакторы либо обозреватели, хорошо ориентирующиеся в комментируемой теме [Тертычный, 2017, с. 121].

Если отталкиваться от материалов, опубликованных в рамках рассматриваемого жанра в газетах «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», то следует подчеркнуть, что комментарий в татарской газете начала XX века по своей форме и содержанию несколько отличается от сегодняшнего жанра. Чаще всего – это мнение редакции по какому-либо вопросу, которое должно быть донесено до общественности и разъяснено. Как правило, обсуждаемый в комментарии вопрос ранее поднимался читателями в предыдущих номерах

или был направлен в адрес редакции письмом. В ответ редакция публикует комментарий по этому поводу. Комментарий на страницах рассматриваемых нами газет – исключительно мнение редакции. Наиболее широко тот или иной факт анализируется в рамках комментария на страницах газеты «Вакыт» и «Кояш», тогда как в газетах «Борхане таракки» жанр комментарий встречается сравнительно реже. По форме – это тексты небольшого объема, как правило, состоящие из главного тезиса и аргументирующей части.

В газете «Вакыт» тексты, относящиеся к жанру комментарий, как правило, публикуются в рубрике под названием «Идарәдән» («От редакции»). Рассмотрим текст комментария, опубликованного в одном из номеров газеты. В самом начале текста автор приводит имя адресата и выдвигает главный тезис: *Imam Siracäldin äfände Ğajsinğa: mäktäb wä mäscid öčen andyj ğomumi iğanä sorab jazğan xatlardan fajda kürelmädegenä binaän seznең mäktübeңez dä darc idelmäde* («В.», 1909, № 536, «Идарәдән») ‘Имаму Сиразетдину эфенди Гайсину: Основываясь на то, что письма, содержащие обращения о выделении общих пожертвований на школы и мечети безрезультативны, ваше письмо тоже не было включено в номер’. Далее автор приводит аргумент к выдвинутому выше тезису: *Här awyl xalqy üz awyllaryndağy mäktäbne qararğa, balalaryn uqytuny tämin itärgä tiješder. Awyl ni qadär fäqyjr bulsa da ber mäktäb asrarğa, ber möğalim totarğa xällärendän kilä* («В.», 1909, № 536, «Идарәдән») ‘Каждый житель деревни должен заботиться о деревенской школе, обеспечить образование своих детей. Какой бы не была бедной деревня, ей по силам иметь одну школу и одного учителя’. Как видно, автор данного текста, придерживаясь главных целей рассматриваемого жанра, комментирует имеющийся факт, анализирует ситуацию, обращает внимание читателей на то, что в дальнейшем отправление писем с подобным содержанием в редакцию для публикации, не будет иметь какого-либо результата и подсказывает пути решения анализируемого вопроса.

В тексте очередного комментария, опубликованного в газете «Вакыт», также идет речь о полученных редакцией письмах. В отличие от первого текста, в данном случае наблюдается принцип обратной аргументации. Сначала автор текста указывает конкретного адресата и приводит аргументы к главному тезису, где объясняет причины приведшие к возникновению имеющегося факта: *Tahir Bolğarofqa: Inde bik soŋğa qalğan. Andyj närsälärne waqytyndaraq jazarğa kiräk ide* («В.», 1909, № 645, «Идарәдән») ‘Тахиру Болгарову: Очень запоздало. Такие вещи нужно писать во время’. Далее автором четко и лаконично оформляется главный тезис текста: *Basylmyjdyr* («В.», 1909, № 645, «Идарәдән») ‘Не публикуется’. В концовке текста автор располагает вспомогательный тезис: *Orski öjäzendäge ber išannyŋ xatyn qyz ilä šajaruwy, soŋğy ber waqyjğada selski ystarosta xozurynda östendän aqt jasaluwy wä säer xälläг bäjan itkän mäktub xäzergä basylmady* («В.», 1909, № 645, «Идарәдән») ‘Письмо, в котором говорится об ишане из Орского уезда, балующегося с женщиной, об акте, оформленном на него сельским старостой и других странных событиях, пока что не опубликовано’.

Как видно, в аргументирующей части первого текста для отражения своего отношения к действию, автор использует инфинитив на *-yrğa* с модальным словом *tiješ* ‘должен’, которые выражают модальное значение долженствования (*tämin itärgä tiješder* ‘должен обеспечивать’). Также в аргументирующей части главного тезиса можно обнаружить использование уступительной модальности, которая указывает на такое условие, вопреки которому совершается действие, выраженное формой глагола-действия. Для этого автор использует форму условного наклонения в паре с частицей *da* (*fäqyjr bulsa da* ‘несмотря на то, что является бедной’). Следует отметить, что использование формы, выражающей значение долженствования и формы уступительной модальности, подчеркивает повышенный эмоционально-экспрессивный уровень рассматриваемого отрывка, что делает его ближе к разговорной речи.

В то же время, оба текста характеризуются применением повествовательных, простых, двусоставных предложений. На лексическом уровне для них не характерно использование эмоционально-экспрессивных и образных средств выражения, что является характерной особенностью официально-делового стиля повествования. В обоих текстах обнаруживается общеупотребительная (*mäktüb* ‘письмо’, *awyl* ‘село’, *xalyq* ‘народ’, *bala* ‘ребенок’, *xatyn qyz* ‘женщина’ и т.д.) и религиозная лексика (*imam* ‘имам’, *mäscid* ‘мечеть’, *išan* ‘ишан’), а первый текст также характеризуется наличием лексики, связанной с наукой и образованием (*mäktäb* ‘школа’, *möğalim* ‘преподаватель’). В плане заимствований, в обоих текстах функционирует арабо-персидская лексика (*imam* ‘имам’, *mäktäb* ‘школа’, *mäscid* ‘мечеть’, *iğanä* ‘помощь’, *fajda* ‘польза’, *binaän* ‘основываясь на’, *fäqyjr* ‘бедный’, *waqyt* ‘время’, *išan* ‘ишан’ и т.д.), тогда как заимствования из русского языка (*selski ystarosta* ‘сельский староста’, *aqt* ‘акт’) характерны только для текста, опубликованного в № 645 газеты «Вакыт». Также в обоих текстах обнаруживаются имена собственные, а именно антропонимы (*Siracäldin Ğajsin* ‘Сиразетдин Гайсин’, *Tahir Bolğarof* ‘Тахир Болгарову’) и топоним *Orski* ‘Орск’.

Тексты, относящиеся к жанру комментарий встречаются и в газете «Кояш». В данном случае тексты публикуются в рубрике под названием «Идарәдән җаваплар» («Ответы редакции»). Рассмотрим текст комментария, опубликованного в одном из номеров газеты «Кояш». В тексте дается комментарий по нескольким поступившим в редакцию письмам, выявляются причины, по которым письма не были опубликованы. Данная информация в дальнейшем дает возможность читателю избежать описанных в тексте ситуаций. Рассматриваемый текст можно разделить на две самостоятельные части. Так, в первой части автором указан адресат и подается главный тезис без аргументирующей части: *Xatyjb Ğabdelqajum äfändegä: Awyllardağy Mauled bäjrämläre basylmyj* («К.», 1917, № 1064, «Идарәдән җаваплар») ‘Хатыбу Габделькаюму эфенди: Информация по поводу праздника Маулид,

проводимый в деревнях не публикуется’. В данном случае, отсутствие аргумента главного тезиса никак не влияет на уровень его достоверности и читателю следует воспринимать тезис в качестве неоспоримого факта.

Во второй части автором также указан адресат, после чего, по принципу обратной аргументации, приводится аргументирующая часть: *Möxämäd Dinief äfändegä: Mauled šiğyreŋez soŋğa qalyb kilde* («К.», 1917, № 1064, «Идарәдән җаваплар») ‘Мохаммаду Диниеву эфенди: Ваше стихотворение о празднике Маулид получено запоздало’. Далее следует главный тезис и ряд вспомогательных тезисов: *Basylmady. Marqalaryŋyz tabšyryldy. Gazetalar ebäreler. Xäbäreŋez basylyrlyq bulmady* («К.», 1917, № 1064, «Идарәдән җаваплар») ‘Не опубликовано. Марки сданы. Газеты будут отправлены. Новости не годны к публикации’.

Как видно из приведенного примера, структурно-композиционное и лексико-стилистическое строение текстов комментариев, опубликованных в газете «Кояш», как правило, соответствует строению текстов, опубликованных в газете «Вакыт». В преобладающем большинстве тексты состоят из повествовательных, простых, двусоставных предложений. На лексическом уровне для текста также не характерно использование эмоционально-экспрессивных и образных средств выражения. Поэтому можно утверждать, что тексту присуще особенности официально-делового стиля повествования.

По сравнению с газетами «Вакыт» и «Кояш», в газете «Борхане таракки» жанр комментарий встречается заметно реже. При этом, данные тексты, по сравнению с текстами, опубликованными в первых двух газетах, шире раскрывают суть описываемой в них проблемы: комментируемый факт подвергается анализу, прогнозируется его дальнейшее развитие и предлагаются пути решения вопроса. Тексты рассматриваемого жанра, как правило, публикуются в рубрике «Идарәдән» («От редакции»).

Рассмотрим текст комментария, опубликованный в № 30 газеты «Борхане таракки» от 1 октября 1906 года. В начале текста автор располагает

главный тезис рассматриваемого комментария: *Idarämezgä waqytly näširemez Xucaef isemenä Ğajsä mula Salixof imzaly vöcdan kütärmijäčäk ber ačyq xat kilsä dä šu ačyq xatnyŋ jazu wä imzasyny Ğajsä mulanyqy tügel dimäklärene ujladyq wä ačyq xatqa cawab birelmäde* («Б.т.», 1906, № 30, «Идарәдән») ‘Несмотря на то, что на имя нашего временного издателя Ходжаева поступило душераздирающее открытое письмо с подписью Гайсы муллы Салихова, прислушавшись к мнениям, которые утверждают что стиль и почерк данного открытого письма не соответствуют стилю и почерку Гайсы муллы Салихова, ответ не был дан’. Далее следует аргументирующая часть, в которой анализируется факт, отраженный в главном тезисе, и прогнозируется его дальнейшее развитие: *Kiläčäk nomeramyz čyqğančy Ğajsä mula tarafyndan idarägä cawab kilmäsä xatnyŋ ijäse Ğajsä mula idege belenäčäkder. Binaän ğaläjhi xatqa cawab häm xat ijäsene sudqa čaqyryrğa mäcbür ulačaqmyz* («Б.т.», 1906, № 30, «Идарәдән») ‘Если до выхода следующего номера нашего издания мы не получим ответ от Гайсы муллы, станет ясно, что письмо принадлежит ему. На этом основании мы будем вынуждены вызвать в суд автора письма’.

Как видно из приведенного текста, в нем преобладают повествовательные, двусоставные предложения, а ее лексический состав представляет собой в основном конкретно-номинативную лексику. При этом, для текста не характерны признаковые, оценочные или эмоционально-воздействующие языковые средства, за исключением употребления выражения *vöcdan kütärmijäčäk ber ačyq xat* ‘душераздирающее открытое письмо’ для передачи тяжелого, с точки зрения морального восприятия, содержания письма, полученного редакцией. Также, как и в предыдущих примерах, главным образом, такой стиль изложения характерен для официально-деловых текстов: избегая использование средств языковой выразительности автор выражает свое нейтральное, но объективное отношение к описываемому факту.

В рассматриваемом комментарии, как это характерно для татарской периодической печати начала XX века и татарского литературного языка рассматриваемого периода в целом, наблюдается употребление арабо-персидской (*vöcdan* ‘совесть’, *mula* ‘мулла’, *cawab* ‘ответ’, *binaän ğaläjhi* ‘таким образом’ и т.д.), русской и западноевропейской (*sud* ‘суд’, *nomer* ‘номер’) заимствованной лексики. Кроме того, в данном тексте также наблюдается характерная особенность текстов жанра комментарий – употребление антропонимов (*Xucaef* ‘Ходжаев’, *Ğajsä Salixof* ‘Гайса Салихов’).

В целом, жанр комментарий на страницах рассматриваемых нами газет, по сравнению с другими аналитическими жанрами, встречается не часто. Относительно активное употребление рассматриваемого жанра характерно для газет «Вакыт» и «Кояш». В газете «Борхане таракки» комментарий встречается не часто, однако в текстах присутствует больше анализа и они больше похожи на комментарий, характерный для современной периодической печати.

Таким образом, анализ структурных особенностей и лексико-стилистической ткани таких текстов с аналитическим характером, как статья, обзор периодической печати, корреспонденция, открытое письмо, рецензия и комментарий, показывает наличие в текстах более широкого диапазона лексических и стилистических приемов, по сравнению с информационными жанрами. Это обусловлено с непосредственной спецификой рассматриваемой жанровой группы, где наблюдается необходимость в более глубокой, детальной проработке причинно-следственных связей, оценочных отношений предмета, основательностью аргументации с помощью применения методов обобщения, анализа, синтеза.

2.4. Особенности структурного и речевого оформления художественно-публицистических текстов

Отличительной особенностью художественно-публицистических жанров является одновременное наличие в их текстах художественного и публицистического начала. В них образное отображение действительности накладывается на документальность и несет в себе функцию информирования или воздействия, причем тот или иной конкретный документальный факт при этом отходит на второй план.

Как известно, художественный метод отражения действительности основан на применении авторской фантазии, вымысла. Однако в журналистике, в частности в текстах периодической печати художественно-публицистического характера, главным образом автор делает акцент на использование таких элементов, как типизация образа, образно-экспрессивная лексика и т.д. Это объясняется тем, что автор таких текстов ограничивает создаваемый им образ правдой факта, заменяя вымысел домыслом, содержащим в себе авторские допущения, смоделированные на основе реальных фактов [Туманов, 2002].

Изначально в основе художественно-публицистических жанров лежит понятие «художественная публицистика», которое получило определенное распространение в советской филологии середины XX века. Сегодня данный термин активно используется как лингвистами, так и литературоведами и журналистами. Так, в журналистике «художественная публицистика» рассматривается как отдельная группа журналистских жанров – художественно-публицистические жанры [Мутовкин, 2006, с. 6]. В то же время, по мнению некоторых ученых, в вопросе определения сущности данного понятия устоялась две точки зрения. Говоря о «художественной публицистике» подразумевается или особая форма мышления, или особый тип письма. В первом случае, к примеру, можно говорить о научно-художественной форме, а во втором – о живописной журналистике. Однако данные две точки зрения так и остались в тесной связи, как это было еще в середине XX века. Поэтому «художественная публицистика» в современном своем понимании это все еще совокупность широкой группы произведений,

которые находятся на границе таких областей, как наука, журналистика и искусство [Прохоров, 2012, с. 45]. Одним словом, в текстах, опубликованных на страницах периодической печати и относящихся к художественно-публицистическим жанрам, имеющих в своем содержании как публицистические, так и художественные языковые средства выражения, одновременно наблюдается наличие усиленного содержательного (фактического) и выразительно-изобразительного (импрессионного) потенциала.

В настоящее время в журналистике к художественно-публицистическим жанрам принято относить фельетон, памфлет, очерк, зарисовку, пародию, эпиграмму и эссе [Бобков, 2005, с. 36-55]. Часть ученых к рассматриваемому жанру относят также сатирический комментарий, житейскую историю, легенду, эпиграф, эпитафию, анекдот, шутку и игру, которые также характерны для современных печатных периодических изданий [Тертычный, 2000, с. 202-230].

Несмотря на то, что на титульной части газет «Вакыт» и «Борхане таракки» в качестве их типовой разновидности указано, что данные газеты являются политическими и литературными, публикация художественно-публицистических жанров в них не получила широкого распространения. Такая же ситуация наблюдается и в газете «Кояш». В целом, такая картина характерна для начального периода развития татарской периодической печати, когда основной задачей национальной периодической печати являлось информирование населения. В то же время, в отличие от первых двух рассматриваемых нами органов периодической печати, в газете «Кояш» можно обнаружить такой жанр, как фельетон. Таким образом, из всего современного многообразия художественно-публицистических жанров, в исследуемых нами газетах встречается лишь путевой очерк и фельетон.

Основным жанром, относящимся к художественно-публицистическим и активно функционирующим на страницах рассматриваемых нами газет, является *очерк*. Его тексты принято относить к описательному типу текстов.

Как и во всех видах, относящихся к рассматриваемому жанру, характерной особенностью очерка считается тот факт, что в нем пересекается как публицистическое, так и художественное начало. Очерк активно используется как журналистами, так и писателями. В отличие от других газетных жанров, очерк имеет ярко выраженную художественность, а в противоположность литературным жанрам – очерк более конкретный и документальный жанр. Наличие определенной связи между литературой и публицистикой в очерке подтверждает и тот факт, что известные русские писатели, такие, как А.И. Герцен, М. Горький, М.Е. Салтыков-Щедрин и т.д., также ярко себя проявляли в качестве очеркистов. Произведение А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) считается одним из первых образцов жанра очерк в русской литературе. Начиная с XIX века, очерк начинает развиваться параллельно и как жанр периодической печати, и как жанр художественной литературы.

Родоначальником жанра очерк, характерного для татарской периодической печати начала XX века, можно считать путевые записки – саяхатнаме и хаджнаме, занимающие определенную нишу в истории татарской литературы. Начиная с X века в Поволжье, а в XII-XVI вв. и среди кочевников Евразии активно распространяется ислам. Как известно, пятым столпом ислама является хадж – паломничество, связанное с посещением Мекки и ее окрестностей в определенное время. Как правило, отправляясь в путь с целью совершения паломничества, татарские паломники вели дневники для запечатления увиденного. Отсюда и берет свое начало традиция составления путевых записок. Кроме того, появлению в татарской литературе жанра путевых записок, способствовали факторы политико-экономического, культурного, и собственно литературного характера. Примером таких произведений является «Исмагил ага сәяхәтнамәсе» («Путешествие Исмагила»). Одним из ярких образцов жанра хаджнаме в татарской литературе является памятник, созданный в последней четверти XVIII в. – «Мухаммед-Амин сәяхәтнамәсе» («Путешествие Мухаммед-

Амина») [Алеева, 2009]. Кроме того, стоит упомянуть путевые заметки Габдерашида Ибрагимова о городах Сибири, Дальнего Востока, Манчжурии, Японии (1909), Бургана Шарафа об Индии (1909), Бухаре (1910), а также заметки Загира Бигиева, Садри Максуди, Фатиха Карими и т.д.

В настоящее время принято разделять три вида очерка – портретный, событийный и путевой очерк. Задачей автора портретного очерка является создание портрета наиболее успешной и востребованной, признанной общественностью реальной личности, которую можно без доли сомнения привести в пример подрастающему поколению и тем самым воспитать еще более сильное и здоровое поколение, готовое достигать новые высоты и тем самым развивать свою родину.

Событийный очерк описывает ту или иную наиболее важную для конкретного общества в определенный временной отрезок ситуацию. В данном случае основной задачей автора очерка становится раскрытие и описание внутренних качеств основных действующих лиц на фоне описываемого события. Знакомясь с правильно созданным событийным очерком, читатель становится непосредственным свидетелем описываемой ситуации.

Из всех трех видов очерка раньше остальных сформировался путевой очерк. Обычно в путевом очерке автор является одним из героев повествования, а объект описания развертывается постепенно [Бобков, 2005, с. 43-46]. В целом, по своим характерным особенностям путевой очерк имеет схожие черты с одним из видов информационных жанров – репортажем. Два этих жанра, относящихся к разным группам, объединяет способ описания событий действительности – в обоих случаях повествование ведется от имени очевидца. При этом, путевой очерк отличается от репортажа тем, что череда событий, описываемых в тексте, имеет некую предопределенность [Гарифуллин, 1998, с. 312]. В репортаже автор описывает конкретное динамическое событие, которое развертывается в конкретном временном и

пространственном отрезке, в то время как путевой очерк повествует обо всех ситуациях, возникающих перед путешественником.

На страницах татарской периодической печати жанр очерка, а именно путевого очерка, также получил определенное распространение. Так, в газете «Вакыт» была опубликована серия очерков Фатиха Карими «Истанбул мәктүпләре» («Стамбульские письма»). Тексты публиковались с ноября 1912 по март 1913 гг. Также следует вспомнить серию очерков Бургана Шарафа «Иран мәктүпләре» («Письма из Ирана»), а также путевые заметки Ахметзяна Биктимирова, опубликованные в разные годы в газетах «Бәянел-хак» («Вестник правды», Казань), «Фикер» («Мысль», Уральск), журналах «Әлгасрел-җәдид» («Новый век», Уральск), «Шура» («Совет», Оренбург) и т.д.

«Стамбульские письма» Фатиха Карими вызвали в татарском обществе полярные точки зрения на положение Турции. Сам автор, не скрывая своих прежних симпатий к этой стране, дает очень точное и правдивое описание происходящего вокруг Балканских войн, встав в оппозицию, как русской, так и татарской печати. Им разрушается миф о Турции как религиозной и культурной опоре мусульман всего мира. В то же время Ф. Карими открыто выражает свои национальные симпатии, «Вакыт» все больше отходит от традиционной тюрко-мусульманской ориентации и всё активнее выражает крепнущее в татарском обществе национальное самосознание [Гатин, 2008, с. 131].

Следует отметить, что из всех трех исследуемых нами газет, очерк чаще всего встречается в газете «Вакыт». Рассмотрим один из текстов серии очерков под названием «Истанбул мәктүпләре» («Стамбульские письма»), опубликованный в газете. Данный текст автор начинает с предложения, связывающего его со своей предыдущей публикацией этой же серии, что дает понять читателю о наличии отрезка, с которым, возможно, он еще не ознакомлен: *Suğyš mäjdanyna Čatalcağa kitärgä röxsät sorab Xärbijä ministrlyğyna* ***möräcäğat itkänlegemne jazğan idem*** («В.», 1912, № 1077,

«Истанбул мәктүпләре. III») ‘Ранее я писал, что обращался в Министерство обороны с просьбой разрешить мне выезд на территорию военных действий в Чаталджу’.

Далее мы видим, что практически в зачине, как это характерно и для текстов репортажа, автор вводит в структуру текста личное «Я»: *Berničä vasytalar arqyly ütkändän soŋ nihajät 13 nče nojabrdä Xärbijä ministrynyŋ möšavire Fuad Paša xozuryna* ***kerdem***. ***Min*** *kergändä any köteb toručy afitserlar ğajät küb ide. Alarnyŋ ešläre beteb näübät* ***miŋa*** *jetkänče berär säğat ütde* («В.», 1912, № 1077, «Истанбул мәктүпләре. III») ‘После того, как я побывал у нескольких посредников, 13 ноября я, наконец-то, оказался в расположении у Фуада Паши – советника министра обороны. Когда я зашел, то увидел большое количество офицеров, ожидающих его. Пока они закончили дела и очередь дошла до меня, прошел, где-то, час’. Как видно из отрывка, в нем автор при помощи связки имени существительного и имени числительного указывает конкретные временные рамки, в которых протекают описываемые им события (*13 nče nojabrdä* ‘13 ноября’, *berär säğat ütde* ‘прошел, где-то, час’).

Дальнейшие части текста, главным образом, отражают личное восприятие фактов, увиденных автором: *Fuad Paša qysqa ğyna bujly ber keše. Bašynda ğaskäri bürek. Küzendä küzlek. Zur zalda ber östäl janyna utyrğan. Janynda telefon. Minut sajyn äle andan äle bundan üze belän söjläšä toralar. Afitserlarnyŋ qullarynda käğydlar bar. Üz näübätläre jetkäč šuny kitereb birälär. Fuad Paša tiz genä uqyj da käğydnyŋ čitenä ber närsälär jazyb üzlärenä qajtaryb birä tora. Hič söjläšü juq* («В.», 1912, № 1077, «Истанбул мәктүпләре. III») ‘Фуад Паша – человек невысокого роста. На голове военная шапка. На носу – очки. Сидит в большом зале за столом. Рядом телефон. Ежеминутно звонят то отсюда, то оттуда. В руках у офицеров бумаги. Когда подходит их очредь, дают эти бумаги. Фуад Паша быстро читает, что-то пишет на уголке бумаги и возвращает обратно. Разговоры отсутствуют’. Как видно из данного отрывка, повествование носит динамический характер, который передается автором

посредством включения в состав текста форм настоящего времени (*kägğydlar bar* ‘есть бумаги’, *kitereb birälär* ‘приносят’, *söjläšü juq* ‘разговоры отсутствуют’ и т.д.), а также аналитической формы изъявительного наклонения на *-a tor* (*söjläšä toralar* ‘продолжают разговаривать’, *qajtaryb birä tora* ‘продолжает возвращать’). Кроме того, для передачи значения сиюминутности автор текста использует ряд указательных местоимений в паре с повторяющимся союзом *äle* ‘то’ (*äle andan äle bundan* ‘то оттуда, то отсюда’), а также локализаторы времени (*minut sajyn* ‘ежеминутно’, *üz näübätläre jetkäč* ‘когда подходит их очередь’). Оценочный и эмоциональный уровень текста регулируется посредством применения в нем односоставных предложений, прилагательных (*qysqa* ‘короткий’, *zur* ‘большой’ и т.д.) и наречий (*tiz genä* ‘быстро’).

Для передачи чужой мысли автор текста использует форму прямой речи. В данном случае прямая речь вводится в текст словами автора и воспроизводит высказывание или мысль, от того лица, которому оно принадлежит, с сохранением лексико-фразеологических, грамматических и интонационных особенностей его собственной речи. При помощи прямой речи автор передает индивидуальный стиль каждого говорящего, и она производит впечатление восстановленной буквально: *“Möxbirlärgä anda baryrğa röxsät birelmi, elekdän barğanlaryn da qajtardyq, zatä xäzer anda suğyš juqdyr, ägär jaŋğydan bašlansa ul waqyt kürermez” dide* («В.», 1912, № 1077, «Истанбул мәктүпләре. III») ‘Он ответил: «Корреспондентам не разрешается туда ехать, мы вернули и тех, кто уехал раньше, в сущности, сейчас там нет войны, если начнется заново, тогда увидем»’. Прямая речь, использованная в тексте путевого очерка, является элементом разговорного стиля, а также увеличивает уровень достоверности изложенной автором информации.

Как видно из примеров, рассмотренный нами текст, являющийся частью серии путевых очерков Фатиха Карими «Истанбул мәктүпләре» – в определенной степени эмоционально-экспресивное и динамичное произведение, отличающееся своей авторской субъективностью.

Похожая композиционная структура характерна и для одиннадцатого по счету текста серии путевых очерков Бургана Шарафа «Иран мәктүпләре», опубликованного в № 550 газеты «Вакыт». Уже в зачине рассматриваемого текста содержится предложение, подчеркивающее наличие личного «Я» автора, которое совпадает в тексте с личностью повествующего: *Zölkağdäneŋ bašy (2 nojabr) düšänbe irtä torğač da kečkenä genä šire xöršid flagyn östälemneŋ östenä asylyndyryb sabyny diwardağy qadaqğa bäjlädem. Tege jaqda kečkenä šahnyŋ bijek qyjtğadağy räseme ber ničä köndän birle bülmämne bizäb tora. Bolar Rusijä möselmanlarynyŋ berse tarafyndan Iranly qardäšlärenä kürsätelgän dustlyq ğalämätläreder* («В.», 1909, № 550, «Иран мәктүбләре. XI. Милләт мәҗлесенең ачылуы») ‘После пробуждения утром понедельника в начале месяца зулькагда (2 ноября), я привязал древко флага «солнечного льва», который свисал над моим столом, к гвоздю на стене. На противоположной стороне картина маленького шаха вот уже несколько дней украшает мою комнату. Это – знак дружбы одного из российских мусульман, направленный в адрес иранских братьев’.

Параллельно с введением в текст личного «Я» посредством использования аффиксов принадлежности имен существительных (*östälem* ‘мой стол’, *bülmäm* ‘моя комната’) и личных аффиксов первого лица единственного числа (*bäjlädem* ‘я привязал’), автор указывает и конкретный временной отрезок (*zölkağdäneŋ bašy (2 nojabr) düšänbe irtä* ‘утро понедельника в начале месяца зулькагда (2 ноября)’), вокруг которого будет развертываться его дальнейшее изложение. Следует отметить, что подчеркивание в самом начале текста конкретного реального временного отрезка, дает возможность автору моментально подключить адресата к ходу описываемых событий, и в то же время повышает уровень достоверности получаемой информации.

Далее автор описывает обстановку, сложившуюся за пределами стен его комнаты: *Cuyŋač kijengäč dä baqčağa čyqdym, cilneŋ äsäre dä juq, qojaš – nojabrdä siräk bula torğanča – qyzdyra. Uramğa küz saldym, jörüče kübäjgän,*

küršemezdäge jortdan, bal qortlary kebi taralğan balalar hämäse "Šäryq" gazetasyn kütäreb törle jaqğa jögerälär («В.», 1909, № 550, «Иран мәктүбләре. XI. Милләт мәҗлесенең ачылуы») 'Помывшись и одевшись, вышел в сад, нет ни единого порыва ветра, солнце, как это не характерно для ноября, печет. Посмотрел на улицу, людей прибавилось, дети из соседнего дома, словно пчелки, разбегаются в разные стороны, держа в руках газету «Шэрыкъ»'. Как видно из приведенного отрывка, в процессе изложения, при выражении категории времени глагола, автор активно использует форму настоящего времени на *-a*, что, как и в предыдущем тексте, передает значение сиюминутности описываемых явлений. Кроме того, рассмотренный отрывок отличается наличием сравнений (*bal qortlary kebi* 'словно пчелки'), что обеспечивает эмоциональный и оценочный уровень изложения.

В отличие от предыдущего текста, повествование здесь на протяжении большей части текста неспешное, что отражается при выражении категории времени глагола – для преобладающей части текста характерно использование формы прошедшего категорического времени на *-dy*: *Mağazanyŋ xucasy üze dä uramda tora ikän, sälam birde, min täbrik itdem, ul bezdä kijäülär cawab birä torğan ğyjbarä ilä cawab birde, küzgä qarab kölešdek… Menä postaxanä uramyndan boryldyq… Qapudan kergändä biletny tikšerdelär, ul waqyt min qapqa bašyn tamaša qyldym* («В.», 1909, № 550, «Иран мәктүбләре. XI. Милләт мәҗлесенең ачылуы») 'Как оказалось, хозяин магазина и сам стоит на улице, поприветствовал, я поздравил, он ответил высказыванием, которое у нас используют зятья, посмеялись смотря в глаза… вот мы повернули на улицу, где находится почта… при входе проверили билеты, в это время я смотрел на верх ворот…'.

В целом, основной задачей рассматриваемого текста является субъективно окрашенное описание увиденного автором во время путешествия. Именно это и является характерной особенностью жанра путевой очерк.

В газете «Борхане таракки», хотя и не часто, также можно обнаружить тексты очерков. Так, в одном из номеров газеты опубликован текст путевого очерка под названием «Үткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык» («Мое прошлое и темнота. Нынешнее состояние и радость»). Автором данного текста является человек с псевдонимом «Надан шәкерт» (Безграмотный ученик). Рассматриваемый текст является отрывком очерка, так как в начале указано, что он является продолжением текста, опубликованного в № 48, а в конце текста отмечено, что продолжение следует. Тем не менее, текст скомпонован таким образом, что он оставляет целостное впечатление.

Его структура построена таким образом, что уже в зачине автор выдвигает главный тезис рассматриваемого отрывка, а весь последующий текст, а именно субъективное изложение увиденного автором, является цепочкой логических аргументов. Предложенный автором главный тезис оформлен следующим образом: *Äjtälär ide (Zaman! Härnärsäne üzenä taba bögä). Bu süz bik dörest ikän* («Б.т.», 1906, № 51, «Үткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык») ‘Говорили, время все подгибает под себя. Это очень правильные слова’. Далее, в целях усиления главного тезиса, автор включает в текст вспомогательный тезис: *Bara torğač “Šäkerd ilä ystudent” isemle kitabdağy jazylğan tatarnyŋ asyl säjäxät – jul jörešen belmägänlegen paroxodda küzem berlän kürdem, kitabda äjtelgän süzlärneŋ dörestlegenä yšana bašladym, jazučyğa da ačuym qabarmyj bašlady* («Б.т.», 1906, № 51, «Үткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык») ‘Вскоре, на пароходе я своими глазами увидел незнание основ путешествования татарина, описанного в книге «Шакирд и студент», начал верить в правильность написанных слов, перестал злиться на автора’.

Как видно из приведенных тезисов, личное «Я» вводится в текст уже на начальном этапе изложения. Для этого автор использует аффиксы принадлежности имен существительных (*küzem* ‘мой глаз’, *ačuym* ‘моя злость’) и личные аффиксы первого лица единственного числа (*kürdem*

‘увидел’, *yšana bašladym* ‘начал верить’). Данный отрезок характеризуется неспешным повествованием, что отражается на его грамматическом составе: основной глагольной формой здесь является прошедшее категорическое время на *-dy*.

Далее автор приводит серию аргументов, нацеленных на раскрытие приведенного выше главного тезиса: *Paroxodda törle törle fikerle kešelär berläп utyryša torğač, ul kešelär mindän, ajnyŋ äwäl bašda kečkenä bulyb da bara torğač zurajyb, tağyn da kečkenä bulyb qaluyn soryjlar, bezneŋ äjläneb äjlänmäwen soryjlar, östendä utyryb bardyqymyz paroxodnyŋ, timerdän jasalğan bulyb da, suda batmaučylyğyn soryjlar, päjğambäremezneŋ Mäkädän Mädinägä küčüwe qaj jylda bulğanlyğyn wä buŋa säbäb närsä ideken soryjlar, dönjada ničä törle milät bar, alar ničä törle tel berläп söjläšälär, alarnyŋ qajsylarynyŋ telläre dönjada küb söjlänmäkdä… wä bašqa bunyŋ kebi närsälär soryjlar. Bu soraularğa cawab birä almağanlyqyma ačuym kileb, üzemneŋ dürt ajaqly canwarlardan ajyrmam fäqat keše kijeme kijeneb jörüdän genä gyjbarät idegene aŋlab haman iske tormyšqa došmanlana ğyna bara idem…* («Б.т.», 1906, № 51, «Үткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык») ‘Мы располагались на пароходе рядом с людьми, которые имеют на все свои собственные взгляды, некоторые из них спрашивают у меня отчего же луна по началу бывает маленькой, потом становится больше, а затем снова мельчает, они спрашивают опрокинется ли наше судно, спрашивают, почему же, несмотря на то, что наш пароход сделан из металла, он не тонет, спрашивают, когда наш пророк перебрался из Мекки в Мадину, и что послужило причиной этому, спрашивают, сколько разных национальностей существует в мире и на скольких языках они разговаривают, какой из языков самый востребованный,... задают такого рода другие вопросы. От того, что я не мог ответить на эти вопросы я злился на себя, начинал думать, что отличаюсь от четвероногих животных лишь тем, что ношу человеческую одежду, я все больше становился врагом своей прошлой жизни…’. Как видно из приведенного отрывка, для подчеркивания сиюминутности описываемых

явлений автор текста активно использует форму настоящего времени на *-a* (*soryjlar* ‘спрашивают’), а также прошедшее незаконченное время на *-a ide* (*došmanlana bara idem* ‘становился врагом’) в значении прошедшего действия, актуального для момента речи. В последующем текст, главным образом, нацелен на освещение субъективного авторского восприятия увиденного им во время описываемого путешествия.

Во всех трех проанализированных текстах наблюдается активное использование общеупотребительной лексики (*keše* ‘человек’, *küzlek* ‘очки’, *östäl* ‘стол’, *telefon* ‘телефон’, *käğyd* ‘бумага’, *bülmä* ‘комната’, *baqča* ‘сад’, *bala* ‘ребенок’, *qapu* ‘дверь’, *kitab* ‘книга’, *paroxod* ‘пароход’, *tel* ‘язык’, *kiem* ‘одежда’ и т.д.). В плане употребления заимствований тексты рассматриваемого жанра не выбиваются из общей языковой картины, характерной для языка татарской газеты начала XX века и татарского литературного языка рассматриваемого периода. В текстах наблюдается активное присутствие арабо-персидской лексики (*xärbijä* ‘военная’, *näübät* ‘очередь’, *käğyd* ‘бумага’, *Zölkäğdä* ‘Зулькагда’, *düšänbe* ‘понедельник’, *šire xöršid* ‘солнечный лев’, *diwar* ‘стена’, *šah* ‘шах’, *šäkerd* ‘ученик’, *säjäxät* ‘путешествие’, *äwäl* ‘сначала’, *päjğambär* ‘пророк’ и т.д.). Также встречаются слова, пришедшие из русского и западноевропейских языков (*ministrlyq* ‘министерство’, *nojabr* ‘ноябрь’, *afitser* ‘офицер’, *telefon* ‘телефон’, *minut* ‘минута’, *flag* ‘флаг’, *mağaza* ‘магазин’, *bilet* ‘билет’, *ystudent* ‘студент’, *paroxod* ‘пароход’ и т.д.). При этом минимальное их количество наблюдается в тексте очерка, опубликованного в газете «Борхане таракки», а русская лексика и западноевропейские слова, пришедшие через русское посредство, использованные в тексте Фатиха Карими «Стамбульские письма», как правило, относятся к общественно-политической и военной лексике (*suğyš* ‘война’, *Xärbijä ministrlyğy* ‘Министерство обороны’, *afitser* ‘офицер’, *ğaskäri* ‘военный’, *general* ‘генерал’ и т.д.). Кроме того, в рассмотренных текстах обнаруживаются имена собственные: топонимы (*Čatalca* ‘Чаталджа’, *Mäkä*

‘Мекка’, *Mädinä* ‘Медина’), антропоним *Fuad Paša* ‘Фуад Паша’ и гемероним *“Šäryq”* ‘«Шарык»’.

Путевой очерк, как и вся группа художественно-публицистических жанров в целом, не самый распространенный жанр среди текстов, опубликованных в газетах «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш». Как видно, рассмотренным нами текстам путевых очерков одновременно характерна документальная насыщенность и художественность. Все приведенные тексты представляют собой описание каких-либо событий, с которыми автор столкнулся во время своего путешествия. Эти тексты, несмотря на наличие в них в разной степени средств художественной выразительности, публицистичны, их авторы используют все свое умение для того, чтобы воздействовать на читателя.

Как мы отмечали выше, в газетах «Вакыт», «Борхане таракки» и «Кояш» часто встречается рубрика «Фельетон», где публикуются объемные тексты аналитического характера. Как известно, сегодня в теории журналистики говоря о жанрах периодической печати принято выделять самостоятельный жанр под названием фельетон, относящийся к художественно-публицистическим жанрам. В структурно-семантическом плане – это аргументирующий тип текста. Однако судя по содержанию, тексты, размещенные в рассматриваемых нами газетах в рубрике «Фельетон», не имеют отношения к одноименному жанру в современном его понимании. Хотя и выделяются на общем фоне пропагандой злободневной тематики и глубоким анализом, они не характеризуются наличием каких-либо сатирически и юмористически окрашенных элементов. Скорее тексты, опубликованные в рубрике «Фельетон» представляют собой значение жанра фельетон, характерное для Европы начала XX века, которое обозначает не что иное, как аналитическую статью. Поэтому данные тексты мы относим к жанру статья и они были нами рассмотрены в предыдущем параграфе, посвященном аналитическим жанрам, функционирующим в жанровой системе газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш».

Между тем, в газете «Кояш» мы обнаружили рубрику под названием «Кечкенә фельетон» («Короткий фельетон»), где публикуются тексты с ярко выраженным сатирическим оттенком. Это дает нам возможность утверждать, что жанр *фельетон*, все же, имеет место в жанровой системе татарской газеты начала XX века, уже начиная с начального этапа ее формирования. Между тем, по мнению некоторых исследователей, в начале прошлого столетия, действительно, появилось большое количество журналистских произведений, оформленных в сатирическом ключе, а средством для их создания послужили ассоциации [Гарифуллин, 1998, с. 267]. Кроме того, в этот период формируется целая система сатирических изданий, таких, как «Чүкеч» («Молот», Оренбург, 1906 – 1910), «Туп» («Пушка», Астрахань, 03. – 04. 1907), «Карчыга» («Ястреб», Оренбург, 1906 – 1907), «Уклар» («Стрелы», Уральск, 06. – 11. 1906), «Яшен» («Молния», Казань, 1908 – 1909), «Ялт-йолт» («Сверкание», Казань, 1910 – 1918). Образцами сатирической публицистики приянто считать произведения таких классиков татарской литературы и журналистики, как Г. Тукай, Ф. Амирхан, Г. Исхакый, Г. Камал, Г. Ибрагимов и т.д.

Сатирические формы художественно-публицистических жанров, в состав которых входил и фельетон, в русской журналистике зародились еще в XVIII в., а их активное развитие происходит в XIX столетии. На начальном этапе в рамках данного жанра печатались такие тексты, как литературно-критическая или беллетристическая статья, театральная рецензия или отчет. Так, традиции сатиры и фельетона прослеживаются в произведениях Д.И. Фонвизина, И.А. Крылова, Н.А. Гоголя, А.И. Герцена и т.д. [Бобков, 2005, с. 46].

Фельетон – это малая художественно-публицистическая форма, характерная для периодической печати и отличающаяся злободневностью тематики, сатирической заостренностью или юмором. Объектом фельетона принято считать характерные особенности конкретных лиц, выходящие за пределы морально-этических норм или цели и результаты их деятельности,

которые создают неудобства другим представителям общества. Задача фельетониста – помочь устранить эти недостатки, высмеяв их носителей. Предмет фельетона – конкретная локальная ситуация. Фельетон обычно имеет точный адрес, у него есть реальный антигерой – человек или коллектив, организация, действия которых получают общественное значение, приносят вред [Гуревич, 2004].

В тексте фельетона на передний план выходит авторская оценка, дающаяся тем или иным событиям. Стиль текста, а также описание каких-либо отрицательных явлений, ситуаций или черт человеческого характера должны быть нанизаны на неопровержимые факты, а объем высмеивания зла или отрицательных общественных явлений и использованные методы преувеличения должны быть соразмерны с фактической постановкой дел. В противном случае текст может стать примером преувеличения, лжи и клеветы.

Текст фельетона может содержать в себе многие черты, характерные другим жанрам. Так, фельетон бывает коротким и емким, в нем анализируется та или иная проблема, а по результатам анализа оперативно информируются читатели, его текст содержит одновременно художественное и публицистическое начало. Как указывает в своей работе А.К. Бобков, на сегодняшний день тексты фельетонов можно разделить на несколько групп – проблемный фельетон, критический фельетон и положительный фельетон [Бобков, 2005, с. 48] . В проблемном фельетоне описывается так называемая злободневная тема дня. В критическом фельетоне автором, как правило, при помощи средств художественного изображения, таких, как гипербола и гротеск, описываются и критикуются какие-либо яркие недостатки из реальной жизни. Центром внимания в положительном фельетоне является герой, живущий по правилам, не совпадающим с реальными устоявшимися общественными нормами.

Как было отмечено выше, рассматриваемый жанр находит активное употребление в газете «Кояш». Рассмотрим отрывок из фельетона под

названием «Биктимер ачуланды» («Биктимер рассердился»). Под данным текстом стоят инициалы «Т.Д.». Это с большой долей вероятности означает, что автором фельетона является Фатих Амирхан [Хажиева, 2016, б. 421]. Рассматриваемый текст можно отнести к критическому фельетону. В нем автор, на примере образа жизни героя по имени Биктимер, высмеивает тип людей, который ставит во главу угла задачу финансового обогащения и не стремятся прогрессировать вместе со временем. Главный герой фельетона, не обращая внимания на общественное мнение, и какие-либо этические рамки, терпит насмешки и издевательства со стороны своего ближайшего окружения и любыми путями старается заработать деньги. В результате, описываемый образ жизни приводит к психологическому срыву. Создание такого рода сатирического образа, чьи жизненные принципы отличаются от общепринятых, вызывают большой интерес у читателя. Теперь у него есть возможность сравнить себя и свой образ жизни с поведением главного героя, сделать выводы и избежать высмеянных автором жизненных ситуаций. В данном случае текст фельетона имеет ярко выраженную функцию воздействия, которая активируется при помощи приема ассоциации в форме противопоставления жизненных принципов главного героя и общепринятых этических норм реальной жизни.

В композиционном плане рассматриваемый текст условно можно разделить на две части. В первой части описывается образ жизни главного героя. В зачине текста автор приводит один из тезисов: *Biktimer hönärle säkert ide: ul jazu syzu belmägän jegetlärgä "qyzlar xaty" jazyb bireb, tamağyn tujdyra ide. Biktimer sabyr jeget ide: ul üzen sükkänne, qyjnağanny da kütärä, häm üzeneŋ šul syjfaty belän maqtana da ide* («К.», 1913, № 259, «Биктимер ачуланды») 'Биктимер был работящим шакирдом: он зарабатывал на жизнь тем, что писал девичьи письма за тех шакирдов, которые не умели этого делать. Биктимер был терпеливым парнем: он терпел даже когда его ругали, били и очень гордился этой своей чертой'. Как видно, в данном отрезке текста активно использована лексика, характеризующая главного героя

(*hönärle* ‘работящий’, *sabyr* ‘терпеливый’ и т.д.). Кроме того, характеристика героя усиливается при помощи использования некоторых языковых средств, которые придают тексту эмоционально-экспрессивный окрас. Так, автор прибегает к повтору имени главного героя и активно использует вспомогательный глагол *ide* ‘был’.

Далее автор вводит в текст ряд аргументов*: Ul ber waqyt üzeneŋ bülmä čaršawyna da, – bezgä uŋdan da suldan da höcümlär küb buldy, läkin bez hämäsenä täxämmel itämez inde. – dib ber jazu eleb qujdy* («К.», 1913, № 259, «Биктимер ачуланды») ‘Однажды он повесил на шторы своей комнаты надпись «На нас было много нападков и справа и слева, но мы терпим»’. В данном отрезке наблюдается использование цитаты из упомянутой надписи, что сближает его с реальной действительностью и, тем самым, увеличивает уровень убедительности текста.

В следующей аргументирующей части автор повторно подчеркивает характерные черты главного персонажа, на этот раз раскрывая их на фоне продолжительного временного отрезка: *Könlär, ajlar, jyllar ütdelär. Biktimer qyzlar xaty jazyb, haman üz tamağyn üze tujdyryb kilde. Xalyq anyŋ nadanlyğyndan kölde, mönafiqlyğyn söjläb jözenä vura, ama ul alarğa ber dä iltifat itmičä genä qyzlar xaty jazuynda däwam itä birä ide* («К.», 1913, № 259, «Биктимер ачуланды») ‘Шли дни, месяцы, годы. Биктимер продолжил себя кормить при помощи написания девичьих писем. Народ смеялся над его глупостью, в лицо говорил о его лицемерии, однако Биктимер, не обращая на них внимания, продолжил писать девичьи письма’. Как видно, в данном отрывке автор использует слова, обозначающие время (*könlär* ‘дни’, *ajlar* ‘месяцы’, *jyllar* ‘годы’), чтобы подчеркнуть продолжительность описываемого действия в рамках длительного периода времени. Кроме того, с этой же целью при выражении категории времени глагола автор использует форму составного глагола *-yb kilde* (*tujdyryb kilde* ‘продолжил кормить’), состоящую из деепричастия, оканчивающегося на *-p* и модифицирующего глагола *kilü*, подчеркивающего продолжительность действия, а также форму

прошедшего незаконченного времени на *-a ide* (*jazuynda däwam itä birä ide* ‘продолжил писать’), для выражения типичного, регулярно повторяющегося действия в прошлом.

Далее автор вводит в текст тезис об отсутствии чего-либо вечного на этом свете: *Dönjada ber eš dä mängelek tügel. Biktimerneŋ bu bäxete dä mängelek bulmady* («К.», 1913, № 259, «Биктимер ачуланды») ‘В мире нет ничего вечного. Это счастье Биктимера также не стало вечным’. Данный тезис аргументируется примером из жизни главного героя фельетона, где автор также подчеркивает неизменчивость его характера с течением времени: *Biktimergä konkurentlar čyqdylar, qyzlar xaty kiräk bulğan kešelär biktimergä möräcäğat itmi bašladylar. Biktimer sabyr surätdä suqrandy: – Kešeneŋ rizyqyn kisälär…* («К.», 1913, № 259, «Биктимер ачуланды») ‘У Биктимера появились конкуренты, те, кому нужны девичьи письма перестали обращаться к Биктимеру. Биктимер терпеливо бормотал: «Отбирают у человека хлеб…»’. Как видно, аргументриующая часть данного отрезка характеризуется повышенным эмоционально-экспрессивным окрасом, которого автор добивается в первую очередь при помощи лексических повторений: в двух предложениях имя главного героя повторяется три раза. Кроме того, здесь использована лексика, характеризующая главного героя (*sabyr surätdä suqrandy* ‘терпеливо бормотал’). Также в рассматриваемом отрывке одно из предложений оформлено при помощи прямой речи, которая обладает большей убедительностью.

Кульминацией развертывания сюжета рассматриваемого фельетона является тезис, в котором главный персонаж приходит к выводу о необходимости перемен, и его аргументирующая часть, где автор вводит в текст информацию о действиях, направленных на изменение сложившейся ситуации: *Suqranudan fajda juq, niček iteb bulsa da xälne tözätergä kiräk. Biktimer ujlab ujlab tordy da, ber “Käcä bäjete” täsnif itde häm bülmä čaršawyna iğlan elde: – Mindän qyzlar xaty jazdyryb alğan kešelärgä, üzem täsnif itkän “Käcä bäjeten” bušlaj jazyb biräm* («К.», 1913, № 259, «Биктимер ачуланды»)

‘Толка от бормотания нет, любыми путями нужно исправлять положение. Биктимер подумал-подумал, сочинил «Баит о козле» и повесил на шторы комнаты объявление «Кто закажет у меня девичьи письма, тому «Баит о козле» собственного сочинения достанется бесплатно»’.

Вторая часть текста, в силу своей эмоциональности, характеризуется более активным использованием языковых выразительных средств. Здесь автор описывает положение главного героя, которого, из-за ошибок, допущенных в «Баите о козле» собственного сочинения стали называть козлом: *Biktimer inde bu eškä sabyr itä almady, küzläre qanlandy, awyzlary böklände: – Qähär suqğanlar, ač bozaular!.. Ata kächä, qazyj abzyj, ana kächä, bozau, ata kächä… Biktimer ğaläqasyz süzlär söjli, ul bičara aryb kitkän, any šifaxanägä iltdelär. Ul anda satašyb jatdy: güjäki ul üze ata kächä bulyb kitkän, ätrafyndağy kešeläre bozaular bulyb kitkänlär imeš* («К.», 1913, № 259, «Биктимер ачуланды») ‘Теперь Биктимер уже не мог терпеть, его глаза наполнились кровью, перекосило рот: «Проклятые, голодные телята! Козел, казий, коза, теленок, козел»... Биктимер говорит несвязанные вещи, он устал, его отвезли в больницу. В больнице он бредил: ему казалось, будто он стал козлом, а люди вокруг него – телятами’. Как видно, в данном отрезке наблюдается чрезмерно активное употребление лексических повторов (*Biktimer* ‘Биктимер’, *kächä* ‘козел’, *bözau* ‘теленок’, *ul* ‘он’, *bulyb kitkän* ‘превратился’ и т.д.). В рассмотренном отрывке также встречается прямая речь (*Qähär suqğanlar, ač bozaular!.. Ata kächä, qazyj abzyj, ana kächä, bozau, ata kächä…* ‘Проклятые, голодные телята! Козел, казий, коза, теленок, козел...’). При этом, одно из предложений является восклицательным (*Qähär suqğanlar, ač bozaular!* ‘Проклятые, голодные телята!’). Здесь наблюдается сравнение шакирдов с голодными телятами (*ač bozaular* ‘голодные телята’), а также употребление оценочной лексики (*qähär suqğanlar* ‘проклятые’). Кроме того, в рассматриваемом отрывке обнаруживаются такие метафоры, как *küzläre qanlandy* ‘глаза наполнились кровью’, *awyzlary böklände* ‘перекосило рот’. Все перечисленные выше языковые средства повышают общий

эмоционально-экспрессивный уровень текста, что в свою очередь усиливает уровень воздействия на адресата.

Чаще всего в рассмотренном тексте обнаруживается общеупотребительная лексика (*jeget* ‘парень’, *šäkert* ‘шакирд, ученик’, *tamaq* ‘горло’, *bülmä* ‘комната’, *čaršau* ‘шторы’, *xat* ‘письмо’, *käcä* ‘козел’, *bozau* ‘теленок’, *šifaxanä* ‘больница’ и т.д.). Между тем, в отличие от текстов информационного и аналитического характера, данному тексту использование заимствований из русского и западноевропейских языков не характерно: нами был обнаружен лишь один пример (*konkurent* ‘конкурент’). В то же время наблюдается употребление арабо-персидской лексики (*täxämmel* ‘терпение’, *mönafiqlyq* ‘противоречивость’, *iltifat* ‘внимание’, *xal* ‘положение’, *täsnif itü* ‘написать’, *sabyr* ‘терпеливый’, *ğaläqasyz* ‘несвязанный’ и т.д.), а преобладающую часть лексического состава представляют слова тюрко-татарского происхождения (*ul* ‘он’, *jazu* ‘надпись’, *qyz* ‘девушка’, *ber* ‘один’, *bez* ‘мы’, *kön* ‘день’, *aj* ‘месяц’, *jyl* ‘год’, *jöz* ‘лицо’ и т.д.).

Особого внимания заслуживает еще один фельетон, опубликованный в газете «Кояш». Данный фельетон называется «Зәки хәлфән нишләтте!!» («Что учудил наставник Заки!!») и подписан псевдонимом «Ташмөхәммәт». При обращении к трудам ученых-антропонимистов, становится понятно, что автором данного текста следует считать отмеченного нами при рассмотрении предыдущего текста Фатиха Амирхана, который периодически подписывал свои тексты также при помощи псевдонима «Ташмөхәммәт» [Хаҗиева, 2016, б. 420]. В данном тексте, как и в преобладающем большинстве фельетонов, автор использует прием ассоциаций. В рассматриваемом тексте создан определенный образ героя, который по мнению автора является полной противоположностью тому, каким должен быть порядочный человек в реальной жизни. Фатих Амирхан высмеивает Заки Валиди за содержание его статьи, опубликованной в одном из номеров газеты «Вакыт», сравнивая его с созданным в тексте персонажем по кличке Кәрлә (Кэрлэ – Карлик).

Структура текста построена таким образом, что представляет собой монолог автора, обращенный к Кэрлэ. При этом автор регулярно что-то объясняет ему, приводя цитаты из статьи Заки Валиди и подчеркивая наличие у обоих многочисленных схожих характерных особенностей. Так, по словам автора, Кэрлэ очень любил хвастаться и лгать, так же, как и Заки Валиди, которого он обвиняет в регулярном преувеличении и подмене фактов.

В структурном плане текст можно разделить на две части. В первой части автор текста описывает определенный тип людей и приводит в качестве примера вышеназванного мальчика из детства по кличке Кэрлэ, дает ему характеристику. Для этого автор приводит следующий тезис: *Uram malajlary arasynda ajaqlary ike jaqğa taba qarab tora torğan, cilkäläre häm kükräkläre beraz čyğynqyraq, qysqa bujly ber törle malajlar bula. Bezneŋ awylda da šundyj ber malaj bar ide. Bez any "Kärlä" dib jöri torğan idek* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфән нишләтте!!») 'Среди уличных ребят есть такой тип, у которых ноги смотрят в разные стороны, плечи и грудь чуть торчат, а сами они небольшого роста. В нашей деревне тоже был такой парень. Мы звали его «Кэрлэ»'.

Рассмотренный тезис аргументируется автором историями из детства: *Bezneŋ Kärlä qulyndan eš kilü jağyndan bašqa malajlarğa qarağanda küb tübän torsa da, maqtanyrğa böten awyl malajyndan osta ide. Ul üzeneŋ bujy citmäslegeneŋ küreneb toruyna da qaramyjča, fälän ağajnyŋ awyzyna meneb töšdem äle, fälän kešeneŋ baš tübäsen töjdem äle dib, üzene ällä nindi zur gäüdäle, qotly kešelärne qyjnağan iteb kürsäteb maqtana ide* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфән нишләтте!!») 'Несмотря на отставание нашего Кэрлэ от других мальчиков в плане умения работать, он был самым лучшим среди деревенских парней в вопросах хвастовства. Не обращая внимания на естественность нехватки роста, он хвастался фактом избиения больших и крепких людей, говоря, что ударил такого-то дядьку, дал по голове тому-то'.

Данный отрезок текста отличается активным употреблением оценочной лексики. Так, здесь широко распространены слова и словосочетания с

оттенком оценочности, характеризующие человека. В рамках выдвигаемого тезиса автор дает характеристику определенному типу парней (*ajaqlary ike jaqğa taba qarab tora torğan* ‘со смотрящими в разные стороны ногами’, *cilkäläre häm kükräkläre beraz čyğynqyraq* ‘с чуть торчащими плечами и грудью’ и т.д.). В аргументирующей части же, автор описывает внешний вид и личностные качества деревенского парня из детства (*qulyndan eš kilü jağyndan küb tübän* ‘был намного хуже в плане умения работать, *maqtanyrğa osta ide* ‘был горазд хвастаться’, *bujy citmäslegeneŋ küreneb toruyna da qaramyjča* ‘несмотря на явный недостаток роста’ и т.д.). Кроме того, в аргументирующей части характеристика героя усиливается за счет использования экспрессивно окрашенной лексики, а именно фразеологизмов (*qulyndan eš kilü* ‘уметь работать’, *awyzyna meneb töšdem* ‘дал по морде’, *baš tübäsen töjdem* ‘надавал по голове’ и т.д.), что в свою очередь, являясь элементом разговорного стиля, сближает язык конкретного рассматриваемого фельетона с разговорной речью.

Далее автор вводит в текст главный тезис, после чего становится ясно, с какой целью автор приводил в начале текста вспомогательный тезис об определенном типе парней: *“Waqyt” gazetasynyŋ 1129 nču nomeryndağy Äxmädzäki Wälidineŋ mäqaläsen uqyğač, min, kübdän wafat bulğan šul “Kärlä”ne sağynyb qujdym: - Bičara Kärlä, sin tip ideŋ… xäzer sau sälamät bulsaŋ, sin dä Zäki abyjyŋ šikelle berär närsä jazyb tašlar ideŋ! - dib, ujladym* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфән нишләтте!!») ‘После прочтения в 1129 номере газеты «Вакыт» статьи Ахмет-Заки Валиди, я, вдруг начал скучать по этому покойному Кэрлэ: - «Бедный Кэрлэ, ты был типом… Если бы ты сейчас был жив-здоров, тоже бы что-нибудь написал, как твой дядя Заки!», - подумал я’. Для обращения к Кэрлэ, автор использует форму прямой речи, оформленную в виде восклицательного предложения. В этом случае восклицательное предложение повышает уровень эмоциональности отрывка и всего текста в целом, а прямая речь обладает большей убедительностью.

Как видно из данного отрывка, говоря о характерных качествах Кэрлэ, автор текста подразумевал качества Заки Валиди: все сказанное в тексте о мальчике из детства, касается и Валиди. Здесь мы наблюдаем использование автором ассоциаций, а именно приема противопоставления объективной действительности (конкретная статья Заки Валиди, опубликованная в газете «Вакыт» или личность Заки Валиди в целом) и вымышленной (мальчик из дества автора по кличке Кэрлэ, который реален только для автора, но достоверных аргументов о его реальном существовании у читателя не имеется).

Дальнейшая структура текста основана на вводе вспомогательных тезисов, которые представляют собой цитаты из статьи Заки Валиди, и их аргументирующих частей, которые оформлены в виде многочисленных обращений автора к Кэрлэ. При этом, монологические обращения автора нацелены на анализ текста статьи Заки Валиди и высмеивание его слов. Так, автор включает в текст тезис в форме цитаты из статьи: *“27 nče ğyjnwarda Qazannyŋ birža zalynda qazan möselmanlarynyŋ jubilejğa jädkär qaldyru eše öčen ğomumi cyjylyš buldy. Bu cyjylyšda min dä buldym” di* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфән нишләтте!!») ‘Он пишет: «27 января в Казанском биржевом зале, для обсуждения подарка на юбилей, состоялось собрание казанских мусульман. На этом собрании присутствовал и я»’. Аргументация данного тезиса происходит в виде монологического обращения: *Kürämseŋ, Kärlä, cyjylyšda Zäki abyjyŋ da bulğan! Tänzil iteb kilgän bit, nišlätäseŋ any? Zäki abyjyŋ kileb kenä dä qalmağan äle, andağy xatiblarnyŋ kübme xäzerlängänlekläre tuğrysynda xäbärlär cyju mäšäqaten dä östenä alğan* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфән нишләтте!!») ‘Видишь, Кэрлэ, на собрании присутствовал и дядя Заки! Проявил свое великодушие, что тут поделаешь? Дядя Заки еще не просто пришел, он взял на себя бремя по сбору информации о том, сколько времени требовалось выступающем для подготовки’. Как видно, если в тезисной части автор приводит цитату из статьи, то аргументирующая часть отрывка характеризуется наличием обращений (*Kürämseŋ, Kärlä...* ‘Видишь, Кэрлэ...’),

а также вопросительных и восклицательных предложений, что влияет на формирование эмоционально-экспрессивного окраса текста.

Наиболее отчетливо прием сталкивания реального и нереального в тексте наблюдается в следующем отрывке: *Bašqa keše aŋlamasa da, sin aŋlağansyŋ Kärlä, Zäki abyjyŋnyŋ gimnazija tuğrysynda ni äjtergä köčängänen. Sez bit Zäki abyjyŋ belän ber törle tiplar, sez ber bereŋezne aŋlašyrğa tiješle… Sin märxüm bujyŋ jetmäslek kešelärneŋ awyzyna suğarğa ürelä ideŋ… Äma Zäki abyjyŋ sindän uzdyrdy, ul böten Qazan xalqynyŋ awyzyna suqmaqčy buldy* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфән нишләтте!!») ‘Если даже остальные не поняли, ты, Кэрлэ, понял, что пытался сказать дядя Заки о гимназии. Вы ведь с дядей Заки люди одного типа, вы должны понимать друг друга… ты, покойный, тянулся дать по морде людям, до которых не доставал… однако дядя Заки переплюнул тебя, он захотел ударить всех казанцев’. Как видно, в данном отрывке на протяжении нескольких предложений наблюдается сравнение двух основных персонажей, фигурирующих в тексте фельетона. Для этого автору потребовалось активное употребление местоимений второго лица единственного и множественного числа (*sin* ‘ты’, *sez* ‘вы’). Кроме того, в рассмотренном отрывке также наблюдается использование средств языковой выразительности, а именно фразеологизмов (*awyzyna suğu* ‘дать по морде’).

Как и в предыдущем тексте, в рассматриваемом фельетоне чаще всего встречается общеупотребительная лексика (*uram* ‘улица’, *malaj* ‘парень’, *ajaq* ‘нога’, *awyl* ‘село’, *awyz* ‘рот’, *baš* ‘голова’, *keše* ‘человек’, *xalyq* ‘народ’ и т.д.). По сравнению с предыдущими текстами информационных и аналитических жанров, употребление арабо-персидских заимствований (*mäqalä* ‘статья’, *wafat* ‘кончина’, *sälamät* ‘здравие’, *jädkär* ‘память, воспоминание’, *tänzil* ‘понижение’, *xatib* ‘выступающий’) и слов, пришедших из русского и западноевропейских языков (*gazeta* ‘газета’, *tip* ‘тип’, *birža* ‘биржа’, *gimnazija* ‘гимназия’, *jubilej* ‘юбилей’) здесь сведено к минимуму. Кроме того, в данном тексте встречаются имена собственные: антропонимы

(*Äxmätzäki Wälidi* ‘Ахмет-Заки Валиди’, *Kärlä* ‘Кэрлэ’), топоним *Qazan* ‘Казань’ и гемероним *“Waqyt”* ‘«Waqyt»’.

Жанр фельетон, как произведение с сатирическим содержанием, обнаруживается среди текстов, опубликованных в газете «Кояш». Между тем, во всех трех рассмотренных нами газетах существует рубрика фельетон, где публиковались большие аналитические тексты, без элемента сатиры, которые мы рассмотрели в рамках жанра статья, относящегося к аналитическим жанрам. В целом, фельетон на страницах татарской газеты начала XX века, по сравнению с другими художественно-публицистическими жанрами, встречается не часто.

Среди текстов, опубликованных на страницах рассматриваемых нами газет, хотя и не часто обнаруживаются поэтические и прозаические произведения. Как и в случае с текстами объявлений и статистической информации, в журналистике тексты литературных произведений не рассматриваются в качестве жанров. Однако с точки зрения языкознания они, являясь текстами ярко выраженного публицистического характера, играют важную роль в формировании общей лексико-стилистической структуры языка газеты, и, следовательно, являясь частью языка газеты, также должны быть проанализированы с точки зрения особенностей структурного и речевого оформления. При этом, говоря о текстах художественных произведений, как части языка газеты, следует понимать, что языковые жанры и те жанры, которые изучает литературоведение, могут не совпадать друг с другом. Если в литературоведении рассказ и повесть являются двумя независимыми друг от друга жанрами, то, по нашему мнению, в языкознании, в рамках языка газеты, будет справедливо оба этих понятия рассматривать в рамках жанра *художественное повествование*, так же, как и тексты драматических произведений, романов, эссе и т.д. В структурно-семантическом плане, в зависимости от задач автора, тексты, относящиеся к данному жанру можно отнести как к описательному, так и к аргументирующему типу текстов.

Итак, каждый опубликованный в газете текст становится частью языка газеты, входит в ту или иную группу жанров и, следовательно, должен восприниматься как объект научного исследования. Так и тексты стихотворений и рассказов, наряду с другими текстами, размещенными на страницах рассматриваемых нами периодических изданий, являются частью макротекста – некой совокупности газетных текстов, характеризующихся цельностью, наличием законченного смысла и определенной функции, и создающих целостное коммуникативное образование. То или иное литературное произведение, являясь продуктом искусства, своей целью, в первую очередь, ставит эстетическое воспитание читателя. При этом, реальный факт в тексте может отсутствовать и вовсе, так же, как будет отсутствовать и цель, основанная на реальном факте. Здесь главенствует образное отображение явлений. Однако стоит учитывать, что каждый текст, опубликованный на страницах периодической печати, способен нести в себе как функцию информирования, так и функцию воздействия. Следовательно, редакция той или иной периодической печати, публикуя в своем издании текст литературного произведения, ставит две цели, вытекающие из функций публикуемых текстов – цель эстетического воспитания и воздействия. Рассказ и глава из романа, повесть с продолжением в нескольких номерах, стихотворение и отрывок из поэмы – все эти материалы, занимая ум читателя, одновременно воспитывают художественный вкус, учат видеть жизнь в образах [Гуревич, 2004]. По этой причине к текстам, опубликованным на страницах периодической печати и относящихся к жанру художественное повествование, редакцией газет и журналов предъявляются повышенные требования. Они, с одной стороны, должны быть написаны на актуальную, на момент издания, тему, а с другой стороны, должны иметь привлекательную для читателя художественную форму подачи материала.

Рассмотрим отрывок из текста стихотворения под названием «Безгә ни кирәк?» («Что нам нужно?»), опубликованный в газете «Борхане таракки». Данное стихотворение подается в рамках литературной рубрики «Әдәбият»,

его автором является Жиганша Жабаров (Җиһанша Җәббәров): *Äj qardäšlär tuğanlarym Bezgä bik küb šäjlär kiräk. / Härnä ulsa ulsun Ğyjlem millätemezgä sačmäk kiräk. / Fikerlärdän berse budyr Darelğolüm ačmaq kiräk. / Xäzrätlärneŋ arasyna Icady sačmäk kiräk. / Näfsanijät arzusyny Ber tarafqa atmaq kiräk. / Jaxšy fiker kemdä ulsa Any alğa almaq kiräk / Tämam fikren söjlägänče Qolaq salyb tormaq kiräk / Mäktäblärne häm kübäjteb Mögalimlär almaq kiräk…* («Б.т.», 1907, № 116, «Безгә ни кирәк?») ‘Эй, братья мои, родственники, Нам очень много чего нужно. / Будь что будет, но нам нужно Посеить образованность в народ. / Одна из главных мыслей наших – Открытие университета. / И распылить между хазратами Стремление к творчеству. / Чувство ненависти Нужно отбросить в сторону. / Излагающего правильную мысль Нужно ставить в первый ряд. / Прежде чем высказать мнение, нужно чуть-чуть послушать / Нужно увеличить число школ и взять на работу преподавателей’.

Как видно, текст является литературным произведением, но несет в себе больше, чем просто эстетическую функцию. Автор данных строк использует поэзию в качестве рычага воздействия на мировоззрение читателей. Он пытается убедить читателя в том, что самой необходимой ступенью в развитии своего народа, в конкретный описываемый момент, является отказ от всего старого, тянущего назад образа жизни и подчеркивает необходимость перемен, в первую очередь в области образования. Следовательно, напрашивается вывод о том, что данный конкретный текст, относящийся к жанру художественное повествование является текстом аргументирующего типа.

В языковом плане текст не воспринимается образцом эстетического стихосложения: в нем встречается не так много средств языковой выразительности, как это характерно для художественного произведения. Следовательно, мы приходим к выводу, что рассматриваемый текст, главным образом, выполняет функцию воздействия, нежели эстетического воспитания. Однако и имеющихся средства создают определенное

эмоциональное воздействие на читателя. Так, в начале текста автор применяет такую стилистическую фигуру, как обращение. Следует отметить, что стихотворное обращение, представляет собой уникальный языковой феномен, отличающийся яркой выразительностью, образностью и эмоциональностью. В рассматриваемом тексте автор обращается к своим соплеменникам: ***Äj qardäšlär tuğanlarym*** *Bezgä bik küb šäjlär kirä*k ‘Эй, братья мои, родственники, Нам очень много чего нужно’. В данном случае призыв к соплеменникам при помощи обращения, которое усиливается посредством использования аффикса принадлежности первого лица единственного числа (*tuğanlar**ym*** ‘мои родственники’), усиливает эмоционально воздействующую силу текста. В этом же предложении наблюдается использование лексической синонимии (*qardäš*, *tuğan* ‘родственник’), которая позволяет максимально реализовать в тексте эмотивное начало и стимулирует обостренное видение слова.

В рассматриваемом тексте, в конце каждой строфы употребляется слово *kirä*k ‘необходимо, нужно’. В общей сложности оно использовано автором 17 раз. Данный прием позволяет автору достичь большей эмоциональности текста, убедить читателя в искренности своих чувств и в правильности своего мировоззрения. Следует отметить, что повтор, как языковое средство, имеющее огромную выразительную силу, активно использовался в татарской журналистике с давних пор. Одним из мастеров, удачно привлекавших это средство в целях усиления аргументирующей силы своих произведений, был писатель и журналист Махмуд Максуд. Между тем, в современных газетных текстах повтор также часто используется при создании психологических аргументирующих структур [Гарифуллин, 1998, с. 183]. Кроме того, на лексическом уровне наблюдается применение в тексте фразеологических оборотов (*qolaq salu* ‘прислушаться’, *ğyjlem sačmäk* ‘сеить образование’ и т.д.), усиливающих выразительность, эмоциональность и динамичность текста.

В тексте наблюдается активное употребление лексики, относящейся к сфере науки и образования (*ğyjlem* ‘наука’, *darelğolüm* ‘высшее учебное заведение’, *mäktäb* ‘школа’, *möğalim* ‘учитель’ и т.д.), что в свою очередь увеличивает количество использованных арабо-персидских заимствований (*ğyjlem* ‘наука’, *darelğolüm* ‘высшее учебное заведение’, *icad* ‘творчество’, *nafsänijat* ‘ненависть’, *arzu* ‘желание’, *möğalim* ‘учитель’ и т.д.). Наряду с арабо-персидскими заимствованиями основным пластом лексики в рассматриваемом тексте являются тюрко-татарские слова (*bez* ‘мы’, *küb* ‘много’, *ber* ‘один’, *jaxšy* ‘хороший’, *kem* ‘кто’, *almaq* ‘брать’, *söjlämäk* ‘говорить’, *qolaq* ‘ухо’и т.д.). При этом, отчетливо наблюдается факт отсутствия в тексте слов, пришедших из русского и западноевропейских языков. Следует отметить, что полное отсутствие или присутствие минимального количества русских и западноевропейских заимствований, по сравнению с текстами других жанров, встречающихся в исследуемых нами газетах, является отличительной чертой жанра художественное повествование.

Далее рассмотрим отрывок из стихотворения «Өзелгән өмед» («Разбитая надежда»), опубликованного в газете «Вакыт» в рубрике «Шигырьләр» («Стихотворения»), автором которого является Габдулла Тукай: *Küz qarašymda üzgärde xäzer äšjalar töse, / Sizelä ütde jäš waqytlar, citde ğomrem jartysy. / Küz tekäb baqsam agar dä tormyšymnyŋ kügenä: / Jäš hilal urynynda anda, tulğan ajnyŋ jaqtysy! / Nindi därd berläп qaläm syzsam da käğyd östenä, / Očmyj äwälge cülär, saf, jäš mäxabät čatqysy. / Äj möqadäs, moŋly sazym! Ujnadyŋ sin nik bik az? / Sin synasyŋ, min ülämen – ajrylabyz axrysy!…* («В.», 1910, № 700, «Өзелгән өмет») ‘Я теперь цвета предметов по-иному видеть стал, / Где ты, жизни половина? Юности цветок увял. / Если я теперь на небо жизни горестной смотрю, / Больше месяца не вижу, светит полная луна. / И с каким бы я порывом ни водил пером теперь, / Искры страсти не сверкают, и душа не зажжена. / Саз мой нежный и печальный, слишком мало

ты звучал. / Гасну я, и ты стареешь… Как расстаться мне с тобой?…’ (перевод А. Ахматовой) [Тукай, 1978, с. 150].

Данное произведение, ставшее одним из наиболее популярных сочинений автора, описывает философские, нравственные и исторические размышления лирического героя. Рассматриваемый текст также можно отнести к текстам аргументирующего типа. Как видно, размышления лирического героя становятся основанием для выражения значения места и времени в рассматриваемом тексте. Так, жизнь каждого человека, подобно неделимой единой линии, движется от прошлого к будущему через настоящее. Прошлое в данном тексте является одной из временных плоскостей. В настоящем времени, которое для главного героя является временем усталости, упадка сил, потери вдохновения, лирический герой делает выводы о прошлом. Настоящее время здесь – вторая временная плоскость. При этом, важное значение в строении текста имеет третья – внутренняя временная плоскость, которая основана на внутренних воспоминаниях и переживаниях главного героя. Несомненно, такого рода произведения имеют большое эстетическое и эмоциональное воздействие на читателя, который ознакомившись с текстом, с переживаниями главного героя, в какой-то момент накладывает сюжет произведения на свою личную жизнь. Читатель анализирует содержание произведения, приходит к конкретным выводам и пытается изменить свою жизнь. Жизненные переживания и перипетии героя, описанные в произведении дают возможность читателю взглянуть на собственную жизнь со стороны, тем самым избежав потенциальные неудачи в будущем. Следовательно мы имеем основание утверждать, что данный текст выполняет две параллельные функции: эстетического воспитания и функцию воздействия.

В отличие от текста предыдущего стихотворения, опубликованного в газете «Борхане таракки», в данном произведении использовано большое количество средств речевой выразительности. Так, уже в начале текста автор вводит личное «Я», которое в языковом плане выражается в применении

аффиксов принадлежности имен существительных первого лица единственного числа (*ğomrem* ‘моя жизнь’, *tormyšymnyŋ* ‘моей жизни’ и т.д.), а также глагольных форм первого лица единственного числа (*baqsam* ‘если взгляну’). При этом, повествование в тексте ведется от имени лирического героя. Кроме того, в тексте наблюдается частое применение такого средства художественной выразительности, как символ, который служит для замещения другого предмета и выражает его скрытую от посторонних взглядов суть (*jäš hilal* употребляется в значении ‘молодой человек, юноша’, хотя переводится, как ‘молодой месяц’; *tulğan aj* – ‘зрелый человек’, хотя переводится как ‘полная луна’; *moŋly saz* – ‘поэзия’, хотя переводится как ‘мелодичный саз’; *milli ağač* – ‘национальные особенности, национальные вопросы’, хотя переводится как ‘национальное дерево’ и т.д.). По сути, символ является проводником в художественный мир автора. Также в тексте наблюдается применение метафоры (*qorğan, cansyz, jafraqsyz milli ağač* ‘высохшее, бездушное, лишившееся листьев национальное дерево’). Оценочный и эмоциональный уровень текста также регулируется посредством применения в нем большого количества прилагательных с ярким оттенком оценочности (*cülär* ‘глупый’, *saf* ‘чистый’, *jäš* ‘молодой’, *möqadäs* ‘святой’, *moŋly* ‘печальный’, *altyn* ‘золотой’, *salqyn* ‘холодный’, *jat* ‘чужой’, *cyly* ‘теплый’, *jomšaq* ‘мягкий’, *ačy* ‘горький’, *tatly* ‘сладкий’ и т.д.).

Кроме того, в тексте наблюдается активное применение восклицательных (*Sin synasyŋ, min ülämen – ajrylabyz axrysy!* ‘Гасну я, и ты стареешь… Как расстаться мне с тобой?…’) и вопросительных предложений (*Äj möqadäs, moŋly sazym! Ujnadyŋ sin nik bik az?* ‘Саз мой нежный и печальный, слишком мало ты звучал’), которые характерны для устной речи и повышают общий эмоционально-экспрессивный уровень текста. Как можно заметить, в последнем приведенном отрывке наблюдается применение автором одного из видов диалогических элементов – приема обращение (*Äj möqadäs, moŋly sazym!* ‘Саз мой нежный и печальный’), также являющимся характерным для разговорной речи.

Рассматриваемый текст также характеризуется отсутствием в лексическом составе заимствований из русского и западноевропейских языков. Основная часть слов является тюрко-татарской (*küz* ‘глаз’, *aj* ‘месяц’, *saz* ‘саз’, *sin* ‘ты’, *az* ‘мало’, *ujnadyŋ* ‘звучал’, *jäš* ‘молодой’, *min* ‘я’ и т.д.), однако, как это характерно для татарского литературного языка начала XX века, в частности, для языка литературных произведений, в тексте наблюдается активное употребление арабо-персидской лексики (*äšja* ‘вещи’, *waqyt* ‘время’, *hilal* ‘полумесяц’, *ğaläm* ‘вселенная’, *kağyd* ‘бумага’, *mäxäbät* ‘любовь’ и т.д.).

В газете «Кояш» тексты стихотворений встречаются заметно реже, чем в газетах «Борхане таракки» и «Вакыт». Это объясняется типовыми разновидностями газет. Газеты «Борхане таракки» и «Вакыт» являются, помимо прочего, литературными газетами, что указано на их титульной части. После анализа более чем ста номеров газеты «Кояш» мы обнаружили лишь два текста стихотворений, которые были опубликованы в № 377. Этот номер газеты «Кояш» примечателен тем, что он посвящен годовщине со дня смерти татарского народного поэта Габдуллы Тукая. Великому поэту в данном номере посвящены несколько текстов, среди которых присутствует текст стихотворения «Нинди көн бу?» («Что это за день?»), автором которого является Зариф Баширы: *Nindi kön bu? Nik qaraŋğy? Nik qojaš čyqmyj tora? / Nigä jaqtyrtmyj tatarny? Bašqa jaqda jaqtyra. / Nik bu kön barča tatar xalqy bašyn salğan tübän? / Nik bu kön barča tatar qorän ukyj, barsy köjgän… / Sünde lampa, ul da joqlyj, nägšenä tibmä läkin. / Joqlady ber jyl, tağyn joqlar, šulaj qušqan xakim. / Aldyjsyŋ sin, ülmägän ul, ul xäzer bezneŋ belä. / Tik täne šul cir ečendä, ämä rux ujnyj kölä…* («К.», 1914, № 377, «Нинди көн бу?») ‘Что это за день? Почему темно? Почему солнце не восходит? / Почему не освещает оно татар? Светит где-то далеко. / Почему сегодня все татары склонили головы? / Почему сегодня все читают Коран, все расстроены. / Погасла лампа, и он спит, но не пинайте вы гроб его. / Проспал он год, еще проспит, такова воля судьи. / Врешь ты, он не умер, он сейчас рядом с нами. / Лишь тело его в

земле той, а душа играет и смеется…’. Как можно наблюдать, стихотворение посвящено великому татарскому поэту Габдулле Тукаю.

Здесь в эмоциональной форме с использованием большого количества средств речевой выразительности описывается состояние татарского народа в день годовщины со дня смерти великого поэта. Текст можно отнести к аргументирующему типу. При помощи данного художественного произведения посредствам периодической печати автор напоминает широким массам о великом поэте и передает отношение к личности Тукая и его роли в судьбе татарского народа. В данном случае, мы также можем говорить о двух целях, заложенных в текст – эстетического воспитания и убеждения или воздействия.

В композиционном плане текст построен по принципу обратной аргументации. Здесь четко наблюдается наличие двух условных частей. Первая часть является аргументирующей и состоит из ряда вопросительных предложений, которые сильно повышают общий эмоционально-экспрессивный уровень текста (*Nindi kön bu?* ‘Что это за день?’, *Nik qaraŋğy?* ‘Почему темно?’, *Nik qojaš čyqmyj tora?* ‘Почему солнце не восходит’, *Nigä jaqtyrtmyj tatarny?* ‘Почему не освещает оно татар?’, *Nik bu kön barča tatar xalqy bašyn salğan tübän?* ‘Почему сегодня все татары склонили головы?’, *Nik bu kön barča tatar qorän ukyj, barsy köjgän* ‘Почему сегодня все читают Коран, все расстроены’ и т.д.).

Как видно, автор использует такие вопросительные предложения, которые, учитывая что текст посвящен теме потери татарским народом своего великого поэта Тукая, являются актуальными с точки зрения дальнейшей жизни всей нации. Эти вопросы интригуют, заставляют задуматься. Вопрос в авторском тексте всегда содержит момент неравнодушия или несогласия со сложившимися обстоятельствами. В определенной степени предложения, использованные в рассматриваемом тексте, следует воспринимать как риторические вопросы. Они несут в себе еще более эмоциональный и выразительный оттенок. Кроме того, в

приведенных примерах отчетливо наблюдается использование приема лексического повтора посредством использования вопросительного местоимения *nik* ‘почему’, что несет в себе дополнительную экспрессивную функцию и способствует убеждению читателя в искренности чувств автора.

Далее автор подает главный тезис, в котором становится известно, что описываемый в тексте день является годовщиной со дня смерти великого татарского поэта Габдуллы Тукая: *Qyčqyra kemder hatifdän: juq jätim ülgän bu kön!* («К.», 1914, № 377, «Нинди көн бу?») ‘Доносится тайный голос: «Нет, сегодня нас покинул сирота!»’. Главный тезис оформлен в форме восклицательного предложения, также оказывающим большое влияние на эмоционально-экспрессивный уровень текста. После главного тезиса следует ряд вспомогательных тезисов, усиливающих его: *Jyğlyjlar barča sabyjlar, ul jätim ülgän öčen* («К.», 1914, № 377, «Нинди көн бу?») ‘Плачут все дети, из-за смерти этого сироты’.

Кроме наличия вопросительных и восклицательных предложений, в тексте также наблюдается применение предложений в форме прямой речи, которая обладает большей убедительностью: *“Bul tynyč qabereŋdä, canym, joqla räxät, šadlanub, / Jaxšy ismeŋ mänge qaldy küŋlemezdä jadlanyb”* («К.», 1914, № 377, «Нинди көн бу?») ‘«Будь спокоен в могиле, дорогой, спи спокойно, радостно, / Твое светлое имя навсегда останется в наших сердцах»’. Кроме того, в приведенном примере обнаруживается прямое обращение автора к Тукаю (*“Bul tynyč qabereŋdä, **canym**, joqla räxät, šadlanyb...”* ‘«Будь спокоен в могиле, дорогой, спи спокойно, радостно…»’), которое усиливает эмоционально-воздействующую силу текста. В данном случае обращение посредством стилистически окрашенного слова *canym* ‘дорогой’, имеющим в татарском языке окраску близких, доверительных отношений, позволяет автору максимально сблизиться с великим поэтом и более эмоционально передать читателю свои чувства и переживания.

На лексическом уровне в тексте обнаруживается большое количество языковых средств, имеющих оценочную семантику, а именно имена

прилагательные (*qajğyly* ‘печальный’, *izge* ‘священный’, *pak* ‘чистый’, *jaxšy* ‘хороший’ и т.д.). Чаще всего использована общеупотребительная лексика (*kön* ‘день’, *qojaš* ‘солнце’, *xalyq* ‘народ’, *baš* ‘голова’, *jyl* ‘год’, *cir* ‘земля’, *lampa* ‘лампа’ и т.д.). При том, что основную часть лексического состава рассматриваемого текста образуют слова тюрко-татарского происхождения (*kön* ‘день’, *qojaš* ‘солнце’, *tatar* ‘татарин’, *bu* ‘этот’, *jyl* ‘год’, *kem* ‘кто’, *juq* ‘нет’ и т.д.), встречаются и арабо-персидские заимствования (*Qorän* ‘Коран’, *näqeš* ‘украшение’, *xakim* ‘правитель’, *hatif* ‘тайный’ т.д.).

Хотя и редко, на страницах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» можно обнаружить тексты прозаических произведений, которые мы также относим к жанру художественное повествование. Чаще всего такие тексты опубликованы в газетах «Вакыт» и «Кояш». Мы рассмотрим текст рассказа под названием «Гөлчәһрә», опубликованного в газете «Вакыт» с пометкой «Бәйрәм хикәясе» («Праздничный рассказ»). Ее автором является татарский писатель, драматург и переводчик Шариф Камал (1884 – 1942). Текст опубликован в связи с мусульманским религиозным праздником Гает.

Повествование данного рассказа осуществляется от первого лица – от имени главного героя по имени Гульчехра, которая в раннем возрасте потеряла отца и мать и была вынуждена ютиться в доме своего дяди, у которого были две дочки. Как известно, литературное произведение, как и любой другой вид искусства, есть частный случай субъективного отражения объективной действительности. Художественное произведение, таким образом, является личностным отражением, при котором происходит не только описание жизненной реальности, но и ее творческое преображение. Следовательно, и в рассматриваемом тексте подробно описывается конкретное отражение действительности – тяжелое детство девочки, появлению которой в новой семье, по ее мнению, были не очень рады. Поэтому в структурно-семантическом плане данный текст следует отнести к текстам описательного типа. Кульминацией рассказа является эпизод, случившийся в день мусульманского праздника Гает, когда холодное

отношение жены главы семейства меняется в положительную сторону и женщина начинает относится к Гульчехре как к родному ребенку. Автором поднимается тема любви и уважения к близким и тема почитания религиозных праздников. В этом плане, символично, что отношение к девочке меняется в лучшую сторону именно в священный для мусульман день. Основной функцией данного текста, помимо функции воздействия, также как и для всех текстов, относящихся к жанру художественное повествование, является воспитание у читателя эстетического сознания, художественно-эстетического вкуса, способности воспринимать и ценить прекрасное, возвышенное, трагическое, комическое в общественной жизни, природе, искусстве, а также воздействие на читателя.

В плане композиции текста, мы наблюдаем, что в самом начале автор подает вводную информацию: *Niček Ğajd köne buldy isä minem bala čağym xosusän bala čağymdağy ber bilgele waqyjğa isemä töšä* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә») ‘Если настает Гает, я тут же вспоминаю свое детство, в частности, какое-нибудь знаменательное событие из детства’. Как видно, повествование в тексте ведется от первого лица. Для этого в языковом плане автор включает в текст существительное с аффиксом притяжательного падежа (*bala čağym* ‘мое детство’), а также конструкцию из личного местоимения в форме притяжательного падежа с существительным, имеющим аффикс принадлежности первого лица (*minem bala čağym* ‘мое детство’).

Последующая часть текста, главным образом, посвящена описанию жизни главного героя, которое включает в себя определенный временной отрезок от кончины матери героя до ближайшего праздника Гает: *Min jide sikez jäšlärdä bulğanmyn – änkäjem ülde. Ätkäj aŋardan biš jyl elek ülgän. Anyŋ ülgänlegen xäterli almyjm. Änkäj ülgändä minem qajğym, xäsrätem älbitä balalarča, ifrat däräcä qurqudan qyjbarät ide. Güjäki böten dönja jemerelgän kebek buldy… Änkäj dä üleb min bötenläje üksez qalğač änkäjneŋ enese Safyj abzyj mine üz öjenä aldy…* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә») ‘Мне было семь-

восемь лет – умерла моя мама. Папа умер за пять лет до этого. Папу я не помню. Когда умерла моя мама, мое горе и печаль, как это характерно для детей, переросли в ощущение сильнейшего страха, словно на меня обрушился весь мир. После того как моя мама умерла и я стал полной сиротой, младший брат моей мамы Сафи абзый забрал меня к себе домой…’.

В конце текста автор приводит отрывок, где делает следующее заключение: *Xäzer inde ul qartajdy, här Ğajddä kijäwem belän anyŋ ğajdlären möbaräklärgä baramyz. Ğajd kön anyŋ qullaryn übeb xörmät qyluny xäjätemneŋ iŋ läzätle ber kisägendän sanyjm* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә») ‘Сейчас она уже постарела, на каждый Гает мы с зятем приходим к ней поздравить с праздником. Я воспринимаю поздравление в Гает, при котром выражаю свое уважение целуя ей руки, самым лакомым кусочкем своей жизни’.

Как видно, в тексте наблюдается наличие двух временных планов. Если основная часть текста построена на описании событий, имевших место в прошлом и, соответственно, переносит читателя в описываемый временной отрезок в прошлом, то вводная и заключительная части являются пунктом исходного повествования: главный герой описывает свое прошлое находясь в настоящем. Наличие двух временных планов находит свое отражение и на языковом уровне. Так, если в основной части текста для выражения категории времени глагола автор, как правило, употребляет форму прошедшего категорического времени на *-dy* (*ülde* ‘прочитали’, *buldy* ‘были’, *aldy* ‘взял’, *kiterde* ‘принес’, *tuqtyj almadym* ‘не мог остановиться’ *и т.д.*), форму на *-ğan ide*, которая образуется от причастия на *-ğan* с помощью вспомогательного глагола *ide* ‘был’ и выражает действие в определенный момент прошлого (*jarata torğan ide* ‘любила’, *kötkän idem* ‘ждала’ и т.д.) и форму на *-a ide*, которая образуется от деепричастия на *-a, -ä, -j* с помощью вспомогательного глагола *ide* и выражает незавершенность, незаконченность, длительность совершенного в прошлом действия (*alyb qala ide* ‘оставляла’, *abdyryj idem* ‘удивлялась’, *tora ide* ‘стояла’ и т.д.), то во вводной и заключительной частях использована форма настоящего времени на *-a* (*isemä*

töšä ‘вспоминается’, *baramyz* ‘идем’, *sanyjm* ‘считаю’). Кроме того, в заключительной части с целью разделения двух временных планов автор прибегает к использованию лексических средств, применяя при этом слово *xäzer* ‘сейчас, в данный момент’ (***Xäzer*** *inde ul qartajdy* ‘Сейчас она уже постарела’).

Преобладающее большинство встречающихся в тексте предложений являются повествовательными. Однако, обнаруживаются и восклицательные предложения, характерные для устной речи, повышающие общий эмоционально-экспрессивный уровень текста: *Sineŋ külmägeŋ jaŋy tügel!.. Menä nindi jaxšy qyz buldyŋ, Ğajd kön jyğlarğa jaramağanlyqny belmiseŋ axry!* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә») ‘Твое платье не новое!.. Вот какой хорошей девочкой стала, ты похоже не знаешь, что в Гает нельзя плакать!’. Следует отметить, что подавляющее большинство восклицательных предложений в тексте употреблены в рамках прямой речи, которая активно применяется автором ближе к концу основной описательной части и подается в форме диалога: - *Sineŋ külmägeŋ jaŋy tügel! Čäčeŋ dä taralmağan.. dide Näğimä.* - *Minem änkäjem juq bit… Kilmäde.. didem* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә») ‘- Твое платье не новое! И волосы не расчесаны, - сказала Нагима. - У меня ведь нет мамы… Не пришла, - сказала я’. Между тем, в рассматриваемом тексте в качестве особенностей, характерных для разговорной речи также выступают и другие виды диалогических элементов – обращения: - ***Änkäj****, ul äjtä: “Minem änkäjem juq”, di* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә») ‘- Мама, она говорит: «У меня нет мамы»’. Также стоит отметить, что в тексте наблюдается активное применение оценочной лексики, характерной для текстов описательного типа. Как правило, речь идет об использовании имен прилагательных (*ačuly* ‘злобный’, *kečkenä* ‘маленький’, *qyzyqly* ‘интересный’, *tuly* ‘полный’, *matur* ‘красивый’, *tösmersez* ‘невыразительный’, *qyzyqsyz* ‘скучный’ и т.д.).

На лексическом уровне наиболее активно использующейся в рассмотренном тексте тематической группой является общеупотребительная

лексика (*kön* ‘день’, *öj* ‘дом’, *qyz* ‘девочка’, *qurčaq* ‘кукла’, *jöz* ‘лицо’, *küz* ‘глаз’, *baš* ‘голова’, *bala* ‘ребенок’, *qar* ‘снег’, *išek* ‘дверь’ и т.д.). При этом, преобладающую часть словарного состава текста представляет тюрко-татарская лексика (*min* ‘я’, *jide* ‘семь’, *sikez* ‘восемь’, *jäš* ‘молодой’, *änkäj* ‘мама’, *ätkäj* ‘папа’, *jyl* ‘год’, *öj* ‘дом’, *ul* ‘он’, *qul* ‘рука’, *ciŋgi* ‘жена старшего родственника’и т.д.). В то же время, как это характерно для татарского литературного языка начала XX века, в тексте встречаются и арабо-персидские заимствования (*Gajd* ‘Гает’, *xosusän* ‘особенно’, *waqyjğa* ‘событие’, *xäsrät* ‘горе’, *ifrat* ‘чрезмерно’, *güjäki* ‘будто бы’, *möbaräk* ‘благословенный’, *xäjät* ‘жизнь’ и т.д.), тогда как употребление русских и западноевропейских заимствований не наблюдается. Также в тексте обнаруживаются антропонимы (*Safyj* ‘Сафый’, *Gölčährä* ‘Гульчехра’, *Näğyjmä* ‘Нагима’).

Таким образом, в рамках исследования особенностей структурного и речевого оформления текстов художественно-публицистического характера, нами были проанализированы тексты очерков, фельетонов, а также тексты прозаических и поэтических произведений. Данные тексты несут в себе две основные задачи – эстетическую и функцию воздействия. Рассмотренные жанры отличаются тем, что в них тесно переплетаются черты публицистики и художественности на всех уровнях текста, и следовательно, наблюдается отражение этой специфики в отборе и сочетании различных языковых и речевых средств.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Во второй главе настоящего диссертационного исследования предпринимается попытка анализа текстов газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», как представителей татарской арабографической периодической печати межреволюционного периода 1905-1917 гг., на структурно-композиционном и лексико-стилистическом уровнях, в зависимости от их жанровой принадлежности. В ходе анализа мы пришли к выводу о том, что

разделение текстов, опубликованных на страницах исследуемых нами газет на жанры, происходит на основе определенных принципов. У каждого конкретного жанра существуют свои характерные особенности, которые формируются в процессе подготовки материала автором. Основным условием, позволяющим сформировать тот или иной материал в виде текстовой публикации конкретного жанра является задача автора, который еще до начала подготовки текста имеет предварительную концепцию того, как и с какой целью реальный факт будет в нем отображен. При этом, разделение на жанры существует лишь в теории, на практике же их границы менее стабильны.

Как нами было отмечено, информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры являются теми ячейками, где реализуется публицистичсекий стиль литературного языка. Данные жанровые группы являются базовыми элементами жанровой системы периодической печати, в частности татароязычных арабографических газетных текстов начала XX века. При этом, как показывает статистический анализ жанровой системы газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», не все функционирующие сегодня публицистические жанры находят свое отражение среди текстов татарских газет рассматриваемого периода. Как правило, из информационных жанров чаще всего встречаются тексты заметок и отчетов, реже – репортажей и интервью. Среди текстов, относящихся к аналитическим жанрам, наиболее часто встречаются тексты статей, обзоров периодической печати, открытых писем, реже – тексты комментарий и рецензий. Среди художественно-публицистических жанров, встречающихся на страницах, рассматриваемых нами газет, следует назвать тексты путевых очерков и фельетонов.

В рамках данного диссертационного исследования мы воспринимаем язык газеты как совокупность всех опубликованных в ней текстов, характеризующихся цельностью, наличием единого завершенного смысла и определенной функции, и создающих единое коммуникативное явление.

Между тем, кроме текстов, относящихся к перечисленным выше жанрам, в исследуемых нами газетах также функционируют тексты, которые, не изучаются в рамках журналистики в качестве самостоятельных жанров. Это – объявления, статистические данные и тексты литературных произведений. По нашему мнению, с точки зрения языкознания, они, наряду с остальными газетными жанрами, играют определяющую роль при формировании лексико-стилистического и грамматического строя того или иного органа периодической печати, а значит, являются незаменимой составной частью языка газеты и также должны быть исследованы с точки зрения особенностей структурного и речевого оформления.

Для того, чтобы представить количественное соотношение жанров, использованных в текстах исследуемых нами газет, мы провели статистический анализ текстов, опубликованных в 50 номерах каждой из газет. В результате оказалось, что в газете «Борхане таракки» в 50 номерах было опубликовано 1029 текстов, среди которых имеется 878 текстов, относящихся к информационным жанрам, 144 текста относящихся к аналитическим жанрам, и 7 текстов, относящихся к художественно-публицистическим жанрам. В газете «Вакыт», в общей сложности, было опубликовано 1365 текста, из которых 1208 текстов относится к информационным жанрам, 147 текстов – к аналитическим жанрам, и 10 – к художественно-публицистическим. На страницах газеты «Кояш» опубликовано 1041 текст, 889 из которых относятся к информационным жанрам, 144 – к аналитическим, и 8 – к художественно-публицистическим.

Как можно наблюдать из вышеприведенных статистических данных, преобладающее большинство текстов, опубликованных на страницах рассматриваемых нами газет, относятся к информационным жанрам, тогда как тексты, относящиеся к художественно-публицистическим жанрам встречаются заметно реже. Стоит отметить, что наличие столь большого количества текстов, относящихся к информационным жанрам, объясняется тем, что преобладающую их часть составляют тексты объявлений. Например,

в 50 номерах газеты «Борхане таракки» опубликовано 269 текстов объявлений, в газете «Вакыт» – 609 текстов, в газете «Кояш» – 449.

Проведенный нами анализ также показал, что одни и те же лексико-стилистические средства в равной степени могут принимать участие в формировании текста, независимо от того, к какому жанру он относится. В результате, мы пришли к выводу, что частотность использования тех или иных языковых средств и форм зависит от темы конкретного текста. Текстам информационных жанров, опубликованным в рассматриваемых нами газетах, как правило, характерно использование общественно-политической лексики, что обусловлено политической тематикой текстов. Это, в свою очередь, приводит к более активному, по сравнению с другими жанровыми группами, использованию заимствованной лексики из русского, западноевропейских языков, реже – из арабского и персидского языков. При этом, темы, связанные с политикой или какими-либо социальными вопросами, затрагиваемые в информационных жанрах, не способствуют высокому эмоционально-экспрессивному фону текстов, что делает лексико-стилистическую составляющую текстов строгим и безликим. Аналитические жанры характеризуются более широким тематическим диапазоном. В результате, в проанализированных нами текстах наблюдается использование как общественно-политической лексики, характерной для языка периодической печати в целом, так и лексики, относящейся к сфере науки и образования, общеупотребительной, религиозной, повседневной, военной лексики и т.д., в зависимости от темы выбранной автором. При этом, в текстах, в разном соотношении, встречается как тюрко-татарская лексика, так и арабо-персидские, русские и западноевропейские заимствования. Кроме того, в отличие от текстов, относящихся к информационным жанрам, отсутствие жестких рамок политической тематики способствует активному применению широкого спектра средств языковой выразительности. Тексты, относящиеся к художественно-публицистическим жанрам, прежде всего отличаются наличием как публицистического, так и художественного начала,

которому характерно активное применение средств языковой выразительности. Авторами таких текстов, как правило, являются представители национальной литературы, что сказывается и на формировании как грамматических, так и лексико-стилистических особенностей текстов данного жанра. Тексты, относящиеся к жанру художественное повествование, которые мы рассматриваем в рамках художественно-публицистических текстов, отличаются от преобладающего большинства текстов других жанров отсутствием, либо разительным минимальным присутствием в своем лексическом составе слов русского и западноевропейского происхождения. Данный факт объясняется тем, что язык текстов литературных произведений является отражением языкового богатства и достояния национальной культуры народа. Кроме того, в данных текстах активно используются все лексико-стилистические средства выразительности языка, что создает общий повышенный эмоционально-экспрессивный уровень. Тексты объявлений и статистических данных, которые исследованы нами в рамках информационных жанров, как правило, в зависимости от темы, характеризуются наличием лексики, относящейся к разным тематическим группам. Так, часть текстов объявлений характеризуется наличием большого количества русских и западноевропейских заимствований, как правило, относящихся к тематической группе общественно-политической и официально-деловой лексики. При этом, тексты коммерческих объявлений имеют более высокий эмоционально-экспрессивный уровень, чем тексты информационных объявлений, что связано с главной задачей коммерческих объявлений – информирование читателя об оказываемой услуге или товаре и воздействие на него с целью реализации того или иного товара или услуги. Тексты статистических данных, в свою очередь, характеризуются наличием лексики, связанной с продуктами питания и другими товарами, что приводит к увеличению количества русских и западноевропейских заимствований.

Глава III. Морфологическая характеристика текстов татарских газет начала XX века

Как известно, современный татарский литературный язык относится к кыпчакской группе тюркских языков. В его основе лежит фонетическая система и лексический состав среднего диалекта. В то же время морфологическая структура литературного языка характеризуется наличием грамматических элементов, являющихся базовыми для западного диалекта [Совр. тат. лит. яз., 1969, с. 6], что наиболее наглядно прослеживается при изучении языка письменных памятников в диахронии.

Между тем, в современном татарском литературном языке также зафиксировано функционирование и элементов, характерных для огузских языков. Главным образом данный факт объясняется историческими контактами предков представителей западного диалекта с огузскими и уйгурскими племенами. В целом, активное употребление огузских элементов обнаруживается на протяжении всего этапа функционирования старотатарского литературного языка. Они присутствуют и в поэме Кул Гали «Кыйсса-и Йосыф» (XIII в.), и в произведениях, относящихся к периоду Золотой Орды (XIV–XV вв.) – «Хосрау и Ширин» Кутба, «Сказания о пророках» Рабгузи, «Гулистан» Сейфа Сараи, а также в произведениях Мухамедьяра (XVI в.), Мавля Колый (XVII в.), У. Имяни (XVIII в.), А. Каргалый (XIX в.), Г. Кандалый (XIX в.) [Негматуллов, 1983, с. 156].

Для татарского литературного языка начала XX вв. также характерно параллельное использование морфологических форм, относящихся к языкам как кыпчакской, так и огузской группы тюркских языков. При этом, основу составляют кыпчакские лексико-грамматические элементы. Говоря о грамматических формах, характерных для огузских языков, следует ссылаться не только на традиционные общетюркские элементы, но следует также обозначить и влияние османско-турецкого языка. Так, начиная с XVII века наблюдается активное проникновение огузских элементов в

старотатарский литературный язык, которое было обусловлено активизацией дипломатических и культурно-экономических отношений Повольжя с Турцией и Ираном [Хисамова, 1999, с. 35]. Далее в XIX веке с активизацией среди татар идеи просветительства, которая проникала в Поволжье, главным образом, из Османской империи за счет обучения татарской молодежи в ее учебных заведениях и распространения османско-турецкой литературы, османско-турецкое влияние усиливается еще больше.

В начале XX века на фоне небывалого подъема национального самосознания народов России, возникшего вследствии известных общественно-политических изменений, охвативших страну, влияние Османского государства и его языка на самосознание, образ жизни и непосредственно язык татар было как никогда сильным. Учитывая, что со второй половины XVIII века стротатарский литературный язык начинает испытывать влияние и чагатайской литературной традиции [Хисамова, 1999, с. 36], в результате которой он обогощается арабскими и персидскими заимствованиями, к середине XIX века классический старотатарский литературный язык предстает в виде смешанного языка, вобравшего в себя элементы арабского, персидского, чагатайского и османско-турецкого языков [Хаков, 1972, с. 13].

Характеризуя старописьменный литературный язык, Г. Ибрагимов говорил следующее: «Под влиянием чагатайской и османской литературы выросла и существовала древняя татарская литература, которая заимствовала не только содержание, но и жанры, стиль и термины. В результате у нас образовался такой пестрый тюркский язык, который был наполовину чагатайским и османским» [Ист. тат. лит. яз., 2003, с. 16]. Как и любой процесс, имеющий место в природе, процесс языкового развития также не протекает в одночасье, для видоизменения того или иного языка иногда требуется несколько сотен лет. Татарская периодическая печать зарождается на фоне бурно развивающихся общественно-политических и языковых процессов. В начале XX века активность традиционных общетюркских и

арабо-персидских лексико-грамматических элементов в старотатарском литературном языке постепенно ослабевает. Язык газеты, являясь гибкой основой, отражающей все языковые процессы рассматриваемого периода, был способен наиболее точно отразить в себе все функционирующие языковые элементы как на лексическом, так и на грамматическом уровнях.

В данной главе на примере татарских газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», издававшихся в межреволюционный период 1905–1917 гг., предпринимается попытка комплексного морфологического исследования языка татарского газетного текста. При этом, ввиду чрезмерной обширности исследуемого материала, в главе будут рассмотрены не все части речи, а лишь те из них, которые наиболее ярко характеризуют особенности морфологического строения текстов татарской периодической печати рассматриваемого периода, а именно функционирование имени существительного, специфика употребления неличных форм глагола и изъявительного наклонения личных глагольных форм.

Подобное исследование позволит нам выявить ядерные и вспомогательные морфологические элементы языка татарской периодической печати начала XX века. Изучение морфологических особенностей конкретных периодических изданий даст нам возможность определить различия в языке разных органов татарской периодики рассматриваемого периода, что, в свою очередь, поможет установить наличие языковой вариативности и восстановить наиболее объективное состояние языка татарской периодической печати начала XX века. Кроме того, при анализе языка исследуемых текстов на морфологическом уровне, мы предпринимаем попытку проследить активность тех или иных грамматических форм в зависимости от того, к какой жанровой группе относятся исследуемые тексты, где наблюдается их функционирование.

3.1. Специфика именных частей речи

Как известно, именными являются самостоятельные и изменяемые части речи, которые с точки зрения синтаксической роли служат членами предложения. В современном татарском литературном языке именными частями речи являются имя существительное, имя прилагательное, имя числительное и местоимение. Все перечисленные части речи активно функционировали и в старотатарском литературном языке рассматриваемого периода, в частности они обнаруживаются в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш». При этом, как показал фактический материал, функционирование имен существительных дает наибольшую возможность наглядно продемонстрировать ту вариативность, которая имела место в старотатарском литературном языке начала XX века.

Имя существительное

Имя существительное – это самостоятельная часть речи, выражающая общекатегориальное значение предметности. Существительные могут обозначать конкретные предметы окружающей действительности, лица и живых существ, их совокупности, действия и состояния в отвлечении от их производителей, признаки и количества в отвлечении от их носителей и т. д. [Сопоставительная грамматика…, 2017, с. 9].

Имя существительное, как и глагол, будучи составной частью частеречной системы языка татарской газеты начала XX века, в лексическом плане и по разнообразию своих грамматических категорий является наиболее развитой частью речи. В вопросе изучения имени существительного в разное время существовало множество подходов. Так, в грамматиках первой половины XIX века, а также рубежа XIX–XX вв., написанных, соответственно, на русском и татарском языках, имя существительное, как и имена прилагательные и числительные, рассматриваются в качестве составной части системы разрядов имен [Татар грамматикасы, 2016, б. 27]. В этих грамматиках при научной разработке частей речи упор делался на семантический принцип. Только в грамматиках середины XX века при

изучении частей речи татарского языка ученые берут за основу лексико-грамматический принцип, когда имя существительное изучается в плане грамматических категорий.

На грамматическом уровне имена существительные, встречающиеся в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», как и в современном татарском литературном языке, характеризуются категориями падежа, принадлежности, числа и сказуемости, которые выражаются различными грамматическими формами. В зависимости от жанровой принадлежности конкретного текста может варьироваться и активность употребления тех или иных морфологических форм в рамках грамматических категорий имен существительных.

Категория числа

Категория числа указывает на единичность или на неопределенное множество предметов, следовательно, имеет форму единственного и множественного числа. В языке татарской газеты начала XX века имена существительные различаются по числам, что влияет на их значение и форму.

Единственное число, как и в современном татарском литературном языке, не имеет морфологического показателя – существительное выступает в нулевой форме и обычно указывает на единичность предмета. При передаче единственного числа, как правило, изменений в морфологическом отношении не наблюдается: *Nižni Vadinskida jerle qaznačejstvanyŋ* ***mödire*** *qazna* ***aqčasyny*** *israf itdegendän üzene üze* ***suğa*** *batyryb ütergän* («Б.т.», 1906, № 33, «Казначы үзен үзе үтергән», заметка) ‘В Нижнем Вадинске руководитель местного казначейства из-за растраты казенных денег утопил сам себя’; *Bu* ***mädräsä*** *üzeneŋ dinle, mili ruxly… imam möğalimlär xäzerläü* ***mäslägene*** *möqadäs totadyr* («В.», 1914, № 1538, «Троицкида “Мәдрәсә Рәсулия” идарәсеннән», письмо) ‘Данное медресе твердо придерживается своей деятельности по подготовке открытых к религии и нации... имамов и учителей’; *Bu* ***iğlanny*** *jazyb elgäč Biktimerneŋ xäle beraz jaxšyrdy...* («К.», 1913,

№ 259, «Биктимер ачуланды», фельетон) ‘После публикации этого объявления, положение Биктимера чуть улучшилось…’;

Как видно из примеров, во всех исследуемых нами газетах, единственное число имен существительных выражается исключительно без использования каких-либо специальных формантов. Единственное число имен существительных в языке татарской газеты начала XX века, как и в современном татарском литературном языке, обозначает единичность предметов (*mödir* ‘руководитель’, *iğlan* ‘объявление’, *mädräsä* ‘медресе’ и т.д.) и неделимость явлений или вещей (*su* ‘вода’, *dönja* ‘мир’, *tormyš* ‘жизнь’ и т.д.).

Между тем, среди текстов, опубликованных в газетах «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» встречается и аналитический способ выражения единственного числа имен существительных, который также характерен и для современного татарского литературного языка [Тат. грам., 1997, с. 41]. В данном случае в паре с именем существительным в единственном числе активно используется числительное *ber* ‘один’, а основа существительного также не имеет каких-либо формальных грамматических изменений: *Šunyŋ öčen härkem alyb* ***ber märtäbä*** *uqyrğa tiješder* («В.», 1908, № 333, «Болгар хәрабәләре һәм борынгы болгарлар», рецензия) ‘Поэтому каждый должен один раз взять и прочесть’; *Awyl ni qadär fäqyjr bulsa da* ***ber mäktäb*** *asrarğa,* ***ber möğalim*** *totarğa xälläreндän kilä* («В.», 1909, № 536, «Идарәдән», комментарий) ‘Какой бы не была бедной деревня, ей по силам иметь одну школу и одного учителя’; *Bezneŋ awylda da šundyj* ***ber malaj*** *bar ide. Bez any “Kärlä” dib jöri torğan idek* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфән нишләтте!!», фельетон) ‘В нашей деревне тоже был такой парень. Мы звали его «Кэрлэ»’.

Множественное число имен существительных в языке рассматриваемых нами газет выражается несколькими способами. Если при выражении единственного числа каких-либо формальных изменений в структуре слова не происходит, то при выражении множественного числа при помощи морфологического способа основа слова принимает аффикс -

lar/-lär, который, вместе с его фонетическими вариантами, является наиболее распространенной формой множественного числа в древних и современных тюркских языках [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 18]: *Ber danä xäjätneŋ mäjdanğa čyğuwy öčen* ***mašinalarğa, xäreflärgä*** *häm bašqa närsälärgä 30 meŋ rublä aqča kiräk* («Б.т.», 1906, № 30, «Газеталарадан», обзор периодической печати) ‘Для того, чтобы был издан один экземпляр газеты «Хәят», на машины, буквы и другие предметы требуется 30 тысяч рублей’; *20 nče januarda Fiadosija qalasyna berenče partija* ***xacilar*** *ilä Ruski obšestvanyŋ Tsaritsa paraxody kilde* («В.», 1909, № 426, «Хаҗиларның кайтуы», заметка) ‘20 января в Феодосию с первой партией поломников прибыл пароход «Царица», принадлежащий Русскому Обществу’; *Šähär bankasynyŋ* ***idarä äğzalary*** *šähär upravasyna ğariza bireb üzlärenä wazyjfa artdyryluyn sorağanlar* («К.», 1910, № 883, «Казан хәбәрләре», заметка) ‘Члены правления городского банка, написав заявление в городскую управу, попросили о расширении своих полномочий’.

В старотатарском литературном языке рассматриваемого периода, как и в современном татарском литературном языке, при выражении множественного числа имен существительных также используется аффикс *-лар/-ләр*. Однако в отличие от языка исследуемых нами газет, в современном татарском литературном языке к основам, оканчивающимся на носовой согласный звук добавляется вариант аффикса *-нар/-нәр* [Татар грамматикасы, 2016, б. 34]. Данный вариант аффикса не характерен для текстов газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», где основы оканчивающиеся на носовой согласный также принимают аффикс *-lar/-lär*: *1500 dän artyq wäkil bar.* ***Möselmanlar*** *40-50 kešedän ğyjbarät ide…* («В.», 1917, № 2271, «Мәскәү киңәш мәҗлесендә», корреспонденция) ‘Присутствовало более 1500 делегатов. Из них мусульмане составляли 40-50 человек...’; *Kön bujy jağmur jauğan* ***könlär*** *dä küb bula.* ***Igenlär*** *dä kötelmägän räwešdä jaxšyrdylar…* («К.», 1913, № 148, «Минзәлә өязендә игеннәр хәле», корреспонденция) ‘Бывает много дней, когда дождь идет целый день. Нежданно воспряли и хлеба...’.

Употребление двухвариантного аффикса для выражения значения множественности предметов, характерного для огузских языков, в том числе и для османско-турецкого языка рассматриваемого периода [Кононов, 1956, с. 67], который имел определенное влияние на функционирование старотатарского литературного языка, является свидетельством сохранения традиционных языковых форм в языке татарской газеты начала XX века. Между тем, использование двухвариантного аффикса для выражения множественности имен существительных обнаруживается в текстах тюркско-татарских письменных памятников на протяжении всего периода развития стротатарского литературного языка, начиная с периода Волжской Булгарии и заканчивая первой четвертью XX века, когда в татарском литературном языке для выражения множественности имен существительных начинает употреблятся четырехвариантный аффикс множественности *-лар/-ләр, -нар/-нәр* [Татар әдәби теле..., 2017, б. 45, 114, 196, 249, 191].

Используемый в языке газет аффикс *-lar/-lär* в семантическом отношении может иметь разные значения. В случаях, когда имена существительные обозначают родовое понятие, множественное число обозначает членимое множество неопределенного количества предметов или явлений: *...bu soraularğa cawab birä almağanlyqyma ačuym kileb, üzemneŋ dürt ajaqly* ***canwarlardan*** *ajyrmam fäqat keše kijeme kijeneb jörüdän genä gyjbarät idegene aŋlab haman iske tormyšqa došmanlana ğyna bara idem…* («Б.т.», 1906, № 51, «Үткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык», очерк) ‘...от того, что я не мог ответить на эти вопросы я злился на себя, начинал думать, что отличаюсь от четырехногих животных лишь тем, что ношу человеческую одежду, я все больше становился врагом своей прошлой жизни…’.

В текстах газет встречаются имена существительные, обычно использующиеся в единственном числе, которые принимая аффикс множественного числа, обозначают собирательность, тем самым усиливая свои свойства: *Bazarğa* ***ašlyqlar*** *jaxšy kilä. Ike öč meŋ jök bulğalağan könlär*

bula («В.», 1909, № 433, «Оренбургта ашлык базары. 17 нче февральдә», статистические данные) ‘Поток зерна на базар хороший. Бывают дни, когда привозят по 2-3 тысячи’.

Также при помощи аффикса множественного числа имена существительные могут обозначать приблизительность количества предметов, лиц, фактов или явлений: *Min jide sikez* ***jäšlärdä*** *bulğanmyn – änkäjem ülde. Ätkäj aŋardan biš jyl elek ülgän. Anyŋ ülgänlegen xäterli almyjm* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Мне было семь-восемь лет – умерла моя мама. Папа умер за пять лет до этого. Папу я не помню’.

Как и в современном татарском литературном языке, аналитический способ выражения множественного числа имен существительных, функционирующих в языке газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», происходит при помощи количественных числительных или наречий *küb* ‘много’, *bik küb* ‘очень много’, *berničä* ‘несколько’, *berniqadär* ‘некоторое количество’. При этом основа слова не принимает аффикса множественного числа: *Fraksija jasau mäsäläsenä* ***küb xedmät*** *häm waqyt saryf itärgä tuğry kilde…* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә утырышу», интервью) ‘Работа по формированию фракции потребовала много сил и времени…’; *Min bondaj möğalimlärgä häm anlarnyŋ tabanlaryny calaučy möridlärenä…* ***berničä süz*** *söjlämäk cäsarät ittem* («Б.т.», 1906, № 33, «Мөгаллимләргә хитаб», статья) ‘Я решил сказать несколько слов… в адрес таких учителей и их подлизывающихся учеников’.

Одним из вариантов выражения значения множественности имен существительных, функционирующих в текстах исследуемых нами газет и образованных аналитическим путем, также, как и в случае с единственным числом, является употребление в паре с существительным имени числительного *ber* ‘один’ и таких слов, как, *törkem* ‘группа’, *firqa* ‘команда, группа’, *möddät* ‘период, промежуток времени’ и т.д.: *Cyjylyšdan čyqğan* ***ber firqa xalyq*** *Kerenskijny wä Avksentjevny täbrik itdelär.* («В.», 1917, № 2271,

«Мәскәү киңәш мәҗлесендә», коррепсонденция) ‘Группа людей, вышедшая с собрания, поздравляла Керенского и Авксентьева’; *Risaläneŋ asly* ***ber mödät waqyt*** *Qazan šähärendä tormyš Edwart isemle ingliz äsärendän alynyb rusča jazylmyš wä andan da törkičägä tärcemä idelmešder* («В.», 1908, № 333, «Болгар хәрабәләре һәм борынгы болгарлар», рецензия) ‘Текст данного трактата был взят из произведения англичанина по имени Эдвард, некоторое время назад жившего в Казани, оформлен на русском языке и переведен на татарский язык’.

Между тем, в языке текстов исследуемых нами газет наблюдается и морфолого-аналитический способ выражения значtния множественности имен существительных, не характерный для современного татарского литературного языка. При данном способе, помимо использования наречий *küb, bik küb, berničä, berniqadär*, также наблюдается присоединение к основе слова аффикса множественности *-lar/-lär*: *Xäzerendä šikläneb* ***küb kešelärne*** *arestavajt itkänlär* («Б.т.», 1907, № 79, «Бомба ташлау», заметка) ‘В настоящий момент, опасаясь, арестовали многих людей’; ***Berničä vasytalar*** *arqyly ütkändän soŋ nihajät 13 nče nojabrdä xärbijä ministrynyŋ möšavire Fuad Paša xozuryna kerdem. Min kergändä any köteb toručy afitserlar ğajät küb ide…* («В.», 1912, № 1077, «Истанбул мәктүпләре. III», очерк) ‘После того, как я побывал у нескольких посредников, 13 ноября я, наконец-то, оказался в расположении у Фуада Паши – советника министра обороны. Когда я зашел, то увидел большое количество офицеров, ожидающих его…’.

В отличие от современного татарского литературного языка, морфолого-аналитический способ выражения множественности, характерный для текстов исследуемых нами газет, регулярно используется, например, в турецком литературном языке, где указывает одновременно на множественность и на тот факт, что все элементы, составляющие данное множество наделены определенными индивидуальными признаками [Кононов, 1941, с. 41]. Следовательно, в данном случае уместно говорить и о

наличии в языке татарской газеты начала XX века определенного влияния османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода.

Категория принадлежности

Как известно, в тюркских языках, в том числе и в татарском языке, значение принадлежности предмета к какому-либо лицу выражается при помощи специальных аффиксов. Следует отметить, что факты наличия аффиксов принадлежности в тюркских языках обнаруживаются еще в древности. Так, первый случай их использования можно обнаружить во фразе на хуннском языке, сохранившейся в китайской летописи IV века [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 23].

Ведущим грамматическим значением данной категории является выражение принадлежности чего-либо или кого-либо к лицу, обозначенное специальными грамматическими формами. Такой способ выражения категории принадлежности также характерен для текстов газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш». Так же как и в современном татарском литературном языке, в текстах газет, данная категория представлена формами трех лиц в единственном и множественном числах.

В приведенной ниже таблице указываются аффиксы, использующиеся в исследуемых нами газетах для обозначения категории принадлежности имен существительных относительно лица и числа:

Формы принадлежности	Единственное число	Множественное число
I л.	*-m, -ym/-em*	*-myz/-mez, -ymyz/-emez* *-byz/-bez, -ybyz/-ebez*
II л.	*-ŋ, -yŋ/-eŋ*	*-ŋyz/-ŋez, -yŋyz/-eŋez*
III л.	*-sy/-se, -y/-e*	*-lary/-läre*

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» категория принадлежности, как и в современном татарском литературном языке [Тат. грам., 1997, с. 32–33] и во многих тюркских языках [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 23], имеет три способа выражения: синтетический, аналитический и

аналитико-синтетический, причем наиболее часто используемым является синтетический способ. При синтетическом способе с помощью специальных аффиксов, исторически восходящих к личным местоимениям, указывается и на предмет обладания, и на лицо обладателя. Следовательно, для передачи значения принадлежности не требуется наличие притяжательных местоимений.

Первое лицо единственного числа синтетического способа в текстах газеты выражается при помощи аффиксов *-m, -ym/-em*, использование которых зависит от того, к какой основе они добавляются. Если основа слова оканчивается на гласный звук, то при выражении принадлежности оно принимает аффикс *-m,* если на согласный звук или звуки [u] и [ü] – в зависимости от мягкости или твердости основы слова, используются аффиксы *-ym/-em*. В том случае, если основа имен существительных имеет показатель множественности в виде аффикса *-lar/-lär*, то для выражения принадлежности, в зависимости от мягкости или твердости основы, используется аффикс *-ym/-em*: *Äj qärdäšlär* ***tuğanlarym*** *bezğä bit küb šäjlär kirämen…* («Б.т.», 1907, «Безгә ни кирәк», № 116, художественное повествование) ‘Эх, друзья мои, мои родные, нам же столько всего нужно...’; *Möxtäräm möxärir! Ošbu* ***ütenečeme*** *gazetaŋyznyŋ ber jerenä darc qylmaqyŋyzy insanijat namyna ütenämen* («В.», 1912, № 921, «Идарәгә мәктүпләр», письмо) ‘Уважаемый редактор! Во имя человечества прошу вас опубликовать мою данную просьбу в каком-нибудь месте вашей газеты’; *Möxtäräm möxärir äfände! Ošbu* ***mäktübemne*** *“Qojaš” gazetasynda basuyŋyzny ütenäm* («К.», 1913, № 148, «Идарәгә мәктүпләр», письмо) ‘Уважаемый господин редактор! Прошу вас опубликовать мое письмо в газете «Кояш»’.

Следует отметить, что выражение грамматического значения принадлежности предмета или лица к первому лицу при помощи вышеуказанных вариантов аффикса *-m* характерно для современного татарского литературного языка. В то же время эти аффиксы являются

основным показателем лица литературных произведений конца XIX и начала XX вв. [Бәширова, 2008, б. 26].

Первое лицо множественного числа, в отличие от современного татарского литературного языка, выражается при помощи аффиксов *-myz/-mez, -ymyz/-emez*, что является традицией литературного языка разных эпох. В текстах газеты, в зависимости от мягкости или твердости основы, аффиксы *-myz/-mez* прибавляются к основам, заканчивающимся на гласные звуки, а *-ymyz/-emez* – на согласные звуки или звуки [u] и [ü]. После аффиксов множественности *-lar/-lär* всегда используется вариант *-ymyz/-emez*: ***Gazetalarymyzy*** *satučy xörmätle* ***wäkilläremezdän*** *ütenämez här čisla bašynda satylmyš gazetalarnyŋ aqčalaryny göndärmäklärene* («Б.т.», 1906, № 54, «Ихтар», объявление) ‘Просим уважаемых продавцов наших газет в начале каждого месяца отправлять деньги от проданных газет’; *Möxtäräm Xösäjen Tälğat bäk šušy mönäsäbät belän “Jaŋy iqdam”* ***räfiqymyzda*** *“Qadynlarda sänğat” isemendä ozyn ber mäqalä jazdy* («В», 1915, № 1793, «Газеталардан», обзор периодической печати) ‘В связи с этим, уважаемый Хусаин Талгат бек опубликовал большую статью под названием «Исуксство у женщин» в дружественной нам газете «Яңы икъдам»’; ***Gazetamyznyŋ*** *kičäge nomerynda Törkijä šäjeh älislamynyŋ Xarcijä näzaräte arqyly xökümätemezgä möräcäğat itüen… jazğan idek* («К.», 1914, № 427, «Зәбех мәсьәләсе», статья) ‘Во вчерашнем номере нашей газеты мы писали об обращении шейх-уль-ислама Турции к нашему правительству через Министерство иностранных дел’.

Как отмечает исследователь татарского литературного языка И.Б. Баширова, вышеуказанные варианты аффикса принадлежности первого лица множественного числа активно употребляются в произведениях классиков татарской литературы К. Насыйри, М. Акмуллы, З. Бигиева, Г. Исхакый, Ф. Амирхана, Г. Тукая и др. [Бәширова, 2008, б. 27–32]. Начиная со второй четверти XX века, когда в литературный язык начинает проникать разговорный вариант этого грамматического показателя *-byz/-bez, -ybyz/-ebez*, характерный для современного татарского литературного языка, некоторые

авторы начинают употреблять вышеприведенные варианты уже как стилистический прием. В настоящее время аффиксы *-myz/-mez, -ymyz/-emez* являются характерной особенностью огузской группы тюркских языков, таких как туркменский, турецкий, азербайджанский и т.д. [Исслед. по срав. грам., 1956, с. 28, 41], а также зафиксированы в грамматической системе ряда говоров диалектов татарского языка, в частности, астраханского говора среднего диалекта [Тат. хал. сөйл., 1 кит., 397 б.].

Между тем, в газете «Кояш», в отличие от газет «Борхане таракки» и «Вакыт», хотя и редко, обнаруживается выражение категории принадлежности первого лица множественного числа при помощи грамматического показателя *-byz/-bez, -ybyz/-ebez,* характерного для современного татарского литературного языка: *Ämä bez nindi partijanyŋ wäkile, qayda beznеŋ* ***programmabyz****?* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу») ‘Но мы представители какой партии, где наша программа?’

Следует отметить, что текст приведенного примера является отрывком из интервью. Как известно, данный аналитический жанр характеризуется наличием в текстах лексико-стилистических и грамматических категорий, характерных для разговорной речи. При этом, как мы подчеркивали выше, в начале XX века употребление аффикса принадлежности *-byz/-bez, -ybyz/-ebez* в письменных текстах носит ограниченный характер и воспринимается как элемент устной речи, создающий в письменном тексте функционально-стилистическую вариативность.

Второе лицо единственного числа обозначается при помощи аффиксов *-ŋ, -yŋ/-eŋ,* в зависимости от мягкости и твердости основы, от того на гласный или согласный звук она оканчивается или от того имеется ли в слове аффикс множественного числа: *Ni öčen qorylğan* ***cämğyjätläreŋ*** *ber dä eš kürsätmi bälki köndän kön zäğyjflänä?* («Б.т.», 1907, № 75, «Татар углына хитаб», статья) ‘Почему организованные тобой общества не дают

результатов, а наоборот, день за днем все разваливаются?’; *Xäsrät ilä ağardy bit qara sačyŋ, / sineŋ qajda irkäläüče qara* ***qašyŋ****?* («В.», 1918, № 333, «Хәсрәт вакытында», художественное повествование) ‘Из-за печали поседели твои черные волосы, / Где твои ласкающие черные брови?’; *Jaxšy* ***ismeŋ*** *mange qaldy küŋlemezdä jadlanyb* («К.», 1914, № 377, «Нинди көн бу?», художественное повествование) ‘Твое доблестное имя навечно в нашиз сердцах’.

Стоит отметить, что в современном татарском лиетартурном языке для выражения значения принадлежности второго лица единственного числа также используются аффиксы *-ң, -ың/-ең* [Тат. грам., 1997, с. 32].

Как известно, **второе лицо множественного числа** в современном татарском литературном языке выражается при помощи аффиксов *-гыз/-гез, -ыгыз/-егез* [Тат. грам., 1997, с. 32]. Однако, как это было характерно для преобладающего большинства художественных и публицистических произведений конца XIX – начала XX вв. [Бәширова, 2008, б. 26-28], второе лицо множественного числа в текстах исследуемых нами газет выражается при помощи огузских аффиксов *-ŋyz/-ŋez, -yŋyz/-eŋez*, что является традицией старотатарского литературного языка: *Ütenämen – miŋa iltifat itmäskä, läkin bar* ***iltifatyŋyzny*** *Keller äfändejä saryf idärseŋez* («Б.т.», 1906, № 30, художественное повествование) ‘Умоляю – не обращайте на меня внимания, но все ваше внимание направьте на товарища Келлера!’; ***Öjläreŋezgä*** *aldyru öčen bik muafäq. Üzemez ilteb dä birämez* («В.», 1912, № 1045, «“Казан” гостиницасында кымыз», объявление) ‘Очень удобно для заказа на дом. Сами же и привозим’; ***Marqalaryŋyz*** *tabšyryldy. Gazetalar ebäreler. Xäbäreŋez basylyrlyq bulmady…* («К.», 1917, № 1064, «Идарәдән җаваплар», комментарий) ‘Марки сданы. Газеты будут отправлены. Новости не годны к публикации...’.

В диахроническом плане такая же вариативность при выражении категории принадлежности имен существительных второго лица множественного числа является нормой и для некоторых тюркских языков

огузской группы. Так, исторически и в турецком языке в четырехвариантной схеме вместо *-nyz* и т.д. также использовался вариант *-ŋyz* и т.д. [Исслед. по срав. грам., 1956, с. 28].

Третье лицо единственного числа, как и в современном татарском литературном языке, выражается при помощи аффиксов *-sy/-se, -y/-e*: *Borhan täräkyj* ***idaräxanäsendä*** *Istanbuldağy Täfäjez* ***kitapxanäseneŋ*** *ber* ***šöğbäse*** *ularaq kitablar satylmaqdadyr* («Б.т.», 1906, № 57, «Тәфәйез китапханәсе», объявление) ‘В управлении «Борхане таракки», которое является отделом стамбульской библиотеки Тафаййез, в продаже имеются книги’; *Cömhürijät* ***raise*** *ant itde mämläkätdä demokratlyq* ***ruxyn*** *saqlarğa…* («В.», 1906, № 57, «Кытай вакыйгалары», обозрение) ‘В управлении «Борхане таракки», которое является отделом стамбульской библиотеки Тафаййез, в продаже имеются книги’; *Andrijanovy* ***magazinynda*** *un dürtenče oktäbrdän bašlab zur dešofka bašlandy* («К.», 1913, № 259, «Зур распродажа», объявление) ‘В магазине «Андрияновы» начиная с четырнадцатого октября началась большая распродажа’.

Третье лицо множественного числа в текстах газет обозначается при помощи аффикса *-lary/-läre*: *Ikmäk kümäč pešertüče Ibrahim xaci Kuramšin malajlarny bik artyq cäberlägänlegendän* ***xezmätčeläre*** *artyq čydyj almajynča zabastavajt itkänlär* («Б.т.», 1907, № 81, «Хаҗитархан хәбәрләре», заметка) ‘Из-за того, что владелец пекарни Ибрагим хаджи Курамшин чересчур притеснял своих ребят, они, не стерпев, объявили забастовку’; *Parіž – silax müzakäräsenä bara torğan Qaratağ* ***wäkilläre*** *monda tuqtab Xarcija ministry Puankare ilä kürešdelär* («В.», 1912, № 1078, «Хәрби хәбәрләр», заметка) ‘Париж – направляющиеся на переговоры по вооружению представители Черногории, остановившись здесь, встретились с министром иностранных дел Пуанкаре’; *Soŋyndan* ***analary*** *ike arağa kereb suğyšyrğa, nihajät atyšyrğa bašlağanlar* («К.», 1914, № 303, «Дахили хәбәрләр», заметка) ‘Позднее их матери вступили в драку, и наконец, начали стрелять’.

Как видно из примеров, в текстах исследуемых нами газет функционирует обозначение категории принадлежности имен существительных в третьем лице при помощи сочетания существительного в основном, а иногда – притяжательном падеже и существительного с аффиксом принадлежности третьего лица. При этом образуется изафетное словосочетание третьего типа: *Xäzergäčä* ***xökümät wäkilläre*** *«möselmanlar iŋ sädaqatle ber millät» dijärgä jarata idelär bit!* («Б.т.», 1911, № 139, «Г. Думаның 26 февраль җыелышында Садри әфәнде Максудов нотыгы», отчет) ‘Ведь до настоящего времени представители власти любили повторять, что «мусульмане – самая дружелюбная нация»!’; *Ufa gubernatory Bogdanovič,* ***daxilijä nazyjre*** *Pleve wä Biek knäz Sergej häm bašqa zur kešelär jäšeren politsijagä mäğlüm iteleb üterelgänlär* («В.», 1909, № 433, «Азеф мәсьәләсе», статья) ‘Губернатор Уфы Богданович, министр внутренних дел Плеве и Великий князь Сергей, а также другие высокопоставленные личности были убиты при содействии с тайной полицией’; *Šähäremezgä 8 nče martda mäšhür qart pedagoglarymyzdan* ***Ismäğyjl bäk Gasprinskij cänabläre*** *kilgän ide* («К.», 1913, № 73, «Мәскәүдә Гаспринский җәнабләре», корреспонденция) ‘8 марта наш город посетил один из наших пожилых педагогов Исмаил-бек Гаспринский’.

Одновременно с синтетическим способом для передачи значения принадлежности имен существительных в текстах статей газеты используется аналитико-синтетический способ. При данном способе употребляется конструкция из личного местоимения в форме притяжательного падежа с существительным, имеющим аффикс принадлежности соответствующего лица. Например: ***Sezläreŋ*** *šimdilek o kičük* ***čocuqlaryŋyz*** *kiläčäk ber zamanda göstärdegeŋez tärbijäläreŋez sajäsendä… ğalim ulsynlar* («Б.т.», 1906, № 30, «Ханымлара хитаб», статья) ‘Пусть ваши пока еще маленькие дети с помощью вашего воспитания в будущем… станут учеными’; *Qarčyğym miŋa härwaqyt:* ***sineŋ küŋeleŋ*** *jaxšy, di* («В.», 1910, № 645, «Ике яхшы», художественное повествование) ‘Моя старушка всегда

говорит мне: у тебя чистое сердце’; ***Anyŋ bašyna*** *bäla kilgän waqytlarda šul bäla belän bez dä köčemezdän kilgän däräcädä köräšergä buryčlymyz* («К.», 1914, № 485, «Бергәме, айрымы?», статья) ‘Во времена, когда на его долю приходит беда, мы тоже обязаны бороться с этой бедой, по мере своих сил’.

Реже всего в текстах газет для передачи значения принадлежности имен существительных употребляется аналитический способ, который имеет ограниченное применение и наблюдается лишь в первых двух лицах. В данном случае объект обладания входит в синтаксическую связь с личными местоимениями в притяжательном падеже, но сам не принимает аффикса принадлежности: *Bašqa millätlärgä qarağanda* ***bezem islam milläte*** *küb artda qalğanlyğy mäğlümder* («Б.т.», 1906, № 28, «Яңа мөхәррирдән», статья) ‘Известно, что по сравнению с другими народами, наш мусульманский народ намного более отсталый’; ***Beznең uqučylarğa*** *da šundaj mosaxäbälär küb näqyl qylyna* («В.», 1909, № 513, «Мосахәбә (юлдан)», интервью) ‘Для наших читателей также много переводятся беседы такого рода’; *Qyčqyra kemder: juq, bu* ***minem ülgän kön*** («К.», 1914, № 377, «Нинди көн бу?», художественное повествование) ‘Кричит кто-то: нет, это мой день смерти’.

Как видно из примеров, если при синтетическом способе передачи значения принадлежности имен существительных османско-турецкое влияние на язык исследуемых нами газет выражается в аффиксах (*-myz/-mez, -ymyz/-emez, -ŋyz/-ŋez, -yŋyz/-eŋez)*, то при аналитико-синтетическом и аналитическом способах данное влияние проявляется в использовании притяжательных местоимений, характерных для огузских языков (*bezem* ‘наш’, *sezläreŋ* ‘ваш’, *bänem* ‘мой’ и т.д.), которые в большей степени характерны для газеты «Борхане таракки».

Категория падежа

Категория падежа, выражая отношение имени к другим словам в предложении, считается одним из наиболее значимых морфологических признаков имен существительных. Следует понимать, что система склонения в тюркских языках складывалась на протяжении многих столетий. Основой

такого становления послужили различные тенденции, восходящие к разным хронологическим отрезкам: к раннему периоду пратюркского языка, к позднему периоду пратюркского языка и к периоду обособления самостоятельных групп тюркских языков и диалектов [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 28].

Как известно, в тюркских языках каждый падеж обладает богатым полисемантическим содержанием, однако форма с наиболее общим грамматическим значением является титульной для конкретного падежа и подчиняет себе остальные возможные значения. В тюркских языках, существует единый для множественного и единственного числа тип склонения, в то же время число падежей, а также их функционально-семантическое наполнение в разных языках могут быть разными. Так, общетюркская парадигма склонения разными авторами определяется в составе шести либо восьми падежей [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 35]. Относительно количества падежей в татарском литературном языке, учеными также выдвигались разные теории, согласно которым их количество составляло от шести и более, тогда как в современном татарском литературном языке традиционно выделяется шестипадежная система, состоящая из основного, притяжательного, направительного, винительного, исходного и местно-временного падежей [Татар грамматикасы, 2016, б. 47].

В данной работе исследование категории падежа имен существительных, как одной из составляющих грамматического строя языка татарской газеты начала XX века нами ведется основываясь именно на традиционной шестипадежной системе, в которой, соответственно, выделяются шесть падежных форм. Между тем, одной из наиболее значимых характерных особенностей имен существительных, встречающихся в языке газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», является использование смешанного типа склонения, где присутствуют аффиксы, характерные как для кыпчакских (татарский, башкирский, караимский, карачаево-балкарский, кумыкский, казахский, каракалпакский, ногайский, киргизский языки и т.д.),

так и для огузских (турецкий, азербайджанский, гагаузский, туркменский языки, южный диалект крымско-татарского и т.д.) языков. Падежные аффиксы, характерные для кыпчакских языков, начинаются с согласного звука, а в огузских языках аффиксы могут состоять только из гласного звука или начинаться на гласный. К примеру, в современном турецком литературном языке при склонении имен существительных в притяжательном падеже используются аффиксы *-ın/-in/-un/-ün*, *-nın/-nin/-nun/-nün*, при выражении значения направительного падежа применяются аффиксы *-a/-e*, *-ya/-ye*, а в винительном падеже добавляются аффиксы *-ı/-i/-u/-ü*, *-yı/-yi/-yu/-yü* [Кононов, 1941, с. 57-58]. В тех же случаях в современном татарском литературном языке, соответственно, при склонении имен существительных в притяжательном падеже используются аффиксы *-ның/-нең*, в направительном падеже без значения принадлежности – аффиксы *-га/-гә*, *-ка/-кә*, в винительном падеже добавляются аффиксы *-ны/-не* [Татар грамматикасы, 2016, б. 47].

В приведенной ниже таблице указаны падежные аффиксы имен существительных, функционирующие в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш».

Падежи	Аффиксы
Основной	—
Притяжательный	*-nyŋ/-neŋ, -yŋ/-eŋ*
Направительный	*-ğa/-gä, -qa/-kä, -a/-ä, -ja/-jä*
Винительный	*-ny/-ne, -y/-e, -jy/-je*
Исходный	*-dan/-dän*
Местно-временной	*-da/-dä*

Падежные аффиксы несколько видоизменяются при склонении существительных с аффиксами принадлежности:

Падежи	Аффиксы: первое лицо, второе лицо	Аффиксы: третье лицо

Основной	—	—
Притяжательный	*-nyŋ/-neŋ, -yŋ/-eŋ*	*-nyŋ/-neŋ*
Направительный	*-ğa/-gä, -qa/-kä, -a/-ä,*	*-na/-nä*
Винительный	*-ny/-ne, -y/-e*	*-n, -ny/-ne*
Исходный	*-dan/-dän*	*-ndan/-ndän*
Местно-временной	*-da/-dä*	*-nda/-ndä*

Основной падеж. Как и в современных тюркских языках, в частности в татарском литературном языке, в текстах статей данный падеж не имеет специального формального показателя и представляет собой ту именную основу, от которой образуются все падежные формы. Как правило, в текстах исследуемых нами газет основной падеж обозначает субъект действия или прямой объект: ***Gubernator*** *qala bašlyğyndan gorodskoj upravanyŋ 1900 nče jylnyŋ xisabyny Dumada qaralu öčen tizräk birergä sorağan* («Б.т.», 1906, № 29, «Хаҗитархан хәбәрләре», заметка) ‘Губернатор попросил мэра города поспешить со сдачей отчета городского управления за 1900 год для рассмотрения в Думе’; *Bu* ***hafta*** *Avstrija ilä Serbija arasynda suğyš bašlanuny köteb uzdy... xodağa šöker soŋ kilgän telegramlar beraz tynyčlyq birälär* («В.», 1909, № 433, «Сугыш ихтималы», обозрение) ‘Уходящая неделя прошла в ожидании начала войны между Австрией и Сербией... Спасибо Всевышнему, последние полученные телеграммы вселяют немного спокойствия’; *Pan islamizm jäğni ğomum möselmanlar berlege itifaqy bik matur* ***fiker*** («К.», 1917, № 1122, «Нәҗиб әфәнде Хәлфин доклады», отчет) ‘Панисламиз, то есть союз всех мусульман – очень красивая мысль’.

Редко в текстах исследуемых нами газет встречаются примеры, где основной падеж употребляется в сочетании с существительным без притяжательно аффикса, в результате чего образуется изафетная конструкция I типа. В данном случае имена существительные в основном падеже обозначают количественные или качественные характеристики предмета или явления, профессию или материал, из которого сделан предмет: *...ämä beznеŋ bjurokratijä haman da* ***xaqiyqät xälgä*** *iltifat itmäjenčä… xalyqnyŋ inde any küräse kilmägänlegene aŋlab jetkerä almyj* («Б.т.», 1906, № 28, «Хаҗитархан сентябрь

24», статья) ‘...но наша бюрократия все еще не обращая внимания на реальное положение дел... не может осознать народную ненависть’; *Gosudarstvennyj banq 400 milion sumlyq* ***kağyd aqča*** *čyğaryrğa bulğan* («В.», 1914, № 1598, «Сугыш вә акча», статья) ‘Государственный банк принял решение изготовить бумажные деньги в размере 400 миллионов рублей’; *Adäm balalarynyŋ bere artyndan bere dönjağa kileb kitüläre* ***ağym sunyŋ*** *hič tuqtausyz aqdyğy kebider* («В.», 1915, № 1804, «Вакыф һәм васыят намәләребез», статья) ‘Бесконечная цепь приходящих в этот мир и уходящих в мир иной – словно течение реки’.

Притяжательный падеж выражает принадлежность предмета или явления другому предмету или явлению, а также разные степени связей и отношений. В отличие от основного падежа идея принадлежности здесь является конкретной и ясной. В преобладающем большинстве случаев в текстах газет «Вакыт» и «Кояш» притяжательный падеж оформляется с помощью аффикса *-nyŋ/-neŋ*, который также характерен и для современного татарского литературного языка [Татар грамматикасы, 2016, б. 50]: *Deputat Syrtlanovny üterüče* ***Syrtlanovnyŋ*** *qajyn ağasy mirza Daud Šäjexğalijev idege tämam aŋlašyldy* («В.», 1913, № 1216, «Депутат Сыртлановның үтерелүе хакында (Мәхкәмә залыннан)», репортаж) ‘Стало окончательно ясно, что убийцей депутата Сыртланова является его шурин мирза Даут Шейхалиев’; *Alfabä tärtibe bujynča* ***komitetnyŋ*** *äğzalary bolar...* («К.», 1906, № 37, «Казан сәүдәгәр вә һөнәрмәндләр назәренә», объявление) ‘Список членов комитета в алфавитном порядке следующий...’.

Данный вариант оформления притяжательного падежа можно обнаружить и в текстах газеты «Борхане таракки»: *Bezneŋ* ***Ästerxan tatarlarynyŋ*** *bu säğatlärdä bigräk dä alğa kitkäne bezneŋ Ästerxan šähärendä ber genä kön qunaq bulğan mosafirlarğa… bik mäğlümder* («Б.т.», 1906, № 37, «Бумы исламият? Бумы инсаният?», статья) ‘Сегодняшний прогресс наших астраханских татар... бросается в глаза и тем, кто гостит в нашей Астрахани первый день’.

Как видно из вышеприведенных примеров, притяжательный падеж часто используется в сочетании с категорией принадлежности, где имя существительное в притяжательном падеже является определением имени существительного с аффиксом принадлежности, в результате чего образуется изафетная конструкция III типа (*Syrtlanovnyŋ qajyn ağasy* ‘шурин Сыртланова’, *komitetnyŋ äğzalary* ‘члены комитета’ и т.д.).

Наряду с характерным для современного татарского литературного языка аффикса *-nyŋ/-neŋ,* в некоторых текстах газеты «Кояш» при оформлении притяжательного падежа имен существительных используется аффикс *-yŋ/-eŋ*, свойственный для огузо-турецкого варианта старотатарского литературного языка конца XIX – начала XX вв.: *Bu mäcles jalŋyz mäktäb wä* ***mädräsäläreŋ*** *islaxy mäsäläse müzakäräse wä jäki program tärtib idelmäse öčen wäli cänabläreneŋ röxsätilä japylmyš ber mäclesder* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәҗлесе», отчет) ‘Данное собрание – это собрание, проведенное с разрешения господина вали только для обсуждения вопросов реформирования школ и медресе либо упорядочения их программ’.

Между тем, регулярное употребление имен существительных с аффиксом *-yŋ/-eŋ* для обозначения притяжательных и определительных отноешний является одной из характерных особенностей, отличающих язык газеты «Борхане таракки» от языка газет «Вакыт» и «Кояш»: ***Iranyŋ*** *ämer malijäsene islax öčen Ameriqadan maxsus mämur kitereläčäge äwäldä jazylmyš ide* («Б.т.», 1911, № 145, «Иран хәвадисе», заметка) ‘Ранее было написано, что для реформы министерства финансов Ирана из Америки прибудут специалисты’; *Rumiledä* ***ğosmanlylaryŋ*** *hič ber waqyt räxätlek kürmädekläre häp Bolğarstan arqasyndadyr* («Б.т.», 1911, № 145, «Румиле – Болгарстан», статья) ‘Османцы никогда не видели спокойствия в Румелии только из-за Болгарии’.

В настоящее время вышеуказанный тип оформления притяжательного падежа характерен для тюркских языков огузской группы, таких как азербайджанский, туркменский, турецкий, гагаузский [Исслед. по срав. грам.,

1956, с. 48]. Кроме того, аффикс *-уŋ/-еŋ* обнаруживается в тюрко-татарских текстах письменных памятников периода Волсжкой Булгарии [Татар әдәби теле..., 2017, б. 53] и в некоторых художественных произведениях, оформленных на старотатарском литературном языке конца XIX – начала XX вв. [Бәширова, 2008, б. 58–63].

Направительный падеж обозначает направление предмета к кому-либо или чему-либо. Данный падеж в текстах газет, как правило, оформляется с помощью аффиксов *-ğa/-gä, -qa/-kä,* которые также характерны и для современного татарского литературного языка [Татар грамматикасы, 2016, б. 50]: *Pravitelstva qartajsa da üzeneŋ törle räxät tormyšyndan ajrylasy kilmäjenčä az bulsa da toryb qalyjm dijeb* ***xalyqqa*** *üzgärülär wäğdä iteb veksel birde* («Б.т.», 1906, № 33, «Хаҗитархан октябрь 11», статья) ‘Несмотря на то, что правительство уже постарело, оно, не желая лишаться сытой жизни, с целью хоть немного продлить ее, раздало вексель, обещая народу перемены’; *Törkijäneŋ Qaratağdağy ilčese Röstäm bäk Qaratağ xökümätenä ultimatumny üzlegendän birgän bulğanlyqdan urynyndan čyğarylačaq häm bašqa* ***jergä*** *tägajen dä idelmäsder* («В.», 1912, № 1015, «Оренбург август 2», корреспонденция) ‘Посол Турции в Черногории Рустам бек будет отстранен от должности и не будет назначен на другое место по причине того, что по личной инициативе поставил ультиматум правительству Черногории’; *Šunlyqdan* ***xökümätkä*** *zapros birü tügel, ä tiješle* ***čaralarğa*** *kereškänlege öčen aŋa baš ijärgä kiräk* («К.», 1913, № 53, «Дәүләт думасы», отчет) ‘Поэтому, ему нужно кланяться не потому, что он отправил запрос в правительство, а из-за того, что он спохватился за соответствующие меры’.

Направительный падеж у имен существительных с аффиксом принадлежности первого и второго лица единственного числа оформляется при помощи аффикса *-а/-ä*: *Keller äfände minem* ***kyjäfätemä*** *kersen häm vagonnyŋ berenče klasyna utyrsyn…* («Б.т.», 1906, № 30, художественное повествование) ‘Пусть товарищ Келлер войдет в мое положение и сядет в первый класс вагона!’; *Niček Ğajd köne buldy isä minem bala čağym xosusän*

bala čağymdağy ber bilgele waqyjğa ***isemä*** *töšä* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Если настает Гает, я тут же вспоминаю свое детство, в частности, какое-нибудь знаменательное событие из детства’.

В случае, если в текстах газет имена существительные с аффиксом принадлежности третьего лица употребляются в направительном падеже, применяется аффикс *-na/-nä*: *Zinhar šäkerd ibdäšlärem šul xäzrätlärneŋ urynsyz* ***bäddoğalaryna*** *qolaq virmäŋez…* («Б.т.», 1906, № 31, «Ислах хакында», статья) ‘Друзья мои шакирды, пожалуйста, не обращайте внимания на неуместные проклятия этих хазратов...’; *Änkäj dä üleb min bötenläje üksez qalğač änkäjneŋ enese Safi abzyj mine üz* ***öjenä*** *aldy…* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘После того как моя мама умерла и я стал полной сиротой, младший брат моей мамы Сафи абзый забрал меня к себе домой…’; *Ul, Tuqajda üzeneŋ* ***küŋelenä*** *jaqyn, jäxüd küŋelendäge ük tojğylar taba* («К.», 1914, № 377, «Җырчы малай», статья) ‘Он находит в Тукае чувства, близкие своему сердцу, либо даже свои чувства’.

В некоторых текстах газеты «Борхане таракки» зафиксировано функционирование имен существительных в направительном падеже, оформленных при помощи аффикса *-a/-ä*: *Šul keše bu* ***könä*** *qadär… ber kapejka ulsa da iğanä aqčasy göndärdege juqdyr* («Б.т.», 1911, № 145, «Дикъкать кирәк», статья) ‘До сегодняшнего дня этот человек… не вложил в пожертвования ни единой копейки’.

В тех случаях, когда слово оканчивается на гласный звук, при оформлении направительного падежа вместо аффиксов *-a/-ä* в текстах газеты «Борхане таракки» используется аффикс *-ja/-jä*: *Ütenämen – miŋa iltifat itmäskä, läkin bar iltifatyŋyzny Keller* ***äfändejä*** *saryf idärseŋez* («Б.т.», 1906, № 30, художественное повествование) ‘Умоляю – не обращайте на меня внимания, но все ваше внимание направьте на товарища Келлера!’; *...düšänbe köne köndez säğat 8 dän bašlab* ***šuraja*** *cyjylasyz* («Б.т.», 1906, № 54, «Мөһим игълан», объявление) ‘...в понедельник начиная с 8 утра собираетесь в

совете’; *Berenče nomerasy* ***idarägä*** *kilde* («Б.т.», 1907, № 79, фельетон) ‘Первый номер поступил в управление’.

Употребление данного варианта аффикса направительного падежа в газетах «Вакыт» и «Кояш» носит ограниченный характер. Также он не характерен и для современного татарского литературного языка, где используется лишь с существительными с аффиксом принадлежности первого и второго лица единственного числа [Тат. грам., 1997, с. 50]. Следует отметить, что аффикс *-a/-ä* характерен для ряда тюркских языков огузской группы, а именно для современного азербайджанского, туркменского, турецкого и гагаузского языков [Исслед. по срав. грам., 1956, с. 51], а также зафиксирован в грамматической системе говоров татарского языка, в частности, астраханского говора среднего диалекта [Тат. хал. сөйл., 1 кит., 397 б.]. Между тем, употребление аффикса *-a/-ä* при оформлении направительного падежа имен существительных характерно и для произведений некоторых классиков татарской литературы рубежа XIX–XX вв., среди которых М. Акъегет, Ф. Карими, Р. Фахретдинов [Бәширова, 2008, б. 64–69].

Винительный падеж определяется как падеж прямого объекта. В отличие от основного падежа, он выражает прямой объект с оттенком определенности. В современных тюркских языках в вопросе употребления винительного и основного падежей существует четкая регламентация. Так, в зависимости от того, является ли прямое дополнение грамматически определенным или грамматически неопределенным, употребляется, соответственно, винительный и основной падежи [Тат. грам., 1997, с. 51].

Как правило, при оформлении винительного падежа у имен существительных в текстах газет «Вакыт» и «Кояш» используются аффиксы *-ny/-ne*, которые характерны и для современного татарского литературного языка [Татар грамматикасы, 2016, б. 52]: *Xäzerge* ***xökümätne*** *köčle wä bik fidaqär iteb kürsätergä tyryšalar* («В.», 1917, № 2271, «Мәскәү киңәш мәҗлесендә», корреспонденция) ‘Нынешнее правительство пытаются

показать сильным и очень самоотверженным’; *Šul säbäble andağy* ***süzlärne*** *jazarğa bezneŋ xaqymyzda bar* («К.», 1917, № 1086, «Төркестан эшләре», статья) ‘По этой причине, мы в праве публиковать эти слова’.

Употребление данного аффикса характерно и для текстов газеты «Борхане таракки»: *Eš taba almaučylarnyŋ xisaby köndän kön arta häm šul xaqta telegraflarda bersendän berse ačy bulğan* ***xäbärlärne*** *kitereb toralar* («Б.т.», 1906, № 39, «Ачлык – эш таба алмаучылык», статья) ‘Число безработных растет каждый день, об этом на телеграфы поступают все новые и новые неутешительные подробности’.

Однако характерной особенностью текстов газеты «Борхане таракки» является параллельное употребление аффиксов винительного падежа, характерных для тюркских языков как кыпчакской, так и огузской группы. Так, в текстах данной газеты регулярно обнаруживаются имена существительные в винительном падеже, оформленные при помощи аффиксов *-y/-e*, характерных для огузских языков, а именно для некоторых языков юго-западной группы (туркменский, азербайджанский, кумыкский, гагаузский и турецкий языки) и частично для якутского [Исслед. по срав. грам., 1956, с. 52]: ***Däftäre*** *qajtarmady* («Б.т.», 1911, № 145, «Дикъкат вә сакынмак кирәк», обзор периодической печати) ‘Нашу тетрадь не вернул’; *Äğzalar sajlau säğat 11 dän bašlanačaqdyr* ***biletlary*** *onytmyjasyŋyz* («Б.т.», 1906, № 54, «Мөһим игълан», объявление) ‘Выборы начнутся в 11 часов, не забудьте свои билеты’.

Имена существительные в винительном падеже, оформленные при помощи аффиксов *-y/-e* также обнаруживаются в некоторых тюрко-татарских письменных памятниках разного периода [Татар әдәби теле..., 2017, б. 56, 125, 204, 255, 380]. В настоящее время данная форма винительного падежа сохранилась в диалектах татарского языка [Тат. грам., 1997, с. 51; Тат. хал. сөйл., 2 кит., 17, 32, 135 б.].

В преобладающем большинстве, в текстах газет «Вакыт» и «Кояш», также как и в современном татарском литературном языке, к

существительным с аффиксом принадлежности третьего лица для оформления винительного падежа добавляется аффикс *-n*: *Flot üsderü – Rusijäneŋ* ***flotyn*** *üsderü öčen 5 jyl ečendä 502 milion rasxod totarğa röxsät sorab G. Dumağa proekt kertelgän ide* («В.», 1912, № 970, «Дахили хәбәрләр», заметка) ‘Расширение флота – В Государственную Думу был внесен проект с просьбой разрешить расходование 502 миллионов в течении 5 лет на расширение флота России’; *Bu Dumada möselman* ***fraksijasyn*** *täškil itü bajtaq awyr buldy* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә утырышу», интервью) ‘Формирование мусульманской фракции в нынешней Думе оказалось довольно сложным делом’.

Однако в редких случаях в текстах этих газетах обнаруживаются имена существительные в винительном падеже и осложненные аффиксом принадлежности третьего лица, оформленные при помощи аффикса *-ny/-ne*, характерного для огузированного варианта татарского литературного языка начала XX века: *Šul säbäble jaŋy Törkijäneŋ iŋ berenče wazyjfasy äcnäbilär mödaxaläseneŋ* ***julyny*** *beterergä tyryšu* («В.», 1909, № 470, «Яңы Төркия вә солтанның тәхет хатбәсе», обозрение) ‘По этой причине главной обязанностью новой Турции является попытка пресечь иностранное вмешательство’; *Doktor P.M. Krasin. Törle cäräxätlärne, qolaq, boron häm tamaq* ***awyrularyny*** *qaryj* («К.», 1914, № 512, «Доктор медицины П.М. Красин», объявление) ‘Доктор П.М. Красин. Лечит разного рода повреждения, болезни уха, носа и горла’.

Между тем, в текстах газеты «Борхане таракки» использование данного варианта в именах существительных с аффиксом принадлежности третьего лица является нормой вариативности и встречается регулярно: *Dumanyŋ äwälge wäkile Ğarif Badamšin* ***cänäblärene*** *aristavajt itkänlär* («Б.т.», 1906, № 56, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘Арестован предыдущий член Думы, господин Гариф Бадамшин’; *Möxtäräm möštäriläremezdän* ***adreslaryny*** *ačyq häm dörest jazmaqlaryny rica idämez* («Б.т.», 1906, № 39, «Игълан», объявление) ‘Просим клиентов писать свои адреса четко и правильно’.

Исходный падеж в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», в противоположность направительному падежу, выражает точку, от которой начинается действие (в том числе точку временного отрезка), место отрыва предмета от чего-либо, а также предмет или лицо, от которого исходит или начинается движение, процесс. Данный падеж, в отличие от современного татарского литературного языка, в текстах газет оформляется исключительно с помощью аффиксов *-dan/-dän*, которые присоединяются к основам, оканчивающимся и на гласный, и на согласный звуки, причем это может быть как звонкий, так и глухой согласный:

а) после гласных: ***Törmädän*** *zalok berlän čyğaryluyny sorab Ystalypinğa xäbär birelgän ide* («Б.т.», 1906, № 27, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘Столыпину была передана просьба освободить его из-под стражи под залог’; *Möselmanlar 40-50* ***kešedän*** *ğyjbarät ide* («В.», 1917, № 2271, «Мәскәү киңәш мәҗлесендә», корреспонденция) ‘Мусульмане составляли порядка 40-50 человек’; *Adesada da šušy könlärdä* ***Ameriqadan*** *ajaq kijemläre köteläder* («К.», 1916, № 981, «Дахили хәбәрләр», заметка) ‘В Одессе в эти дни также ожидается обувь из Америки’;

б) после звонких согласных: *Islaxat täläb itü tawyšlary bez möselmanlarny da tämle tämle* ***joqylarymyzdan*** *ujğtatty...* («Б.т.», 1917, № 28, «Яңа мөхәррирдән», статья) ‘Голоса, требующие перемен, разбудили и нас, мусульман, от сладкого сна...’; *Moŋa qadär* ***waqyflardan*** *fajdalanylğan ikän, ul da zäğyjf ber jul belän ğomumi “zaveščanija” qağyjdälärenä tuğry kitereb kenä eš qylynğan* («В.», 1915, № 1804, «Вакыф һәм васият намәләребез», статья) ‘Если даже до этого были использованы вакфы, то делалось это примитивным путем, соблюдая правила общего завещания’; *Bu* ***säbäbdän*** *möselman yštablarynyŋ da zakonlary ber bersenekenä jaxšuq bašqa bulyrğa mömkin* («К.», 1906, № 1122, «Нәҗиб әфәнде Хәлфин доклады», отчет) ‘По этой причине законы и мусульманских штабов могут сильно отличаться друг от друга’.

в) после глухих согласных: *Ütkän sänä rabočij* ***xalyqdan*** *alyb sinat činouniklaryna qadär pravitelstvağa qaršy ber culy kütärelgäč…* («Б.т.», 1906, № 33, «Хаҗитархан октябрь 11», статья) ‘После того, как в прошлом году одновременно устроили забастовку все, от рабочих до чиновников сената…’; *Aqčany kübräk cyjğan öčen üzlärenä* ***xökümätdän*** *zur mökäfätlär birelä* («В.», 1916, № 1976, «Харижи хәбәрләр», заметка) ‘За сбор большей, чем положено суммы денег, им выделяются большие вознаграждения от государства’; *Bu* ***islaxatdan*** *maqsud Irannyŋ daxili ešlären tärtibkä qujmaq* («К.», 1910, № 656, «Иран эшләре», статья) ‘Задачей данной реформы является упорядочение внутренней политики Ирана’.

Такое оформление исходного падежа является характерной особенностью письменных памятников конца XIX – начала XX вв., оформленных на старотатарском литературном языке [Бәширова, 2008, б. 82–84]. В современном татарском литературном языке, кроме вышеуказанных аффиксов, для обозначения исходного падежа используются аффиксы *-ман/-мән*, *-нан/-нән* [Татар грамматикасы, 2016, б. 53].

Имена существительные с аффиксом принадлежности третьего лица в текстах рассматриваемых нами газет принимают аффикс *-ndan/-ndän*, являющимся традиционной языковой формой, тогда как в современном татарском литературном языке в данном случае используется вариант аффикса *-ннан/-ннән*: Dumadağy členlar partija **cähätendän** uŋlar sullar wä bu ikeneŋ arasynda ulan kadet partijalary («Б.т.», 1907, № 79, «Яңгы дума һәм халыкның вәкилләре», статья) ‘В состав Думы, с точки зрения партийного деления, входят правые, левые и расположившиеся между ними кадеты’; *Xatyn qyzlarny irlär ilä hämä xoquqda ber tigez itü öčen Ameriqa wä Avrupa* ***xatynlaryndan*** *ber firqaneŋ ictihad wä cähed qylğanlyğy mäğlümder* («К.», 1912, № 987, «Оренбург июнь 13», письмо) ‘Известно, что партия, состоящая из американских и европейских женщин, усердствует и старается для того, чтобы женщин воспринимались на всех правовых уровнях наравне с мужчинами’; *Näticädä, här möselman* ***awylyndan*** *berär wäkil kertergä qarar*

birelde («К.», 1917, № 1102, «Мөселман социалистлар комитеты», заметка) ‘В результате, было принято решение включить по одному представителю из каждой мусульманской деревни’.

Местно-временной падеж употребляется при указании местонахождения предмета или времени совершения действия. Данный падеж в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» оформляется исключительно при помощи аффикса *-da/-dä*:

а) после гласных: *Čönki* ***dönjada*** *jäğni gosudarstvolarda bajlarğa qarağanda ešče häm fäqyjr xalyq kübräk* («Б.т.», 1906, № 32, «Правовой государство», статья) ‘Потому что в мире, то есть в государствах, больше рабочих и бедняков, чем богатых’; ***Polšada*** *Sidlis qalasynda ačlyq bunty buldy* («В.», 1916, № 1976, «Яурупа сугышы», обозрение) ‘В Польше в городе Сидлис случился бунт из-за голода’; *Tarixqa qarağanda äwälge* ***Jaurupada*** *da bik artyq ğadälät, maturlyq östenä tözelgän tormyš, aŋar xezmät iteb kilgän mädänijät kürenmi ide...* («К.», 1918, № 1242, «Хәзерге Яурупа мәдәниятенең китеше», статья) ‘Если обратиться к истории, то и в прежней Европе не наблюдались справедливость, красивая жизнь и культура, направленная на ее обеспечение...’;

б) после звонких согласных: *Bijek totqaly qul mašinalary härber* ***magazinlarymyzda*** *20 sumdan bašlab satyla* («Б.т.», 1907, № 79, «Зингер ширкәте», объявление) ‘В каждом нашем магазине имеются в продаже ручные машинки с высокой ручкой, начиная от 20 рублей’; ***Istanbulda*** *čyğa torğan “Xaq” gazetasy šujlä jaza:...* («В.», 1917, № 1102, «Төркия-Италия сугышы», объявление) ‘Газета «Хак», издающаяся в Стамбуле, пишет следующее:...’; *Üzen šul eškä iqtidarly sanağan xanym wä tutašlar xäzerdänük tübändäge* ***kešelärdä*** *jazyla bašlarğa tiješ* («К.», 1917, № 1102, «Казан хәбәрләре», объявление) ‘Женщины и девушки, считающие себя способными трудиться на данной работе, начиная с данного момента должны начать записываться у нижеприведенных людей’;

в) после глухих согласных: *Bu **cämğyjätdä** äğzalarnyŋ küplege ni qadär bulsa da…* («Б.т.», 1906, № 45, «Хаҗитарханда «Мәҗлес Шураи Ислам» җәмгыятенең уставы», статья) ‘Каким большим бы ни было количество членов данного общества...’; *Šunyŋ ilä bärabär, bu **mämläkätdä** hič kötelmägän ešlär päk tizlek ilä mäjdanğa kilüwe mömkin bulğanğa…* («В.», 1909, № 470, «Яңы Төркия вә солтанның тәхет хатбәсе», обозрение) ‘Наряду с этим, по причине того, что в данном государстве очень быстро могут произойти абсолютно неожиданные события...’; *Bez, üzebezneŋ **matbuğatda**, bulğan ber faktnyŋ dörest häm jaqyn küreneše belän uqučylarymyzny tanyšdyra alamyz* («К.», 1917, № 1086, «Төркестан эшләре», статья) ‘Мы, в своем издании, можем ознакомить своих читателей с правдивой и близкой составляющей реального факта’.

В отличие от текстов исследуемых газет, в современном татарском литературном языке для передачи местно-временного падежа имен существительных используется четырехвариантный аффикс *-дa/-дә, -тa/-тә* [Татар грамматикасы, 2016, б. 54].

Также, как и в современном татарском литературном языке, в текстах исследуемых нами газет при обозначении местно временного падежа имен существительных с аффиксом принадлежности третьего лица употребляется аффикс *-nda/-ndä*: *16 synda kič berlän Bolğar **nomerasynda** Josyf Aqčurin **bülmäsendä** cämğyjät buldy* («Б.т.», 1906, № 36, «Казан хәбәрләре», заметка) ‘16 числа вечером в номерах «Болгар» в комнате Юсуфа Акчурина была организована встреча’; *Sanitarnyj popečitelstvo Orenburg **öjäzendä** xäzergäčä 100 ašxanä ačyb 12 meŋ kešene ašatadyr* («В.», 1912, № 942, «Оренбург хәбәрләре», заметка) ‘Санитарное попечительство, на данный момент открыв 100 столовых в Оренбуржском уезде, кормит 12 тысяч человек’; *Dumanyŋ soŋğy 23 nče häm 24 nče fevral **mäcleslärendä** berničä zaproslar belä bergä azyq jetešderü mäsäläsen müzakärä däwam itde* («К.», 1917, № 1086, «Дәүләт думасы», отчет) ‘На последних заседаниях Думы от 23 и 24 февраля наряду с

несколькими запросами было продолжено обсуждение вопросов продовольственного производства’.

Как уже было отмечено, категория падежа имен существительных, функционирующих в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» характеризуется наличием смешанного типа склонения, где присутствуют аффиксы, характерные как для кыпчакских, так и для огузских языков. Как показывает наш анализ, в этом плане следует выделить падежную систему имен существительных, обнаруживающихся в текстах газеты «Борхане таракки». С одной стороны, это объясняется отдаленностью Астрахани, где издавалась вышеупомянутая газета, от духовного, национального и религиозного центра татар – Казани. Это, учитывая факт проживания на территории Астрахани разных тюркских народов, могло иметь влияние и на развитие языка местного татарского населения в плане склонности к употреблению традиционных общетюркских языковых форм. Кроме того, основываясь на географическую составляющую, можно говорить о возможном влиянии на язык местного татароязычного населения, а следовательно и на язык газеты «Борхане таракки», южного диалекта крымско-татарского языка, а также османско-турецкого языка через крымско-татарское посредство. Все это, наряду с наличием других грамматических и лексических особенностей, дает основание говорить о наличии благодатной почвы для функционирования огузо-турецкого варианта старотатарского письменного литературного языка конца XIX – начала XX вв., близкого к языку газеты «Тарджеман».

Категория сказуемости

В текстах исследуемых нами газет имена существительные, выполняющие в предложении роль сказуемого, как и остальные именные части речи, принимают аффикс сказуемости. Данные аффиксы одновременно указывают и на лицо, и на число.

Категория сказуемости имен существительных является традиционной грамматической категорией, характерной для тюркских языков. К примеру, в

современном турецком литературном языке также используются традиционные для тюркских языков аффиксы сказуемости, отличающиеся от аффиксов в татарском литературном языке лишь в фонетическом плане [Кузнецов, 2000, с. 48]. Принято считать, что аффиксы сказуемости первого и второго лица в тюркских языках, восходят к личным местоимениям первого и второго лица соответствующих чисел, которые исторически употреблялись вместо функционирующих сегодня в них аффиксов сказуемости, а аффикс третьего лица сформировался на основе общетюркской формы *dur* (стой) [Кононов, 1941, с. 44–45].

В настоящее время в татарском литературном языке использование категории сказуемости носит ограниченный характер. Как правило, использование аффиксов сказуемости первого и второго лица заменяется личными местоимениями, а аффиксы сказуемости третьего лица почти не используются. В исключительных случаях вместо них могут быть использованы личные местоимения третьего лица [Татар грамматикасы, 2016, б. 57].

Подобно современному татарскому литературному, функционирование категории сказуемости имен существительных в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» также носит ограниченный характер. Как показывают проанализированные материалы, не все имена существительные могут принимать аффиксы сказуемости. Как правило, имена существительные получают аффикс сказуемости при условии, что в предложении дается пояснение конкретному предмету, лицу или явлению, которое выражено существительным, либо при использовании имен существительных обозначающих профессию, род занятий. При этом, в текстах исследуемых нами газет, в отличие от современного татарского литературного языка, наиболее активно употребляются имена существительные с аффиксом сказуемости третьего лица, что обусловлено спецификой языка газеты, где повествование ведется от третьего лица: *Mäktüb jazan Isxaq Ğabdelräxmanof nam šäxes mäxällämezneŋ bajy Iljas xaci*

Äxtäm uğly Ğabdelräxmanofnyŋ ***uğlydyr*** («Б.т.», 1907, № 74, «Мәктублар», письмо) ‘Вам написал Исхак Габделрахманов – сын известного человека, бая нашего махалле, Габделрахманова Ильяса хаджи сына Ахтама’; *Šundyj xalyqlardan berse Avstrijada sanlary 7–8 milionğa jetkän* ***čex miläteder*** («К.», 1915, № 1781, «Австрияда чехлар», статья) ‘Одним из таких народов являются чехи, чья численность в Австрии достигла 7–8 миллионов’; *Bu mäcles jalŋyz mäktäb wä mädräsäläreŋ islaxy mäsäläse müzakäräse wä jäki program tärtib idelmäse öčen wäli cänabläreneŋ röxsätilä japylmyš ber* ***mäclesder*** («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәҗлесе», отчет) ‘Данное собрание – это собрание, проведенное с разрешения господина вали только для обсуждения вопросов реформирования школ и медресе либо упорядочения их программ’.

Вышеприведенные примеры подчеркивают соотношение категории сказуемости имен существительных с настоящим временем. В то же время, как и в современном татарском литературном языке [Тат. грам., 1997, с. 57], рассматриваемая грамматическая категория может соотносится как с будущим, так и с прошедшим временем. В текстах исследуемых нами газет были обнаружены несколько примеров употребления категории сказуемости в соотношении с прошедшим временем. В этом случае категория сказуемости имен существительных оформлено аналитическим путем – при помощи сочетания имени существительного с вспомогательным глаголом *ide* ‘был’, который принимает соотвествующий аффикс лица и числа: *Ul waqyt* ***min*** *töbsez ber* ***ğaläm idem*** («В.», 1910, № 645, «Ике яхшы», художественное повествование) ‘В ту пору я был бездонной вселенной’; *Min, kübdän wafat bulğan šul “Kärläne” sağynyb qujdym: Bičara Kärlä,* ***sin tip ideŋ*** («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфән нишләтте!!», фельетон) ‘Я вспомнил того самого, давно перешедшего в мир иной, Кэрлэ. Бедный Кэрлэ, ты был типом’.

Употребление отрицательной формы сказуемости в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» также носит ограниченный характер и оформляется при помощи отрицательной частицы *tügel* ‘не, ни’: ***Ul*** *xäzer*

elekege sadä wä rabytsyz söjläneb tora torğan ***bala tügel ide*** («В.», 1910, № 645, «Ике яхшы», художественное повествование) ‘Сейчас он уже не был прежним, говорящим просто и бессвязно, ребенком’.

Между тем, в некоторых текстах наблюдается отказ от традиционных языковых форм в виде употребления аффиксов сказуемости. В данном случае вместо аффикса сказуемости обнаруживается применение личных местоимений: ***Min möselman, sin jevrej, ul urys*** («Б.т.», 1906, № 32, «Правовой государство», статья) ‘Я – мусульманин, ты – еврей, он – русский’; ***Sin*** *iŋ jaxšy qalble* ***keše*** («В.», 1910, № 645, «Ике яхшы», художественное повествование) ‘Ты – человек с самым хорошим сердцем’; ***Ul*** *beznең soŋğy* ***ömed*** («К.», 1917, № 1155, «Сугыш мәйданында куркыныч хәлләр», корреспонденция) ‘Он – наша последняя надежда’.

Таким образом, в текстах исследуемых нами газет имя существительное является одной из наиболее активно используемой частью речи и обнаруживается как в текстах информационного, так и аналитического и художественно-публицистического характера. Однако, как показывают приведенные примеры, часть грамматических элементов более характерна для определенных жанров. Так, имена существительные с аффиксом принадлежности первого и второго лица единственного числа, как правило, обнаруживаются в текстах очерков, фельетонов и текстах, относящихся к жанру художественное повествование. Все перечисленные тексты относятся к художественно-публицистическим жанрам. Также имена существительные с аффиксом принадлежности первого и второго лица единственного числа обнаруживаются в текстах открытых писем, которые относятся к аналитическим жанрам. Кроме того, имена существительные с аффиксами принадлежности второго лица множественного числа, как правило, употребляются в текстах фельетонов (художественно-публицистические жанры), а также в текстах объявлений и комментарий, относящихся к аналитическим жанрам. Данный факт объясняется тем, что в

текстах перечисленных жанров повествование, как правило, ведется от первого лица.

3.2. Особенности функционирования неличных глагольных форм

Как известно, глагол обозначает действие или состояние предмета либо лица, как процесс, протекающий во времени и характеризуется наличием категорий залога, наклонения, времени, отрицания, лица и числа, а также различных способов передачи характера протекания действия и его модальных оттенков [Татар грамматикасы, 2016, б. 109]. Еще в первых грамматиках татарского языка учеными уделяется определенное внимание вопросам изучения глагола. Если в дореволюционный период развития татарского языкознания глагол изучается менее активно, то послеоктябрьский период ознаменован новым этапом в изучении морфологической системы татарского языка. На начальном этапе изучения татарского глагола особую роль сыграли работы таких тюркологов, как И. Гиганов (1801), М. Иванов (1842), А. Казембек (1846), А. Троянский (1860), Х. Фаизханов (1887), К. Насыри (1895), Г. Нугайбек (1911), Г. Ибрагимов (1918), Дж. Валиди (1919), Г. Алпаров (1926), Д.Г. Тумашева (1964) и т.д.

Глагол является одной из наиболее развитых частей речи, функционирующих в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш». По сравнению с остальными частями речи, глагол располагает большим набором морфологических категорий и, следовательно, отличается более активным употреблением различных грамматических форм. Тот факт, что глагол играет определяющую роль при выражении того или иного события в динамике также является актуальной характерной особенностью при формировании текстов некоторых аналитических и художественно-публицистических жанров.

В исследованных нами текстах глагол как часть речи, помимо личных грамматических и лексико-грамматических форм, состоит из так называемого собственного глагола и из неличных форм, совмещающих

признаки и свойства некоторых других частей речи. Таковыми являются инфинитив, причастие, деепричастие, имя действия и модальные формы. В настоящей работе изучение функционирования глагола в рамках грамматической системы языка татарской периодической печати начала XX века осуществляется на основе двух глагольных групп: личные формы глагола и неличные формы глагола.

Неличные формы глагола, функционирующие в языке исследуемых нами газет, как и в современном татарском литературном языке, не обладают категориями лица, числа, залога, а также не могут выполнять функции глагольного сказуемого на синтаксическом уровне. При этом, неличные формы глагола, к которым относятся инфинитив, причастие, деепричастие и имя действия, характеризуются наличием общих глагольных свойств. Однако в силу того, что обладают качествами, присущими для других частей речи, в предложении они выполняют различные синтаксические функции, не присущие глаголам.

Причастие

Одной из наиболее сложных грамматических категорий, функционирующих в системе неличных глагольных форм языка татарской периодической печати начала XX века является причастие. Согласно наиболее распространенному в тюркологии мнению, причастия своими корнями восходят к отглагольным именам с синкретичным значением [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 444]. Многозначность и полифункциональность причастий, обнаруживающихся в исследуемых нами текстах, в первую очередь объясняется полисемантическим содержанием их основ. Данная категория, характеризующаяся своей глагольно-именной формой, как правило, выражает то или иное действие, приписываемое определенному лицу или предмету в качестве его внутреннего признака или свойства. При этом, также, как и в тюркских языках [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 444], в частности в татарском языке и в его диалектах [Юсупов, 2004, с. 20], причастия, функционирующие в текстах исследуемых нами газет,

характеризуются наличием в себе признаков глагола и имени прилагательного. В отличие от других неличных форм глагола причастие имеет временную характеристику. В исследуемых нами текстах наблюдается функционирование причастий настоящего, прошедшего и будущего времени.

Причастия прошедшего времени

Причастие прошедшего времени в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» представлено несколькими формами, среди которых обнаруживаются характерные как для кыпчакских, так и огузских языков. С одной стороны данный факт может восприниматься как свидетельство влияния языков огузской группы на татарский литературный язык конца XIX – начала XX вв., а именно османско-турецкого языка. С другой стороны, в данном случае также уместно говорить о функционировании в языке исследуемых нами газет традиционных языковых форм, характерных для преобладающего большинства тюркских языков.

Наиболее активно в рассматриваемых текстах функционирует форма причастия прошедшего времени на *-ğan*, характерная для кыпчакских языков, в том числе для современного татарского литературного языка и его диалектов. Кроме того, в текстах обнаруживается форма на *-myš,* характерная для огузских языков, но употреблявшаяся в татарском литературном языке до первой четверти XX века. Следует отметить, что на сегодняшний день форма на *-myš* спорадически встречается лишь в диалектах татарского литературного языка. Менее активно в текстах газет обнаруживаются формы причастия прошедшего времени на *-an, -dyq* и на *-maqda ulan (bulğan),* характерные для огузских языков.

Форма на *-ğan*

Данная форма, характерная для кыпчакской группы тюркских языков, в частности для современного татарского литературного языка, в исследуемых нами текстах является наиболее активно функционирующей и продуктивной формой причастия прошедшего времени. В текстах также представлены алломорфы – варианты *-gän, -qan, -kän*. Составными элементами данной

формы являются аффиксы отглагольных прилагательных *-q* и *-an*, которые изначально не имели временной и залоговой дифференциации, а обозначали результат действия [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 446]. В текстах исследуемых нами газет причастие на *-ğan* обозначает процессуальный признак предмета в плане прошедшего времени. В зависимости от контекста, характеризует предмет, лицо по действию, совершающемуся одновременно с основным действием, а также может выражать постоянный признак предмета.

В исследуемых текстах, форма на *-ğan*, как правило, употреблятся в атрибутивном, субстантивированном значениях, а также в значении имени действия. При употреблении причастия на *-ğan* в атрибутивном значении, определяемым могут выступать слова, обозначающие субъект: *Šunyŋ öčen hämäse ber tösdä čuar kijem* ***kigän saldatlarny*** *baraban wä muziq tawyšlary berlä kamanda iteb, ajlarča jyllarča bergä jörergä sikerergä mäcbür itälär* («Б.т.», 1906, № 42, «Шулай кирәкме?», статья) ‘Поэтому всех солдатов, одетых в одинаковую пеструю одежду, командуя при помощи барабанов и музыки, месяцами, годами заставляют маршировать, прыгать вместе’; *Irtä belän* ***kilgän dustymny*** *čäj belän syjlau ber dä xäteremä kilmägän ide* («В.», 1909, № 636, «Юк-бар», очерк) ‘Я не подумал о том, чтобы угостить чаем пришедшего с утра друга’; ***Qalğan*** *öč* ***firqä*** *tarafdarlary bağzy ber mäsälälärdä ber süzgä kilä almasalar da...* («К.», 1913, № 75, «Кытайда сайлаулар», статья) ‘Несмотря на то, что оставшие три партии в некоторых вопросах так и не смогли прийти к единой мысли...’.

Также при употреблении причастия на *-ğan* в атрибутивном значении, определяемым могут выступать слова, обозначающие объект: *Ğasudarstvalardağy ğadälätsezlek östenä* ***salynğan tärtiblär*** *üzgäreb jaŋa tormyšnyŋ bašlanğanyny kürsätäder* («Б.т.», 1906, № 37, «Хаҗитархан октябрь 24», статья) ‘Это является свидетельством начала новой жизни после изменения правил, наложенных на бесправие в государствах’; *Šul möbäräk qarčyqnyŋ ber waqyt minem* ***jemerelgän xäteremne*** *tözätüwe… isemä töšä* («В.»,

1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Я вспоминаю, как однажды эта уважаемая старушка излечила мою разбитую душу...’; *Xalyq tarafyndan* ***sajlanğan äğzalar*** *öč jyl mödätenä sajlanyrlar* («К.», 1917, № 1130, «Казан губернасындагы мөселманнар съезды», отчет) ‘Члены, избранные народом, избираются на трехлетний срок’.

Реже в текстах исследуемых нами газет причастие прошедшего времени на *-ğan*, функционируя в атрибутивном значении, является определением слов, обозначающих место: *Menä bez šäkerdlärneŋ* ***ğaciz ulğan jerläre*** *ošbu jerlärder* («Б.т.», 1907, № 116, «Шәкерт галәме», статья) ‘Вот эти земли являются нашими растерянными землями учащихся’; *Xäzer suğyšnyŋ* ***iŋ qyzğan jere*** *Čanaqqalğä saxilendä* («В.», 1915, № 1752, «Сугышның барышы», статья) ‘Сейчас самая напряженная точка войны находится на побережье Чанаккале’; *Ütkän cäj saldat pavirkasy waqytynda biš volosdan cyjylğan zapas saldatny min* ***torğan Maqar awylynda*** *tikšerü bulğan ide* («К.», 1913, № 75, «Стәрлетамак өязе мөселманларында эчү», корреспонденция) ‘Прошлым летом во время солдатской поверки, в деревне Макар, где я жил, проводилась проверка солдатов запаса, собравшихся из пяти волостей’.

Кроме того, в текстах исследуемых нами газет обнаруживаются причастия прошедшего времени на *-ğan*, которые являются определением слов, обозначающих время: *Anyŋ tirän fiker ijäse ber zat ikänlege bezgä šul* ***ütkän zamanlarduq*** *mäğlüm ide* («Б.т.», 1911, № 139, «Газеталардан», обзор периодической печати) ‘Мы еще с этих давних пор знали, что он является человеком глубокомыслящим’; *... tup* ***atylğan waqytlardağy*** *dähšät wä fäläkätneŋ ğajät zur bulğanlyğyn söjlägänlär* («В.», 1915, № 1752, «Ковно дәһшәтләре», статья) ‘...рассказали, что ужас и бедствие во время бомбежки были очень сильными’; *Häm čynlab da kapitulatsijä mäsäläläre julğa salynyb kitär šikelle* ***kürengän*** *bu* ***daqiqada*** *suğyš bašlau töreklär öčen ap ačyq ber säjäsätsezlekdän bašqa ber närsä bulmas ide* («К.», 1914, № 512, «Гомуми Яурупа сугышы», статья) ‘И вправду, в данную минуту, когда кажется, что

вопросы капитуляции вот-вот встанут на рельсы, объявление войны стало бы для Турции самой что ни на есть настоящей аполитичностью’.

Как было отмечено выше, причастие прошедшего времени на *-ğan* в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» также может употребляться без определяемого слова и выражать значение констатации действия и имени действия. При этом, графически наблюдается употребление различных форм падежей. Следует отметить, что наиболее активно в исследуемых нами текстах обнаруживаются причастия рассматриваемой формы в винительном, направительном и местно-временном падежах.

Форма причастия прошедшего времени на *-ğan* в винительном падеже как правило, выражает значение имени действия. При этом, употребление аффиксов принадлежности не несет в себе какую-либо смысловую нагрузку: *Bez bolaj bulğač hamanda alğa* ***kitä almağanymyzny*** *kürsätergä tyryšamyz* («Б.т.», 1906, № 29, «Уку хакында», статья) ‘Так мы стараемся показать, что до сих пор не смогли спрогрессировать’; *Čanaq Qalğä buğazy* ***ačylğanny*** *köteb toručy paraxodlar 130 ğa tuldy* («В.», 1912, № 956, «Төркия – Италия сугышы», заметка) ‘Количество пароходов, ожидающих открытия пролива Дарданеллы возросло до 130’; *Biktimer sabyr jeget ide: ul üzen* ***sükkänne, qyjnağanny*** *da kütärä, häm üzeneŋ šul syjfaty belän maqtana da ide* («К.», 1913, № 259, «Биктимер ачуланды», фельетон) ‘Биктимер был терпеливым парнем: он терпел даже когда его ругали, били и очень гордился этой своей чертой’.

Форма на *-ğan* в направительном падеже в текстах газет, как правило, указывает на причину совершения действия. При этом использование аффиксов принадлежности не наблюдается: *Šunyŋ ilä bärabär, bu mämläkätdä hič kötelmägän ešlär päk tizlek ilä mäjdanğa kilüwe mömkin* ***bulğanğa****, kisäkdän ällä nindi waqyjğalar čyğyb quju… ixtimaly totyladyr* («В.», 1909, № 470, «Яңы Төркия вә солтанның тәхет хатбәсе», обозрение) ‘Наряду с этим, по причине того, что в данном государстве очень быстро могут произойти абсолютно неожиданные вещи, держится в уме возможность неожиданного

возникновения каких-либо событий...’; *Töreklärneŋ maqsudlary da Balqan xökümätlärineŋ maqsudlary belän ber* ***bulğanğa*** *Černagorijäneŋ Avstrijägä qaršy möğamäläsenä… šadlanalar* («К.», 1913, № 108, «Арнаутлык мәсьәләсенең читенләшүе», статья) ‘По причине того, что цели Турции совпадают с целями балканских государств, они радуются отрицательному настрою Черногории по отношению к Австрии...’.

Следует отметить, что в отличие от текстов газет «Вакыт» и «Кояш», где форма причастия прошедшего времени на *-ğan* в направительном падеже имеет широкое распространение, она не является характерной формой для текстов газеты «Борхане таракки». В данном случае, для передачи значения причины совершения того или иного действия, как правило, употребляется форма на *-ğan,* которая осложняется субстантивным аффиксом *-lyq* и преобретает аффикс исходного падежа (*uqyğanlyqdan* ‘по причине того, что прочитал’, *belgänlekdän* ‘по причине того, что знал’, *kürgänlekdän* ‘по причине того, что видел’ и т.д.): *Ğasudarstvalar bik zur* ***bulğanlyqdan*** *häm ğasudarstvalarda küb törle ešlär* ***bulğanlyqdan*** *padšah ber üze genä bu ğasudarstvanyŋ ešlären qarab beterä almyj* («Б.т.», 1906, № 30, «Правовой государство», статья) ‘По причине того, что государства являются очень большими и в государствах есть много разных дел, царь не может в одиночку рассматривать дела этого государства’.

Следует отметить, что на сегодняшний день форма причастия прошедшего времени на *-ğanlyq* активна в нагорном говоре среднего диалекта современного татарского литературного языка [Юсупов, 2004, с. 110]. Также в текстах газеты «Борхане таракки» для передачи причинно-следственных отношений употребляется форма причастия на *-dyq* в направительном падеже, как правило, осложненная аффиксом принадлежности в паре с послелогом *kürä* ‘ввиду, вследствие, по причине’ (*buldyğyna kürä* ‘по причине того, что было’, *aldyğyna kürä* ‘по причине того, что взял’, *ačdyğyna kürä* ‘по причине того, что открыл’ и т.д.). Последняя форма считается специфической особенностью огузских языков, а по

синтаксическим функциям соответсвует кыпчакской форме причастия прошедшего времени на *-ğan* [Юсупов, 2004, с. 116].

В местно-временном падеже рассматриваемая форма прошедшего времени в текстах исследуемых нами газет обычно выражает соотношение двух действий вне зависимости от временных рамок: *Ingiltärä kral wä kraličäse Edinburg šähärendä vokzaldan sarajğa* ***barğanda*** *sufražistkalar arbağa üzläreneŋ täläbläre jasalğan proklamatsijalaryn, risaläläreп häm käğyddan jasalğan ber šar yrğytdylar* («В.», 1914, № 1524, «Харижи хәбәрләр», заметка) ‘В Эдинбурге, во время перемещения английского короля и королевы из вокзала во дворец, суфражистки бросили в корету прокламации со своими условиями, трактаты и шарик, сделанный из бумаги’; *Üzenä qaršy kilä torğan avstrijä ğaskärenä totašyr wä šulaj iteb, krepost* ***alynğanda*** *äsir töšüdän qotylyb qalyr ide* («К.», 1914, № 577, «Гарби Галиция мәйданыннан», статья) ‘Он бы объединился с идущей ему на встречу австрийской армией и, таким образом, избавился бы от попадания в плен при взятии крепости’.

В некоторых текстах форма причастия на *-ğan* в местно-временном падеже употребляется в значении предполагаемого условия совершения действия. Функционирование данной формы причастия в вышеуказанном значении зафиксировано и в современном татарском литературном языке, а также в говорах среднего диалекта [Юсупов, 2004, с. 101]. При этом важно понимать, что значение условия, выраженное рассматриваемой формой, в отличие от личных форм условного наклонения, всегда относится к неопределенному лицу: *Äwälge tormyšqa* ***qarağanda*** *xäzerge tormyšymyz bašqara bašladyğy kürenä* («Б.т.», 1906, № 39, «Беренче адым», статья) ‘Если посмотреть на предыдущую жизнь, заметно, что наше нынешнее положение стало меняться’; *Šahidlärneŋ söjläülärenä* ***qarağanda*** *bu došmanlyqğa säbäb bulğan närsä dä Daud belän märxüm Syrtlanof arasynda tabiğat wä tärbijä cähätendän ber bersenä bik xilaf bulğan ber bašqalyq idege aŋlašyldy…* («В.», 1913, № 1216, «Депутат Сыртлановның үтерелүе хакында (Мәхкәмә залындан)», репортаж) ‘Если обратиться к показаниям свидетелей,

прояснилось, что причиной такой вражды стало нечто иное, возникшее на почве расхождения в характерах и воспитании…’; *Nömaiš* ***bulmağanda*** *bu xäräkätneŋ mäğnäse bik ačyqdyr* («К.», 1915, № 731, «Мәркәздә сугышлар башлану алдыннан», статья) ‘При условии, что демонстрации не будет, значение этого движения вполне понятно’.

При замещении субъекта или объекта причастие прошедшего времени на *-ğan* субстантивируется, т.е. употребляется без определяемого слова. При этом, рассматриваемая форма может принимать аффиксы принадлежности, числа и падежа и, как правило, выражает имя действующего лица либо объект действия: ***Xäzer bulğanlarğa*** *aŋlatyldyqdan soŋra, xälfämez dä bu fikerne xuš küreb,… kamisija sajlauğa qarar birelde* («Б.т.», 1906, № 44, «Бер еллык бәйрәм», статья) ‘После того, как объяснили готовым, учитель, тоже положительно восприняв данную идею,... было принято решение избирать комиссию’; ***Qušqanny*** *ešli torğan Duma cyjarğa tyryšučylar ministrlar öčen bik küŋel bolğatqyč ber eš bulyb qujdy* («Б.т.», 1912, № 47, «Ледбал вә Горький компанияләре турында берничә сүз», статья) ‘Старающиеся собрать Думу, делающую все, что поручат, стали для министров очень противной проблемой’; *Möxbirlärgä anda baryrğa röxsät birelmi, elekdän* ***barğanlaryn*** *da qajtardyq...*(«В.», 1912, № 1077, «Истанбул мәктүпләре. III», очерк) ‘Корреспондентам не разрешается туда ехать, мы вернули и тех, кто уехал раньше»’; ***...uzğan barğannyŋ*** *ğäjeb wä qyjyqlaryn tağy da nyqlabraq tikšerä bašladylar* («К.», 1913, № 148, «Минзәлә өязендән», корреспонденция) ‘...начали еще щепетильнее перемывать косточки прохожим’.

По мнению некоторых ученых причастие на *-ğan* в местно-временном падеже по своим функциям приближается к деепричастиям и выражает действие, совершающееся параллельно с действием, выраженным личной формой глагола [Юсупов, 2004, с. 100]. Следует отметить, что данная форма причастия прошедшего времени, наряду с современным татарским литературным языком и его диалектами, активно функционирует в других

тюркских языках, в частности в башкирском, киргизском, узбекском, туркменском, кумыкском, ногайском и т.д. [Гаджиева, 1963, с. 60].

Отрицательная форма причастия прошедшего времени на *-ğan* в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» образуется при помощи отрицательной частицы *-ma/-mä*, которая добавляется к глагольной основе: *Üzeneŋ jäšägän ğasudarstvasynda tügel bälki üzeneŋ küršesendä ni bulğanny* ***beläse kilmägän*** *bu milätne…* («Б.т.», 1906, № 42, «Хаҗитархан ноябрь 14», статья) ‘Это государство, не желающее знать не только что происходит в своем государстве, но и то, что происходит у соседей…’; *Šulaj iteb, awyllarda jätimlär hič tarafdan järdäm* ***kürmägän*** *wä tämam tašlanğan xäldä… jyldan jyl kübäjä barmaqdadyr* («В.», 1913, № 1240, «Авылларда ятимнәр өчен эш сөю йортлары», статья) ‘Таким образом, в деревнях количество сирот растет из года в год, не получая помощи ни с какой стороны и в заброшенном положении...’; *Šähär idaräse jorty aldynda bäjrämlärdä wä bašqa könlärdä* ***kürelmägän*** *ber jaŋalyq wä bašqalyq, Sintralni wä Puškinski kebek Ufanyŋ zurraq uramlarynda bigräk canly* («К.», 1915, № 742, «Уфада йолдыз сату көне», статья) ‘Перед домом Городской управы какое-то новшество и отличие, не виданное в праздничные и другие дни, на более крупных улицах Уфы, таких, как Центральная и Пушкинская, особенно оживленно’.

Форма на *-myš*

Рассматриваемая форма в текстах исследуемых нами газет употребляется, как и форма на *-ğan*, для выражения признака или свойства предмета, лица по действию в плане прошедшего времени. Однако, как показывают наши материалы, в преобладающем большинстве случаев, форма на *-myš* указывает не столько на действие во времени, а на качество или постоянный признак предмета либо лица, как результат совершившегося действия.

По сравнению с формой на *-ğan*, в текстах исследуемых нами газет рассматриваемая форма получила менее широкое распространение. Говоря о характере функционирования формы причастия прошедшего времени на *-myš*

в текстах татарской периодической печати начала XX века, уместно подчеркнуть ее спорадичность. Так, наиболее активно данная форма употребляется в текстах газеты «Борхане таракки», а в текстах газеты «Вакыт» ее функционирование крайне нерегулярное. В газете «Кояш» рассматриваемая форма имеет очень низкую активность. При этом, в текстах всех исследуемых нами газетах, где вместо формы на *-ğan* используется форма на *-myš*, обнаруживаются грамматические и лексические особенности, характерные для языков огузской группы, в частности османско-турецкого языка рассматриваемого периода. Данный факт объясняется тем, что форма на *-myš* входит в число первичных признаков, составляющих характеристику западноогузских языков [Грунина, 1991, с. 131] и подчеркивает важность учитывания языковых особенностей конкретного автора в формировании публицистического текста.

Сегодня причастие прошедшего времени на *-myš* не является частью грамматической системы современного татарского литературного языка, а в ее говорах имеет крайне ограниченное употребление [Юсупов, 2004, с. 111]. В то же время, следует отметить, что в современном татарском литературном языке можно обнаружить употребление формы на *-myš* в составе лексикализованных единиц (*язмыш* ‘судьба’, *тормыш* ‘жизнь’ и т.д.), а также при образовании имен прилагательных (*укымышлылык* ‘образованность’, *укымышлы* ‘образованный’ и т.д.). Между тем, вплоть до первой четверти XX века, наряду с формой причастия прошедшего времени на *-ğan*, рассматриваемая форма регулярно обнаруживается как в текстах тюрко-татарских, так и старотатарских письменных памятников [Татар әдәби теле..., 2017, б. 179, 744].

Подобную языковую вариативность в определенные периоды развития тюркских языков следует воспринимать в качестве нормы. Так, в кыпчакско-огузском литературном языке причастие на *-myš* выступает параллельно с причастием на *-ğan*, однако его функции значительно ограничены [Наджип, 1978, с. 26]. Схожую картину, на примере газет «Борхане таракки», «Вакыт»

и «Кояш», мы обнаруживаем и в грамматической системе языка татарской периодической печати начала XX века.

В текстах исследуемых нами газет временное значение причастия прошедшего времени на *-myš*, в отличие от форм на *-an* и на *-dyq*, которые также характерны для грамматической системы языка татарской периодической печати начала XX века, является абсолютным, оно не зависимо от времени действия, выраженного глаголом личной формы. В текстах газет форма на *-myš*, как правило, употребляется в атрибутивном значении и служит определением к словам, выражающим значение субекта или объекта действия: *Orenburg okrugyndağy mäğärif mämurlary xäzer möselman mäktäblärenä 31 nče martda mäğärif ministry tarafyndan* ***tasdyjq qylynmyš*** *jaŋa pravilalarny kertmäk iläп mäšğüllär* («Б.т.», 1906, № 42, «Газеталардан», обзор периодической печати) ‘Работники образования Оренбургского округа сейчас заняты внедрением в мусульманские школы новых правил, утвержденных 31 марта министром образования’; *Iske tarixymyzğa ğaid ularaq rusča* ***jazylmyš*** *ni qadär äsär var isa cömläsenä tärcemä wä näšer itmäk lazemder* («В.», 1908, № 333, «Болгар хәрабәләре һәм борынгы болгарлар», рецензия) ‘Каждое произведение о нашей истории, написанные на русском языке, должно быть переведено и опубликовано’; *Bugen bu mäclesdä mözakäräjä* ***qunylmyš*** *mäktäb wä mädräsälärең islaxy mäsäläse 20, 30 sänä qadär durmadan söjlände, jazyldy, fäqat bunlar häb käğydda, ğazätä sötünlärendä qaldy* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәҗлесе», отчет) ‘Поставленная сегодня на обсуждение проблема реформирования школ и медресе, не останавливаясь обсуждалась, писалась на протяжении 20-30 лет, однако все это так и осталось на бумаге, газетных колонках’.

В атрибутивной функции рассматриваемая форма является определением к словам, выражающим состояние: *Bijek Piter zamanynda Rusijä, Moskva ätrafyna tämamilä* ***cyjylmyš***, ***nyğajmyš*** *ber xäldä ide* («В.», 1909, № 488, «Полтава мөхарабәсе», заметка) ‘Во время Великого Петра Россия

была в положении, когда она полностью была собрана вокруг Москвы и окрепла’.

Как видно, пример относящийся к газете «Кояш», а также текст указанной статьи в целом, в языковом плане выпадает из общей картины лексико-грамматического построения текстов данной газеты, и на фоне преобладающего большинства остальных текстов, опубликованных в газете, создавая вариативность нормы письменного татарского литературного языка рассматриваемого периода за счет употребления лексических (*mözakärä* ‘обсуждение’, *sänä* ‘год’, *durmadan* ‘непрерывно’, *häb* ‘все, весь’, *käğyd* ‘бумага’, *ğazätä* ‘газета’, *sötün* ‘колонка’, *para* ‘деньги’ и т.д.) и грамматических (*mözakärä**jä**, mädräsälär**eŋ**, dur**madan**, čyqaryl**an*** и т.д.) элементов, характерных для огузских языков, в частности османско-турецкого литературного языка начала XX века, воспринимается в качестве исключения. Данный факт в очередной раз подчеркивает важность языковых предпочтений автора конкретной статьи в вопросе формирования как лексико-грамматической, так и стилистической системы текста статьи и языка газеты в целом.

Отрицательная форма причастия прошедшего времени на *-myš* образуется при помощи отрицательной частицы *-ma/-mä*, которая присоединяется к основе глагола. В целом данная форма обнаруживается в текстах рассматриваемых газет редко. Чаще всего она встречается в текстах газеты «Борхане таракки»: *Hičber xyjalğa **kilmämeš** Borhan Täräqyj gazetasy mäjdanğa čyqdy* («Б.т.», 1906, № 36, «Дәрел Әдәбдә сөйләнгән нотык», отчет) ‘Появилась газета «Борхане таракки», о которой мы даже и не мечтали’.

Форма на *-an*

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» обнаруживается спорадическое функционирование формы причастия прошедшего времени на *-an*. Данная форма считатеся огузским аналогом кыпчакской формы на *-ğan* [Грунина, 1991, с. 131], функционирует в огузированном варианте татарского литературного языка рубежа XIX – XX вв. и является одной из наиболее

активных неличных форм глаголов, употребляющихся в художественных произведениях рассматриваемого периода [Мирхаев, 2003, с. 102]. При этом, по мнению ряда тюркологов форма на *-an* представляет собой результат упрощения первоначальной формы на *-ğan* [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 453].

Рассматриваемая форма не употребляется ни в современном татарском литературном языке, ни в его диалектах. Учитывая тот факт, что она в целом не характерна для кыпчакских языков [Щербак, 1977, с. 167], можно предположить, что форма на *-an* вошла стротатарский литературный язык начала XX века и в язык татарской периодической печати рассматриваемого периода в частности, под влиянием османско-турецкого литературного языка.

На регулярной основе, являясь ядерным элементом грамматической системы, форма причастия прошедшего времени на *-an* функционирует лишь в текстах газеты «Борхане таракки». При этом отличительной чертой употребления данной формы является тот факт, что она наиболее активно употребляется с глаголом *ul, bul* ‘будь’.

В преобладающем большинстве случаев, рассматриваемая форма выражает постоянный признак предмета либо лица, не привязанный к конкретному временному отрезку: *Adäm balasy här waqyt üzeneŋ xäjätene, wä xäjäteneŋ ruxy* ***ulan*** *xoquq mädänijäsene üze saqlamaq öčen tyryšmağa buryčlydyr* («Б.т.», 1906, № 45, «Хәят – тереклек саклау», статья) ‘Человек обязан всегда стараться сохранить свою жизнь и правовую культуру, являющейся основой его жизни’; *Uqučy äfändelärne ğaibanä mäsrur idäčäk ber cähät var isä o da Boxaranyŋ iske ğadäte* ***ulan*** *xajvanlarny ğaryz ändam idmäkder* («В.», 1910, № 595, «Бохара әхвалендән», очерк) ‘Если и есть хоть одна необходимость заведомо развеселить товарищей учащихся, то это делать статуи из животных, что является старой традицией Бухары’; *Adäm* ***ulmaq istäjän*** *ävlad milät istifadä idä belsen* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә

mөһim mөшәвәрә мәҗлесе», отчет) ‘Ребенок, желающий стать человеком, пусть умеет использовать нацию’.

В текстах исследуемых нами газет форма на *-an* чаще всего употребляется в атрибутивной функции и обозначает субъект действия: *...veja bašqa iğanädä* ***bulynmaq istäjän*** *kemsälär* («Б.т.», 1906, № 36, «Игълан», объявление) ‘...или люди, желающие делать другие пожертвования’; *Šul program mädräsäneŋ saxiby* ***ulan*** *Äxmäd baj wä mädräsä idaräse tarafyndan qabul iteleb ğamälgä qujyldy* («В.», 1909, № 495, «Мәдрәсә Хөсәениянең програмы», заметка) ‘Эта программа была принята Ахмедом баем, являющимся хозяином медресе, и руководством медресе, после чего стала применятся’.

В атрибутивной функции рассматриваемая форма обозначает объект действия: *Binaän ğaläjhi bu kičä čaršänbä kičäse ğomum möminin xaqynda ber šäp* ***ğafu*** *wä* ***räxmät ulan*** *Läjläi möbarai qaderder* («Б.т.», 1906, № 39, «Ләйләи кадер», статья) ‘Таким образом, этот вечер среды являющийся Вечером почтения – хороший повод для прощения и благодарения всех мусульман’; *Hämä xalyqlarnyŋ mäktäblärendä rus tele uqytyluny wä buŋa hämäse öčen* ***möštiräk ulan*** *xökümät tele dib qaralu lazem küreläder* («В.», 1909, № 426, «Ибтидаи тәгълим», статья) ‘Считается должным преподавание русского языка во всех национальных школах и восприятие его как государственного языка, являющимся посредническим звеном’; ***Čyqarylan*** *paranyŋ lazem järlärä saryf idelmäse julyny düšenälem* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәҗлесе», отчет) ‘Давайте подумаем пути для расходования выделенных денег в нужных направлениях’.

Кроме того, встречаются причастия прошедшего времени в форме на *-an*, обозначающие место действия: *Bez möselman küb* ***ulan*** *jerlärdä wäkil ulmağa laiq ulan kešemez var isä möselmandan sajlamağa tyryšamyz* («Б.т.», 1906, № 31, «Мөселманларның иң кирәкле нәрсәләре», стаья) ‘Если в местах, где много мусульман есть человек, достойный стать представителем, мы стараемся выбирать из мусульман’; *Bezem milätneŋ mondajyn* ***möhlik ulan***

qabaxät julğa kerüeneŋ säbäbläre tizräk möxakämä qylynyb tiješle čaralar kürelsen ide («В.», 1912, № 932, «Башкортлар вә маскарад», статья) ‘Хотелось бы, чтобы побыстрее была дана судебная оценка попаданию нашей нации на такой губительный безобразный путь и были приняты соответствующие меры’.

В текстах газет субстантивированные причастия на *-an* обнаруживаются крайне редко: *...Matbuğatdan* ***mäxrüm ulan*** *mäsäl mesken bičara* («Б.т.», 1906, № 30, «Матбугат», художественное повествование) ‘…Лишенный прессы – пример несчастного бедняги’.

Отрицательная форма причастия прошедшего времени на *-an* в текстах исследуемых нами газет имеет ограниченное распространение. Она образуется при помощи отрицательной частицы *-my-j/-mi-j*: *ečendä läjläi qader* ***bulynmyjan*** *aj…* («Б.т.», 1906, № 39, «Ләйләи кадер», статья) ‘месяц, не содержащий Вечера почтения...’.

Как было отмечено выше, наиболее аквтино рассматриваемая форма функционирует в текстах газеты «Борхане таракки». При этом она является формой, характерной для тюркских языков огузской группы. Как видно из приведенных примеров, преобладающее большинство текстов исследуемых нами газет, где наблюдается употребление причастия на *-an* характеризуются наличием также других грамматических (*xäjäten****e*** ‘жизнь’, *mädänijäsen****e*** ‘культуру’, *düšen****älem*** ‘давайте подумаем’ и т.д.) и лексических (*ävlad* ‘ребенок’, *istifadä* ‘пользование’, *istämäk* ‘хотеть’, *para* ‘деньги’, *lazem* ‘нужно’ и т.д.) элементов, характерных для огузских языков, и османско-турецкого литературного языка начала XX века в частности. Следовательно, учитывая уникальность географичекого расположения Астраханского региона, есть основание предположить наличие определенного влияния османско-турецкого языка, через крымско-татарское посредство, на язык татар, проживающих в данной местности и, следовательно, на язык газеты «Борхане таракки». В текстах газеты «Вакыт» рассматриваемая форма встречается реже, а для текстов газеты «Кояш», ввиду ограниченного

распространения, она и вовсе может считаться лишь вспомогательным грамматическим элементом.

Форма на *-dyq*

Распространение формы причастия прошедшего времени на *-dyq* в текстах исследуемых нами газет имеет разнородный характер. Наиболее активно данная форма функционирует в текстах газеты «Борхане таракки», тогда как для текстов газеты «Кояш» она не является системаобразующим элементом.

Причастие прошедшего времени на *-dyq*, как и форма на *-myš*, принадлежит к языковому состоянию, содержащему элементы, которые в более поздний период вошли в активное употребление в огузских языках [Грунина, 1991, с. 131]. В целом, учеными подчеркивается соперничество на тюркской почве между суффиксами причастий прошедшего совершенного, где с одной стороны находятся формы на *-dyq* и *-myš*, а с другой – форма *-ğan*. При этом, на сегодняшний день рассматриваемая форма причастия прошедшего времени наиболее активно используется в тюркских языках огузской группы – в современном турецком, гагаузском, азербайджанском языках, а в туркменском языке функционирует исключительно в отрицательном аспекте [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 461], а в заказанской и нагорной группах говоров среднего диалекта татарского языка употребляется в ограниченном порядке с узкой группой глагольных основ [Юсупов, 2004, с. 112].

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» рассматриваемая форма причастия прошедшего времени характеризуется употреблением только с аффиксами принадлежности. Именно такое использование рассматриваемой формы, характерно и для современного турецкого языка [Кононов, 1956, с. 439], что может считаться свидетельством влияния османско-турецкого языка начала XX века как на старотатарский литературный язык, так и, в частности, на язык татарской периодической печати рассматриваемого периода.

В исследуемых текстах форма на *-dyq*, как правило, выражает процессуальный признак предмета, лица, состояния и т.д. в плане прошедшего времени и близка по значению к кыпчакской форме на *-ğan*: *Här milätneŋ tarix täräqyjse ul milätneŋ üz ixtijac wä kiräklärene üzläre* ***kürdege*** *köndän bašlamyšdyr* («Б.т.», 1907, № 80, «Без ни хәлдә?», статья) ‘Исторический прогресс каждого народа начался с того дня, когда этот народ сам начал отвечать за свои потребности и нужды’; *Palitsijä hämä waqyjğadan* ***xäbärdar buldyğy*** *xäldä, höcüm aldyndan ğyna totarğa xäzerläneb kötkän* («В.», 1909, № 433, «Азев мәсьәләсе», статья) ‘Полиция, владея информацией о всем событии, ждала чтобы задержать прямо перед нападением’.

Также, как и причастие на *-ğan*, рассматриваемая форма, в зависимости от контекста, характеризует предмет или лицо по действию, совершающемуся одновременно с основным действием, а также может выражать постоянный признак предмета: *...östendä* ***utyryb bardyqymyz*** *paroxodnyŋ, timerdän jasalğan bulyb da, suda batmaučylyğyn soryjlar* («Б.т.», 1906, № 51, «Үткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык», очерк) ‘...спрашивают, почему же, несмотря на то, что наш пароход, на котором мы плывем сделан из металла, он не тонет’; *Jäğni cil šimal tarafyndan* ***isdege*** *waqyt su cänüb tarafyna jä bilğakes šäryqdan* ***isdege*** *waqyt Ğaräp tarafyna jä bilğakes awyšyr* («Б.т.», 1907, № 116, «Мәгыйшәт мөхарәбәсе яхуд инсанларың яшәмәсе», статья) ‘То есть когда ветер дует со стороны севера, вода склоняется в сторону юга, или, наоборот, когда ветер дует с востока, то она склоняется в сторону Аравии’; *Ul bu tuğry juldan barmajynča,* ***ačdyğy*** *yškollarynda fäqat ike maqsadğa xedmät itä* («В.», 1908, № 333, «Гайсә мирза Еникеевның нотыгы», отчет) ‘Он, не следуя по этому праведному пути, в школах, отрытых им, служит лишь двум задачам’.

В одном из текстов газеты «Кояш», язык которого, в отличие от преобладающего большинства текстов этой газеты, характеризуется своей огузированной лексико-грамматической системой, нами был обнаружено редкое употребление причастия на *-dyq* в значении будущего времени, на что

указывает как личная форма глагола в рассматриваемом предложении, так и контекст: ***Japdyğymyz*** *proğram ilä dares uqytmaq öčen ğubernatorymyz wasitasyjlä Mäğarif näzarätendän röxsät istäneläčäkder* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәҗлесе», отчет) ‘Для того, чтобы преподавать по программе, которую мы составим, через нашего губернатора будет сделан запрос в Министерство образования на получение разрешения’.

Как видно из материалов, форма на *-dyq* характеризуется относительным временным признаком. При этом ее временная характеристика напрямую зависит от того, каким временем выражена личная форма глагола.

В текстах газет «Борхане таракки» и «Вакыт» рассматриваемая форма причастия с разной степенью активности употребялется как в атрибутивном, так и в субстантивированном и глагольно-именном значениях. Так, в атрибутивном значении она наиболее активна в текстах газеты «Борхане таракки», где чаще всего является определением к словам, обозначающим объект действия: *Mostafa äfändeneŋ Ästerxannyŋ bağzy mullalary xaqynda Ölfät gazetasyna* ***jazdyğy*** *mäqaläse öčen Ästerxan mullalary Peterburg mäxkämäsenä ğariza virgänlär* («Б.т.», 1907, № 75, «Тасыфлы вакыйга», письмо) ‘За статью Мустафы эфенди о некоторых муллах Астрахани, опубликованную в газете «Ульфат», муллы Астрахани подали заявление в суд Петербурга’.

Также в текстах газеты «Борхане таракки» обнаруживаеются причастия на *-dyq*, выступающие в атрибутивной функции и выступающие в роли определения к словам, обозначающим место действия: *Namaz qylsa* ***utyrdyğy*** *jerendän qalyqmadan Xaq täğalä xäzrätläre kändiseneŋ wä ata wä anasynyŋ gönahlaryny ğafu idär* («Б.т.», 1906, № 39, «Ләйләи кадер», статья) ‘Если прочтет намаз, Всевышний простит его грехи, грехи отца и матери, до того, как он успеет встать с места на котором сидит’.

Кроме того, рассматриваемая форма может выступать определением к словам, обозначающим время действия: *Ministrlar bašlyğy Petkofny bašqa*

äxbab ministrlary berlän bäräbär šähär baqčasynda ***säjer itdege*** *waqyt urynyndan tošerelgän činaunik revalverdan atyb ütergän* («Б.т.», 1907, № 80, «Чит мәмләкәт хәбәрләре», заметка) ‘Уволенный чиновник застрелил из револьвера премьер-министра Петкова во время прогулки по городскому парку в компании других министров’.

Как отмечалось выше, употребление причастия на *-dyq* в атрибутивной функции в текстах газеты «Вакыт» носит ограниченное распространение. Так, нами была обнаружена рассматриваемая форма, являющаяся в предложении определением к слову, обозначающему состояние действия: *Möselman säüdä xedmätkärläreneŋ iqtisadi mänfäğatläre rus säüdä xedmätkärläreneke belän ber* ***buldyğy*** *xäldä ajrym cämğyjät tözüweneŋ säbäbe dä mili wä dini ixtijaclarny jaxšyraq ütäü öčen ide* («В.», 1917, № 2247, «Оренбургта күңелсез вакыйгалар», статья) ‘При ситуации, когда экономические интересы мусульманских торговых работников сопоставимы с интересами русских торговых работников, причиной создания отдельного общества является более качественное воплощение национальных и религиозных интересов’.

В тех случаях, когда в текстах исследуемых нами газет наблюдается замещение определяемого слова, форма причастия на *-dyq* субстантивируется, что выражается в аффиксации при помощи показателей принадлежности и падежа. В текстах газеты «Борхане таракки» наблюдается наиболее активное употребление формы на *-dyq* с аффиксами направительного, винительного, исходного и местно-временного падежей.

При аффиксации с помощью показателя направительного падежа рассматриваемая форма, как правило, употребляется в значении имени действия и выражает косвенный объект действия: *...cawab* ***birä almadyqyma*** *jözem qyzara… ide* («Б.т.», 1906, № 51, «Үткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык», очерк) ‘...мое лицо краснело от того, что я не мог ответить’. Кроме того, в данном примере наблюдается употребление

причастия на *-dyq* в отрицательной форме, которая образуется при помощи аффикса *-ma/-mä* (*birä almadyqyma* ‘от того, что не мог ответить’).

Причастие на *-dyq* в винительном падеже также употребляется в значении имени действия и выражает прямой объект действия: *Bolarnyŋ bezneŋ xällärne ni öčen* ***soraŝdyqlaryny****, bezneŋ ni öčen alar berlän söjläŝeb* ***tanyŝmadyqymyzy*** *ujlyj idem* («Б.т.», 1906, № 51, «Үткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык», очерк) ‘Я думал о том, почему они спрашивали о наших делах, почему мы не познакомились с ними’.

Следует отметить, что объектные отношения причастия на *-dyq* в текстах татарской периодической печати начала XX века, в частности в текстах газеты «Борхане таракки» могут быть выражены и при помощи основного падежа: *...polevoj sudlar arqasynda tynyčlanğan šikelle bulyb kürengän diŋez tulqyny, jaŋadan kütäreleb xalyqğa tuğry jul berlän kitärgä uŋajsyzlagan ystinalarny* ***watyb kitärgä tordyğy*** *tyjyla bašlady* («Б.т.», 1906, № 44, «Хаҗитархан ноябрь 28», статья) ‘Начало ощущаться как из-за полевых судов, морская волна, которая, казалось бы, успокоилась, снова, поднявшись, готова разломать стены, мешающие народу идти прямым путем’.

В исходном падеже рассматриваемая форма также употребляется в значении имени действия и, как правило, выражает причину совершения того или иного действия: *Nižni Vadinskida jerle qaznačejstvanyŋ mödire qazna aqčasyny* ***israf itdegendän*** *üzene üze suğa batyryb ütergän* («Б.т.», 1906, № 33, «Казначы үзен үзе үтергән», заметка) ‘В Нижнем Вадинске руководитель местного казначейства из-за растраты казенных денег утопил сам себя’.

Принимая аффикс местно-временного падежа причастие на *-dyq* выражает действие, совершающееся параллельно с другим действием, которое выражается при помощи личной формы глагола: *Fevralneŋ 13 nče jaumendä bän Kiläče qarjasyna aqrabalaryma zijarät* ***vardyqymda*** *nä kürim Kiläčeneŋ juğarğy awylynda uramdan juldašym ilä* ***uzdyqda*** *mula Möxtär äfändene kürdem* («Б.т.», 1907, № 75, «Тасыфлы вакыйга», статья) ‘В 13 день февраля, когда я навещал родных в селе Килинчи, что я вижу: когда мы с

моим спутником шли по улиице верхней части Килинчей, я увидел муллу Мухтара эфенди’.

Как видно из последнего примера, причастие на *-dyq* в местно-временном падеже может функционировать в текстах как с аффиксом принадлежности, так и без него. Кроме того, как показали приведенные примеры, в отличие от текстов газет «Вакыт» и «Кояш», где рассматриваемая форма осложненная аффиксом принадлежности, как правило, функционирует в форме *-dy**ğ**y,* в газете «Борхане таракки» наблюдается активное упоребление графического варианта *-dy**q**y*.

В текстах газеты «Вакыт» наиболее активно обнаруживаются причастия на *-dyq* в основном, винительном и исходном падежах. В нижеприведенном предложении причастие на *-dyq* имеет аффикс винительного падежа и, употребляясь в функции имени действия, обозначает прямой объект действия выраженный личной формой глагола.: *Graf Palin mämurlary bağzy mäktäblärgä kereb möğalimlärneŋ kemnär **uldyğyny**, šähadätnamäläre mävcud **ulyb ulmadyğyny**, uqytyla torğan kitablarnyŋ nilärdän ğyjbarät **idegene** soraš**dyrğalağanlar*** («В.», 1909, № 433, «Мәктәбләр вә мөгаллимләремез», статья) ‘Чиновники графа Палина, посетив несколько школ, интересовались личностями преподавателей, имеются или нет у них удостоверения и содержанием учебников...’.

Рассматриваемая форма в основном падеже также выражает объектные отношения: *...möselmanlary kübräk ulan vilajätlärgä mäğarif öčen birelgän aqča bigräk **az uldyğy** daxi ačyğraq küreler* («В.», 1908, № 333, «Гайсә мирза Еникеевның нотыгы», отчет) ‘...становится еще отчетливее, что денег, выделенных на образование областям с более многочисленным мусульманским населением, мало’.

В следующем примере причастие на *-dyq* представлено в исходном падеже и указывает на причину совершения другого действия, представленного глаголом личной формы: *Iranda zur üzgärešlär wä möhim waqyjğalar **bulyb tordyğyndan**... idarämezgä dörest wä täfsille mäğlümat bireb*

toryr öčen gazetamyznyŋ möxärirlärendän Borhan Šäräf äfände gazetamyzğa maxsus möxbir ulyb Iranğa kitde («В.», 1909, № 513, «Идарәдән», комментарий) ‘Из-за того, что в Иране происходят большие изменения и важные события,... для того, чтобы обеспечивать редакцию достоверной и подробной информацией, один из редакторов нашей газеты – Бурхан Шараф эфенди, отправился в Иран в качестве специального корреспондента газеты’.

Между тем, в текстах всех исследуемых нами газет наблюдается функционирование причастия на *-dyq* в сочетании с послелогами, такими, как *kürä* ‘по’, *öčen* ‘для, из-за’, *kebi* ‘как’, *soŋra, soŋ* ‘после’, *ilä, ilän* ‘с, вместе с’, *binaän* ‘из-за’ и т.д. Так, употребление причастия на *-dyq* в исходном падеже в сочетании с послелогом *soŋra* ‘после’ подразумевает наличие в предложении двух и более действий, одно из которых выражено причастием на *-dyq*, а остальные, следующие сразу после первого – личной формой глагола и выражает временную последовательность нескольких действий: *Xäzer bulğanlarğa* ***aŋlatyldyqdan soŋra,*** *xälfämez dä bu fikerne xuš küreb,... kamisija sajlauğa qarar birelde* («Б.т.», 1906, № 44, «Бер еллык бәйрәм», статья) ‘После того, как объяснили тем, кто готов, учитель, тоже положительно восприняв данную идею,... было принято решение избрать комиссию’.

Причастие на *-dyq* в направительном падеже в сочетании с послелогом *kürä* ‘по’ (*-dyğyna kürä*) выражает причину совершения действия, выраженного в предложении при помощи личной формы глагола: *Risaläneŋ nädän baxs itdege isemendän* ***aŋlašyldyğyna kürä****... babalarymyz bolğarlar äxwalendän wä... Bolğar šähärendän baxs itmäktäder* («В.», 1908, № 333, «Болгар хәрабәләре һәм борынгы болгарлар», рецензия) ‘Как становится понятно из названия произведения,... в нем говорится о жизни наших предков древних булгаров и... о городе Болгар’.

Употребление причастия на *-dyq* в сочетании с послелогом *öčen* ‘из-за, для’, выражает какое-либо действие, которое служит причиной для совершения другого действия, которое выражено в предложении при помощи

личной формы глагола: *Waqytymyz – täräqyj zamany* ***uldyğy öčen*** *milät buny bezdän istäjur* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәҗлесе», отчет) ‘Из-за того, что наше время – это эпоха прогресса, наша нация ждет от нас этого’.

Как видно из материалов, если для газеты «Борхане таракки» рассматриваемая форма может считаться ядерным элементом, то в газете «Вакыт» она имеет ограниченное распространеие. При этом, наиболее активно рассматриваемая форма обнаруживается в более ранних номерах газеты «Вакыт». Анализ фактического материала показывает, что для газеты «Кояш» форма причастия прошедшего времени на *-dyq* не является системообразующим элементом. Более того, по сравнению с текстами газет «Борхане таракки» и «Вакыт» ее употребление носит ограниченный характер, а обнаруживается она лишь в редких случаях в текстах, язык которых оформлен на огузированном варианте старотатарского литературного языка начала XX века.

На наш взгляд существует несколько причин для реализации такой тенденци. Во-первых, определенное значение имеет временной принцип. Именно межреволюционный период 1905-1917 гг. является тем ключевым отрезком, когда процессы формирования нового татарского литературного языка протекают наиболее активно и происходит отказ от традиционных общетюркских языковых элементов как на грамматическом, так и на лексическом уровне. Результаты таких процессов находили свое отражение и в языке татарской периодической печати рассматриваеого периода. Следовательно, для газеты «Борхане таракки», издававшейся в 1906-1911 гг., более активное употребление рассматриваемой огузской формы, по сравнению с газетой «Кояш», издававшейся в 1912-1918 гг. является логичным.

Во-вторых, значимым фактором при формировании языка того или иного органа периодической печати является географический принцип. Учитывая, что Астрахань начала XX века, где издавалась газета «Борхане

таракки» является территорией, где связи с туркестанскими мусульманами и представителями Турции были налажены лучше, чем в какой-либо другой точке России, что не могло не повлиять и на язык татар, проживающих в данном регионе, вполне уместным выглядит активное употребление формы на *-dyq*, являющейся характерной особенностью тюркских языков огузской группы.

Форма на *-maqda ulan (bulğan)*

В текстах газет «Борхане таракки» и «Вакыт» зафиксировано ограниченное употребление формы на *-maqda ulan (bulğan)*, которое своим присутствием подчеркивает имевшееся вплоть до начала XX века влияние османско-турецкого литературного языка на старотатарский письменный литературный язык. Рассматриваемая форма и на сегодняшний день продолжает активно функционировать в турецком языке и определяется в качестве причастия, передающего вневременное длительное действие [Кононов, 1956, с. 472].

В исследуемых текстах указанная форма, как правило, употребляется для передачи длительного, либо постоянного признака предмета или лица, не привязанного к конкретному временному отрезку и является грамматическим синонимом формы на *-an*: *Šulaj iteb sez Bubi mädräsäsendä dä* ***jabylmaqda bulğan*** *bašqalarda da watanğa xäläf dijerlek hič ber närsä taba almazsyŋyz* («Б.т.», 1911, № 139, «Газеталарымыздан», обзор периодической печати) ‘Таким образом, ни в медресе Буби, ни в каком-либо другом закрытом медресе вы не найдете ничего, что могло бы стать полезным для родины’; *Bu xäbärne Bakuda* ***čyqmaqda ulan*** *“Itifaq” gazetasy jazyb näšer itdegendän soŋ, “Itifaq” nyŋ ike nomerynda ike keše monyŋ öčen šadlyq ibraz itälär* («В.», 1909, № 488, «Мөселман мәктәбендә музыка дәресләре») ‘После того, как эту новость опубликовала газета «Иттифак», издающаяся в Баку, в двух номерах данной газеты выразили радость два человека’.

Сегодня форма на *-maqda ulan (bulğan)* не характерна ни для современного татарского литературного языка, ни для его диалектов.

Функционирование рассматриваемой формы в текстах исследуемых нами газет подчеркивает наличие в письменно-литературном языке рассматриваемого периода функционально-стилистической вариативности. При этом, ограниченное употребление данной формы зафиксировано и в текстах других письменных памятников конца XIX – начала XX вв. [Татар әдәби теле..., 2017, б. 441, 643, 668], оформленных на огузированном варианте старотатарского письменного литературного языка.

Причастия настоящего времени

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» причастие настоящего времени выражается при помощи двух форм: синтетической, образующейся при помощи аффикса *-učy/-üče* и *-yrlyq*, а также при помощи аналитической формы, образующейся в результате сочетания деепричастия на *-a/-i* в качестве основного глагола и вспомогательного глагола *torğan*.

Форма на *-a torğan*

Наиболее активной формой причастия настоящего времени, функционирующей в текстах исследуемых нами газет является аналитическая форма на *-a torğan*. Главным образом данный факт объясняется тем, что в отличие от формы на *-učy*, которая также обнаруживается в языке татарской периодической печати начала XX века, форма на *-a torğan* является определением к словам, обозначающим как одушевленные, так и неодушевленные предметы. Кроме того, по мнению диалектологов, аналитическая форма причастия настоящего времени на *-a torğan* вместе с мишарским диалектом, наиболее активна в среднем диалекте [Юсупов, 2004, с. 58], в территорию распространения которого, помимо прочих территорий, относят саму Казань, Астраханскую и Оренбургскую области, где и издавались исследуемые нами газеты.

Данная форма, как и в современном татарском литературном языке, образуется от деепричастия на *-a/-ä, -yj/-i* с помощью вспомогательного глагола *torğan*. Общим значением данной формы в текстах газеты является выражение постоянного признака, свойства субъекта или объекта действия,

при этом заключенный в ней процессуальный признак может относиться к моменту речи и не иметь временного значения. Рассматриваемая форма в исследуемых текстах, как правило, функционирует в атрибутивной функции: *...miläteŋ pravasyn šul miläteŋ üzenä* ***kürsätä torğan*** *közgelär jasarğa kiräk buldy* («Б.т.», 1906, № 28, «Яңа мөхәррирдән», статья) '...потребовалось создать зеркала, показывающие права народа самому этому народу'; *Xalyqğa jyš* ***kiräk bula torğan*** *närsälär* ***ešli torğan*** *fabriq häm zavodlarda gel suğyš äsbaby xäzerlärgä bašlağanlar* («В.», 1916, № 1967, «Икътисад», статья) 'Заводы и фабрики, которые производили товары, часто востребованные населением, на постоянной основе начали производить военные принадлежности'; *Jänädän bolarnyŋ härberendä ireksez küzgä* ***bärelä torğan*** *ajrym ajrym waqyjğalar da bulyb ütkän* («К.», 1916, № 921, «Фракциядәге киңәшләр», статья) 'Снова в каждом из них произошли отдельные события, невольно бросающиеся в глаза'.

Определяемое слово может выступать не только в качестве объекта или субъекта действия, но может обозначать и орудие, место, время и т.д.: *Juqqa qanlar* ***äräm itä torğan*** *juqqa canlarny* ***fida qyla torğan*** *waqyt ütte* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында», статья) 'Прошло то время, когда впустую тратилась кровь и жертвовались души'; *Xacilar* ***ütä torğan*** *här jerdä bu cämğyjätneŋ šöğbäläre ačylsyn* («В.», 1909, № 513, «Иран әхвале», заметка) 'Пусть во всех местах, где проходят пути поломников, будут открыты отделения этого общества'; *Zaqonlar* ***tözi torğan*** *bu jerdä šundyj ähämijätle ber waqyjğa bulğač tabiğyj bez dä aŋarğa diqat itmičä ütä almadyq* («К.», 1916, № 921, «Фракциядәге киңәшләр», статья) 'Раз уж в месте, где составляются законы произошло такое важное событие, мы тоже не смогли не обратить своего внимания';

Отрицательная форма причастия настоящего времени на *-a torğan* в текстах исследуемых нами газет образуется при помощи отрицательной частицы *-myj/-mi*, которая присоединяется к основе глагола, после чего следует вспомогательный глагол: ***Ešlämi torğan*** *xalyqlarnyŋ xällärene*

üzgärtergä soraǧan Kara diŋez häm Kranštat saldatlary… («Б.т.», 1906, № 28, «Хаҗитархан сентябрь 24», заметка) ‘Черноморские и Кронштадтские солдаты, попросившие вмешаться в ситуацию с безработным народом...’; *Operetta kilgändän birle buš kön bulmaǧanlyqdan šähär tiatry* ***birelmi torǧan*** *bulǧač, artistlar… uŋǧajsyz bulsa da kinematograf säxnäsen alǧanlar* («В.», 1916, № 1996, «Оренбург хәбәрләре», заметка) ‘Из-за отсутствия свободных дней с момента приезда оперетты, и по причине того, что городской театр не ставил пьес, артисты... не смотря на то, что это было неудобно, воспользовались сценой для кинематографа’; *...bälki dä bašymyzǧa* ***kitereb suqmyj torǧan*** *noqtalarda bulyrǧa kiräk* («К.», 1913, № 259, «Петербург мәктүбләре. Матбугат хакында закон ләихасы», очерк) ‘...возможно, следует быть в точках, не бьющих нам по голове’.

Следует отметить, что сегодня употребление рассматриваемой формы причастия настоящего времени, помимо среднего и мишарского диалектов татарского языка, наблюдается также в башкирском, карачаево-балкарском и некоторых диалектах каракалпакского и кумыкского языков [Юсупов, 2004, с. 62].

Форма на *-učy*

Рассматриваемая форма относится к группе, так называемых, поздних образований и охватывает большую зону тюркских языков [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 470]. Несмотря на то, что учеными-языковедами форма на *-učy* воспринимается как базовая, в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» она употребляется реже чем аналитическая форма на *-a torǧan*. Следует отметить, что на сегодняшний день данная форма представлена как в современном татарском литературном языке, так и во всех его диалектах, однако также, является малоупотребительной и, как правило, заменяется аналитической формой причастия настоящего времени на *-a torǧan* [Юсупов, 2004, с. 21]. Форма на *-učy* в текстах исследуемых нами газет образуется путем присоединения к основе глагола аффикса *-učy/-üče*.

Рассматриваемая форма, также, как и в современном татарском литературном языке, как правило, является определением к одушевленным существительным либо к существительным, в семантическом плане предусматривающим непосредственное присутствие одушевленных предметов, в большинстве случаев обозначающим человека и употребляется для обозначения занятия, профессии человека или выражает постоянное свойство, качество, признак субъекта или объекта: *Min bondaj mögalimlärgä häm anlarnyŋ tabanlaryny* ***calaučy*** *möridlärenä… berničä süz söjlämäk cisarät itdem* («Б.т.», 1906, № 33, «Мөгалимләргә хитаб», статья) ‘Я решился сказать несколько слов… в адрес таких учителей и учеников, лижущих им подошву’; *Sajlaularda kübesenčä ber bere ilä* ***tartyšučy*** *balğar partijalarynyŋ berärsenä aldanyb tawyš birüdän uzmuj idelär* («В.», 1912, № 942, «Болгария мөселманлары вә сәяси уяну», статья) ‘На выборах, как правило, они обманывались и отдавали свой голос за одну из болгарских партий, спорящих между собой’; *Šul neft* ***ezläüče*** *eščelär berläп čečen xalqy arasynda nizağlar čyqdy* («К.», 1916, № 928, «Чечен халкының ерләре», обзор периодической печати) ‘Между этими рабочими, ищущими нефть, и чеченским народом возник спор’.

В текстах газет «Борхане таракки» и «Вакыт» наблюдается нерегулярное употребление формы на *-učy* в постпозиции в сочетании с деепричастием на *-yb*, которое в атрибутивной функции выражает некоторые дополнительные оттенки характера протекания действия: *Xalyqny inqyjraz (betü) gä jul baščy bulyb* ***alyb baručy*** *bulularyna säbäp…* («Б.т.», 1907, № 74, «Җәмгыять», статья) ‘Причиной тому, что они являются полководцами, которые ведут народ за собой в сторону небытия, является...’; *Istanbul – Čanaq Qalğä buğazy ačylğanny* ***köteb toručy*** *paraxodlar 130 ğa tuldy* («В.», 1912, № 956, «Төркия – Италия сугышы», заметка) ‘Стамбул – Количество пароходов, ожидающих открытия пролива Дарданеллы возросло до 130’;

В текстах исследуемых нами газет обнаруживаются причастия на *-učy*, которые употребляются без определяемого слова. В данном случае

причастие, подобно имени существительному, может принимать аффиксы падежа, числа, принадлежности, а на синтаксическом уровне выполнять роль подлежащего, дополнения или обстоятельства. При этом, наблюдается тенденция, когда причастие, утратившее свои глагольные свойства, перемещается в разряд имен существительных: *Qušqanny ešli torğan Duma cyjarğa* ***tyryšučylar*** *ministrlar öčen bik küŋel bolğatqyč ber eš bulyb qujdy* («Б.т.», 1912, № 47, «Ледбал вә Горький компанияләре турында берничә сүз», статья) ‘Старающиеся собрать Думу, делающую все, что поручат, стали для министров очень противной проблемой’; *Läkin jarty jyllyq inqyjlab mäjdanynda ošbu maqsadnyŋ ikese dä ğakes älinqyjlabğa* ***iltüče*** *ikänlek isbat qylyndy* («В.», 1917, № 2285, «Демократия киңәш мәҗлесе», статья) ‘Однако за пол года революции было доказано, что обе эти цели являются проводником к совсем иной революции’; *Fäqat ul waqyt zemstvada 6 protsent alyb,* ***alučy*** *12 gä qadär tüläjäčäkder* («К.», 1915, № 679, «Коопиративлы җәмгыятьләр тормышыннан», корреспонденция) ‘Однако в этом случае, получатель, взяв в земтсве 6 процентов, будет платить до 12’.

Учитывая пассивное функционирование в текстах исследуемых нами газет причастия настоящего времени на *-učy*, ее отрицательная форма обнаруживается карйне редко. Она образуется при помощи отрицательной частицы *-ma/-mä*, которая присоединяется к основе глагола, после чего следует показатель причастия: *Ğyjlem wä fän qaršysynda tez* ***čükmäüče*** *kešelär dä juq tügel* («Б.т.», 1907, № 74, «Җәмгыять», статья) ‘Хватает и людей, не встающих на колени перед наукой и образованием’.

Наиболее регулярное употребление причастия на *-učy* наблюдается в текстах газеты «Борхане таракки» и «Вакыт», тогда как в газете «Кояш» функционирование рассматриваемой формы является менее активной, а вместо нее используется аналитическая форма причастия настоящего времени на *-a torğan*. В целом, рассматриваемая форма определяется учеными-языковедами как традиционный общетюркский грамматический элемент. Форма на *-učy* в разных фонетических вариантах, а также с

различной семантикой и с неравной регулярностью функционирует в морфологической системе многих тюркских языков, в преобладающем большинстве – кыпчакской группы. Так, в казахском языке форма на *-učy*, также, как и в языке татарской периодической печати начала XX века и современного татарского литературного языка, функционирует в качестве причастия. При этом, подобно текстам исследуемых нами газет, наблюдается тенденция, при которой причастие в указанной форме утрачивает свои глагольные свойства и переходит в разряд существительных [Совр. каз. яз., 1962, с. 324]. В киргизском языке рассматриваемая форма спрягается, принимая личные окончания, и выражает процессуальность действия со значением прошедшего времени [Орузбаева, 1955, с. 36]. В карачаево-балкарском языке форма на *-učy* употребляется с семантикой временного, постоянного, многократного времени [Урусбиев, 1963, с. 122]. Данная форма в качестве показателя прошедшего времени аквтино употребляется в диалектах туркменского языка [Гаджиева, 1975, с. 210].

Форма на *-yrlyq*

В отличие от современного татарского литературного языка, [Татар грамматикасы, 2016, б. 240], в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» обнаруживается форма причастия настоящего времени на *-yrlyq*. По мнению диалектологов, на сегодняшний день данная форма в разной степени активности функционирует во всех диалектах татарского языка. Особенно активна рассматриваемая форма в говорах среднего диалекта [Юсупов, 2004, с. 43]. Помимо диалектов татарского языка форма на *-yrlyq* обнаруживается в карачаево-балкарском, кумыкском, башкирском, узбекском языках..

В исследуемых текстах форма на *-yrlyq* образуется от причастия на *-yr* при помощи аффикса *-lyq/-lek*. При этом, чаще всего она обнаруживается в текстах газет «Кояш». Рассматриваемая форма, как правило, обозначает потенциальную способность лица или предмета: *Bu köndä möselmanlarnyŋ iŋ kiräkle ike närsäläre bar. Bere Itifaq Möslimin partijasyny quwätländerü ikenčese kiläčäk Gosudarstvennyj dumağa* ***eškä jararlyq*** *wä xalyq fajdasyna* ***tyryšyrlyq***

wäkil sajlaudyr («Б.т.», 1906, № 51, «Мөселманларның иң кирәкле нәрсәләре», статья) ‘На сегодняшний день есть две вещи, необходимые для мусульман. Одна из них – усиление партии «Иттифак-аль Муслимин», вторая – избрание в будущую Государственную думу представителей, способных к работе и старающихся во благо народа’; *Došmanny dürt aj* ***intekdererlek*** *wä anyŋ mökämäl wä montazam jöz meŋ ğaskärenä* ***qaršy toryrlyq*** *ber quwät kiterdelär* («В.», 1912, № 910, «Сугыш өстендә», статья) ‘Они привнесли мощь, дающую возможность изматывать врага на протяжении 4 месяцев и противостоять его совершенной и организованной четырехтысячной армии’; *Kerenski belän Petrograddağy demoqratlar arasynda čyqğan ixtilafny här ike jaq öčen dä* ***qabul itä alyrlyq*** *jul belän xäl itü öčen cyjylğan demoqratija kiŋäš mäclese… üzeneŋ qararlaryn iğlan itde* («К.», 1917, № 1166, «Демократия киңәш мәҗлесе мөнәсәбәте белән», статья) ‘Совещательное собрание демократов, созванное для того, чтобы разрешить разногласие, возникшее в Петрограде между Керенским и демократами путем, который бы приняли обе стороны, объявило о своих решениях’.

Также рассматриваемая форма может обозначать назначение, пригодность лица или предмета к совершению действия: *Šulaj iteb sez Bubi mädräsäsendä dä jabylmaqda bulğan bašqalarda da watanğa xäläf* ***dijerlek*** *hič ber närsä taba almazsyŋyz* («Б.т.», 1911, № 139, «Газеталарымыздан», обзор периодической печати) ‘Таким образом, ни в медресе Буби, ни в каком другом закрытом медресе вы не найдете ничего, что могло бы стать полезным для родины’; *Hič bulmasa ber ajaq ilä* ***basyb toryrlyq*** *ber jer alyb qalyrğa qarar birde* («В.», 1913, № 1178, «Балкан мәсьәләсенең тармаклары», статья) ‘Принял решение занять место, где было бы возможно, хотя бы, стоять на одной ноге’; *Awylda eškä* ***jararlyq*** *zurraq kešeläre irtädän kičkä qadär qyrda xedmätdä kön uzdyralar* («К.», 1913, № 148, «Тәрбия йорты ачу (авыл халкы диккатенә)», статья) ‘В деревне, взрослые люди, пригодные к труду, с утра до вечера проводят время в поле за работой’.

В текстах газет также обнаруживаются причастия на *-yrlyq*, которые выражают меру, степень или признак предмета или лица для совершения процесса, действующее лицо которого является обобщенным: *Ike jyldan birle tatarlar berlän ärmänlär arasynda räximsez kisešüneŋ häm böten ğaläm xalqyny* ***teträterlek*** *pağromlarnyŋ kem quly berlä mäjdanğa čyqğanyn… knäz Urusof cänabläre… ačyb salğan ide* («Б.т.», 1906, № 38, «Хажитархан октябрь 27», статья) ‘Господин князь Урусов... раскрыл... чьей рукой были организованы резня между татарами и армянами, продолжающаяся на протяжении двух лет и погромы, будоражащие население всего мира’; *Räxätläneb sulana torğan irken hawa wä härtörle xislärne* ***tujdyryrlyq*** *tabiğat bajlyğy anlarğa jetä* («В.», 1913, № 1178, «Юк өчен үлде...», художественное повествование) ‘Им достаточно вдыхаемого с удовольствием свободного воздуха и насыщающего любые чувства богатства природы’; *Härber dini wä mili xise bulğan möselmannyŋ böten vöcudyn* ***qaltrandyryrlyq*** *wä* ***zärba bulyrlyq*** *bu qarary, älbätä möselmanlar tarafyndan salqyn ğyna qaršylana almyjdyr* («К.», 1914, № 331, «Тәсефле хәл», статья) ‘Конечно же это решение, заставляющее дрожать все тело каждого мусульманина имеющего религиозные и национальные чувства и являющееся ударом, не может быть воспринято мусульманами с прохладой’.

Отрицательная форма причастия настоящего времени на *-yrlyq* образуется при помощи отрицательного показателя причастия *-mas/-mäs*, после которого следует аффикс *-lyq/-lek*. Данная форма причастия в текстах исследуемых нами газет выражает невозможность совершения действия как свойство или признак предмета: *...šul adämgä čyrajy sytmajynča* ***qaryj almaslyq*** *däräcägä kiteräder* («Б.т.», 1906, № 36, «Алданучыларның берсе», статья) ‘...доводит до состояния, когда не возможно посмотреть на этого человека, не сделав кислую мину’; *...fajdaly äsärlär motalağa häwäslelärene* ***jalyqdyrmaslyq*** *däräcädä jyš näšer iteleb toradyr* («В.», 1910, № 561, «Русия мөселманлары», статья) ‘...полезные книги печатаются так часто, что любящие поспорить не успевают устать’; *Šul awyllar šušyndyj jaŋğyr waqytlarda ajaq* ***atlyj almaslyq***

sazlyqğa äjlänälär («К.», 1913, № 148, «Минзәлә өязендән», корреспонденция) ‘Эти деревни в период дождей превращаются в непролазное болото’.

Причастия будущего времени

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» для обозначения признака предмета по действию, которое совершится в будущем, используются формы причастия на *-ačaq, -yr* и *-asy.* Следует отметить, что по сравнению с формами причастий настоящего и прошедшего времени, формы причастий будущего времени в текстах газет имеют несколько ограниченное распространение. Как показывает фактический материал, в отличие от современного татарского литературного языка, где наибольшая активность зафиксирована со стороны форм на *-yr* и *-asy*, а форма на *-ačaq* наиболее употребительна для художественного стиля [Тат. грам., 1997, с. 220], в исследованных текстах наблюдается активность формы на *-ačaq*. Учитывая огузское происхождение этой формы [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 465], данную тенденцию можно объяснить влиянием тюркских языков огузской группы, в частности османско-турецкого литературного языка начала XX века на язык татарской периодической печати рассматриваемого периода и старотатарский литературный язык в целом.

Форма на *-ačaq*

Форма на *-ačaq* является наиболее активной формой причастия будущего времени в текстах татарской периодической печати начала XX века. Как было отмечено выше, форма на *-ačaq*, которую относят к позднему праязыковому состоянию, является характерной особенностью огузских языков. В кыпчакских языках она наиболее употребительна в южных районах расселения тюркских народов – с разной степенью распространенности функционирует в уйгурском, узбекском, каракалпакском, татарском и башкирском языках [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 465]. При этом, она не получила широкого распространения в современном татарском литературном языке и в его говорах. Наиболее

активно рассматриваемая форма употребляется в заказанской и нагорной группах говоров среднего диалекта [Юсупов, 2004, с. 87].

В текстах газет рассматриваемая форма образуется при помощи аффикса *-ačaq/-äčäk* (для согласных основ) и *-jačaq/-jäčäk* (для гласных основ) и, как правило, употребляется в атрибутивном и глагольно-именном значениях. В атрибутивном значении форма на *-ačaq* обозначает признак, свойство предмета или лица по действию, осуществление которого не подвергается сомнению: *Ufa ğubernatory* ***qatnašačaq*** *ber Ğajdkä qaryjm…* («Б.т.», 1911, № 139, «Газеталардан», обзор периодической печати) ‘Я обращаю свой взор на праздник Гает, где будет участвовать губернатор Уфы’; ***Jazylačaq*** *närsälär barsy da qara xäbärlär, načar xäbärlär* («В.», 1913, № 1109, «Истанбул мәктүпләре», очерк) ‘Вещи, о которых я буду писать, все черные новости, плохие новости’; *…monda qalučy wä törek jaralylary ilä rus jaralylaryna* ***xedmät iäčäk*** *šäfqat tutašlary azad iteläčäk dijälär ide* («К.», 1915, № 596, «Әсир төшкән сәхабә поезды», статья) ‘Поговаривали, что медицинские сестры, остающиеся здесь и которые будут помогать турецким и русским раненным, будут освобождены’.

Как и другие формы причастий, причастие на *-ačaq* в атрибутивной функции, как правило, выступает в роли определения к словам, обозначающим субъект действия: *Aŋa iŋ möhim ber šäj var isä o da qadyn* ***ulačaq*** *qyz ilä ir* ***ulačaq*** *jegetneŋ ämraz möhlikädän masun ulmaqlarydyr* («Б.т.», 1906, № 28, «Тыйб вә издиваҗ», статья) ‘Если для него и есть что-то наиболее важное, то это отсутствие у девушки, которрая станет женой и юноши, который станет мужем, губительных болезней’; *Zatä bu suğyšny* ***kuzğatačaq*** *närsä Törkijäneŋ xaqiqyj mänfäğatendän bigräk üz ara bulğan partija nizağlary, jäšeren ixtilaflar wä xosusyj maqsadlar ide* («В.», 1909, № 507, «Төркия вә Крид мәсьәләсе», статья) ‘В сущности, причиной, приведшей к возникновению войны стали внутрипартийный разлад, скрытые противоречия и личные цели, нежели реальные интересы Турции’; *Jökläreп tošermičä,* ***tuwačaq*** *balalaryn tärbijä itärgä telägän xatynlarğa aqča belän järdäm*

qyluny sorab, parlamentqa petitsijä birergä qarar birde («К.», 1915, № 679, «Нимес балалары», заметка) ‘Он принял решение отправить в парламент петицию, с просьбой о финансовой помощи женщинам, пожелавшим, не делая аборт, воспитывать детей, которые родятся’.

Рассматриваемая форма также может быть определением к словам, обозначающим объект действия: ***Qaralačaq*** *mäsälälärdän iŋ möhim ulany, jevrejlarnyŋ tigez pravaly ulmaqlary häm sajlau zaqonyny üzgärtü xaqynda* («Б.т.», 1907, № 89, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘Наиболее важный вопрос, который будет рассмотрен – равноправие евреев и об изменении закона о выборах’; *Jaŋy* ***ačylačaq*** *mäktäblärgä iğanä cyjar öčen alty jede kešedän möräkäb ber kamisijä sajlandy* («В.», 1909, № 536, «Мөселман җәмгыятенең җыелышы», заметка) ‘Для того, чтобы собрать пожертвования для открывающихся новых школ, была избрана комиссия, состоящая из шести-семи человек’; *Ramanof sölaläseneŋ padišahlyq sürüwenä 300 jyl tulu mönasäbäte belän* ***čyğarylačaq*** *ber sumlyq kömeš täŋkäneŋ nindi wä ni räweščä bulačağynyŋ täfsile näšer itelde* («К.», 1913, № 54, «Зур иганә», заметка) ‘Опубликовано подробное описание серебряной рублевой монеты, которая будет выпущена в честь 300 летия царствования династии Романовых’.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» обнаруживается употребление формы на *-ačaq* в атрибутивной функции, при котором она служит определением к словам, обозначающим место действия: *…wä öčenče jaqdan da* ***toračaq*** *jerdän idarä itüe hič mömkin tügelder* («Б.т.», 1906, № 32, «Тырышмак вә эшләмәк», статья) ‘...в третьих, с того места, где он будет находиться, невозможно управлять’; *Ministrlar sovety jaqyn arada* ***bulačaq*** *cyjylyšynda bu notany qarajačaqdyr* («В.», 1912, № 1045, «Яңа сугыш», заметка) ‘Совет министров рассмотрит данную ноту на своем собрании, котрое будет в ближайшее время’; *Äfjün* ***jandyrylačaq*** *jergä čit mämläkät kešeläre dä čaqyrylğan idelär* («К.», 1914, № 321, «Харижи хәбәрләр», заметка) ‘На место, где будет сожжен опиум, были приглашены и представители иностарнных государств’.

Реже в текстах исследуемых нами газет обнаруживаются причастия на -*ačaq*, которые в атрибутивной функции являются определением к словам, обозначающим время действия: *Läjläi Šärqyjä* ***bulačaq*** *kön fevral 21 dä isä säfir cänablärilä berlekdä Peterburğda mosafir xarcijä nazyjre Räfğat Pašanyŋ da kiläčäge aŋlašyldy* («В.», 1909, № 438, «Петербургта Ләйләи Шәркыя вә мосафир төрек пашалары», статья) ‘Стало понятно, что в день, когда будет Ляйляи Шаркыя, 21 февраля, вместе с господином послом придет и министр иностранных дел Рафгат Паша, гостящий в Петербурге’; *Jenikijef beläп Cäğfäref kenä Petroğradda bulyb, bašqalary Ğ. duma* ***ačylačaq*** *könlärdä kiläčäklär imeš* («К.», 1917, № 1082, «Петроград мәктүбе», корреспонденция) ‘Говорят, в Петрограде находятся лишь Еникеев и Ягфаров, а остальные прибудут в день, когда начнет работу Г. дума’.

В тех случаях, когда причастие на -*ačaq* в текстах газет употребляется в функции имени действия, оно может принимать аффиксы числа, принадлежности, а также падежные аффиксы: *Qan tügelä dä tügelä, qajčanğa betäčäge, bu qurqynyčly awyrudan ärmän tatarlarnyŋ qajčan* ***qotylačaqlary*** *haman belenmi* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында», статья) ‘Кровь продолжает проливаться, неизвестно, когда это закончится, когда татары и армяне избавятся от этого страшного недуга’. Как видно, в данном примере форма на -*ačaq* в основном падеже осложнена аффиксом принадлежности, который указывает непосредственно на субъект действия.

...bu qymyznyŋ säüdäseneŋ dä šul apteklar säüdäsendän fajdalyraq ***bulačağynda****... hič šöbhä juq* («В.», 1914, № 1514, «Төркиядә кымызчылык», статья) ‘Нет ни единого сомнения, что продажи кумыса будут намного прибыльнее чем продажа тех же аптечных препаратов…’; *Mäcles Sovet wäkileneŋ süzlärendän qänäğat xasil itmi, bik qaty tänqyjd iteb, ägär Sovet čexlarny uzdyrmasa üzläre Sovet ğaskäreneŋ artyna* ***töšäčäklären*** *iğlan itälär* («К.», 1918, № 1242, «Самара фронты», репортаж) ‘Собрание не выражает довольства от слов представителя страны Советов, очень сильно подвергнув критике, объявляют, что в случае, если страна Советов не пропустит чехов,

то они сами дадут нагоняй Советской армии’. В последнем примере причастие на *-ačaq*, оформленное при помощи аффиксов числа и принадлежности, употреблено с винительном падеже. Такое оформление рассматриваемой формы выражает объектное отношение.

В субстантивированном виде причастие на *-ačaq* в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», употребляется крайне редко. При этом, как правило, приходится говорить о словах, перешедших в разряд существительных посредством контекстуальной субстантивации (*ešlänäčäk* ‘дело’, *kiläčäk* ‘будущее’, *viräčäk* ‘долг; предмет, который должен быть отдан’, *küräčäk* ‘судьба’ и т.д.): *Järdäm itkän keše* ***viräčäken*** *vireb kvitansijä alyr soŋra gazetamyzda iğlan ideler* («Б.т.», 1907, № 81, объявление) ‘После того, как помогший человек отдаст, что должен был отдать и возьмет квитанцию, объявление будет опубликовано в нашей газете’; *Sullar,* ***kiläčäkdä*** *bulačaq mödaxälälärgä küneb šunyŋ belän bergä mäsläkle wä liberalnyj ber kamitet kiräklegen taläb itüdä nijät kürsätdelär* («К.», 1913, № 49, «Япониянең яңа вәзарәте», заметка) ‘Левые, смирившись с вмешательствами, которые будут в будущем, вместе с этим, показали рвение в отстаивании необходимости профессионального и либерального комитета’.

Отрицательная форма причастия на *-ačaq* в текстах газет, как и в современном татарском литературном языке [Тат. грам., 1997, с. 219], образуется при помощи отрицательного аффикса *-ma/-mä*: *Idarämezgä waqytly näširemez Xucaef isemenä Ğajsä mula Salixof imzaly* ***vöcdan kütärmäjäčäk*** *ber ačyq xat kilsä dä šu ačyq xatnyŋ jazu wä imzasyny Ğajsä mulanyqy tügel dimäklärene ujladyq wä ačyq xatqa cawab birelmäde* («Б.т.», 1906, № 30, «Идарәдән», комментарий) ‘Несмотря на то, что на имя нашего временного издателя Ходжаева поступило душераздирающее открытое письмо с подписью Гайсы муллы Салихова, прислушившись к мнениям, которые утверждают что стиль и почерк данного открытого письма не соотвествуют стилю и почерку Гайсы муллы Салихова, ответ не был дан’; *Praxodlarny tänbih qylmyjča* ***batyrmajačağyn*** *ğaraz qylğan* («К.», 1915, № 883, «Германия

вә Америка», заметка) ‘Он запланировал, что не будет топить пароходы без предупреждения’.

В целом, рассматриваемая форма регулярно обнаруживается не только в текстах татарской периодической печати начала XX века, но и в текстах старотатарских письменных памятников рассматриваемого периода, оформленных в разных жанрах [Татар әдәби теле..., 2017, б. 726] и является показателем нормы литературного языка.

Форма на *-yr*

Наиболее ранним значением данной формы в тюркских языках является выражение постоянного динамического признака. При этом, она довольно рано начинает употребляться для создания настоящего-будущего времени, что приводит к снижению интенсивности употребления в сфере причастий [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 447]. В настоящее время в некоторых тюркских языках, в частности огузской группы, форма на *-yr* в функции причастия характеризуется ограниченным употреблением [Кононов, 1956, с. 239], а в некоторых языках она и вовсе отсутствует [Мусаев, 1964, с. 281].

Как известно, в современном татарском литературном языке, а также во всех ее диалектах форма на *-yr*, наряду с формами на *-asy* и *-ačaq*, составляет систему форм причастий будущего времени и характеризует предмет, лицо либо явление по его постоянному признаку, а также может выражать будущее время. При этом, степень употребительности рассматриваемой формы причастия в диалектах татарского языка варьируется. Так, если в мишарском диалекте форма на *-yr* имеет сравнительно ограниченное употребление, то в говорах среднего диалекта ее активность заметно снижается, а в говорах пермских, ичкинских и сафакульских татар она максимально активна, что объясняется отсутствием в последних конкурирующих форм на *-asy* и *-ačaq* [Юсупов, 2004, с. 69].

В отличие от современного состояния татарского литературного языка, где рассматриваемая форма употребительна в собственно-причастном

значении, выступает в роли имени действия, а также, хотя и реже, субстантивируется, в текстах исследуемых нами газет форма на *-yr* наиболее активна при передачи обстоятельственных отношений и функционирует в паре с такими послелогами и служебными словами, как *öčen* ‘для’, *šikelle, kebek, kebi*,‘как, как будто’, *aldan, aldyndan* ‘до, раньше’, *soŋra* ‘после, позже’ и т.д.

Наиболее часто в текстах обнаруживается форма на *-yr* в сочетании с послелогом *öčen* ‘для’. Такое сочетание употребляется для выражения цели совершаемого действия: *Här ğaqly bar ärmän, här vöcdany bar tatar bu kiräksez qanlarny tügüne* ***tuqtatyr öčen*** *böten köčen saryf qylyrğa tiješder* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында», статья) ‘Каждый разумный армянин, каждый совестливый татарин должен приложить все свои силы чтобы остановить это ненужное кровопролитие’; *Jäşlär* ***qujylyr öčen*** *metriqa däftärendän svedinija birergä formasy duxovnyj sobranija tarafyndan jazylyb tasdyjq idelgän metričeskij ysprafka häm semejnyj vypiska blankalary basylyb čyqdy* («В.», 1910, № 640, объявление) ‘Отпечатаны формы метрических справок и семейных выписок для указания сведений о возрастах из метрической книги, подготовленные и одобренные духовным собранием’; *Bezneŋ Dvina nähren saqlar öčen qujylğan quwätle tuplarymyz došmannyŋ jylğa kičüwenä qaršy tora almağanlar* («К.», 1917, № 1155, «Сугыш мәйданында куркыныч хәлләр», статья) ‘Наши мощные пушки, установленные для защиты реки Двина не смогли противостоять переправке врага через реку’.

Еще одним наиболее активным сочетанием является употребление в текстах формы на *-yr* в паре со служебным словом *aldyndan* ‘до’. В данном случае выражается значение предшествующего действия: *Suğyš* ***bašlar aldyndan*** *Germanija ilä Avstrija böten ğalämneŋ üzlärenä qaršy ajaqlanačağyn beldelärme ikän?* («В.», 1914, № 1544, «Каршау эчендә», статья) ‘Знали ли Германия и Австрия перед объявлением войны о том, что весь мир восстанет против них?’.

Для выражения значения предшествующего действия в текстах газет служебное слово *aldyndan* ‘до’ также может употребляться без аффикса принадлежности: *Öčenče sjezd Gasudarstvennyj duma* ***ačylyr aldan*** *ğyna apreldä buldy* («Б.т.», 1906, № 27, «Конституционно-демократический партиянең организациясе», статья) ‘Третий съезд состоялся еще только в апреле перед открытием Государственной думы’.

Кроме того, в текстах обнаруживается сочетание формы на *-yr* и послелога *soŋra* ‘после, позже’, которое употребляется для выражения значения последующего действия: *Järdäm itkän keše viräčäken vireb kvitansijä* ***alyr soŋra*** *gazetamyzda iğlan ideler* («Б.т.», 1907, № 81, объявление) ‘После того, как помогший человек отдаст, что должен был отдать и возьмет квитанцию, объявление будет опубликовано в нашей газете’.

Также в текстах регулярно обнаруживается сочетание формы на *-yr* с послелогом *šikelle* ‘как будто’, которое выражает сомнение или неуверенность субъекта в совершении действия: *Bu oluğ suğyš böten Jaurupada ber inqyjlab fikere tuğdyrğan šikelle, kiläse tormyšqa da üzeneŋ ezlären bik nyq* ***qaldyryr šikelle*** *kürenä* («К.», 1910, № 613, «Нимес хатынлары», статья) ‘Эта великая война, кажется так же, как порадила революционную мысль во всей Европе, оставит свой неизгладимый след и на предстоящей жизни’.

Таким образом, проанализированный нами фактический материал показал ограниченную степень функционирования формы причастия будущего времени на *-yr* в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш». Однако этому есть ряд логических объяснений. Как мы подчеркивали выше, в грамматическом плане рассматриваемая форма может характеризовать предмет по постоянному действию. Однако в текстах газет функционирует одна из наиболее сильных причастных форм на *-a torğan*, которая в исследуемых текстах также характеризует предмет по постоянному действию. Следовательно, в результате конкуренции форма на *-yr* получает ограниченное распространение.

В тех случаях, когда форма на *-yr* в текстах газет могла быть употреблена при выражении процесса, который обязательно произойдет в будущем, вместо нее наблюдается активное употребление наиболее активной для языка татарской периодической печати начала XX века формы на *-ačaq*.

Кроме того, при выражении формы на *-yr* динамического признака предмета как его постоянного свойства, данное значение может сопровождаться модальными оттенками возможности или потенциальной способности субъекта к совершению того или иного действия [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 449]. Однако в данном значении в текстах газет наиболее активно употребляется форма на *-yrlyq*, позиционирующаяся как форма причастия настоящего времени [Юсупов, 2004, с. 42].

Следует отметить, что подобное нерегулярное функционирование формы причастия будущего времени на *-yr* характерно и для текстов художественных произведений, оформленных на старотатарском литературном языке рассматриваемого периода. Так, в произведении М. Акъегета «Хисаметдин менла» форма на *-yr* употребляется лишь в сочетании с послелогом *kebi*,‘как, как будто’, в ряде произведений З. Бигиева рассматриваемая форма употребляется только лишь в атрибутивной функции, а в путевых очерках Ф. Карими наблюдается лишь эпизодическое употребление данной формы [Татар әдәби теле..., 2017, б. 714, 716].

Форма на *-asy*

Еще одной формой причастия будущего времени, функционирующей в текстах татарской периодической печати начала XX века, является форма на *-asy*. Рассматриваемая форма имеет активное употребление как в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 232], так и в некоторых ее диалектах [Юсупов, 2004, с. 76]. Так, она активна в среднем диалекте, где функционирует во всех говорах, характеризуясь, при этом, разной степенью употребительности – ее наиболее активное присутствие наблюдается в заказанских и нагорных говорах, а также в мензелинском говоре.

В отличие от современного состояния татарского литературного языка, по сравнению с формами причастий будущего времени на *-ačaq* и *-yr*, в текстах татароязычных газет начала XX века рассматриваемая форма характеризуется наименьшей степенью распространения. Наиболее активное употребление данной формы зафиксировано в текстах газеты «Кояш», тогда как для текстов газеты «Вакыт» ее употребление не является характерной особенностью. Функционирование рассматриваемой формы в текстах газеты «Борхане таракки» характеризуется как спорадическое.

В текстах газеты «Кояш» форма на *-asy* выражает будущее время, которое сопровождается модальным оттенком долженствования. При этом, временное значение данной формы причастия всегда абсолютное и не зависит от времени, выраженным глаголом в личной форме: *Jurjef darelfönüne Permgä küčkän täqdirdä Meškof digän bajnyŋ darelfönün fajdasyna 500 meŋ sum* ***biräse*** *jazylğan ide* («К.», 1910, № 858, «Юрьев дарелфөнүне Пермьгә күчә», заметка) ‘Ранее писалось, что о бай по фамилии Мешков передаст в пользу Юрьевского университета 500 тысяч рублей в случае переезда университета в Пермь’.

Следует отметить, что в текстах газеты «Кояш» рассматриваемая форма, как правило, наиболее активна в атрибутивной функции, а также может быть использована в функции имени действия. При употреблении в текстах газеты определительно-атрибутивная характеристика является наиболее активной в семантике формы на *-asy*, которая в данном случае выражает свойство предмета или лица по действию, которое произойдет в будущем. При этом, рассматриваемая форма, как правило, характеризует объект или субъект действия. Однако, как и в случае с рассмотренными выше формами причастий, в зависимости от лексического содержания и формы определяемого слова, может указывать на место или время соврешения действия: *Bik az ğyna xata buldy, aldan* ***küräse*** *kešelärne küreb, jaxšyraq xäzerläneb qujmadyq, dilär imeš* («К.», 1914, № 331, «Тасыфлы хәл», статья) ‘Говорят, мол, сделали маленькую ошибку, не подготовились получше,

заранее увидев людей, которых должны были увидеть’; *Jaŋa baš ministr Ğaremykin, xökümätneŋ kiläčäkdä totačaq xat xäräkäte tuğrysyndağy bäjanätne Däülät dumasynda* ***kiläse atnada*** *uqyjačaqdyr* («К.», 1914, № 331, «Дахили хәбәрләр», заметка) ‘Новый председатель Совета министров Горемыкин на будущей неделе в Государственной думе зачитает доклад о направлении, которого в будущем будет придерживаться правительство’.

Как отмечалось выше, в текстах газеты «Кояш» также обнаруживается форма причастия на *-asy* в функуции имени действия: *Läkin ul bik tiz ajnydy wä bu xälne kürsätü adäm balasy öčen zur ber cinajät* ***bulasyn*** *töšende* («К.», 1914, № 377, «Габдулла мәрхүм Тукай хакында хосусый ядкәр», статья) ‘Но он очень быстро пришел в себя и осознал что демонстрация такого состояния станет большим преступлением для человека’.

Кроме собственно-причастной и глагольно-именной функций форма на *-asy* в текстах газеты «Кояш» может выступать и на позиции сказуемого, выражая при этом будущее действие с оттенком необходимости или долженствования: *Un öčendän un jedenäčä “Säjfulla” cyjyny* ***bulasy*** («К.», 1913, № 148, «Минзәлә өязендән», корреспонденция) ‘С тринадцатого по семнадцатое планируется проведение джиена «Сайфулла»’.

В текстах газет «Борхане таракки» и «Кояш» зафиксировано функционирование модальной конструкции, образованной в результате сочетания формы на *-asy* с глаголом *-kil* ‘иди’, которое выражает субъективное желание того или иного лица совершить какое-либо действие: *...ämä beznеŋ bjurokratijä haman da xaqiyqät xälgä iltifat itmäjenčä… xalyqnyŋ inde any* ***küräse kilmägänlegene*** *aŋlab jetkerä almyj* («Б.т.», 1906, № 28, «Хаҗитархан сентябрь 24», статья) ‘...но наша бюрократия все еще не обращая внимания на реальное положение дел... не может осознать народную ненависть’; *Pravitelstva qartajsa da üzeneŋ törle räxät tormyšyndan* ***ajrylasy kilmäjenčä*** *az bulsa da toryb qalyjm dijeb xalyqqa üzgärülär wäğdä iteb veksel birde* («Б.т.», 1906, № 33, «Хаҗитархан октябрь 11», статья) ‘Несмотря на то, что правительство уже постарело, оно, не желая лишаться сытой жизни, с

целью хоть немного продлить ее, раздало вексель, обещая народу перемены’; *Samaradan kilgän deputat Miŋle ğaliev oktäbristlardan sajlanyb kilgängä kürä, möselman fraksijasyna* ***qušylasy kilmäde*** («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу», интервью) ‘Депутат из Самары Миннегалиев, по причине избрания от октябристов, не пожелал вступать в мусульманскую фракцию’.

Посредством сочетания формы на *-asy* и вспомогательного глагола *ide* ‘был’ в текстах газет выражатеся значение пересеченного условного действия: *bezgä dä bik eraqdan xörrijät kisäkläre kürenä bašlağač bezlär dä fäläп* ***bulasy idegä*** *totyndyq* («Б.т.», 1906, № 29, «Хажитархан сентябрь 24», статья) ‘…как только мы заметили, что где-то очень далеко и нам тоже светит независимость, все тут же перешли на «было бы хорошо, если»’.

Следует отметить, что форма на *-asy* является характерной особенностью огузских языков, тогда как сфера ее употребления в кыпчакских языках заметно сужается [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 466]. Так, до XV века рассматриваемая форма функционировала в османском письменном литературном языке, а на сегодняшний день находится в употреблении в современном турецком, а также азербайджанском, туркменском и в некоторых кыпчакских языках.

Ограниченное распространение формы на *-asy* в текстах исследуемых нами газет прежде всего объясняется конкуренцией с наиболее употребительной формой на *-ačaq*. Кроме того, тот факт, что форма на *-asy* более употребительна для газеты «Кояш», которая по сравнению с газетами «Борхане таракки» и «Вакыт» в рамках межреволюционного периода 1905-1917 гг. начинает издаваться в более поздний временной отрезок, свидетельствует о наличии процессов отхождения от влияния традиционных общетюркских языковых элементов, а также от влияния тюркских языков огузской группы, в частности османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода. Это, в свою очередь, приводит к активизации процессов формирования норм нового татарского письменно-литературного

языка начала XX века и процессов перехода к этапу современного языкового состояния. Учитывая, что в настоящее время центром употребления рассматриваемого изоглоссного явления считаются говоры среднего диалекта, распространенные на территории Татарстана [Юсупов, 2004, с. 76], немаловажную роль в сравнительно более активном употреблении формы на *-asy* можно считать и тот факт, что издавалась газета «Кояш» в Казани. При этом, спорадическое функционирование формы на *-asy* было характерно и для письменных памятников конца XIX – начала XX вв., созданных на старотатарском литературном языке. Так, употребление данной формы причастия будущего времени не зафиксировано в литературных произведениях, относящихся к рассматриваемому периоду, хотя в текстах произведений, созданных на более ранних этапах ее употребление имеет место быть [Татар әдәби теле..., 2017, б. 107, 179, 240, 283, 707], что подчеркивает ослабевающий характер распространения формы на *-asy*.

Как показал анализ фактического материала, в текстах газет функционируют причастные формы, характерные как для кыпчакских языков, так и для тюркских языков огузской группы. Среди форм причастий прошедшего времени наиболее активно функционирует форма причастия прошедшего времени на *-ğan*, характерная для кыпчакских языков, в частности для современного татарского литературного языка. Также в текстах обнаруживается форма на *-myš*, характерная для огузских языков, но употреблявшаяся в татарском языке до первой четверти XX века. Менее активно в текстах газеты обнаруживаются формы причастия прошедшего времени на *-an* и на *-dyq*, характерные для огузских языков. Также в текстах исследуемых нами газет обнаруживается ограниченное употребление формы на *-maqda ulan (bulğan)*, которая является грамматическим элементом, вошедшим в огузированный вариант старотатарского письменного литературного языка начала XX века, и в частности в грамматическую систему исследуемых нами газет, через османско-турецкое посредство.

Причастие настоящего времени в текстах выражается при помощи синтетических форм на *-učy* и *-yrlyq*, а также аналитической формы на *-a torğan*. При этом наиболее продуктивной является последняя форма.

В отличие от современного татарского литературного языка, где наибольшая активность среди форм причастий будущего времени зафиксирована со стороны форм на *-yr* и *-asy*, в исследованных текстах наблюдается отчетливое превосходство формы на *-ačaq*, являющейся характерной особенностью огузских языков.

Наличие в системе причастий элементов, характреных для огузских языков может восприниматься как свидетельство влияния языков огузской группы на татарский литературный язык конца XIX – начала XX вв., а именно османско-турецкого языка. В то же время уместно говорить о функционировании в языке исследуемых нами газет традиционных языковых форм, характерных для преобладающего большинства тюркских языков.

В целом, причастия функционируют в текстах, относящихся ко всем жанровых группам. Однако наиболее широкое распространение рассматриваемая часть речи получает в текстах статей, относящихся к аналитическим жанрам, в текстах очерков, фельетонов, а также в текстах художественного повествования, относящихся к художественно-публицистическим жанрам и в текстах отчетов, относящихся к информационным жанрам. При этом, употребление причастий ограничено в текстах заметок, объявлений, комментарий и статистических данных.

Причастия, более подробно раскрывая информацию о предмете или лице, обогащают речь, делают предложения более глубокими и красивыми. Однако не все жанры, функционирующие в рамках текстов периодической печати, по форме своей композиции могут содержать в себе подобные не всегда обязательные элементы. Так, например, статья не ограничена в объемах, что позволяет автору более точно выражать свои мысли, выискивать наиболее действенные на читателя языковые обороты, что позволяет создать особенный, отличающийся от информационных жанров

стиль текста. Между тем, тексты заметок ограничены как по времени написания, так и по форме, а именно по объемам. Автор заметки коротко и локанично дает информацию по уже свершившемуся либо планирующемуся действию. В результате, текст в грамматическом плане заметно упрощается, что отражается и на его стилистической композиции. Такая же ситуация наблюдается в текстах объявлений, которые несут в себе задачу информирования или воздействия на читателя с целью получения экономической выгоды. В результате тексты объявлений на грамматическом уровне получаются более упрощенными, чем объемные тексты отчетов, репортажей, интервью, либо текстов, относящихся к аналитическим и художественно-публицистическим жанрам.

Деепричастие

Как и в современном татарском литературном языке, а также в других тюркских языках, в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» деепричастие представляет собой неличную форму глагола, выражающую второстепенное, дополнительное действие по отношению к главному действию. Деепричастие совмещает в себе признаки глагола и наречия, в результате чего, как и наречие, выражает признак другого действия, характеризуя его по образу и способу, времени, цели, причине совершения действия. Будучи формой глагола, деепричастие всегда выражает значение действия и характеризует его как признак другого действия.

В настоящее время в современном татарском литературном языке функционирует пять форм деепричастий: формы на *-ып, -а, -гач, -ганчы, -ышлый* [Татар грамматикасы, 2016, б. 249]. В текстах исследуемых нами газет кроме некоторых форм, находящихся в употреблении в современном татарском литературном языке, также наблюдается функционирование форм, характерных для тюркских языков огузской группы (*-araq, -madan, -masdan*). Основываясь на традиционную морфологическую классификацию, принятую в тюркологии [Баскаков, 1952, с. 460–461], можно разделить все формы деепричастий, функционирующие в текстах исследуемых нами газет, на

первичные и вторичные. При этом, к первичным формам относятся формы на *-yb* и *-a*, тогда как к вторичным, либо сложным формам деепричастий относятся все остальные формы, так как все они образуются от причастных либо глагольно-именных основ путем присоединения специальных аффиксов.

Форма на *-yb*

В текстах исследуемых нами газет, как и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 249] и в его говорах [Юсупов, 2004, с. 126], а также в других тюркских языках [Грунина, 1991, с. 144], деепричастие на *-yb* имеет широкую сферу употребления и характеризуется своей многозначностью и полифункциональностью. После основ с конечным согласным, в зависимости от мягкости и твердости основы, она оформляется при помощи аффикса *-yb*/*-eb*, тогда как после гласных основ добавляется аффикс *-b*. В текстах газет рассматриваемая форма наиболее активна в значении действия, предшествующего действию, выраженному основным глаголом, либо в значении одновременного с ним действия: *Beznең ğomumi Rusijä xalqyny zalim birokratijä qulyndan* ***qurtylyb*** *irkenle wä pačotly tormyšqa jul ačar öčen… irekle tügellärder* («Б.т.», 1907, № 81, «Думаны куалау хакында», статья) ‘Они подневольны..., чтобы открыть дорогу всему российскому народу к свободной и почетной жизни, освободив от жесткой руки бюрократии’; *Ğomum daxili Rusijä möselmanlarynyŋ möftiläre šunda* ***xäzer bulyb****, bu ešne täbrik wä täqdis itde* («В.», 1910, № 640, «Мөселман съездындагы тасырат», статья) ‘В этот момент муфтии мусулҗман всей внутренней России, будучи готовыми, поздравили и отметили это дело’; *17 nče sentäbrdä ike märtäbä mäcles* ***jasalyb*** *kečkenä mäclesdä törle milätlärneŋ wäkilläre wä šul cömlädän möselmanlardan Äxmädbäk Sälaxof ilä Möselman xärbi šurasy isemendän Tuqumbetof söjläde* («К.», 1917, № 1165, «Демократлар киңәш мәҗлесе», отчет) ‘17 сентября после того, как два раза было проведено собрание, на малом собрании выступили представители разных стран, в

частности от мусульман выступил Ахмадбек Салахов, от имени Военного совета мусульман – Тукумбетов’.

Кроме указанного выше осоновного значения деепричастия на *-yb*, в текстах газет обнаруживаются и ее сопуствующие значения. Так, в текстах активно значение образа либо способа действия, которое, в частности, может выражаться и при помощи звукоподражательных слов. При этом, как правило, уместо говорить о действии, совершающемся параллельно с другим действием: *Ajağyna zur kün iteklär kigän cilkäsenä ütken yštyqly savaš system myltyqny kütäreb ber urynda basyb bağana kebi tora jäisä* ***šaq šaq iteb*** *trotuarda ärle birle jörider* («Б.т.», 1906, № 42, «Шулай кирәкме?», статья) ‘На ногах большие кожаные сапоги, стоит на одном месте словно столб, повесив на плече боевое ружье с острым штыком или ходит туда-сюда по тротуару, топая ногами’; *Mal asrarğa teläüčeläremez öčen ajrym jalanlar* ***kiseb bireŋez*** («В.», 1910, № 563, «Кыргызларның күчәбәлекне ташлый башлаулары», статья) ‘Для тех из нас, кто хочет разводить скот, выделите луга’; *Xäzer sajlaulardan soŋ awyllaryndan tyšqa čyqğanda,... motlaq šabqa* ***kieb*** *čyğarğa mäcbür bulalar ikän* («К.», 1914, № 388, «Болгарстанда хөрриять диния», статья) ‘Оказывается теперь, после выборов, когда они едут куда-то за пределы своих деревень,... они вынуждены обязательно надевать шапки’.

Также в текстах газет аквтино обнаруживаются примеры функционирования формы на *-yb*, передающие значение причины соврешения того или иного действия: *Sentäbr 7 ndä törmäneŋ tabiby qarab, monyŋ übkäse* ***bozylyb*** *čixotkağa äjlänä bašlağan dide* («Б.т.», 1906, № 30, «Киев – Уманский төрмәгә ябылган», заметка) ‘7 сентября после того, как его осмотрел тюремный доктор, сказал, что у него изменения в легких и начинается чахотка’; *Äbi padša üze böjlä fransuz filosoflarynyŋ äsärlären* ***uqyb*** *läzätlänä wä anlarğa ijäreb liberal mäsläkle kürenä* («В.», 1912, № 1027, «Ватан сугышы вә аның әһәмияте», статья) ‘Царица Екатерина II и сама читая произведения таких французских философов, получает от этого наслаждение и следуя им кажется сторонником либеральных взглядов’; *Vagzalda xedmät*

itüče Ğarif Wäliullin digän keše šul vagonnyŋ töbendä qalğan yspirtny ***ečärgä ujlab*** *vagonnyŋ östendäge qabqačyn ačyb mičkäneŋ ečenä töškän* («К.», 1915, № 706, «Эчәсе килгән», заметка) ‘Человек по имени Гариф Валиуллин, работающий на вокзале, решив выпить спирт, оставшийся на дне этого вагона, открыл крышку на верхней части вагона и провалился в бочку’.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» также зафиксировано употребление деепричастия на *-yb* в сочетании с частицей *-da/-dä*, что позволяет рассматриваемой форме передавать значение уступительного действия: *Xäzerge waqytda Räšid qazyj šäm jaqtysynda briliant bulyb* ***küreneb dä****, elktrik jaqtysynda fajdasyz “ğapon” idege här kemgä mäğlüm buldy* («Б.т.», 1906, № 36, «Алданучыларның берсе», статья) ‘Несмотря на то, что сегодня на свете свеч Рашид казий выглядит бриллиантом, на свете электрическом всем стало понятно, что он бесполезный «гапон»’; *Fäqat anlarnyŋ xozurynda säjäxät itärgä* ***qujylyb da*** *šäxsi xedmätlär kürsätkän adämlär genä büläk alyrğa xaqlydyrlar* («В.», 1910, № 640, «Бохара әмире илә Хива ханының бүләк бирү хакларын киметү», заметка) ‘Однако даже при условии, что они были назначены для путешествования при них, подарки имеют право получать лишь лица, представляющие частные услуги’; *Häm bu suallärgä niček kenä* ***itdereb dä*** *cawab bireb bulmyj* («К.», 1914, № 427, «Зәбех мәсәләсе», статья) ‘И что бы ни сделать, на эти вопросы невозможно ответить’.

Кроме того, в текстах газет наблюдается употребление двух и более деепричастий на *-yb* в рамках одного предложения для передачи временной характеристики ряда действий, совершаемых один за другим: *Qulğa töškän aqčany israf itmičä genä* ***totyb****,… šušyndaj möselman qardäšläremeznеŋ ač wä jalanğač wä moxtac könlärendä* ***bireb*** *järdäm itsäk awyllarymyzdağy* ***jyğylyb*** *jatqan mäktäbläremezne* ***torğyzyb*** *jaxšy jaxšy xälfälär, möğalimlär* ***aldyryb*** *balalarymyzğa uramlarda ata ana* ***sügeb*** *jörü urynyna iman ügrätdersäk ni xuš möselmanlar bulyr idek* («Б.т.», 1906, № 57, «Ачлык вә ногай кардәшләремез», статья) ‘Если бы мы использовали попавшие нам в руки деньги не растрачивая впустую,... если бы помогали нашим братьям мусульманам в эти

голодные и нуждающиеся дни, если бы отремонтировав разваленные деревенские школы, наняли хороших преподавателей и обучали бы детей, вместо того чтобы они бродили бы по улицам ругая родителей, какими хорошими мусульманами мы бы были’; *Čönki bu näfrätlär, bajqotlar tirän* ***ujlab*** *ozaq* ***fikerläb*** *wä kitabny tiješlečä* ***uqyb*** *iğlan itelgän tügellär* («В.», 1910, № 561, «“Исабәт” китабы хакында», статья) ‘Потому что эта ненависть, байкоты, не объявлены после глубоких размышлений, долгих раздумий и должным образом прочитав книгу’; *Tižni gubernasynyŋ qaranğy ber öjäzendän* ***kileb****, qyryq tartma säüdäsendän* ***bašlab****, xäzerge köndä ütken, citez säüdägär syjnyfy* ***täškil iteb****, fin mädänijäte belän jaqynlašučy bu qysym tatarlarnyŋ här izge ešdä šulaj* ***ürnäk bulyb*** *torulary diqat itelmäslek tügelder* («К.», 1916, № 928, «Дахили хәбәрләр», заметка) ‘Невозможно не обратить внимания на то, как эта группа татар, сближающаяся с финской культурой, приехав из темного уезда Нижегородского уезда, начав с галантерейной торговли, сегодня образовав класс хватких, проворных торговцев, всегда является образцом в этом священном деле’.

Такое употребление формы на *-yb* более характерна для художественных произведений конца XIX – начала XX вв., созданных на старотатарском литературном языке [Татар әдәби теле..., 2017, б. 771]. В какой-то степени данный прием способствовал оживлению речи и употреблялся авторми в качестве стилистического средства. Кроме того, рассматриваемая форма активно использовалась при передаче чувств и переживаний литературных персонажей.

В некоторых текстах обнаруживается ограниченное употребление причастия на *-yb* в редуплицированной форме, когда рассматриваемое причастие, образованное от одной и той же основы, употребляется в повтороном виде. В данном случае форма на *-yb* служит для передачи значения многократности, интенсивности, длительности либо усиления того или иного действия: *Ciŋgi Näğimä belän Zäjnäbneŋ bašlaryn* ***majlab majlab*** *tarağač jaŋy külmäklär kiderde, alar bik maturlandylar* («В.», 1910, № 700,

«Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘После того, как тетушка, мажа, расчесала волосы Нагиме с Зайнаб, она одела их в новые платья, они очень похорошели’; *Šul möbaräk qarčyqnyŋ ber waqyt minem jemerelgän xäteremne tözätüe, qočaqlab* ***übeb übeb****... dib äjtüläre isemä töšä* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Я вспоминаю, как однажды эта уважаемая старушка излечила мою разбитую душу, целуя обнимая сказала...’.

Как видно из последнего примера, форма на *-yb* может употребляться также в редуплицированной форме, образованной от разных основ (***qočaqlab übeb*** ‘целуя обнимая’). В данном случае при помощи рассматриваемой формы деепричастия выражается образ и способ совершения действия, а не ее многократность или интенсивность: *Balšiviklar firqase* ***tartyb suzyb*** *xisab itelgändä dä, ysjezdnyŋ altydan ber qadäresendän artyq bula almady, mondan qalğanlary partijäsezlär ide* («К.», 1917, № 1130, «Казан губернасындагы мөселман съезды», статья) ‘Партия большевиков, даже при подсчете с натяжкой, не смогла привысить одну шестую всего съезда, остальные были беспартийными’.

Отрицательная форма деепричастия на *-yb*, функционирующая в текстах газет, по способу оформления разделяется на несколько видов. При этом, наибольшая вариативность наблюдается в текстах газеты «Борхане таракки». Так, здесь регулярно обнаруживается образованная непосредственно от деепричастия на *-yb* отрицательная форма на *-majyb,* где с целью сохранения гласного звука в аффиксе *-yb* после отрицательной частицы используется графема *-j*: *Bu köngä qadär üzemezne* ***qyzğanmajyb*** *hič tuqtausyz ešläb…* («Б.т.», 1906, № 28, «Кием тегүче, бүрекче һәм читекче ибдәшләремезгә ачык хат», письмо) ‘До этого дня не щадя себя и работая безостановочно…’.

Такая форма деепричастия на *-yb* не характерна для современного татарского литературного языка, но в чуть иной фонетической форме, а именно без графемы *-j,* встречается в некоторых говорах мишарского

диалекта и является его отличительной особенностью, противопоставляющей данный диалект другим диалектам и современному татарскому литературному языку [Юсупов, 2004, с. 150].

В текстах газеты «Борхане таракки» обнаруживается и, так называемая, простая отрицательная форма, образованная путем присоединения к глагольной основе аффикса отрицания *-ma/-mä* и деепричастного аффикса *-j*: *Köne tone* ***joqlamyj*** *milätne qarawyllyj torğan xäjät babaj märxüm jäšli wafat buldy* («Б.т.», 1906, № 29, «Хаҗитархан сентябрь 26», статья) ‘Дедушка «Хаят», и днем и ночью не смыкая глаз охраняющий народ, отошел в мир иной будучи еще молодым’.

Данная форма, функционирующая в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 252], также активно употребляется в текстах газеты «Вакыт»: *Läkin bu ešneŋ xatalyq belän genä* ***bulmyj****, Daud belän märxüm Syrtlanov arasynda bulğan šäxsi došmanlyq belän bulğanlyğy aŋlašyldy* («В.», 1913, № 1216, «Депутат Сыртлановның үтерелүе хакында (Мәхкәмә залындан)», репортаж) ‘Однако стало ясно, что это произошло не случайно, а в результате личных неприязненных отношений, имевших место между Даутом и покойным Сыртлановым’.

В текстах газеты «Борхане таракки» функционирует форма, также находящаяся в употребление в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 251], образованная при помощи сложного аффикса *-myj* и аффикса наречия *-ča/-čä*: *Üzläre telägän möğalimlärne qujğanlyqny ber närsägä* ***sanamyjča*** *küz jomsa da…* («Б.т.», 1906, № 28, «Хаҗитархан сентябрь 24», статья) ‘Если даже он, не считаясь с их выбором учителей, закрывает на это глаза…’.

Такой вариант оформления отрицательной формы деепричастия на *-yb* имеет широкое распространение и в текстах газет «Вакыт» и «Кояш»: *Xäzergä Qytaj ešlärenä qatnašyrğa lözüm tabmyjča ni taraf qalamyz* («В.», 1912, № 956, «Русиянең хәзерге сәясәте», статья) ‘В настоящее время, не находя необходимости вмешиваться в дела Китая, какой позиции мы

придерживаемся?’; *Nimes iskadrasy inde moŋar* ***čydyj almyjča****, cänübkä, üz saxalaryna taba čigenä bašlyj* («К.», 1916, № 970, «Олуг диңгез сугышы», статья) ‘Немецкая эскадра, не выдержав этого, начинает отступать на юг, по направлению к своей территории’.

Для текстов газеты «Борхане таракки» и «Вакыт» характерно употребление отрицательной формы деепричастия, образованной при помощи сложного аффикса *-majyn/-myjyn* и наречного аффикса *-ča/-čä*: *İŋ artta qalğan ber milät bulsa ul da bezneŋ tatar miläte* ***bulmajynča*** *kem bulsyn* («Б.т.», 1906, № 42, «Хаҗитархан ноябрь 14», статья) ‘Если есть на свете самый отсталый народ, то кто это, если не мы’; *Mili wä dini teläkläremezdän bağzylaryn juğarydan* ***röxsät soramajynča****, jäki nizamlar üzgärtelüne* ***kötmäjenčä*** *xalyq qarary ilä... ğamälgä quju mömkin* («В.», 1917, № 2206, «Гамәлгә куела торган берничә эш», заметка) ‘Есть возможность воплотить некоторые из наших национальных и духовных желаний путем народного голосования, не спрашивая разрешения сверху или не дожидаясь поправок в законы’.

Как видно из приведенных примеров, в основе трех последних отрицательных форм лежит общий смешанный аффикс *-maj*/*-mäj*, *-myj*/*-mi*, образованный прибавлением деепричастного аффикса *-j* к аффиксу глагольного отрицания на *-ma/-mä*. В данном случае уместно утверждать, что отрицательные формы деепричастий на *-yb* и *-a* совпадают, либо отрицательная форма деепричастий на *-yb* восходит своими корнями к форме *-a*, но при этом, учитывая степень распространения в текстах газет, вторая форма вытеснена из употребления первой.

В целом, учеными признается, что на более раннем этапе развития тюркских языков, а именно в период функционирования тюркского праязыка, количество деепричастий было небольшим [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 471]. При этом, к наиболее древним формам деепричастий, наряду с формой на *-a* относят и деепричастие на *-yb*, которое сегодня находится в употреблении в преобладающем большинстве тюркских языков.

Форма на *-а*

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» обнаруживается ограниченное употребление деепричастий на *-а*. При этом, данная форма наиболее распространена в текстах газеты «Борхане таракки». Рассматриваемая форма образуется от основ, оканчивающихся на согласный звук при помощи аффикса *-а/-ә*, а от основ, оканчивающихся на гласный – при помощи аффикса *-уj/-і*.

В современном татарском литературном языке, а также его диалектах рассматриваемая форма используется в одинарном и редуплицированном виде, при этом, ее использование в одинарном виде носит ограниченный характер [Юсупов, 2004, с. 140]. В текстах исследуемых нами газет форма на *-а* функционирует только в редуплицированном виде и в силу своего ограниченного распространения не может считаться ядерным грамматическим элементом. На семантическом уровне она выражает дополнительное повторное или продолжительное действие, совершающееся одновременно с главным действием, выраженным личной формой глагола: "*İršad" šikele xezmätče jäš jegetneŋ basqyčqa* ***menä menä*** *ajaqlary talğan* («Б.т.», 1906, № 29, «Хаҗитархан сентябрь 26», заметка) 'У газеты «Иршад», словно у молодого парня-слуги, устали ноги, взбираясь вверх по лестнице'.

В изученных текстах наблюдается тенденция перехода деепричастия на *-а* в другие части речи. Так, определенная часть функционирующих в текстах деепричастий на *-а*, как правило, употребляются в качестве наречия: ***Bara bara*** *üzenä ber eš wä käseb tabyb az zaman ečendä küb aqča tabučylary da juq tügel* («В.», 1914, № 1537, «Бохарада татарлар», корреспонденция) 'Есть и такие, кто постепенно нашел себе работу и профессию, в результате чего в течение короткого времени заработал большие деньги'.

В целом, ограниченное употребление причастия на *-а* является характерной особенностью преобладающего большинства текстов старотатарских письменных памятников конца XIX – начала XX вв. Так, наиболее активно рассматриваемая форма встречается лишь в авторской речи

текстов татарской просветительской прозы рассматриваемого периода, в частности, в текстах М. Акъегета и Р. Фахретдина, при описании образа и способа совершения основного действия [Татар әдәби теле..., 2017, б. 776].

Рассматриваемую форму деепричастия ученые относят к раннему состоянию тюркского праязыка и подчеркивают его присутствие во всех тюркских языках [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 474]. Так, данная форма обнаруживается в древнетюркском и древнеуйгурском языках [Кононов, 1980, с. 131], а также в текстах Восточного Туркестана [Щербак, 1961, с. 157] и в кыпчакско-огузском литературном языке [Наджип, 1965, с. 58]. При этом, уже в древнетюркском языке степень функционирования формы на *-a* заметно снижается, что приводит к ее вытеснению формой на *-yb*.

Как видно, чаще рассматриваемая форма обнаруживается в текстах, оформленных в разговорном стиле, характерной особенностью которых является активное применение лексических и грамматических средств, присущих для разговорной речи. Кроме того, в текстах нередко наблюдается ситуация, когда даже в случаях, на семантическом уровне допускающих употребление рассматриваемой формы, авторами делается выбор в пользу других форм деепричастий, а именно, формы на *-yb*, являющейся традиционным элементом старотатарского литературного языка, а также формы *-araq*, являющейся характерной особенностью огузских языков, в частности османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода. Такое ограниченное функционирование причастия на *-a* не только в границах текстов татарской периодической печати начала XX века, но и в текстах, оформленных в других стилях, подчеркивает наличие в старотатарском письменно-литературном языке рассматриваемого периода функционально-стилистической вариативности.

Форма на *-ğač*

Еще одной ядерной формой деепричастия, наиболее активно функционирующей в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», является форма на *-ğač*. Она также имеет широкое распространение в

современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 252], характерна для среднего и чокающих говоров мишарского диалекта и наиболее употребительна в заказанском, параньгинском, мензелинском, пермском, глазовском, каринском, нагайбакском, бирском, говорах и в говорах, распространенных на территории Нижнего Прикамья, Оренбургской и Самарской областей, западных районов Башкортостана [Юсупов, 2004, б. 159].

Форма на *-ğač*, наряду с деепричастием на *-yb*, имея широкое распространение в текстах газет, употребляется для выражения ряда временных значений. Основным значением рассматриваемой формы является выражение действия, предшествующего другому действию и представляющего семантическое ограничение во времени, в котором совершается второе действие: *Soŋra beraz waqytlar* ***uzğač*** *noğajlar törle taraflarğa taralalar* («Б.т.», 1906, № 38, «Тарихдан бер ике сүз», статья) ‘Позже, некоторое время спустя, ногайцы расходятся в разные места’; *Istanbulğa* ***kitergäč*** *qapčyqlarny pičätle köjenčä Ğosmanly banqasyna iltkänlär* («В.», 1909, № 488, «Харижи хәбәрләр», заметка) ‘После того, как привезли в Стамбул, мешки в запечатанном виде отвезли в Османский банк’; *Jyllar bujynča* ***söjläneb kilä torğač****, ber waqyt Oluğ suğyš qabynyb da kitde* («К.», 1915, № 596, «Шәрыкъ сугыш мәйданында», репортаж) ‘После того, как годами говорилось, в один момент началась Великая война’.

Как видно из последнего примера, в некоторых случаях форма на *-ğač* может употреблятся в паре с деепричастием на *-yb* (*söjläneb kilä torğač* ‘после того, как говорилось’). Такая конструкция, как правило, выражает ряд действий, происходящих один за другим. Кроме того, в этом же примере форма на *-ğač* употребляется для выражения действия как длительного процесса (*söjläneb kilä torğač* ‘после того, как говорилось’). Для этого рассматриваемая форма используется в конструкции на *-a torğač*.

В текстах газет деепричастие на *-ğač* может употреблятся в сочетании с частицей *da/dä*. Такое употребление рассматриваемой формы с усилительной

частицей придает значение непосредственного следования другому действию, выраженному в предложении: *Bu wäkillär köndän kön anyŋ ğajebene böten xalyqğa ača* ***bašlağač da*** *tizräk Dumany qualady* («Б.т.», 1906, № 37, «Хаҗитархан октябрь 24», статья) ‘Сразу же после того, как эти представители изо дня в день начали раскрывать его вину всему народу, он быстрее распустил Думу’; *Gubernator fondyn täğajen qylğan 10 meŋ sumny* ***alğač da*** *zemstva eškä bašlajačaq* («В.», 1914, № 1445, «Петербург агентствосы хәбәрләре», корреспонденция) ‘Сразу же после того, как получит 10 тысяч рублей, составляющие губернаторский фонд, земство приступит к работе’; *Bu fiker taralyb* ***betkäč dä****, äle vöcüdkä qujyluwy öčen ber ničä jyl ütärgä kiräk bulyr* («К.», 1915, № 613, «Нимес хатынлары», статья) ‘Сразу же после того, как эта идея получит распространение, потребуется несколько лет, чтобы она материализовалась’.

Одним из альтернативных значений рассматриваемой формы, активно обнаруживающихся в текстах исследуемых нами газет, является значение, выражающее причинно-следственную связь: *Häj nišlisez! Keše üteräsezme dib* ***qyčqyrğač*** *tegelär meskenne tašlab kitdelär* («Б.т.», 1906, № 44, «Хаҗитархан хәбәрләре», заметка) ‘После того, как крикнул «Эй, что вы делаете! Человека убиваете?», они отстали от бедняги’; *Serbija qraly Pitrnyŋ Piterburğa baračağy wä ixtiram ilä qabul iteläčäge* ***išetelgäč*** *Avstrija gazetalary bik qyzdylar* («В.», 1910, № 563, «Харижи хәбәрләр», заметка) ‘После того, как распространилась информация о визите короля Сербии Петра в Петербург и о том, что он будет принят с почестями, австрийские газеты вскипели’; *Dardanelgä suğyš aču fikere iŋ bašlab 1914 nče jylnyŋ 12 nče nojäbrendä, Uniston Čerčil tarafyndan Misyrny ximajä öčen iŋ jaxšy jul Törkijäneŋ Asija saxalaryna wä bigräk dä Galipoli jarym atasyna hocüm itü digän fiker* ***ğaryz itelgäč*** *buldy* («К.», 1917, № 1086, «Дарданел сугышы хакында», статья) ‘Идея начать войну в проливе Дарданеллы впервые возникла 12 ноября 1914 года, после того, как Уинстоном Черчиллем была предложена идея о том, что

самым лучшим способом для защиты Египта является нападение на азиатскую часть Турции, особенно на полуостров Галлиполи’.

Также в текстах газет форма на *-ğač* употребляется для передачи значения условия осуществления другого действия: *Cyjylyb söjläškändä bik jaxšy ämа taralyb* ***kitkäč*** *ber beremezne onytamyz* («Б.т.», 1906, № 29, «Хаҗитархан сентябрь 26», статья) ‘Когда мы собираемся и общаемся очень хорошо, однако если расходимся, то забываем друг-друга’; *Mäxälä bašlyğy* ***bulğač*** *anyŋ bu ešne jerenä jetkeräčägenä yšana* («В.», 1915, № 1804, «Вакыф һәм васыятьнамәләремез», статья) ‘Он верит, что если тот станет главой махалля, то доведет эту работу до конца’; *Alaj* ***bulğač*** *öjäzdäge ar wä čirmešlär dä… mäktäb ačuny sorar dib ixtiraz qyldy* («К.», 1917, № 1136, «Малмыждан», письмо) ‘Он возразил, что при таком условии, удмурты и марийцы, живущие в уезде... попросят открыть школы’.

Отрицательная форма деепричастия на *-ğač* образуется при помощи отрицательного аффикса *-ma/-mä* и также активно функционирует в текстах исследуемых нами газет: *Xalyqnyŋ aŋly ölešene törmälärgä tutyryb* ***syjdyra almağač****, torğan üskän ğaziz watanyndan čit mämläkätlärgä jebärde* («Б.т.», 1906, № 36, «Хаҗитархан сентябрь 25», статья) ‘После того, как не смог поместить всю образованную часть населения в тюрьмы, из дорогой родины, где они жили и росли, отправил их в чужие страны’; *Muafäq bula* ***almağač*** *Ğabas Xilmi pašanyŋ vasitalyğyn ütende* («В.», 1914, № 1445, «Шәех карары», заметка) ‘Так как не смог справиться, попросил посреднечество Аббаса Хильми-паши’; *Töreklär mondan ber närsä dä* ***aŋlamağač****, bolğar äsirläreneŋ bersen qazan janyna kitereb,… dib sorağanlar* («К.», 1913, № 53, «Булаир мөхарәбәсенең тәфсилаты», корреспонденция) ‘Так как турки ничего из этого не поняли, они подвели одного из болгарских пленных к котлу и спросили...’.

В целом, рассматриваемая форма, являющаяся характерной особенностью разговороной речи, с разной степенью употребления функционирует в письменных памятниках, созданных в конце XIX – XX вв. на старотатарском литературном языке [Татар әдәби теле..., 2017, б. 780].

Так, если спорадическое употребление формы на *-ğač* наблюдается в текстах татарской просветительской прозы, в поэтических произведениях и дастанах, то для религиозно-философских текстов и текстов саяхатнаме данная форма не характерна, что подчеркивает ее функционирование в текстах в качестве показателя функционально-стиолистической вариативности.

Форма на *-ğančy*

Активизация употребления формы на *-ğančy*, образованной в результате стяжения наречного слова *čaq* ‘еле, едва’ относится к более позднему периоду формирования деепричастий, а именно к эпохе кыпчакской общности [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 476]. В настоящее время рассматриваемая форма деепричастия представлена в современном татарском литературном языке и входит в ядерную часть диасистемы всех ее диалектов, наиболее аквтино функционируя в говорах среднего диалекта, в мишарских говорах, а также в говорах сибирских татар [Юсупов, 2004, с. 163–164]. Однако в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» она имеет крайне ограниченное распространение.

Как показывают тексты статей, посредством деепричастия на *-ğančy*, как правило, осуществляется выражение временной границы, до которого происходит действие другого глагола: *Premjer ministr Ystalypin uqu mäktäbläreneŋ barsyn da 17 nče oktäbr* ***ütkänče*** *jabyb uquny tuqtatyb toryrğa ämer itkän* («Б.т.», 1906, № 33, «17 октябрь көнендә саклану», заметка) ‘Премьер-министр Столыпин издал указ о закрытии всех учебных школ и приостановлении учебы до того, как пройдет 17 октября’; *...küŋel qanäğatlänerlek däräcädä ačyq* ***aŋlağnčy*** *küb fiker wä ujlarğa täüqyjf itä* («К.», 1917, № 1130, «Мөфти хәзрәт шәрәфенә зыяфәт», статья) ‘...до того, как понять на том уровне, когда удовлетворена душа, тратится (время) на множество мыслей и раздумий’.

В тексте газеты «Вакыт» зафиксировано употребление деепричастия на *-ğančy* с аффиксом направительного падежа и в сочетании с послелогом *qadär* ‘до’ (*ğančyga qadär*), что считатется характерной особенностью

разговорной речи и диалектов [Совр. тат. лит. яз., 1969, с. 259]. В настоящее время подобное употребление рассматриваемой формы характерно для мензелинского, красноуфимского, златоустовского, заказанско-дубъязского говоров, для говора пермских татар, для татарских говоров, распространенных в западных районах Республики Башкортостан [Юсупов, 2004, с. 165], а также, в соответствующих фонетических вариантах, зафиксировано в некоторых тюркских языках, в частности, в турецком и узбекском [Кононов, 1956, с. 285, 482]. В рамках указанной конструкции послелог *qadär* служит для усиления и подчеркивания временных рамок либо предела осуществляемого действия: *Luzitanijäneŋ qorally bulmağanlyğy, qoral tašymağanlyğy isbat* ***itelğänčegä qadär*** *Germanija su asty köjmäläreneŋ möğamäläläre xaqly bulyb bulmau mäsäläse tikšerelmi toryr* («В.», 1915, № 1776, «Германия ихтилафы», статья) ‘До тех пор, пока не будет доказано то, что Лузитания не вооружена и не возит оружие, действия подводных лодок Германии не будут проверены на предмет правомерности’.

Сегодня форма на *-ğančy* в разных фонетических вариантах имеет распространение и в других тюркских языках, преимущественно, кыпчакской группы. В частности она характерна для казахского, башкирского, узбекского, хакасского языков [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 477].

Следует отметить, что если употребление формы на *-ğančy* для текстов татарской периодической печати начала XX века носит ограниченный характер, то ее функционирование в текстах литературных произведений рассматриваемого периода, созданных на старотатарском письменном литературном языке, и вовсе не зафиксировано [Татар әдәби теле..., 2017, б. 769]. Учитывая активное функционирование формы на *-ğančy* в современном татарском литературном языке, ее отсутствие либо ограниченное функционирование в текстах письменных памятников начала XX века может свидетельствовать о том, что в рассматриваемый период форма на *-ğančy* лишь начинает входить в грамматическую систему старотатарского литературного языка в качестве вспомогательного морфологического

элемента. При этом, употребление рассматриваемой формы в текстах газет и ее отсутствие в текстах художественных произведений начала XX века подчеркивает наличие функционально-стилистической вариативности в старотатарском письменном литературном языке рассматриваемого периода.

Форма на *-araq*

Форма на *-araq* не характерна для современного татарского литературного языка, а также его диалектов. В текстах газет она воспринимается в качестве характерной особенности огузских языков. Однако по мнению некоторых ученых, в современном татарском литературном языке все же функционирует узкая группа глаголов, от которых может образовываться деепричастие на *-арак/-әрәк* [Совр. тат. лит. яз., 1969, с. 259]. При этом, наиболее активна она в тюркских языках огузской группы, в частности, в современном турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 477].

В текстах газет «Борхане тараккы», «Вакыт» и «Кояш» форма на *-araq* характеризуется ограниченным употреблением и, как правило, функционирует с глаголом *ulmaq* ‘быть’. Такая конструкция в текстах используется, как правило, для передачи действия, происходящего одновременно с действием, выраженным при помощи основного глагола. При этом, она характеризует действие с точки зрения образа действия и по своему семантическому значению является грамматическим синонимом формы на *-yb*, которая находится в широком употреблении в современном татарском литературном языке: *Ošbu säbäbdän mäzkür ystanitsalarnyŋ möselman qazačilary isemendän sezgä soŋğy däfğa* ***ularaq*** *belderämez ki:...* («Б.т.», 1906, № 47, «Соң сүз», обзор печати) ‘В связи с этим, от имени мусульманских казаков вышеназванных станиц, в качестве последнего раза, объявляем вам:…’; *Serbijägä mäkamät* ***ularaq*** *jer birmičä bälki Afstrija ilä ticarät möğahädäsendä ber az müsağadä jasalu jäğni ike aranyŋ kilešüwe ixtimallandy* («В.», 1909, № 433, «Сугыш ихтималы», заметка) ‘Стало возможно допущение договора о торговле с Автсрией, то есть соглашение

сторон, не передавая земли Сербии в качестве места пребывания’; *Berenče* ***ularaq*** *mösafir Xälil Bekof cänäbläre bu mili ešläremezne täbrik iteb öč jöz sum jazyldy* («К.», 1913, № 75, «Әстерханда дарелмөгаллимин вә дарелмөгаллимат мәсьәләсе», отчет) ‘Будучи первым, гость господин Халил Беков, поздравляя эти национальные мероприятия, записался на триста тысяч рублей’.

Как мы отмечали выше, функционирование формы на *-araq* в текстах исследуемых нами газет воспринимается в качестве элемента огузированного варианта татарского литературного языка начала XX века и является показателем функционально-стилистической вариативности литературного языка рассматриваемого периода. Ее ограниченное употребление объясняется более активным функционированием в текстах газет ее грамматического синонима, формы на *-yb*, характерного для кыпчакских языков, в частности современного татарского литературного языка.

Неоднородное по степени распространения употребление формы на *-araq* наблюдается также и в текстах некоторых художественных произведений, оформленных на стротатарском письменном литературном языке конца XIX – начала XX вв., в частности, она активна в текстах просветительской прозы, а также в религиозно-философских текстах [Татар әдәби теле..., 2017, б. 784].

Форма на *-madan*

Употребление деепричастия на *-madan* в текстах исследуемых нами газет носит крайне ограниченное распространение. Факты употребления рассматриваемой формы были обнаружены нами лишь в текстах газет «Борхане таракки» и «Кояш». В связи с этим, в рамках грамматической системы татарской периодической печати начала XX века форма на *-madan* определяется как вспомогательная.

Сегодня рассматриваемая форма не характерна для современного татарского литературного языка, а также его диалектов. При этом она является характерной особенностью огузских языков, в частности, ее

активное функционирование наблюдается в турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 483].

В текстах газет форма на *-madan* употребляется для передачи образа совершения действия, которое выражено при помощи личной формы глагола: *Namaz qylsa utyrdyğy jerendän* ***qalyqmadan*** *Xaq täğalä xäzrätläre kändiseneŋ wä ata wä anasynyŋ gönahlaryny ğafu idär* («Б.т.», 1906, № 39, «Ләйләи кадер», статья) ‘Если прочтет намаз, Всевышний простит его грехи, грехи отца и матери, до того, как он успеет встать с места на котором сидит’; *Bugen bu mäclesdä mözakäräjä qunylmyš mäktäb wä mädräsäläreŋ islaxy mäsäläse 20, 30 sänä qadär* ***durmadan*** *söjlände, jazyldy, fäqat bunlar häb käğydda, ğazätä sötünlärendä qaldy* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәҗлесе», отчет) ‘Поставленная сегодня на обсуждение проблема реформирования школ и медресе, не останавливаясь обсуждалась, писалась на протяжении 20-30 лет, однако все это так и осталось на бумаге, газетных колонках’.

Как показывают приведенные примеры, на семантическом уровне наблюдается идентичность между огузской формой на *-madan* и деепричастием на *-yb* в отрицательной форме, активным как в соврменном татарском литературном языке, так и в его диалектах [Юсупов, 2004, с. 126]. Следует отметить, что функционирование рассматриваемой формы носит ограниченный характер и в литературных произведениях, созданных на татарском литературном языке конца XIX – начала XX вв. Так, форма на *-madan* обнаруживается лишь в текстах татарской просветительской прозы, в частности, в текстах саяхатнаме Ф. Карими [Татар әдәби теле..., 2017, б. 790].

Наличие данной формы в текстах исследуемых нами газет, которое, хотя и характеризуется низкой степенью, на наш взгляд, связано с влиянием османско-турецкого литературного языка начала XX века. При этом, являясь элементом функционально-стилистической вариативности татарского литературного языка рассматриваемого периода, данная форма участвует в формировании ее огузированного варианта.

Форма на *-masdan*

В текстах газет «Борхане таракки» и «Кояш» также в ограниченном количестве обнаруживаются деепричастия, оформленные при помощи формы на *-masdan*. Данная форма, как и форма на *-madan* определяется в качестве характерной особенности тюркских языков огузской группы, в частности турецкого языка, и идентифицируется как устаревший грамматический синоним деепричастия на *-madan* [Кононов, 1956, с. 484]. Форма на *-masdan* не характерна для современного татарского литературного языка, однако с разной степенью распространения активна во всех диалектах татарского языка и входит в ядерную часть диасистемы категории неличных глагольных форм [Юсупов, 2004, с. 175]. Так, ее наиболее активное присутствие наблюдается в диалектах сибирских татар, где рассматриваемая форма относится к особенностям общедиалектного характера.

Форма на *-masdan*, употребляясь для передачи образа совершения действия, характеризует его с точки зрения временных рамок выполнения: *Menä* ***iskärtmäsdän*** *Oslan tawy qaršynda jaŋa möxärir päjda buldy* («К.», 1913, № 161, «Биктимер әлһәме», фельетон) ‘Вот, заранее не извещая, напротив Услонской горы появился новый редактор’.

В газете «Борхане таракки» обнаруживаются примеры, где форма на *-masdan* употребляется в сочетании с послелогами, которые в данном случае служат для подчеркивания выражаемого при помощи нее временного или пространственного значения: *Möfti* ***qujylmasdan elek*** *anyŋ “Tärceman” idaräsenä jazğan xatlaryna xedmäte bar* («Б.т.», 1911, № 139, обзор периодической печати) ‘До того, как был назначен муфтий, он внес определенный вклад в письма, написанные в адрес редакции «Тарджеман»’.

В целом, подобно ограниченному употреблению формы на *-madan*, деепричастие на *-masdan* также характеризуется ограниченным распространением и в текстах литературных произведений, оформленных на старотатарском литературном языке конца XIX – начала XX вв. [Татар әдәби теле..., 2017, б. 789]. При этом, наличие данной формы в текстах

исследуемых нами газет объясняется влиянием османско-турецкого литературного языка начала XX века, а сама форма определяется как элемент функционально-стилистической вариативности татарского литературного языка рассматриваемого периода.

Как видно из примеров, в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» функционируют формы деепричастий, характерные как для современного татарского литературного языка (*-yb, -a, -ğač, -ğančy*), так и показатели, активные в огузских языках, в частности в турецком литературном языке (*-araq, -madan, -masdan*). Данный факт может быть определен как влияние османско-турецкого литературного языка на формирование языка татарской периодической печати и татарского литературного языка начала XX века в целом. При этом, употребление в текстах газет синонимичных на грамматическом уровне кыпчакских и огузских форм подчеркивает наличие функционально-стилистической вариативности в татарском литературном языке рассматриваемого периода.

Деепричастия в текстах газет выполняют описательную, повествовательную, экспрессивную и т.п. функции и служат для передачи его эстетической составляющей. Посредством употребления деепричастных форм автор передает действие, соотнесенное с другим действием. Наличие в тексте деепричастия одновременно повышает эмоционально-эстетическую составляющую текста, а также позволяет сделать его кратким, конкретным и лаконичным. Если обратить внимание на порядок распространения в текстах газет деепричастных форм относительно функционирующих в газетах жанров, то можно констатировать, что деепричастия употребляются во всех текстах, вне зависимости от того, к какой жанровой группе они относятся. Однако наиболее активны деепричастные формы в текстах статей, открытых писем, рецензий, фельетонов, в текстах художественного повествования, а также в отчетах и репортажах, где существует необходимость не просто подать информацию, но и раскрыть описываемое действие в деталях.

Инфинитив

Как известно, инфинитив отличается от других неличных форм глагола тем, что называет действие или процесс без указания на его отношение к лицу, числу, наклонению и времени. Принято считать, что инфинитив в тюркских языках имеет позднее происхождение и сформировался только после распада общетюркского языка, что не позволяет отнести его к числу древнейших грамматических форм, относящихся к общетюркскому языку-основе [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 483]. Поэтому в настоящее время его функционирование зафиксировано не во всех современных тюркских языках.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» выявлено активное функционирование инфинитивной формы на *-yrğa*, характерной для современного татарского литературного языка [Татар грамматикасы, 2016, б. 258]. Кроме того, в текстах обнаруживаются формы, характерные для огузских языков [Мирхаев, 2003, с. 137], а именно, форма на *-mağa*, функционирующая в огузированном варианте старотатарского литературного языка начала XX века, а также форма на *-maq*, определяющаяся в современном состоянии татарского языка как устаревшая. Основным содержанием указанных инфинитивных форм является выражение цели действия. При этом, инфинитивные формы, функционирующие в текстах исследуемых нами газет, могут сочетаться с глаголами, модальными словами и некоторыми послелогами, выражающими значение цели.

Форма на *-yrğa*

Рассматриваемая форма образована от причастия на *-yr* и аффикса направительного падежа *-ğa*. Она является основной формой инфинитива для современного татарского литературного языка, а также для говоров среднего и мишарского диалектов [Юсупов, 2004, с. 190].

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» форма на *-yrğa* имеет широкое распространение и, как правило, выражает цель действия. Как и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 259], в текстах газет рассматриваемая форма функционирует в зависимой и

независимой позициях. При этом, в отличие от современного состояния татарского литературного языка, независимое употребление формы на *-yrğa* в текстах газеты имеет ограниченное распространение. Главным образом данное обстоятельство объясняется тем, что в такой позиции рассматриваемая форма, как правило, выражает побуждение, повеление или оттенки необходимости и долженствования. На стилистическом уровне такое употребление инфинитива на *-yrğa* не является приоритетной задачей для текстов газет, а больше характерно для разговорной речи. В связи с этим, рассматриваемая форма, как правило, обнаруживается лишь в текстах, содержащих призыв к совершению какого-либо действия, приказание, предписание и т.д.: *Mäxälä xalqynyŋ röxsätendän bašqa mulalarğa čitkä čyqmasqa, här xäldä ike mulanyŋ berse mäxälädä* ***xäzer bulyrğa*** («В.», 1916, № 1955, «Орски мөселманларының мөһим каралары», статья) ‘Без разрешения жителей муллам не выходить за границы прихода, в любой ситуации одному из двух мулл быть готовым в приходе’; *Xäbär virelüwenä kürä, Rumanija Bolğarijağa qaršy ošbu taläblärne qujğan: Selestra istixkamyn* ***bozarğa,*** *...Mostafytäpä, Ordutäpä hämdä Manğalynyŋ cänübendäge jerlärne Rumanijägä* ***qaldyryrğa.*** *Bolğarija wä Serbija tarafyndan išğal itelgän vilajätlärdäge xoquqlarny* ***ximajä itärgä****. Rumanijanyŋ Bolğarija wä Törkijä belän totašuwy öčen, Qarabijä awyly janyndan Dunaj arqyly timer jul küpere* ***salyrğa*** («К.», 1913, № 26, «Матбугат», обзор периодической печати) ‘Судя по отправленной информации, Румыния выдвинула следующие требования по отношению к Болгарии: разобрать крепость у Селестры, ...оставить Румынии земли Мустафытепе, Ордутепе и земли на юге Мангалы. Защитить права вилайетов, завоеванных Болгарией и Сербией. Для соединения Румынии с Болгарией и Турцией, рядом с селом Карабия построить железнодорожный мост через Дунай’.

Наиболее активно форма на *-yrğa* в текстах газет употребляется в зависимой позиции, когда подчиняется к определенному слову в предложении и, тем самым, способствует образованию различного рода

инфинитивных сочетаний. Так, в сочетании с глаголами инфинитив на *-yrğa* употребляется в целевом значении: *Bar činauniklarnyŋ oluğ wä kečkenäse tizräk üz ara cyrtyqny janğadan camab ešne iskečä* ***qaldyryrğa*** *tyryšadyr* («Б.т.», 1906, № 47, «Ледбал вә Горький компанияләре турында берничә сүз», заметка) ‘Все чиновники от мала до велика, поскорее залатав дыры между собой, старались оставить работу по-старому’; *...buŋa oxšašlyraq bašqa mäcleslär beräm beräm isemä kileb töškängä, anlarny bu mäcles belän* ***čağyšdyryrğa*** *totyna idem* («В.», 1910, № 563, «Юк-бар», очерк) ‘...по причине того, что мне на ум один за другим приходили другие такого рода мероприятия, я начинал сравнивать их с этим мероприятием’; *...anda ğaskär töšeregä wä anyŋ arqyly Germanijäneŋ ğaräbdäge xarb safynyŋ artyna* ***tähdid jasarğa*** *qarar birgänlär imeš* («К.», 1916, № 940, «Голландиянең битарафлыктан чыгу ихтималы», статья) ‘Говорят, они решили направить туда войско и через эту территрию создать напряжение на арабской линии войны Германии’.

Также в текстах газет наблюдается активное употребление инфинитива на *-yrğa* в сочетании с модальными словами *jaryj*, *mömkin* ‘можно’, *riza* ‘согласен’ и т.д., которые в паре указывают на возможность или невозможность, допустимость или недопустимость совершения того или иного действия: *Xäzerge qağyjdälärne tämam betermäjenčä toryb cir dä häm irkenlek dä* ***alyrğa*** *mömkin bulmağanlyğy bik ačyq mäğlüm buldy* («Б.т.», 1906, № 31, «Хаҗитархан октябрь 4», статья) ‘Стало очень ясно, что пока мы полностью не отменим нынешние правила, не будет возможности получить и земли и свободу’; *Bu ešne jaŋydan šular bašlab* ***quzğatyrğa*** *mömkinder* («В.», 1915, № 1737, «Мобилизация игъланы», заметка) ‘Это дело заново могут начать они’; *Bolğarija šul jaqğa qušylyr, qajsy jaq anyŋ mili idealyn vöcüdkä* ***čyğaryrğa*** *riza bulyr* («К.», 1914, № 549, «Казан 5 ноябрь», статья) ‘Болгария присоединится к той стороне, которая будет согласна воплотить ее национальные иделы в реальность’.

В сочетании с модальными словами *tiješ* ‘должен’, *kiräk* ‘необходимо, нужно’ инфинитив на *-yrğa* в текстах газет выражает значение пожелания, совета, необходимости или долженствования: *Šunyŋ öčen här ğaqly bar ärmän här vöcdany bar tatar bu kiräksez qanlarny tügüne tuqtatyr öčen böten köčen* ***saryf qylyrğa*** *tiješder* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында», статья) ‘Поэтому каждый благоразумный армянин, каждый милосердный татарин должен приложить все свои силы, чтобы остановить это ненужное кровопролитие’; *Tuqtaŋyz. Atyšudan fajda bulmas. Här ike tarafğa zarar ğyna bulyr, nizağny söjläšeb* ***xäl qylyrğa*** *kiräk* («В.», 1912, № 921, «“Айлә” вилаяте вакыйгалары», статья) ‘Остановитесь. От стрельбы толку не будет. Обе стороны только пострадают от этого, противоречия нужно решать при помощи переговоров’; *Šuny da diqatkä* ***alyrğa*** *kiräk ki, Germanijäneŋ silax šartlary Anglijä xökümäte tarafyndan da söküt ilä genä qaršy alynyb…* («К.», 1918, № 1206, «Германиянең силях шартлары», статья) Нужно учитывать и то, что условия вооруженности Германии, с молчаливого восприятия Англии...’.

Отрицательная форма инфинитива на *-yrğa* в текстах газет оформляется посредством аффикса *-masqa, -mäskä*, образованного от отрицательной формы причастия на *-yr* в сочетании с аффиксом направительного падежа: *Läkin šunsyn xäterdän* ***čyğarmasqa*** *kiräkter ki: täräqyj jäğni alga kitü jalğyz bu närsälärne ešläü berlän genä bulmyj* («Б.т.», 1906, № 39, «Беренче адым», статья) ‘Но всегда стоить помнить: прогресс, то есть движение вперед, не происходит, только лишь, делая эти вещи’; *Din ešlärendä hičber törle qysu wä ämsaly šäjlär* ***bulmasqa*** *tiješleder* («В.», 1909, № 486, «Хаҗи Мөхәммәдов нотыгы», отчет) ‘В религиозных делах не должно присутствовать никакое притеснение или прецедентные случаи’; *Šunyŋ öčen dä uŋlar ul zaprosny ašyğyč* ***jöretmäskä*** *tawyš biräčäklär* («К.», 1914, № 78, «Дәүләт думасы», отчет) ‘Именно поэтому правые будут голосовать за то, чтобы не поднимать этот вопрос поспешно’.

На сегодняшний день инфинитив на *-yrğa* определяется в качестве ядерного элемента грамматической системы татарского литературного языка и его диалектов. Кроме того, указанная форма функционирует в башкирском, хакасском, алтайском, шорском и кабардино-балкарском языках [Юсупов, 2004, с. 198]. В текстах литературных произведений, созданных в конце XIX – начале XX вв. на стротатарском литературном языке, инфинитив на *-yrğa* функционирует с разной степенью распространения [Татар әдәби теле..., 2017, б. 827] и определяется в качестве элемента, подчеркивающего наличие функционально-стилистической вариативности в литературном языке рассматриваемого периода.

Форма на *-maq*

По мнению ученых-языковедов, форма на *-maq*, определяющаяся в рамках татарского литературного языка как традиционный для тюркских языков грамматический элемент, является застывшей формой древнего направительного падежа отглагольного имени на *-ma/-mä* [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 484]. Данная форма была отмечена еще в древнетюркских памятниках как словообразовательная модель абстрактных существительных со значением действия вне процесса [Грунина, 1991, с. 138].

В современном татарском литературном языке рассматриваемая форма не функционирует и воспринимается в качестве устаревшей формы [Татар грамматикасы, 2016, б. 259]. При этом, в диалектологии отмечается ее активное употребление в преобладающем большинстве говоров, а именно, в мензелинском, ичкинском, заказанском говорах, в говоре златоустовских татар среднего диалекта, в басканском говоре, в тоболо-иртышском, барабинском диалектах сибирских татар и т.д. [Юсупов, 2004, с. 208].

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» форма на *-maq*, по сравнению с формой на *-yrğa*, характеризуется ограниченным распространением. Наиболее активна она в текстах газеты «Борхане таракки», а в текстах газет «Вакыт» и «Кояш» наблюдается ее вытеснение из активного употребления формой на *-yrğa*. Данный факт является

свидетельством того, что на тексты газеты «Борхане таракки», которая среди всех исследуемых нами газет начала издаваться раньше, определенное влияние мог иметь османско-турецкий литературный язык начала XX века, где и на сегодняшний день форма на *-maq* является основной формой передачи инфинитива [Кононов, 1956, с. 191], тогда как в текстах газет «Вакыт» и «Кояш» наблюдается стремление к употреблению более поздней формы на *-yrğa*. В зависимости от звукового состава конкретного слова в текстах газет обнаруживается два фонетических варианта (*-maq*/*-mäk*).

В текстах рассматриваемая форма употребляется как в роли инфинитива, так и имени действия. При этом, в последней функции форма на *-maq* более активна. В чисто инфинитивной функции рассматриваемая форма, как правило, употребляется в сочетании с вспомогательными глаголами, модальными словами или послелогами.

В отличие от инфинитива на *-yrğa*, рассматриваемая форма в значении целевого инфинитива выступает в определенных конструкциях. Например, форма на *-maq* активна в сочетании с послелогами *öčen* ‘для’ и *üzere* ‘для того, чтобы’. Следует отметить, что сочетание инфинитива на *-maq* с послелогом *öčen* в значении цели активно применялось в письменных памятниках татарской литературы XIX века [Борынгы татар…, 1963, б. 412, 563]. Сегодня такая конструкция характерна для многих современных тюркских языков, в частности турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 317]. В текстах газет «Борхане таркки», «Вакыт» и «Кояш» такое сочетание является одним из наиболее широко распространенных: *Inde šäkerdlärne qanäğatländereb fajdaly suratdä* ***täğlim itmäk*** *öčen bolarnyŋ här bersene bik jaxšy belmäk ilä ulyr* («Б.т.», 1907, № 116, «Шәкерт галәме», статья) ‘Таким образом, чтобы удовлетворить потребности шакирдов и дать им полезное образование, нужно все это знать очень хорошо’; *“Tärceman” nyŋ 25 sänä däwamy šäräfenä, Ismäğyjl bäk isemenä jasalačaq möässäsägä* ***totylmaq*** *öčen... 35 sum iğanä tapšyryldy* («В.», 1908, № 333, «Иганә хисабы», заметка) ‘Для того, чтобы использовать для мероприятия, организованного

на имя Исмаила бека в честь 25 летия «Тарджемана»,… было пожертвовано 35 рублей’; *Japdyğymyz proğram ilä dares* ***uqytmaq*** *öčen ğubernatorymyz wasitasyjlä Mäğarif näzarätendän röxsät istäneläčäkder* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәҗлесе», отчет) ‘Для того, чтобы преподавать по программе, которую мы составим, через нашего губернатора будет сделан запрос в Министерство образования на получение разрешения’.

Также в текстах обнаруживается конструкция, состоящая из формы на -*maq* и модальных слов *kirәk, lazem* ‘необходимо, нужно’. Такое сочетание выражает пожелание или совет совершить действие с оттенком долженствования или необходимости: *Härnä ulsa ulsyn Ğyjlem millätemezgä* ***sačmäk*** *kirәk. / Fikerlärdän berse budyr Darelğolüm* ***ačmaq*** *kirәk. / Xäzrätlärneŋ arasyna Icady* ***sačmäk*** *kirәk. / Näfsanijät arzusyny Ber tarafqa* ***atmaq*** *kirәk...* («Б.т.», 1907, № 116, «Безгә ни кирәк?», художественное повествование) ‘Будь что будет, но нам нужно Посеить образованность в народ. / Одна из главных мыслей наших – Открыть университет. / И распылить между хазратами Стремление к творчеству. / Чувство ненависти Нужно отбросить в сторону’; *Iske tarixymyzğa ğaid ularaq rusča jazylmyš ni qadär äsär var isa cömläsenä* ***tärcemä*** *wä* ***näšer itmäk*** *lazemder* («В.», 1908, № 333, «Болгар хәрабәләре һәм борынгы болгарлар», рецензия) ‘Каждое произведение о нашей истории, написанные на русском языке, должно быть переведено и опубликовано’.

Значение намерения, решимости либо желания совершить лицом какое-либо действие, как правило, обозначается посредством сочетания формы на -*maq* и глаголов *bul, ul* ‘будь’, *istä, telä* ‘хоти’, *cäsarät it* ‘решись’ и т.д. в личной и временной формах. При этом, наиболее активно эти конструкции употребляются в текстах газеты «Борхане таркки»: *Jaz bašlarynda härkemneŋ küŋelendän qajğylarny jebärä torğan, jäšel jafraqlar… wä jäšel čirämlär ilä qyjtğa kebi tüšälmeš čirämleklärne* ***kürmäk*** *telär* («Б.т.», 1906, № 54, «Инсаният ялкыны», статья) ‘В начале весны все хотят наблюдать покрытые зеленой

листвой деревья… и покрытые зеленой травкой лужайки’; *Min bondaj möğalimlärgä häm anlarnyŋ tabanlaryny calaučy möridlärenä… berničä süz* ***söjlämäk*** *cäsarät ittem* («Б.т.», 1906, № 33, «Мөгаллимләргә хитаб», статья) ‘Я решил сказать несколько слов… в адрес таких учителей и их подлизывающихся учеников’; *Ästerxan šähärendä dä jaqyn zamanda ğomumi xalyqğa fajdaly ulan narodnyj universitet* ***ačmaq*** *ulalar* («Б.т.», 1906, № 47, «Народный университет», статья) ‘В городе Астрахани в ближайшее время также хотят открыть народный университет, который будет полезен для всего населения’; *Šunlyq berlän bu kešelär tiz šifa* ***tabmaq*** *bulsalar bezlärgä kilsenlär* («Б.т.», 1906, № 47, объявление) ‘Таким образом, если люди хотят получить быстрое исцеление, пусть идут к нам’; *Adäm* ***ulmaq*** *istäjän ävlad milät istifadä idä belsen* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәҗлесе», отчет) ‘Ребенок, желающий стать человеком, пусть умеет использовать нацию’.

Инфинитив на *-maq* в текстах газет, как правило, не имеет собственной отрицательной формы. Значение отрицания, как и в случае с формой на *-yrğa*, передается при помощи отрицательной формы причастия на *-mas*, осложненного аффиксом направительного падежа *-qa/-kä* (*-masqa/-mäskä*).

Сегодня за пределами диалектов современного татарского литературного языка инфинитив на *-maq* обнаруживается в говорах башкирского языка, в турецком, туркменском, азербайджанском, кумыкском языках [Юсупов, 2004, с. 213]. На рубеже XIX – XX вв. инфинитив на *-maq* с разной степенью распространения функционировал во всех текстах татароязычных письменных памятников [Татар әдәби теле..., 2017, б. 821] и определялся как элемент, подчеркивающий наличие функционально-стилистической вариативности в старотатарском литературном языке рассматриваемого периода. Как показывают проанализированные нами тексты газет, позже, в межреволюционный период 1905-1917 гг. форма инфинитива на *-maq*, являющаяся традиционным общетюркским элементом,

постепенно вытесняется из употребления в рамках старотатарского литературного языка рассматриваемого периода более поздней формой на -*yrğa* и становится характерной особенностью, как правило, тюркских языков огузской группы и части говоров татарского литературного языка.

Форма на -*mağa*

Форма на -*mağa*, являющаяся характерной особенностью огузских языков, в частности турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 458], не является ядерным элементом грамматической системы текстов исследуемых нами газет и обнаруживается только в некоторых текстах газеты «Борхане таракки», что может являться свидетельством влияния на его язык османско-турецкого литературного языка начала XX века. При этом, в газетах «Вакыт» и «Кояш» инфинитив в преобладающем большинстве случаев выражается посредством формы на -*yrğa*.

Рассматриваемая форма инфинитива представляет собой застывшую форму направительного падежа имени действия на -*maq* [Покровская, 1964, с. 162]. В рамках современного татарского литературного языка она не функционирует, но является характерной особенностью среднего диалекта татарского языка. Она более специфична для бастанского, касимовского, каринского, глазовского, параньгинского говоров и для говора пермских татар [Атлас тат. нар. гов., 2015, с. 300]. За пределами диалектной системы татарского языка форма на -*mağa* в качестве инфинитива функционирует в ногайском, кумыкском, туркменском, гагаузском языках, а также в говорах башкирского языка [Юсупов, 2004, с. 190].

В текстах газеты «Борхане таракки» данная форма представлена в фонетических вариантах -*mağa/-mägä*. При этом, как и для предыдущих инфинитивных форм, форма на -*mağa* функционирует в текстах в зависимой позиции. Чаще всего обнаруживаются примеры сочетания рассматриваемой формы с другими глаголами. Такое сочетание, как правило, передает значение цели совершения действия и, тем самым, соответствует форме на -*yrğa*: *Här kemgä mäğlüm ber keše jäki ber milät ber eškä totynsa šul ešneŋ*

fajdasyn ***kürmägä*** *čalyšmaq lazemder* («Б.т.», 1906, № 29, «Бу нәрсә бу?», статья) ‘Все знают, что если один человек или отдельный народ взялся за какую-либо работу, он должен стараться увидеть ее пользу’; *...üzene häläklekdän saqlağan kebi bašqalarny da häläklekdän* ***saqlamağa*** *quša* («Б.т.», 1906, № 54, «Хаҗитархан декабрь 22», статья) ‘...просит спасти от бедствия других, так же как спасли его самого’.

Также в текстах газеты «Борхане таракки» обнаруживается употребление инфинитива на *-mağa* в сочетании с именными частями речи: *Adäm balasy här waqyt üzeneŋ xäjätene, wä xäjäteneŋ ruxy ulan xoquq mädänijäsene üze saqlamaq öčen* ***tyryšmağa*** *buryčlydyr* («Б.т.», 1906, № 45, «Хәят – тереклек саклау», статья) ‘Человек обязан всегда стараться сохранить свою жизнь и правовую культуру, являющейся основой его жизни’; *...bajlyq säğadät čäleb* ***itmägä*** *wäsilä wä säbäp bulmağan ber ğyjlem kebi täläqyj ulyna* («Б.т.», 1907, № 81, «Наданлык бәласы», объявление) ‘…воспринимается как знание, не являющееся способом и причиной притягивать богатства и благополучия’.

Отрицательная форма инфинитива на *-mağa*, как и в случае с предыдущей инфинитивной формой, не имеет собственного показателя и оформляется, как и отрицательная форма на *-yrğa*, при помощи отрицательной формы причастия на *-mas* и аффикса направительного падежа *-qa/-kä*.

В целом, употребление рассматриваемой формы с разной степенью распространения характерно для старотатарского письменного литературного языка на всех этапах его развития [Татар әдәби теле..., 2017, б. 110, 190, 247, 287]. Функционирование данной формы в грамматической системе старотатарского литературного языка подчеркивает наличие в языке функционально-стилистической вариативности. В то же время пассивное употребление формы на *-mağa* в текстах исследуемых нами газет свидетельствует о том, что в межреволюционный период 1905-1917 гг., на фоне формирования нового татарского литературного языка, в рамках языка

татарской периодической печати происходит вытеснение традиционных языковых форм, а также языковых элементов, вошедших в употребление под влиянием османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода более поздними грамматическими формами.

Как видно из приведенных примеров, в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» наблюдается параллельное употребление инфинитивных форм, характерных как для кыпчакских, так и для огузских языков. Форма на *-yrğa* является ядерной и функционирует в текстах всех исследуемых нами газет. Форма на *-maq* наиболее регулярно обнаруживается в текстах газеты «Борхане таракки», а в текстах газет «Вакыт» и «Кояш» вытесняется более поздней формой на *-yrğa*. В настоящее время форма на *-maq* является основной формой инфинитива в современном турецком литературном языке, в рамках современного татарского литературного языка не функционирует, определяется как устаревшая форма инфинитива и традиционный для тюркских языков грамматический элемент. Инфинитив на *-mağa* также является формой, характерной для огузских языков, в частности встречается в современном турецком литературном языке. Он обнаруживается только в текстах газеты «Борхане таракки», тогда как в текстах газет «Вакыт» и «Кояш» для передачи соответствующих значений употребляется форма на на *-yrğa*.

Факт параллельного употребления в текстах исследуемых нами газет инфинитивных форм на *-yrğa*, *-maq* и *-mağa* свидетельствует о наличии функционально-стилистической вариативности в языке татарской периодической печати начала XX века и старотатарского литературного языка рассматриваемого периода в целом. В такой ситуации часть авторов оформляла свои статьи на огузо-турецком варианте татарского языка, близком к османско-турецкому языку.

В целом, инфинитив, будучи начальной формой глагола и на синтаксическом уровне употребляясь в функции практически любого члена

предложения, в рамках исследуемых нами газетных текстов активно функционирует в текстах, относящихся ко всем трем жанровых группам.

Имя действия

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» наблюдается активное функционирование имени действия – особой категории неличных форм глагола, которая одновременно обладает признаками имени существительного и глагола. Основной семантической особенностью этой части речи является передача значения действия, состояния или процесса.

Подобно глагольным формам, имя действия в текстах исследуемых нами газет обладает категорией залога, аспектами отрицания, возможности и невозможности, а также может выражать характер протекания действия и разного рода модальные значения [Грунина, 1963, с. 237-253]. При этом, имя действия безотносительно к категории времени и наклонения. Тот факт, что имя действия может склоняться по падежам и принимать показатели принадлежности, числа, а также сочетаться с послелогами или модальными словами, является ключевым моментом, сближающим его с именами существительными.

Имена действия в текстах исследуемых нами газет, как и в современном татарском литературном языке, образуются посредством присоединения специальных аффиксов. Если в настоящее время в татарском литературном языке основной формой, используемой для образования имени действия является форма на *-у*, а также менее активно употребляется форма на *-ыш* [Татар грамматикасы, 2016, б. 255], то в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» кроме формы на *-и* также зафиксировано функционирование формы на *-maq,* которая определяется в рамках татарского литературного языка в качестве традиционной языковой формы [Татар әдәби теле..., 2017, б. 804] и формы на *-ma,* активной в функции имени действия в современном турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 457] и в некоторых говорах татарского литературного языка [Юсупов, 2004, с. 267].

Форма на *-u*

Рассматриваемая форма имени действия в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», как и в современном татарском литературном языке и во всех его диалектах и говорах [Юсупов, 2004, с. 242], является основной и наиболее широко распространенной формой. Исторически форма на *-u* восходит к общетюркскому периоду и позже, согласно фонетичиской закономерности, находит свое отражение в языках уйгурской и кыпчакской групп [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 488].

В текстах исследуемых нами газет рассматриваемая форма образует имена действия от любой глагольной основы, от всех простых и сложных корней. На семантическом уровне имя действия на *-u* чаще всего обозначает нейтральное название действия, процесса или состояния. При этом, в зависимости от звукового состава конкретного слова она может иметь два фонетических варианта (*-u*/*-ü*).

Как было отмечено выше, имя действия на *-u* склоняется по падежам. Так, в текстах исследуемых нами газет рассматриваемая форма наиболее активна в основном падеже и обозначает название действия, процесса или состояния: *Mašina ğyjleme käšef itelgäč bu qul berlän* ***ešläü*** *üzendän üze fajdasyzğa äjlände* («Б.т.», 1906, № 39, «Ачлык – эш таба алмаучылык», статья) ‘После того, как было изобретено машиностроение, эта ручная работа сама по себе стала бесполезной’; *13 wä 14 nče ijünlärdä Ğ. savet cyjylyšlarynda dürt jaŋy branenoses* ***salu*** *mäsäläse qaraldy* («В.», 1908, № 333, «Г. совет җыелышы», заметка) ‘13 и 14 июня на собраниях Государственного совета рассматривался вопрос построения четырех новых броненосцев’; *Zur däräcäle türälärne küreb ütener öčen wäkillär jebärelsä, ütenečneŋ* ***qabul itelüwe*** *ömedle ikän* («К.», 1915, № 883, «Шәкерт вә мөгаллимләргә отсрочка алу мәсьәләсе», заметка) ‘Оказывается, если будут направлены представители для переговоров с высокопоставленными чиновниками, будет надежда на то, что просьба будет удовлетворена’.

Имя действия на *-u* в основном падеже в текстах газет может функционировать в составе изафетных конструкций. В этом случае рассматриваемая форма характеризует предмет либо лицо по действию или состоянию, а также может указывать на место или время совершения действия. В данной функции на семантическом уровне имя действия на *-u* выступает в качестве синонима к причастию на *-a torğan*: ***Sajlau köne*** *jetkäč,… pulemiotlar torğan Tiflis šähäre… bötenläj ikenče qyjäfätkä kerde* («Б.т.», 1906, № 33, «Үткән сайлауга бер нәзер», статья) ‘После того, как настал день выборов,… город Тбилиси, где стояли пулеметы,… приобрел совершенной иной вид’; *Xökümät möselmanlar arasynda igenčelek wä* ***mal asrau ysullaryn*** *berläšderergä xedmät itdeme?* («В.», 1908, № 335, «Гайсә мирзаның нотыгы», статья) ‘Правительство пыталось совместить у мусульман методы земледелия и животноводства?’; *Jaŋa* ***jullar salu kamisijäse*** *mömkin qadär qysqa möddätdä Saratofdan Azof diŋgeze bornyna timer jul salunyŋ kiräklegenä qarar birgän* («К.», 1917, № 1086, «Яңа тимер юл», заметка) ‘Комиссия по строительству новых дорог приняло решение о необходимости строительтсва в течении максимально короткого времени железной дороги от Саратова до залива Азовского моря’.

Кроме того, имя действия на *-u* в основном падеже также может сочетаться со словами *bar* ‘есть’ и *juq* ‘нет’. В текстах газет такая контрукция, как правило, выражает наличие или отсутствие того или иного действия, состояния либо процесса: *Hič söjläšü fälän juq* («В.», 1911, № 1077, «Истанбул мәктүпләре», очерк) ‘Какие-либо разговоры отсутствуют’.

Имя действия на *-u* в родительном падеже в текстах исследуемых нами газет, как правило, выступает в роли определения. При этом определяемое слово принимает аффикс принадлежности: *Möselman säüdä xedmätkärläreneŋ iqtisadi mänfäğatläre rus säüdä xedmätkärläreneke belän ber buldyğy xäldä ajrym cämğyjät* ***tözüweneŋ*** *säbäbe dä mili wä dini ixtijaclarny jaxšyraq ütäü öčen ide* («В.», 1917, № 2247, «Оренбургта күңелсез вакыйгалар», статья) ‘При ситуации, когда экономические интересы мусульманских торговых

работников сопоставимы с интересами русских торговых работников, причиной создания отдельного общества является более качественное воплощение национальных и религиозных интересов’.

Винительный падеж имени действия на *-u* в текстах газет выражает объектные отношения: *Gubernator ilä ğalawa ministrdan Räzän – Uralski timer julyn Toz Tübägä tügel, bälki Orenburğa* ***suzdyryluyn*** *ütengänlär* («В.», 1912, № 1045, «Министр үтү», заметка) ‘Губернатор и глава попросили министра проложить железную дорогу Рязань – Уральск не в Туз-Тубе, а в Оренбург’.

Многозначностью употребления в текстах отличается имя действия на *-u* в направительном падеже. Так, одной из ее особенностей, широко распространенных в текстах газеты «Борхане таракки» является употребление в функции целевого инфинитива. В данной функции форма на *-u*, обозначая цель действия, соотвествует одному из значений инфинитива на *-yrğa*: *...üzlärendän soŋğy balalaryna ber cirle miras qaldyrmaq nijätilä, kamisijä* ***sajlauğa*** *qarar birelde* («Б.т.», 1906, № 44, «Бер еллык бәйрәм», статья) ‘...с целью оставить будущим детям местное наследие, было принято решение создать комиссию’.

Направительный падеж формы на *-u* в текстах газет также может выражать и объектные отношения: *...šähadätnamäse buluwy, redaktornyŋ tatarča gramotnyj* ***buluwyna*** *ber dä dälalät itmi bit* («К.», 1914, № 385, «Матбугат ләихасы вә мөселман редакторлары», статья) ‘...наличие разрешения ведь не доказывает татароязычную грамотность редактора’.

Также имя действия на *-u* в направительном падеже может указывать на исходный момент совершения действия: *Bu gönahsyz qanlarnyŋ* ***tügelä bašlaularyna*** *jyl jarym buldy* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында», статья) ‘Прошло полтора года с тех пор, как начала проливаться эта невинная кровь’.

Форма на *-u* в исходном падеже, как правило, обозначает косвенный объект: *Bu tänqyjd wä cawablarnyŋ kübese haman, Dumada xökümät bäjinatyn mözakärä itkändäge süzlärne* ***täkrarlaudan*** *ğyjbarät bulsa da…* («К.», 1916, №

928, «Дәүләт думасы», отчет) ‘Несмотря на то, что большинство этой критики и ответов, все еще состоят из повторения слов, произнесенных в Думе при обсуждении правительственных доказательств...’.

Местно-временной падеж имени действия на *-u* в текстах газет обозначает действие, совершающееся одновременно либо параллельно с действием основного глагола: *Monda elek jyllardağy kebi xökümät hamanda* ***suğyšuda*** *wä* ***fetnä bastyruda*** *däwam itde* («В.», 1910, № 561, «1909 нчы елда», статья) ‘Здесь, как и в предыдущие годы, государство продолжело воевать и подавлять восстания’.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» наблюдается активное функционирование имени действия на *-u* с послелогами и модальными словами. Так, имя действия на *-u* в основном падеже в текстах газет сочетается с послелогом *öčen* ‘ради’, ‘для’. Такое сочетание в текстах, как правило, выражает цель совершения действия: *Jal itü könendä waqytny xuš* ***ütkärü*** *öčen dä ğomumi jal itü köne bulyrğa tiješ* («К.», 1914, № 303, «Чиркәү бәйрәмнәре тарафдарлары», статья) ‘И для того, чтобы хорошо провести время в выходной день, выходной день должен быть общепринятым’.

Кроме того, в текстах обнаруживается употребление имени действия на *-u* в сочетании с послелогом *säbäble* ‘по причине’, ‘из-за’. Такое сочетание выражает причинно-следственные отношения: *...ber* ***fajda kilmäü*** *wä xalyqnyŋ fikere dä mäšrutijät ilä idarä qylynyrlyq däräcägä* ***jetešmäü*** *säbäble,... xökümät šurai däülätne genä qaldyračaq ikän* («В.», 1911, № 1077, «Истанбул мәктүпләре», очерк) ‘...говорят, что по причине того, что отсутствует какая-либо польза, а также из-за того, что взгляды населения не достигли того уровня, когда было бы возможным управление конституционным режимом,... правительство оставит только Государственный совет’.

Имя действия на *-u* в сочетании с послелогом *xaqynda* ‘про’, ‘о’ употребляется для выражения объектных отношений и указывает на повод для суждения: *Ministr Ystalypinnyŋ Dumada uqylačaq ministrlar deklaratsijäsenä qaršy cawab* ***birü xaqynda****... qarar birelde* («Б.т.», 1907, № 80,

«Без ни хәлдә?», статья) ‘Было принято решение об ответных мерах по отношению к министерской декларации, которая будет зачитана министром Столыпиным в Думе...’.

Направительный падеж имени действия на *-u* в сочетании с послелогами *qarağanda, binaän* ‘судя по’, ‘основываясь на’ в текстах газет употребляется, как правило, для выражения изъяснительно-сравнительных отношений: *Šahidlärneŋ* ***söjläülärenä*** *qarağanda bu došmanlyqğa säbäb bulğan närsä dä Daud belän märxüm Syrtlanof arasynda tabiğat wä tärbijä cähätendän ber bersenä bik xilaf ber bašqalyq idege aŋlašyldy…* («В.», 1913, № 1216, «Депутат Сыртлановның үтерелүе хакында», репортаж) ‘Судя по показаниям свидетелей, прояснилось, что причиной такой вражды стало нечто иное, возникшее на почве расхождения в характерах и воспитании…’; *Suğyš xäräkätläre xaqyndağy xäbärlärdän* ***aŋlašyluwyna*** *binaän, fransuz cäjäüle ğaskäreneŋ östenlege fransuzlarğa suğyš safynyŋ küb jerlärendä došmanny borčuğa salyrlyq muafäqyjät birgän* («К.», 1914, № 577, «Гомуми Яурупа сугышы», заметка) ‘Судя по новостям о боевых действиях, превосходство французской пехоты позволило французам добиться успеха на многих точках линии войны, что заставило врага переживать’.

Как было отмечено выше, в текстах исследуемых нами газет рассматриваемая форма имени действия может сочетаться и с модальными словами. Так, имя действия на *-u* в сочетании с модальными словами *kiräk, lazem* ‘необходимо, нужно’ выражает необходимость совершения действия и употребляется в функции инфинитива: *Šunyŋ öčen niček dä bulsa bu tärtiblärne üzgärtergä* ***tyryšu*** *kiräk* («Б.т.», 1906, № 36, «Шулай кирәкме?», статья) ‘Поэтому, во что бы то ни стало, нужно постараться изменить эти устои’; *...xökümätneŋ ešendän čyğačaq näticälärne waqytynda tuqtata alyrlyq* ***buluwy*** *lazem* («К.», 1913, № 78, «Дәүләт думасы», отчет) ‘Нужно чтобы он мог во время остановить результаты, полученные в результате действий правительства...’.

В сочетании с модальным словом *tiješ* ‘должен’ имя действия на *-u* употребляется в значении необходимости с оттенком долженствования: *Fäqat ul din wä mäzhäbneŋ üze nizam bujynča cäzany mücäb bula torğan din wä mäzhäb* ***bulmawy*** *tiješ* («В.», 1909, № 433, «Диндә иренчелек», отчет) ‘Однако эта религия и мазхаб не должны быть религией и мазхабом, которые по порядку сами определяют наказание’.

Также в текстах обнаруживается сочетание имени действия на *-u* с модальным словом *mömkin* ‘можно’. Такая конструкция указывает на возможность или невозможность, допустимость или недопустимость совершения того или иного действия: *Anglija* ***tülänüwe*** *mömkin bulğan iqtisadi qyjmätlärne genä xarab itä, Germanija isä,* ***tülänüläre*** *hič ber mömkin bulmağan insan canlaryn hälak itäder* («К.», 1917, № 1086, «Германия баш вәзиренең нотыгы», отчет) ‘Англия уничтожает только восполнимые экономические ценности, а Германия губит никоим образом невозмещаемые человеческие души’.

В редких случаях в имя действия на *-u* в текстах газет принимает аффикс сказуемости *-dyr/-der* и выступает в предикативном значении: *Šul säbäble Törkijäneŋ plany Italijäne ozaq suğyšdyryb iqtisadi bölgenlekgä* ***jaqynlašdyrudyr*** («В.», 1912, № 932, «Русиянең солых тәклифе», статья) ‘По этой причине план Турции заключается в том, чтобы заставив Италию воевать долго, приблизить ее к экономическому обнищанию’.

Отрицательная форма имени действия на *-u* так же, как и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 255], образуется при помощи отрицательной частицы *-ma/-mä*, которая присоединяется к основе глагола, а далее следует показатель *-u/-ü*: *Eš* ***taba almau*** *xäzerge tormyšda här ber gasudarstvada bardyr* («Б.т.», 1906, № 39, «Ачлык – эш таба алмаучылык», статья) ‘Невозможность найти работу в сегодняшней жизни, наверное, существует в любом государстве’; *Duxovnyj sobranijada imtixan ulyb imam wä möğalimlek šähadätnamäse almaq möğalimlekdän* ***tuqtatylmau*** *öčen xäzergä jarab torsa da, bu äsasly ber čara*

tügelder («В.», 1909, № 433, «Мәктәбләр вә мөгаллимләремез», статья) ‘Несмотря на то, что сдача экзаментов в Духовном собрании и получение удостоверения преподавателя и имама на данный момент является способом обойти отстранение от преподавательства, это не фундаментальный способ’; *Xäzer inde bu kiläse sajlaularda mondyj ešlärneŋ* ***bulmawyna*** *tyryšyrğa tiješder* («К.», 1913, № 108, «Сайлауларга даир», статья) ‘Теперь он должен постараться, чтобы на предстоящих выборах не допустить таких ситуаций’.

Рассматриваемая форма имени действия является характерной особенностью тюркских языков кыпчакской группы. На сегодняшний день кроме современного татарского литературного языка, данная форма функционирует в киргизском, башкирском, казахском, каракалпакском, узбекском, караимском и т.д. языках [Юсупов, 2004, с. 257]. При этом, в отличие от текстов исследуемых нами газет, где рассматриваемая форма является ядерным элементом системы неличных форм глагола, в текстах письменных памятников, оформленных на рубеже XIX – начала XX вв. на старотатарском литературном языке она имеет неоднородную степень распространения [Татар әдәби теле..., 2017, б. 791] и определяется в качестве элемента функционально-стилистической вариативности.

Форма на *-maq*

Как было отмечено выше, в рамках современного татарского литературного языка форма на *-maq* определяется как архаичная и не употребляется в функции имени действия. Между тем, в некоторых говорах татарского языка наблюдается функционирование рассматриваемой формы как в качестве инфинитива, так и имени действия [Юсупов, 2004, с. 267]. В целом, сегодня имя действия на *-maq* характерно для огузских языков, в частности для турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 466], тогда как для тюркских языков кыпчакской группы оно считается малоупотребительным.

В текстах исследуемых нами газет рассматриваемая форма имени действия получила менее широкое распространение, чем форма на *-u*. При

этом, наиболее активна она себя проявляет в текстах газеты «Борхане таракки», которая из всех исследуемых нами газет начала издаваться раньше. В текстах газет «Вакыт» и «Кояш» форма на *-maq* употребляется менее активно и, как правило, в основном падеже или в составе конструкций, состоящих из имени действия на *-maq* и послелогов. Такая тенденция объясняется тем, что в межреволюционный период 1905-1917 гг. рассматриваемая форма в рамках старотатарского литературного языка постепенно начинает вытесняться более поздней формой имени действия на *-u*.

Как показывает фактический материал, рассматриваемая форма в текстах газет, в отличие от имени действия на *-u*, где обнаруживаются примеры склонения по всем падежам, крайне редко принимает падежные аффиксы. Как правило, имя действия на *-maq* в текстах функционирует в основном падеже и обозначает название того или иного действия, процесса либо состояния: *Milät* ***sävmäk****, xoquq* ***sävmäk****, wazyjfa* ***tanymaq****, üz qyjmätene* ***belmäk*** *kebi syjfatlara malik ulmazmyjdyq?* («Б.т.», 1906, № 47, «Хәят сакламак», статья) ‘Не стали ли бы мы обладателями таких свойств, как любовь к нации, любовь к праву, осознание обязанностей, признание своей необходимости’; *Kiräk üz qalonijäsendä kiräk ingliz wä fransuz qalonijäsendä bulsyn, muafäqyjät* ***qazanmaq*** *nimes öčen xämer ečü kebi ber ešder* («К.», 1914, № 577, «Нимес рәкабәте», статья) ‘Достижение успеха для немцев это такое же дело как выпить вина, хоть в своей колонии, хоть в английской или французской колониях’.

Также имя действия на *-maq* в основном падеже в текстах газет употребляется в составе изафетных конструкций и выступает в атрибутивном значении. В этом случае определяемое слово, как правило, принимает аффикс принадлежности третьего лица: *Möselman awyllaryna kitabxanälär* ***ačmaq*** *fikerendä uldyğy bezlärne artyq ömed var idäder* («Б.т.», 1906, № 47, «Народный университет», статья) ‘Нас, тех кто придерживается идеи открытия в мусульманских деревнях библиотек, впредь заставляет жить

надежда’; *Bez any xäzräte Räsülneŋ tacy* ***ulmaq*** *syjfatyjlä… itixad itdek* («В.», 1909, № 433, «Сыйфаһәт вә чалма», обзор периодической печати) ‘Мы его объединили... принимая во внимание что она является короной Расул хазрата’.

Кроме того, рассматриваемая форма в основном падеже может быть осложнена аффиксом сказуемости *-dyr/-der* и функционирует в предикативном значении: *Ul julda can fida idär däräcäsendä ulyb ğajrät itmäk* ***dimäkder*** («Б.т.», 1907, № 80, «Без ни хәлдә?», статья) ‘Это означает проявлять смелость будучи в состоянии умереть прямо в пути’.

В текстах газет «Кояш» имя действия на *-maq* в основном падеже при функционировании в предикативном значении часто употребляется без показателя сказуемости. Стоить отметить, что в настоящее время в татарском литературном языке использование категории сказуемости носит ограниченный характер [Татар грамматикасы, 2016, б. 57]. В частности, почти не используются аффиксы сказуемости третьего лица *-дыр/-дер, -тыр/-тер*. Следовательно, функционирование в текстах газеты «Кояш» имени действия на *-maq* в предикативном значении без показателей сказуемости, свидетельствует о процессах перестроения в письменном литературном языке в межреволюционный период 1905-1917 гг. и о постепенном переходе к новым языковым нормам: *Bu islaxatdan maqsud Irannyŋ daxili ešlären tärtibkä* ***qujmaq*** («К.», 1910, № 656, «Иран эшләре», статья) ‘Задача данной реформы – упорядочение внутренней политики Ирана’.

В предикативном значении рассматриваемая форма также может употребляться в основном падеже в сочетании со вспомогательным глаголом *ide* ‘был’: *Pravitelstvanyŋ bu eše jäğni vajenyj polevoj sudlar täškil itüwe revalutsijäne betereb, üzenä jarağan Dumany* ***cyjmaq ide*** («Б.т.», 1906, № 28, «Хаҗитархан сентябрь 24», статья) ‘Эти действия правительства, то есть образование военно-полевых судов, заключается в формировании нужной Думы, завершив революцию’.

Также в текстах газет зафиксировано функционирование имени действия на *-maq* в предикативном значении в основном падеже в сочетании со вспомогательным глаголом *imeš* ‘был’: *Bu kitabny taratudan maqsud da xalyqnyŋ xosusa Italijäneŋ äfkaryn Germanijä tarafyna* ***audarmaq*** *imeš* («К.», 1914, № 485, «Ак китаб», корреспонденция) ‘Задача распространения этой книги заключается в перетягивании симпатий населения, в особенности населении Италии, на сторону Германии’.

Кроме того, в текстах обнаруживается употребление имени действия на *-maq* с аффиксом винительного падежа. В данном случае рассматриваемая форма передает значение прямого объекта действия, выраженного личной формой глагола: *Möxtäräm möštäriläremezdän adreslaryny ačyq häm dörest* ***jazmaqlaryny*** *rica idämez* («Б.т.», 1906, № 39, «Игълан», объявление) ‘Просим клиентов писать свои адреса четко и правильно’; *Ošbu ütenečeme gazetaŋyznyŋ ber jerenä* ***darc qylmaqyŋyzy*** *insanijat namyna ütenämen* («В.», 1912, № 921, «Идарәгә мәктүпләр», письмо) ‘Во имя человечества прошу вас опубликовать мою данную просьбу в каком-нибудь месте вашей газеты’.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» регулярно обнаруживается употребление имени действия на *-maq* в сочетании с послелогами. Так, одним из наиболее распространенных сочетаний является употребление рассматриваемой формы в паре с послелогом *ilä* ‘с’, а также его фонетическими вариантами *iläп, beläп, berläп, berlä, belä*. Такое сочетание, как правило, выражает объектные отношения: *Orenburg okrugyndağy mäğarif mämurlary xäzer möselman mäktäblärenä 31 nče martda mäğarif ministry tarafyndan tasdyjq qylynmyš jaŋa pravilalarny* ***kertmäk*** *iläп mäšğüllär* («Б.т.», 1906, № 42, «Газеталардан», заметка) ‘Работники образования Оренбургского округа сейчас заняты внедрением в мусульманские школы новых правил, утвержденных 31 марта министром образования’; *Ägär dä üz kamitetymyz bulsa, ğajrät wä sädaqatemez zahir* ***ulmaq*** *ilä bärabär birgän sumamyznyŋ niqadär ikäne dä mäğlüm bulyr ide* («К.», 1914, № 485, «Авылларда зур ихтыяҗ вә аларга ярдәм», статья) ‘Если бы у нас был

собственный комитет, вместе с тем, что наша сила и дружба была бы очевидной, была бы еще известна и сданная нами сумма’.

В некоторых текстах газеты «Вакыт», оформленных на огузированном варианте старотатарского литературного языка, где присутствуют грамматические и лексические элементы, характерные для огузских языков, в частности для османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода, обнаруживается сочетание имени действия на *-maq* и послелога *üzärä* ‘с тем’, ‘чтобы’, являющегося особенностью турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 318]. Такая конструкция выражает значение цели действия: *Mäcles palitsijäneŋ röxsäte ilä Möxämädälräxim xaci Junysof öjendä ulyb äksäre ğoläma wä ğolämägä mänsüb kešelärdän* ***ulmaq*** *üzärä jözdän artyq keše xazir ulmyšlar ide* («В.», 1909, № 433, «Казанның рәсем хаттын төзәтү хакында мөзакәрә мәҗлесе», отчет) ‘На собрании, проведеннном с разрешения полиции в доме Мухаммадальрахима хаджи Юнусова с целью собрать в большинстве своем ученых и приближенных к ученым людей, присутствовало более ста человек’.

В текстах газет обнаруживаются примеры употребления имени действия на *-maq* с послелогом *xosusynda* ‘о’, ‘относительно’, ‘касательно’. Данный послелог в рамках современного татарского литературного языка определяется как устаревшее. Его ограниченное употребление наблюдается лишь в официально-деловом стиле, а в остальных функционально-стилистических полях, как правило, употребляется его более современные синонимы *турында* и *хакында*. В текстах газет такое сочетание имени действия на *-maq* с послелогом *xosusynda* обозначает предмет данной конкретной речи: *Ike ystipendijä* ***ačmaq*** *xosusynda Qazan učitelskij yškolasynyŋ idaräse ilä xäbärläšmäkdäder* («В.», 1909, № 433, «Оренбург хәбәрләре», заметка) ‘Он связался с руководством Казанской учительской школы по поводу организации двух степендий’.

В целом, форма на *-maq*, характерная для турецкого литературного языка и являющаяся традиционным языковым элементом,

функционирующим в старотатарском литературном языке рассматриваемого периода, обнаруживается во всех старотатарских письменных памятниках конца XIX – начал XX вв. [Татар әдәби теле..., 2017, б. 821] и определяется как элемент, подчеркивающий наличие в нем функционально-стилистической вариативности.

Форма на *-ma*

В текстах исследуемых нами газет также наблюдается ограниченное распространение имени действия на *-ma*, которое образуется путем присоединнения к основе глагола аффикса *-ma/-mä*. Данная форма активна лишь в текстах, оформленных на огузированном варианте старотатарского литературного языка начала XX века, где наблюдается повышенное употребление грамматических и лексических элементов, характерных для тюркских языков огузской группы, в частности для османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода.

В целом, употребление имени действия на *-ma* зафиксировано не во всех письменных памятниках конца XIX – начала XX вв., оформленных на старотатарском литературном языке [Татар әдәби теле..., 2017, б. 804]. Данная форма, как правило, характерная для огузированного варианта старотатарского литературного языка рассматриваемого периода, определяется как показатель функционально-стилистической вариативности.

В современном татарском литературном языке функционирование имени действия на *-ma* не сохранилось, а в ее диалектах рассматриваемая форма употребляется в функции инфинитива. В частности, инфинитив на *-ma* активен в говорах среднего и мишарского диалектов, однако не входит в ядерную часть диасистемы татарского языка и не служит классификационным признаком татарских диалектов [Юсупов, 2004, с. 203, 207]. При этом, в турецком литературном языке форма на *-ma* в качестве имени действия является одной из наиболее активных форм, употребляясь как с аффиксами принадлежности, так и склоняясь по падежам [Кононов, 1956, с. 454].

В текстах газет рассматриваемая форма употребляется исключительно в функции имени действия. При этом, спектр ее употребления крайне ограничен. Как показывают фактические материалы, в текстах газет имя действия на *-ma*, как правило, употребляется с аффиксом принадлежности третьего лица единственного числа *-sy/-se*, при этом, функционируя только в основном падеже. В данном случае рассматриваемая форма функционально сближается с причастиями на *-dyq* и *-ačaq* и употребляется для выражения потенциального устремленного в будущее действия, связанного с определенным лексическим значением сказуемого: *Čyqarylan paranyŋ lazem järlärä* ***saryf idelmäse*** *julyny düšenälem* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәҗлесе», отчет) ‘Давайте подумаем пути расходования выделенных денег в нужных направлениях’.

Также в текстах обнаруживается сочетание имени действия на *-ma* с послелогами, характерное для любого имени с аффиксом принадлежности. Такие конструкции, как правило, выражают различного рода развернутые обстоятельства. Так, в текстах газеты «Кояш» было зафиксировано употребление рассматриваемой формы в сочетании с послелогом *öčen* ‘для’. Такое сочетание выражает развернутое обстоятельство цели, а послелог в нем придает более конкретное значение: *Bu mäcles jalŋyz mäktäb wä mädräsäläreŋ islaxy mäsäläse müzakäräse wä jäki program tärtib* ***idelmäse*** *öčen wäli cänabläreneŋ röxsätilä japylmyš ber mäclesder* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәҗлесе», отчет) ‘Данное собрание – это собрание, проведенное с разрешения господина вали только для обсуждения вопросов реформирования школ и медресе либо упорядочения их программ’.

Отрицательная форма имени действия на *-ma* в текстах исследуемых нами газет имеет ограниченное распространение и образуется при помощи отрицательной частицы *-ma/-mä*, которая присоединяется к основе глагола: *...insan qalbene cäleb* ***itmämäse*** *qabil dägel ide* («В.», 1910, № 595, «Бохара әхвалендән», очерк) ‘...было невозможно не проникнуть в сердца людей’;

Как видно из материалов, имена действия, выражая значение того или иного действия в семантическом плане, в отличие от некоторых именных частей речи, а также других неличных форм глагола, не имеют ярко выраженных привязанностей к конкретным жанрам и обнаруживаются в текстах газет, относящихся ко всем жанровых группам. Так, наиболее регулярное применение различных форм имени действия можно обнаружить в текстах заметок, отчетов и репортажей, относящихся к информационным жанрам. Также формы имени действия активны в текстах статей, обзоров периодической печати, относящихся к аналитическим жанрам и в текстах очерков, которые рассматриваются нами в рамках художественно-публицистических текстов.

Таким образом, в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» зафиксировано функционирование ряда форм имени действия. Наиболее употребляемой формой является имя действия на *-и*, которая активна и в современном татарском литературном языке. При этом, чем позже в межреволюционный период 1905-1917 гг. был опубликован конкретный номер той или иной газеты, тем активнее в ее текстах употреблялась данная форма. Так, наиболее регулярное присутствие формы на *-и* обнаруживается в рамках текстов газеты «Кояш», тогда как в текстах газеты «Борхане таракки», издававшейся чуть ранее, функционирвание рассматриваемой формы разбавляется другими формами имени действия.

Важно подчеркнуть, что в этот временной отрезок более поздняя форма на *-и* постепенно вытесняет форму на *-maq*, которая определяется в рамках истории татарского литературного языка в качестве традиционной языковой формы и форму на *-ma*, активную в функции имени действия в современном турецком литературном языке, а также в некоторых говорах татарского литературного языка. При этом, если форма на *-maq* определяется как архаичная общетюркская традиционная форма, являющаяся грамматическим синонимом имени действия на *-и*, то форма на *-ma* встречается исключительно в текстах, оформленных на огузированном варианте

старотатарского литературного языка рассматриваемого периода, где помимо нее также наблюдается активное употребление лексических и иных грамматических элементов, характерных для огузских языков, в частности для османско-турецкого литературного языка начала XX века.

Еще одна форма, применение которой изредка наблюдается в рамках современного состояния татарского литературного языка, форма на *-yš*, не активна в текстах исследуемых нами газет. Хотя, фактически, данная форма и имеет место быть в текстах газет, слова, оформленные посредством нее, определяются как имена существительные, образованные путем конверсии (*suğyš* ‘война’, *utyryš* ‘заседание’, *cyjylyš* ‘собрание’ и т.д.) и не рассматриваются нами в рамках имен действия.

3.3. Функционирование личных глагольных форм

Как известно, личными формами глагола называют формы, которые изменяются по лицам, числам, времени и наклонению. Категория наклонения в рамках грамматической системы языка отвечает за выражение устанавливаемого говорящим лицом отношения действия к реальной действительности и характеризуется наличием нескольких форм, реализующихся посредством применения специальных грамматических показателей. При этом, в текстах исследуемых нами газет категория наклонения определяется как центр модальности и, в зависимости от поставленных говорящим в тексте лицом задач, обозначает действие, как реальный факт, соотнесенный с конкретным временным отрезком (изъявительное наклонение), выражает обращенное к адресату волеизъявление говорящего лица (повелительное наклонение), выражает изъявление желания говорящего лица (желательное наклонение), обозначает действие, являющееся условием для совершения иного действия (условное наклонение), выражает обязательность или категорическую необходимость при оценке соотношения реальной действительности и описываемого действия (долженствовательное наклонение) и обозначает

предположительно-возможное действие (сослагательное наклонение). Кроме того, в текстах газет зафиксировано функционирование модальных конструкций, служащих для выражения значения возможности либо невозможности совершения того или иного действия посредством употребления различных грамматических показателей. Однако наиболее отчетливо, имеющиеся в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» морфологические отличия, обнаруживающиеся в функционировании личных глагольных форм можно зафиксировать при рассмотрении грамматических форм изъявительного наклонения.

Изъявительное наклонение

Категориальным значением изъявительного наклонения является обозначение действия, как реального факта, соотнесенного с конкретным временным отрезком в прошлом, настоящем или будущем. В отличие от других категорий, изъявительное наклонение в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», также, как и в современном татарском литературном языке, в его диалектах и в тюркских языках в целом [Юсупов, 2004, с. 292], не характеризуется наличием каких-либо специальных грамматических показателей наклонения. Однако отличительная особенность изъявительного наклонения, которая заключается в выражении ее категориальной семантики посредством определенных временных аффиксов вправе рассматриваться именно как показатель наклонения.

Как известно, основное значение изъявительного наклонения заключается в выражении действия, не осложненного каими-либо модальными или аспектуальными оттенками. Но, стоит отметить, что в текстах исследуемых нами газет, как и в современном татарском литературном языке и тюркских языках в целом, значение временных форм изъявительного наклонения, как правило, осложняется теми или иными модальными оттенками. Также формы изъявительного наклонения могут сочетаться с послелогами и модальными словами, что также придает данным сочетаниям различные оттенки. Кроме того, на семантическом уровне на

конкретную форму изъявительного наклонения может воздействовать и контекст. Поэтому такое положение следует признать лишь условным.

Изъявительное наклонение в текстах исследуемых нами газет характеризуется многообразностью функционирующих форм. Так, нами зафиксированы формы, характерные для современного татарского литературного языка, а также формы, характерные для огузских языков, в частности, функционирующие в современном турецком литературном языке, что свидетельствует о влиянии на грамматическое строение текстов татарских газет начала XX века османско-турецкого языка рассматриваемого периода. Кроме того, часть временных форм, активных в исследуемых нами текстах, определяются в рамках истории татарского литературного языка в качестве общетюркских традиционных языковых элементов. Такая разнородность функционирующих временных форм, а также особенности их спряжения и функционально-семантические различия, имеющие место в текстах газет, подчеркивают наличие функционально-стилистической вариативноси в татарском литературном языке рассматриваемого периода. Эта вариативность, в свою очередь, объясняется сложностью процессов формирования татарского литературного языка и многовековыми контактами с другими тюркскими языками.

Следует отметить, что не все временные формы, а также не все грамматические показатели лица и числа одинаково активны во всех жанрах, отраженных в текстах исследуемых нами газет. В этой связи особое значение при научном исследовании функционирования форм изъявительного наклонения в текстах татарских газет начала XX века является их жанровая дифференциация.

Прошедшее время

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» грамматическая категория времени, так же, как и категория наклонения и лица, определяется в качестве наиболее важного признака глагола. Прошедшее время в текстах газет на семантическом уровне выражает действие, происходившее до

момента речи и представлено целым рядом форм, характеризующихся наличием соответствующих семантических особенностей.

В структурном плане формы прошедшего времени, функционирующие в текстах исследуемых нами газет следует разделять на синтетические и аналитические. К синтетическим формам относятся показатели прошедшего времени *-dy, -ğan* и *-myš,* тогда как в качестве аналитических форм, с разной степенью распространения, функционируют формы на *-ğan ide, -myš ide, -a ide, -jur ide, -maqda ide, -a torğan ide* и *-ačaq ide*.

Несмотря на то, что все перечисленные формы функционируют в рамках прошедшего времени и употребляются в текстах для передачи значения действия, имевшего место до момента речи, все они характеризуются наличием определенных индивидуальных особенностей, индивидуальным уронем распространенности.

Синтетические формы

Форма на *-dy*

Форма прошедшего категорического времени на *-dy,* определяясь в качестве одного из наиболее ранних общетюркских грамматических показателей, считается характерной особенностью всех без исключения древних, средневековых и современных тюркских языков и, согласно наиболее распространенному мнению, своими корнями восходит к имени действия на *-yt/-t* или *-dy* [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 379, 383].

Сегодня рассматриваемая форма, употребляющаяся для выражения прошедшего результативного времени, активна в современном татарском литературном языке, а также в ее диалектах [Юсупов, 2004, с. 377]. При этом, форма на *-dy* активно обнаруживается на всех этапах формирования и развития старотатарского литературного языка. Ее функционирование зафиксировано как в текстах древнетюркских письменных памятников, созданных в период Волжской Булгарии, так и в текстах литературных произведений, оформленных в конце XIX – начале XX вв. на старотатарском литературном языке [Татар әдәби теле..., 2017, б. 88, 493].

Учитывая одну из основных функций газетного текста, заключающейся в своевременном информировании адресата о каком-либо явлении или событии имевшего место в прошлом, выражение действия в плане прошедшего времени является одним из наиболее широко распространенных услоий при передаче информации читателю. В частности, наиболее активно употребляемой при этом временной формой прошедшего времени становится форма на *-dy*. С одной стороны, ее активное функционирование в текстах обусловлено тем, что автор текста является непосредственным свидетелем описываемых событий, имевших место в прошлом, а его слова не подвергаются сомнению. С другой стороны, посредством употребления формы на *-dy* автор стремится достичь в тексте быстрой смены действий или последовательного динамического развертывания. В целом, функционирование рассматриваемой формы не характеризуется наличием жесткой жанровой дифференциации. Однако форма на *-dy* является ключевой в рамках текстов заметок, относящихся к информационным жанрам. Здесь наряду с показателем прошедшего результативного времени на *-ğan*, в преобладающем большинстве случаев, используется упрощенная временная структура, которая реализуется посредством формы прошедшего категорического времени на *-dy*.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» рассматриваемая форма образуется по общей для тюркских языков схеме, где к основе глагола присоединяется аффикс *-dy/-de*, а спряжение происходит посредством личных аффиксов II группы:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	*-m*	*-q/-k*
2 л.	*-ŋ*	*-ŋyz/-ŋez*
3 л.	_	*-lar/-lär*

Так, **первое лицо единственного числа** в текстах исследуемых нами газет, вне зависимости от временных рамок, выражает действие, отнесенное

к говорящему лицу. Для реализации данной формы употребляется аффикс -*m*, который применяется как в татарском [Татар грамматикасы, 2016, б. 119], так и в турецком [Кононов, 1956, с. 230] литературных языках: *Menä min sezgä nadanlyqym ilä bu fikeremne* ***jazdym*** («Б.т.», 1907, № 75, «Иске фикер», статья) ‘Вот я по своей глупости написал вам это мнение’; *Äni mine übäder ide… min šunyŋ öčen* ***jyğladym*** («В.», 1915, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Мама меня целовала... я поэтому заплакала’; ***Qyjmadym****… qačyb kilgäč üzeŋä birermen digäč qart xatynyna* ***yšandym*** *šul* («К.», 1913, № 53, «Кыз сатуга гаид», художественное повествование) ‘Не решился... поверил жене старика, потомучто она сказала что отдаст мне, раз я пришел украдкой’;

Для реализации формы **первого лица множественного числа**, выражающей, как правило, действие, отнесенное ко множеству лиц, одним из которых, непременно, является говорящий, в текстах исследуемых нами газет употребляется аффикс лица *-q/-k*: *Bez šunda ber jortnyŋ qaršynda* ***tuqtadyq*** («Б.т.», 1906, № 28, «Тайный циркуляр», статья) ‘Там мы остановились напротив одного дома’; *Mağazanyŋ xucasy üze dä uramda tora ikän, sälam birde, min täbrik itdem,… küzgä qarab* ***kölešdek****… Menä postaxanä uramyndan* ***boryldyq****…* («В.», 1909, № 550, «Иран мәктүбләре. XI. Милләт мәҗлесенең ачылуы», очерк) ‘Как оказалось, хозяин магазина и сам стоит на улице, поприветствовал, я поздравил..., посмеялись смотря в глаза… вот мы повернули на улицу, где находится почта…’; *Bez jaŋa räiskä täräqyjpärwär Jefremof digän deputatny* ***sajladyq*** («К.», 1913, № 259, «Петербург мәктүбләре. Матбугат хакында закон ләихасы», очерк) ‘На место нового председателя мы избрали прогрессивного депутата по фамилии Ефремов’.

Следует отметить, что в современном татарском [Татар грамматикасы, 2016, б. 119] и турецком [Кононов, 1956, с. 230] литературном языках первое лицо множественного числа прошедшего времени на *-dy* реализуется лишь посредством фонетического варианта *-k*.

Глаголы с показателем прошедшего времени на *-dy*, осложненные аффиксами второго лица обеих чисел, традиционно для газетных текстов являются наименее распространенными формами. Так, **второе лицо единственного числа**, парадигматическим значением которого является отнесенность действия к адресату, в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», как правило, употребляется для релизации обращений автора и имеет ограниченное распространение. Как и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 119], данная форма оформляется посредством показателя лица *-ŋ*: *Beläder idem dä… sin Näğimälärne* ***üpdeŋ****, mine kürmienčä* ***kitdeŋ*** («В.», 1915, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Я знала... ты поцеловала Нагиму, а меня прошла незаметив’; *Uh! Äcäl, sin* ***tujmadyŋ****! Äle berebezneŋ qaber östendäge čäčäklär šiŋärgä ölgermäde, ä sin ikenčebezne – Isxaqny da* ***aldyŋ*** («К.», 1913, № 108, «Дөньядан туйган дустыма», статья) ‘Ух! Смерть, ты не насытилась! Еще не успели завянуть цветы на могиле одного из нас, а ты забрала и второго – Исхака’.

Второе лицо множественного числа, вне зависимости от временных рамок, выражает действие, исполнителем которого является множество лиц, одним из которых выступает адресат, а также лицо, не участвующее в речи. Реализация данной формы осуществляется посредством аффикса *-ŋyz/-ŋez*, определяющегося в рамках старотатарского литературного языка рассматриваемого периода в качестве элемента традиционной языковой нормы: *Moŋa qadär växši xäldä jäšämeš Ästerxan möselmanlary ni xälgä* ***kildeŋez****...* («Б.т.», 1906, № 36, «Дәрел Әдәбдә сөйләнгән нотык», отчет) ‘В какое состояние пришли мусульмане Астрахани, которые жили прежде дикой жизнью...’; *Axyrynda niček itifaqğa* ***kildeŋez****, möselman fraqsijäseneŋ kiräklegen ni berlä* ***isbat itdeŋez****?* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу», интервью) ‘В результате как вы пришли к согласию, как доказали необходимость мусульманской фракции?’.

Следует отметить, что на сегодняшний день реализация спряжения формы прошедшего времени на *-dy* во втором лице множественного числа при помощи аффикса *-ŋyz/-ŋez* в чуть ином фонетическом варианте (*-ңыс*) зафиксирована в барабинском и томском диалектах, а также в тарском говоре тоболо-иртышского диалекта татарского языка [Юсупов, 2004, с. 378].

Третье лицо единственного числа вне зависимости от временных рамок, может выражать несколько значений. Так, в зависимости от конкретного контекста, рассматриваемая форма выражает отнесенность действия к лицу или другим живым существам, предметам, явлениям и т.д., не участвующим в речи. Кроме того, рассматриваемая форма может выражать отнесенность действия к множеству лиц или предметов, не участвующих в речи. При этом, употребление единственного числа подчеркивает нерасчлененность того или иного конкретного действия. Для реализации данной формы в текстах газет, как и впреобладающем большинстве тюркских языков [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 376], употребление какого-либо специального аффикса не зафиксировано: *…naloglarny kübräk salyb xalyqny tağynda fäqiräkkä taba* ***jebärde*** («Б.т.», 1906, № 31, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘…увеличив налоги, сделал жизнь народа еще более бедной’; *Alarnyŋ ešläre beteb näübät miŋa jetkänče berär säğat* ***ütde*** («В.», 1912, № 1077, «Истанбул мәктүпләре», очерк) ‘Пока они закончили дела и очередь дошла до меня, прошло около часа’; *Solyx jasalu mönäsäbäte belän Romanijä karole häm bašqa Balqan mämläkätläre bašlyqlary arasynda täbrik telegramlary alyšular* ***buldy*** («К.», 1913, № 186, «Казан 2 август», статья) ‘В связи с подписанием договора, король Румынии и главы других Балканских государств совершили обмен поздравительными телеграммами’.

Третье лицо множественного числа в текстах газет выражает соотнесенность действия со множеством лиц, не участвующих в речи либо с неличным субъектом. Как и в современном татарском [Татар грамматикасы, 2016, б. 119] и турецком [Кононов, 1956, с. 230] литературном языках, рассматриваемая форма оформляется при помощи аффикса множественного

числа *-lar/-lär*, где он указывает не на лицо, а на согласование в числе: *16 nčy sintäbrdä tön ilä ber afitsernyŋ kamandasy berlä ber qadär qazaqlar ber jortny* ***čolğab aldylar*** («Б.т.», 1906, № 28, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘Ночью 16 сентября команда под руководством одного офицера и еще несколько казаков окружили один из домов’; *Bu forsatny ğazimät beleb Avstrijalylar Lovčen tawyna qatğyj höcüm* ***qyldylar*** («В.», 1916, № 1955, «Каратагъ бетү», статья) ‘Воспользовавшись случаем, австралийцы совершили жесткую атаку на гору Ловчен’; *Mädräsädä uqyj torğan šäkerdlär dä üz isemlärendän adres ilä bergä kitab* ***hädijä itdelär*** («К.», 1913, № 73, «Самара», корреспонденция) ‘Шакирды, обучающиеся в медресе, также подарили от себя адрес и книгу’.

Отрицательный аспект формы прошедшего времени на *-dy* в текстах газет образуется при помощи аффикса глагольного отрицания *-ma/-mä*: *Ämma pravitelstva bu meskenlärneŋ xällärenä* ***märxämät itmäde*** («Б.т.», 1906, № 31, «Ай башлары хакында», статья) ‘Однако правительство не сжалилось над ситуацией этих бедняг’; *Alar ber berse beläп šadlanyšyb dönjadan čyğyb utyralar ide – minem jaqynlašqanymny* ***išetmädelär*** («В.», 1913, № 1240, фельетон) ‘Они сидели вместе радуясь и отрешенно – не услышали моего приближения’; *Bloqčylar bezdän ber fiker dä* ***soramadylar*** («К.», 1916, № 921, «Петербург мәктүпләре. Фракциядәге киңәшләр», очерк) ‘Представители блока не спросили у нас ни одного мнения’.

На семантическом уровне основным значением прошедшего времени на *-dy* изъявительного наклонения является передача совершившегося в прошлом однократного действия, достоверность которого не подвергается сомнению [Татар грамматикасы, 2016, б. 119]. При этом, по мнению некоторых специалистов, обозначаемое посредством данной формы действие, может являться как однократным, так и многократным, а также достигшим своего предела или не достигшим его [Серебренников, 1963, с. 14].

Наиболее часто в текстах газет прошедшее время на *-dy* функционирует в рамках своего парадигматического значения. Так оно активно при

выражении конкретного действия либо состояния, очевидцем которого стал говорящий, или при выражении действия, совершенного незадолго до момента речи, а также действия или состояния, известного от третьих лиц, но объективность которых не подвергается сомнению: *Xäl wä zamanlar üzgärde här millät täräqyj julyna ajaq basdy...* («Б.т.», 1907, № 80, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘Ситуация и времена поменялись, каждый народ встал на путь прогресса…’; *Mözakärämez bu ike mäsälädän soŋ “ysjezdlar jasau” tuğrysyna* ***küčde*** («В.», 1910, № 637, «Петербургтан кайтучы илә мөсахәбә», корреспонденция) ‘После этих двух вопросов, наше обсуждение перешло на «проведение съездов»’; *70 tijen bulyb torğan saryq tirese mulalar bäxetenä genä tösle Ğajd aldyndan ğyna sumnyŋ juğary jağyna* ***kütärelde*** («К.», 1914, № 549, «Әтраф хәбәрләре», заметка) ‘Овечья шкура, стоящая 70 копеек, как будто бы на счастье мулл, прямо перед праздником Разговения поднялась выше рубля’.

Следует отметить, что в отличие от формы на *-ğan*, в семантическом плане раскрывющей результативность действия, форма на *-dy* в текстах газет позволяет передавать быструю смену действий, либо их последовательное динамическое развертывание. При этом, глаголы в форме на *-dy*, которые выражают в тексте смену действий, могут соединяться при помощи союзной частицы *da*, *dä*: *Ber zaman älla qajdan ber cuan keše kileb* ***čyqdy da*** *miŋa mäsceddän čyğarğa* ***qušdy*** («Б.т.», 1906, № 45, «Газеталардан», обзор периодической печати) ‘Внезапно откуда-то появился упитанный человек и сказал мне выйти из мечети’.

Одним из наиболее активных в текстах исследуемых нами газет контекстуальных значений формы на *-dy* является обозначение тех или иных достоверных действий, которые в прошлом отличались своим обычным, регулярным, многократным либо длительным характером. При этом, характерной особенностью таких предложений является функционирование в них таких определенной группы лексических средств, подчеркивающих различные характеристики протекания действия в рамках указанного

времени: *Bik küb zaman Ästerxanda ulan ähle islam jalğan išanlarnyŋ jäšel, wä sary čapanlaryny jabynyb küb zaman* ***joqladylar*** («Б.т.», 1906, № 47, «Земство газетасы вә мөселманнар», обзор периодической печати) ‘Мусульмане, очень длительное время жившие в Астрахани, укрывшись зелеными и желтыми чапанами лжеишанов, очень долго проспали’; *Duma härwaqyt bu mäğarif ešlärendä xalyqnyŋ ixtijacyna järdäm itärgä* ***tyryšdy*** («В.», 1913, № 1216, «Государственный дума», отчет) ‘Дума всегда старалась помогать народным потребностям в этих вопросах образования’; *...jal itü mäsäläsen Dumanyŋ qaramaqyna jaŋadan kertü xaqynda, berničä qat täkliflär dä* ***bulyndy*** («К.», 1914, № 306, «Сәүдә хезмәткәрләренең җыелышы», статья) ‘...несколько раз поступали и предложения о внесении вопроса о выходных на рассмотрение Думы снова’.

В вышеприведенных примерах для подчеркивания длительности действия употребляются такие лексические элементы, как *bik küb zaman* ‘очень длительное время’, *küb zaman* ‘длительное время’, для подчеркивания регулярности действия используется слово *härwaqyt* ‘всегда’, а для усиления значения многократности действия в прошлом употребляются выражения *jaŋadan* ‘снова’, *berničä qat* ‘несколько раз’.

Форма прошедшего времени на *-dy* в текстах газет может указывать на результативность действия, которое, как правило, подкрепляется посредством употребления в предложении вспомогательных глаголов: *Šundan soŋ bez gorodovojlarğa telägän kešelärne atarğa tajnyj sirkular barmikänni dijeb* ***ğacäbseneb kitdek*** («Б.т.», 1906, № 28, «Тайный циркуляр», письмо) ‘После этого мы удивились, подумав, неужели существует «тайный циркуляр», разрешающий городовым стрелять в нужных людей’; *Ğabdelxämidneŋ täxetkä čyğuwy ilä... Ğosmanly mämläkätene parča parča ideb* ***bülärgä****, jäki iqtisadi cähätdän* ***imärgä bašladylar*** («В.», 1909, № 460, «Төркия вакыйгатенә бер нәзер», статья) ‘С восхождением на трон Абдулхамита... Османское государство начали делить на кусочки или высасывать в экономическом плане’; *“Waqyt” gazetasynyŋ 1129 nčy nomeryndağy Äxmädzäki*

Wälidineŋ mäqaläsen uqyğač, min, kübdän wafat bulğan šul "Kärlä"ne ***sağynyb qujdym***... («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфәң нишләтте!!», фельетон) 'После прочтения в 1129 номере газеты «Вакыт» статьи Ахмет-Заки Валиди, я, вдруг соскучился по этому покойному Кэрлэ…'.

В текстах нередко обнаруживается конструкция, состоящая из сочетания глагола в форме прошедшего времени на *-dy* и союзного слова *isä* 'а, же'. Такая конструкция, как правило, употребляется в сложносочиненных предложениях в функции сказуемого придаточного предложения и выражает время либо условие совершение действия, а также причинно-следственные отношения: *Niček Ğajd köne* ***buldy isä*** *minem bala čağym xosusän bala čağymdağy ber bilgele waqyjğa isemä töšä* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) 'Если настает Гает, я тут же вспоминаю свое детство, в частности, какое-нибудь знаменательное событие из детства'.

Следует отметить, что присутствие данной конструкции зафиксировано во многих текстах тюркских письменных памятников, а в рамках татарского языка на сегодняшний день такое сочетание обнаруживется в говорах среднего диалекта, в частности, оно свойственно для говоров, распространенных на территории Приуралья, Среднего Урала, Южного Урала и Зауралья [Юсупов, 2004, с. 386].

В текстах исследуемых нами газет также обнаруживается употребление формы на *-dy* в значении косвенных наклонений. Так, в сочетании с частицой *-my, -me* в рамках сложноподчиненного предложения форма на *-dy* передает причинно-следственные отношения: *Möselmanlar ber* ***ujandylarmy****, jarym julda qalmaslar* («В.», 1912, № 942, «Болгария мөселманлары вә сәяси уяну», статья) 'Если мусульмане проснулись, они не останавливаются на пол пути'.

В целом, семантическое функционирование формы прошедшего времени на *-dy* в текстах исследуемых нами газет обнаруживает сходство с другими тюркскими языками, в частности с турецким, казахским, киргизским и т.д. литературным языками [Кононов, 1956, с. 230; Öner, 1998, s. 143]. Регулярное употребление рассматриваемой формы зафиксировано в текстах

всех исследуемых нами газет. Поэтому она определяется в качестве ядерного элемента грамматической системы текстов татарской периодической печати начала XX века.

Форма на *-ğan*

Данная форма образуется от причастия на *-ğan* и определяется в качестве характерной особенности всех групп современных тюркских языков за исключением огузской, где соответствующие функции выполняет форма на *-myš*. В частности, кроме татарского литературного языка, рассматриваемая форма функционирует в казахском и киргизском языках [Öner, 1998, s. 148]. Следует отметить, что две данные формы, как правило, воспринимаются в тюркологии как ареально распределенные, что не совсем корректно, так как, например, в караханидско-уйгурском языке наблюдалось их сосуществование [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 420]. Между тем, несмотря на то, что форма на *-ğan* не активна в огузских языках в качестве показателя времени, ее косвенное присутствие все же обнаруживается. Так, в них зафиксировано функционирование рефлекса вневременного причастия на *-ğan* – формы причастия на *-an*, связки *iken* ‘будучи’, ‘тогда, как’, а также ряда субстантивов [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 421].

На сегодняшний день форма на *-ğan* активна в грамматической системе татарского литературного языка, а также во всех ее диалектах. При этом, определенное снижение активности зафиксировано в некоторых мишарских диалектах, где рассматриваемая форма конкурирует с показателем прошедшего времени на *-ып* [Юсупов, 2004, с. 387].

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» форма прошедшего времени на *-ğan* активно употребляется для обозначения прошедшего результативного времени и является ядерным элементом грамматической системы исследуемых текстов. Следует отметить, что наиболее широкое распространение рассматриваемая форма получила в текстах газеты «Кояш», тогда как в текстах газеты «Борхане таракки» ее функционирование в некоторой степени ограничено в связи с активным

параллельным употреблением показателя прошедшего времени на *-myš*, определяющегося в качестве характерной особенности огузских языков.

Отличительной особенностью функционирования формы прошедшего времени на *-ğan* является ее активное употребление с личными аффиксами третьего лица обеих чисел, что продиктовано присущими данной форме семантическими свойствами. При этом, в связи с тем, что в текстах не было зафиксировано функционирование глаголов с показателем *-ğan*, осложненных аффиксами первого и второго лица множественного числа, полную парадигму спряжения рассматриваемой формы по лицам нам установить не удалось:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	*-myn/-men*	н/о
2 л.	*-syŋ/-seŋ*	н/о
3 л.	_	*-lar/-lär*

Функционирование прошедшего времени на *-ğan* в **первом лице единственного числа** в текстах газет имеет ограниченное распространение и образуется, подобно современному татарскому литературному языку [Татар грамматикасы, 2016, б. 121], при помощи показателя лица I группы *-myn/-men*: *Min jide sikez jäšlärdä* ***bulğanmyn*** *– änkäjem ülde* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Я был в возрасте семи-восьми лет – умерла моя мама’.

Второе лицо единственного числа в текстах газет также обнаруживается редко и осуществляется посредством аффикса *-syŋ/-seŋ*: *Bašqa keše aŋlamasa da, sin* ***aŋlağansyŋ*** *Kärlä, Zäki abyjyŋnyŋ gimnazija tuğrysynda ni äjtergä köčängänen* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфән нишләтте!!», фельетон) ‘Если даже остальные не поняли, ты, Кэрлэ, понял, что пытался сказать дядя Заки о гимназии’.

Третье лицо единственного числа в текстах исследуемых нами газет характеризуется активным употреблением, однако какого-либо визуального

грамматического показателя не имеет: *...G. duma isemenä ber cyjylyšyb priğovorlar jasarğa irek birelmäsen dib daxilijä ministry barča ğubernatorlarğa häm zemskij načalniklarğa färman* ***taratqan*** («Б.т.», 1907, № 80, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘Министр внутренних дел направил указ всем губернаторам и земским начальникам, с целью недопустить ситуации, когда сельские жители собравшись направляют в адрес Г. думы приговоры’; *Äle aldymyzdağy gazetalarnyŋ berse üz möxäbireneŋ “at öjrätüče” ilä bulğan mösaxäbäsen* ***jazğan*** («В.», 1909, № 513, «Мөсахәбәләр», интервью) ‘Одна из газет, находящихся перед нами, опубликовала беседу своего корреспондента с учителем лошадей’; *...Malija nazaraty tarafyndan waqytly ber nizamnamä tözeleb, sadrağzämneŋ tasdyjqyna* ***tabšyrylğan*** («К.», 1914, № 303, «Төркия хәбәрләре», заметка) ‘...Министерством финансов был подготовлен временный регламент, и был передан на подтверждение садразаму’.

Третье лицо множественного числа в текстах газет оформляется посредством аффикса множественности *-lar/-lär*, где он указывает не на лицо, а на согласование в числе: *Krestianlar imenijädä ni qadär igen bar, barsyn da üzlärenä tašyb, bar xajwanlarny qualab* ***alyb kitkänlär*** («Б.т.», 1906, № 47, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘Крестьяне перетаскали весь урожай, имеющийся в имении и отогнали весь скот’; *Bunlar berläšeb tyryšyb Ğ. sovetqa üz kešelären jäğni 9 palakny* ***jebärä alğanlar*** («В.», 1909, № 470, «Үгәйләр», статья) ‘Они объединившись, стараясь, смогли отправить в Г. совет своих людей, то есть 9 поляков’; *Alar ütkän köz igenneŋ bik arzan buluwyna qaramyjča* ***satyb betergänlär*** («К.», 1914, № 485, «Авылларда зур ихтыяҗ вә аларга ярдәм», статья) ‘Они, несмотря на то, что прошлой осенью хлеба были очень дешевые, распродали’.

Отрицательный аспект прошедшего времени на *-ğan* образуется при помощи аффикса глагольного отрицания *-ma/-mä*. В зависимости от имеющихся в основе глагола широких и узких гласных один из двух вариантов отрицательной частицы прибавляется к основе глагола перед показателем *-ğan*: *Čönki ul Duma böten xalyqdan tigezlek berlän* ***cyjylmağan***

(«Б.т.», 1906, № 36, «Хаҗитархан октябрь 20», статья) ‘Потому что эта Дума не была собрана из всех народов поровну’; *Sineŋ külmägeŋ jaŋy tügel! Čäčeŋ dä* ***taralmağan*** («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Твое платье не новое! И волосы не расчесаны’; *Läkin moŋar qaršy Gretsijä xökümäte qänağät itärlek cawab* ***birmägän*** («К.», 1915, № 818, «Грециянең мәүкыйгы», статья) ‘Но на это Греция не дала какого-либо удовлетворительного ответа’.

Прошедшее время на *-ğan* в текстах газет, как и в других тюркских языках, в том числе в татарском языке и его диалектах, характеризуется своей многозначностью. При этом, ее семантический потенциал еще более расширяется за счет способности выражать некоторые значения, которые в других тюркских языках передаются посредством употребления формы прошедшего субъективного времени на *-ып*.

Основываясь на парадигматическое значение формы на *-ğan*, которое выражает прошедшее действие, результат которого обнаруживапется в определенный момент настоящего времени, можно утверждать, что рассматриваемая форма располагается на границе прошедшего и настоящего времен. Так, в текстах газет она наиболее часто употребляется при выражении прошедшего результативного действия, которое не характеризуется наличием семантического оттенка неочевидности: *Čönki načar eštän hič tuqtausyz canly mašina šikelle xezmät itüdän bezneŋ jözläremez* ***sarğajğan*** *cilkäläremez* ***čyqğan****...* («Б.т.», 1906, № 28, «Кием тегүче, бүрекче һәм читекче иптәшләребезгә ачык хат», письмо) ‘Потому что из-за тяжелой работы, от безостановочного труда, словно живая машина, у нас пожелтели лица, вывихнуты плечи…’; *Bu säbäble anda törle inqyjlab wä täcdidlär mäjdanğa kilgän wä nihajät xörrijäte fikrijä xäzerge ğaräb mädänijäteneŋ möxkäm ber nigeze* ***ulyb kitkän*** («В.», 1909, № 535, «“Нотык” тирәсендә», статья) ‘По этой причине там возникали перевороты и обновления и, наконец-то, мысль независимости стала крепким основанием современной арабской цивилизации’; *Ošbu eš säjäsi ber zämindä bulyb, 1912 nče jylda ber*

firqačylyq tarafyndan mäzkürlär östenä, 1915 nče jylğy itdereb ğäjeb ***äsnad itelgän*** («К.», 1914, № 485, «Авылларда зур ихтыяҗ вә аларга ярдәм», статья) ‘Это дело, имея под собой политическую почву, кроме обвинений от 1912 года в создании политической ячейки, включало в себя и предъявление обвинения от 1915 года’.

Как отмечалось выше, одной из основных функций газетного текста является своевременное информирование адресата о имевших место либо предстоящих событиях или явлениях. При этом, при передачи имеющейся информации, чаще всего, в рамках текстов заметок, автор текста нередко ссылается на источник информации. В этом случае констатация действия, совершившегося в прошлом, на основнии каких-либо источников, также может быть выражена посредством формы на *-ğan*: *Sentäbr 7 ndä törmäneŋ tabiby qarab, monyŋ übkäse bozylyb čixotkağa äjlänä* ***bašlağan*** *dide* («Б.т.», 1906, № 30, «Киев – Уманский төрмәгә ябылган», заметка) ‘7 сентября после того, как его осмотрел тюремный доктор, сказал, что у него изменения в легких и начинается чахотка’; *Alynğan xäbärlärgä kürä, bolğar ğaskäre Čatalca istixkamlarynyŋ ike fortyn höcüm ilä* ***alğanlar*** («В.», 1913, № 1156, «Сугыш мәйданында», заметка) ‘Судя по полученным новостям, в результате наступления болгарская армия заняла два форта крепости Чаталджа’; *Bu xäbärlärdän aŋlašyluwyna kürä, inglizlär tarafyndan suğyšqa krejserlarny mödaxälä itderergä dä tyryšu* ***bulğan*** («К.», 1915, № 613, «Суэш каналы өчен сугыш», статья) ‘Как становится ясно из этих новостей, со стороны англичан было желание привлечь на войну и крейсеры’.

Также форма на *-ğan* в текстах газет употребляется при выражении результата совершившегося в недалеком прошлом действия, очевидцем которого автор не был: *Ystavropol gubernatory krestianlarğa awyl arasynda wäğaz qylyb jörüčelärne totyb bireŋez dieb* ***ämer itkän*** («Б.т.», 1906, № 31, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘Губернатор Ставрополи приказал крестьянам поймать читающих проповедь в деревнях’; *Orski öjäzendä zur awyllarnyŋ bersendä ber ağaj üzeneŋ jetkän qyzyn ikenče ber kešeneŋ uğlyna kijäügä*

birmäkče bulyb ***wäğdäläškän*** («В.», 1915, № 1830, «Кahарман уыз», статья) ‘В одной из крупных деревень Орского уезда один человек, желая выдать замуж свою зрелую дочь за сына другого человека, договорился о помолвке’; *Suğyš mäjdanyndan qajtqan wäkillär ysjezdynda, Kučkof... xärbijä wäzirlegen alyb baru čitenlegen* ***söjlägän*** («К.», 1917, № 1114, «Дахили хәбәрләр», заметка) ‘На съезде делегатов, вернувшихся с войны, Кучков... рассказал о трудностях ведения военного командования’.

Кроме того, в текстах регулярно обнаруживается употребление формы на *-ğan* в целях передачи какого-либо прошедшего действия, не связанного с моментом речи, определяющегося в качестве постоянного свойства либо привычки субъекта: *...cağrafja, wä bašqa fänläre uqyb bašqa berär keše bulyr idek mömkinme? Älbät mömkin dägel. Čönki hič berse bezem tatar šäkerdlärendä ğämle suratdä* ***belenmägän*** *häm* ***ügrätelmägän*** («Б.т.», 1907, № 116, «Шәкерт галәме», статья) ‘…могли бы мы стать другими людьми, изучая географию и другие предметы? Конечно же нет. Потому что ни один из них, к сожалению, не был известен нашим татарским шакирдам и не изучался ими’; *Moŋa qadär waqyflardan fajdalanylğan ikän, ul da zäğyjf ber jul belän ğomumi “zaveščanija” qağyjdälärenä tuğry kitereb kenä* ***eš qylynğan*** («В.», 1915, № 1804, «Вакыф һәм васият намәләребез», статья) ‘Если даже до этого были использованы вакфы, то делалось это примитивным путем, соблюдая правила общего завещания’; *Čönki alardağy bağzy mäzhäb ruxanilary, masala qatolik ruxanilary täräqyjgä* ***maniğ bulğanlar*** («К.», 1917, № 1102, «Казан мөселман комитеты тарафыннан ачылган хатыйплар курсы», статья) ‘Потому что их духовенство, относящееся к некоторым религиозным течениям, например католическое духовенство, препятствовало прогрессу’.

Редко, ввиду ограниченного распространения формы на *-ğan* в первом лице, в текстах исследуемых нами газет обнаруживается ее употребление для выражения прошедшего действия, которое было совершено при косвенном участии говорящего: *Min jide sikez jäšlärdä* ***bulğanmyn*** *– änkäjem ülde* («В.»,

1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Я был в возрасте семи-восьми лет – умерла моя мама’.

Рассматриваемая форма может выражать действие, которое в недалеком прошлом совершено говорящим, но ввиду неосознанности совершаемого действия, обнаружено им лишь в настоящее время: *Läkin jänä artyq ojalyr uŋğajsyzlanyr dib totynyrğa bazmadym... fäqat nider söjländem – xäteremdä* ***qalmağan*** («В.», 1910, № 645, «Ике яхшы», художественное повествование) ‘Но снова, подумав, что ему будет не удобно, не решился дотронуться… только говорил что-то – не осталось в памяти’.

В текстах газет «Вакыт» и «Кояш» нами было зафиксировано употребление формы прошедшего времени на *-ğan* в сочетании с вспомогательным глаголом *bul* ‘будь’ в формах *bulğan* и *bula*. В данном случае функционирующие в приведенном сочетании вспомогательные глаголы способствуют усилению значения неочевидности и заглазности, содержащегося в семантике основного глагола в форме на *-ğan*: *…keše östendän toruny jarata torğan Daudğa härwaqyt qaršy* ***kilgän bulğan*** («В.», 1913, № 1216, «Депутат Сыртлановның үтерелүе хакында (Мәхкәмә залындан)», репортаж) ‘…он постоянно противоречил любящему лишь стоять над людьми Дауду’; *Bu tirädäge tatar awyllary, suğa baj bula, kübräge ujsu jerlärgä* ***utyrğan bula***. («К.», 1913, № 148, «Минзәлә өязендән», корреспонденция) ‘Расположенные здесь татарские деревни отличаются достатком воды, большинство расположены в низинах’.

Также в текстах газет форма прошедшего времени на *-ğan* активно функционирует в сочетании с модальными словами и частицами. Употребление такого рода сочетаний также приводит к усилению значения неочевидности, осложненного оттенком предположения по причине того, что говорящий услышал о нем со слов третьих лиц: *Tämam üseb citeb dusty berlän došmany nindäj kešelär bulğanyn bik jaxšy* ***aŋlağan imeš*** («Б.т.», 1907, № 75, «Сөтналар хакында берничә сүз», статья) ‘Говорят, окончательно повзрослев, он очень хорошо понял, кто ему друг, а кто – враг’; *Bu kitab bik tiz arada*

ğawäm wä xäwas arasynda taralyb här kem fajdalanğan, här tarafdan tөšekürlär ***bäjan itelgän ikän*** («В.», 1914, № 1568, «Төркестанда Гөлстан тәрҗемәсе», рецензия) ‘Оказывается, эта книга очень быстро разошлась среди простого народа и аристократии и ей пользовались все, со всех сторон звучала благодарность’; *Bu adäm üze xökümät xedmätendä bulyb bajarin däräcäsendä* ***bulğan imeš*** («К.», 1913, № 54, «Романов нәселе кайдан чыккан?», статья) ‘Говорят, этот человек находился на государственной службе и являлся боярином’.

Модальное значение неуверенности или сомнения говорящего в совершении того или иного действия, совершенного в прошлом, в текстах газет также может передаваться посредством аффикса *-dyr/-der*: *Šul waqyt xäteremä kilä dä üz üzemä söjlim “bu mesken ber ike jyl elek ber šad ačyq kölär jözle prastoj awyl jegete* ***bulğandyr...”*** («Б.т.», 1906, № 42, «Шулай кирәкме?», статья) ‘Вспоминаю то время и говорю самому себе «Наверное, этот бедняга несколько лет назад был веселым, с сияющим лицом, простым деревенским парнем…»’; *Ul waqytda äle hawada očunyŋ xäjätgä kerüwen čynlab ujlaučy da juq, ujlaučy bulsa da, ničä ğasyrlardan soŋ mömkin bulačağyn ğyna* ***ujlağandyr*** («К.», 1914, № 388, «Һавада очу эше», статья) ‘В то время еще нет и по-настоящему думающих о том, что полеты в воздухе проникнут в жизнь, если даже они были, наверное думали что это будет возможно лишь спустя много столетий’.

Следует отметить, что употребление формы прошедшего времени на *-ğan* не зафиксировано в текстах древнетюркских письменных памятников периода Волжской Булгарии. Проникновение данной формы, определяющейся в качестве элемента разговорной речи, в грамматическую систему древнетюркского литературного языка, по всей видимости, относится к периоду Золотой Орды. Именно к этому периоду относятся первые тексты литературных произведений, в которых наблюдается функционирование рассматриваемой формы [Татар әдәби теле..., 2017, б. 88, 163]. Между тем, в текстах, относящихся к периоду Казанского ханства

форма прошедшего времени на *-ğan* все еще характеризуется ограниченным употреблением, что обусловлено активностью в данной функции традиционного общетюркского показателя *-myš* [Татар әдәби теле..., 2017, б. 229].

Регулярное функционирование формы на *-ğan* в текстах старотатарских письменных памятников зафиксировано начиная с XVII века. Вплоть до конца второго десятилетия XX века в текстах наблюдается параллельное употребление двух показателей прошедшего результативного времени – формы на *-myš* являющейся элементом общетюркской традиционной языковой нормы и формы на *-ğan* [Татар әдәби теле..., 2017, б. 269, 493], вошедшей в литературный язык из разговорной речи и в дальнейшем, вытесневшей из употребления в рамках литературного языка показатель *-myš*.

В целом, в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» форма прошедшего времени на *-ğan* характеризуется активным функционированием и определяется в качестве ядерного элемента грамматической системы текстов татарской периодической печати начала XX века. Наиболее широкое распространение рассматриваемая форма получила в текстах газеты «Кояш». В текстах газеты «Борхане таракки», которая издавалась на более раннем этапе, употребление формы на на *-ğan* имеет ограниченное распространение. Данный факт объясняется более активным функционированием в ее текстах показателя прошедшего времени на *-myš*, определяющегося в качестве характерной особенности огузских языков.

Форма на *-myš*

Еще одной формой прошедшего времени, функционирование которой зафиксировано в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», является показатель прошедшего результативного времени на *-myš*, являющийся характерной особенностью тюркских языков огузской группы. Сегодня, имея полную парадигму спряжения по лицам, она функционирует в

турецком, гагаузском, азербайджанском языках [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 415].

Форма на *-myš* не характерна ни для современного татарского литературного языка, ни для его диалектов. Однако ее фунцкионирование зафиксировано в текстах древнетюркских и старотатарских письменных памятниках, созданных начиная с периода Волжской Булгарии и до конца второго десятилетия XX века, когда в рамках письменного литературного языка рассматриваемая форма окончательно вытесняется из употребления своим грамматическим синонимом – народно-разговорным вариантом прошедшего результативного времени на *-ğan* [Татар әдәби теле..., 2017, б. 91, 160, 229, 267, 493].

Стоит отметить, что в поэтических текстах, созданных на стротатарском литературном языке, форма на *-myš* не характеризуется дифференциированностью на семантическом уровне в плане передачи значений результативности и неочевидности, а также нередко функционирует в значении прошедшего результативного времени [Негматуллов, 1983, с. 137]. Данный факт может свидетельствовать о том, что употребление формы на *-myš* в текстах литературных произведений носило, в большей степени, стилистический характер, а сама форма являлась определенным поэтико-выразительным средством.

Модель распространения формы на *-myš* в текстах газет отчетливо иллюстрирует начавшиеся в рамках старотатарского письменного литературного языка начала XX века процессы перехода от употребления традиционных общетюркских языковых форм к применению народно-разговорных и постепенного формирования национального татарского литературного языка. Так, наиболее распространенное употребление рассматриваемой формы зафиксировано в текстах газеты «Борхане таракки», где нагрузка по передаче значений прошедшего результативного времени разделены между формами на *-myš* и *-ğan*. При этом, газета «Борхане таракки», в хронологическом плане, по сравнению с газетами «Вакыт» и

«Кояш», издававшаяся в более ранний период, и так характеризуется более активным употреблением в ее текстах грамматических и лексических элементов, присущих огузским языкам, в частности, османско-турецкому литературному языку рассматриваемого периода.

В текстах газеты «Кояш», период издания которой приходится на второе десятилетие XX века, рассматриваемая форма характеризуется ограниченным распространением и не является ядерным элементом их грамматической системы. Здесь, для передачи оттенка результативности вместо формы на *-myš* наиболее активно употребляется кыпчакский показатель прошедшего времени на *-ğan*, а для передачи оттенка заглазности используется конструкция, состоящая из основного глагола в форме на *-ğan* в сочетании с вспомогательным глаголом *bul* ‘будь’ в формах *bulğan* и *bula*, а также конструкция, состоящая из основного глагола в форме на *-ğan* в паре с частицей *imeš* и модальным словом *ikän.*

Так же, как и в случае с формой на *-ğan*, форма прошедшего результативного времени на *-myš* в текстах газет характеризуется наиболее актиным употреблением с аффиксами третьего лица обеих чисел.

	Единственное число	Множественное число
1 л.	*-ym/-em*	н/о
2 л.	н/о	*-syz/-sez*
3 л.	*_, -dyr/-der*	*-lar/-lär, -lardyr/-lärder*

При оформлении **третьего лица единственного числа**, подобно преобладающему большинству тюркских языков, рассматриваемая форма не имеет какого-либо грамматического показателя: *Yštabnyŋ kürsätkän bu säbäbläre asnavnoj zakonnyŋ 44 wä 45 nče ystatialarynda* ***iğlan qylynmyš****...* («Б.т.», 1906, № 47, «Соң сүз», статья) ‘Эти причины, указанные штабом, объявлены в 44 и 45-й статьях Основного закона...’; *Qafqazda at zavody xucalaryndan Allajarbäk Zäwalqadyrof... ber at* ***täqdim itmeš*** («В.», 1912, № 1078, «Дахили хәбәрләр», заметка) ‘На Кавказе Аллаярбек Завалкадыров,

являющийся хозяином конного завода... предложил лошадь’; *Anglijäneŋ “Qarun” jylğasyna kergän köjmäse Iran xökümäteneŋ nyq protesty soŋynda Iran sularyndan* ***čyğyb kitmeš*** («К.», 1914, № 549, «Төркия сугышы», статья) ‘Английское судно, зашедшее в реку Карун, после сильного протеста Иранского правительства, вышло из территориальных вод Ирана’.

Между тем, в текстах газет также регулярно обнаруживается форма на *-myš* в третьем лице единственного числа, осложненная аффиксом *-dyr/-der*: *Bajlarnyŋ mondyj urynlarda küb aldağanlyqlary tarixda* ***göstärelmešder*** («Б.т.», 1906, № 31, «Хаҗитархан хәбәрләре», заметка) ‘В истории отмечено, что богатые на таких местах много врут’; *Totylğač ğäjeben iqrar qylyb ibdäšlären dä* ***kürsätmešder*** («В.», 1908, № 333, «Дахили хәбәрләр», заметка) ‘После задержания, признав вину, указал и на подельников’; *Nimes fajdasyna keše qotyrtqan öčen “Baltijski port” pastere “Xuršilman” suğyš betkänče Tomğa* ***sörelmešder*** («К.», 1915, № 664, «Пастырь нәгый ителгән», заметка) ‘Пастырь «Балтийского порта» Хуршилман сослан на Томь до окончания войны за пропаганду в пользу немцев’.

Стоит понимать, что в огузских языках при передаче оттенков действия, осуществленных в прошлом, посредством форм *-myš* и *-myšdyr* существет семантическая дифференциация, где первый аффикс употребляется для передачи значения заглазности, а сочетание аффиксов *-myšdyr* подчеркивает результативный характер действия. Однако в текстах исследуемых нами газет такого семантического разделения не наблюдается и оба варианта могут выражать как заглазность, так и результативность действия.

Третье лицо множественного числа оформляется, также как и рассмотренные выше формы прошедшего времени, посредством аффикса числа *-lar/-lär*, который в данном случае указывает не на лицо, а на согласование в числе. Такой вариант оформления, как правило, характерен для текстов газет «Борхане таракки» и «Вакыт»: *Bu eš xosusynda möselmanlar cämğyjät jasab küb möšäwärälärdän soŋ…* ***qarar qujmyšlar*** («Б.т.», 1906, № 57,

«Хаҗитархан декабрь 31», статья) ‘В данном вопросе мусульмане, основав общество, после долгих обсуждений приняли решение...’; *Čucyq, Täğlim älqyjraät här ikese Qazanda “Mäğarif” kitabxanäse tarafyndan* ***näšer itelmešlär*** («В.», 1909, № 428, «Шаһид Гавани әсәрләре», рецензия) ‘И учебник для детей и издание, обучающее чтению Корана, опубликованы библиотекой «Магариф»’; *Zemstva, wä bašqa firmalardan 42 pluğ, 29 vejalka, 3 molotilka* ***almyšlar*** («К.», 1913, № 26, «Өяздә һөнәр вә кәсеп», корреспонденция) ‘Взяли у земств и других фирм 42 плуга, 29 веялок, 3 молотилки’.

Кроме того, как и в случае спряжения рассматриваемой формы с аффиксами третьего лица единственного числа, в текстах газет встречается вариант оформления третьего лица множественного числа показателя прошедшего результативного времени на *-myš* посредством сочетания аффикса числа *-lar/-lär* и аффикса сказуемости *-dyr/-der*: *Xälbuki šul Badraq awylynyŋ bašqa bağzy ber čuašlary üzläre möselmanlyqğa* ***čyqmyšlardyr*** («Б.т.», 1906, № 28, «Газеталардан. Чуашка кыз бирү», заметка) ‘Между тем, некоторые другие суваши из деревни Бадрак сами приняли мусульманство’; *Läkin kiräk äwäl wä kiräk jaurupalylar ber närsäne lajqy däräcäsendä ähämijätkä* ***almamyšlardyr*** («В.», 1909, № 460, «Төркия вакыйгатенә бер нәзер», статья) ‘Однако европейцы по началу надлежащим образом не учли одну вещь’; *Nimes ticarät agentlary Afriqanyŋ här tarafyna taralyb ingliz wä fransuz fabriqalary agentlarynyŋ artlaryna* ***töšmešlärder*** («К.», 1914, № 577, «Нимес рәкабәте», статья) ‘Немецкие торговые агенты, распределившись по всей Африке, стали преследовать агентов английских и французских фабрик’.

Как было указано выше, функционирование рассматриваемой формы прошедшего времени с аффиксами первого и второго лица в текстах газет носит ограниченный характер, что объясняется их распространенными в рамках газетных текстов семантическими оттенками. Так, в текстах обнаруживается форма прошедшего результативного времени на *-myš*, осложненная аффиксом **первого лица единственного числа** *-ym/-em*, который употребляется в соотвествующей функции в современном турецком

литературном языке [Кононов, 1956, с. 232]: *Zyjafät mäclesendä güjä "Zyjafät xäzerläüčelärgä, zyjafät xäzerlädekläre öčen toryb täğzyjm idik"* ***dimešem*** («К.», 1917, № 1136, письмо) 'На званом ужине я почти сказал «Давайте стоя поблагодарим тех, кто подготовил этот званый ужин, за то, что они подготовили его»'.

Также в текстах газет зафиксировано употребление формы на *-myš* с аффиксом **второго лица множественного числа** *-syz/-sez*, которое употребляется в современном татарском литературном языке в функции аффикса соотвествующего лица с синонимичным показателем прошедшего результативного времени на *-ğan* [Татар грамматикасы, 2016, б. 121]: *Xatyjb äfände maqsudyny söjläb betergäč wäkillärä äjtde sez wäkillär ničä meŋ xalyqnyŋ xedmätene östeŋezä* ***almyššyz*** («Б.т.», 1907, № 79, «Вәкилләр озату», письмо) 'Господин хатыйб, после того, как закончил чвою речь, обратился к делегатам: «Вы, делегаты, взяли на себя работу сколько тысяч человек»'.

Отрицательная форма прошедшего времени на *-myš* образуется при помощи аффикса глагольного отрицания *-ma/-mä*. В зависимости от имеющихся в основе глагола широких и узких гласных один из двух вариантов отрицательной частицы прибавляется к основе глагола перед показателем времени: *Kitabčydan ürädnik ağaj "prava"* ***taläb itmämeš*** («Б.т.», 1907, № 89, «Үрәдник баш кисте», статья) 'Дядя урядник не попросил «права» у продавца книг'; *Palitsijä qyzny qysyb qarasa da, qyz üz süzendä nyq tormyš wäkilen* ***tašlab kitmämeš****, min möslimämen dimešder* («В.», 1910, № 563, заметка) 'Не смотря на то, что полиция пыталась прижать девушку, она твердо стояла на своих словах, не бросила представителя, говорила «Я – мусульманка»'; *Räximcan Zakirof Sember gubernasy Buwa öjäze Suqsu qarjasynyŋ. Xastalyqdan möxaräbäjä* ***varmamyš*** («К.», 1914, № 512, «Яралы мөселманнар», заметка) 'Рахимжан Закиров из деревни Суксу Буинского уезда Симбирской губернии. По причине болезни не пошел на войну'.

В отличие от поэтических произведений, созданных на стротатарском литературном языке, функционирование формы на *-myš* в текстах газет

характеризуется наличием сформированной семантической структуры. Однако, в противовес семантической структуры синонимичной на грамматическом уровне формы на *-ğan*, показатель прошедшего результативного времени на *-myš* не отличается ярковыраженной полисемантичностью. В текстах она, как правило, употребляется при выражении того или иного прошедшего действия, характеризующегося наличием семантического оттенка результативности: *…keše qotyrtuy bujynča manarxičeski partijägä jazylğan da šuŋa ükeneb häm qurqyb üz üzene* ***qatil itmešder*** («Б.т.», 1907, № 75, «Хаҗитархан хәбәре», заметка) '...по подстрекательству людей, записался в монархическую партию, сожалея об этом и испугавшись, наложил на себя руки'; *Qazan kupesy Ğabdulla Ütämešefneŋ ğaqylğa kimčelege šuŋa kürä ul birgän veksellärneŋ iğtibarğa alynmyjačağy aqružnoj sud tarafyndan* ***iğlan qylynmyšdyr*** («В.», 1910, № 700, «Дахили хәбәрләр», заметка) 'У казанского купца Габдуллы Утямышева имеется нарушение умственного развития, поэтому окружным судом было объявлено, что выданные им векселя не будут иметь силы'; *Šul uq ysjezd belä ber waqytda vystafqa da* ***jasalmyšdyr*** («К.», 1914, № 427, «Янгынга каршы тору өчен зур җыен», заметка) 'В одно время с данным съездом была организована и выставка'.

Кроме того, характерной особенностью функционирования рассматриваемой формы именно в текстах периодической печати, является выражение посредством нее действия, имевшего место в прошлом, свидетелем которого говорящее лицо не являлось и узнало о факте совершения действия со слов третьих лиц: *Šurai ömet gazetasynyŋ ifadäsenä kürä ixtilalčy bolğarlar qoral, bomba, dinamit ilä eš beterä belmäjäčäklärene aŋlab… Ameriqağa* ***küčmägä bašlamyšlardyr*** («Б.т.», 1907, № 79, «Сәяси хәлләр», статья) 'Судя по разъяснению газеты «Шураи умит», болгарские революционеры, осознав, что не смогут закончить свое дело при помощи оружия, бомбы и динамита,… начали перебираться в Америку'; *Alynğan xäbärlärgä kürä soŋğy suğyšlarda bulğan törek ğaskärläre bik küb täläf bulğanlar.*

Mäsäla: 27 wä 29 nčy divizijädäge hämä polqlarnyŋ jarty ğaskäre ***safdan čyqmyšdyr*** («В.», 1915, № 1634, «Рус – төрек арасында», заметка) ‘Судя по полученным известиям, погибло очень много турецких солдат, участвовавших в последних боях. Например: вышли из строя половина солдат всех полков 27 и 29 дивизий’; *Išetelüwenä kürä, bu eš berničä köngä* ***kičekderelmešder*** («К.», 1915, № 799, «Дахили хәбәрләр», заметка) ‘Судя по имеющейся информации, данное мероприятие перенесено на несколько дней’.

Еще одним значением, обнаруживающимся крайне редко ввиду ограниченного функционирования в текстах газет формы на *-myš*, осложненной аффиксами первого лица, является выражение действия, совершенного в недалеком прошлом самим говорящим: *Zyjafät mäclesendä güjä “Zyjafät xäzerläüčelärgä, zyjafät xäzerlädekläre öčen toryb täğzyjm idik”* ***dimešem*** («К.», 1917, № 1136, письмо) ‘На званом ужине я почти сказал «Давайте стоя поблагодарим тех, кто подготовил этот званый ужин, за то, что они подготовили его»’.

При этом, форма на *-myš* выступает в качестве грамматического синонима формы на *-dy*. Стоит отметить, что такое замещение форм не определяется в качестве их полноценного соответствия, так как для формы на *-myš* более важным является не само действие, а его результат, который характеризует состояние субъекта действия в настоящее время. Между тем, такое замещение при помощи формы прошедшего результативного времени значения, характерного для формы на *-dy* обнаруживается и в диалектах татарского языка, в частности в говорах среднего диалекта [Юсупов, 2004, с. 399]. Однако в качестве морфологической формы здесь выступает грамматический синоним формы на *-myš* – показатель прошедшего результативного времени на *-ğan*. В поэтических текстах, созданных на стротатарском литературном языке, в случаях, когда форма на *-myš* принимает аффиксы первого и второго лица единственного числа, также

обнаруживается ее соответствие прошедшему категорическому времени на -*dy* [Негматуллов, 1983, с. 137].

В целом, как показывают материалы, хотя форма на -*myš* и является ядерной грамматической формой в рамках морфологической системы текстов татароязычной периодической печати начала XX века, в диахроническом плане прослеживается ее постепенное вытеснение народно-разговорной формой прошедшего результативного времени на -*ğan*. Между тем, сам факт параллельного функционирования в рамках старотатарского литературного языка начала XX века двух синонимичных на грамматическом уровне временных форм, объясняется как приверженностью к употреблению в языке традиционных общетюркских языковых элементов, так и определенным влиянием со стороны огузских языков и подчеркивает наличие в литературном языке рассматриваемого периода функционально-стилистической дифференциации.

Аналитические формы

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» параллельно употреблению синтетических форм прошедшего времени изъявительного наклонения также зафиксировано функционирование и аналитических форм. Следует отметить, что их уровень распространения ниже, чем форм синтетического характера. Кроме того, не все аналитические формы характеризуются одинаковым равномерным распределением в текстах всех исследуемых нами газет. При этом, свойством, объединяющим все аналитические формы, является их наиболее активное функционирование в третьем лице обеих чисел. Наиболее ограниченными по распространению формами аналитического характера являются формы прошедшего времени изъявительного наклонения, осложненные аффиксами второго лица.

Форма на *-ğan ide*

Одной из наиболее употребительных аналитических форм прошедшего времени в рамках текстов исследуемых нами газет является форма прежде прошедшего времени на *-ğan ide*. Она образуется от причастия на *-ğan*

путем присоединения к нему вспомогательного глагола *ide* ‘был’, к которому, в свою очередь, присоединяются аффиксы лица. Следует отметить, что рассматриваемая форма активна и в современном татарском литературном языке, а также широко распространена во всех ее говорах [Юсупов, 2004, с. 435].

Аналитическая форма прошедшего времени на *-ğan ide* определяется в качестве одной из наиболее поздних форм, вошедших в употребление в рамках старотатарского литературного языка. Так, ее функционирование в письменных текстах зафиксировано лишь начиная с XIX века [Татар әдәби теле..., 2017, б. 530]. В этот период рассматриваемая форма начинает конкурировать с более ранней аналитической формой на *-myš ide*.

В рамках текстов татароязычной периодической печати начала XX века, в частности в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», форма на *-ğan ide* имеет широкое распространение и, в целом, является ядерным элементом их грамматической системы. При этом, если в текстах газет «Вакыт» и «Кояш» рассматриваемая форма определяется в качестве главенствующей, то в текстах газеты «Борхане таракки» наблюдается определенная конкуренция между двумя синонимичными на грамматическом уровне временными показателями – более поздней формой на *-ğan ide* и более ранней формой на *-myš ide,* образованной от причастия на *-myš*, являющегося характерной особенностью огузских языков.

Спряжение формы на *-ğan ide* по лицам в текстах газет реализуется при помощи следующих личных аффиксов:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	*-m*	*-k*
2 л.	*-ŋ*	н/о
3 л.	_	*-lar ide/-lär ide, idelär*

Первое лицо единственного числа в текстах газет образуется при помощи аффикса *-m*, который присоединяется строго к вспомогательному

глаголу *ide*: *Ütkän sänä matbuğatymyza xedmät itmäk nijätilä üz gazetalarymyznyŋ här qajysyndan* ***satdyrğan idem*** («Б.т.», 1907, № 74, письмо) ‘В прошлом году, из-за желания услужить нашей периодической печати, я поручил продавать каждую из наших газет’; *Suğyš mäjdanyna Čatalcağa kitärgä röxsät sorab Xärbijä ministrlyğyna möräcägat itkänlegemne* ***jazğan idem*** («В.», 1912, № 1077, «Истанбул мәктүпләре», очерк) ‘Ранее я писал, что обращался в Министерство обороны с просьбой разрешить мне выезд на территорию военных действий в Чаталджу’; *…cyjylğan ike jöz sum aqčany tuj jasalğan xanymnyŋ Ufa cämğyjäte xäjrijäsenä bağyšlab hädijä qylğanyn išeteb xanymğa räxmät* ***uqyğan idem*** («К.», 1913, № 148, «Уфада бер туй мөнәсәбәте белән иганә», статья) ‘...услышав, что женщина, устроившая свадьбу, подарила собранные двести рублей денег в адрес уфимского благотворительного общества, я был очень ей благодарен’.

Для реализации **первого лица множественного числа** употребляется аффикс *-k*, который также присоединяется к вспомогательному аффиксу: *Bez ğaskäremezgä šähärne wä xalyqnyŋ tynyčlyğyn saqlarğa* ***qušqan idek*** («В.», 1908, № 333, «Иран хәбәрләре», заметка) ‘Мы приказали армии охранять город и спокойствие граждан’; *Gazetamyznyŋ kičäge nomerynda Törkijä šäjeh älislamynyŋ Xarcijä näzaräte arqyly xökümätemezgä möräcägat itüen…* ***jazğan idek*** («К.», 1914, № 427, «Зәбех мәсьәләсе», статья) ‘Во вчерашнем номере нашей газеты мы писали об обращении шейх-уль-ислама Турции к нашему правительству через Министерство иностранных дел’.

Форма прошедшего времени на *-ğan ide* во **втором лице единственного числа** имеет крайне ограниченный характер распространения и реализуется посредством присоединения к вспомогательному глаголу *ide* аффикса *-ŋ*: *Sin märxüm dä bit beznеŋ awyl malajlary ešeneŋ kiräkenčä juğary däräcädä tormawy xaqynda küb fiker jörteb, könlärdän ber könne böten malajlarğa boz östendä timer ajaq šumasqa kiŋäš* ***birgän ideŋ*** («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфән нишләтте!!», фельетон) ‘Ты, покойный, тоже ведь, размышляя о том, что наше положение деревенских ребят не на желаемом высоком

уровне, в один из дней посоветовал всем ребятам не кататься на коньках на льду’.

Как мы отмечали выше, в текстах газет наиболее регулярно обнаруживается употребление формы на *-ğan ide* с аффиксами третьего лица обеих чисел. При реализации в тексте формы **третьего лица единственного числа** на *-ğan ide*, употребление какого-либо специального грамматического показателя не наблюдается: *Un, unbiš jyl äwäl xökümät tarafyndan bik qaty ğäjrät itkängä bu suğyšlar bötenläj* ***basdyrylğan ide*** («Б.т.», 1906, № 56, «Йодрык сугышы яисә вәхшилек», статья) ‘Десять, пятнадцать лет тому назад, по причине стараний со стороны государства, такие бои были полностью прекращены’; *Byltyr böten Duma Mäğarif näzarätenең xäräkätlärenä bäjan* ***näfrät itkän ide*** («В.», 1909, № 460, «Г. думаның 20 апрель җыены», отчет) ‘В прошлом году вся Дума отрицательно оценила действия Министерства образования’; *Xäzergä qadär bulğan waqytlyča nizamlarny betereb, daimi nizam jasau öčen, xökümät bu jyl käj G. dumağa proeqt* ***kertkän ide*** («К.», 1913, № 259, «Петербург мәктүбләре. Матбугат хакында закон ләихасы», очерк) ‘Для того, чтобы заменить временные законы, работающие на данный момент и создать постоянные законы, летом этого года правительство внесло в Государственную думу проект’.

Третье лицо множественного числа в текстах реализуется при помощи аффикса числа *-lar/-lär*, который присоединяется к основному глаголу: *Oktäbrdä qarmavoj almağan kešelär ystaršinağa qarmavoj sorarğa* ***barğanlar ide*** («Б.т.», 1906, № 45, «Авылда бюрократлар нишли?», статья) ‘Люди, не получавшие в октябре кормовые, ходили к старшине для того, чтобы просить кормовые’; *Bašda… Syrtlanofny xatalyq belän atyldy,* ***digänlär ide*** («В.», 1913, № 1216, «Депутат Сыртлановның үтерелүе хакында (Мәхкәмә залыннан)», репортаж) ‘По началу... говорили, что Сыртланов застрелился по неосторожности’; *Šušy berlekne ğamälgä qujarlyq čaralarny xökümätlärenä ğaraz qyluny… kiŋäš mäclesenä* ***qaldyrğanlar ide*** («К.», 1916, № 981, «Парижда булган икътисади киңәш мәҗлесенең карарлары», отчет) ‘Представление

правительству мер, способных осуществить создание этого сообщества, они оставили на совещательное собрание...'.

Между тем, в текстах газет «Вакыт» и «Кояш» редко обнаруживается показатель прошедшего времени на *-ğan ide* в форме третьего лица множественного числа, где аффикс *-lar/-lär* присоединяется не к основному глаголу, а к вспомогательному глаголу *ide*: *Dumada möselmanča zäbexne manig itü mäsäläse kütärelgänlekne xäbär alğač... "Šäriğatkä muafaq zäbex manig itelmäsen öčen tädbirlär qylsaŋyz ide" dib* ***ütengän idelär*** («К.», 1914, № 1539, «Зәбех мәсьәләсе вә хөкүмәт вәкиле», статья) 'После того, как стало известно, что в Думе поднят вопрос о закалывании животного по мусульманским традициям,… умоляли «Предпримите, пожалуйста, действия, чтобы избежать запрета на закалывание, относящееся к шариату»'; *Äfjün jandyrylačaq jergä čit mämläkät kešeläre dä* ***čaqyrylğan idelär*** («К.», 1914, № 321, «Харижи хәбәрләр», заметка) 'На место, где будет сожжен опиум, были приглашены и представители иностарнных государств'.

На семантическом уровне в текстах газет форма на *-ğan ide* употребляется для выражения предшествующего действия, а также действия, имевшего место в определенный момент в прошлом. Так, наиболее широко в текстах распространено выражение действия, имевшего место в определенный момент в прошлом, но не имеющего тесной связи с моментом речи. При этом, непосредственная отнесенность выражаемого действия к определенному отрезку времени в прошлом может быть подчеркнута соотвествующими лексическими средствами или развернутым контекстом, а хронологическая давность выражаемых действий никак не ограничена семантическими рамками рассматриваемой формы: *Bundan 6 – 7 aj äwäl Törkijäneŋ här jerendä ğyjsjan* ***čyqqan ide*** («Б.т.», 1906, № 44, «Чит мәмләкәт хәбәрләре», заметка) '6 – 7 месяцев тому назад по всей территории Турции прошли восстания'; *Cämğyjäte xäjrijä äğzalary dürt ir balalar wä ber qyzlar mäktäbe öčen jylğa 1500 sum järdäm sorab šähär idaräsenä möräcäğat* ***itkänlär ide*** («В.», 1910, № 563, «Тирә-як хәбәрләре», заметка) 'Члены

благотворительного общества обратились в городское управление с просьбой выделить 1500 рублей в год для четырех мужских и одной женской школ’; *Bolarğa qaršy äjtäse süzlären ul üze aldan uq* ***äjteb qujğan ide*** («К.», 1914, № 377, «Елында», статья) ‘Слова, которые он хотел сказать им в ответ, он сказал сам заранее’.

Также форма на *-ğan ide* в текстах газет употребляется для выражения того или иного очевидного действия, совершенного в прошлом раньше другого действия. В рассмотренных нами текстах глагол, обозначающий последующее действие, как правило, располагается после формы на *-ğan ide*. При этом он выражает безрезультативное либо прерванное действие: *Ilminskij biradäremezdän alğan mäktübemdä dä xalyqny šušyndajraq wäğazlär berlän tärbijä itmäk, beznең öčen fajdalyraq ikänene* ***aŋlağan idem****. Läkin... gazetačylar, xalyqny tämam qotyrtyb jetkezdelär* («Б.т.», 1907, № 89, «Мөфти Мөхәммәдьяр Солтановның Әстерхан губернасы муллаларына махсус циркуляр», письмо) ‘Из письма, полученного от нашего брата Ильминского, я также понял, что для нас полезнее, воспитывать население при помощи таких проповедей. Однако... журналисты окончательно раззадорили народ’; *Gazetalarnyŋ bağzylary 2 nče razräd apalčenlarnyŋ 1908 wä 1909 nčy jyllarnyŋ 22 nče janwardä cyjylačaqlaryn* ***jazğanlar ide****. Bağzylary 25 janwardä bulačaq dib* ***äjtkänlär ide****. Äwälgeläreneŋ xäbäre bušqa čyqdy, kičä mobilizatsija iğlany bulmady* («В.», 1909, № 1967, «Оренбург хәбәрләре», заметка) ‘Некоторые газеты писали, что ополченцы 2 разряда будут собираться в 1908 году и 22 января1909 года. Некоторые говорили, что 25 января. Слова первых были пустыми, вчера мобилизация объявлена не была’; *Bu könlärdä xalyq qaty suqağa* ***čyqğan ide****, jer bik cüeš bulğanğa xäzergä tuqtalyb tora* («К.», 1913, № 148, «Минзәлә өязендән», корреспонденция) ‘В эти дни народ вышел на паровую пахоту, из-за сырости земли дело пока встало’.

Кроме того, рассматриваемая форма употребляется при отнесении значения результативности действия к плану прошедшего времени. В данном значении обнаруживается некоторое сходство между рассматриваемой

формой и формой прошедшего результативного времени на *-ğan*. Однако отличием является тот факт, что употребляясь в этом значении, форма на *-ğan ide* характеризуется контактностью с определенным моментом в прошлом, а не с моментом речи, как это свойственно форме на *-ğan*: *Ike jyldan birle tatarlar berlän ärmänlär arasynda räximsez kisešüneŋ kem quly berlä mäjdanğa čyqqanyn…* ***ačyb salğan ide*** («Б.т.», 1906, № 38, «Хажитархан октябрь 27», статья) ‘Он выложил имя того... из-за кого вот уже на протяжении двух лет длилась резня между татарами и армянами’; *…möğalimlärdän täräqyj bulmağanğa kürä möfti xäzrät tarafyndan bağzy möğalimälärgä šundajyn šähadätnamä birelgäne* ***išetelgän ide*** («В.», 1912, № 1078, «Оренбург ноябрь 29», статья) ‘...прошла информация, что по причине того, что от преподавателей-мужчин не было прогресса, господином муфтием такое удостоверение было выдано некоторым преподавателем-женщинам’; *Bäjräm tatily xaqynda šähär Dumasy tarafyndan ešläneb ğämälgä qujylğan mäcbüri qararnyŋ daxilijä nazyjre ämere bujynča tatil itelgäne… qysqača* ***jazylğan ide*** («К.», 1914, № 512, «Казан хәбәрләре», заметка) ‘Вкратце уже было написано, что праздничные каникулы, были проведены на основании обязательного приказа, разработанного Городской думой по поручению министра внутренних дел’.

Форма прошедшего времени на *-ğan ide* представлена в текстах всех исследуемых нами газет. Она употребляется, как правило, при повествовании о каком либо событии или явлении в текстах художественных произведений, относящихся к художественно-публицистическим жанрам, а также в текстах статей, открытых писем, относящихся к аналитическим жанрам. При отнесении значения результативности действия к плану прошедшего времени рассматриваемая форма, как правило, активна в текстах заметок, относящихся к информационным жанрам. Наиболее активное функционирование формы на *-ğan ide* зафиксировано в текстах газеты «Кояш», которая в хронологическом плане среди всех исследуемых нами газет является наиболее поздней. В текстах газеты «Борхане таракки»

рассматриваемая форма характеризуется ограниченным распространением, что объясняется большей активностью грамматического синонима данной формы – показателя прошедшего времени на *-myš ide*, характерного для огузских языков.

Форма на *-myš ide*

Еще одной аналитической формой, функционирование которой зафиксировано в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» является форма преждепрошедшего времени на *-myš ide*. Данная форма, определяющаяся в качестве грамматического синонима формы на *-ğan ide*, образуется от причастия на *-myš* путем присоединения к нему вспомогательного глагола *ide* ‘был’, к которому, в свою очередь, присоединяются аффиксы лица. Форма на *-myš ide* считается элементом, характерным для огузских языков [Негматуллов, 1983, с. 140; Серебренников, Гаджиева, 1986, с. 189], а ее функционирование в грамматической системе современного татарского литературного языка, а также его диалектов не зафиксировано.

По своему происхождению форма на *-myš ide* является одной из наиболее древних форм. Так, она встречается в текстах тюркских рунических памятников [Кононов, 1980, с. 191], а также в древнеуйгурском языке [Насилов, 1963, с. 73]. В арабографических текстах, относящихся к древнетюркским и старотатарским письменным памятникам, рассматриваемая форма в фонетических вариантах *-myš ide* и *-myš irde* с разной степенью распространения функционирует начиная с периода Волжской Булгарии и до начала XIX века, когда в грамматическую систему письменного литературного языка начинает входить синонимичная на грамматическом уровне народно-разговороная форма на *-ğan ide*, которая к концу второго десятилетия XX века окончательно вытесняет рассматриваемую форму из употребления в рамках старотатарского письменного литературного языка [Татар әдәби теле..., 2017, б. 92, 229, 272, 530].

В текстах исследуемых нами газет форма на *-myš ide* характеризуется неоднородностью своего распространения. Наиболее активна она в текстах газеты «Борхане таракки», которой, в целом, свойственно активное употребление грамматических и лексических элементов, являющихся особенностью огузских языков. В текстах газеты «Вакыт» рассматриваемая форма прошедшего времени имеет ограниченное распространение и обнаруживается, как правило, в текстах, опубликованных до второго десятилетия XX века. Данный факт объясняется постепенным активным распространением в составе татарского письменного литературного языка, в частности, в языке татароязычной периодической печати начала XX века, грамматического синонима рассматриваемой формы – показателя прошедшего времени на *-ğan ide*. В текстах газеты «Кояш», которая в хронологическом плане начинает издаваться позже предыдущих двух органов периодической печати, форма на *-myš ide* практически в полной мере вытеснена формой на *-ğan ide*. Она не является ядерным элементом грамматической системы текстов газеты «Кояш» и текстов газеты «Вакыт», изданных в течении второго десятилетия XX века и, употребляясь, как правило в текстах, оформленных на огузо-турецком варианте старотатарского письменного литературного языка рассматриваемого периода, функционирует в качестве вспомогательной единицы, образующей функционально-стилистическую вариативность.

Особенностью употребления формы на *-myš ide* в текстах является ее преобладающее функционирование в третьем лице обеих чисел. В нижеследующей таблице приведены личные аффиксы, функционирующие в системе спряжения рассматриваемой формы:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	н/о	*-k*
2 л.	н/о	н/о
3 л.	_	*-lar ide/-lär ide*

При реализации формы **третьего лица единственного числа** применение какого-либо специального грамматического показателя не наблюдается: *Iranyŋ ämer malijäsene islax öčen Ameriqadan maxsus mämur kitereläčäge äwäldä* ***jazylmyš ide*** («Б.т.», 1911, № 145, «Иран хәвадисе», заметка) ‘Ранее было написано, что для реформы министерства финансов Ирана из Америки прибудут специалисты’; *Möxämäd mirza böjek mäšülijätle xedmätene äda qylyrğa üzendä iqtidarlyqny kürmägäč mondan berničä jyllar mäqdüm* ***istiğfa itmeš ide*** («В.», 1909, № 507, «Кайгылы хәбәрләр», заметка) ‘После того, как Мухаммад мирза перестал в себе чувствовать силы для несения своей крайне ответственный службы, несколько лет назад он подал в отставку’; *Šähäremezne zijarät ilä täšrif itkän Mäxmüd Äsğät äfände xäzrätläre, Qazan möselmanlary zijarätenең čibär genä tözek ikänen kürgäč, mäzkür islam zijarätenең xäjran xäldä toruwyn tasyf belän* ***söjlämeš ide*** («К.», 1914, № 303, «Төркия хәбәрләре», заметка) ‘Господин Махмуд Асгат эфенди, возвеличивший наш город своим визитом, после того, как увидел в каком хорошем состоянии пребывает кладбище Казанских мусульман, в деталях рассказал о подабающем состоянии вышеупомянутого кладбища’.

При этом, в текстах газеты «Борхане таракки» нередко обнаруживается функционирование формы на *-myš ide* в третьем лице единственного числа, в варианте *-myšdy*, образованного, как и в турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 241], в результате стяжения аффикса *-myš* и вспомогательного глагола *ide*: *1905 nče jyl jaz bašynda Peterburgda ber mäcles* ***ulmyšdy****, bu mäclesdä Ilminskij julyndan jörüčelärneŋ kübese bunda xazyr idelär* («Б.т.», 1906, № 44, «Гадәләтме? Я золымлыкмы?», статья) ‘В начале весны 1905 года в Петербурге состоялось собрание, большинство из тех, кто являлся последователем Ильминского были готовы к этому собранию’.

Третье лицо множественного числа в текстах газет образуется при помощи аффикса числа *-lar/-lär*, который присоединяется к основному глаголу: *Bağzy awyllardan ägär beznең mäktäbläremezgä aqča virelmäsä zemskij yzborny bezdän alynmasa ide dijeb ğariza da* ***virmešlär ide*** («Б.т.», 1906, № 57,

«Хаҗитархан декабрь 31», статья) ‘Они даже подали заявление с просьбой не облагать нас земским сбором, в случае, если с некоторых деревень не будут выделены деньги для наших школ’; *...alarnyŋ artlarynda uŋlarynda säfarät häjäteneŋ äğzalary räseme wä kübese jäwerläre ilä* ***tözelmešlär ide*** («В.», 1909, № 550, «Иран мәктүпләре», очерк) ‘...справа позади них висела картина дипломатического корпуса и многие из них выстроились вместе со своими помощниками’; *...bez üzemeznеŋ watanpärwärlek buryčlarymyzny kirägenčä ütärgä xäzermez, mäzmunynda ber iğlan* ***jasamyšlar ide*** («К.», 1914, № 465, «Германский парикмахер», статья) ‘Они сделали заявление с содержанием «Мы готовы в необходимой мере выполнить свои патриотические обязательства...»’.

Также нами было зафиксировано употребление рассматриваемой формы в **первом лице множественного числа**, которая реализована посредством присоединения к вспомогательному глаголу *ide* аффикса лица -*k*: *...gazeta vasitasyla iğlan itmeš istiğfanamäsene kire aluyny teläb* ***pratestavajt itmeš idek*** («Б.т.», 1906, № 54, письмо) ‘Мы протестовали, желая, чтобы он забрал обратно свое заявление об отставке, которую он объявил в газете’; *...közgä šäkerd qabul itü šartlaryny xäzerdän iğlan iteb qujarğa tiješ* ***dimeš idek*** («В.», 1909, № 495, «Мәдрәсә Хөсәениянең програмы», статья) ‘...мы говорили, что вынуждены объявить осеннюю приемную программу для шакирдов уже сейчас’.

Как мы отмечали выше, показатель прошедшего времени на *-myš ide*, являющийся характерной особенностью огузских языков, определяется в качестве грамматического синонима формы на *-ğan ide*. Следовательно, на семантическом уровне в текстах исследуемых нами газет рассматриваемая форма употребляется для выражения тех же значений, что и форма на *-ğan ide*, различие существует лишь в степени распространения того или иного значения. Так, форма на *-myš ide* наиболее активна при выражении действия, имевшего место в определенный момент в прошлом и несоотнесенного с моментом речи. При этом, как и в случае с формой на *-ğan ide,* здесь могут

иметь активное употребление соотвествующие лексические средства, подчеркивающие соотнесенность выражаемого действия с определенным моментом в прошлом: *Ul laixağa binaän ibtidai täğlim xäbäre ulačağy gazetalarda uqylyb här kemgä* ***mäğlüm ulmyš ide*** («Б.т.», 1906, № 45, заметка) ‘Новость о начальном образовании, связанная с этим законом, была опубликована в газетах и была известна всем’; *Märxüm… 1867 nče jylda Julyq qarjasynä imam* ***ulmyš ide*** («В.», 1909, № 438, «Юлык хәзрәт», заметка) ‘... в 1867 году покойный стал имамом в селе Юлук’; *Bu mäktäb Fatixa xanym Aitova tarafyndan* ***täsis itelmeš ide*** («К.», 1913, № 75, письмо) ‘Эта школа была основана Фатихой ханум Аитовой’.

Также рассматриваемая форма в текстах употребляется при отнесении значения результативности действия к плану прошедшего времени. В данном значении также наблюдается определенное сходство между рассматриваемой формой и формой прошедшего результативного времени на *-ğan*. Однако форма на *-myš ide* характеризуется контактностью не с моментом речи, как это свойственно форме на *-ğan*, а с определенным моментом в прошлом: *Cämğyjät, xörijät, xaq (prava), Duma wä matbuğat bunlarnyŋ hämäsendän dä sineŋ xäbäreŋneŋ juqlyğy bundan äwäl* ***söjlänelmeš ide*** («Б.т.», 1907, № 75, «Татар углына хитаб», статья) ‘Общество, независимость, право, Дума и периодическая печать – ранее уже было сказано, что ты не знаешь ни об одном из этих вещей’; *Ber fransuz “Lamanš” buğazy arqyly očyb Fransijäneŋ “Qale” šähärendän Ingeltäräneŋ “Duvr” šähärenä bardyğy gazetamyznyŋ ütkän nomerynda* ***jazylmyš ide*** («В.», 1909, № 495, «Һавада очу», заметка) ‘В прошлом номере нашей газеты уже писалось о том, что один француз добрался из французского города Кале до английского города Дувр, пролетев через пролив Ла-манш’; *Möselman ešlärenä dair tärtib väja islax ideläčäk nizamlary mözakärä wä äkmäl xosusynda Peterburgda Daxilijä nazaratynda ber mäcles möšäwärä ačylačağy… dünke gazetamyzda* ***xäbär virelmeš ide*** («К.», 1913, № 247, «Газеталардан», обзор периодической печати) ‘Во вчерашней газете была дана информация о том, что в целях обсуждения и проработки

относящихся к вопросам мусульман законов, которые будут упорядочены и реформированы, В Петербурге, в Министерстве внутренних дел, будет открыто совещательное собрание...’.

Реже форма на *-myš ide* в текстах газет употребляется для выражения того или иного очевидного действия, совершенного в прошлом раньше другого действия. При этом он выражает безрезультативное либо прерванное действие: *Ufa gubernasy möselmanlaryna Ufa šähärendä ber “Möselman ysjezdy” jasarğa* ***röxsät itelmeš ide****. Xäzerendä buny ğubernator manig qylmyšdyr* («Б.т.», 1906, № 56, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘Мусульманам Уфимской губернии было разрешено провести в городе Уфе съезд мусульман. В настоящее время губернатор запретил его проведение’.

Таким образом, тексты органов татароязычной арабографической периодической печати, издававшихся в межреволюционный период 1905-1917 гг. наглядно иллюстрируют перемены, имевшие место в старотатарском письменном литературном языке в связи с постепенным переходом к употреблению грамматических элементов, характерных для татарского народно-разговорного языка и процессы формирования нового татарского письменного литературного языка. Как показывают материалы, огузская форма на *-myš ide* более характерна для газеты «Борхане таракки», издававшейся в 1906–1911 гг. XX века. Тогда как в текстах газет «Вакыт», которая, в большей степени издавались во втором десятилетии XX века, а также текстах газеты «Кояш», начало издания которой датировано 1912 годом, рассматриваемая форма вытеснена народно-разговорным грамматическим синонимом – формой на *-ğan ide*. В целом, форма *-myš ide* употребительна при повествовании о каком либо событии или явлении в текстах литературных произведений, относящихся к художественно-публицистическим жанрам, а также в текстах статей, открытых писем, относящихся к аналитическим жанрам. При отнесении значения результативности действия к плану прошедшего времени рассматриваемая

форма, как правило, употребляется в текстах заметок, относящихся к информационным жанрам.

Форма на *-a ide*

Форма прошедшего незаконченного времени на *-a ide*, наряду с показателем времени на *-ğan ide*, в текстах всех исследуемых нами газет является одной из наиболее распространенных аналитических форм прошедшего времени изъявительного наклонения, употребляющихся при повествовании о каком-либо событии или явлении. Как и все аналитические формы прошедшего времени, функционирующие в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», она образуется от деепричастной основы на *-a, -ä, -j* путем сочетания с вспомогательным глаголом *ide* ‘был’.

Сегодня рассматриваемая форма также характеризуется активным употрблением и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 122]. Одной из наиболее употребительных форм прошедшего времени она является и в диалектах татарского языка, хотя в некоторых говорах ее употребление ограничивается исключительно третьим лицом множественного числа. При этом, в составе огузских языков функционирование формы на *-a ide* не зафиксировано. Исключеним являются лишь дербентские говоры азербайджанского языка, которые территориально контактируют с кумыкскими диалектами [Юсупов, 2004, с. 416]. В целом, форма прошедшего времени на *-a ide* является поздним грамматическим образованием. Так, в текстах стротатарских письменных памятников ее функционирование зафиксировано лишь начиная с конца XIX века [Татар әдәби теле..., 2017, б. 530].

В текстах исследуемых нами газет форма на *-a ide*, как правило, в первом и третьем лицах единственного числа, может включать в свой состав аффикс *-dyr/-der*, который присоединяется строго к основному глаголу и функционировать в диалектной форме *-adyr ide*, нехарактерной для современного татарского литературного языка. Причем употребление этого варианта прошедшего незаконченного времени не несет в себе какого-либо

семантического перестроения. Сегодня функционирование данной формы зафиксировано во всех говорах среднего диалекта татарского языка, однако наиболее активна она в параньгинском и заказанском говорах, а в говорах каринских и глазовских татар характеризуется ограниченным распространением [Юсупов, 2004, с. 424]. В современном татарском литературном языке форма на *-adyr ide* употребляется, как правило, в качестве диалектной формы и чаще всего обнаруживается в текстах художественных произведений [Тат. грам., 1997, с. 113].

Как было сказано выше, одной из отличительных свойств аналитических форм прошедшего времени, функционирующих в текстах исследуемых нами газет, в частности формы на *-a ide*, является наиболее активное употребление в третьем лице. При этом, в отличие от некоторых других аналитических форм, в текстах наблюдается более активное употребление формы на *-a ide* и в других лицах:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	*-m*	*-k*
2 л.	*-ŋ*	н/о
3 л.	_	*-lar ide/-lär ide, idelär*

Рассматриваемая форма регулярно употребляется в **первом лице единственного числа**, оформление которого осуществляется посредствам аффикса *-m*, присоединяемого к вспомогательному глаголу *ide*: *...dürt ajaqly canwarlardan ajyrmam fäqat keše kijeme kijeneb jörüdän genä ğyjbarät idekene aŋlab haman iske tormyšqa* ***došmanlana*** *ğyna* ***bara idem*** («Б.т.», 1906, № 51, «Үткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык», очерк) ‘...понимая, что мое отличие от четвероногих животных лишь в одевании человеческой одежды, я только злился на свою прошлую жизнь’; *...buŋa oxšašlyraq bašqa mäcleslär beräm beräm isemä kileb töškängä, anlarny bu mäcles belän čağyšdyryrğa* ***totyna idem*** («В.», 1910, № 563, «Юк-бар», очерк) ‘...по причине того, что мне на ум один за другим приходили другие такого рода

мероприятия, я начинал сравнивать их с этим мероприятием’; *Andan elek min üzem dä bağzy nizamlar jazğalab* ***mataša idem*** («К.», 1914, № 377, «Габдулла мәрхүм Тукай хакында хосусый ядкәр», статья) ‘До того и я пытался писать некоторые правила’.

Функционирование варианта *-adyr ide* в первом лице единственного числа в текстах газет обнаруживается реже: *Min söjä idem. Ä ul? Any häm šulaj* ***ujlyjdyr idem*** («В.», 1910, № 645, «Ике яхшы», художественное повествование) ‘Я любил. А она? Я думал, что и она так же’.

Первое лицо множественного числа обнаруживается реже и образуется при помощи аффикса *-k*, который также присоединяется строго к вспомогательному аффиксу: *...ibdäšem berlän “tatarskij most berlän zemlanoj most arasyndan” uzyb bara idek* («Б.т.», 1906, № 28, «Тайный циркуляр», письмо) ‘...мы с другом проходили между Татарским мостом и Земляным мостом’.

Форма прошедшего времени на *-a ide* во **втором лице единственного числа** в текстах газет имеет ограниченное распространение и реализуется посредством присоединения к вспомогательному глаголу *ide* аффикса *-ŋ*: *Sin märxüm bujyŋ jetmäslek kešelärneŋ awyzyna suğarğa* ***ürelä ideŋ****...* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфәң нишләтте!!», фельетон) ‘Ты, поконый, тянулся дать по морде людям, до которых не доставал…’.

Наиболее употребительная форма прошедшего времени на *-a ide* в **третьем лице единственного числа** не имеет какого-либо специального грамматического показателя: *Uramlarda bulğanlarnyŋ tellärendä ğubernator jorty qaršysyna cyjylğan manarxistlar xaqynda* ***söjlänä ide*** («Б.т.», 1906, № 36, «Хаҗитархан хәбәрләре», заметка) ‘У находящихся на улицах на языке вертелось о монархистах, собравшихся у дома губернатора’; *Ğ. dumada wä Savetda üzlärenä xökümät tajanyb eš kürerlek... firqalär tözelü kübdän* ***mätlüb totyla ide*** («В.», 1915, № 1856, «Г. дума вә Совет әгъзаларының иттифагы», статья) ‘Давно требовалось создание партий, на которые при работе в Г. думе и Совете могло бы опираться правительство...’; *Bu köräščelärneŋ*

xatynlaryndağy bäxetne ujlab ***könläšä ide*** («К.», 1914, № 385, «Гармунчы бизгәге», художественное повествование) ‘Она думала о счастье жен этих борцов и завидовала им’.

В третьем лице единственного числа рассматриваемая форма прошедшего времени одинаково активно употребляется как без аффикса сказуемости *-dyr/-der*, так и в сочетании с ним: *Bu jaŋa qorban, qazaqlar häm velisapedlar berlän čolğab alğan arestanskij karetada Peterburg uramy bujynča* ***očadyr ide*** («Б.т.», 1906, № 30, художественное повествование) ‘Он летел в арестантской карете по улице Петербурга в окружении новых жертв, казаков и велосипедов’; *Tiješle waqytlarda čäj, niğmätlär hämdä aš* ***xäzer buladyr ide*** («В.», 1913, № 1524, «Арнаутлык вакыйгалары», корреспонденция) ‘В соотвествующее время были готовы чай, сладости и суп’; *Könlär cyly, ajaz, qojaš jaltyryj, ätrafda tyn (säkänat)* ***xökem söräder ide*** («К.», 1913, № 78, «Төрле җирләрдәге мөселманнар тормышыннан ләүхәләр», очерк) ‘Дни теплые, ясные, солнце блестит, вокруг тишь, царствует спокойствие’;

Третье лицо множественного числа в текстах газет образуется, как правило, посредством присоединения к основному глаголу аффикса числа *-lar/-lär*, который в данном случае указывает не на лицо, а на соотношение в числе: *Awyllarda mädräsä šäkerdläremez qyšnyŋ suyq qarly wä buranly könlärendä tašda täharät ala wähäm* ***ğosel qojynalar ide*** («Б.т.», 1906, № 37, «Хафиз әл-сихәт хакында бераз сүз», статья) ‘В наших деревнях учащиеся медресе в холодные снежные и вьюжные зимние дни совершали омовение на камнях’; *Üzläre öčen bik möhim bulğan bu jer bülešü mäsäläsen xäl itärgä Qarğaly xalqy üzläre dä* ***ictihad qylalar ide*** («В.», 1912, № 970, «Губернатор җәнабләре вә Каргалы мөселманлары», отчет) ‘Для решения этого важного для себя вопроса разделения земель, население Каргали и само прикладывало много усилий’; *Bu soŋğy ğasyrlarda oluğ xökümätlär… xristianlar öčen törle islaxatlar icra itderü syltawy beläп köndän kön Törkijäneŋ üz daxilendäge istiklalyna zarb* ***jasab kilälär ide*** («К.», 1913, № 259, «Казан 7 ноябрь», статья) ‘В последние столетия крупные государства,... под предлогом осуществления

разных изменений для христиан, день за днем производили удары по внутренней независимости Турции’.

Между тем, тексты газет «Борхане таракки» и «Вакыт», в отличие от текстов газеты «Кояш», характеризуются функционированием в них варианта оформления третьего лица множественного числа, при котором показатель *-lar/-lär* присоединяется к вспомогательному глаголу *ide*: *Xäzergäčä xökümät wäkilläre «möselmanlar iŋ sädaqatle ber millät» dijärgä* ***jarata idelär*** *bit* («Б.т.», 1911, № 139, «Г. Думаның 26 февраль җыелышында Садри әфәнде Максудов нотыгы», отчет) ‘Ведь до настоящего времени представители власти любили повторять, что «мусульмане – самая дружелюбная нация»’; *Iske zamanda balalarny “uqymasaŋ kötüče bulyrsyŋ” dib* ***qurqyta idelär*** («В.», 1914, № 1537, заметка) ‘Раньше детей пугали «если не будешь учиться, станешь пастухом»’.

По значениям прошедшего времени на *-a ide* тексты исследуемых нами газет не противопоставляются друг другу. В преобладающем большинстве текстов основным значением данной формы является выражение незавершенности, длительности либо незаконченности действия, совершенного в прошлом. В частности, наиболее регулярно рассматриваемая форма употребляется для выражения незаконченного, регулярно повторяющегося и не связанного с определенным временным отрезком прошлого действия. В данном значении форма на *-a ide* на семантическом уровне соотносится с формой настоящего времени на *-a*, выражая, подобно ей, постоянные, обычные действия, но перенесенные в план прошлого: *Äwälge zamanlarda isä äğzalary kim wä zäğyjf balalar, nadanlyq qorbany ulyb* ***täläf ulalar ide*** («Б.т.», 1906, № 49, «Алманиядә зәгыйфләр йорты», статья) ‘Раньше дети с физическими недостатками, пропадали, становясь жертвой необразованности’; *Ufada zemlamerlar jetešderä torğan mäktäbkä bu jyl kerergä teläb 400 dän artyq keše ğariza birgän. Uzğan jyllarda 70 – 80 genä ğariza* ***bula ide*** («В.», 1909, № 507, «Дахили хәбәрләр», заметка) ‘В этом году более 400 человек подали заявления, с целью поступить в уифмскую школу, готовящую

землемеров. В прошлые годы было только 70 – 80 заявлений’; *Ul üzeneŋ šul isem wä iğtibarğa jararlyq wä šuny üzenä alyrlyq eš kürgänen här kemdän artyq* ***aŋlyjdyr ide*** («К.», 1914, № 377, «Габдулла мәрхүм Тукай хакында хосусый ядкәр», статья) ‘Он лучше кого-либо другого понимал, что совершает поступки, соотвествующие этому званию и вниманию, и позволяющие брать это на себя’.

Также форма на *-a ide* употребляется для выражения действия либо состояния, как постоянного свойства лица или предмета в прошлом. В данном случае, рассматриваемая форма также несет в себе смысловую нагрузку, присущую для ее основы – формы настоящего времени на *-a*, которая заключается в выражении тех или иных действий, являющихся постоянным признаком лица либо предмета: *Ul čaqda bu iskelär xökümät köče ilä fajdalana alačaqlaryny* ***belmi idelär****, üzläre genä cädidčelärgä bäjlänä idelär* («Б.т.», 1911, № 139, «Г. Думаның 26 февраль җыелышында Садри әфәнде Максудов нотыгы», отчет) ‘В то время эти кадимисты еще не знали что смогут пользоваться поддержкой государства, только сами придирались к джадидистам’; *Järminkä räxäten bozulary az bulğan kebi, bundyj kešelär öjlärenä qajtyb ğailä räxäten dä pyr tuzdyryb* ***tašlyjlar ide*** («В.», 1915, № 1793, «Аек ярминкә», корреспонденция) ‘Как будто того, что они испортили радость от ярмарки, мало, такие люди, придя домой, в пух и прах разносили и семейную радость’; *Bolar tatarlar xaqynda zyjaly xikäjälärne genä* ***belälär ide*** («К.», 1917, № 1114, «Татарлар Мәскәүдә», обзор периодической печати) ‘Они про татар знали только хорошие истории’.

Кроме того, рассматриваемая форма в текстах газет может выражать то или иное единичное незаконченное и очевидное действие, которое относится к определенному временному отрезку в прошлом и является фоном для совершения другого действия. При этом, в частных случаях, данное значение может быть конкретизировано посредством включения в текст обстоятельственных слов, таких, как *šušy könlärdä* ‘в эти дни’, *aldan uq* ‘заранее’, *tege waqyt* ‘в то время’, *šul waqyt* ‘в это время’, *kičä* ‘вчера’, *äle*

‘сейчас’ и т.д.: *Čönki anyŋ šulaj buluyn xalyq aldan uq* ***köteb tora ide*** («Б.т.», 1906, № 37, «Хаҗитархан октябрь 24», статья) ‘Потому что это его действие народ уже ждал заранее’; *Järminkä jaxšy bulyr dib* ***kötelä ide*** («В.», 1914, № 1568, «Мәкәрҗә ярминкәсе», заметка) ‘Ожидалось, что ярмарка пройдет на хорошем уровне’; *Tağyn šušy köndä Sirac malajy sineŋ gazetaŋa jebärmäkče bulyb* ***jöri ide*** («К.», 1913, № 37, «Халык укый», статья) ‘В эти дне еще и сын Сираза хотел подписаться на твою газету’.

Употребляясь в значении сослагательного наклонения, расположенного во второй части сложноподчиненного предложения с придаточным условным, форма на *-a ide* в текстах газет выражает значение двух взаимообусловленных действий: *Bundyj firqalär tözelsä,… nizam tözü mäcleslärenең ešläre, xäjaty ciŋelläšer dib* ***zan itelä ide*** («В.», 1915, № 1856, «Г. дума вә Совет әгъзаларының иттифагы», статья) ‘Ожидалось, что если такие фракции будут созданы,... работа, жизнь законодательных собраний станет легче’.

Редко, ввиду ограниченного распространения в текстах газет диалогических конструкций, форма на *-a ide* способно выражать действие, протекающее одновременно с моментом речи: *– …Ğajd kön jyğlarğa jaramağanlyqny belmiseŋ axry! –* ***Beläder idem*** *dä… sin Näğimälärne üpdeŋ, mine kürmijenčä kitdeŋ… äni mine übäder ide… min šunyŋ öčen jyğladym* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘– Ты, кажется, не знаешь, что в Гает нельзя плакать! – Знаю, но... ты поцеловала Нагиму, а меня прошла не заметив... мама меня целовала... я поэтому плакала’.

В целом, как видно из нашего анализа, форма прошедшего времени на *-a ide* в рамках исследуемых нами газетных текстов является одной из наиболее употребительных аналитических форм прошедшего времени, а следовательно, определяется в качестве ядерного элемента их грамматической системы. Как и преобладающее большинство аналитических форм прошедшего времени, рассматриваемая форма несет в себе стилистическую составляющую, заключающуюся в придании большей

наглядности, выразительности и экспрессивности описываемых событий. В текстах газет, форма на *-a ide* наиболее регулярно употребляется в текстах, относящихся к художественно-публицистическим жанрам, а также в текстах открытых писем и статей, относящихся к аналитическим жанрам. При выражении постоянного, обычного действия, перенесенного в план прошлого рассматриваемая форма встречается в текстах заметок, относящихся к информационным жанрам.

Форма на *-maqda ide*

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» зафиксировано употребление аналитической формы на *-maqda ide* для передачи определенного семантического оттенка прошедшего времени. Данная форма образуется от основы настоящего-длительного времени на *-maqda* в сочетании со вспомогательным глаголом *ide* ‘был’, к которому присоединяются аффиксы лица. Употребление формы на *-maqda ide* не характерно для современного татарского литературного языка, а также его диалектов. При этом она определяется в качестве отличительной особенности огузских языков, в частности, форма на *-maqda ide*, хотя и редко, встречается в современном турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 239], а также в азербайджанском, узбекском и ряде других тюркских языков, относящихся к огузской группе [Серебренников, Гаджиева, 1986, с. 175].

Функционирование рассматриваемой формы в рамках письменного старотатарского литературного языка возникает сравнительно поздно. Так, ее употребление зафиксировано в текстах старотатарских письменных памятников, созданных начиная с конца XIX века [Татар әдәби теле..., 2017, б. 539], а само присутствие в грамматической системе текстов обусловлено влиянием османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода [Негматуллов, 1983, с. 139]. Однако, стоит отметить, что ее окончательного утверждения, как и формы настоящего времени на *-maqda*, в

языке не происходит. К концу второго десятилетия XX века она вытесняется из употребления в рамках строататрского письменного литературного языка.

В текстах газет форма на *-maqda ide* также не характеризуется широким распространением. Это объясняется как ее более узкой семантической структурой по сравнению с другими аналитическими формами прошедшего времени, так и общей тенденцией в развитии старотатарского литературного языка начала XX века, когда происходит переход от употребления традиционных общетюркских и огузских языковых форм в сторону применения народно-разговорных грамматических элементов. При этом, наиболее активно форма на *-maqda ide* обнаруживается в текстах газеты «Борхане таракки», и, как правило, в форме третьего лица обеих чисел. В текстах газет «Кояш» рассматриваемая форма характеризуется крайне ограниченным распространением. Для реализации ее спряжения по лицам в текстах газет употребляются следующие показатели лица:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	н/о	*-k*
2 л.	н/о	н/о
3 л.	_	*-lar/-lär*

При образовании **третьего лица единственного числа** употребление какого-либо специального грамматического показателя не требуется: *...ğadälät üzrä jaŋğy nizamlar tärtib idär dib härkem* ***ömedläneb tormaqda ide*** («Б.т.», 1906, № 56, «Гадәләтме? Я золымлыкмы?», статья) ‘...все надеялись, что они создадут новые законы, нацеленные на справедливость’; *Bu mämurlarğa zur xoquqlar, teläsä nišlärgä ixtijarlar birelgän wä gubernatorlardan bašlab anyŋ qulyndağy palitsija, bu mämurlarğa daima* ***järdäm birmäkdä ide*** («В.», 1908, № 333, «Гайсә мирза Еникеев нотыгы», отчет) ‘Этим служащим даны большие права, разрешение на совершение всего, что угодно и начиная с губернатора, до полиции, находящейся в его руках, регулярно помогали этим служащим’.

Третье лицо множественного числа в текстах газет оформляется при помощи аффикса множественного числа *-lar/-lär*, который в данном случае указывает не на лицо, а на согласование в числе. Следует отметить, что аффикс *-lar/-lär* во всех зафиксированных случаях присоединяется строго к вспомогательному глаголу: *Kijem tüšäk uryn palas kebi šäjläre dä šu xajwan jonyndan xajwan tiresendän* ***japmaqda idelär*** («Б.т.», 1911, № 145, «Казакълар хәлендән», статья) ‘Такие предметы, как одежда, перина, лежак, палас, они также делали из меха и шкуры этого животного’; *Säjergahnyŋ här mäüqyjğendä jähüdi, šiğyj, sönilärneŋ xuš sävemle säsläre ilä säjercelärne päk mäsrur* ***itmäkdä idelär*** («В.», 1910, № 595, «Бохара әхвалендән», очерк) ‘На каждом уголке места для наблюдения радовали наблюдающих с помощью красивых привлекательных голосов евреев, шиитов, суннитов’; *...awyl fäqyjr bulğandan mäktäbne näübätläb balalar salam jağyb* ***jylytmaqda idelär*** («К.», 1915, № 613, «Әтраф хәбәрләре», корреспонденция) ‘... по причине того, что деревня была бедной, дети по очереди отапливали школу, сжигая сено’.

Как говорилось выше, в преобладающем большинстве случаев, форма на *-maqda ide* употребляется в третьем лице обеих чисел. Между тем, нами было зафиксировано употребление рассматриваемой формы в **первом лице множественного числа**. В данном случае спряжение осуществляется посредством аффикса лица *-k*, который присоединяется исключительно к вспомогательному глаголу: *Bez Rusija möselmanlary moŋa kadär hič ber närsä sizmičä* ***joqlamaqta idek****...* («Б.т.», 1906, № 28, «Яңа мөхәрирдән», статья) ‘Мы, мусульмане России, до этого времени спали, ничего не замечая…’.

На семантическом уровне форма на *-maqda ide* в текстах исследуемых нами газет не характеризуется своей полисемантичностью. Как правило, данная форма употребляется для выражения того или иного длительного действия, не приобретающего постоянный, регулярный характер, и перенесенного в плоскость прошедшего времени: *...bunyŋla qyrğyzlar islam dinendä dägel bälki šamani dijeb* ***dağwa*** *wä* ***isbat idelmäkdä ide*** («Б.т.», 1906, № 56, «Гадәләтме? Я золымлыкмы?», статья) ‘...таким образом предъявлялось и

доказывалось, что киргизы являются приверженцами не мусульманской религии, а были шаманами’; *Peterburğdağy törek säfire Tarxan paša wä sekretarläre jerle möselmanlarla kürešeb... möselman aqšamyny täšrif idäčäkläre* ***äjtelmäkdä ide*** («В.», 1909, № 438, «Петербургта Ләйләи Шәркыя вә мөсафир төрек пашалары», статья) ‘Во время встречи турецкого посла в Петербурге Тархана паши и его секретарей с местными мусульманами,... было объявлено о том, что они почтят своим присутствием мусульманский вечер’; *...küčeb jöri torğan ğaskär bulğanlyqlary öčen, rus knäzläreneŋ üz ara betmäs-tökänmäs došmanlyq wä suğyšlaryndan* ***istifadä itmäkdä idelär*** («К.», 1917, № 1114, «Татарлар Мәскәүдә», обзор периодической печати) ‘...из-за того, что они являлись передвижной аримией, они пользовались бесконечной междоусобной враждой и войнами русских князей’.

Как видно, по сравнению с другими аналитическими формами прошедшего времени, форма на *-maqda ide* в текстах газет имеет ограниченное распространение и употребляется в текстах газет, вне зависимости от того, к какому жанру они относятся, как правило, при повествовании о каком-либо длительном действии в прошлом.

Форма на *-a torğan ide*

Аналитическая форма прошедшего многократного времени на *-a torğan ide* образуется от причастия настоящего времени на *-a, -ä, -j torğan* и вспомогательного глагола *ide* ‘был’. Данная форма употребляется как в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 127], так и в различных фонетических вариантах обнаруживается во всех его диалектах [Юсупов, 2004, с. 428]. За пределами грамматической системы татарского литературного языка и его диалектов форма на *-a torğan ide*, как правило, обнаруживается в кыпчакских языках. При этом, во многих из них рассматриваемая форма функционирует в стяженном виде [Юсупов, 2004, с. 433].

В целом, в рамках развития старотатарского литературного языка рассматриваемая форма определяется в качестве одного из наиболее боздних

грамматических элементов. В текстах старотатарских письменных памятников ее употребление зафиксировано начиная с XVIII века и, как правило, в текстах, оформленных в официально-деловом стиле. С конца XIX века форма на *-a torğan ide* начинает употребляться и в текстах художественных произведений [Татар әдәби теле..., 2017, б. 272, 537].

Из всех исследуемых нами органов периодической печати, рассматриваемая форма обнаруживается лишь в текстах газет «Вакыт» и «Кояш». При этом, она характеризуется ограниченным распространением и является лишь вспомогательным грамматическим элементом. В нижеследующей таблице представлены личные аффиксы, функционирующие в системе спряжения аналитической формы прошедшего времени на *-a torğan ide*:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	н/о	*-k*
2 л.	н/о	н/о
3 л.	_	н/о

Третье лицо единственного числа в текстах газет «Вакыт» и «Кояш» реализуется без употребления какого либо специального грамматического показателя: *...uqučy wä uqytučylarny därdländereb qyzyqdyryb* ***tora torğan ide*** («В.», 1915, № 1830, «Габделмәннәп әфәнденең вафаты», заметка) ‘...он придавал силы и заинтересовывал учеников и учителей’.

Также нами было зафиксировано употребление рассматриваемой формы прошедшего времени **в первом лице множественного числа**. При этом, спряжение осуществляется посредством аффикса лица *-k*, который присоединяется к вспомогательному глаголу: *Čäj östälenä bäjrämlek küreneše bireb tora torğan älbäne bez biš-alty märtäbä qabqač da tujyb, čäj janyndan quzğala idek dä* ***ujnarğa totyna torğan idek*** («К.», 1914, № 321, «Хәкимә әби», художественное повествование) ‘После того, как мы пять-шесть раз

пробовали альбу, придающей чайному столу праздничный характер, насытившись, вставали из-за стола и начинали играть’.

Как видно из приведенных примеров, форма на *-a torğan ide* в текстах газет употребляется, как правило, для выражения обычных, повторяющихся незаконченных действий в прошлом, что в первую очередь обусловлено наличием в составе конструкции формы на *-a ide*, которой присуще значение незаконченности и очевидности, а также вспомогательного глагола *torğan* со значением типичности или регулярности.

Следует отметить, что ограниченное распространение рассматриваемой формы, прежде всего, объясняется ее синонимичностью по отношению к одной из наиболее активных аналитических форм прошедшего времени в рамках татароязычных газетных текстов начала XX века – форме на *-a ide*. Так, совпадение на семантическом уровне наблюдается при передаче формой на *-a torğan ide* значения многократного действия, которое для формы на *-a ide* в текстах газет является одним из контекстуальных значений.

При этом, если обратить внимание на второй приведенный нами пример, то в нем обнаруживается параллельное употребление форм на *-a ide* и *-a torğan ide* (*…čäj janyndan* ***quzğala idek*** *dä* ***ujnarğa totyna torğan idek*** ‘…вставали из-за стола и начинали играть’). Такое параллельное употребление двух форм в одном значении подчеркивает их семантическую взаимозаменяемость при передаче данного конкретного значения, а также служит стилистическим средством, позволяющим избежать повторного употребления одной и той же грамматической формы в рамках одного предложения.

Таким образом, поздняя аналитическая форма прошедшего времени на *-a torğan ide* не является ядерным элементом текстов исследуемых нами газет. Она, будучи грамматическим синонимом более распространенной формы прошедшего времени на *-a ide,* в ограниченном количестве обнаруживается только в текстах газет «Вакыт» и «Кояш».

Форма на *-jur ide*

Рассматриваемая форма образуется путем сочетания формы настоящего времени на *-jur*, являющейся характерной особенностью огузских языков, и вспомогательного глагола *ide* ‘был’. Употребление аналитической формы прошедшего времени на *-jur ide* характерно только для ряда текстов газеты «Борхане таракки», оформленных на огузо-турецком варианте старотатарского литературного языка. При этом, форма на *-jur ide* имеет крайне ограниченное распространение и не является ядерной формой их грамматической системы. Ее крайне низкая активность в текстах газет «Борхане таракки» и отсутствие в текстах газет «Вакыт» и «Кояш», главным образом, объясняется синонимичностью формы на *-jur ide* по отношению к аналитической форме прошедшего времени на *-a ide*, которая активно употребляется в текстах всех исследуемых нами газет.

На сегодняшний день форма на *-jur ide* не характерна для современного татарского литературного языка, а также ее диалектов. Для передачи соотвествующих семантических значений, характерных для рассматриваемой формы используется форма на *-а идә* [Татар грамматикасы, 2016, б. 122], которая в начале XX века и вытеснела из употребления в рамках старотатарского литературного языка огузскую форму на *-jur ide*. Между тем, сегодня рассматриваемая форма активно функционирует лишь в турецком литературном языке [Серебренников, Гаджиева, 1986, с. 181].

В текстах старотатарских письменных памятников функционирование формы на *-jur ide* зафиксировано лишь начиная со второй половины XIX века [Татар әдәби теле..., 2017, б. 535], когда она начинает употребляться в качестве элемента функционально-стилистической вариативности при передаче некоторых значений, характерных для формы прошедшего времени на *-yr ide*.

Как отмечалось выше, в текстах газеты «Борхане таракки» форма на *-jur ide* обнаруживается крайне редко и функционирует только в третьем лице:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	н/о	н/о
2 л.	н/о	н/о
3 л.	_	*-lar ide, -lardy*

Для реализации **третьего лица единственного числа**, в текстах не употребляется какого-либо специального грамматического показателя. При этом, в зафиксированном нами примере рассматриваемая форма употреблена в усеченной форме, характерной для турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 237], состоящей из показателя времени на *-jur* и аффикса сказуемости прошедшего времени *-dy*, образованного от глагола *ide* ‘был’ в результате его усечения: *Bu soŋ sänälärä qadär islam miläte, äksäri rus gazetalarynda, bağzy jengel fikerlelärneŋ, wä ğarzkarlarnyŋ, töhmät wä iqtiralaryna* ***dučar ulyjurdy*** («Б.т.», 1907, № 89, «Җәнаб Амосовка рәддия», статья) ‘До последних времен в многочисленных русских газетах мусульманский народ подвергался клевете и противостоянию со стороны некоторых легкомысленных и разжигающих вражду людей’.

Третье лицо множественного числа оформляется посредством аффикса *-lar/-lär*, который присоединяется к основному глаголу: *...din islamija jöklätmädege böhtan wä iftiralary* ***qaldyrmyjurlar ide*** («Б.т.», 1907, № 89, «Җәнаб Амосовка рәддия», статья) ‘...искореняли клевету и инсинуацию, которую не пропускала мусульманская религия’.

Третье лицо множественного числа в текстах газеты «Борхане таракки» также может быть оформлено посредством сочетания аффиксов *-lardy*, которое присоединяется к основному глаголу после показателя настоящего времени на *-jur*, где *-lar* является показателем числа, а *-dy* – аффикс сказуемости прошедшего времени, образованный от глагола *ide* ‘был’ в результате его усечения: *...vatandašlarymyz ruslar da beze namus wä xisijät kebi mäzijät insanijädan mäxrüm Afriqa jamjamlary kebi* ***täläqyj idijurlardy*** («Б.т.», 1907, № 89, «Җәнаб Амосовка рәддия», статья) ‘...наши соотечественники,

русские, тоже встречали нас, как африканские людоеды, лишенные таких человеческих качеств, как честь и чувсто’.

Как видно из приведенных примеров, форма на *-jur ide*, как правило, обнаруживается в текстах, созданных на огузо-турецком варианте старотатарского письменного литературного языка, где присутствует определенная доля лексических и грамматических элементов, характерных для османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода.

При этом, как показывают приведенные примеры, не смотря на то, что форма на *-jur ide* является грамматическим синонимом формы на *-a ide*, ввиду своего ограниченного распространения, она не характеризуется полисемантичностью и выражает незаконченное, регулярно повторяющееся действие, либо употребляется при передачи того или иного действия либо состояния, как постоянного свойства предмета или лица в прошлом.

Таким образом, наименее активно употребляемой в текстах татарской периодической печати начала XX века аналитической формой прошедшего времени является показатель на *-jur ide,* характерный для турецкого литературного языка, который позиционируется в качестве грамматического синонима формы на *-а иде* и является элементом, подчеркивающим наличие функционально-стилистической вариативности в старотатарском литературном языке рассматриваемого периода.

Форма на *-ačaq ide*

Еще одной аналитической формой прошедшего времени, получившей распространение в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», является показатель на *-ačaq ide*. Данная форма образуется посредством сочетания причастия будущего времени на *-ačaq* и вспомогательного глагола *ide* ‘был’.

Стоит отметить, что форма на *-ačaq ide* употребительна в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 132]. Кроме того, она в ограниченном количестве обнаруживается и в некоторых говорах среднего диалекта татарского языка, в частности ее функционирование

зафиксировано в заказанской, нагорной группах говоров, а также в говоре крещеных татар Нижнего Прикамья [Юсупов, 2004, с. 452]. За пределами грамматической системы современного татарского литературного языка и его диалектов форма на *-ačaq ide* обнаруживается в азербайджанском, крымско-татарском, гагаузском и кумыкском языках [Юсупов, 2004, с. 452], а в турецком литературном языке рассматриваемая форма употребляется в усеченной форме *-acaktı* [Кононов, 1956, с. 241].

В целом, судя по отсутствию формы на *-ačaq ide* в текстах древнетюркских письменных памятников и учитывая, что первые факты ее функционирования были зафиксированы в конце XIX века в текстах, оформленных на старотатарском литературном языке [Татар әдәби теле..., 2017, б. 552], можно утверждать что рассматриваемая форма является одной из наиболее поздних аналитических показателей темпоральности.

В текстах форма на *-ačaq ide* активно употребляется лишь в третьем лице обеих чисел:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	н/о	*-k*
2 л.	н/о	н/о
3 л.	_	*-lar ide/-lär ide, idelär*

Для оформления **третьего лица единственного числа** употребление какого-либо специального грамматического показателя не наблюдается: *Rusijä möselmanlarynyŋ idarä šärğyjäläre qyrğyz-qazaq arasyndağy šikelle ber xälgä* ***töšereläčäk ide*** («Б.т.», 1911, № 139, «Газеталардан», обзор периодической печати) ‘Духовное управление российских мусульман должно была принять такое же положение как и у киргизов и казахов’; *Kičä kič... kinematograf tijatrynyŋ zalynda Peterburg sajlaučylarynyŋ säjäsi cyjynlary* ***bulačaq ide*** («В.», 1909, № 535, «Юк-бар», очерк) ‘Вчера вечером... в зале кинематографического театра должно было состояться политическое собрание Петербургских избирателей’; *Bu jyl Xälimä abystajnyŋ zur uğly Sabir*

saldatqa ***qaralačaq ide*** («К.», 1914, № 321, «Хәлимә абыстай», художественное повествование) ‘В этом году старший сын Халимы абыстая, Сабир, должен был пройти осмотр для призыва в армию’.

Для реализации **третьего лица множественного числа** наблюдается употребление показателя числа *-lar/-lär*, который, как правило, присоединяется к основному глаголу: *...Istanbul Jaurupa däülätlärendän qajsysynyŋ maly ulsa ulačaq ide, fäqat töreklär andan* ***ükčä kütäräčäklär ide*** («Б.т.», 1907, № 79, «Сәяси хәлләр», статья) ‘...Стамбул в любом случае должен был перейти в состав одного из европейских государств, но турки должны были оттуда уходить’; *Älbätä, rus sajlaučylar bundan istifadä iteb, mäzkür častlardaǧy möselmanlardan Šähär dumasyna hič ber keše* ***ütkärmäjäčäklär ide*** («К.», 1915, № 613, «1909 дан 1913 нче елга кадәр Шәһәр думасы ниләр эшләде?», отчет) ‘Конечно, русские избиратели, пользуясь этим, не должны были пропускать в Городскую думу ни одного мусульманина из вышеупомянутых частей’.

Между тем, в текстах газеты «Вакыт» при оформлении третьего лица множественного числа аффикс *-lar/-lär* может присоединяться не к основному глаголу, а к вспомогательному глаголу *ide*: *Bu pravilalar, möselmanlar arasynda uqu ešen ber tärtibkä salyr öčen* ***äslax ulačaq idelär*** («В.», 1908, № 333, «Гайсә мирза Еникеевның нотыгы», отчет) ‘Эти правила должны были лучше подойти для упорядочения процесса преподавания среди мусульман’.

Кроме того, нами зафиксировано употребление формы на *-ačaq ide* в **первом лице множественного числа**, которое реализуется посредством употребления аффикса лица *-k*, который присоединяется строго к вспомогательному глаголу: *Ničön bu kebi fajdaly ǧyjlemlärne üǧrätüdän mäxrüm wä ni waqyta qadär mäxrüm qalačaq idek?!...”* («В.», 1909, № 488, «Мөселман мәктәбендә музыка дәресләре», обзор периодической печати) ‘Почему мы должны были быть лишены и до каких пор мы должны были быть лишены изучения такого рода полезных дисциплин?!..»’.

В текстах газет рассматриваемая форма употребляется для выражения того или иного будущего категорического действия, перенесенного в план прошлого: *...xäzerge awyr xälläremezdän qotylmaq, fäqat ošbu Ğ. duma vasitasy ilä* ***ulačaq ide*** («Б.т.», 1907, № 75, «Хаҗитархан февраль 21», статья) ‘...избавление от нынешней тяжелой ситуации должно было наступить только при участии этой Г. думы’; *Ispanija “saf xristijan” mämläkäte* ***bulačaq ide*** («В.», 1910, № 645, «Испания вә руханилар», статья) ‘Испания должна была стать «чисто христианским» государством’; *Küb digändä, šähär dumasynda alty-jede möselman glasnyj* ***bulačaq ide*** («К.», 1915, № 613, «1909 дан 1913 нче елга кадәр Шәһәр думасы ниләр эшләде?», отчет) ‘Максимум в Городской думе шесть-семь мусульман должны были стать гласными’.

Как видно из примеров, действие, выраженное посредством формы на *-ačaq ide*, имеет отношение к определенному моменту в прошлом, но никак не к моменту повествования.

Учитывая, что в текстах газет не зафиксировано функционирование формы на *-yr ide* в функции аналитической формы прошедшего времени, все задачи, связанные с выражением будущего категорического действия, перенесенного в план прошлого выполняются посредством употребления ее грамматического синонима – формы на *-ačaq ide*. Следовательно, данная форма для текстов исследуемых нами газет является системообразующей, однако, несмотря на это, ее функционирование в преобладающем большинстве случаев зафиксировано в третьем лице обеих чисел.

Настоящее время

Семантическим ядром форм настоящего времени в текстах газет является обозначение действия, контактирующего с моментом речи. Однако, как и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 118], формы настоящего времени в текстах газет, в зависимости от конкретного контекста, могут выражать действия, отнесенные к определенному периоду в прошлом или будущем.

Настоящее время изъявительного наклонения в текстах исследуемых нами газет, помимо формы на *-a*, характерной для современного состояния татарского литературного языка [Татар грамматикасы, 2016, б. 116], представлено синтетическими формами на *-jur* и на *-maqda(dyr)*, активных в турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 223, 229]. При этом, указанные формы в текстах каждой из исследуемых нами газет имеют разную степень распространения, а их функционирование или отстутствие с одной стороны обусловлено жанровыми условиями конкретных текстов, а с другой – является дифференциальным признаком функционально-стилистической вариативности языка газетных текстов.

Форма на *-a*

Форма настоящего времени изъявительного наклонения на *-a* этимологически восходит к пратюркскому состоянию [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 410] и в текстах газет «Борхане тараккы», «Вакыт» и «Кояш», также, как и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 116], образуется от деепричастной основы на *-a, -ä, -j,* которая осложняется аффиксами лица. При этом, в случаях, когда настоящее время на *-a* образуется от глаголов, оканчивающихся на гласный, возникает дифтонг *-aj/-äj***,** который подвергается сужению и переходит в *-yj/-i* (*qara* ‘смотри’ – *qaryjm*, *qaryjmyn* ‘смотрю’, *ešlä* ‘работай’ – *ešlisez*, *ešliseŋez* ‘работаете’).

Большинство современных тюркских языков также характеризуется употрбелением рассматриваемой формы для выражения настоящего времени. Так, форма на *-a* при выражении настоящего-неотносительного времени активна в северо-восточных языках, за исключением тофаларского и сарыг-югурского языков, а также в юго-восточных языках, за исключением саларского языка и во всех кыпчакских языках [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 409]. При этом, она не характерна для современных огузских языков, что определяется в качестве их классификационной особенности, но обнаруживается в турецких и азербайджанских письменных памятниках, относящихся к эпохе средневековья [Грунина, 1966, с. 78-91].

Помимо современного татарского литературного языка, форма на *-а* обнаруживается и во всех ее диалектах. Так, в мишарском и в преобладающем большинстве говоров среднего диалекта рассматриваемая форма определяется в качестве единственной формы настоящего времени [Юсупов, 2004, с. 294].

Форма на *-а* одинаково активно функционирует в текстах всех исследуемых нами газет и определяется в качестве ядерного грамматического элемента языка татарской периодической печати начала XX века. При этом, употребление рассматриваемой формы, в частности в случаях осложнения аффиксами лица, имеет неодинаковое распространение и приводит к ее неравномерному употреблению в рамках текстов, относящихся к определенным жанрам. Этому способствует и тот факт, что одним из характерных условий употребления настоящего времени является наличие в тексте диалогической структуры.

Как видно из приведенной ниже таблицы, в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» для оформления категории лица наблюдается параллельное употребление как элементов, относящихся к традиционной языковой норме, так и грамматических показателей, характерных для разговорной речи татарского языка начала XX века:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	*-myn/-men, -m*	*-myz/-mez, -byz/-bez*
2 л.	*-syŋ/-seŋ*	*-syz/-sez, -syŋyz/-seŋez*
3 л.	*_, -dyr/-der*	*-lar/-lär*

Для реализации **первого лица единственного числа** настоящего времени на *-а* в текстах исследуемых нами газет, как правило, употребляется полный вариант грамматического показателя *-myn*/*-men*, который определяется в качестве элемента традиционной языковой нормы: *Bu sülädegemä misal ularaq šuny* ***göstärä belämen*** *ki* («Б.т.», 1906, № 36, «Дәрел Әдәптә сөйләнгән нотык», отчет) ‘В качестве примера к вышесказанному

могу указать следующее’; *“Jaxšy, min kürgäzgän mäsläxätkä binaän eš qylyrğa razyj bulsaŋyz min kitü fikeremdän* ***qajtamyn****” digän* («В.», 1912, № 921, «“Айлә” вилаяте вакыйгалары», статья) ‘Он сказал: «Хорошо, если вы будете согласны что-либо предпринять ради пользы, которую я обозначил, я отказываюсь от идеи уехать»’; *“Min sezneŋ aldyŋyzda ğajeblemen häm watanym öčen šundyj kešene qotqara aluwym belän üzemne bäxetle* ***sanyjmyn****” digän* («К.», 1914, № 377, «Харижи хәбәрләр», статья) ‘Он сказал: «Я виноват перед вами и считаю себя счастливым из-за того, что смог спасти для своей родины такого человека»’.

На сегодняшний день для современного состояния татарского литературного языка такое оформление показателя первого лица единственного числа формы настоящего времени на *-а* не характерно [Татар грамматикасы, 2016, б. 116]. Полный вариант аффикса встречается, как правило, только в поэтических текстах.

Параллельно с полным вариантом аффикса первого лица единственного числа в текстах газет активно функционирует и его усеченная форма *-m*, характерная для современного состояния татарского литературного языка: *Ošbu mäktübemne gazetaŋyza därc itmäkeŋeze* ***ütenäm*** («Б.т.», 1907, № 74, письмо) ‘Прошу опубликовать это письмо в вашей газете’; *Menä min xäzer sineŋ änkäŋ* ***bulam*** («В.», 1915, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Вот теперь я буду твоей мамой’; *Üz bašymyzğa ğyna eš kürüneŋ hičber kirägen* ***tabmyjm****, xäta zararly ber eš dib* ***ujlyjm*** («К.», 1914, № 485, «Авылларда зур ихтыяҗ вә аларга ярдәм», статья) ‘Я абсолютно не нахожу необходимости в одиночной работе, более того, я считаю эту работу губительной’.

Оба этих варианта одинаково активно функционируют во всех исследуемых нами текстах. Подобная ситуация также наблюдается и в текстах произведений татарской литературы конца XIX – начала XX вв., где параллельно функционируют полная и усеченная формы показателей первого лица единственного числа [Татар әдәби теле..., 2017, б. 489]. Следует

отметить, что на сегодняшний день, в отличие от татарского литературного языка, в его диалектах, также, как и в исследуемых нами текстах, активны как усеченный, так и полный вариант рассматриваемого грамматического показателя [Юсупов, 2004, с. 294].

Для образования формы **первого лица множественного числа** в текстах исследуемых нами газет употребляется аффикс лица *-myz/-mez*. Данный аффикс определяется как элемент общетюркской традиционной языковой нормы и также активно употребляется в текстах литературных произведений, созданных в конце XIX – начале XX вв. на старотатарском литературном языке [Бәширова, 2008, б. 174]. Распространение данной формы имеет одинаковый уровень в текстах всех исследуемых нами газет: *Niöčen uqu waqytlarynda iske mädräsä počmaqlarynda keše aldarğa* ***ügräteb jatamyz****?* («Б.т.», 1906, № 31, «Ислах хакында», статья) ‘Почему это мы во время занятий в углах старых медресе обучаем жульничеству?’; *Böten Törkestan ölkäsenä bary 253 meŋ sum birelügä dä Dumanyŋ diqatene käleb iteb kitüne wazyjfamyz dib* ***belämez*** («В.», 1908, № 333, «Гайсә мирза Еникеевның нотыгы», отчет) ‘Мы считаем своей обязанностью обратить внимание Думы и на то, что на всю Туркестанскую область выделено всего лишь 253 тысячи рублей’; *Šunyŋ öčen bez xamanda bu mäsälädä möselmanlarnyŋ tağyn da cidirәk ictihadlar kürsätülärenä* ***yšanamyz*** («К.», 1914, № 331, «Тасыфлы хәл», статья) ‘Поэтому мы до сих пор верим, что мусульмане в этом вопросе проявят еще большее усердие’.

При этом, в текстах газеты «Кояш» для оформления первого лица множественного числа настоящего времени на *-a* наряду с традиционным для рассматриваемого периода аффиксом лица *-myz/-mez* зафиксировано употребление его варианта *-byz/-bez*, характерного для разговорной речи: *Dörest, qarolnyŋ bu süzlärenä muafäqat itüčelär bulyr, läkin bez bağzy urynlaryna* ***iğtiraz itäbez*** («К.», 1915, № 858, «Юнан короле Константин», обзор периодической печати) ‘Понятно, будут те, которые согласятся с этими словами короля, но мы не согласны с некоторыми пунктами’.

В отличие от газеты «Кояш», в текстах газеты «Вакыт» разговорный вариант аффикса первого лица множественного числа *-byz/-bez*, как правило, не обнаруживается. Исключением является стихотворение Г. Тукая, опубликованное в одном из номеров газеты: *Sin synasyŋ, min ülämen – **ajrylabyz** axrysy!…* («В.», 1910, № 700, «Өзелгән өмет», художественное повествование) ‘Ты ломаешься, а я гибну – похоже мы расстаемся’.

Несмотря на то, что на начальном этапе своего творчества, в том числе и под влиянием турецкой литературы [Мубаракшина, 2017, с. 35], произведения Г. Тукая характеризовались наличием немалого количества огузо-турецких элементов [Валитова, 1966, с. 19], часть которых определялась как элементы традиционной языковой нормы, а часть была характерна для османско-турецкого языка рассматриваемого периода, он является одним из тех, кто был сторонником создания нового татарского литературного языка, основанного на разговорной речи.

Разговорный вариант *-byz/-bez*, который в рамках современного татарского литературного языка функционирует в качестве языковой нормы [Татар грамматикасы, 2016, б. 116], в газете «Кояш» наиболее регулярно обнаруживается в текстах с диалогической структурой или непосредственно в интервью, относящегося к информационным жанрам, где изначально созданы все условия для функционирования языковых элементов, характерных для разговорной речи. Учитывая, что текст интервью основывается на устной диалогической речи, созданной между интервьюером и интервьюируемым лицом, то его характерными особенностями становятся общий высокий эмоционально-экспрессивный уровень текста, вопросно-ответные конструкции, лексические, грамматические и синтаксические особенности, характерные для разговорной речи и т.д. Следовательно, наряду с языком части литературных произведений [Бәширова, 2008, б. 174], созданных на старотатарском литературном языке рассматриваемого периода, язык татарской периодической печати в межреволюционный период 1905-1917 гг.,

становится той платформой, на основе которой происходит универсализация языка и постепенное вытеснение традиционных языковых элементов с последующим переходом к более поздним языковым нормам, близким для широких масс населения.

Второе лицо единственного числа в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» имеет ограниченное распространение. Как и в современном татарском литературном языке, данная форма оформляется посредством показателей лица *-syŋ/-seŋ*: *Bez – ni qağidä bujynča **atasyŋ**? didek* («Б.т.», 1906, № 28, «Тайный циркуляр», письмо) ‘Мы сказали, по какому закону ты будешь стрелять’; *Menä nindi jaxšy qyz buldyŋ, Ğajd kön jyğlarğa jaramağanlyqny **belmiseŋ** axry!* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Вот какой хорошей девочкой стала, ты похоже не знаешь, что в Гает нельзя плакать!’; *Sin ni **ujlyjsyŋ**, Kärlä?* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфән нишләтте!!», фельетон) ‘А ты что думаешь, Кэрлэ?’.

В текстах газеты «Вакыт» было зафиксировано оформление второго лица единственного числа посредством аффикса *-syn/-sen*, который в данной функции является характерной особенностью турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 226]: *Sin dä üzeŋne keše arasyna **sanyjsyn**! Ojatsyz! Közgegä ber dä **qaramyjsyn** axry?* («В.», 1910, № 645, «Ике яхшы», художественное повествование) ‘И ты себя считаешь человеком? Бессовестный! Ты наверное вообще не смотришь в зеркало?’.

Сегодня подобное оформление второго лица единственного числа настоящего времени на *-а* обнаруживается и в диалектах татарского языка, где определяется в качестве архаичной формы. Так, аффикс *-syn/-sen* в рассматриваемой функции зафиксирован в цокающих говорах мишарского диалекта, а также в говорах крещеных татар Заказанья и Нижнего Прикамья среднего диалекта [Юсупов, 2004, с. 298].

Оформление **второго лица множественного числа** настоящего времени на *-а* в текстах газет, как правило, релизуется при помощи аффикса

лица -*syz/-sez*, в настоящее время функционирующего в рамках современного татарского литературного языка: *...šul eš artyndan xezmätläreŋezne tašlab böten ixlasyŋyz ilä sez* ***jörisez*** («Б.т.», 1906, № 33, «Тайный циркуляр», письмо) ‘...этим делом, забрасывая свои дела, от чистого сердца занимаетесь вы’; *Sez bit baryber šul uğrylardan* ***sanalasyz*** («В.», 1913, № 1216, «Газета каракларына», письмо) ‘Вы ведь все равно считаетесь ворами’; *...kiläčäkdä här mäsäldädä ber itifaqda bulyb möğamälä itüweŋezgä niček iteb* ***yšanasyz?*** («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу», интервью) ‘Как вы верите в свою дальнейшую единогласную деятельность в каждом вопросе?’.

В текстах газет «Борхане таракки» и «Вакыт» параллельно аффиксу лица -*syz/-sez* обнаруживается активное употребление и его варианта -*syŋyz/-seŋez,* специфичного для огузских языков [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 394], а также в ином фонетическом варианте функционирующего в современном башкирском литературном языке [Грамм. совр. башк…, 1981, с. 279]: *...sez Rusijädä* ***torasyŋyzmy?*** *Sez rus ministrymy jäki fransuznyqymy?* («Б.т.», 1906, № 30, художественное повествование) ‘...вы живете в России? Вы русский министр или французский?’; *Cämäğat kemlärne qandidatlyqğa* ***kürsätäseŋez?*** («В.», 1909, № 426, «Сайладылар!» фельетон) ‘Товарищи, кого укажете в качестве кандидата?’.

Для современного татарского литературного языка употребление такого варианта аффикса второго лица множественного числа не характерно, однако его функционирование в чуть ином фонетическом варианте зафиксировано в некоторых его диалектах, в частности в барабинском диалекте, а также в тарском говоре тоболо-иртышского диалекта [Юсупов, 2004, с. 300; Атлас тат. нар. гов., 2015, с. 316].

Третье лицо единственного числа настоящего времени на -*a* в текстах исследуемых нами газет, также, как и в преобладающем большинстве тюркских языков, в частности в современном татарском литературном языке, не имеет специальных показателей: *Pravitelstvanyŋ palitsijany totuwy küpmegä* ***töšä?*** («Б.т.», 1906, № 28, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘Во сколько обходится

государству содержание полиции?’; *Menä mony uq “Qoloqol” gazetasy niček ideb* ***jaza*** («В.», 1909, № 486, «Пермь мөселманлары», обзор периодической печати) ‘Вот как пишет об этом же газета «Колокол»’; *Menä bu mäsälälär bezne* ***abdyrata*** («К.», 1915, № 656, «Мөселман матбугатына икенче һөҗүм», статья) ‘Вот эти вопросы тревожат нас’.

В текстах газет при оформлении формы третьего лица единственного числа, в отличие от современного состояния татарского литературного языка, наблюдается регулярное употребление аффикса *-dyr/-der*, который этимологически восходит к вспомогательному глаголу *torur* ‘стоять’, ‘быть’. В текстах газет основным значением, которое передается посредством данного аффикса, является констатация безотносительных к моменту речи обычных действий: *Bu kešelär arasynda adäm üterü bik jaxšy wä maqtauly eš* ***sanaladyr*** («Б.т.», 1906, № 42, «Шулай кирәкме?», статья) ‘Среди этих людей убийство считается очень хорошим и почетным поступком’; *Bu ešne üzeneŋ Fransijägä kitüwenä qadär tämam itärgä bulğanlyğyn* ***xäbär biräder*** («В.», 1912, № 1015, «Бәхетсез мәмләкәтнең бәхетсез солтаны», статья) ‘Он сообщает о своей намеренности закончить это дело до своего отъезда во Францию’; *...firqalärneŋ bašbašdaqlyq čyqaryrlyq xäräkätlärenä jul qaldyrmasqa* ***telider*** («К.», 1917, № 1130, «Оешкан демократиябез», статья) ‘...желает пресечь пути для действий партий, способных создать произвол’.

Параллельное употребление двух вариантов оформления третьего лица единственного числа характерно и для литературных произведений, оформленных в конце XIX – начале XX вв. на стротатарском литературном языке [Татар әдәби теле..., 2017, б. 575]. Между тем, как было отмечено выше, употребление аффикса *-dyr/-der* не характерно для современного татарского литературного языка. При этом, рассматриваемый показатель определяется в качестве специфической особенности мишарского диалекта, противопоставляющего его другим диалектам и литературному языку [Юсупов, 2004, с. 301].

Третье лицо множественного числа в текстах газет, как и в современном татарском литературном языке, оформляется при помощи аффикса множественного числа *-lar/-lär*. При этом, в данном случае он указывает не на лицо, а на согласование в числе [Исслед. по срав. грам., 1956, с. 265]: *Josyf Akčurin cänäbläreneŋ Semberdä aristawajt itelgänlegen Reč gazetasyna telegram berlän* ***xäbär itälär*** («Б.т.», 1906, № 51, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘О факте ареста в Симбирске товарища Йусуфа Акчурина сообщают в газету «Речь» телеграммой’; *Böten xalyq ajaqğa basyb doğa* ***qylalar*** *häm qyčqyryb täqbir* ***äjtälär*** («В.», 1917, № 2263, «Өч съездның берләшкән мәҗлесе хакында тәфсилат», отчет) ‘Все, встав на ноги, молятся и возвеличивают Бога’; *Bu aqčadan kübräk fajdalanučylar baqaleja, jäšelčä, tämäke belän satu itüče greklardyr häm qahwä xanälär totučylar da küb* ***fajda itälär*** («К.», 1915, № 799, «Искәндәриядән», обзор периодической печати) ‘Те, кто больше пользуются этими деньгами – греки, торгующие бакалеей, овощами, табаком, также пользу получают хозяева кофеен’.

Отрицательная форма настоящего времени на *-a* в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» образуется при помощи отрицательной частицы *-ma/-mä*, которая, подвергаясь сужению, переходит в *-myj/-mi*: *Xökemät bunlarny tizräk tikšertsen čönki bez östemezgä jökläŋgän niğmätlärne köl itärgä* ***telämimez*** («Б.т.», 1911, № 139, «Газеталардан», обзор периодической печати) ‘Пусть государство разберется с этим побыстрее, потому что мы не хотим потерять доставшееся нам благополучие’; *Anyŋ räsmi cähätdän Törkijägä märbut sanaluwy inglizlär öčen hičber zarar* ***tidermi*** («В.», 1915, № 1737, «Мисырда үзгәрешләр булырмы?», статья) ‘Тот факт, что официально он привязан к Турции не приносит никакого вреда англичанам’; *Läkin mäcles anyŋ notyğyndan ešneŋ asyl säbäben* ***aŋlamyj*** («К.», 1918, № 1242, «Самара фронты», репортаж) ‘Однако собрание не понимает основной смысл его выступления’.

В текстах газет «Борхане таракки» и «Вакыт» обнаруживается менее распространенная отрицательная форма настоящего времени на *-a*,

оформленная посредством фонетического варианта отрицательной частицы с широким гласным *-maj/-mäj*: *Xalyqnyŋ… jözlärene üzemezgä dündermäk maqsady berlä süz* ***söjlämäjmez*** («Б.т.», 1906, № 37, «Мөгаллимлектә мәсләгемез яхүд мөгаллимләргә нәмунә», статья) ‘Мы не говорим с целью повернуть к нам лицо народа...’; *Rusijä, ğaskär häm aqča cähätendän quwätle bulğan Fransijä cömhürijäteneŋ östke qyjäfätenä* ***qaramaj*** («В.», 1909, № 480, «Хөкүмәтләр күрешүе», статья) ‘Россия не смотрит на внешнее состояние Французской Республики, которая сильна с точки зрения армии и денег’.

Значения настоящего времени на *-a* в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» обнаруживают определенное сходство со значениями данной формы в современном состоянии татарского литературного языка. Так, основным грамматическим значением рассматриваемой формы в текстах исследуемых нами газет является выражение имеющегося действия в рамках настоящего: *Bu taraflarda Dumağa sajlau digän närsäne išetkänemez juq sajlau ešläre bälki üteb dä kitkänder* ***belmimez*** («Б.т.», 1906, № 56, письмо) ‘В этих краях мы не слышали о выборах в Думу, может быть выборы уже прошли, не знаем’.

Характерным условием употребления настоящего времени на *-a* для выражения действия, протекающего одновременно с моментом речи, является диалогическая или прямая речь: *– Mondan soŋ minem janymda jörmäweŋne* ***telim****.. dide dä kämal ğazamät belän utyrğan jerendän tordy* («В.», 1910, № 645, «Ике яхшы», художественное повествование) ‘– Я желаю, чтобы впредь ты не находился рядом со мной, – сказала она и с совершенным величием встала со своего места’; *Ul äjtä: “Min kamisijädä äğza buldyğym öčen buŋarğa bik* ***ähämijät biräm****”* («К.», 1913, № 259, «Петербург мәктүпләре», очерк) ‘Он говорит: «По причине того, что я являюсь членом комиссии, уделяю большое внимание этому»’.

Рассматриваемая форма в текстах газет может функционировать и вне диалогической речи. Часто данная форма употребляется в текстах при повествовании о тех или иных событиях, либо описании какого-либо

пейзажа, что придает авторскому повествованию актуальный характер. При этом, нередко значение актуального времени в тексте подчеркивается посредством конкретизирующих, обстоятельственных слов *xäzer, xäzerendä, šimdi, šimdidä, šu an* ‘сейчас’ и т.д.: *Bu partijäneŋ zurraq kešeläre bu ešneŋ xata bulğanlyqyny söjläsälär dä xäzerendä arestawajt itelgänlär törlese törle törmälärdä* ***jatalar*** («Б.т.», 1906, № 31, «Вәгазь әйтүчеләр», заметка) ‘Более авторитетные представители этой партии, несмотря на то, что подчеркивают ошибочность данного решения, на данный момент арестованы и все пребывают в разных тюрьмах’; *Menä šularny küzdä totyb gaskäremez bu rajonlarda došmanğa bik nyq* ***qaršy toralar*** *wä hič ber adymny suğyššyz* ***birmilär*** («В.», 1915, № 1842, «Сугышның барышы», статья) ‘Учитывая это, в данном районе наша армия жестко противостоит врагу и ни на шаг не отступают без сражения’; *Vystavkanyŋ böten bilägän cire kartada öč qyjtğağa* ***ajryla*** («К.», 1913, № 161, «Петербург мәктүпләре», очерк) ‘Вся территория выставки на карте разделяется на три части’.

Семантический потенциал настоящего времени на *-а*, активно функционирующего в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», кроме фокусирования на обозначении действия, происходящего в момент речи, в рамках того или иного контекста может приобретать и значения иного характера. Так, в текстах обнаруживается употребление рассматриваемой формы в контекстуальных значениях.

Контекстуальное значение настоящего времени на *-а* заключается в выражении настоящего расширенного времени. Так, рассматриваемая форма в текстах газет, передавая значение расширенного времени, может обозначать то или иное обычное, регулярно повторяющееся действие: *Alar šunda* ***ečälär, iserälär****, andan soŋ irtägäsen irtük šul* ***eškä kerešälär*** («Б.т.», 1906, № 34, «Шулай кирәкме?», статья) ‘Они там пьют, пьянеют, после этого на следующий день рано утром берутся за эту работу’.

Посредством рассматриваемой формы также происходит выражение бесспорных фактов, не нуждающихся в дополнительном доказательстве.

Выражаемые в данном случае действия, как правило, приобретают вневременной оттенок и употребляются в текстах правил, поговорок, афоризмов и т.д.: *Zakaz jazğanda ütenämez sumyna 25 tijen zadatka birüeŋezne. Zadatkasyz zakaz* ***birelmi*** («В.», 1913, № 1178, объявление) ‘При подаче заказа просим оставлять задаток в 25 копеек на рубль. Без задатка заказы не принимаются’.

В текстах газет рассматриваемая форма настоящего времени регулярно употребляется для передачи действия, выражающего постоянный признак того или иного лица либо предмета: *älbätä, möstäqyjl bjurokratija idaräse dä nizamsyz* ***tora almyj*** («К.», 1916, № 970, «Дәүләт думасы», статья) ‘Конечно, самостоятельная бюрократия не может существовать без правил’.

Настоящее время на *-а* в текстах также может выражать ставшее нормой общепринятое действие: *Azyq närsälären diŋgez arqyly ala torğan atağa utyrğan ber däülät suğyšqa qatyšsa, došman bu däülätkä azyq kilüwen tuqtatuny üzeneŋ wazyjfasy* ***sanyj*** («К.», 1917, № 1086, «Германия баш вәзиренең нотыгы», отчет) ‘Если какое-либо государство, расположенное на острове и получающее продукты питания по морю, ввязывается в войну, враг считает своей обязанностью остановить доставку продуктов этому государству’.

Кроме того, одним из контекстуальных значений настоящего времени является выражение переносных значений. Так, настоящее время на *-а* в текстах исследуемых нами газет выражает то или иное действие, следующее, непосредственно, за моментом речи. При этом, такие предложения, как правило, характеризуются наличием глаголов движения: *Bäs nišläjälem, bu bičara qardäšläremeze küz aldymyzda ačdan ütereb cänab Xaq xäzrätä nä jöz ilä* ***varamyz*** («Б.т.», 1906, № 56, «Хәлемезә тасыф», статья) ‘Итак, что нам делать, как мы предстанем перед Всевышним, позволив перед своими глазами умереть с голоду нашим братьям?’.

Характерной особенностью предложения, где настоящее время на *-а* выражает какое-либо действие, следующее, непосредственно, за моментом

речи, является наличие в нем условного оборота, во второй части которого и зафиксировано функционирование формы на *-a*: *Inde bašqa milätlärgä qarağanda bezneŋ xacätläremez küb bulsa bezlärgä alardan artyq tyryšmaq, čalyšmaq* ***lazem buladyr*** («Б.т.», 1906, № 28, «Яңа мөхәррирдән», статья) ‘Если уж по сравнению с другими народами наши потребности будут выше, то нам нужно будет стараться, работать больше них’.

Форма настоящего времени на *-a* в текстах газет также может употреблятся в сочетании с модальными словами и частицами. Такие сочетания в текстах газет употребляются, как правило, для выражения значения предположения, сомнения и т.д., основанного на личных наблюдениях повествующего лица: *Menä nindi jaxšy qyz buldyŋ, Ğajd kön jyğlarğa jaramağanlyqny* ***belmiseŋ*** *axry!* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Вот какой хорошей девочкой стала, ты похоже не знаешь, что в Гает нельзя плакать!’.

При этом, сочетание формы настоящего времени на *-a* и модальных слов может выражать значения предположения и сомнения, которые передаются повествующим лицом со слов третьих лиц: *Laxvitskij öjäzendä tülänmägän zemskij aqčalar 36000 rublägä* ***jetešä*** *ikän* («Б.т.», 1906, № 30, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘Говорят, в Лохвицком уезде неоплаченные земские деньги достигают 36 000 рублей’.

Редко в текстах исследуемых нами газет форма настоящего времени на *-a* в рамках конкретного контекста может употребляться для обозначения действия, имевшего место в прошлом. Так, в приведенном ниже примере на прошедшее время указывает глагол в первом предложении, а также слово *märxüm* ‘покойный’: *Läkin Tuqaj märxüm bu dönjadan üz quly belän üzen qotqaruğa xäläf ide. Ul, šulaj uq kitabynda “Qatyl näfäskä” särläüxäle mäqaläsendä menä ni* ***äjtä****:…* («К.», 1914, № 377, «Габдулла мәрхүм Тукай хакында хосусый ядкәр», статья) ‘Однако покойный Тукай стремился сам себя спасти от этого мира. Также, вот что он говорит в своей книге в статье с заголовоком «Присоединяйся к дыханию»:...’.

В целом, если обратить внимание на употребление настоящего времени на *-а* в текстах старотатарских письменных памятниках, то его функционирование, с разной степенью распространения и параллельно с другими формами, употребляемыми для выражения действия, совершаемого в рамках настоящего, зафиксировано начиная с XIII века [Татар әдәби теле..., 2017, б. 96, 172, 231, 272, 560]. В качестве показателя функционально-стилистической вариативности такое параллельное с другими формами употребление настоящего времени на *-а* продолжается вплоть до 20-х годов XX века. Как показывают тексты исследуемых нами газет, начиная с межреволюционного периода 1905-1917 гг., настоящее время на *-а* в текстах татароязычных письменных памятников постепенно вытесняет другие формы, и к современному периоду существования татарского литературного языка становится единственной формой [Татар грамматикасы, 2016, б. 116], функционирующей для выражения действия в настоящем.

Как видно из приведенного фактического материала, в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» наиболее распространена форма настоящего времени на *-а*, осложненная аффиксами третьего лица единственного и множественного числа. Эти формы активны при передачи какого-либо действия во всех жанровых группах. В частности, как показали приведенные нами примеры, авторы текстов активно используют рассматриваемые формы для передачи постоянного безотносительного к моменту речи действия, для выражения динамического характера описываемых событий, либо для актуализации настоящего времени с целью погрузить читателя в эпицентр событий в таких жанрах, как статья, корреспонденция, рецензия, репортаж, отчет, относящихся к информационным и аналитическим жанрам.

Форма настоящего времени на *-а*, осложненная грамматическим показателем первого лица единственного числа активно обнаруживается в текстах, где наблюдается повествование от первого лица. Как правило, это тексты писем, отчетов, интервью, очерков, фельетонов и тексты,

относящиеся к жанру художественное повествование. В целом, рассматриваемая форма настоящего времени на *-а* активна в тех текстах, которые характеризуются наличием диалогической структуры и наблюдается повествование от первого лица.

Рассматриваемая форма, осложненная аффиксом второго лица единственного числа, также активно обнаруживается в текстах, с диалогической структурой. Как правило, это тексты, относящиеся к жанру интервью, а также тексты, составляющие художественно-публицистическую группу жанров.

Форма на *-jur*

Еще одной формой, функционирующей в текстах исследуемых нами газет для выражения действия, происходящего в рамках настоящего времени, является показатель *-jur*. Данная форма, на сегодняшний день активна в качестве показателя настоящего времени в тюркских языках, относящихся к огузской группе. Так, она функционирует в азербайджанском, туркменском, турецком и отчасти в гагаузском языках [Грунина, 1991, с. 156].

Функционирование показателя настоящего времени *-jur* в старотатарском литературном языке на разных этапах его развития имело разную степень распространения. Параллельно с другими показателями настоящего времени рассматриваемая форма сравнительно регулярно обнаруживается в письменных памятниках, относящихся к периоду Волжской Булгарии и Золотой Орды [Татар әдәби теле..., 2017, б. 98, 172]. Далее, в текстах письменных памятников, относящихся к периоду Казанского ханства и созданных в XVII–XVIII вв. присутствие рассматриваемой формы заметно ослабевает [Татар әдәби теле..., 2017, б. 231, 272; Негматуллов, 1983, с. 139], что, в первую очередь, объясняется отсутствием прямых контактов с носителями огузских языков. Со второй половины XIX века в литературном языке снова активизируются огузо-турецике языковые элементы. В частности, в текстах литературных произведений, оформленных на старотатарском литературном языке,

начинает активно функционировать показатель настоящего времени на *-jur*. Несмотря на то, что данная форма определяется в качестве общетюркского традиционного языкового элемента, непосредственно на данном этапе развития татарского литературного языка, в вопросе проникновения в язык рассматриваемой формы, четко прослеживается роль османско-турецкого языка, который, к моменту формирования татарского национального языка, становится единственно возможным путем [Хаков, 1972, б. 101] для проникновения огузо-турецких языковых элементов в старотатарский литературный язык.

Доля огузо-турецких элементов, вошедших через османско-турецкое посредство, в старотатарском литературном языке заметно увеличивается в конце XIX века, в особенности на начальном этапе Первой русской революции, чему в какой-то степени способствует деятельность определенных политических сил. Однако уже в течении второго десятилетия XX века их доля уменьшается и начинается постепенный переход к использованию в языке народных разговорных языковых форм. Эту тенденцию, в частности, на примере употребления формы настоящего времени на *-jur*, удачно иллюстрируют тексты исследуемых нами газет.

Рассматриваемая форма является одной их характерных особенностей газеты «Борхане таракки», хронологические рамки издания которой, по сравнению с газетами «Вакыт» и «Кояш», относятся к чуть раннему периоду. Немаловажную роль в формировании грамматического состава языка газеты «Борхане таракки» также сыграло и географическое расположение города Астрахань, где она издавалась. Здесь связи с туркестанскими мусульманами, а также, через крымско-татарское посредство, с представителями Турции были налажены лучше, чем в какой-либо другой точке России. В результате, можно констатировать, что форма на *-jur*, наряду с показателем настоящего времени на *-a*, для газеты «Борхане таракки» определяется в качестве ядерного грамматического элемента, формирующего систему личных форм глагола.

Кроме того, что форма настоящего времени на *-jur* довольно широко представлена в текстах газеты «Борхане таракки», в них также регулярно обнаруживается осложнение рассматриваемой формы аффиксами лица. Исключением является лишь показатель второго лица единственного числа, который, в принципе, вне зависимости от того, с каким временным показателем сочетается, встречается в текстах газет редко. Это объясняется особенностью рассматриваемого показателя лица, согласно которой он, ввиду своего использования, как правило, в диалогических конструкциях и в составе прямой речи, не является характерным для газетного текста в целом. При этом, учитывая функционирование формы настоящего времени на *-jur* в огузских языках, часть аффиксов лица, сочетающихся с рассматриваемой формой и обнаруживающихся в текстах, также являются фонетическими вариантами показателей лица, характерных для огузских языков, в частности для турецкого литературного языка:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	*-ym*	*-yz*
2 л.	н/о	*-syz, syŋyz*
3 л.	_	*-lar*

Первое лицо единственного числа настоящего времени на *-jur*, в отличие от подобной констуркции в рамках настоящего времени на *-a*, в текстах газеты «Борхане таракки» образуется при помощи аффикса лица *-ym*, характерного для огузских языков, в частности для современного турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 224]: *Juldašymdan soradym mulla äfände buraja ni öčen kilmeš dijä ul da xäjer äfändem* ***belmijurym****… dijä cawab virde* («Б.т.», 1907, № 75, «Тасыфлы вакыйга», письмо) ‘Я спросил у моего спутника, с какой целью сюда пришел господин мулла, а он ответил, нет, господин, я не знаю…’.

Первое лицо множественного числа в текстах газеты «Борхане таракки» образуется посредством аффикса лица *-yz*, также употребляющегося

в соотвествующей функции в современном турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 224]: ***İğlan idijuryz*** *wä möxtäräm möštäriläremezgä täqdim qylamyz…* («Б.т.», 1911, № 139, «Кондитерская П.К. Симоненко», объявление) ‘Объявляем и предлагаем нашим уважаемым клиентам…’.

Форма **второго лица множественного числа** настоящего времени на *-jur* в текстах газеты представляет собой смешанную форму, где показателем времени выступает огузская форма, а показателем лица является предикативный местоименный формант *-syz*, характерный для узбекского, уйгурского, казахского, каракалпакского, татарского и т.д. языков, а не его квазиместоименный огузский вариант *-synyz/-senez*, функционирующий в турецком, азербайджанском, гагаузском, туркменском и т.д. языках [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 394]: *Ant itkän ulsaŋyz xanis ulyb jämineŋezdän čyğuyŋyz lazemder, juq isä nigä bu qadär* ***inkar idijursyz****?* («Б.т.», 1906, № 54, «Муллаларга бөйлә эш лаекмы?», письмо) ‘Если вы клялись, вы должны отречься, как нарушитель клятвы, если же нет, почему отрицаете до такой степени?’.

В **третьем лице единственного числа** настоящего времени на *-jur* в текстах газеты «Борхане таракки», как и в других парадигмах времен, зафиксировано функционирование нулевой формы аффикса, как значащего отутствия показателя: *Ätraftan siparyš häm* ***qabul ulynyjur*** («Б.т.», 1906, № 54, «Тәфәййез китапханәсе», объявление) ‘Заказы и передачи принимаются со стороны’.

Третье лицо множественного числа в текстах газет, как и в преобладающем большинстве тюркских языков, характеризуется употреблением показателя числа *-lar* для передачи значения лица: *...ničä törle külmäge žikety, wä diplomaty bula toryb da tunlar tektermäjä xäzerlängän xanymlar, törle moda kijemlär artyndan gizän bajlar, wä ğajrelär,* ***belijurlarmy****?! Juq. Meŋ märtäbä juq* («Б.т.», 1906, № 56, «Хәлемезә тасыф», статья) ‘...женщины, которые готовятся шить шубы, несмотря на то, что у них есть много разных платьев, жикетов и дипломатов, богачи, следующие за

разными модными одеждами и другие такого рода люди, они знают это?! Нет. Тысячи раз нет’.

Отрицательная форма настоящего времени на *-jur* в текстах газеты «Борхане таракки», как и всех других времен, образуется при помощи отрицательной частицы *-ma/-mä,* которая, подвергаясь сужению, в зависимости от основы конкретного слова, переходит в *-myj/-mi*: *Juqsa bez ällä nindäj fikerlär artyndan ijäreb millätemezeŋ kiräklärene baqmaj jörsäk bezgä majmun dimäkdän bašqa isem dä* ***qalmyjur*** («Б.т.», 1907, № 75, «Иске фикер», статья) ‘В противном случае, если мы, идя на поводу у каких-то мнений, не будем заниматься делами нашего народа, то для нас не останется другого имени, кроме как называть нас обезьянами’.

Для грамматической системы текстов газет «Вакыт» и «Кояш», хронологические рамки издания которых затрагивают в большей степени второе десятилетие XX века, форма настоящего времени на *-jur* определяется лишь как вспомогательная. При этом, на примере текстов данных газет мы наблюдаем начавшийся в письменном литературном языке рассматриваемого периода процесс перехода к использованию разговорных норм в качестве литературных.

Естественно, такого рода процессы не протекают единовременно, в связи с чем в текстах газеты «Кояш», оформленных на огузо-турецком варианте старотатарского литературного языка, в качестве исключения все еще обнаруживается минимальное количество примеров употребления показателя настоящего времени на *-jur*. Так, в одном из текстов, опубликованных в газете, обнаруживается функционирование формы на *-jur*, осложненной аффиксом **первого лица множественного числа** и аффикса отрицания *-ma/-mä*: *Jähüdi, qaraim ğaskärläreneŋ cenazalary täğzyjm ilä däfen ulynyr, böten säbäbene ničin* ***sormajuryz****?* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәҗлесе», отчет) ‘Тела еврейских и караимских солдат хоронятся с почтением, почему мы не спрашиваем всех причин?’.

Также в рассматриваемом тексте форма на *-jur*, употребляясь в **третьем лице единственного числа**, функционирует при выражении отнесенности действия к неделимому множеству лиц, не участвующих в речи: *Waqytymyz – täräqyj zamany uldyğy öčen milät buny bezdän* ***istäjur*** («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәҗлесе», отчет) ‘Из-за того, что наше время – это эпоха прогресса, наша нация ждет от нас этого’.

Данный текст относится к информационному жанру отчет, где, основываясь на принципы формирования такого рода текстов, приводятся дословные отрывки из речи лиц, выступающих на описываемом мероприятии. Именно этим фактом и объясняется функционирование в тексте, не характерного для грамматической системы газеты, показателя настоящего времени на *-jur*. При этом, как можно наблюдать, в отличие от примеров, обнаруживающихся в газете «Борхане таракки», где показатель настоящего времени присоединяется к глагольной основе только через гласные *y/i* (*qalma – qalmyjur, bel – belijurlarmy*), то в тексте, опубликованном в газете «Кояш» для присоединения показателя времени к основе глагола используется пара гласных *a/ä* (*sorma – sormajuryz, istä – istäjur*).

Показатель настоящего времени на *-jur* не является ядерным элементом и для морфологической системы текстов газеты «Вакыт», что также иллюстрирует начавшийся в рамках старотатарского письменного литературного языка рассматриваемого периода постепенный отход от употребления огузо-турецких грамматических элементов и переход к использованию разговорных языковых форм. Так, в текстах газеты «Вакыт» зафиксировано крайне пассивное функционирование показателя *-jur*. В качестве примера можно привести употребление рассматриваемой формы в **первом лице единственного числа**: *Däresläremä… ilkbaharda bašlana beläčäkne* ***tasvir idijurym*** («В.», 1912, № 942, «Төркия хәбәрләре», очерк) ‘Я представляю, что смогу приступить к занятиям весной...’.

Также в текстах газеты «Вакыт» было зафиксировано употребление рассматриваемой формы настоящего времени в **первом лице множественного числа**: *Ber dägel här bereŋez jöz xajwan üzeŋez öčen tärbijä ideŋ ber kälimä* ***süjlijuryzmy****?* («В.», 1910, № 595, «Бохара әхвалендән», очерк) ‘Пусть ни один, а каждый из вас для себя заводит сто животных, мы разве что-нибудь говорим?’.

Кроме того, нами было зафиксировано выражение **второго лица множественного числа** в текстах газеты «Вакыт» посредством показателя -*syŋyz,* характерного для огузских языков [Негматуллов, 1983, с. 83] и функционирующего в некоторых кыпчакских языках Средней Азии, таких, как казахский, каракалпакский, а также в чуть ином фонетическом варианте в в башкирском языке [Гаджиева, 1975, с. 183] и в диалектах татарского литературного языка [Атлас тат. нар. гов., 2015, с. 316]: *Paša üzenä täqdim itelgän xanymlardan bašda: “Törekčä* ***täkälem idijurmysyŋyz****?” dib soryj* («В.», 1909, № 438, «Петербургта Ләйләи Шәркыя вә мосафир төрек пашалары», статья) ‘Сначала паша спрашивает у предложенных ему женщин: «Вы говорите по-турецки?»’.

Как мы подчеркивали ранее, редактором газеты «Вакыт» был Фатих Карими, следовательно, тексты газеты, в том числе и на грамматическом уровне, находились под его вниманием. Между тем, будучи писателем, Фатих Карими является автором таких произведений, как «Аурупа сәяхәтнамәсе» («Путешествие по Европе», 1902) и «Кырыма сәяхәт» («Путешествие в Крым», 1904), написанных им на начальном этапе своего творчества. На грамматическом уровне язык этих произведений характеризуется активным употреблением показателя настоящего времени на -*jur* [Мирхаев, 2003, с. 56], чему, в определенной степени, поспособствовали и годы, проведенные Фатихом Карими в образовательных учреждениях Турции. Однако в дальнейшем, рассматриваемая форма не становится отличительной чертой текстов газеты «Вакыт», в частности, и текстов серии

путевых очерков «Истанбул мәктүпләре» («Стамбульские письма»), опубликованных в 1912 – 1913 гг. в газете «Вакыт», а далее в формате книги.

По своему семантическому потенциалу форма настоящего времени на -*jur* близка к форме на -*a* и выражает похожие смысловые значения, однако в текстах газет получила менее активное распространение. Ввиду крайне ограниченного распространения рассматриваемой формы в текстах газет «Вакыт» и «Кояш», семантическое функционирование формы на -*jur* мы рассмотрим на основе текстов, относящихся к газете «Борхане таракки».

Основным значением рассматриваемой формы является выражение действия, протекающего одновременно с моментом речи. В этом значении форма настоящего времени на -*jur* в текстах газеты «Борхане таракки» выступает в качестве грамматического синонима показателя -*a*, который является основным показателем настоящего времени в современном татарском литературном языке. Следует подчеркнуть, что при этом, одним из характерных условиий употребления формы на -*jur* является диалогическая конструкция либо прямая речь: *Finlandijada iqamät idän möselman cämäğate tübändäge mäktübneŋ gazetalarda därc wä iğlanyny* ***rica idijurlar*** («Б.т.», 1911, № 145, «Дикъкать вә сакынмак кирәк», письмо) ‘Проживающее в Финляндии мусульманское общество просит публикацию и анонсирование в газетах нижеследующего письма’.

Наиболее распространенным контекстуальным значением рассматриваемой формы, обнаруживающейся в исследуемых нами текстах, является выражение регулярного действия, не относящегося к моменту речи. В данном значении форма на -*jur* употребляется, как правило, при выражении действия, осуществляемого в рамках отсутствующей конкретной ситуации: *Berdän bez ğomum möselmanlarnyŋ cämğyjäte, ikenčedän juašlyğy beze mämurijätneŋ tyrnağyndan* ***xälas itmijur****…* («Б.т.», 1907, № 79, «Конфисковать ителү», статья) ‘Во-первых, мы общемусульманское общество, во-вторых, его доброта не освобождает нас от долҗностных когтей’.

В текстах газеты «Борхане таракки» показатель настоящего времени на *-jur* может употребляться при выражении какого-либо непрерывного продолжительного действия, начавшегося в определенную временную точку до момента речи и продолжающегося в рамках настоящего времени: *Bu qarar böten matbuğat wasitasyjlä iğlan idelgän ide. Hänüz qolaqğa* ***alynmyjur*** («Б.т.», 1906, № 45, заметка) ‘Данное решение было объявлено посредством всей периодической печати. Но к нему все еще не прислушиваются’.

Показатель *-jur* в текстах газеты функционирует и при выражении значения того или иного действия, следующего, непосредственно, за моментом речи. Характерной особенностью выражения такого значения является употребление рассматриваемой формы с глаголами движения: “*Xodaj birde pečän čapmağa, täŋre birde belem taratmağa, sobxan birde qarbyz satmağa” dib* ***čyğyb kidijurlar*** («Б.т.», 1906, № 39, письмо) ‘Говорят «Бог дал сено, чтобы косить, Тенгри дал знания, чтобы распространять, Всевышний дал арбуз, чтобы продавать», затем выходят и исчезают’.

Таким образом, форма на *-jur*, характерная для огузских языков, в частности современного турецкого литературного языка, является показателем огузированного варианта старотатарского литературного языка рассматриваемого периода и определяется в качестве грамматического элемента, подчеркивающего наличие в ней функционально-стилистической вариативности. В текстах исследуемых нами газет она употребляется параллельно с формой на *-a*, являясь ее грамматическим синонимом. Показатель *-jur* определяется в качестве ядерного элемента системы личных форм глагола языка текстов газеты «Борхане таракки». В текстах газет «Вакыт» и «Кояш» она употребляется лишь в качестве исключения.

Форма на *-maqda*

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» для выражения определенного семантического оттенка настоящего времени регулярно употребляется показатель *-maqda*. Как можно наблюдать, по своей структуре он является сочетанием имени действия на *-maq* в местно-временном падеже

и показателя лица. Форма на *-maqda* определяется в качестве характерной особенности именно газетных текстов [Кононов, 1956, с. 230]. В первую очередь это объясняется спецификой газетного текста, где в определенных контекстуальных условиях, для выражения какого-либо действия в рамках настоящего времени, в плане своей семантики рассматриваемая форма является наиболее подходящей.

Рассматриваемая форма определяется в качестве грамматического элемента, являющегося характерной особенностью огузских языков, в частности она активна в современном турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 229]. Кроме того, ее функционирование зафиксировано в туркменском, крымско-татарском, уйгурском языках, а также в некоторых диалектах каракалпакского языка [Серебренников, Гаджиева, 1986, с. 167]. Для современного татарского литературного языка, форма на *-maqda* не характерна, однако в некоторых говорах среднего диалекта обнаруживается форма на *-уда* [Юсупов, 2004, с. 326], которая по своему семантическому характеру соответсвует значению, передаваемому показателем *-maqda*. При этом, форма на *-maqda* обнаруживается в текстах старотатарских письменных памятниках, созданных в XIX – начале XX вв. в результате османского влияния [Негматуллов, 1983, с. 139]. В особенности это касается раннего периода творчества Г. Тукая [Бәширова, 2008, б. 168]. Однако ее окончательного утверждения в языке не происходит.

Показатель настоящего времени на *-maqda* в текстах исследуемых нами газет имеет менее активное распространение по сравнению с формой на *-a*, что связано с ее более узкой семантической структурой, и определяется в качестве показателя влияния на язык османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода. Наиболее активна она в текстах газеты «Борхане таракки».

Рассмотрим показатели лица, функционирующие с формой настоящего времени на *-maqda* в рамках исследуемых нами газет в нижеследующей таблице:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	*-myn/-men*	*-myz/-mez*
2 л.	н/о	н/о
3 л.	*-dyr/-der, _*	*-lardyr/-lärder, -dyrlar/-derlär, -lar/-lär*

Характерной особенностью ее функционирования в текстах является употребление, как правило, в **третьем лице единственного числа**: *...xalyqny qotyrtu sajäsendä sin qyzylbaš, min möselman, ul mišär, tege noğaj digän… ajrylyšu sala torğan süzlär* ***söjlänmäkdäder*** («Б.т.», 1906, № 39, «Белмәк лазым», статья) ‘…с целью раздразнить народ, звучат такие, вносящие разлад, слова, как ты – кызылбаши, я – мусульманин, он – мишарин, тот – ногаец…’; *Atsročka belän fajdalanu ilä soŋğy waqyjğada ğaskärlekkä alynğan matbağa xadimläremezne jaŋydan üz xedmätlärenä qajtaru xaqynda* ***ictihad itelmäkdäder*** («В.», 1917, № 2247, «Оренбург хәбәрләре», заметка) ‘Работников типографии, призванных в армию в связи с использованием отсрочки, стараются снова вернуть к своим обязанностям’; *...Iran xökümäteneŋ Äzerbäjcanny üzenä bäğlarğa ğajät ähämijät birgänen* ***kürsätmäkdäder*** («К.», 1915, № 656, «Иран эшләре», статья) ‘Это указывает на уделение большого внимания Иранским правительством вопросу присоединения Азербайджана...’.

При этом, после глагольных основ с широким гласным прибавляется аффикс *-maqda*, после основ с узким гласным – вариант *-mäkdä*. В отличие от других временных форм изъявительного наклонения, форма на *-maqda*, изначально будучи именной формой, в третьем лице, в преобладающем большинстве случаев, осложняется показателем сказуемости *-dyr/-der*. Однако редко обнаруживаются примеры, где рассматриваемая форма функционирует без данного аффикса: *Jänä dä möselman qardäšläremez, bašqa milätlärgä ğyjbrät küzläre ilä qarab šähäremezdä, mäktäb wä mädräsälär bina qylmağa* ***čalyšmaqda*** («Б.т.», 1906, № 39, «Белмәк лазым», статья) ‘Братья

мусульмане, глядя на другие народы с точки зрения образования, стараются строить школы и медресе’.

Третье лицо множественного числа в текстах газет имеет менее распространенное употребление и оформляется при помощи аффикса множественного числа *-lar/-lär*, который в данном случае указывает не на лицо, а на согласование в числе. При этом, порядок присоединения аффикса *-dyr/-der* и показателя числа в примерах может отличаться: *Čönki här syjnyf xalyq üz xällären üzläre tikšermäkdä wä üzläre öčen üzläre* ***čalyšmaqdadyrlar*** («Б.т.», 1906, № 56, «Үткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык», очерк) ‘Потому что каждый класс населения сам проверяет свои дела и сами для себя работают’; *Bälkem alar seznең “Altyn” beläп “Neft” biletlarыңyz barlyğyn* ***belmäkdälärder*** («В.», 1913, № 1240, фельетон) ‘Возможно они знают о наличии у вас билетов «Алтын» и «Нефть»’; *...här jyl meңlärčä adämlär Ufa, Orenburg, Čiläbe tarafyna käseb öčen baryb, jaxšy ğyna aqča alyb* ***qajtmaqdalardyr*** («К.», 1913, № 26, «Өяздә һөнәр вә кәсеп», корреспонденция) ‘... ежегодно тысячи людей отправляясь на заработки по направлению в Уфу, Оренбург, Челябинск, привозят хорошие деньги’.

Реже в текстах газет обнаруживается оформление третьего лица множественного числа настоящего времени на *-maqda* без аффикса *-dyr/-der*: *...kirәk zemskij sud bulsyn, kirәk nindäjen sudğa bulsyn bireb az ğyna ber cäza birüčedän dä änfäğ* ***almaqdalar*** («В.», 1912, № 932, «Башкортлар вә маскарад», статья) ‘Они получают пользу даже от того, кто предписывает минимальное наказание, подавая будь то... в земский суд, в любой нужный суд’.

Как мы отмечали выше, в преобладающем большинстве случаев, как и в современном турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 230], форма на *-maqda* употребляется в третьем лице. Однако в текстах обнаруживаются редкие примеры функционирования рассматриваемой формы в других лицах. Так, нами было зафиксировано употребление формы на *-maqda* в **первом лице единственного числа**. В данном случае спряжение осуществляется посредством полного варианта аффикса лица *-myn/-men*: *Qyzlar*

gimnazijäseneŋ ačyluwy mönäsäbäte belän… xosusyj zatlar tarafyndan bu köngä qadär täbrik telegram wä xatlar ***alyb tormaqdamyn*** («К.», 1917, № 1073, письмо) ‘В связи с открытием женской гимназии... я до сегодняшнего дня продолжаю получать поздравительные телеграммы и письма от частных лиц’.

Для передачи значения действия, отнесенного ко множеству лиц, одним из которых является говорящий, и, тем самым, реализации формы **первого лица множественного числа**, в текстах исследуемых нами газет употребляется аффикс лица *-myz/-mez*, который определяется в качестве элемента общетюркской традиционной языковой нормы и характерен для всех текстов литературных произведений, созданных в конце XIX – начале XX вв. на старотатарском литературном языке [Бәширова, 2008, б. 174]: *Ämma jaznyŋ nindäj esse könlärendä 12 – 14 är säğat ešläb tabqan aqčalarymyzny juq urynlarğa saryf iteb fajdasyn* ***kürmämäkdämez*** («Б.т.», 1906, № 57, «Ачлык вә ногай кардәшләремез», статья) ‘Но мы не видим пользы от денег, заработанных нами работая по 12 – 14 часов в такие жаркие летние дни, тратя их куда попало’.

Как видно, в приведенном примере форма на *-maqda* функционирует в отрицательной форме (*kürmämäkdämez* ‘не видим’), которая реализована посредством употребления отрицательной частицы *-ma/-mä*.

На семантическом уровне форма на *-maqda* в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» не характеризуется широким спектром значений. Она обозначает длительное действие в рамках настоящего, которое не приобретает потоянный, регулярный характер, либо оттенок обыденности: *Gimnazija wä universitetlar jabylğan buš xäldä* ***jatmaqdadyr*** («Б.т.», 1906, № 56, «Үткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык», очерк) ‘Гимназии и университеты находятся в закрытом, пустом состоянии’; *Permdän xäbär bireldegenä kürä, mondağy möselmanlar arasynda ruxly ber fäğalijät* ***kürelmäkdäder*** («В.», 1909, № 486, «Пермь мөселманнары», обзор периодической печати) ‘Как сообщается из Перми, среди местных мусульман

наблюдается какая-то духовитая исполнительность’; *Möhacirlärne urnašdyru öčen “Kyrkkilise”dä täškil itkän cämğyjät, kamil ğajrät ilä eš* ***kürmäkdäder*** («К.», 1914, № 388, «Македония мөһаҗирләре», заметка) ‘Общество, созданное в Кырккилисе для размещения переселенцев, работает с предельным усердием’.

Как видно, с одной стороны, форма на *-maqda* является незаменимым показателем настоящего времени при выражении длительного действия, не приобретающего потоянный характер и определяется в качестве особенности газетного текста. Однако в то же время внимания заслуживает и факт ее проникновения в текст татароязычной периодической печати начала XX века, и стротатарского письменного литературного языка в целом, через османско-турецкое посредство, которое говорит о наличии определенного внешнего влияния на язык. При этом, наиболее активно функционируя в текстах периодической печати, показатель настоящего времени на *-maqda* подчеркивает наличие в старотатарском литературном языке рассматриваемого периода функционально-стилистической вариативности.

Как видно из материалов, в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» зафиксировано функционирование трех показателей настоящего времени изъявительного наклонения. Наиболее активной является форма на *-a*, характерная для современного татарского литературного языка. Параллельно с данной формой в текстах обнаруживается функционирование формы на *-jur*, являющейся особенностью огузских языков, в частности османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода, посредством которого она и попадает на рубеже XIX-XX вв. в грамматическую систему старотатарского литературного языка и в частности в язык татароязычной периодической печати. Данная форма наиболее активна в текстах газеты «Борхане таракки». Это обусловлено большим влинием османско-турецкой культуры и языка через крымско-татарское посредство на редакторов и язык газеты. В текстах газеты «Вакыт», редактором которой был Фатих Карими, форма на *-jur* имеет карйне

ограниченное распространение. Хотя он проходил обучение в образовательных учреждениях Турции, свободно владел турецким языком и на начальном этапе своей творческой деятельности активно использовал в текстах грамматические и лексические элементы, присущие османско-турецкому языку рассматриваемого периода. Кроме того, в текстах исследуемых нами газет зафиксировано употребление формы настоящего времени на *-maqda*, также характерной для османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода. Данная форма является наиболее подходящим показателем настоящего времени для применения в газетном тексте с целью передачи длительного действия в рамках настоящего, которое не приобретает потоянный, регулярный характер, либо оттенок обыденности. Функционирование нескольких форм настоящего времени подчеркивает имевшееся влияние османско-турецкого языка, а также является дифференциальным признаком функционально-стилистической вариативности языка газетных текстов.

В целом, в текстах газет, не зависимо от формы, наблюдается более активное функционирование настоящего времени, осложненного аффиксами третьего лица. Такие формы употребляются авторами для выражения какого-либо действия во всех жанровых группах. В частности, как показал наш анализ, авторы текстов активно используют рассматриваемые формы для передачи постоянного безотносительного к моменту речи действия, для выражения динамического характера описываемых событий, либо для актуализации настоящего времени с целью погрузить читателя в эпицентр событий в таких жанрах, как статья, корреспонденция, рецензия, репортаж, отчет, относящихся к информационным и аналитическим жанрам.

Формы настоящего времени, осложненные грамматическим показателем первого лица единственного числа, активно обнаруживаются в текстах, где наблюдается повествование от первого лица. Как правило, это тексты писем, отчетов, интервью, очерков, фельетонов и тексты, относящиеся к жанру художественное повествование. В целом, основным

условием функционирования рассматриваемой формы является наличие диалогической структуры либо прямой речи. Формы настоящего времени, осложненные аффиксом второго лица единственного числа, также активно обнаруживается в текстах, с диалогической структурой. Как правило, это тексты, относящиеся к жанру интервью, а также тексты, составляющие художественно-публицистическую группу жанров.

Будущее время

Будущее время, подобно прошедшему и в противовес настоящему времени, на семантическом уровне характеризуется наличием временной продолжительности, временной перспективы. При этом, в зависимости от наличия такой временной перспективы, будущее время в текстах исследуемых нами газет выражает либо весь временной объем действия в целом, либо концентрируется на какой-либо конкретной временной точке в будущем. Следовательно, в первом случае в текстах используется форма на *-yr*, а во втором случае функционирует покзатель *-ačaq*.

В текстах газет будущее время, в зависимости от контекстуального фона, как и другие временные формы, может характеризоваться семантической непостоянностью и функционировать в значении других времен. При этом, одним из наиболее ярких особенностей употребления форм будущего времени в текстах исследуемых нами газет, по которым они противопоставляются современному состоянию татарского литературного языка, является их спряжение по лицам и образование отрицательных форм.

Форма на *-yr*

Одной из наиболее широко распространенных и отличающихся своей полисемантичностью временных форм, функционирующих в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» является показатель будущего времени на *-yr*. Основой для нее служит причастие на *-r*. Показатель *-yr* представляет собой универсальную грамматическую форму, характерную для всех тюркских языков. При этом, если в преобладающем большинстве тюркских языков [Юсупов, 2004, с. 362], в том числе и в современном

татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 129], рассматриваемая форма употребляется для передачи значения будущего времени, то, к примеру, в турецком литературном языке она является одной из форм настоящего времени [Кононов, 1956, с. 225].

Как мы подчеркивали выше, в текстах исследуемых нами газет форма на *-yr* характеризуется активным употреблением, однако наиболее широко она представлена в текстах газеты «Борхане таракки». Это объясняется тем, что ее семантическое поле в рамках данной газеты имеет более широкие границы. Так, в отличие от текстов газеты «Вакыт» и «Кояш», здесь форма на *-yr* более активна при передаче значения обычного, постоянного действия, либо регулярного, закономерного характера лица. Кроме того, в текстах газеты «Борхане таракки» она также употребляется при выражении действия, совпадающего с моментом речи.

Распространение форм будущего времени на *-yr*, осложненных аффиксами лица, в текстах газет имеет неоднородный характер. Наиболее активны глаголы, характеризующиеся наличием аффиксов первого лица множественного числа, а также третьего лица обеих чисел. Функционирование формы на *-yr*, спряженной с аффиксом второго лица единственного числа нами не зафиксировано, что объясняется ее нехарактерностью для газетных текстов:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	*-myn/-men, -ym/-em*	*-myz/-mez, -byz/-bez, -yz/-ez*
2 л.	н/о	*-syz/-sez, -syŋyz/-seŋez*
3 л.	_	*-lar/-lär*

Первое лицо единственного числа будущего времени на *-yr* в текстах исследуемых нами газет образуется, как и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 129], посредством присоединения к основе глагола аффикса *-myn/-men*: *Min üzem 3 nče klasqa* ***urnašyrmyn*** *...häm aŋar* ***xezmät itärmen*** («Б.т.», 1906, № 30, художественное

повествование) ‘Сам я устроюсь в 3 классе …и буду ему помогать’; *Jyğlasaŋ čyğaryb qar ečenä* ***tašlarmyn!*** («В.», 1915, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Если будешь плакать, выброшу в снег’; *Bu qararlarnyŋ täfsilatyn kiläse nomerda* ***jazarmyn*** («К.», 1914, № 303, «Халык мәгарифе эше берлә учительләр съезды», отчет) ‘Разъяснение этих решений я опишу в следующем номере’.

В редких случаях в текстах газеты «Борхане таракки» и «Вакыт» для выражения первого лица единственного числа наблюдается употребление усеченного варианта личного аффикса *-ym/-em*, который характерен для огузских языков, в частностия для турецкого литературного языка [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 394]: *...häm ajryča* ***tešekür idärem*** («Б.т.», 1906, № 54, «Шураи Ислам әгъзаларына бер ничә сүз», статья) ‘...и в особенности благодарю’; *Min üz tarafymdan sezgä jer mäsäläsendän xäbärdar ber keše* ***jebärerem*** («В.», 1912, № 970, «Губернатор җәнабләре вә Каргалы мөселманлары», отчет) ‘Я, со своей стороны, направлю вам человека, проинформированного в земельных вопросах’.

Первое лицо множественного числа в текстах газет является одной из наиболее широко распространенных форм. Как правило, она образуется при помощи аффикса *-myz/-mez*, который определяется в качестве элемента традиционной языковой нормы: *Ägär ul program bujynča ğamäl qylu mömkin ulmasa anda* ***qararmyz*** («Б.т.», 1907, № 75, «Иске фикер», статья) ‘Если не получится действовать по данной программе, тогда посмотрим’; *Ul xaqda söjläšergä* ***ölgerermez*** *äle* («В.», 1913, № 1240, фельетон) ‘Еще успеем поговорить об этом’; *...ajaqly mallalarymyzny fäqat aqčağa ğyna almašdyrğan* ***bulyrmyz*** («К.», 1913, № 259, «Күмелгән акча», статья) ‘...окажется, что мы обменяли наших копытных животных только на деньги’.

Вариант аффикса лица *-myz/-mez* функционирует в текстах письменных памятников, созданных на старотатарском литературном языке вплоть до 20-х годов XX века, когда вытесняется из употребления разговорным вариантом *-byz/-bez*. Между тем, употребление варианта *-byz/-*

bez активно обнаруживается в текстах газеты «Кояш» и свидетельствует о начавшемся в литературном языке переходе от употребления традиционных языковых форм к использованию языковых норм, устоявшихся в татарской разговорной речи: *Söjläškänebez juq, bälki xat berlän* ***möräcäğat itärbez*** («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу», интервью) ‘Не разговаривали, возможно обратимся через письмо’.

В текстах газеты «Борхане таракки», хотя и редко, обнаруживается оформление первого лица множественного числа при помощи усеченного варианта аффикса лица *-yz/-ez*, характерного для огузских языков, в частности для турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 226], что может расцениваться как влияние на старотатарский литературный язык и язык татарской периодической печати рассматриваемого периода в частности, османско-турецкого литературного языка начала XX века: *...malymyzy mödafäğa itmäk öčen nä möğamälädä* ***bulynyryz*** («Б.т.», 1907, № 759 «Шураи Госмания», статья) ‘В каких отношениях мы будем для того, чтобы сохранить свое имущество...’.

Подобная ситуация наблюдается и при передаче **второго лица множественного числа** будущего времени на *-yr*. В текстах газет «Борхане таракки» и «Вакыт» наиболее активно функционирует аффикс лица *-syŋyz/-seŋez*, определяющийся в качестве показателя лица, характерного для огузских языков [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 394]: *Ütenämen – miŋa iltifat itmäskä, läkin bar iltifatyŋyzny Keller äfändejä* ***saryf idärseŋez*** («Б.т.», 1906, № 30, художественное повествование) ‘Умоляю – не обращайте на меня внимания, но все ваше внимание направьте на товарища Келлера!’; *Aurupa ilčexanälärenä baryb syğynğan iskelärne Aurupa ilčeläre: “Ğadi sudlarda xökem* ***itärseŋez. Ütermässeŋez*** *wä sud waqytynda Aurupa ilčelärendän wäkillär* ***kerterseŋez****” dib šartlar kujyb ğyna xökemgä birdergän ide* («В.», 1909, № 507, «Иран», заметка) ‘Европейские послы выдали для суда старослужащих, получивших укрытие в европейских посольствах, только с условием:

«Судите в простых судах. Не убивайте и пустите на суд представителей европейских посольств»’.

Хотя такой вариант аффикса второго лица множественного числа на сегодняшний день и не характерен для татарского литературного языка, его функционирование зафиксировано в некоторых диалектах, в частности, в грамматической системе барабинского диалекта сибирских татар [Юсупов, 2004, с. 353; Атлас тат. нар. гов., 2015, с. 316]. За пределами татарского языка аффикс *-syŋyz/-seŋez*, с определенными фонетическими изменениями, обнаруживается в башкирском [Грамм. совр. башк…, 1981, с. 281] и крымско-татарском языках [Юсупов, 2004, с. 354].

В текстах газеты «Кояш» для выражения действия, которое будет исполнено множеством лиц, одним из которых выступает адресат, употребляется аффикс *-syz/-sez*, на сегодняшний день функционирующий в грамматической системе татарского литературного языка, что также подчеркивает стремление редакции газеты к использованию в своем языке разговорных элементов, более близких для широких народных масс: *Menä šušyndyj mämurlarny kürgäč inde sez palaklarnyŋ ruslarğa došman bulučylyqlaryna ber dä* ***gacäbläna almassyz*** («К.», 1916, № 928, «Дәүләт думасы», статья) ‘Если вы увидите вот таких служащих, то вы уже не сможете удивиться тому, что поляки враждуют с русскими’.

Третье лицо единственного числа будущего времени на *-yr* в текстах газет, подобно языковой традиции, имеющейся в преобладающем большинстве тюркских языков, характеризуется отсутствием специального грамматического показателя: *Bu qadär kotčyqğyč dähšätle waqyjğalarny küz aldyna kitereb qujsaq beŋ märtäbä jazu meŋ märtäbä išetü dä* ***az bulyr*** («Б.т.», 1907, № 75, статья) ‘Если мы представим перед глазами эти грозные душераздирающие события, то написать тысячу раз и услышать тысячу раз будет мало’; *Üz tuprağyndan ütkäreb jebärergä... razyj bulmasa any cäberläb tabtab ütärgä* ***tiješ bulyr*** («В.», 1915, № 1768, «Инкыйлаф дәүләтләре вә Юнанистан», статья) ‘Если они не будут согласны... провести через своиз

земли, он будет вынужден пройти унизив и растоптав’; *Bu suğyšnyŋ täkrar bulğanyn qajčan da bulsa dönja tağyn* ***kürerme****?* («К.», 1915, № 858, «Шәрыкъ сугыш мәйданында», заметка) ‘Мир когда-либо еще увидет повторение этой войны?’.

Третье лицо множественного числа в текстах газет, как и в современном татарском литературном языке, выражается при помощи аффикса множественного числа *-lar/-lär*: *Šul waqytda bezneŋ mulalar da bu ešlärgä ištirak* ***itärlärme*** («Б.т.», 1907, № 89, «Безнең муллалар чиновниклармы? Яхуд дини рәисләрме?», статья) ‘После этого будут ли и наши муллы участвовать в этих делах?’; *Anda baryb iŋ äwäl rus-törek kamitety äğzalary beläп kürešeb* ***möšäwärät itärlär*** («В.», 1914, № 1514, «Төркиядә кымызчылык», статья) ‘Поехав туда, в первую очередь встретятся и посоветуются с членами русско-турецкого общества’; *Anasyndan ğyna möselman bäjrämläreп sorašyb belä ala torğan, ruslašqan möselman balalaryn kürgändä, üzläreneŋ niqadär zur xata eš ešlägänlekläreп* ***belerlär*** («К.», 1914, № 331, «Тасыфлы хәл», статья) ‘Они узнают насколько ошибочное дело совершили лишь тогда, когда увидят обрусевших мусульманских детей, которые могут узнать о мусульманских праздниках лишь спросив у своей мамы’.

Отрицательная форма будущего времени на *-yr* в текстах газет в преобладающем большинстве случаев функционирует в третьем лице и образуется при помощи специального аффикса отрицания *-mas/-mäs*, который на сегодняшний день употребляется в татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 129]: *Arada ixtilaf čyğar cämğyjät milätkä xezmät* ***göstärä almas*** («Б.т.», 1906, № 33, «Дәрел Әдәбдә сөйләнгән нотык», отчет) ‘Появятся разногласия, общество не сможет служить народу’; *Itifaqčysy bulğan Qaratağda, Junanistanda any* ***qotqara almaslar*** («В.», 1914, № 1538, «Сугыш башланды!», статья) ‘В Черногории, которая является ее союзником, в Греции его спасти не смогут’; *...mony dinemezneŋ ğali xakimläre xäzergä qadär beterä almağan ikän, xökümätneŋ färmanlary ğyna* ***beterä almas***

(«К.», 1914, № 388, «Муллалыкның эчке ягы», статья) ‘...раз уж до сих пор великие руководители нашей религии не смогли покончить с этим, только лишь государственные указы не в силах это решить’.

Между тем, в текстах зафиксировано активное, параллельное к вышеуказанному варианту аффикса, функционирование показателя отрицательного аспекта *-maz/-mäz*, который на сегодняшний день сохранился в огузских языках, в частности в турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 227]: *...hič kemsäjä tärilkä totmaq* ***istämäz*** («Б.т.», 1907, № 81, «Газеталар», обзор периодической печати) ‘...никому не захочет подержать тарелку’; *Ägär bu projeqt xökümät tarafyndan qabul itelsä, möselmanlarğa: “Mäktäbläremez Sobranija qulynda qalsyn” dijärgä uryn* ***qalmaz*** («В.», 1908, № 333, «Думада мәктәб мәсәләсе», заметка) ‘Если этот проект будет принят правительством, мусулманам не останется места говорить «Пусть наши школы останутся в руках Собрания»’; *Kalomna wä Černavitsylarnyŋ došman qulynda ikänlegen kürsätergä* ***tiješ bulmaz*** («К.», 1915, № 679, «Карпатта кораллашкан әхвал», статья) ‘Он не будет должен показывать, что Коломна и Черновицы находятся в руках врага’.

Редко в текстах газет обнаруживается функционирование в отрицательном аспекте первого лица единственного числа будущего времени на *-yr*. В этом случае, подобно современному татарскому и турецкому литературным языкам [Юсупов, 2004, с. 354; Кононов, 1956, с. 227], отрицательная форма передается посредством аффикса глагольного отрицания *-ma/-mä*: *Min 3 nče klasnyŋ jatyb joqlyj torğan jerendä* ***utyrmam*** («Б.т.», 1906, № 30, художественное повествование) ‘Я не буду сидеть на том месте 3 класса, где обычно спят’; *Mine bälki cäzalab ültererlär, läkin min, ülgän waqytda, sezne* ***ixtiram itmäm*** («В.», 1914, № 377, «Харижи хәбәрләр», статья) ‘Меня, возможно, казнят, но я, когда буду умерать, не буду вас уважать’.

На семантическом уровне форма будущего времени на *-yr* в текстах исследуемых нами газет характеризуется своей полисемантичностью. При этом, как и в случае с другими временными формами, функционирующими в

текстах, ее конкретное значение определяется лексическим потенциалом основы и развернутым контекстом.

Так, основным значением будущего времени на *-yr* в текстах исследуемых нами газет является выражение действия, которое произойдет за моментом речи. При этом, данная форма, в отличие от формы будущего времени на *-ačaq,* имея более широкие семантические границы, характеризуется неоформленностью модальной определенности: *Šäkerdlärdän cyjylmyš wä elekdän waqyf idelän aqčalar ber säüdägärdä ulyb, šunyŋ röxsätendän möğalimlärgä wazyjfa* ***vireler*** («Б.т.», 1906, № 57, «Троицк», обзор периодической печати) ‘Деньги, собранные с шакирдов и сданные ранее, хранятся у одного торговца, с разрешения которого преподавателям будут разделены обязанности’; *Bu šöğbälärdän cyjylğan zapas sumalar šul cämğyjätlärgä* ***tabšyrylyrlar*** («В.», 1913, № 1369, «Хариҗи хәбәрләр», заметка) ‘Запасные суммы, собранные с этих отделений, будут переданы таким обществам’; *Binaän ğaläjhi, bu milätemezneŋ üz aralarynda intixab itelmägän mönxassary tarafyndan täğajen wä* ***tasdyjq iteler*** («К.», 1914, № 388, «Македония мөһаҗирләре», заметка) ‘Таким образом, это будет определено и подтверждено лицом, неизбранным нашим народом из своего состава’.

В зависимости от контекстуального фона, рассматриваемая форма в текстах употребляется для выражения ожидаемого в будущем действия, осложненного модальными оттенками предположительности или неопределенности. При этом, усилению таких оттенков способствует употребление в предложении модальных слов: *Ixtimal suğyš zurğa* ***kitär*** *wä ğomer bujyna* ***tartylyr*** («Б.т.», 1906, № 42, «Гарзы хәл вә җавап», статья) ‘Вероятно, что война наберет обороты и растянется на всю жизнь’; *Ömed itämen ki qader bulğučy cänab Alla ğaskäremä ğalijälär* ***birer*** («В.», 1914, № 1539, «Австрия – Сербия сугышы», письмо) ‘Я верю, вершающий судьбы Всевышний воздаст моей армии величия’; *Bälki ul waqyt Törkijädä… ešlänäčäk prapagandalarny tyŋlarlyq biš-un qolaq bulsa* ***bulyr*** («К.», 1918, № 1242, «Хәзерге Яурупа мәдәниятенең китеше», статья) ‘Возможно, в этом

случае в Турции... найдется 5-10 ушей, слушающих проводимую пропаганду’.

Одно из синтагматических значений будущего времени на *-yr* пересекается в текстах газет со значением формы на *-ačaq* и выражает то или иное определенное действие запланированное к совершению, достоверность которого не подвергается сомнению: *Xäzerendä čalyšmaqda uldyğymyz tärtib wä islaxatlarnyŋ fajdalaryny üzemez küb kürä almasaq da, artymyzdan qalyn urman šikelle üseb kilmäkdä bulğan jäš biradärläremez wä jäš ibdäšläremez* ***kürerlär*** («Б.т.», 1906, № 56, «Үткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык», очерк) ‘Хотя мы и не можем в полной мере заметить положительные стороны правил и улучшений, по которым работаем, их увидят наши молодые братья и товарищи, растущие за нами словно густой лес’; *Zaqaz kilgänče bunda kürsätelgän bağzy nomerlar satylyb betsä, bar qadärse genä* ***jebäreler*** («В.», 1913, № 1156, комментарий) ‘Если до оформления заказа некоторые указанные здесь номера будут проданы, будут отправлены только те, что будут в наличии’; *Möselmanlar šul kamitetlarda ixlas belän xedmät itsenlär,... šunda häm sädaqät* ***kürener*** *häm ğomumi ešlärgä öjränü* ***tabylyr!*** («К.», 1914, № 485, «Бергәме, айрымы?», статья) ‘Пусть мусульмане искренне служат в этих комитетах,... тогда будет видна и дружба и будет найдено обучение общим делам’.

Показатель *-yr* в рамках определенных контекстуальных условий может выражать постоянное, обычное действие с оттенком длительности или многократности, а также передавать свойство, характер лица или его склонность к совершению того или иного действия. В этом случае конкретный контекст подразумевает совершение действия не в определенный момент в будущем, а выходит за границы момента речи и подчеркивает его закономерный характер. В данном значении форма на *-yr* выступает в качестве грамматического синонима формы на *-a*, одним из синтагматических значений которого является констатация безотносительных к моменту речи обычных действий: *Basyluğa muafaq*

bulmağan jazularny kire ***jebärelmäz****. Marqasyz xatlar* ***qabul itelmäz*** («Б.т.», 1906, № 39, объявление) ‘Тексты, не подлежащие публкицаии, обратно не отосылаются. Письма без марок не принимаются; *Möselmanlar ber ujandylarmy, jarym julda* ***qalmaslar*** («В.», 1912, № 942, «Болгария мөселманлары вә сәяси уяну», статья) ‘Если мусульмане проснулись, они не останавливаются на пол пути’; *Järdäm kötkändä keše ber Xodanyŋ üzendän wä Xodanyŋ qüšqanynča käseb wä ictihad itüdän genä* ***kötä alyr*** («К.», 1915, № 699, «Уҗымлар вә сабан ашлыклары», статья) ‘Если и ждать помощи, человек может надеяться только на самого Всевышнего и, как велит Всевышний, на труд и усердие’.

Чаще всего для выражения подобного значения показатель *-yr* употребляется в текстах газеты «Борхане таракки». Как показывает наш анализ, в текстах газет «Вакыт» и «Кояш», в хронологическом плане издававшихся позже чем газета «Борхане таракки», форма на *-yr* в рассматриваемом значении вытесняется показателем настоящего времени на *-a*, что в целом приводит к снижению уровня распространенности формы на *-yr* текстах данных газет.

Отличительной чертой текстов газеты «Борхане таракки» также является употребление показателя *-yr* в рамках оборотов, выражающих благодарность, извинение, пожелание, просьбу и т.д. для передачи вневременного значения, подобно турецкому литературному языку [Кононов, 1956, с. 229]. В данном значении на семантическом уровне также наблюдается пересечение с формой настоящего времени на *-a*: *Min* ***zan idärem*** *ki, ministr xäzrätläre, niček säjäsi yšanyčsyz häm zararly kešelärne jebärgän kebi, Durnovany da Fransijä mämläkätendän jebärmäk kiräk* («Б.т.», 1906, № 56, художественное повествование) ‘Я предполагаю, господин министр, как высылаются политически ненадежные и опасные люди, Дурнову также нужно выслать из Франции’; *...šu mäktübeme möxtäräm “Borhan täräqyj”nyŋ ber küšäsenä därc qylmaqyŋyzy xäqanijät namyna* ***rica*** *wä* ***nijaz idärem*** («Б.т.», 1907, № 74, письмо) ‘Во имя справедливости прошу и

умоляю вас опубликовать это письмо в каком-нибудь уголке уважаемой газеты «Борхане таракки»’.

Как видно из примеров, в схожей ситуации в текстах газет «Вакыт» и «Кояш» зафиксировано функционирование формы на *-a*, что также приводит к сужению семантического поля формы на *-yr* в рамках текстов данных газет и отражается на общем уровне ее распространения в целом.

Форма на *-yr*, являющаяся традиционным общетюркским языковым элементом, в рамках формирования и становления татарского литературного языка определяется в качестве одной из наиболее ранних грамматических показателей. Ее функционирование зафиксировано еще в письменных памятниках XIII века, в частности, в произведении «Кыйсса-и Йосыф» Кул Гали [Татар әдәби теле..., 2017, б. 94], относящегося к древнетюркским письменных памятникам периода Волжской Булгарии, но ее активность наблюдается и в литературных произведениях, созданных на стротатарском литературном языке в конце XIX – начала XX вв. [Татар әдәби теле..., 2017, б. 559] и в грамматической системе современного татарского литературного языка.

Форма на *-ačaq*

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» получила широкое распространение и форма будущего времени на *-ačaq*, которая образуется от причастия на *-ačaq/-äčäk* (после согласных) и *-jačaq/-jäčäk* (после гласных). Рассматриваемая форма определяется в качестве характерной особенности огузских языков. В частности, ее употребление зафиксировано в турецком, азербайджанском, туркменском, гагаузском языках, однако она функционирует, хотя и не активно, и в других современных кыпчакских языках, например, в ногайском, кумыкском, каракалпакском [Юсупов, 2004, с. 371].

Сегодня форма на *-ačaq* функционирует в качестве показателя будущего категорического времени и в грамматической системе современного татарского литературного языка [Татар грамматикасы, 2016, б.

131], а также в заказанской, нагорной группах говоров, а также в параньгинском и мензелинском говорах среднего диалекта татарского языка [Юсупов, 2004, с. 367].

Рассматриваемая форма вошла в грамматическую систему старотатарского литературного языка в начале XIX вв. через османско-турецкое посредство [Негматуллов, 1983, 161]. При этом, учитывая, что функционирование рассматриваемой формы не зафиксировано в древнетюркских памятниках, по сравнению с формой на *-yr* она является более поздним показателем. В определенной степени форма на *-ačaq* активизируется лишь в начале XX века [Негматуллов, 1983, 161].

Похожая ситуация наблюдается и в текстах исследуемых нами газет. Как мы подчеркивали выше, форма на *-yr* получила более широкое распространение в текстах газеты «Борхане таракки». Этот же факт является и прямой причиной меньшей активности в текстах газеты «Борхане таракки» формы на *-ačaq*, которая, в свою очередь, имеет более активное употребление в поздних, с хронологической точки зрения, текстах газет «Вакыт» и «Кояш».

В целом, по уровню распространенности в текстах газет, рассматриваемая форма уступает форме на *-yr*, что объясняется как постепенным вхождением в употребление формы на *-ačaq*, так и полисемантичностью, а значит и универсальностью формы на *-yr*. В связи с этим, наблюдается неоднородная распространенность формы на *-ačaq*, спряженной по лицам. Так, наиболее активно рассматриваемая форма обнаруживается в сочетании с аффиксами первого лица множественного числа, а также в третьем лице обеих чисел, тогда как ее употребление во втором лице имеет крайне ограниченное распространение. Спряжение рассматриваемой формы по лицам реализуется при помощи следующих аффиксов:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	*-myn/-men, -ym/-em*	*-myz/-mez, -yz/-ez*

2 л.	н/о	*-syŋyz/-seŋez*
3 л.	*_, -dyr/-der*	*-lar/-lär, -lardyr/-lärder*

Первое лицо единственного числа в текстах газет, как правило, образуется при помощи личного аффикса *-myn/-men*, характерного и для современного состояния татарского литературного языка [Татар грамматикасы, 2016, б. 131]: *...quldan kilgän kadär anlarğa xäbär itärgä* ***tyryšačaqmyn*** («Б.т.», 1907, № 81, «Чит мәмләкәт хәбәрләре», заметка) '...я буду стараться оповещать их, насколько смогу'; *Bän möselman mäktäbläre wä ruslašdyru xaqyndağy xökümätneŋ hämä tädbirläre*n ***sanamyjačaqmyn*** *fäqat bağzy berläre*n *genä* ***kürsätäčäkmen*** («В.», 1908, № 333, «Гайсә мирза Еникеевның нотыгы», отчет) 'Я не буду перечислять все мероприятия правительства, направленные на мусульманские школы и русификаторскую политику, а укажу только некоторые из них'; *Ğajde fityr xörmäte öčen, alarnyŋ 21 nče avgust čähäršänbä könne Ğajde fityrnyŋ äüwälge köne dideklärendäge xatalaryn bäjan* ***idäčäkmen*** («К.», 1913, № 186, «Казан календарьләренә гаид», статья) 'В честь Праздника разговения, я разъясню их ошибку, в которой они сказали, что 21 августа, среда, является первым днем Праздника разговения'.

Между тем, в текстах газеты «Борхане таракки» и «Вакыт» обнаруживается употребление усеченного аффикса лица *-ym/-em*, функционирующего в турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 234]: *Bänem xaqymda küstärdekeŋez insanijät wä ibraz itdekeŋez moradyna läkin hič* ***ütenmijäčäkem*** («Б.т.», 1906, № 54, «Шураи Ислам әгъзаларына берничә сүз», статья) 'Человечность и отношение, которое вы проявили по отношению ко мне, дали результат, но я не буду умолять; *Bundan soŋ mäsced saluğa iğanä soraučylarğa räd cawaby birergä* ***mäcbür bulačağym*** («В.», 1910, № 563, «Идарәгә мәктүп», письмо) 'Впредь я буду вынужден отрицательно отвечать тем, кто будет просить пожертвования на постройку мечети'.

Первое лицо множественно числа образуется при помощи аффикса *-myz/-mez*, являющейся традиционной тюркской языковой формой: *...Itifaq*

Möslimin cämğyjäteneŋ qanun namäse nizamlaštyrylyb andan ber čara tabylmasa šul xäldä ***qalačaqmyz*** («Б.т.», 1907, № 81, «Безнең школа», статья) ‘...если не отсистематизируется свод законов общества «Иттифак Муслимин» и от него не будет толку, то мы будем пребывать в подобном состоянии’; *...bez üzemez bu mäsälädä bötenläj ber taraf šahid bulyb* ***qalačaqmyz*** («В.», 1914, № 1537, заметка) ‘...сами мы в данной ситуации вообще останемся сторонними наблюдателями’; *Šulaj iteb bu zur bäjräm xörmätenä bez ul möxärirläremezne üz aramyzda* ***kürä alačaqmyz*** («К.», 1913, № 54, «Романовлар сөләләсенең юбиләсе белән Казан шәһәрендә булачак тантаналарның программасы», статья) ‘Таким образом, в честь этого большого праздника, мы сможем увидеть рядом с собой этих редакторов’.

В редких случаях в текстах, оформленных на огузо-турецком варианте старотатарского письменного литературного языка начала XX века, первое лицо множественного числа формы будущего времени на *-ačaq* реализуется посредством усеченного аффикса *-yz/-ez*, характерного для турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 234]: *Bez bunlarnyŋ här qajsyndan ajrym ajrym* ***baxs idäčäkez*** («В.», 1909, № 460, «Төркия вакугатына бер нәзер», статья) ‘Мы будем говорить о каждом из них по отдельности’.

Второе лицо множественного числа обнаруживается в текстах газет крайне редко и образуется посредством аффикса *-syŋyz/-seŋez*, характерного для огузских языков [Негматуллов, 1983, с. 83] и функционирующего в некоторых кыпчакских языках Средней Азии, таких, как казахский, каракалпакский, а также в чуть ином фонетическом варианте в диалектах татарского литературного языка, а также в башкирском языке [Гаджиева, 1975, с. 183; Атлас тат. нар. гов., 2015, с. 316]: *Sez minem xälifälärem* ***bulačaqsyŋyz*** («В.», 1912, № 1078, «Истанбул мәктүпләре», очерк) ‘Вы будете моими преемниками’; *Ägär došmanğa arqaŋyzny dotdyrsaŋyz dönjanyŋ zällätene möselmanlyq wä törkilek östenä* ***kiteräčäkseŋez*** («В.», 1913, № 1131, «Истанбул мәктүпләре», очерк) ‘Если вы дадите нащупать врагу вашу спину, то ошибка мирового уровня настигнет вас в вопросе мусульманства и тюркизма’.

Третье лицо единственного числа в текстах образуется, как правило, при помощи аффикса сказуемости *-dyr/-der*, который этимологически восходит к вспомогательному глаголу *torur* ‘стоять’, ‘быть’: *Inde ikenče jaqdan törle zolymlyqlar astynda izelgän… wä cäberlängän millät* ***köräšäčäkder*** («Б.т.», 1907, № 75, «Хаҗитархан февраль 21», статья) ‘Ну а с другой стороны, народ, подвергнувшийся гнету… и издевательству, будет бороться’; *...Rusijäneŋ Törkijäne kimsetä torğan šartlar ilä solyx wasitačylyğy itä bašlawy tabiğyj töreklärne bik* ***ačulandyračaqdyr*** («В.», 1912, № 932, «Русиянең солых тәклифе», статья) ‘Тот факт, что Россия начала посреднические действия в вопросе договора на условиях, принижающих Турцию, естественно, очень разозлит турков’; *Mondyj ešlärdä ajrym jörü fajdasyz ğyna tügel, bälki zararly* ***bulačaqdyr*** («К.», 1914, № 485, «Авылларда зур ихтыяҗ вә аларга ярдәм», статья) ‘Действие в одиночку в таких делах не просто бесполезно, это будет вредно’.

Кроме того, в текстах обнаруживается употребление формы на *-ačaq* в третьем лице единственного числа, также, как и в преобладающем большинстве тюркских языков, в частности в современном татарском литературном языке, без каких-либо специальных грамматических показателей: *Čönki sullar ğyna xäzerge pravitelstvany häm any tözegän tärtiblären tämam süteb, böten xalyqğa fajdaly bulğan ğadel tärtiblär* ***jasyj alačaq*** («Б.т.», 1907, № 75, статья) ‘Потому что только левые, разобрав нынешнее правительство и устои, создавшие его, смогут создать полезные для всего народа справедливые правила’; *Bu kamisijä ešläb betkäč läixäse Milät mäclese tasdyjqyna* ***tabšyrylačaq*** («В.», 1909, № 513, «Әсаси законлар», заметка) ‘После того, как эта комиссия закончит работу, проект будет передан в Национальное собрание на утверждение’; *Bezneŋ xisabqa qarağanda, mondyj zararlar tülängän waqytda 4 belä 8 miliard arasynda aqča tülärgä* ***tuğry kiläčäk*** («К.», 1915, № 699, «Германиянең силях шартлары», статья) ‘По нашим подсчетам, если эти риски будут оплачены, придется заплатить от 4 до 8 миллиардов’.

Похожая ситуация наблюдается в текстах газет и при оформлении **третьего лица множественного числа**. Как правило, в данном случае форма будущего времени на *-ačaq* осложняется аффиксом числа *-lar/-lär*, к которому, в свою очередь, присоединяется аффикс сказуемости *-dyr/-der*: *Ällä ni qädär üzläreneŋ došmanlarynyŋ köčäjüwenä* ***säbäb bulačaqlardyr*** («Б.т.», 1906, № 30, «Кафказ вакыйгалары хакында», статья) ‘Они станут причиной усиления многих своих врагов’; *Kiräk daxildäge milätlär wä kiräk äcnäbi xökümätlär üzläreneŋ šul iske ğadätlärendän tiz genä* ***waz kičä almajačaqlardyr*** («В.», 1909, № 470, «Яңа Төркия вә солтанның тәхет хатбәсе», статья) ‘Ни народы, проживающие внутри страны, ни иностранные государства не смогут быстро отказаться от этих своих старых привычек’; *...bu suğyšlary Jaurupa tarixyna nindidä bulsa, qanly ber jaŋa säxifä* ***ačačaqlardyr*** («К.», 1915, № 699, «Катгый сугышлар башланды», статья) ‘...эти войны откроют в истории Европы какую-то новую кровавую страницу’.

Параллельно такому варианту в текстах газет также зафиксировано оформление третьего лица множественного числа без употребления аффикса сказуемости: *Savetda bärabär eš* ***küräčäklär*** *häm cämğyjätneŋ däwam itkän mödätendä bunlar savetda* ***qalačaqlar*** («Б.т.», 1906, № 45, «Хажитарханда “Шураи Ислам” җәмгыятенең мәҗлесе», отчет) ‘Будут рука об руку работать в Совете, и в случае продолжения работы общества, они останутся в составе совета’; *...jubile täbrige öčen Peterburğa barğan möselman deputatlar wä ğajrelär xäzer* ***bulačaqlar*** («В.», 1913, № 1131, «Дахили хәбәрләр», заметка) ‘...поехавшие в Петербург для поздравления с юбилеем мусульманские депутаты и другие будут готовы’; *...mili mäsälälärdäge taläblären möselmanlar učreditelnyj sabranijada* ***iğlam itäčäklär*** («К.», 1917, № 1165, «Демократлар киңәш мәҗлесе», отчет) ‘...мусульмане объявят свои требования по национальным вопросам на учредительном собрании’.

Отрицательная форма будущего времени на *-ačaq* в текстах газет оформляется при помощи аффикса глагольного отрицания *-ma/-mä*: *Küz aldymyzda torğan waqytda hič kire* ***qajtmajačaqmyz*** *hič ber došmandan*

quryqmajačaqmyz («Б.т.», 1906, № 39, «Беренче адым», статья) ‘Пока будет перед глазами, мы не будем двигаться назад, не будем бояться ни одного врага’; *Min isä mäsläk wä fikerdä anlarğa xäläf buldyqymdan, anlar arasynda baryber xedmät* ***tigerä almajačaqmyn*** («В.», 1909, № 426, «Сайладылар», фельетон) ‘Что касается меня, по причине того, что я их преемник в делах и идеях, все равно не смогу работать среди них’; *Čönki kiläčäkdä bezneŋ diŋgez säüdämez Danijä jäki Švetsijä ixtijarynda* ***bulmajačaq****…* («К.», 1917, № 1170, «Хәвефле вакыт», статья) ‘Потому что в будущем наша морская торговля не будет в полномочии Дании или Швеции...’.

Реже в текстах обнаруживается оформление отрицательного аспекта будущего времени на *-ačaq* аналитическим способом посредством применения постпозитивной отрицательной частицы *tügel* ‘не’. В данном случае личные аффиксы присоединяются не к глаголу, а непосредственно к частице: *Šunyŋ öčen Ingeltärä xökümäte Germanijäneŋ... kerüen hič* ***kütärä alačaq tügel...*** («В.», 1914, № 1544, «Тимер кыршау эчендә», статья) ‘Поэтому правительство Англии не сможет пережить вторжение Германии...’; *Ešlär bu räwešdä barğanda rizalyq* ***biräčäk dä tügelmen*** («К.», 1917, № 1170, письмо) ‘Если дела пойдут также, я и не дам разрешения’.

В отличие от формы на *-yr*, будущее время на *-ačaq* в текстах газет не характеризуется своей полисемантичностью. Его основным и наиболее широко распространенным значением является выражение ожидаемого действия, характеризующегося на семантическом уровне наличием оттенка категоричности утверждения: *17 nče oktäbr Sojuz partijasynyŋ Peterburqda sjezdlary* ***bulačaq*** («Б.т.», 1907, № 89, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘17 октября в Петербурге состоится съезд партии «Союз»’; *Maj bašynda sejma jaŋa sajlau* ***bulačaqdyr*** («В.», 1909, № 433, «Финляндия “Сейм”ы», статья) ‘В начале мая состоятся новые выборы в сейм’; *Leksijälär* ***jasajačaq*** *wä* ***jasatačaq****, čit šähärlärgä kešelär jebäreb möselman ğaskärilären* ***berläšderäčäk,...*** *wä bašqa šunyŋ kebi ešlär* ***ešläjäčäkder*** («К.», 1917, № 1100, «Казан мөселман хәрби комитеты», статья) ‘Будет читать лекции и организовывать прочтение

лекций, будет объединять мусульман-военных, отправляя в другие города людей,... и будет делать другие такого рода дела’.

Кроме того, в текстах обнаруживается конструкция, состоящая из глагола в форме на *-ačaq* в сочетании с перфектом вспомогательного глагола *bul* ‘будь’, выражающая значение долженствования или вынужденного действия в будущем: *Ägär bu jyl kijäügä* ***čyğačaq bulsa****, morca arqyly közgegä qarağač, közgedä üzläreneŋ bulačaq kijäüläreneŋ suräten kürälär* («К.», 1913, № 78, «Яз башы», статья) ‘Если в этом году должны будут выйти замуж, посмотрев через дымоход на зеркало, увидят в зеркале очертания своей будущей половинки’.

В текстах также зафиксировано употребление будущего времени на *-ačaq* в паре со вспомогательным глаголом *imeš* ‘будто бы’. Такое сочетание употребляется для выражения действия запланированного в будущем, но осложненного оттенком предположения по причине того, что говорящий услышал о нем со слов третьих лиц: *“Polza” širkätenä šunlarny da basdyryrğa ministr Ystalypindan maxsus röxsät* ***bireläčäk imeš*** («В.», 1909, № 428, «Толстой әсәрләре», статья) ‘Говорят фирме “Польза” будет выдано специальное разрешение от министра Столыпина и для их публикации’.

Как и в текстах литературных произведений, созданных в конце XIX – начале XX вв. на старотатарском литературном языке [Татар әдәби теле..., 2017, б. 611], форма будущего времени на *-ačaq* в текстах газет по сравнению с формой на *-yr* имеет меньшую степень распространения. Наиболее ярко наличие данного факта проявляется в текстах газеты «Борхане таракки». Прежде всего это объясняется постепенным вхождением в употребление формы на *-ačaq*, а также более широкой семантикой формы на *-yr*. В целом, функционирование в текстах газет формы на *-ačaq* подчеркивает наличие имевшего места в рассматриваемый период влияния османско-турецкого литературного языка на старотатарский литературный языка, в частности на язык татароязычной периодической печати, а также является свидетельством

наличия функционально-стилистической вариативности в старотатарском литературном языке начала XX века.

Таким образом, нами зафиксировано функционирование в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» двух форм будущего времени изъявительного наклонения. Форма на *-yr*, определяющаяся в качестве элемента традиционной общетюркской языковой нормы в старотатарском письменном литературном языке до начала XX века функционирует на протяжении многих столетий, в связи с чем в текстах газет характеризуется своей полисемантичностью и наиболее широким распространением. Показатель *-ačaq*, в первую очередь являющийся характерной особенностью огузских языков, проникает в старотатарский литературный язык через османско-турецкое посредство в первой половине XIX века, однако укореняется в языке постепенно и определенное стабильное употребление приобретает лишь в начале XX века в связи с новой волной османско-турецкого влияния. Стоит отметить, что тексты газеты «Борхане таракки» характеризуются наиболее широким распространением формы будущего времени на *-yr*, что в свою очередь приводит к пассивности в ее текстах показателя *-ačaq*. В текстах газет «Вакыт» и «Кояш», которые в хронологическом плане по сравнению с газетой «Борхане таракки» издавались чуть позже и отличались определенным стремлением к употреблению более поздних языковых элементов, напротив, форма на *-ačaq* обнаруживается активнее показателя будущего времени на *-yr*. Данный факт объясняется установлением определенных границ в вопросе семантического употребления рассматриваемых форм.

Функционирование в текстах рассматриваемых временных форм, а также употребление форм будущего времени в целом, не характеризуется наличием жанровой дифференциации. Вне зависимости от жанра, формы будущего времени на *-yr* и *-ačaq* в текстах газет употребляются, как правило, для выражения, соотвественно, нейтрально модального действия, следующего за моментом речи и действия, следующего за моментом речи и

осложненного значением категоричности. С долей условности можно утверждать, что в определенной степени более активным употреблением рассматриваемых форм будущего времени характеризуется жанр заметка, относящийся к информационным жанрам, где они активны при передачи новостной информации, ожидаемой в будущем.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

Как видно из материалов, морфологическая система текстов газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» характеризуется наличием грамматических показателей, свойственных как для кыпчакских, так и для огузских языков. Это позволяет нам говорить о функционировании в рамках текстов татароязычной арабографической периодической печати начала XX века, так называемого, огузированного варианта старотатарского письменного литературного языка, сформированного на основе лексико-грамматических показателей, присущих как старотатарскому, так и османско-турецкому литературным языкам рассматриваемого периода, с определенным соотношением традиционных общетюркских и народно-разговорных грамматических элементов. При этом, присутствие общетюркских грамматических элементов и элементов, характерных для османско-турецкого литературного языка в текстах каждой из исследуемых нами газет неодинаково.

Наиболее четко соотношение кыпчакских и огузских элементов в функционировании имени существительного демонстрирует ее падежная система. Так, в текстах газеты «Борхане таракки», параллельно с кыпчакским вариантом аффикса притяжательного падежа *-nyŋ/-neŋ* наиболее активно обнаруживается и огузский вариант *-yŋ/-eŋ*. Также здесь наряду с кыпчакским вариантом аффикса направительного падежа *-ğa/-gä, -qa/-kä* функционирует огузский вариант *-a/-ä, -ja/-jä*. Винительный падеж в текстах газеты «Борхане таракки» образуется как посредством аффиксов кыпчакского варианта *-ny/-ne*, так и посредством огузского варианта *-y/-e*, -

jy/-je. В текстах всех исследуемых нами газет для реализации форм исходного и местно-временного падежей, употребляются строго, соответственно, фонетические варианты *-dan/-dän* и *-da/-dä*, тогда как в современном татарском литературном языке, в зависимости от основы глагола, могут функционировать, соответственно, и фонетические варианты *-таң/-тән* и *-та/-тә.*

Как показали наши материалы, наибольшего отличия в употреблении грамматических показателей тексты газет демонстрируют при реализации в них глагольных форм. Так, неличные формы глагола, а именно, причастие, деепричастие, инфинитив и имя действия, функционируя в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», характеризуются рядом общих и отличительных свойств.

Для текстов всех трех газет характерно функционирование причастий прошедшего времени на *-ğan, -myš, -an, -dyq, -maqda ulan (bulğan)*, причастий настоящего времени на *-a torğan, -učy, -yrlyq*, а также причастий будущего времени на *-ačaq, -yr* и *-asy*. Как видно, среди перечисленных показателей наличествуют как кыпчакские, так и огузские языковые формы. В текстах каждой из газет эти показатели получили неодинаковое распространение.

Причастие прошедшего времени на *-ğan* в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» получило одинаково широкое распространение, а ее грамматические и семантические возможности в каждой из газет, как правило, не противопоставляются друг другу. Как показал фактический материал, употребляясь без определяемого слова, данная форма выражает значение констатации действия и имени действия. Графически такие значения сопровождаются употреблением различных падежных форм. Например, широкое распространение в текстах газет «Вакыт» и «Кояш» получила форма причастия прошедшего времени на *-ğan* в направительном падеже (*bulğanğa* ‘по причине того, что имеется’, *alğanğa* ‘по причине того, что взял’ и т.д.). В отличие от указанных газет, для текстов газеты «Борхане таракки» такое употребление причастия на *-ğan* не является характерным.

Для передачи соответствующего значения в них употребляется форма на -*ğan,* осложненная субстантивным аффиксом -*lyq* и аффиксом исходного падежа (*uqyğanlyqdan* ‘по причине того, что прочитал’, *belgänlekdän* ‘по причине того, что знал’ и т.д.). В текстах газеты «Борхане таракки» зафиксировано активное употребление причастия прошедшего времени на -*myš*, входящего в число первичных признаков, составляющих характеристику огузских языков. Однако в текстах газеты «Вакыт» функционирование данной формы крайне нерегулярное, а в газете «Кояш» она получила еще меньшую активность. Лишь в текстах газеты «Борхане таракки» зафиксировано регулярное функционирование огузского причастия прошедшего времени на -*an*. В текстах газеты «Вакыт» рассматриваемая форма встречается реже, а для текстов газеты «Кояш» она определяется в качестве вспомогательного грамматического элемента. Отличительной чертой употребления данной формы является ее активное использование с глаголом *ul, bul* ‘будь’. Еще одним ядерным элементом грамматической системы текстов газеты «Борхане таракки» является причастие прошедшего времени на -*dyq*. В текстах газеты «Вакыт» данная форма имеет ограниченное распространение и наиболее активно обнаруживается в ее более ранних номерах. Для газеты «Кояш» форма причастия прошедшего времени на -*dyq* не является системообразующим и обнаруживается лишь в текстах, язык которых оформлен на огузированном варианте старотатарского литературного языка начала XX века. В текстах газет «Борхане таракки» и «Вакыт» зафиксировано ограниченное употребление формы на -*maqda ulan (bulğan)*, которое своим присутствием подчеркивает имевшееся вплоть до начала XX века влияние османско-турецкого литературного языка на старотатарский письменный литературный язык.

Наиболее активной формой причастия настоящего времени, функционирующей в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» является аналитическая форма на -*a torğan*. В текстах газет также зафиксировано употребление традиционного для тюркских языков причастия

настоящего времени на *-učy*. Однако данная форма уступает в активности аналитической форме на *-a torğan* и наиболее регулярно употребляется лишь в текстах газет «Борхане таракки» и «Вакыт». Тексты газеты «Кояш» выделяются наиболее активным употреблением причастия настоящего времени на *-yrlyq*, которое образуется от причастия на *-yr* при помощи аффикса *-lyq/-lek*.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» одинаково активно функционирует огузская форма причастия будущего времени на *-ačaq*. При этом, в текстах всех газет зафиксировано ограниченное функционирование причастия будущего времени на *-yr*. Тексты газеты «Кояш» характеризуются наиболее активным употреблением формы на *-asy*. Функционирование рассматриваемой формы в текстах газеты «Борхане таракки» характеризуется как спорадическое, а для текстов газеты «Вакыт» форма на *-asy* не является характерной особенностью. В целом, по сравнению с формами причастий будущего времени на *-ačaq* и *-yr*, в текстах газет форма на *-asy* характеризуется наименьшей степенью распространения.

Деепричастие в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» представлено целым рядом показателей, функционирующих как в современном татарском литературном языке (*-yb, -a, -ğač, -ğančy*), так и характерных для огузских языков (*-araq, -madan, -masdan*). Одними из наиболее активных деепричастных форм, характерных для текстов каждой из газет, являются формы на *-yb* и *-ğač*. В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» формы деепричастий на *-a* и *-ğančy* получили ограниченное распространение. Наиболее активное употребление формы на *-a* наблюдается в текстах газеты «Борхане таракки». Форма на *-ğančy* характерна только для газет «Борхане таракки» и «Вакыт».

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» зафиксировано активное функционирование инфинитивной формы на *-yrğa*, характерной для современного татарского литературного языка. Чаще форма на *-yrğa* употребляется в сочетании с глаголами (*qaldyryrğa tyryšadyr* ‘старается

оставить’), в сочетании с модальными словами *jaryj*, *mömkin* ‘можно’, *riza* ‘согласен’, *tiješ* ‘должен’, *kiräk* ‘необходимо, нужно’и т.д. В текстах газеты «Борхане таракки» зафиксировано функционирование традиционной для тюркских языков формы на *-maq* в инфинитивной роли, тогда как в текстах газет «Вакыт» и «Кояш» она вытесняется более поздним показателем на *-yrğa*. Форма на *-maq*, как правило, употребляется в сочетании со вспомогательными глаголами *bul*, *ul* ‘будь’, *istä, telä* ‘хоти’, *cäsarät it* ‘решись’, модальными словами *kiräk, lazem* ‘необходимо, нужно’ или послелогами *öčen* ‘для’ и *üzere* ‘для того, чтобы’ и т.д. В текстах газеты «Борхане таракки» инфинитив также выражается при помощи формы на *-mağa*, являющейся характерной особенностью огузских языков, в частности, турецкого литературного языка.

В текстах газет имя действия выражается при помощи ряда грамматических показателей. Основной формой имени действия является форма на *-u*. В текстах газеты «Борхане таракки» для выражения значения имени действия также употребляется форма на *-maq*. В текстах газет «Вакыт» и «Кояш» форма на *-maq* употребляется менее активно и, как правило, в основном падеже или в составе конструкций, состоящих из имени действия на *-maq* и послелогов. Имя действия на *-ma* активно лишь в текстах, оформленных на огузированном варианте старотатарского литературного языка начала XX века.

В структурном плане формы прошедшего времени изъявительного наклонения, функционирующие в текстах следует разделять на синтетические и аналитические. К синтетическим формам относятся показатели прошедшего времени *-dy*, *-ğan* и *-myš*, тогда как в качестве аналитических форм, с разной степенью распространения, функционируют формы на *-ğan ide, -myš ide, -a ide, -jur ide, -maqda ide, -a torğan ide* и *-ačaq ide*.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» зафиксировано активное функционирование одной из наиболее ранних общетюркских

грамматических показателей – формы прошедшего времени на *-dy* и кыпчакского показателя прошедшего времени на *-ğan*. Наиболее широкое распространение форма на *-ğan* получила в текстах газеты «Кояш», тогда как в газете «Борхане таракки» ее функционирование ограничено в связи с активным параллельным употреблением синонимичного ей огузского показателя прошедшего времени на *-myš*. При этом, модель распространения формы на *-myš* в текстах газет отчетливо иллюстрирует начавшиеся в рамках старотатарского письменного литературного языка начала XX века процессы перехода от употребления традиционных общетюркских языковых форм к применению народно-разговорных. Так, наиболее распространенное употребление рассматриваемой формы зафиксировано в текстах газеты «Борхане таракки», где нагрузка по передаче значений прошедшего результативного времени разделены между формами на *-myš* и *-ğan*.

В текстах каждой из газет активно функционирует форма преждепрошедшего времени на *-ğan ide*. Если в текстах газет «Вакыт» и «Кояш» рассматриваемая форма определяется в качестве основной, то в текстах газеты «Борхане таракки» наблюдается конкуренция между двумя синонимичными показателями – более поздней формой на *-ğan ide* и более ранней формой на *-myš ide*. В плане функционирования формы на *-myš ide* тексты газеты «Борхане таракки» противопоставляются текстам двух других органов периодической печати. В текстах газеты «Вакыт» рассматриваемая форма прошедшего времени имеет ограниченное распространение и обнаруживается, как правило, в текстах, опубликованных до второго десятилетия XX века. В текстах газеты «Кояш», которая в хронологическом плане начинает издаваться позже предыдущих двух органов периодической печати, форма на *-myš ide* практически в полной мере вытеснена формой на *-ğan ide*.

Тексты газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» характеризуются активным функционированием формы прошедшего незаконченного времени на *-a ide*. В каждой из газет зафиксировано спорадическое функционирование

аналитической формы на *-maqda ide*, характерной для огузских языков. При этом, наиболее активна она в текстах газеты «Борхане таракки» в форме третьего лица обеих чисел. В текстах газет «Кояш» рассматриваемая форма характеризуется ограниченным распространением. В текстах газет «Вакыт» и «Кояш» зафиксировано употребление формы прошедшего многократного времени на *-a torğan ide,* которая к началу XX века еще не получила широкого распространения в рамках старотатарского литературного языка и является лишь вспомогательным грамматическим элементом. В текстах газеты «Борхане таракки», в отличие от текстов двух других органов периодической печати, зафиксировано употребление аналитической формы прошедшего времени на *-jur ide*. Тексты, где употребляется рассматриваемая форма, оформлены на огузо-турецком варианте старотатарского литературного языка начала XX века. В текстах каждой из газет зафиксировано функционирование одной из наиболее поздних аналитических показателей темпоральности в составе старотатарского литературном языка – формы на *-ačaq ide*.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» одинаково активно функционирует форма настоящего времени на *-a*. Одной из характерных особенностей газеты «Борхане таракки» является активное употребление огузской формы настоящего времени на *-jur*. Для грамматической системы текстов газет «Вакыт» и «Кояш», хронологические рамки издания которых затрагивают в большей степени второе десятилетие XX века, указанная форма определяется лишь как вспомогательная. В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» для выражения определенного семантического оттенка настоящего времени регулярно употребляется огузский показатель *-maqda*.

В каждой из газет зафиксировано употребление формы будущего времени на *-yr*. Однако наиболее активна она в текстах газеты «Борхане таракки». В отличие от текстов газет «Вакыт» и «Кояш», здесь форма на *-yr* употребительна и при передаче значения обычного, постоянного действия,

либо регулярного, закономерного характера лица, а также при выражении действия, совпадающего с моментом речи. В газетах «Вакыт» и «Кояш» указанная форма в этих значениях вытесняется показателем настоящего времени на *-a*. Огузская форма будущего времени на *-ačaq* обнаруживается в текстах каждой из газет. Наиболее активна она в текстах газет «Вакыт» и «Кояш», тогда как часть ее функций в текстах газеты «Борахне таракки» реализуются посредством формы на *-yr*.

Указанные грамматические категории наиболее отчетливо иллюстрируют имеющиеся различия в грамматических системах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш». Как показывают материалы, грамматическая система личных глагольных форм в текстах исследуемых газет также характеризуется своей неоднородностью. Наиболее поздние грамматические показатели, сегодня функционирующие в современном татарском литературном языке, находят применение, как правило, в текстах газеты «Кояш». Данный факт объясняется рядом экстралингвистических факторов, среди которых можно назвать хронологические рамки издания газеты, географическое местоположение редакции, языковые предпочтения редакторов и авторов конкретных статей. В текстах газеты «Борхане таракки» зафиксировано наиболее активное функционирование огузского морфологического пласта, который выступает в качестве одного из классификационных признаков этих текстов. Общее количество таких элементов в текстах газеты «Борхане таракки» больше, чем в текстах остальных газет. Причиной этому могла послужить концентрация на территории Астрахани начала XX века разных тюркских народов. Кроме того, основываясь на географическую составляющую, можно говорить и о влиянии на язык местного татароязычного населения, а следовательно, и на язык газеты «Борхане таракки», южного диалекта крымско-татарского языка в результате влияния просветительской деятельности И. Гаспринского, а также османско-турецкого языка через крымско-татарское посредство. Показатели личных глагольных форм, функционирующие в текстах газеты

«Вакыт», характеризуются смешанностью. Начиная со второго десятилетия прошлого столетия, в текстах газет «Вакыт» наблюдается постепенное вытеснение огузских языковых форм показателями, характерными для разговорной речи.

Заключение

В настоящем диссертационном исследовании проведен анализ жанровой, структурно-композиционной, лексико-стилистической и грамматической систем текстов газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш». Среди татарских газет, издававшихся в межреволюционный период 1905 – 1917 гг., мы остановили свой выбор именно на указанных органах периодической печати по нескольким объективным причинам. Тексты данных газет прежде не являлись предметом специальных научных исследований. Кроме того, вышеназванные газеты издавались на протяжении длительного отрезка времени в период с 1905 по 1917 гг., а именно, не менее пяти лет, что дало нам возможность работать с богатым фактическим материалом. Также исследованные нами материалы относятся к газетам, издававшимся в разных точках России, что не могло не повлиять на идеологический и политический, а следовательно и на жанровый и лингвистический характер их содержания. Помимо этого, при выборе объекта исследования нами было учтено, что именно Казань, Оренбург и Астрахань начала XX века являлись одними из наиболее ключевых городов на карте России в плане формирования национального самосознания и развития национальной периодической печати и издательской деятельности среди татар. Проведенная исследовательская работа позволила воссоздать обобщенную картину жанровой, структурно-композиционной, лексико-стилистической и грамматической системы арабографической татароязычной периодической печати начала XX века.

По результатам проведенного научного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Язык газеты является сложным функционально-стилевым единством, которое возникает в результате речетворческого процесса человека, обладает логической целостностью и отражается в форме газетного текста. При этом, язык газеты постоянно находится под влиянием тех или иных социокультурных условий, реагируя на внешние и внутренние перемены в

общественно-политической жизни. Как результат таких процессов, язык газеты характеризуется тематической универсальностью, а также стилистической многофункциональностю, так как в нем активно находят отражение как элементы письменного, так и народно-разговорного языка. Другими словами, язык газеты существует рядом и параллельно с функциональными стилями литературного языка, взаимодействуя с ними и не отрицая факта функционально-стилевого разделения речи. При этом, язык газеты меняет отношение к функциональным стилям. Они рассматриваются не как замкнутые системы языковых средств, а как открытые источники для формирования особого функционально-стилистического явления – языка газеты. Свою целостную форму, не разделенную на функциональные стили, литературный язык находит именно в языке газеты, где в зависимости от жанра текстов, можно обнаружить характерные особенности всех имеющихся в литературном языке функциональных стилей.

2. Начало XX века, в плане развития старотатарского письменного литературного языка и его дальнейшего преобразования в татарский национальный литературный язык, определяется в качестве одной из ключевых временных точек. Главным образом, данный факт был обусловлен общественно-политическими и экономическими изменениями, имевшими место во внутренней политике российского государства, которые привели к росту национального самосознания у народов, проживающих на территории Российской империи, в том числе и у татар. Именно эпоха бурного развития и перемен привела к необходимости организации национальной периодической печати. Так, в 1905 году в Санкт-Петербурге начинает издаваться первая татароязычная газета «Нур» («Луч»). Далее издания татароязычных органов периодической печати организуются и в других городах России. Всего в межреволюционный период 1905 – 1917 гг., на территории России издается свыше 120 наименований газет и журналов на татарском языке, часть которых за короткий период времени завоевывает огромную популярность среди населения и вносит определенный вклад в

дальнейшее становление и развитие как татарской нации в целом, так и татарского национального литературного языка.

3. Общественно-политические перемены и рост национального самосознания имели определенное влияние и на формирование лингвистической структуры старотатарского письменного литературного языка и языка татарской периодической печати рассматриваемого периода в частности. В этот период татарский национальный литературный язык формировался, наряду с текстами литературных произведений, в том числе и на страницах татарской периодической печати. Язык газеты послужил своего рода мостом между национальным и литературным языком и выполнял функцию усредненного языка нации, посредством и на основе которого у адресата формировались как восприятие политики, идеологии, искусства, литературы, и т.д., так и языковые нормы. В зависимости от предпочтения издателя и редакторов конкретного периодического издания, татарская периодическая печать стала средством продвижения в народные массы того или иного варианта старотатарского письменного литературного языка. Так, редакторы газеты «Тарджеман» в своих текстах используют упрощенный вариант османско-турецкого языка с преобладанием персидкой и арабской лексики, а редакторы газеты «Нур» – смешанный татарско-турецкий вариант с огузскими языковыми формами. Тексты издававшейся в Казани газеты «Казан мөхбире» основаны на языке казанских татар и обогащены словами и формами татарского народно-разговорного языка. Тексты газеты «Вакыт» и журнала «Шура», издававшиеся в Оренбурге, характеризуются широким распространением форм османско-турецкого языка рассматриваемого периода, элементы народно-разговорного языка, близкие широким слоям татароязычного населения, в них обнаруживаются лишь в качестве исключения. Издатели газеты «Йолдыз», наоборот, в своих текстах отказываются от лексических и грамматических форм, характерных для османско-турецкого языка. При этом, несмотря на то, что в текстах газеты «Йолдыз» все также использовались арабо-персидские языковые формы, они

употреблялись не на фоне огузских языковых элементов, как это было в текстах газеты «Вакыт», а функционировали параллельно с языковыми формами, характерными для традиционного старотатарского письменного литературного языка.

4. Тексты газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» являются показателем функционирования татароязычной арабографической периодической печати начала XX века в рамках единой жанровой системы. Как показали наши материалы, исходя из функции текста, объекта и предмета отображения, наличия или отсутствия выразительных средств, все тексты исследованных нами газет, можно разделить три жанровые группы: информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры. К информационным жанрам мы отнесли такие жанры, как заметка, отчет, репортаж, интервью, объявление и тексты статистических данных. В рамках группы аналитических жанров мы рассмотрели статью, обзор периодической печати, корреспонденцию, открытое письмо, рецензию и комментарий. В группе художественно-публицистических жанров были рассмотрены такие жанры, как очерк, фельетон и художественное повествование. С целью определения количественного соотношения жанровых групп, мы провели статистический анализ текстов, опубликованных в 50 номерах каждой из газет. В результате оказалось, что в газете «Борхане таракки» в 50 номерах было опубликовано 1029 текстов, среди которых имеется 878 текстов, относящихся к информационным жанрам, 144 текста относящихся к аналитическим жанрам, и 7 текстов, относящихся к художественно-публицистическим жанрам. В газете «Вакыт», в общей сложности, было опубликовано 1365 текста, из которых 1208 текстов относится к информационным жанрам, 147 текстов – к аналитическим жанрам, и 10 – к художественно-публицистическим. На страницах газеты «Кояш» опубликовано 1041 текст, 889 из которых относятся к информационным жанрам, 144 – к аналитическим, и 8 – к художественно-публицистическим. Как видно из вышеприведенных

статистических данных, преобладающее большинство текстов, опубликованных на страницах рассматривемых нами газет, относятся к информационным жанрам, тогда как тексты, относящиеся к художественно-публицистическим жанрам встречаются заметно реже.

Несмотря на наличие сформировавшейся к концу первого десятилетия XX века единой жанровой системы татарской периодической печати, система жанров газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» характеризуется наличием ряда индивидуальных характерных особенностей. Так, тексты отчетов, относящихся к информационным жанрам, в газетах получили сравнительно ограниченное распространение, а их количественное соотношение в каждой из газет имеет крайне неравномерный характер. В 50 номерах газеты «Борхане таракки» опубликовано 9 текстов отчетов, в газете «Вакыт» – 15, а в 50 проанализированных номерах газеты «Кояш» отчетов обнаружено не было. Тексты репортажей не являются системообразующими для газеты «Борхане таракки», чаще они обнаруживаются в газетах «Вакыт» и «Кояш». В 50 проанализированных номерах газеты «Вакыт» мы обнаружили 6 текстов репортажей, в газете «Кояш» – 12. В газете «Борхане таракки» текстов, относящихся к жанру репортаж обнаружено не было. Тексты интервью в жанровой системе татарской периодической печати начала XX века не являются системообразующими и определяются в качестве вспомогательного элемента. Из 150 номеров трех наименований газет лишь в одном номере газеты «Кояш» нами был зафиксирован текст, относящийся к данному жанру. Это объясняется тем, что наиболее широкое распространение рассматриваемый жанр получает лишь в середине второго десятилетия прошлого столетия на основе текстов Г. Камала, Г. Кулахметова, Ф. Амирхана и т.д.

Наиболее регулярно жанр обзор периодической печати, относящийся к аналитическим жанрам, обнаруживается среди текстов газеты «Борхане таракки». Однако эти тексты, по сравнению с текстами обзоров периодической печати, опубликованными в газетах «Вакыт» и «Кояш»

имеют ограниченный анализ, а чаще всего являются перепечатками текстов из других газет, то есть, представляют собой особый вид обзора периодической печати – малые формы обзора. Учитывая хронологию издания трех исследованных нами газет, данный факт говорит о поступательном характере развития жанровой системы татарской периодики. В целом, как показал проведенный нами статистический анализ, в 50 номерах газеты «Борхане таракки» опубликовано 15 текстов, относящихся к обзору периодической печати, в газете «Вакыт» и «Кояш» – по 6. В текстах исследованных нами газет жанр корреспонденция, по сравнению с другими аналитическими жанрами, представлен в ограниченном количестве. Наиболее регулярно корреспонденция обнаруживается среди текстов, опубликованных в газете «Кояш», а для газеты «Борхане таракки» она не является системообразующим жанром. В частности, среди рассмотренных нами 50 номеров каждой из газет тексты, относящиеся к жанру корреспонденция, в газете «Вакыт» встречаются 12 раз, в газете «Кояш» – 39. В газете «Борхане таракки» тексты корреспонденций обнаружены не были. Жанр рецензия не является системообразующим элементом жанровой системы исследованных нами газет. Ее ограниченное распространение зафиксировано лишь среди текстов газеты «Вакыт», что объясняется отсутствием устоявшейся жанровой системой в рамках татарской периодической печати начала XX века. Еще одним аналитическим жанров, функционирующим в текстах исследованных нами газет, является комментарий. По сравнению с газетами «Вакыт» и «Кояш», в газете «Борхане таракки» жанр комментарий имеет ограниченное распространение.

На титульной части газет «Вакыт» и «Борхане таракки» в качестве их типовой разновидности указано, что они являются политическими и литературными газетами. Однако, как показали наши материалы, художественно-публицистические жанры получили в них ограниченное распространение. Такая же ситуация наблюдается и в газете «Кояш». Данный факт объясняется тем, что в период формирования татарской периодической

печати основной ее задачей прежде всего являлось своевременное информирование населения. Как результат, тексты путевых очерков, опубликованные в газетах «Борхане таракки» и «Кояш», не входят в число системообразующих жанров. Наиболее регулярно данный жанр обнаруживается в газете «Вакыт», где в определенный период издания газеты основой для рассматриваемого жанра служат тексты Ф. Карими «Истанбул мәктүпләре». Одной из отличительных особенностей жанровой системы газеты «Кояш», является функционирование среди ее текстов такого художественно-публицистического жанра, как фельетон. Для газет «Борхане таракки» и «Вакыт», которые начали издаваться раньше газеты «Кояш», данный жанр не свойственен, что косвенно говорит о постепенном развитии жанровой системы татарской периодической печати начала XX века. Среди текстов исследованных нами газет обнаруживается определенное количество текстов поэтических и прозаических произведений, которые в рамках настоящей диссертационной работы были рассмотрены в рамках жанра художественное повествование. Наиболее регулярно стихотворения обнаруживаются среди текстов газет «Борхане таракки» и «Вакыт», что обусловлено их типовой разновидностью – они являются литературными газетами, что указано на их титульной части. При этом тексты прозаических произведений наиболее регулярно обнаруживаются на страницах газет «Вакыт» и «Кояш».

5. В зависимости от жанра, функционального назначения и тематической принадлежности, исследованные нами тексты характеризуются наличием структурно-композиционной и лексико-стилистической вариативности. При этом, тексты газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш», относящиеся к одному и тому же жанру, как правило, не противопоставляются друг другу в плане реализации структурно-композиционной и лексико-стилистической составляющих.

Как показывают наши материалы, структурно-композиционное строение текстов можно разделить на четыре типа, в соответствии с

которыми и происходит внутренняя организация их языковых элементов. Структурная композиция текстов, относящихся к таким информационным жанрам, как заметка, отчет, объявление и статистические данные основывается на фактологических структурах. Тексты, относящиеся к данным жанрам характеризуются особым функционированием категории оценочности, которая заключается, с одной стороны, в авторской субъективности, а с другой – в максимальной безоценочности. Исключением в этом плане могут считаться лишь тексты коммерческих объявлений, которые нацелены на информирование читателя и воздействие на него с целью реализации того или иного товара или услуги, что изначально подразумевает активацию категории оценочности. Кроме того, в текстах с фактологическим типом строения в целях эмоционального воздействия на адресата могут применяться и средства структурной организации текста. Так, в текстах заметок зафиксировано своеобразное, нацеленное на усиление выразительности, функционирование заголовков и зачинов, которые могут содержать информацию о месте или времени передаваемого в тексте совершившегося факта.

Основу таких жанров, как статья, рецензия, обозрение, корреспонденция, комментарий, а также, в зависимости от их содержания и авторских задач, основу некоторых текстов открытых писем, фельетонов и художественных произведений, составляют аргументирующие структуры. Такие тексты в структурном плане состоят из главного тезиса, вспомогательных тезисов и аргументирующей части. При этом, главный тезис может находится в любой точке текста, а не только в его начале. В текстах фельетонов, имеющих аргументирующий тип строения, посредством употребления выразительных языковых средств, аргументы могут приобретать психологическую форму.

Структурно-композиционное строение текстов репортажей, путевых очерков, а также, в зависимости от их содержания и задач, строение некоторых текстов художественных произведений, открытых писем и

фельетонов, основывается на описательные структуры. Характерной особенностью текстов с таким строением является своеобразная передача параметров времени. В данном случае наблюдательная временная точка автора располагается непосредственно в рамках временного отрезка описываемого события, в результате чего адресат получает возможность стать его полноправным очевидцем.

Структурная композиция текстов, относящихся к жанру интервью основана на диалогических структурах. Характерной особенностью композиции текстов данного типа является тот факт, что они состоят из диалогических единств. При этом, от формы подачи стимулирующей части зависит и строение реагирующей части, которая может быть плавного и ступенчатого типа.

Частотность функционирования тех или иных языковых средств, как правило, зависит от темы конкретного текста. Текстам информационных жанров, опубликованных в рассматриваемых нами газетах, как правило, характерно употребление общественно-политической лексики, что обусловлено их политической тематикой. В результате, такие тексты, по сравнению с текстами, относящимися к другим жанровым группам, характеризуются более активным функционированием в своем составе русских и западноевропейских заимствований. При этом, общественно-политическая тематика текстов не способствует повышению их эмоционально-экспрессивного фона, что делает лексико-стилистическую составляющую текстов строгим и безликим. Особо следует остановиться на лексико-стилистической композиции текстов объявлений и статистических данных, опубликованных в текстах исследованных нами газет. Их лексический состав также может варьироваться в зависимости от тематической принадлежности текстов. Так, часть текстов объявлений характеризуется активным функционированием русских и западноевропейских заимствований, реже – арабо-персидской лексики, как правило, относящихся к тематической группе общественно-политической и

официально-деловой лексики. При этом, тексты коммерческих объявлений имеют более высокий эмоционально-экспрессивный и оценочный уровень, чем тексты информационных объявлений, что связано с главной задачей объявлений коммерческого характера – информирование читателя об оказываемой услуге или товаре и воздействие на него с целью реализации того или иного товара или услуги. Тексты статистических данных, в свою очередь, характеризуются наличием лексики, связанной с продуктами питания и другими товарами, что также приводит к увеличению количества русских и западноевропейских заимствований.

Аналитические жанры характеризуются наличием более разнообразного тематического диапазона, что приводит к функционированию в их текстах как общественно-политической лексики, так и лексики, относящейся к сфере науки и образования, общеупотребительной, религиозной, повседневной, военной лексики и т.д. На лексическом уровне такая тематическая разнообразность приводит к активному употреблению как тюрко-татарской лексики, так и арабо-персидских, русских и западноевропейских заимствований. В отличие от информационных жанров, отсутствие жестких рамок политической тематики в аналитических жанрах приводит к активному применению широкого спектра средств языковой выразительности.

Тексты, относящиеся к художественно-публицистическим жанрам, главным образом, характеризуются наличием как публицистического, так и художественного начала, которому характерно активное применение средств языковой выразительности. Авторами таких текстов, как правило, являются представители национальной литературы, что непосредственным образом влияет на формирование как грамматических, так и лексико-стилистических особенностей текстов. Так, тексты, относящиеся к жанру художественное повествование, в отличие от текстов других жанров, характеризуются ограниченным присутствием лексических единиц, вошедших из русского и западноевропейских языков, что обусловлено тем, что язык текстов

литературных произведений является отражением языкового богатства и достояния национальной культуры народа. Кроме того, в данных текстах активно может быть использовано все лексико-стилистическое богатство языка, что повышает общий эмоционально-экспрессивный уровень текстов.

6. Тексты газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» оформлены на языке с преобладанием языковых особенностей, характерных для кыпчакских языков. Однако, в рамках тех или иных грамматических категорий, функционирующих в текстах газет, употребление кыпчакских морфологических форм в каждой из газет может иметь и менее распространенный характер. Наличием морфологической структуры, наиболее близкой к современному состоянию татарского литературного языка, характеризуются тексты газеты «Кояш». Как показывают наши материалы, язык текстов данной газеты основан на народно-разговорном варианте языка казанских татар. Прежде всего, данный факт обусловлен географическим принципом – газета издавалась в Казани – национальном и духовном центре татарского народа. Кроме того, газета «Кояш» занимает особое место в творчестве Ф. Амирхана, который ко второму десятилетию XX века стал приверженцем языкового татаризма. Его художественно-публицистические произведения активно публиковались в данной газете, а сам он являлся ответственным секретарем данного издания. Немаловажную роль в формировании грамматической системы газеты «Кояш» сыграли и ее хронологические рамки издания. Газета издавалась в 1912 – 1918 гг., в период, когда нормы татарского национального литературного языка уже начинают преобретать свои сформированные черты.

Несмотря на то, что тексты исследованных нами газет, в основе своей, созданы на базе грамматических показателей, характерных для кыпчакских языков, часть текстов оформлена на огузированном варианте старотатарского письменного литературного языка начала XX века. Такие тексты характеризуются наличием в своем составе определенной доли языковых элементов, присущих огузским языкам. Прежде всего, данный факт

объясняется чрезмерным функционированием в текстах газет традиционных общетюркских языковых форм и грамматических показателей, вошедших в употребление непосредственно через османско-турецкое посредство. Грамматические показатели огузского типа наиболее активны в текстах газеты «Борхане таракки». Такое языковое явление обусловлено уникальным географическим расположением Астраханской губернии, где издавалась данная газета. В Астрахани была налажена тесная связь с туркестанскими мусульманами и представителями Турции. Кроме того, просветительское движение мусульман Астраханской губернии была связана с издательской и педагогической деятельностью И. Гаспринского. Наличие в текстах газеты «Борхане таракки» большего количества огузских элементов, по сравнению с двумя другими исследованными нами органами периодической печати, также связано с ее хронологическими рамками издания. Она издавалась в 1906 – 1911 гг., в период, когда нормы татарского национального литературного языка еще не были сформированы окончательно. Употреблением определенного количества огузских элементов характеризуются и тексты газеты «Вакыт». В частности, активное функционирование огузских элементов наблюдается в текстах, опубликованных в более ранних номерах. На начальном этапе данная газета издавалась только три раза в неделю. При этом, большая часть номера состояла из текстов, подготовленных самими редакторами, а полученные редакцией тексты успевали подвергаться корректировке.

7. В составе именных частей речи элементы, характерные для огузских языков, наиболее активно обнаруживаются в грамматической системе имен существительных, в частности, при передаче категории числа и принадлежности. При этом, кыпчакские показатели лица при передаче значения принадлежности активны только в текстах газеты «Кояш».

Категория падежа имен существительных, функционирующих в текстах исследуемых нами газет, характеризуется своей смешанной огузо-кыпчакской структурой. Однако, падежная система имен существительных,

употребление которых зафиксировано в текстах газеты «Борхане таракки», отличается от функционирования падежных систем имен существительных двух других органов периодической печати. Так, в текстах газеты «Борхане таракки», параллельно с кыпчакским вариантом аффикса притяжательного падежа *-nyŋ/-neŋ,* наиболее активно обнаруживается и огузский вариант *-yŋ/-eŋ*. Также здесь наряду с кыпчакским вариантом аффикса направительного падежа *-ğa/-gä, -qa/-kä* функционирует огузский вариант *-a/-ä, -ja/-jä*. Винительный падеж в текстах газеты «Борхане таракки» образуется как посредством аффиксов кыпчакского варианта *-ny/-ne*, так и посредством огузского варианта *-y/-e, -jy/-je*.

Присутствие в текстах исследованных нами газет огузских грамматических элементов хорошо иллюстрирует функционирование неличных глагольных форм. Так, в текстах зафиксировано употребление причастий в формах на *-myš, -an, -dyq, -maqda ulan (bulğan), -ačaq,* деепричастий на *-araq, -madan, -masdan,* инфинитива на *-maq, -mağa*, а также форм имени действия на *-maq* и на *-ma*. Часть этих показателей вошла в грамматическую систему текстов газет из османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода и сыграла важную роль в формировании огузо-турецкого варианта старотатарского письменного литературного языка, а часть является традиционными общетюркскими элементами. Как показали наши материалы, преобладающее большинство приведенных огузских грамматических форм являются системообразующими для грамматической системы текстов газеты «Борхане таракки», либо, характеризуясь в качестве вспомогательных элементов, обнаруживаются только в текстах данной газеты. При этом, системообразующими для грамматических систем всех трех исследованных нами газет являются лишь форма причастия будущего времени на *-ačaq*, деепричастие на *-araq* и инфинитивная форма на *-ma*. Остальные элементы, являющиеся показателями присутствия в текстах газет «Вакыт» и «Кояш» грамматических форм, характерных для огузских языков, являются лишь вспомогательными, либо

не обнаруживаются в текстах данных газет вовсе, вытесняясь из употребления народно-разговорными формами. Особо выделяются в этом плане тексты газеты «Кояш», грамматическая система которых является наиболее близкой к современному состоянию татарского литературного языка.

Функционирование в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» в рамках личных глагольных форм грамматических элементов, характерных для огузских языков также характеризуется наличием похожей картины. В текстах газет зафиксировано употребление таких огузских форм, как показатель прошедшего результативного времени на *-myš*, аналитические формы прошедшего времени на *-myš ide, -maqda ide, -jur ide, ačaq ide*, показатели настоящего времени на *-jur* и на *-maqda*, форма настоящего времени на *-ačaq*. При этом, в плане распространения вышеприведенных глагольных форм, тексты газеты «Борхане таракки» противопоставляются текстам газет «Вакыт» и «Кояш». Преобладающее большинство данных огузских показателей являются системообразующими для грамматической системы газеты «Борхане таракки», тогда как в текстах газеты «Вакыт», а в особенности, в текстах газеты «Кояш» их функционирование заметно ослабевает и приобретает вспомогательный характер. Наиболее активными элементами, обнаруживающимися в текстах всех трех исследованных нами газет, является аналитическая форма прошедшего времени на *ačaq ide* и форма будущего времени на *ačaq*. Несмотря на противопоставление текстов исследованных нами газет в плане активности в них огузских показателей, функционирующих в рамках личных глагольных форм, рассмотренные формы характеризуются и едиными грамматическими особенностями, безотносительно к тому, в тексте какого издания они обнаруживаются. Так, грамматические показатели личных форм глагола, характерные для огузских языков, характеризуются наличием неполной парадигмы спряжения по лицам. Кроме того, приведенные выше глагольные формы, при спряжении по

лицам, могут принимать личные аффиксы, характерные как для кыпчакских языков, так и аффиксы, функционирующие в огузских языках.

Таким образом, язык газеты представляет собой самостоятельное функционально-стилевое единство. Как показали материалы, тексты татароязычной арабографической периодической печати, издававшейся в межреволюционный период 1905 – 1917 гг., несмотря на то, что рассматриваемый период является временем зарождения и становления татарской периодики, в результате постоянного нахождения в различных социокультурных условиях, характеризуются тематическим, композиционным и стилистическим разнообразием.

Как показал исследованный материал, информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры являются базовыми элементами жанровой системы газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш». Однако, не все функционирующие сегодня газетные жанры находят свое отражение среди исследованных текстов. Как правило, из информационных жанров чаще всего встречаются тексты заметок и отчетов, реже – репортажей и интервью. Среди текстов, относящихся к аналитическим жанрам, наиболее часто встречаются тексты статей, обзоров периодической печати, открытых писем, реже – тексты комментарий и рецензий. Среди художественно-публицистических жанров, встречающихся на страницах, рассматриваемых нами газет, следует назвать тексты путевых очерков и фельетонов. В зависимости от жанра, функционального назначения и тематической принадлежности, исследованные нами тексты характеризуются наличием структурно-композиционной и лексико-стилистической вариативности.

Результаты исследования грамматической системы газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» позволили определить важное значение в формировании морфологического строения текстов каждой из газет таких экстралингвистических факторов, как хронологические рамки издания

газеты, географическое местоположение редакции, языковые предпочтения редакторов и авторов конкретных статей.

Дальнейшие исследования по данной теме могут быть соотнесены с изучением жанровой, структурно-композиционной и морфологической системы татароязычной периодической печати послереволюционного и советского периода. В рамках такого научного изыскания существует возможность установить этапы развития грамматического, жанрового и композиционного построения текстов татарской периодической печати вплоть до начала 90-х годов прошлого столетия в диахроническом аспекте на фоне меняющейся общественно-политической ситуации в стране.

Список литературы

Источники

1. Борһане тәрәкъкый. – 1906 – 1911. – №№ 27 – 58, 74 – 89, 116, 72 (1909 г.), 96 (1909 г.), 139 (1911 г.), 145 (1911 г.).

2. Вакыт. – 1908 – 1917. – №№ 333, 335, 426, 428, 433, 438, 460, 470, 480, 486, 488, 495, 507, 513, 536, 550, 561, 563, 565, 583, 595, 617, 637, 640, 645, 700, 904, 910, 911, 921, 932, 942, 956, 970, 987, 1015, 1027, 1045, 1077, 1078, 1090, 1109, 1131, 1148, 1156, 1165, 1178, 1189, 1216, 1240, 1261, 1302, 1332, 1359, 1369, 1445, 1514, 1524, 1537 – 1539, 1544, 1568, 1598, 1632, 1634, 1731, 1737, 1752, 1768, 1776, 1781, 1793, 1804, 1816, 1824, 1830, 1842, 1849, 1856, 1955, 1957, 1960, 1967, 1976, 1984, 1996, 2041, 2053, 2064, 2100, 2112, 2117, 2127, 2136, 2143, 2206, 2247, 2250, 2254, 2261, 2263, 2267, 2271, 2273, 2278, 2285, 2295.

3. Кояш. – 1913 – 1918. – №№ 26, 49, 50, 52–54, 73, 75, 78, 108, 148, 161, 186, 247, 259, 303, 306, 321, 331, 345, 377, 385, 388, 427, 465, 485, 512, 549, 577, 596, 613, 656, 664, 679 – 699, 706, 731, 742, 799, 818, 858, 883, 889, 921, 928, 934, 940, 970, 981, 998, 1000 – 1022, 1045, 1060, 1064, 1073, 1082, 1086, 1100, 1102, 1114, 1122, 1130, 1136, 1155, 1165, 1166, 1170, 1174, 1206, 1208, 1222, 1242.

Научная литература

Литература на русском языке:

1. Абдуллин И.А. Описание первых произведений большевистской печати на татарском языке периода революции 1905 – 1907 годов / И.А. Абдуллин. – Казань: Таткнигоиздат, 1986. – 220 с.

2. Абилхасимов Б. Язык газеты «Дала уилаяты» (1888 – 1902 гг.): автореф. дис. …канд. филол. наук / Б. Абилхасимов. – Алма-Ата, 1966. – 28 с.

3. Абилхасимов Б.А. Казахский литературный язык второй половины XIX века (На материале казахской печати): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Б.А. Абилхасимов. – Алма-Ата, 1983. – 47 с.

4. Абрамович А.В. Особенности структуры описания и его композиционная роль в жанрах публицистики / А.В. Абрамович // Вопросы стилистики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. – С. 202 – 214.

5. Агазаде Н.Г. Категория наклонения в современном азербайджанском литературном языке: автореф. дис. ...д-ра филол. наук / Н.Г. Агазаде. – Баку, 1965. – 75 с.

6. Айымбетов М.К. Опыт лингво-статистического анализа лексики и морфологии каракалпакского публицистического текста / М.К. Айымбетов. – Нукус: Билим, 1991. – 128 с.

7. Алеева А.Х. О развитии жанра путевых записок (саяхатнаме) в татарской литературе / А.Х. Алеева // Вестник Чувашского университета, 2009. URL: [электронный ресурс] https://cyberleninka.ru/article/n/o-razvitii-zhanra-putevyh-zapisok-sayahetname-v-tatarskoy-literature (Дата обращения 21.05.2018).

8. Алексеев А.П. Аргументация. Познание. Общение / А.П. Алексеев. – М.: Наука, 1991. – 218 с.

9. Алиев В.Г. Причастие в азербайджанском и узбекском языках: – Автореф. дис.... канд. филол.наук / В.Г. Алиев. – Ташкент, 1965. – 23 с.

10. Амирханов Р.У. Татарская демократическая печать (1905 – 1907 гг.) / Р.У. Амирханов. – М.: Наука, 1988. – 191 с.

11. Амирханов Р.У. Татарская дореволюционная пресса (в контексте «восток-запад») / Р.У. Амирханов. – Казань: Таткнигоиздат, 2002. – 239 с.

12. Аналитические жанры газеты. Хрестоматия / Сост. В. Д. Пельт, М. З. Тузова. М.: Изд-во Московского университета, 1989. – 237 с.

13. Андреев Н.Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании / Н.Д. Андреев. – Л.: Наука, 1967. – 404 с.

14. Античные теории языка и стиля. Под ред. Фрейденберг. М.-Л., 1936. – 344 с.

15. Аргументация в публицистическом тексте: (Жанрово-стилист. аспект): Учеб. пособие / И. В. Гущина и др. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 242 с.

16. Арсланова А.И. Жанр информационной заметки в макроструктуре газетного текста (на примере немецких и российских газет) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета / А.И. Арсланова. – Челябинск: Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2012. – № 5. – С. 222 – 228.

17. Артыков Г. Лексический состав и морфологические особенности языка газеты "Туркменистан": автореф. дис. ... канд. филол. Наук / Г. Артыков. – Ашхабад, 1986. – 29 с.

18. Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России / А. Аршаруни, Х. Габидуллин. – Лондон: Репринтное издание Общества по исследованию Средней Азии, 1990. – 138 с.

19. Аскаров М.А. Газета «Казан мөхбире» («Казанский вестник») и ее роль в развитии татарской публицистики начала XX века: дис. …канд. филол. наук / М.А. Аскаров. – Казань, 2004. – 166 с.

20. Атлас татарских народных говоров / отв. ред.: Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хайрутдинова. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Казань: ИЯЛИ, 2015. – 632 с.

21. Ахабаев А. Статистический анализ лексико-морфологической структуры языка казахской публицистики (на материале газетных текстов за 1965 – 1966 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук – А. Ахабаев. – Алма-Ата, 1971. – 20 с.

22. Ахметгалеева Я.С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы» / Я.С.Ахметгалеева. – М.: Наука, 1979. – 191 с.

23. Ахметьянов Р.Г. Татарский язык в Волжско-Камском языковом союзе: автореф. дис. …докт. филол. наук / Р.Г. Ахметьянов. – Казань, 1993. – 36 с.

24. Баскаков Н.А. Развитие языка и письменности народов СССР (на материале тюркских языков) / Н.А. Баскаков // Вопросы языкознания. – 1952. – № 3. – С. 19 – 45.

25. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология / Н.А. Баскаков. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 2, ч. 1. – 451 с.

26. Баскаков Н.А. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы / Н.А. Баскаков // Сравнительная грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Ч. II. – С. 266 – 285.

27. Баканов Р.П., Симкачева М.В., Туманов Д.В. Журналистика для начинающих: язык современной прессы / Р.П. Баканов, М.В. Симкачева, Д.В. Туманов. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 256 с.

28. Балдуева Л.М. Особенности языка основных жанров современной бурятской газеты (на материале газеты «Буряад Үнэн»).: дисс. …канд. филол. наук / Л.М. Балдуева. – Улан-Удэ, 2000. – 144 с.

29. Бельчиков Ю.А. Анализ языка и стиля публицистических произведений / Ю.А. Бельчиков. – М.: МГУ, 1962. – 121 с.

30. Бельчиков Ю. А. Русский язык XX век / Ю.А. Бельчиков. М.: Изд-во МГУ. 2003. – 317 с.

31. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание / Ф.М. Березин, Б.Н. Головин. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.

32. Благова Г.Ф. Формы желательного наклонения в тюркских языках и тенденция к сверхнормальному их усложнению / Г.Ф. Благова // Советская тюркология. – 1973. – № 1. – С. 10 – 26.

33. Бобков А.К. Газетные жанры: учебное пособие. / А.К. Бобков. – Иркутск: Иркут. ун-т, 2005. – 64 с.

34. Бондалетов В.Д., Вартапетова С.С., Кушлина Э.Н., Леонова Н.А. Стилистика русского языка / В.Д. Бондалетов, С.С. Вартапетова, Э.Н. Кушлина, Н.А. Леонова. – Л.: Просвещение, 1982. – 286 с.

35. Брандес М.П. Стилистический анализ / М.П. Брандес. – М.: Высш. шк., 1971. – 202 с.

36. Бровкина Ю.Ю. Газетное рекламное объявление как речевой жанр: Риторический аспект: дисс. …канд. филол. наук / Ю.Ю. Бровкина. – Барнаул, 2000. – 187 с.

37. Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили / Р.А. Будагов. – М.: Высшая школа, 1967. – 376 с.

38. Будагов Р.А. Литературный язык // Большая советская энциклопедия. Том 14. Куна – Ломами. 3-е изд. / Глав. ред. А. М. Прохоров [Электронный ресурс]. – М.: Сов. энциклопедия, 1973. – 624 стр. // Режим доступа: http://alcala.ru/bse/izbrannoe/slovar-L/L12389.shtml (Дата обращения – 09.01.2019).

39. Буркитов О. Публицистический стиль казахского литературного языка (на материале периодической печати): автореф. дис. ...канд. филол. наук / О. Буркитов. – Алматы, 1966. – 23 с.

40. Былинский К.И. Язык газеты: Избр. Работы / К.И. Былинский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 304 с.

41. Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров / В.Н. Вакуров, Н.Н. Кохтев, Г.Я. Солганик. – М.: Высшая школа, 1978. – 184 с.

42. Валиева М.З., Мирхаев Р.Ф. К вопросу изучения языка старотатарских письменных текстов / М.З. Валиева, Р.Ф. Мирхаев // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2016 г. – №4 (73). – С. 125 – 128.

43. Валитова Ю.А. Иноязычные элементы в произведениях Г. Тукая (турецко-огузские элементы и арабские масдары): автореф. дис. ...канд. филол. наук / Ю.А. Валитова. – М., 1966. – 23 с.

44. Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка / А.Н. Васильева. – М., 1976. – 240 с.

45. Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль. Курс лекций по стилистике русского языка для филологов / А.Н. Васильева. – М., 1982. – 200 с.

46. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955, № 1. – 168 с.

47. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: изд-во АН СССР, 1963. – 256 с.

48. Виноградов В.В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1967. – 136 с.

49. Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1978. – 320 с.

50. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XII-XIX веков / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.

51. Винокур Г.О. Культура языка / Г.О. Винокур. – М., 1929. – 336 с.

52. Воронова А.В., Минакова Н.А. О некоторых лингвистических особенностях газетных медиатекстов [Электронный ресурс] / А.В. Воронова, Н.А. Минакова // Русистика. 2014. № 3. // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-lingvisticheskih-osobennostyah-gazetnyh-mediatekstov (дата обращения: 11.01.2021).

53. Выхрыстюк М.С., Федотова Д.Ю. Языковая специфика информационных рекламных объявлений газеты «Сибирский листок» // В мире научных открытий / М.С. Выхрыстюк, Д.Ю. Федотова. – Красноярск: ООО «Научно-инновационный центр», 2015. – № 9-1 (69) – С. 266 – 279.

54. Гаджиева Н.З. Синтаксис сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке (в историческом освещении) / Н.З. Гаджиева. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 220 с.

55. Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Среднеазиатский ареал / Н.З. Гаджиева. – М.: Наука, 1975. – 303 с.

56. Галиева Р.М. Татарские сатирические журналы начала XX века / Р.М. Галиева. – К.: Изд-во КГУ, 2010. – 181 с.

57. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 462 с.

58. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 140 с.

59. Гальперин И.Р. Сменность контекстно-вариативных форм членения текста / И.Р. Гальперин // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения. XI. – М.: Наука, 1982. – С. 18 – 29.

60. Ганкевич В.Ю. Очерки истории крымско-татарского народного образования / В.Ю. Ганкевич. – Симферополь: Таврия, 1998. – 164 с.

61. Гарипова Г.Ф. Морфологические особенности поэмы Кутба «Хосров и Ширин» (XIV в.): дис. ...канд. филол. наук / Г.Ф. Гарипова. – Казань, 2003. – 244 с.

62. Гарифуллин В.З. Композиционно-речевая и модально-темпоральная структура текста информационных жанров (на материале газеты "Социалистик Татарстан"): Дис. ... канд. филол. наук / В.З. Гарифуллин. – Казань, 1989. – 216 с.

63. Гарифуллин В.З. Типы структурной организации журналистского текста (на материале татарских газет) / В.З. Гарифуллин. – Казань: Таткнигоиздат, 1997. – 188 с.

64. Гарифуллин В.З. Лингвостилистическая система татарского газетного текста: Дис. …докт. филол. наук / В.З. Гарифуллин. – Казань, 1998. – 427 с.

65. Гарифуллин В.З., Зайни Р.Л. Концептуальные основы исследования истории татарской журналистики [Электронный ресурс] / В.З. Гарифуллин, Р.Л. Зайни // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2013.

№ 6. // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-issledovaniya-istorii-tatarskoy-zhurnalistiki (Дата обращения – 14.12.2018).

66. Гарифуллин В.З., Сабирова Л.Р. Татарская журналистика: исторический опыт и перспективы развития [Электронный ресурс] В.З. Гарифуллин, Л.Р. Сабирова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. № 4. // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tatarskaya-zhurnalistika-istoricheskiy-opyt-i-perspektivy-razvitiya (Дата обращения – 14.12.2018).

67. Гатин А.А. Фатих Карими и татарское общество в начале XX века / А.А. Гатин // Ученые записки Российского государственного социального университета. – М., 2008. – № 1. – С. 128-132.

68. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка / А.Н. Гвоздев. – М.: Просвещение, 1965. – 408 с.

69. Гиганов И. Грамматика татарского языка / И. Гиганов. – Спб.: Академия наук, 1801. – 187 с.

70. Горшков А.И. Теоретические основы русского литературного языка / А.И. Горшков. – М., 1983. – 160 с.

71. Грамматика современного башкирского литературного языка / Отв. ред. А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1981. – 495 с.

72. Григорьева О.Н. Публицистический стиль в системе функциональных разновидностей языка / О.Н. Григорьева // Язык средств массовой информа-ции: учеб. пособие. – М., 2008. – С. 355 – 366.

73. Грунина Э.А. Форма времени на -а/-е по памятникам турецкого языка / Э.Н. Грунина // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1966. – С. 78 – 91.

74. Грунина Э.А. Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении): автореф. дис. …д-ра филол. наук / Э.А. Грунина. – М.: 1975. – 57 с.

75. Грунина Э.А. О форме настоящего-будущего времени на -(о) в тюркских языках / Э.А. Грунина // Тюркологические исследования. – М.: Наука, 1976. – С. 94 – 111.

76. 42. Грунина Э.А. Учебное пособие по османско-турецкому языку / Э.А. Грунина. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 175 с.

77. Грунина Э.А. Историческая грамматика турецкого языка / Э.А. Грунина. – М.: Изд.-во Московского ун-та, 1991. – 223 с.

78. Гузев В.Г. Староосманский язык / В.Г. Гузев. – М.: Наука, 1979. – 95 с.

79. Гуревич С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс] / С.М. Гуревич. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 288 с. // Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text10/01.htm (Дата обращения – 18.04.2017).

80. Гусейнова А.А. Очерк как один из видов художественно-публицистического жанра (на примере татарского журнала «Сөембикә» / «Сююмбике») [Электронный ресурс] / А.А. Гусейнова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4-2 (58). Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ocherk-kak-odin-iz-vidov-hudozhestvenno-publitsisticheskogo-zhanra-na-primere-tatarskogo-zhurnala-s-embik-syuyumbike (Дата обращения – 14.12.2018).

81. Гусейнова А.А. Специфика функционирования художественно-публицистических жанров в татарской периодической печати (на примере журнала «Сююмбике»): дис. …канд. филол. наук / А.А. Гусейнова. – Казань, 2019. – 159 с.

82. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т.Г. Добросклонская. – М., 2008. – 203 с.

83. Дускаева Л.Р. Композиционно-стилистическая вариативность публицистической статьи: о соотношении литературных и речевых жанров в журналистском дискурсе / Л.Р. Дускаева // Медиалингвитсика. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. № 1 (6). С. 57 – 68.

84. Жанры советской газеты: учеб. пособие / М.С. Черепахов и др. М.: Высшая школа, 1972. – 424 с.

85. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Назрань: Издательство ООО «Пилигрим», 2010. – 487 с.

86. Жилякова Н.В. Система жанров «Сибирской газеты» (март-декабрь 1881 г., Томск) // Проблемы литературных жанров. Материалы IX Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня основания Томского государственного университета / Н.В. Жилякова. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 1999. – с. 292-296.

87. Завгарова Ф.Х. Татарская литература Астраханского региона в историко-культурном контексте (XIX – нач. XX вв.): дис. …канд. филол. наук / Ф.Х. Завгарова. – Казань, 2002. – 157 с.

88. Зайни Р.Л., Гусейнова А.А. Влияние татарской периодической печати на развитие национального языка // Современное телевидение: между национальным и глобальным. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Р.В. Даутовой, Л.Р. Хузеевой / Р.Л. Зайни, А.А. Гусейнова. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018. – С. 56 – 60.

89. Закиев М.З. Основные проблемы стилистики татарского текста / М.З. Закиев // Теоретические проблемы стилистики текста: Тезисы докл. – Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1985. – С. 14 – 16.

90. Закиев М.З. Татары: проблемы истории и языка: (Сб. ст. по пробл. лингвоэтноистории, возрождения и развития татар. нации) / М. З. Закиев. – Казань : Ин-т яз., лит. и истории, 1995. – 464 с.

91. Иванов М. Татарская грамматика / М. Иванов. – Казань: тип. Казан. Ун-та, 1842. – 331 с.

92. Иванова М.В., Клушина Н.И. Публицистика в истории русского литературногоязыка: от древнерусской словесности к интернет-коммуникации / М.В. Иванова, Н.И. Клушина // Русистика. 2018. №1.

[Электронный ресурс] // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/publitsistika-v-istorii-russkogo-literaturnogoyazyka-ot-drevnerusskoy-slovesnosti-k-internet-kommunikatsii (дата обращения: 19.04.2020).

93. Информационные жанры газетной публицистики. Хрестоматия / Под ред. В.Д. Пельта. М.: Изд-во Московского университета, 1986. – 296 с.

94. Исаев С.В. Становление и развитие языка казахской периодической печати: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Исаев. – Алма-Ата, 1974. – 106 с.

95. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология. / под общ. ред. чл.-кор. АН СССР Н.К. Дмитриева.– М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 336 с.

96. История татарского литературного языка (XIII – первая четверть XX в.) / сост. и отв. ред. Х.Р. Курбатов. – Казань: Фикер, 2003. – 472 с.

97. Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология / Ф.Г. Исхаков, А.А. Пальмбах. – М., 1961. – 472 с.

98. Кадирова Э.Х. Поэмы Мухаммадьяра «Тухва-и Мардан» и «Нур-и Содур»: Лексика / Э.Х.Кадирова. Казань: РИЦ «Дом печати». – 2001. – 232 с.

99. Кадирова Э.Х. Функционирование глагола or- в татарском языке (синхронно-диахронический аспект) // Филология и культура / Э.Х. Кадирова. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017. – № 4 (50). – С. 22 – 26.

100. Казак М.Ю. Язык газеты / М.Ю. Казак. – Белгород: ИД «Белгород», 2012. – 118 с.

101. Казембек А. Общая грамматика турецко-татарского языка / А. казембек. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1846. – 457 с.

102. Какорина Е.В. Стилистические изменения в языке газеты новейшего времени: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Какорина. – М., 1992. – 22 с.

103. Камнева Н.В. Языковые средства выражения образа адресата в региональном газетно-публицистическом дискурсе (на материале приложения «АиФ-Томск») / Н.В. Камнева // Вестник ТГПУ. 2016. №11 (176) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-vyrazheniya-obraza-adresata-v-regionalnom-gazetno-publitsisticheskom-diskurse-na-materiale-prilozheniya-aif-tomsk (дата обращения: 05.11.2020).

104. Каражаев Ю.Д. Некоторые особенности функционирования синтаксической системы в языке массовой коммуникации (На материале карачаево-балкарского языка) // Язык и массовая коммуникация: Социолингвистическое исследование / Под ред. Э.Г.Туманяна. – М.: Наука, 1984. – С. 106 – 110.

105. Кара-Мурза Е.С. Культура речи в рекламной деятельности // Журналистика и культура русской речи / Е.С. Кара-Мурза. – М., 1997. Вып. 3., с. 65.

106. Караулов Ю.Н. Язык СМИ как модель общенационального языка / Ю.Н. Караулов // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов международной конференции. – М., 2001. С. 15 – 18.

107. Каримова Р.А. Семантико-структурная организация текста / Р.А. Каримова. – Уфа, 1991. – 156 с.

108. Катанов Н.Ф. Материалы к изучению казанско-татарского наречия / Н.Ф. Катанов. – Казань, 1898. – 298 с.

109. Кафтанджиев Х. Гармония в рекламной коммуникации / Х. Кафтанджиев. – М.: Эксмо, 2005. – 85 с.

110. Кахужева (Тхабисимова) З.Г. Лингвостилистические особенности новостной заметки / З.Г. Кахужева (Тхабисимова) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. №1 [Электронный ресурс] // Режим доступа:

https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilisticheskie-osobennosti-novostnoy-zametki (Дата обращения – 14.02.2019).

111. Кемова К.В. Медиадискурс как объект междисциплинарного исследования / К.В. Кемова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 18. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2012. С. 34 – 42.

112. Кирсанова А.И., Кандалов В.И. Художественно-публицистические жанры периодической печати (на примере газеты «Московский комсомолец») // Россия и мир: развитие цивилизаций. Трансформация политических ландшафтов за период 1999-2019 годы. Материалы IX международной научно-практической конференции / А.И. Кирсанова, В.И. Кандалов. – М: Институт мировых цивилизаций, 2019. – С. 305 – 309.

113. Клушина Н.И. Семантические и стилистические изменения в лексике современной газеты (На материале газет 1989-1994 гг.): Дис. ... канд. филол. наук / Н.И. Клушина. – М., 1995. – 200 с.

114. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста / Н.И. Клушина. – М.: Медиа Мир, 2008. – 242 с.

115. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка / Е.Г. Ковалевская. Учебное пособие. – М.: Просвещение, 1992. – 303 с.

116. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи / А.Н. Кожин, О.А. Крылова, В.В. Одинцов. – М.: Высш. школа, 1982 – 223 с.

117. Кожина М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. - М.: Просвещение, 1977. – 223с.

118. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

119. Колесниченко А.В. Настольная книга журналиста / А.В. Колесниченко. – М.: Аспект Пресс, 2013 – 400 с.

120. Колесниченко А.В. Настольная книга журналиста / А. В. Колесниченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018 – 341 с.

121. Колтунова М.В. Язык и деловое общение: Нормы. Риторика. Этикет / М.В. Колтунова. – М.: Экономика, 2000. – 287 с.

122. Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка / А.Н. Кононов. – М. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 312 с.

123. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А.Н. Кононов. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 569 с.

124. Кононов А.Н. Грамматика тюркских рунических памятников (VII – XX вв.) / А.Н. Кононов. – Л.: Наука, 1980. – 256 с.

125. Коньков В.И. Речевая структура газетного текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.И. Коньков. – С.-Пб., 1996. – 51 с.

126. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология / И.В. Кормушин. – М.: Наука, 2008. – 342 с.

127. Коробушкин И.В., Коробушкина Н.Н. Грамматические особенности языка газеты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский язык нефилологам, теория и практика / И.В. Коробушкин, Н.Н. Коробушкина. – М.: РУДН, 2002. – № 3. – С. 5 – 9.

128. Костомаров, В.Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публицистики Текст. / В.Г. Костомаров. – М.: МГУ, 1971. – 265 с.

129. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи / В.Г. Костомаров. – М., 1994. – 247 с.

130. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В.Г. Костомаров. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.

131. Кривоносов А.Д. Жанры PR-текста: Учеб. пособие для студ. отделений связей с общественностью / А.Д. Кривоносов. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 138 с.

132. Кудрина И.В. Реклама в региональной прессе: история, особенности, жанры (на примере газеты «Хакасия») // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: контаминация и конвергенция гуманитарной мысли. Материалы XI Международной научно-практической конференции / И.В. Кудрина. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2016. – С. 216 – 218.

133. Кузьмина Х.Х. Лексика поэмы Кул Гали «Кыссаи Йусуф» / Х.Х. Кузьмина. – Казань, изд-во «ДАС», 2001. – 104 с.

134. Кузнецов П.И. Учебник турецкого языка. Начальный курс / П.И. Кузнецов. – М.: ИД «Муравей-Гайд», 2000. – 400 с.

135. Курмансеитова А.Х. Издательская деятельность Астраханских исламских обществ / А.Х. Курмансеитова // Восточный архив. 2008. № 17. С. 36 – 45.

136. Лазарева Э.А. Системно-стилистические характеристики газеты / Э.А. Лазарева. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1993. – 166 с.

137. Лазутина Г.В., Распопова С.С. Жанры журналистского творчества: учеб. пособие / Г.В. Лазутина, С.С. Распопова. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 319 с.

138. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана. 2-ое изд / О.А. Лаптева. – М.: УРСС, 2000. – 520 с.

139. Лингвистика текста и обучение ознакомительному чтению в средней школе / М.Д.Городникова и др. – М.: Просвещение, 1987. – 160 с.

140. Ляпун С.В. Газетная публицистика в парадигме лингвистических исследований XXI века / С.В. Ляпун // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/gazetnaya-publitsistika-v-paradigme-lingvisticheskih-issledovaniy-xxi-veka (дата обращения: 11.12.2020).

141. Мамедов Дж. А. Газетный стиль современного азербайджанского литературного языка: автореф. дис. ... канд. филол. Наук / Дж.А. Мамедов. – Баку, 1973. – 34 с.

142. Махмутов М.И. К вопросу об изменениях в лексике татарского языка // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции. В 3-х томах / М.И. Махмутов. – Казань, 1992. – Т.1. – с. 45 – 51.

143. Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка / Л.Т. Махмутова. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

144. Мещерский Н.А. История русского литературного языка / Н.А. Мещерский. – Л., 1981. – 280 с.

145. Миннуллин Б.К. Татарская газета “Борхане таракки”. Лингвистические исследования / Б.К. Миннуллин. – Казань: ИЯЛИ, 2012. – 300 с.

146. Миннуллин Б.К. Жанрово-стилистическая дифференциация татарской газеты начала XX века / Б.К. Миннуллин. – Казань: ИЯЛИ, 2019. – 220 с.

147. Мирхаев Р.Ф. Огузско-турецкие элементы в татарском литературном языке конца XIX – начала XX вв.: дисс. …канд. филол. наук / Р.Ф. Мирхаев. – Казань, 2003. – 175 с.

148. Мирхаев Р.Ф. Огузо-турецкий компонент татарского литературного языка (конец XIX – начало XX веков) / Р.Ф. Мирхаев. – Казань: Минитипография ИПИ АН РТ, 2007. – 208 с.

149. Мирхаев Р.Ф., Гумеров И.Г. Система форм существования татарского языка в конце XIX – начале XX вв. / Р.Ф. Мирхаев, И.Г. умеров // Филология и культура, 2015. – № 1 (39). – С. 49 – 53.

150. Мирхаев Р.Ф., Миннуллин Б.К. Старотатарский литературный язык в конце XIX – начале XX веков: функционально-стилистические особенности употребления деепричастия на -ып (-ур) / Р.Ф. Мирхаев, Б.К.

Миннуллин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 11. – Ч. 2. – С. 118 – 120.

151. Михайлов М.С. Форма на *-(у)асы* в турецком языке / М.С. Михайлов // Вопросы языка, литературы стран Востока. Ученые записки кафедр иностранных языков восточного факультета Института Международных отношений. – М., 1958. – с. 141 – 154.

152. Монне Т.А. Многоуровневый анализ языковых единиц политического газетного текста в России и Франции / Т.А. Монне // БГЖ. 2018. №2 (23). [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mnogourovnevyy-analiz-yazykovyh-edinits-politicheskogo-gazetnogo-teksta-v-rossii-i-frantsii (дата обращения: 20.01.2020).

153. Мубаракшина А.Р. Проблема турецкого текста в творчестве Габдуллы Тукая / А.Р. Мубаракшина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 3 (69): в 3-х ч. Ч. 1. С. 34 – 36.

154. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка / К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1964. – 344 с.

155. Мутовкин А.А. Жанры в арсенале журналистики. Ч. 2 / А.А. Мутовкин. Омск, 2006. – 46 с.

156. Мухаметдинов Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма / Р.Ф. Мухамметдинов. – Казань: Заман, 1996. – 270 с.

157. Мухаметшин Ф.М. Лексико-грамматические особенности газеты «Нур»: дис. …филол. наук / Ф.М. Мухаметшин. – Казань, 2007. – 171 с.

158. Наджип Э.Н. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века: автореф. дис.… докт. филол. наук / Э.Н. Наджип. – М., 1965. – 94 с.

159. Насилов В.Н. Древнеуйгурский язык / В.Н. Насилов. – М.: Изд-во вост. Лит., 1963. – 122 с.

160. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи / О.А. Нечаева. – Ула-Удэ: Бурятск. книжн. изд-во, 1974. – 261 с.

161. Негматуллов М.М. Роль и место огузских элементов в истории развития татарского языка: дис. …канд. филол. наук / М.М. Нигматуллов. – Казань: Инст. яз., лит. и ист. им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1983. – 223 с.

162. Некрасова М.С. О стилистической принадлежности газетного текста / М.С. Некрсова// Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2010. №2. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-stilisticheskoy-prinadlezhnosti-gazetnogo-teksta (дата обращения: 11.03.2019).

163. Низамов И.М. Язык современной татарской периодической печати: автореф. дис. …канд. филол. наук / И.М. Низамов. – Уфа, 1981. – 19 с.

164. Низамов И.М. Функционирование и развитие татарской речевой системы в массовой коммуникации: дис. …докт. филол. наук / И.М. Низамов. – Казань, 1996. – 436 с.

165. Нуриева Ф.Ш. «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари / Ф.Ш. Нуриева. – Казань: ФЭН, 1998. – 208 с.

166. Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода / Ф.Ш. Нуриева. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. – 376 с.

167. Нуруллина Р.М. Из истории татарской печати (демократические газеты 1905–07 гг.) / Р.М. Нуруллина. – Казань: Идел-Пресс. 2002. – 70 с.

168. Одинцов В.В. Стилистика текста / В.В. Одинцов. – М.: Наука, 1980. – 264 с.

169. Одинцов В.В. Стилистика текста / В.В. Одинцов. – М.: Издательство ЛКИ., 2007. – 264 с.

170. Орузбаева Б. Формы прошедшего времени в киргизском языке / Б. Орузбаева. – Фрунзе, 1955. – 62 с.

171. Панцерев К.А. Путевой очерк: эволюция и художественно-публицистические особенности жанра: дисс. …канд. филол. наук / К.А. Панцерев. – Санкт-Петербург, 2004. – 207 с.

172. Пельт В.Д. Дифференциация жанров газетной публицистики: учеб. пособие / В.Д. Пельт. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 48 с.

173. Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология / Л.А. Покровская. – М.: Наука, 1964. – 298 с.

174. Поспелов Г.Н. Проблема стилистики и проблемы стиля / Г.Н. Поспелов // Тезисы докладов межвузовской конференции по стилистике художественной литературы. – М., 1961. – 111 с.

175. Прохоров Г.С. Что такое «художественная публицистика»? / Г.С. Прохоров // Новый филологический вестник. № 3 (22). 2012. С. 44 – 52.

176. Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении / В.И. Рассадин. – М.,1978. – 288 с.

177. Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов / Л.В. Рахманин. – М.: Высшая школа, 1997. – 239 с.

178. Розенталь Д.Э. Наблюдения над синтаксисом языка газеты / Д.Э. Розенталь // Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды: печать, радио, телевидение, документальное кино. – М., 1980. С. 51 – 63.

179. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.

180. Сабирова Л.Р. Жанровая характеристика современной прессы Татарстана / Л.Р. Сабирова. 2012. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://kpfu.ru/docs/F1885287037/5.Zhanrovaya.harakteristika.sovremen..pressy.Tat.Inf.pole2012.pdf (Дата обращения – 18.12.2018).

181. Садовская Е.С. Типология публицистических жанров и литературно-критические тексты / Е.С. Садовская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. II. С. 156-159.

182. Салахов С.А. Степени прилагательных в тюркских языках юго-западной группы / С.А. Салахов. – Баку, 1985. – 121 с.

183. Сафина А.Р. Особенности жанров интернет-СМИ / А.Р. Сафина // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. № 2-1. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zhanrov-internet-smi (Дата обращения – 10.01.2019).

184. Сеитмеметова С.А. Жанры и типы публикаций в газете «Терджиман» // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: История / С.А. Сеитметова. – Симферополь, 2008. – Т. 21 (60). – № 1. – С. 43-51.

185. Семенов В.П. Характер взаимодействия информационной и воздействующей функций языка чувашской газеты и лексико-синтаксические средства их реализации: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.П. Семенов. – М., 1982. – 24 с.

186. Серебренников Б.А. Система времени татарского глагола / Б.А. Серебренников. – Казань: Изд.-во Казанского ун-та, 1963. – 75 с.

187. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. 2-е изд., испр. и доп / Б.А. Серебренников, Н.З. Гаджиева. – М.: Наука, 1986. – 301 с.

188. Сидельникова Е.А. Газетно-публицистический экономический дискурс как самостоятельный тип дискурса / Е.А. Сидельникова // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 2. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/gazetno-publitsisticheskiy-ekonomicheskiy-diskurs-kak-samostoyatelnyy-tip-diskursa (дата обращения: 15.03.2020).

189. Скнарина Е.Ю. Репрезентация информационных жанров в газете «Стахановское знамя» // Наука и мир в языковом пространстве. Сборник научных трудов 3-й Международной заочной научной конференции / Е.Ю. Скнарина. Макеевка: Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, 2017. – С. 148-153.

190. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. д-р филол. наук В.Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.

191. Сметанина С.И. Медиатекст в системе культуры / С.И. Сметанина. – СПб, 2002. – 383 с.

192. Современный казахский язык: Фонетика и морфология / Ред. коллегия: д-р филол. наук чл.-кор. АН КазССР проф. М.Б. Балакаев и др. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1962. – 452 с.

193. Современный татарский литературный язык / Ред. коллегия: Х.Р. Курбатов и др. – М.: Наука, 1969. – 380 с.

194. Солганик Г.Я. Лексика газеты / Г.Я. Солганик. – М.: Высш. шк., 1981. – 112 с.

195. Солганик Г.Я. Язык современной публицистики: сборник статей. - 2-е изд., испр / Г.Я. Солганик. – Москва: Флинта: Наука, 2007. – 230 с.

196. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков: Словообразование и морфология / под ред. проф. М.З. Закиева, Л.З. Шакировой. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. – 150 с.

197. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков. Морфология / авт.-сост.: Р.Р. Замалетдинов, М.Р. Саттарова, С.С. Сафонова, О.А. Чупрякова, З.Ф. Юсупова; под ред. проф. Р.Р. Замалетдинова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 180 с.

198. Сорокин Ю.С. К вопросу об основных понятиях стилистики // Вопросы языкознания / Ю.С. Сорокин. – М.: Академия наук СССР, 1954. – № 2. – 152 с.

199. Социальная практика и журналистский текст / под ред. Я.Н. Засурского, Е.И. Пронина. М.: Изд-во МГУ, 1990. – 173 с. 82.

200. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. – М.: Наука, 1984. – 483 с.

201. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. – М.:Наука, 1988. – 557 с.

202. Стилистика газетных жанров / Под ред. Д.Э. Розенталя. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 230 с.

203. Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста / под ред. А.Н.Кожина. – М.: Наука, 1987. – 238 с.

204. Татарская грамматика: в трех томах. Т. 2. Морфология / под. ред. М.З. Закиева. – Казань: Таткнигоиздат, 1997. – 397 с.

205. Татарская периодическая печать: Научно-энциклопедическое издание / Сост. и науч. ред. Р.А.Айнутдинов, З.З.Гилазев. – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. – 200 с.

206. Тенишев Э.Р. Избранные труды / Э.Р. Тенишев. Книга первая. – Уфа: Гилем, 2006. – 304 с.

207. Тенишев Э.Р. Избранные труды / Э.Р. Тенишев. Книга вторая. – Уфа: Гилем, 2006. – 380 с.

208. Тенишев Э.Р. Избранные труды / Э.Р. Тенишев. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 256 с.

209. Теория и практика советской периодической печати: Учеб. пособие для вузов / Д.Г. Бекасов, В.М. Горохов и др. / Под ред. В. Д. Пельта. – М., 1980. – 376 с.

210. Тепляшина А.Н. Языковая личность как субъект новой эстетики публицистического дискурса / А.Н. Тепляшина // Гуманитарный вектор. 2017. № 2 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-kak-subekt-novoy-estetiki-publitsisticheskogo-diskursa (дата обращения: 15.11.2020).

211. Тертычный А.А. Жанры периодической печати / А.А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 235 с.

212. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати. – 6-е изд., испр. и доп / А.А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 320 с.

213. Троянский А. Краткая татарская грамматика. Изд. испр. и доп / А. Троянский. – Казань: Изд-во дух. учеб. упр., 1860. – 234 с.

214. Туймебаев Ж. Индикативные формы глагола в казахском языке / Ж. Туймебаев. – Алма-Ата: Ана тили, 1992. – 109 с.

215. Тукай Г. Избранное / Г. Тукай. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1978. – 272 с.

216. Туманов Д.В. Жанры периодической печати / Д.В. Туманов. – Казань: Изд-во КГУ, 2002. URL: [электронный ресурс] http://textarchive.ru/c-1353288-pall.html (Дата обращения 13.04.2017).

217. Тырыгина В.А. Проблема жанра в массово-информационном дискурсе.: дисс. …докт. филол. наук / В.А. Тырыгина. – М., 2008. – 375 с.

218. Урусбиев И.Х. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке / И.Х. Урусбиев. – Черкесск: Карачаево-Черкесск. Кн. Изд-во, 1963 – 232 с.

219. Ученова В.В. Время и жанр. Современная советская журналистика. Вып. 1 / В.В. Ученова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – С. 172.

220. Фасеев Ф.С. Краткий грамматический справочник татарского языка / Ф.С. Фасеев // Татарско-русский словарь. – Москва: «Советская энциклопедия». – 1966. – с. 809-813.

221. Фасеев Ф.С. Старотатарская деловая письменность XVIII в. / Ф.С. Фасеев. – Казань: Тат. книго. издат., 1982. – 171 с.

222. Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет) / Л. Ферм. Uppsala, 1994. – 145 с.

223. Фомина Д.А. Комментарий в российской журналистике: особенности жанра, творческие приемы (на примере публикаций Ю. Щекочихина) / Д.А. Фомина // Вестник ВУиТ. 2018. №1 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kommentariy-v-rossiyskoy-zhurnalistike-osobennosti-zhanra-tvorcheskie-priemy-na-primere-publikatsiy-yu-schekochihina (Дата обращения – 11.12.2018).

224. Хабутдинов А.Ю. Татарское общественно-политическое движение в досоветский период: 1900 – 1918 / А.Ю. Хабутдинов. – Казань, 1997. – 62 с.

225. Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык / Ф.С. Хакимзянов. – М.: Наука, 1987. – 192 с.

226. Хакимзянов Ф.С. Варианты реализации поволжского литературного языка / Ф.С. Хакимзянов // Старотатарский литературный язык: исследования и тексты. – Казань, 1991. – С. 28 – 37.

227. Хаков В.Х. Язык и стиль публицистики в годы первой русской революции: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Х. Хаков. – Казань, 1961. – 19 с.

228. Халгаева Д.Д. «Светская хроника» как жанр женских электронных журналов (на материале русского и английского языков).: дисс. …канд. филол. наук / Д.Д. Халгаев. – Волгоград, 2015. – 200 с.

229. Халиуллина А.Р. Графо-фонетические и морфологические особенности тюркоязычного письменного памятника XIV в. «Кысас-ал Анбия» Насретдина Рабгузи: дисс. …канд. филол. наук / А.Р. Халиуллина. – Казань, 2002. – 229 с.

230. Хальфин И. Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в Казанской гимназии / И. Хальфин. – Казань: тип. Казан. ун-та, 1809. – 106 с.

231. Хисамова Ф.М. Причастие в современном татарском литературном языке: автореф. дис. …канд. филол. наук / Ф.М. Хисамова. – Казань, 1970. – 27 с.

232. Хисамова Ф.М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности XVI – XVII вв. / Ф.М. Хисамова. – Казань, 1990. – 154 с.

233. Хисамова Г.Г., Яковлева Е.А. Стилистика и культура речи: учебное пособие / Г.Г. Хисамова, Е.А. Яковлева. – Уфа, 1995. – 121 с.

234. Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России / Ф.М. Хисаомва. – Казань: Изд-во "Мастер Лайн", 1999. – 408 с.

235. Хомяков В.И., Андреева Е.А. Художественно-публицистические жанры печатных СМИ: история и современность: учебное пособие / В.И. Хомяков, Е.А. Андреева. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 304 с.

236. Хуринов В.В. Функционально-стилистическая дифференциация англоязычных научных и газетно-публицистических текстов (на мат. англ. языка): дисс. …канд. филол. наук / В.В. Хуринов. – Москва, 2009. – 272 с.

237. Хуснетдинов Р.М. Проблемы татарского литературного языка на страницах журнала «Шура»: дис. …филол. наук / Р.М. Хуснетдинов. – Казань, 2011. – 184 с.

238. Черепахов М.С. Проблемы теории публицистики / М.С. Черепахова. – М.: Мысль, 1973. – 269 с.

239. Чистякова О.Н. Основание социальной оценки в газетном тексте / О.Н. Чистякова // Русская и сопоставительная филология. Системно-функциональный аспект. – Казань: Изд-во КГУ, 2003. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://old.kpfu.ru/fil/kn7/index.php?sod=38 (Дата обращения – 18.04.2017).

240. Швец А.В. и др. Общественно-публицистический стиль речи / под ред. А.В.Швец. – Киев: Вища шк., 1984. – 143 с.

241. Швец А.В. Публицистический стиль современного русского литературного языка / А.В. Швец. – Киев: Вища шк., 1979. – 127 с.

242. Швец А.В. Разговорные конструкции в языке газеты / А.В. Швец. – Киев: Вища шк., 1971. – 95 с.

243. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1977. – 168 с.

244. Шушунова А.Н. Язык информационных жанров газеты «Хальмг Унн» // Гуманитарные исследования / А.Н. Шушунов. – Астрахань: Астраханский государственный университет, 2009. – № 3 (31). – С. 103 – 108.

245. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1957. – 187 с.

246. Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X – XIII вв. из Восточного Туркестана / А.М. Щербак. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 204 с.

247. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (имя) / А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1977. – 191 с.

248. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Наречие, служеб. части речи, изобразит. слова) / А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1987. – 149 с.

249. Элатик А.А. Элементы разговорного синтаксиса в языке современных российских электронных СМИ / А.А. Элатик // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №10-3 (64) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/elementy-razgovornogo-sintaksisa-v-yazyke-sovremennyh-rossiyskih-elektronnyh-smi (Дата обращения – 18.02.2019).

250. Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке / А.А. Юлдашев. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 195 с.

251. Юлдашев А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках / А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1977. – 270 с.

252. Юсупов Ф.Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка / Ф.Ю. Юсупов. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985. – 318 с.

253. Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола / Ф.Ю. Юсупов. – Казань: Тат. книго. издат., 1986. – 287 с.

254. Юсупов Ф.Ю., Юсупова Г.Ф. Категория принадлежности имени существительного татарского диалектного языка / Ф.Ю. Юсупов, Г.Ф. Юсупова // Языковые уровни и их анализ (на материале языков разных систем). – Казан: Gumanitariya (ТГГИ), 2001. – С. 72 – 86.

255. Юсупов Ф.Ю. Морфология татарского диалектного языка. Категории глагола / Ф.Ю. Юсупов. – Казань: Фэн, 2004. – 592 с.

256. Юсупов Ф.Ю. Татарский диалектный язык: грамматическая категория числа // Традиционная культура народов Поволжья. Материалы IV

Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Ф.Ю. Юсупов. – Казан: Ихлас, 2018. – С. 514 – 524.

257. Юсупова А.Ш. Двуязычная лексикография татарского языка XIX века / А.Ш. Юсупова. – Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2008. – 410 с.

258. Язык СМИ и политика / под ред. Г.Я. Солганика. – М. Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012 – 952 с.

259. Языки мира: Тюркские языки / гл. редкол.: В. Н. Ярцева (пред.) и др. – Москва: Индрик, 1997. – 542 с.

260. Якумова С.Г. Современные подходы к дифференциации газетных жанров // Сборник статей XII Международной научно-практической конференции «European scientific conference». В 2 ч.: ч. 1 / С.Г. Якумова. – Пенза: Наука и Просвещение, 2019. – С. 137 – 139.

261. Яхин. Ф.Х. Татарская литература периодической печати Уральска (1905 – 1907 гг.) / Ф.Х. Яхин. – Казань: Таткнигоиздат, 1992. – 126 с.

Литература на татарском языке:

262. Абдуллина Р.С. Стилистика һәм сөйләм культурасы мәсьәләләре / Р.С. Абдуллина. – Яр Чаллы, 1997. – 128 б.

263. Алпаров Г. Шәкли нигездә татар грамматикасы. (Телебезне гыйльми тикшерү юлында бер тәжрибә) / Г. Алпаров. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1926. – 164 б.

264. Алпаров Г.Х. Тел өлкәсендә марксизм-ленинизм практикасы өчен көрәшкә / Г.Х. Алпаров // Кызыл Татарстан. – 1931. – 22 июнь.

265. Алпаров Г. Сайланма хезмәтләр / Г. Алпаров. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1945. – 380 б.

266. Әмирханов Р.У. Иманга тугрылык / Р.У. Әмирханов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. – 384 б.

267. Бәширова И.Б. Татар әдәби теле тарихы: XIX гасыр ахыры – XX йөз башы / И.Б. Бәширова. – Казан: Казан дәүләт технология университеты нәшрияты, 1999. – 528 б.

268. Бәширова И.Б. Татар стилистикасының теоретик нигезләре / И.Б. Бәширова. – Казан, 2005. – 30 б.

269. Бәширова И.Б. Хәзерге татар әдәби теле. Семасиология: Татар лексикасында системалы бәйләнеш-мөнәсәбәтләр / И.Б. Бәширова.– Казан, 2006. – 192 б.

270. Бәширова И.Б. XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар әдәби теле: жанр стильләре, аерым грамматик категорияләрдә норма һәм вариантлылык / И.Б. Бәширова. – Казан, 2008. – 340 б.

271. Бәширова И.Б. Татар әдәби теле. Семасиология / И.Б. Бәширова. – Казан, 2010. – 532 б.

272. Бәширова И.Б. Төрки-татар язма әдәби теле нәзарияте: Гаяз Исхакый әсәрләре телен өйрәнү мәсьәләсенә карата // Фәнни Татарстан / И.Б. Бәширова. – Казан: Академия наук Республики Татарстан, 2018. – № 1. – б. 77-86.

273. Борынгы татар әдәбияты. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1963. – 576 б.

274. Вәлиди Җ. Татар теленең грамматикасы / Җ. Вәлиди. – Казан, 1919. – 175 б.

275. Вәлиди Җ. Сайланма хезмәтләр / Җ. Вәлиди. – Казан: Мәгариф, 2007. – 271 б.

276. Гарифуллин В.З. Газета текстының төзелеше / В.З. Гарифуллин. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1995. – 104 б.

277. Гарифуллин В.З. Журналист осталыгы / В.З. Гарифуллин. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 2004. – 175 б.

278. Гарифуллин В.З. Вакытлы матбугатта жанрлар / В.З. Гарифуллин. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 2007. – 120 б.

279. Гарифуллин В.З. Хәбәри журналистика / В.З. Гарифуллин. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 2014. – 92 б.

280. Гарәпчә – татарча – русча алынмалар сүзлеге: ике томда. – Казан: Иман, 1993. – 853 б.

281. Гыймадиева Л.И. Исмәгыйль Гаспралының «Тәрҗеман» газетасы (1883 – 1918) теленә тарихи-лингвистик анализ: филол. фән. канд. ... дис / Л.И. Гыймадиева. – Казан, 2000. – 164 б.

282. Җәләй Л. Татар теленең тарихи морфологиясе (очерклар) / Л. Җәләй. – Казан: ИЯЛИ, 2000. – 118 б.

283. Зәкиев М.З. Төрки-татар этногенезы / М.З. Зәкиев. – Казан: Фикер. – Мәскәү: Инсан, 1998. – 624 б.

284. Ибраһимов Г. Татар сарыфы / Г. Ибраһимов. – Казань: лит.-тип И.Н. Харитонова, 1911. – 82 б.

285. Ибраһимов Г. Татар сарыфы / Г. Ибраһимов. – Казан: Сабах, 1918. – 84 б.

286. Ибраһимов Г. Милләт. Тел. Әдәбият. Сайланма хезмәтләр / Г. Ибраһимов. – Казан: Мәгариф, 2007. – 239 б.

287. Ибраһимов С.М. Газета теле / С.М. Ибраһимов. – Казан: КДУ нәшр., 1964. – 134 б.

288. Ибраһимов С.М. Синтаксик стилистика / С.М. Ибраһимов. – Казан: КДУ нәшр., 1989. – 149 б.

289. Ишмуратов А.Г. Некоторые языковое и стилистические особенности большевистской газеты «Урал»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Г. Ишмуратов. – Казань, 1956. – 15 с.

290. Йосыпов Ф.Й. Татар теленең диалектлары. Урал сөйләшләре / Ф.Й. Йосыпов. – Казан: Мәгариф, 2003. – 349 б.

291. Йосыпов Р.А. Мәгълүмат чаралары теле һәм сөйләм культурасы / Ф.Й. Йосыпов. – Казан. – ТДГПУ, 2007. – 193 б.

292. Кәримуллин Ә.Г. Китап дөньясына сәяхәт: татар басма сүзенең сәхифәләреннән / Ә.Г. Кәримуллин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. – 208 б.

293. Курбатов Х.Р. Хәзерге татар әдәби теленең стилистик системасы / Х.Р. Курбатов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1971. – 191 б.

294. Насыйри К. Әнмүзәҗ / К. Насыйри. – Казан, 1895. – 86 б.

295. Низамов И.М. Матбугатның тәэсирле сүзе / И.М. Низамов. – казан: Тат.кит.нәшр., 1981. – 144 б.

296. Низамов И.М. Уем – тел очында / И.М. Низамов. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1995. – 287 с.

297. Нугайбәк Г. Төрлек / Г. Нугайбәк. – Казань: лит.-тип И.Н. Харитонова, 1911. – 80 б.

298. Рамазанов Ш.А. Татар теле буенча очерклар / Ш.А. Рамазанов. – Казан: Тат. кит. нәшр, 1954. – 200 б.

299. Татар әдәби теле тарихы (XIII – XX йөз башы) / И.Б. Бәширова, Ф.Ш. Нуриева, Э.Х. Кадыйрова, Р.Ф. Мирхәев; фәнни ред. Ф.М. Хисамова. – Казан: ТӘhСИ, 2017. – II т.: Морфология. Грамматик категорияләрнең структур-субстанциональ үзенчәлеге һәм функциональ-стилистик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. – 888 б.

300. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И.Б. Бәширова, М.З. Вәлиева, Г.Ф. Гайнуллина, Х.Х. Кузьмина; фәнни ред. Ф.С. Баязитова. – Казан: ТӘhСИ, 2019. – III т.: Лексика. Лексик-семантик категорияләрнең инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Беренче кисәк. – 528 б.

301. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И.Б. Бәширова, М.З. Вәлиева, Р.Ф. Мирхәев; фәнни ред. Ф.С. Баязитова. – Казан: ТӘhСИ, 2020. – III т.: Лексика. Лексик-семантик категорияләрнең инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Икенче кисәк. – 560 б.

302. Татар әдәбияты тарихы: алты томда Т. II. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – 575 б.

303. Татар вакытлы матбугаты (1905 – 1924). Библиографик күрсәткеч / фәнни редакторы – тар. фән. докт., академик М.Г. Госманов – Казан: Рухият, 1999. – 311 б.

304. Татар грамматикасы: өч томда. Тулыландырылган 2 нче басма / проект. җит. М.З. Зәкиев. – Казан: ТӘһСИ, 2016. – т. II. – 432 б.

305. Татар лексикологиясе: өч томда / проект җит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. – Казан: ТӘhСИ, 2016. – Т. II. – 392 б.

306. Татар халык сөйләшләре: Ике китапта: Беренче китап / Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хәйретдинова һ.б. – Казан: Мәгариф, 2008. – 463 б.

307. Татар халык сөйләшләре: Ике китапта: Икенче китап / Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хәйретдинова һ.б. – Казан: Мәгариф, 2008. – 495 б.

308. Тумашева Д.Г. Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе / Д.Г. Тумашева. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1964. – 299 б.

309. Тумашева Д.Г. Хәзереге татар әдәби теле. Морфология / Д.Г. Тумашева. – Казан: КДУ нәшр., 1978. – 221 б.

310. Тукай турында хатирәләр / Төзүчеләр һәм текстларга аңлатма бирүчеләр: И. Нуруллин, Р. Якупов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1976. – 191 б. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://gabdullatukay.ru/tukay-science/contemporary/galiesgar-gafurov-chygtaj-gabdulla-merhum-tukaj-hakynda-hosusyj-yadkar/ (Дата обращения – 10.12.2018).

311. Фәезханов Г. Татар теленә кыскача гыйльми сарыф / Г. Фәезханов. – Казань. – Изд-во Казан. ун-та, 1887. – 32 б.

312. Хаҗиева Г.С. Татар антропонимиясендә ясалма номинациянең төре буларак псевдонимнар / Г.С. Хаҗиева // Габдулла Тукай һәм төрки дөнья: Халыкара конференция материаллары. – Казан, 2016. – 418 – 422 б.

313. Хаков В.Х. Беренче рус революциясе елларында татар публицистикасының теле һәм стиле: филол. фән. канд. ...дис / В.Х. Хаков. – Казан, 1961. – 320 б.

314. Хаков В.Х. Тел һәм стиль мәсьәләләре / В.Х. Хаков. – Казан. – Казан: КДУ нәшр., 1961. – 160 б.

315. Хаков В.Х. Татар теле стилистикасына кереш / В.Х. Хаков. – Казан. – Казан: КДУ, 1963. – 168 с.

316. Хаков В.Х. Татар әдәби теле тарихы буенча очерклар / В.Х. Хаков. – Казан. – Казан, 1965. – 120 б.

317. Хаков В.Х. Татар милли әдәби теленең барлыкка килүе һәм үсеше / В.Х. Хаков. – Казан: КДУ нәшр., 1972. – 224 б.

318. Хаков В.Х. Стилистика һәм сүз сәнгате / В.Х. Хаков. – Казан. – Казан: Тат. кит.нәшр., 1979. – 158 б.

319. Хаков В.Х. Татар әдәби теленең совет чорында үсеше. 20–30 нчы еллар / В.Х. Хаков. – Казан. – Казан: КДУ нәшр., 1985. – 150 б.

320. Хаков В.Х. Татар әдәби теле тарихы / В.Х. Хаков. – Казан. – Казан, 1993. – 329 б.

321. Хаков В.Х. Татар әдәби теле: (Стилистика) / В.Х. Хаков. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1999. – 302 б.

322. Хаков В.Х. Тел – тарих көзгесе (Татар әдәби теленең үсеш тарихыннан) / В.Х.Хаков. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2003. – 295 б.

323. Хангилдин В.Н. Татар теле грамматикасы / В.Н. Хангилдин. – Казан. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. – 641 б.

324. Хангилдин В.Н. Татар теле культурасының кайбер мәсьәләләре / В.Н. Хангилдин. – Казан, 1976. – 94 б.

325. Хисамова Ф.М. XVIII йөздәге татарча эш кәгазьләренең тел үзенчәлекләре / Ф.М. Хисамова. – Казан: КДУ нәшр., 1981. – 161 б.

Литература на иностранных языках:

326. Bell A. The Language of News Media (Language in Society) / A. Bell. – Oxford: Wiley-Blackwell, 1999. – 296 p.

327. Bülbül R. Haberin anatomisi ve temel yaklaşımlar / R. Bülbül – Ankara: Nobel Akademik Yayincilik, 2001. – 332 s.

328. Cook G. The Discourse of Advertising / G. Cook. – London and New York: Routledge, 2001. – 256 p.

329. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press / R. Fowler. – New York: Routledge, 2015 – 272 p.

330. Girgin A. Yazılı Basında Haber ve Habercilik Etik'i / A. Girgin. – İstanbul: İnkılâp Kitabevi, 2003 – 343 s.

331. Kahya H. Cumhuriyet Dönemi Gazete Haber Dili Üzerinde statistiksel Bir Aratırma (Cumhuriyet Gazetesi Örnei) / H. Kahya // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2008. Volume 1/4 [Электронный ресурс] // Режим доступа:https://www.sosyalarastirmalar.com/cilt1/sayi4/sayi4pdf/kahya_hayrullah.pdf (Дата обращения – 19.10.2020).

332. Öner M. Bügünkü Kıpçak Türkçesi (Tatar, Kazak ve Kırgız Lehçeleri Karşılaştırmalı Grameri) / M. Öner – Ankara: Türk Dil Kurumu, 1998. – 270 s.

333. Simon-Vandenbergen A.M. The grammar of headlines in the Times 1870 – 1970 / A.M. Simon-Vandenbergen. – Brussel: Paleis der Academien, 1988. – 362 p.

334. Tokgöz O. Temel Gazetecilik / O. Tokgöz. – Ankara: İmge Kitabevi, 2000. – 428 s.

335. Yağbasan M., Demir Ü. Basin dili ve gazete manşetlerinin dilbilimsel analizi / M. Yağbasan, Ü. Demir // e-Journal of New World Sciences Academy. 2008. Volume 3, № 1 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/186853 (Дата обращения – 19.04.2020).

Приложение

Обозначение на основе латинской графики	Обозначение на основе кириллицы	Обозначение на основе арабской графики	**Обозначение на основе латинской графики**	Обозначение на основе кириллицы	Обозначение на основе арабской графики
A a	А а	آ, ا, ه (ە)	**U u**	У у	او, و
Ä ä	Ә ә	ا , ه (ە), ئ	**Ü ü**	Ү ү	او, و
B b	Б б	ب	**L l**	Л л	ل
C c	Ҷ ҷ	ج	**M m**	М м	م
Č č	Ч ч	چ, ج	**N n**	Н н	ن
D d	Д д	د	**V v**	В в	و, ۋ
E e	Э э, Е е	ى (ي), ا, و	**S s**	С с	ث, ص, س
F f	Ф ф	ف	**Z z**	З з	ظ, ض, ذ, ز, د
Ğ ğ	Г г	غ, ع	**T t**	Т т	ة, د, ط, ت
G g	Г г	غ, گ, ک	**R r**	Р р	ر
K k	К к	ق, ک, ك	**X x**	Х х	ح, خ
Q q	К к	ق	**J j**	Й й	ى (ي)
Ŋ ŋ	Ң ң	ڭ, ك, ڭ	**W w**	В в	ۋ, و
H h	Һ һ	ھ	**O o**	О о	او, و
Š š	Ш ш	ش	**Ö ö**	Ө ө	او, و
P p	П п	ب, پ	**Y y**	Ы ы	و, ا, (ي) ى
I i	И и	ى (ي), ايـ , ا, ه	**Ž ž**	Ж ж	ژ